

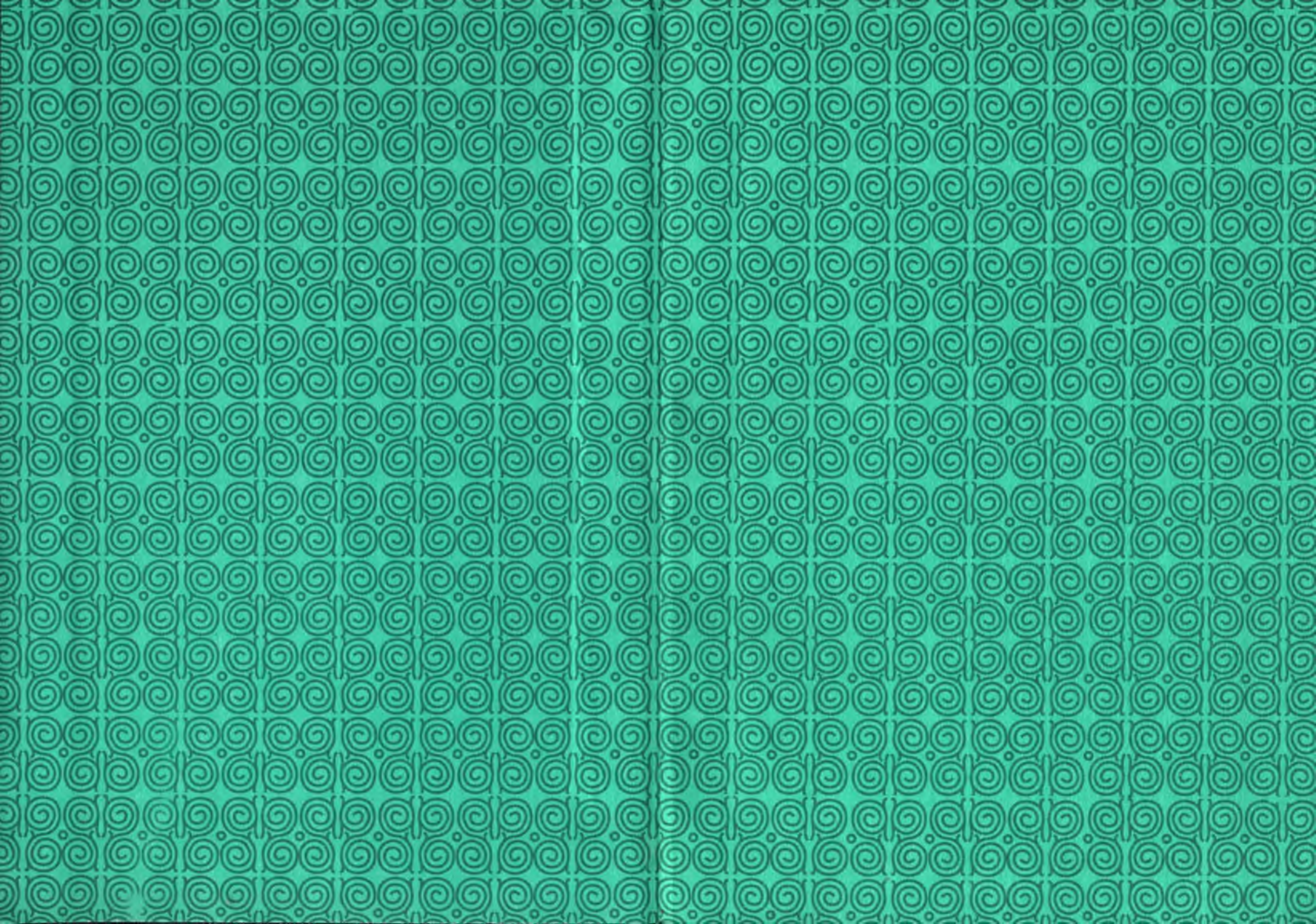
АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

ИСТОРИКИ и ИСТОРИЯ

ЖИЗНЬ
СУДЬБА
ТВОРЧЕСТВО

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

ИСТОРИКИ *и* ИСТОРИЯ

Ж И З Н Ь
С У Д Ь Б А
Т В О Р Ч Е С Т В О

1

ОСТОЖЬЕ
МОСКВА 1997

Впервые любителям истории предлагается сборник, содержащий биографические данные о жизни и судьбе историков, а также краткие характеристики их творчества. Приводятся отрывки из наиболее характерных трудов, а список литературы, помещенный в конце двухтомника, дает возможность желающим составить себе более широкое представление о людях, создавших историю как науку.

ISBN 5-86095-095-0

© Автор. Б. Тормасов, 1997
© Оформление. С. Морозов, 1997
© Издательство «Остожье», 1997
© ПП ИПФ «Ставрополье», 1997

СПИСОК ИСТОРИКОВ

ГЕРОДОТ	7
ФУКИДИД	42
КСЕНОФОНТ	80
ПОЛИБИЙ	104
ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ	143
ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП	182
СТРАБОН	201
ТИТ ЛИВИЙ	226
ПЛИНИЙ СТАРШИЙ (ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД)	254
ИОСИФ ФЛАВИЙ	277
ПЛУТАРХ	316
ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ	364
ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛ	384
АММИАН МАРЦЕЛЛИН	406
КАССИОДОР	435
ИОРДАН	440
ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ	446
ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ	474
МИХАИЛ ПСЁЛЛ	499
ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН	531
РОБЕР ДЕ КЛАРИ	554
ЛОРЕНЦО ВАЛЛА	570
МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО ДИ БЕРНАРДО	575
ТОМАС МОР	603

СПИСОК ИСТОРИКОВ

ВАЗАРИ ДЖОРДЖО 633

ЖАН БОДЕН 647

**ФРЭНСИС БЭКОН,
БАРОН ВЕРУЛАМСКИЙ,
ВИКОНТ СЕНТАЛЬБАН 650**

МИЛЬТОН ДЖОН 668

КЛАРЕНДОН ЭДУАРД ХАЙД 694

ГЕРОДОТ

484 — ок. 425–431 гг. до н. э.

Жизнь

Геродот родился в малоазиатском городе Галикарнассе. В молодом возрасте принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса.

В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, а сам Геродот был вынужден покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, приютивший его в трудную минуту жизни, поэтому он называл его «наиболее выдающимся из греческих и варварских государств».

Затем Геродот покидает Самос и начинает странствовать. Такая жизнь продолжается около десяти лет.

Время путешествий Геродота падает на 455–445 гг. За это время он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, посетил Египет, где пробыл несколько месяцев, поднявшись по Нилу до острова Элефантин. Из Египта он отправился в дальнейшее странствие, побывав в Малой

Азии, Геллеспонте, Северном Причерноморье, в греческих государствах Балканского полуострова и островов Эгейского моря.

Около 445 г. Геродот читает в Афинах отрывки из своего труда и получает за это награду.

Как человек, много путешествовавший, Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов.

Вместе с Геродотом приняли участие в основании колонии философ Протагор, афинский политический деятель Ксенократ, милетский архитектор Гипподам. Живя в Фуриях, историк побывал на Сицилии и в западной части Средиземноморья.

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны.

Предположительно, из Фурий он вернулся в Афины, где и умер.

Судьба

С детского возраста в Галикарнассе Геродот наблюдал, как прибывают в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и, возможно, это заронило в его душу желание познать дальние неведомые страны.

Дядя Геродота Паниасид причислен к выдающимся эпическим поэтам, что дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством стало традиционным в семье историка.

Второй родиной Геродота стали Афины. Он не только подолгу жил в этом городе, но и входил в круг наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов.

Возможно, именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе историком темы своего сочинения.

Протагор

Во время многолетних путешествий Геродот объездил почти весь тогдашний цивилизованный мир, Ойкумену.

Географические знания той эпохи нашли впервые в античной литературе систематизированное изложение в труде Геродота. «Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытий в этой науке.

Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний.

Творение Геродота занимает особое место в истории европейской науки, являясь первым памятником исторической

мысли и одновременно первым памятником художественной прозы.

Цицерон определил значение гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории». С той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности и вражда. От человеческих достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий.

Это вызывало резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он — несправедливый и низкий человек, стремившийся видеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения. Это мы находим в трактате Плуларха «О злонравии Геродота». Обвинения были вызваны тем, что сочинение Геродота не соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков.

Творчество

В античности произведение Геродота цитировали как «Истории». Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет не сохранилось.

В введении Геродот говорит о теме своего сочинения: «Это есть изложение исследования Геродота Галикарнасца, для того чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война».

Главная цель труда Геродота заключалась в описании войны между эллинами и варварами, то есть греко-персидских войн.

Замысел этот обладал привлекательностью и новизной.

Дарий

*Деталь мозаики по картине Филоксена
«Битва Александра с Дарием». Начало III в. до н. э.*

Композиционно произведение делится на две части.

Первая излагает историю Лидии в связи с походами Кира, рассказывает о Египте, повествует об истории Персии в связи с воцарением Дария. В ней преобладают этнографические и географические экскурсы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она обрывается описанием сражения при Сесте.

Является ли это результатом несовершенства или Геродот просто не успел закончить свой труд — определенно решить вопрос нельзя, но есть основания предполагать, что историк собирался продолжать свой труд.

В историю, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, о которых Геродот говорит как о характерном признаке своего труда с самого начала.

Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей, странные обычаи варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем он старается рассказать, не упуская из вида главную сюжетную линию, образующую обрамление.

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до обобщений, и чаще Геродот выступает уже не как художник, а как ученый с острым умом, исследующий факты, устанавливающий их значение, глубоко и оригинально мыслящий.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым Лоренцо Валлой (Венеция, 1479 г.), привлек интерес читателей нового времени к «отцу истории». В то же время критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы часто давало себя знать вплоть до конца XIX века.

Перелом в отношении к Геродоту наступил в конце XIX—начале XX века.

Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств.

* * *

Отныне речь у нас пойдет о Кире — кто был этот человек, разрушивший державу Креза, — и о том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впро-

чем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три. Ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет. Первыми от ассирийцев отпали мидяне. В освободительной борьбе они, мне думается, проявили доблесть и, свергнув рабство, обрели свободу. Примеру мидян последовали затем и прочие народности.

Едва, однако, все народности этого материка обрели независимость, как были снова порабощены. Произошло же это вот как. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок, сын Фраорта. Этот-то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем [родном] селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде — всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому-то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Деиок — единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

Между тем [число] приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что [теперь] все в его руках, и отказался воссесть [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему невыгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю, приверженцы Деиока говорили примерно вот как: «Не можем мы больше жить так, как [живем] ныне! Давайте изберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным

делам, и беззаконие не заставит нас покинуть родину». Такими речами, в общем, они убедили друг друга и решили избрать царя.

Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город — нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровишница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго — черные, третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракового цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого — позолоченные.

Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства [дворца] Деиок первым делом ввел вот какой порядок [дворцового церемониала]: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг (вестников), лицезреть же самого царя [не допускается] никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в

доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен.

У Деиока был сын Фраорт. После 53-летнего царствования Деиок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвуя над этими двумя, и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии, народ за народом. Наконец он выступил в поход на ассирийцев (именно на тех, что владели Нином и прежде были владыками всей Азии, а теперь после отпадения своих союзников остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом-то походе пал и сам Фраорт после 22-летнего царствования, и погибла большая часть его войска.

После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду — копьеносцам, лучникам и всадникам — приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина,

чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии — не дальше, только между этими странами живет одна народность — саспиры. Минувя их, можно попасть в Мидию. Скифы, во всяком случае, вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.

Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании. Как я узнал из расспросов, это святилище — самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Палестинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев.

28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие

своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда) и покорили ассирийцев, за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

Наследовал ему сын Астиаг. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь спросил снотолкователей-магов (о смысле) сновидения. Когда маги точно разъяснили ему (значение) сна, царь понял и устрасился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его (по знатности) гораздо ниже среднего мидянина.

Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: «Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно». Гарпаг же отвечал: «Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить».

Так ответил Гарпаг. Когда же ему передали младенца,

уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: «Что же ты теперь будешь делать?» Гарпаг отвечал: «Я, конечно, не собираюсь выполнять приказание Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, затем — Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди».

Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако («собака» по-мидийски «спако»). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножия горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия — плоская равнина. Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: «Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: «Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь». Смотреть же за тем, что младенец действительно подкинут, поручено мне».

Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда

же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, нежданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: «Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарпаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарпага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!»

С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и милостивый ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако, ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарпага проверить и за послушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: «Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот как: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых».

Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права, и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить одного из своих подпасков. Придя в дом Гарпага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарпаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его-то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть «оком царя», другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят — участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а «сыном Астиагова волопаса»). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном: «Царь, — сказал он, — вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!» И при этом он показал плечи своего сына (со следами побоев).

Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев], приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они

пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: «Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?» Мальчик же ответил так: «Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот вот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!»

После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен на съедение диким зверям его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва придя наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз, и для этого отослал Артембара. «Артембар, — сказал он, — я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение». Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: «Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца — сына моей дочери, которого я тебе передал?». Гарпаг же заметил, что пастух находится во дворце, и [потому] не пошел на ложь [из страха] быть уличенным, но сказал вот что: «Царь!» Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь

пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела, и такой смертью умер младенец».

Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. «Я очень страдал, — сказал, между прочим, царь, — из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына [поиграть] к нашему «новопришлому» внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь».

Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на вершине блаженства от того, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски,

кроме головы и конечностей — рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни делает царь, ему [должно быть] мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участии Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: «Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребяташки выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими слугами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?» Маги отвечали: «Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла [так что никто и не подозревал этого], то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов [иногда] сводятся к пустякам, и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения». Астиаг же отвечал так: «Я, маги, такого же мнения: раз мальчик [однажды] уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же прошу вас хорошо обдумать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей». На это маги ответили так: «Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы,

мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому-то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не страшимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию».

Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: «Дитя! Я обидел тебя из-за [лживого сновидения], которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здравым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать — не таких, как волопас Митрадат и его жена».

С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умершвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что прежде ничего не знал [о своем происхождении] и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь; сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрестанно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака. От этой-то Кино и пошло это сказание.

Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру. Он посылал Киру подарки за подарками, подстрекая к мщению. Гарпаг понимал, что один он, будучи простым гражданином, не может отомстить Астиагу. Поэтому, видя, что Кир уже подрастает, Гарпаг выбрал юношу в союзники, так как Кир ведь претерпел одинаковые с ним несчастья. Сперва Гарпаг поступил так: он завя-

зал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарпагу удалось склонить [знать] на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарпаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же он велел передать, чтобы Кир вскрыл [живот] зайца собственноручно и без свидетелей.

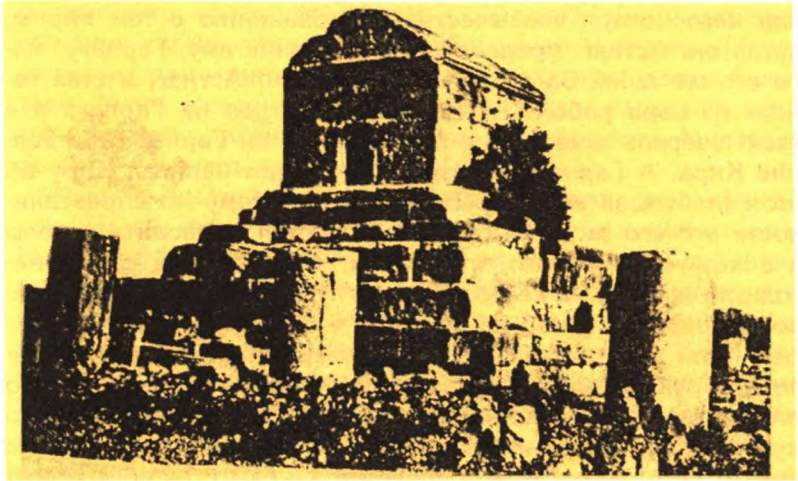
Слуга выполнил это приказание Гарпага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и стал читать. А в послании говорилось так: «Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовили бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его-то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также и мне [за то, что] я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня слушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступай в поход на мидян. И если Астиаг в войне против тебя поставит меня военачальником или другого кого-нибудь из знатных мидян, то ты достигнешь желанной цели. Ведь они первыми перейдут на твою сторону и будут стараться низложить Астиага. Итак, здесь все готово, и поэтому послушайся моего совета и действуй поспешно».

Прочтя вслух это послание, Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав то, что он задумал, в послании, он созвал народное собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир, между прочим, сказал: «Теперь, персы, я приказываю всем вам явиться, вооружившись серпом». Так

приказывал Кир. Племен персидских много. Кир собрал часть из них и убедил отложиться от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные — пасаргады, к которым принадлежит также род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена — это панфиалеи, дерусиен, германин. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же — даи, марды, дропики — кочевники.

Когда все они явились с упомянутым серпом, то Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть Персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадий была покрыта колючим кустарником). По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем Кир велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска. Кроме того, он заготовил большое количество вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов: какой день им больше понравился — вчерашний или сегодняшний. «Между этими днями есть, конечно, большое различие, — отвечали они, — ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня — все прекрасно». Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал: «Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный, подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мною и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле Богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем, и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага».

Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидийского ига. Уже давно ведь мидийское владычество было им ненавистно. Астиаг же, когда узнал о таких приготовлениях Кира, отправил к нему вестника с приказанием явиться к себе. А Кир велел вестнику объяснить царю, что

Гробница Кира

Ок. 530 г. до н. э. Пасаргады

прибудет к нему раньше, чем тому будет угодно. Услышав такой ответ, Астиаг призвал весь мидийский народ к оружию и назначил военачальником Гарпага (бог ведь помрачил разум царя, и он предал забвению все, что сам причинил Гарпагу). Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство.

Так-то мидийское войско позорно рассеялось. Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: «Все равно! Не сдобровать же Киру!» Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне — стар и млад — взяли за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов; но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено.

Тогда Гарпаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. Обращаясь к пленнику с язвительными словами, между прочим, спросил его: что такое

для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарпагу, мясо его же сына. За это-то злодеяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом. Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира. А Гарпаг возразил, что он сам написал Киру об этом [побуждая его к восстанию], и поэтому по справедливости это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый — потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если действительно, как он уверяет, переворот — дело его рук). Самый же негодный оттого, что «из-за своего пиршества» он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы по крайней мере предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы — прежние рабы — теперь владыки.

Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов. Впоследствии мидяне раскаялись в том, что покорились персам, и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь не-

бесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы — Алилат, а персы — Митра).

Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в «неоскверненное» место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилает самую свежую траву (чаще всего — трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением «теогонии», как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

Самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка, коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт; то они бы ели не переставая. Персы — большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в

трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю.

При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц. Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем — более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными. Во время владычества мидян один народ также господствовал над другим, а мидяне — над всеми, а также и над своими ближайшими соседями; эти же последние — опять над своими соседями и т. д. Так же и персы (ныне) оценивают народы. Ведь этот народ постепенно распространял свое влияние сначала непосредственно, а затем с помощью других народов.

Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а кроме того, еще больше наложниц.

Главная доблесть персов — мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с 5- до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5-летнего возраста ребенка не пока-

зывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения.

Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зрелым размышлениям он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него. По утверждению персов, у них не было случаев убийства родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконно рожденных детей, или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.

О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее — по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. Кто из горожан страдает проказой или белыми лишаями, тот не входит в город и не вступает в сношения с другими персами. Эти недуги персы приписывают какому-нибудь греху человека по отношению к Солнцу. Всякого чужеземца, страдающего этими недугами, они изгоняют из своей страны. По этой же причине многие убивают также белых голубей. В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.

Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для нас она, разумеется, ясна. Собственные имена их, по значению соответствующие их телесной силе и величию, все оканчиваются на одну и ту же букву, которую дорийцы называют сан, а ионяне — сигма. На эту-то букву оканчиваются не только некоторые их имена, а решительно все, как это можно обнаружить при ближайшем рассмотрении.

Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах

и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае персы предают земле тело покойника, покрытое воском. Маги в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу.

Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: «Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: “Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!”» Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру. Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одними милетянами Кир заключил союз на тех же условиях, что и мидийский царь). Остальные ионяне единодушно решили послать вестников в Спарту с просьбой о помощи.

Эти-то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете.

Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые — от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном языке, а на четырех различных наречиях. Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карию, и жители их говорят на одном наречии. Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофон, Лебед, Тесос, Клазомены, Фокея. [В этих городах] также говорят на общем наречии, отличном от наречия вышеназванных городов. Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них — на островах, именно Самос и Хиос, а один — Эрифры — на материке. Хиосцы и эрифрейцы говорят на одном наречии, самосцы же — на своем особом. Это и есть четыре ионийских наречия.

Итак, из этих ионян милетянам нечего было страшиться, так как они заключили союз с Киром. Впрочем, и островитянам не грозила [непосредственная] опасность: ведь персы еще не покорили финикиян, а сами они не были мореходами. От остальных ионян эти [азиатские] ионяне отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени «ионяне», не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени. А те двенадцать (азиатских) городов, напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян (о чем, конечно, кроме смирейцев, никто и не просил).

Точно так же и дорийцы из нынешней области пятиградья (которая прежде называлась шестиградьем) не только запретили соседним дорийцам доступ в Триопийское святилище, но даже не допускали и своих сограждан участвовать (в религиозных обрядах) за непочтительность к храму. При состязаниях в честь Аполлона Триопийского они издревле, по обычаю, давали победителям в награду медные треножники. Победители, однако, не должны были брать с собой эти треножники из святилища, но посвящать их богу. Как-

то раз победу одержал один галикарнассец по имени Агасикл, который пренебрег этим обычаем, унес треножник домой и повесил там на гвозде на стену. В наказание за это пять городов — Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд — отстранили шестой город — Галикарнасс от участия [в религиозных обрядах]. Так наказали они этот город.

Так вот, ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали, было двенадцать городов. Ахейцы же еще и поныне занимают двенадцать областей [в Пелопоннесе]. Это, во-первых, Пеллена, лежащая близ Сикиона, затем Эгира и Эги (где течет неиссякающая река Крафис, по имени которой названа и река в Италии); потом Бура и Гелика (куда бежали ионяне после неудачной битвы с ахейцами), далее Эгий, Рипы, Патры, Фары и Олен (где течет большая река Пир); наконец, Дима и Тритеи — единственные из этих городов, расположенные внутри страны. Эти двенадцать областей теперь принадлежат ахейцам, а прежде были ионийскими.

По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами, с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися [от своего народа], молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами. Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили. Из-за этой-то резни [родителей] карийские женщины под клятвой ввели у себя обычай и передали своим дочерям: никогда не вкушать пищи вместе со своими мужьями и не называть мужей по имени за то, что те умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Все это произошло в Милете.

Царями же одни из этих ионийских городов выбрали себе ликийцев, отпрысков Главка, сына Гипполоха, другие —

Афины

кавконов из Пилоса, потомков Кодра, сына Меланфа; иные, наконец, — потомков и того и другого. Конечно, они несколько более держались за свое имя (ионян), чем остальные ионяне, и их, пожалуй, все же можно назвать чистокровными ионянами. Впрочем, все они ионяне, поскольку происходят из Афин и справляют праздник Апатурий. Это празднество устраивают все ионяне кроме эфесцев, и колофонян. Это — единственные ионийские города, где не празднуют Апатурий, будто бы из-за какого-то убийства.

Панионий — это священное место на Микале, посвященное ионийским союзом Посейдону Геликонию (расположено оно на северной стороне горной цепи). Микале же — это мыс на западе [малоазийского] материка, напротив Самоса. Туда собирались ионийские города на праздник, названный ими Панионии. Так обстоит дело не только с ионийскими празднествами, но и вообще все названия эллинских праздников, так же как и имена персов, оканчиваются на эту букву.

Это — ионийские города. Эолийские же города вот какие: Кима, называемая также Фриконидой, Ларисы, Неон, Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгиросса, Питана, Эгеи,

Мирина, Гриния. Это — одиннадцать древних эолийских городов. Один из них — Смирну — ионяне отняли у эолийцев. Первоначально ведь на [азиатском] материке было (так же как и ионийских) двенадцать эолийских городов. Эти эолийцы заняли область плодороднее ионийской, но не обладающую столь благодатным климатом.

Смирну же эолийцы потеряли вот каким образом. Жители Смирны дали убежище беглецам из Колофона, побежденным при восстании и изгнанным из своей родины. Впоследствии эти колофонские изгнанники воспользовались случаем, когда горожане справляли за городскими стенами праздник в честь Диониса, закрыли ворота и овладели городом. Остальные эолийцы поспешили на помощь городу, но заключили [с колофонскими изгнанниками] соглашение, по которому эолийцы оставили город, после того как ионяне отдали им домашнее имущество. Затем одиннадцать ионийских городов поделили между собой смирнейцев и даровали им гражданские права.

Это — эолийские города на [азиатском] материке, кроме поселений на Иде, которые составляют особую группу. Из островных городов пять находятся на Лесбосе (шестой город на Лесбосе — Арисбу — покорили мэфимнейцы, хотя жители ее были их кровными родственниками). На Тенедосе есть также один город, а другой — на так называемых «Ста островках». Итак, лесбосцам и тенедосцам (так же как и островным ионянам) нечего было пока опасаться [персов]. Остальные эолийские города решили сообща во всем следовать ионянам.

По прибытии же в Спарту ионийских и эолийских послов (а они очень спешили) они выбрали своим представителем фокейского посла по имени Пиферм. Пиферм надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил [в собрании лакедемонян] с длинной речью, прося помощи. Лакедемоняне даже не стали и слушать его, но решили отказать ионянам в помощи. Послы возвратились домой, а лакедемоняне, несмотря на отказ ионянам, все же послали 50-весельный корабль, как я думаю, чтобы наблюдать за ходом борьбы Кира с ионянами. По прибытии лакедемонского корабля в Фокею спартанцы отправили в Сар-

ды самого уважаемого человека из своей среды по имени Лакрин объявить Киру от имени лакедемонян, что они не позволят ему разорить ни один эллинский город.

После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди — лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатаю: «Я не боюсь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных». Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды [в управление] персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить лидийцу Пактию. Сам же он вместе с Крезом возвратился в Акбатаны, пока что не обращая никакого внимания на ионян. Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне. Против этих-то народностей Кир и намеревался лично выступить в поход, а против ионян послать другого полководца.

После отъезда Кира из Сард Пактий поднял восстание против Табала и Кира и затем двинулся к морю, захватив с собой все золото из Сард. Ему удалось на вербовать наемников и убедить жителей приморских [городов] присоединиться к походу. Потом Пактий направился в Сарды и осадил Табала, который заперся в акрополе.

Получив в пути весть об этих событиях, Кир сказал Крезу вот что: «Крез! Чем кончится все это? Лидийцы, видимо, не перестанут доставлять хлопоты и беспокойство себе и другим. Я думаю, не лучше ли всего будет продать их в рабство? Я поступил, кажется, столь же глупо, как тот человек, который убил отца и затем оставил жизнь его детям. Так вот и я: веду в плен тебя, который был лидийцам даже больше, чем отец, а столицу оставил самим лидийцам, и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня!» Так Кир высказал, что у него было на душе, а Крез в страхе, что персидский царь разрушит Сарды, отвечал ему таки-

ми словами: «Царь! Ты совершенно прав, но все-таки не следует гневаться по всякому поводу и разрушать древний город, который совершенно неповинен ни в прежних, ни в теперешних событиях. Ведь за прошлое вина моя, и я поплачусь за это головой. Виновник же теперешнего восстания — Пактий, которому ты отдал Сарды. Его-то ты и покарай! А лидийцам окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было их опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания».

Крез дал Киру этот совет, полагая, что такая участь предпочтительнее лидийцам, чем продажа в рабство. Крез был убежден, что без веской причины нельзя заставить Кира изменить свое намерение. Он опасался также, как бы лидийцы, даже избежав на этот раз грозной опасности, вновь не восстали против персов и затем не были бы обречены на гибель. Кир, однако, очень обрадовался словам Креза, умерил свой гнев и сказал, что последует его совету. Затем царь велел призвать мидянина Мазареса и приказал передать лидийцам совет Креза. Кроме того, Кир повелел обратиться в рабство всех, кто вместе с лидийцами пошел на Сарды, а самого Пактия непременно схватить и привести к нему живым.

Отдав эти приказания прямо с дороги, Кир затем двинулся далее в персидские пределы. Пактий же при вести о приближении высланного против него персидского войска в страхе бежал в Киму. Между тем мидянин Мазарес во главе части персидского войска направился в Сарды, но не нашел там уже сообщников Пактия. Прежде всего он заставил лидийцев подчиниться повелениям Кира, в силу чего лидийцам пришлось изменить весь уклад своей жизни. Затем Мазарес отправил вестника в Киму с требованием выдать Пактия. Кимейцы, однако, решили обратиться за советом к богу [в святилище] в Бранхидах. Там издревле было прорицалище, которое обычно вопрошали все ионяне и

золийцы. Местность же эта лежит в Милетской области выше гавани Панорма.

Итак, кимейцы отправили послов к бранхидам спросить бога: как им поступить с Пактием, чтобы умилостивить богов? Послы спросили бога и получили ответ: выдать Пактия персам. Услышав такое изречение оракула, кимейцы постановили выдать Пактия. Однако, когда народ уже собирался это сделать, Аристоклик, сын Гераклида, один из уважаемых граждан, сумел удержать их от этого. Он усомнился в правильности изречения оракула, полагая, что послы говорят ложь. В конце концов кимейцы отправили других послов к оракулу спросить о Пактии (среди них был также и Аристоклик).

Когда [новые] послы прибыли в Бранхиды, то Аристоклик от имени всех обратился к богу с таким вопросом: «Владыка! Пришел к нам, умоляя о защите, лидиец Пактий, чтобы избежать лютой смерти от персов. Персы же требуют у кимейцев его выдачи. А мы, хотя и страшимся персидской мощи, не смеем выдать просящего защиты, пока ты ясно не укажешь, что нам делать». Так вопрошал Аристоклик, а бог изрек им опять тот же самый ответ, повелевая выдать Пактия персам. Тогда Аристоклик, обдумав заранее свои действия, поступил так: он стал обходить вокруг святилища и разорять гнезда воробьев и разных других птиц, которые нашли себе приют при храме. В это время, как говорят, из святилища послышался голос, взывавший к Аристоклику так: «О нечестивейший из смертных! Зачем дерзаешь ты на такое деяние? Зачем изгоняешь ищущих защиты из моего храма?» Аристоклик же не смутился, но возразил богу так: «Владыка! Сам ты помогаешь прибегающим к твоей защите, а кимейцам приказываешь выдать молящего о защите!» А бог опять возразил ему такими словами: «Да, так я повелеваю, чтобы вы скорее погибли из-за вашего нечестия и впредь не приходили вопрошать оракул о выдаче молящих о защите».

После такого ответа оракула кимейцы не захотели выдать Пактия из страха погибнуть или, оставив у себя, подвергнуться осаде. Поэтому они отослали его в Митилену. Митиленцы же, когда Мазарес послал вестника к ним с приказанием выдать Пактия, выразили готовность сделать это за

некоторую мзду — точно не знаю, какую, так как сделка не состоялась, потому что кимейцы, проведав намерение метиленцев, отправили корабль на Лесбос и доставили Пактия оттуда на Хиос. Там хиосцы силой вытащили Пактия из святилища Афины Полиухос и выдали персам. Выдали же его хиосцы в обмен на Атарней (местность, где расположен этот Атарней, находится в Мисии, напротив Лесбоса). Получив в свои руки Пактия, персы содержали его в темнице, чтобы потом привести к Киру. Однако еще долго после этого ни один хиосец не посылал богам в жертву ячменя и не выпекал жертвенных лепешек из урожая плодов в Атарнее. Вообще ничего из того, что рождала эта земля, не употреблялось для жертвоприношений.

Так хиосцы выдали Пактия. Мазарес же после этого выступил в поход против всех городов, которые участвовали в осаде Табала. Сначала он подчинил приенцев, потом прошел всю долину Меандра, отдав ее на разграбление своему войску, так же как и город Магнесию. Вслед за тем Мазарес занемог и скончался.

После кончины Мазареса преемником его в должности военачальника стал Гарпаг, как и он, родом мидянин. Это был тот самый Гарпаг, которому мидийский царь Астиаг устроил нечестивое пиршество и который помог Киру вступить на престол. Этот-то человек, назначенный Киром в военачальники, прибыл в Ионию и стал захватывать города, окружая их валом. Он запирали жителей в стенах города, возводил у стен насыпи и затем брал город приступом. Первым ионийским городом, подвергшимся его нападению, была Фокея.

Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс. Они плавали не на «круглых» торговых кораблях, а на 50-весельных судах. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тартессе 80 лет, а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя, дал им денег на возведение стен в

их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен [Фокеи] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных, тщательно прилаженных камней.

Таким-то образом фокейцы воздвигли стену своего города. А Гарпаг, когда привел свое войско и начал осаду города, то велел сказать фокейцам, что удовольствуется, если горожане разрушат один только бастион на стене и «посвятят» [в знак покорности царю] один дом. Фокейцы же, которые ненавидели рабство, объявили, что просят один день на совещание и затем дадут ответ, а на время совещания пусть Гарпаг отведет свое войско от города. Гарпаг же велел им ответить, что прекрасно понимает их замысел, но тем не менее дает им время на размышление. Однако, когда Гарпаг отвел войско от города, фокейцы спустили на воду свои 50-весельные корабли, погрузили на них жен и детей и свои пожитки, а также изображения богов и прочие посвященные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин. Погрузив затем все остальное имущество, они взошли сами на борт и отплыли по направлению на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы.

Хиосцы, однако, не захотели продать фокейцам так называемые Энусские острова, опасаясь, что эти острова станут торговым центром, а их собственный остров из-за этого лишится торговых выгод. Поэтому фокейцы отправились на Кирн. Ведь на Кирне за двадцать лет до этих событий они по велению божества основали город по имени Алалия (Арганфоний тогда уже скончался). Отправляясь на Кирн, фокейцы сначала возвратились в Фокею и перебили там персидскую стражу, оставленную Гарпагом в городе. После этого они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернуться в Фокею прежде, чем это железо не всплывет [на поверхность]. Во время приготовлений к отплытию на Кирн больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам. И вот, нарушив данную клятву, они отплыли назад в Фокею. Те же, кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли [на Кирн].

Перевод Г. А. Стратоновского

ФУКИДИД

ок. 460 — 400 гг. до н. э.

Жизнь

Фукидид происходил из знатной и состоятельной афинской семьи. Отец Фукидида Олор был прямым потомком фракийского царя Олора и происходил из афинского округа Галимунта. Мать Фукидида и его бабка принадлежали к знатному фракийскому роду.

Он получил хорошее образование и был знаком с современными философскими и естественнонаучными представлениями, представленными Анаксагором, Гипократом и др.

Принадлежа по рождению к «кимоновскому клану», стоявшему в резкой оппозиции вождю демократии Периклу, юный Фукидид сознательно перешел на сторону Перикла.

От родственников он унаследовал золотые рудники на побережье Фракии.

В 430 г. до н. э. Фукидид перенес чуму. Во время Пело-

поннесской войны в 424 г. до н. э. был избран стратегом и командовал афинским флотом у берегов Фракии.

Стратег Евкл, командовавший афинским гарнизоном в Амфиополе, послал Фукидиду просьбу о помощи, однако Фукидид не сумел помешать спартанскому полководцу Брасиду овладеть Амфиополем. В Афинах Фукидид был осужден за измену и приговорен к пожизненному изгнанию в 423 г. до н. э.

Амнистия 403 г. до н. э. не коснулась Фукидида, и он получил разрешение вернуться на родину около 400 г. до н. э., после 20-летнего изгнания.

После возвращения из ссылки Фукидид умер около 400 г. до н. э. Останки его, по сообщению Плутарха, «перевезены в Аттику и покоятся у Мелитидских ворот в Кимоновой усыпальнице рядом с могилой сестры Кимона Эльпиники».

Судьба

Огромное значение в судьбе Фукидида сыграла Пелопоннесская война. Занимая пост стратега, он неудачно провел военную кампанию, в результате чего подвергся осуждению в Афинах и должен был уйти в изгнание на 20 лет.

Фукидид, в соответствии с тенденцией воздерживаться от всего личного, не оправдывает себя. Он лишь превозносит талант Брасида как полководца, удачу в его сношениях с изменниками и психологическую проницательность.

Все это должно служить оправданием его и Евкла неудачи.

Война сделала Фукидида историком. По его собственным словам, он сразу же после начала войны начал свой труд, убедившись в ее исключительном значении, и продолжал собирать материалы на протяжении всей войны.

За время своего 20-летнего изгнания Фукидид вырос духовно и интеллектуально, но оставался под обаянием личности Перикла.

Катастрофа 404 г. и ужасы войны должны были потрясти его психику.

Старик, вернувшийся на развалины родного города, и

Фукидид

Бюст в частном собрании (Англия)

Анаксагор

**Гиппократ
(фрагмент)**

*Из латинского перевода
«Канона врачебной
науки»*

зрелый человек, покинувший родину в расцвете могущества, — это, конечно, разные люди с различным мирозерцанием.

Фукидид не просто описывает войну, события которой ему довелось наблюдать самому или получать о ней сведения от информаторов, он проецирует на свою историю весь опыт и результаты своих раздумий, вылившихся в определенную систему взглядов к моменту окончания войны.

Уже около полутора десятков лет ученые изучают так называемый «фукидидовский вопрос».

Он сводится к следующим проблемам:

Как возник труд Фукидида; следует ли допустить развитие исторической мысли у Фукидида; как менялись точки зрения Фукидида в процессе работы; повлияло ли падение Афин на суждение Фукидида об афинском «империализме»; можно ли предполагать отсутствие окончательной редакции.

Усилия многих ученых привели к решению некоторых частных проблем «фукидидовского вопроса». Например, безус-

ловно установлено, что сам Фукидид не только начал собирать материал для своей истории, но и принялся за него в начале войны.

Однако «фукидидовский вопрос» все еще продолжает оставаться нерешенным в современной науке.

Фукидид отбрасывает все обычные представления о древности и смело ставит на их место собственные заключения, оценивая древнюю историю Эллады на основании современного «принципа силы». Как ученик Гиппократы, Фукидид устанавливает диагноз явления и дает точную картину комплекса патологических симптомов болезни полиса, имеющего свойство повторяться, его типическое политическое поведение: эта хорошо выполненная задача, по Фукидиду, и есть «достояние навеки».

При господстве так называемых «тридцати тиранов» Фукидид якобы покинул Афины и отдал свой труд на хранение отцу Ксенофонта. Сам Фукидид якобы не успел отредактировать VIII книгу или не мог это сделать по болезни. Диоген Лаэртский сообщает, что издал труд Фукидида Ксенофонт.

Издание труда академик С. А. Жебелев относит ко времени 394/93 и 391/90 гг. до н. э.

В IV веке до н. э. писатели относились к Фукидиду отрицательно, не упоминают его, хотя иногда и полемизируют с ним (Аристотель, Эней Тактик).

Только со второй половины II века до н. э. Фукидид находит всеобщее признание и на долгое время становится образцом для историков и раторов.

В последующие эпохи «История» Фукидида нашла себе блестящих подражателей в лице Саллюстия и Тацита, Иосифа Флавия, Прокопия Кесарийского и других.

В новое время высоко оценивали Фукидида такие выдающиеся историки, как Ранке, Маколей, Кибур, Эд. Шварц.

Перикл

*Римская мраморная копия по оригиналу Кресия.
Мрамор. 440—430 гг. до н. э.*

Творчество

Труд Фукидида — это современная ему история, историческая монография о Пелопоннесской войне в период 431—404 гг. до н. э.

Названия сочинение, по-видимому, не имело. Вместо него автор в первом абзаце дает тему: «Фукидид афинянин описал войну пелопоннессцев с афинянами, как они воевали между собой».

Характерной особенностью «Истории» Фукидида являются вставленные в историческое повествование о событиях прямые речи. Лишенная речей «История» оставалась бы сухой хроникой, без речей пропала бы живая игра чувств и мыслей.

Фукидид стремится выявить политические силы и сделать понятным ход исторических событий путем углубления отдельных ситуаций.

Фукидид достигает глубокого понимания факторов исторического процесса «в соответствии с природой человека».

Устанавливая как врач по симптомам диагноз и причины болезни, он различает «коренные» причины и «непосредственные поводы», из-за которых разразилась война.

Стиль Фукидида определяется целью написания «Истории», именно тем, что его труд предназначен для государственных деятелей, которым необходимо понимать мотивы человеческих действий в историческом процессе и более глубокие связи между событиями.

Величайшей заслугой Фукидида как историка является привлечение им в своем труде документальных источников (текстов договоров, официальных постановлений и других документов), установление хронологии, а также применение открытого или гениального метода реконструкции прошлого путем обратного заключения на основании рудиментов.

Фукидид — основоположник научно-исторического метода в античности.

В 1452 г. по приказу папы Николая V был сделан латинский перевод «Истории» знаменитым гуманистом Лоренцо Валлой.

Первое печатное издание труда Фукидида появилось в Венеции в 1502 г.

* * *

В то же лето после подчинения Лесбоса афиняне выступили под начальством Никия, сына Никерата, в поход на остров Миною, что напротив Мегар. Мегарцы построили там сторожевые башни для охраны гавани Нисеи. (2) Никий предпринял этот поход, чтобы дать возможность афинянам впредь наблюдать за Мегарами не из Будора на Саламине (как раньше), а из этого пункта, расположенного ближе. Пелопоннесцы уже не могли бы тогда незаметно посылать свои корабли (как они при случае делали) или пиратские суда для набегов, и вместе с тем всякий подвоз в Мегары морем был бы отрезан. (3) Итак, прежде всего Ни-

кий захватил с помощью машин с моря две выступавшие вперед сторожевые башни на острове против Нисеи. Освободив затем вход в пролив между островом Миноей и берегом Мегар, он укрепил стеной ближайшую к материку местность (где по мосту через мелководье можно было подавать помощь острову). (4) Работы были закончены в несколько дней. Затем, построив на острове укрепление и оставив там гарнизон, Никий с остальным войском возвратился назад.

Около того же времени в это лето платейцы, исчерпав свои запасы продовольствия, не смогли больше выдерживать осаду и сдались пелопоннесцам при следующих обстоятельствах. (2) Пелопоннесцы штурмовали городские стены, и горожане были уже не в состоянии защищаться. Лакедемонский военачальник, поняв бессилие осажденных, не захотел, однако, брать город силой. Он получил приказ из Лакедемона не делать этого, чтобы не возвращать город афинянам (в случае, если когда-нибудь по заключении мира обе стороны согласятся вернуть друг другу все захваченные во время войны пункты) как добровольно сдавшийся. Военачальник послал к платейцам глашатая спросить, хотят ли они добровольно сдать город лакедемонянам и подчиниться решению их судей, с тем что виновные будут наказаны, но несправедливо никто не пострадает. (3) Так сказал глашатай. Тогда платейцы, которые дошли уже до крайней степени истощения, сдали город лакедемонянам. (4) В течение нескольких дней, до прибытия пяти лакедемонских судей, пелопоннесцы кормили платейцев. (5) По прибытии судей лакедемоняне не предъявили платейцам никакого обвинения, а вызвали их в суд и задали лишь один вопрос: какие услуги они оказали во время войны лакедемонянам и их союзникам? (6) Прежде чем ответить, платейцы попросили разрешения подробнее высказаться и выставили защитниками двоих своих людей — Астимаха, сына Асополая, и Лакона, сына Эимнеста, который был проксеном лакедемонян. Эти последние, явившись, выступили со следующими словами.

«Лакедемоняне! Мы сдали наш город, доверившись вам. Мы рассчитывали, что нас ожидает не такой суд, перед которым мы предстали, а более соответствующий обычным формальностям, и хотели, чтобы только вы (перед которы-

ми мы здесь и стоим) были нашими судьями в надежде на самый справедливый приговор. Теперь же мы опасаемся, что совершили двойную ошибку. (2) Действительно, у нас есть все основания подозревать, что на этом суде нам угрожает самый жестокий приговор и что вы не являетесь судьями беспристрастными. Мы решили так потому, что против нас вы не выставили заранее никакого обвинения, требующего защиты — мы выступаем здесь по собственной просьбе, — и потому, что ваш вопрос слишком краток. Если мы дадим на него правдивый ответ, он будет против нас; ответ мы неправду — ее сразу же легко опровергнуть. (3) В нашем безвыходном положении мы вынуждены (так нам кажется безопаснее) сначала выступить с речью (какая бы участь нас ни ожидала). Люди в нашем положении могут, конечно, своим молчанием дать повод сказать, что откровенной речью они могли бы спасти себя. (4) Кроме прочих трудностей, нам также и нелегко убедить вас. Если бы мы не знали друг друга, то, пожалуй, мы могли бы привести в свое оправдание новые, неизвестные еще вам доводы. Но вы знаете все, что мы можем сказать. И мы не столько опасаемся смертного приговора (так как вы, сразу убедившись, что наши заслуги менее значительны, чем ваши, именно это и поставите нам в вину), но, скорее того, как бы вы не принесли нас в жертву другим и дело, которое мы защищаем перед вами, уже заранее не было бы предрешиено.

Все-таки мы приведем все наши справедливые доводы, чтобы доказать свою правоту в спорах как с фиванцами, так и с вами и остальными эллинами и напомнить вам о наших заслугах перед всей Элладой, и попытаемся склонить вас на нашу сторону. (2) На ваш краткий вопрос, оказали ли мы в этой войне какие-либо услуги лакедемонянам и их союзникам, мы отвечаем. Если вы спрашиваете нас как врагов, то не можете жаловаться на то, что мы не оказали вам услуг. Если же вы считаете нас друзьями, то вы сами, начав войну против нас, совершили большую несправедливость, а не мы. (3) Как во время мира, так и в мидийской войне мы доказали нашу доблесть. Когда началась нынешняя война, не мы первыми нарушили мир, а против мидийского царя сражались тогда за свободу Эллады вместе с вами только мы одни из беотийцев. (4) Хотя мы живем не на море, но все-

таки совместно с вами сражались в морской битве при Артемисии, а также участвовали в битве на вашей собственной земле вместе с вами и Павсанием. И где бы в то время ни грозила эллинам опасность, мы помогали всегда, даже свыше наших сил. (5) И вам, лакедемоняне, мы прислали на помощь третью часть наших граждан как раз в то время, когда Спарта была охвачена ужасом перед восставшими илотами, которые после землетрясения захватили Ифому. Об этом не следовало бы вам забывать.

Таковыми были мы всегда и в те славные старые времена считали помощь вам и всем эллинам вопросом чести. Лишь впоследствии мы стали врагами, и, несомненно, по вашей вине. Ведь когда фиванцы напали на нас, чтобы силой подчинить своему господству, и мы просили принять нас в ваш союз, вы отказались и посоветовали обратиться к афинянам как к ближайшим соседям, так как сами вы живете слишком далеко. (2) И даже в эту войну ничего неподобающего вы от нас не терпели и не должны были ожидать. (3) Если же мы не захотели изменить афинянам по вашему требованию, то мы поступили совершенно правильно. Ведь афиняне помогли нам в борьбе против фиванцев, когда вы покинули нас на произвол судьбы, и было бы позором изменить им. Тем более мы не могли согласиться на измену афинянам после того, как они сделали нам так много добра. Ведь они приняли нас, уважив нашу просьбу, в союз и предоставили гражданские права, и потому нашим естественным долгом было с готовностью подчиняться их приказаниям. (4) Когда вы или афиняне дадите какие-либо приказания вашим союзникам, то ответственность за то, что приказания эти нехороши, лежит не на союзниках, а на тех, от кого эти приказания исходят.

Фиванцы нанесли нам много различных обид. Последняя из них, вам самим известная, и является причиной нашего теперешнего несчастья. (2) Когда они во время мира, да еще и в день священного праздника, напали на наш город, мы с полным правом наказали их за это: ведь по общепринятому обычаю следует на насилие врага отвечать насилием. И нет разумного основания для того, чтобы нам теперь страдать из-за них. (3) Если в настоящем судебном процессе вы примете мерилom справедливости и законности свою собствен-

ную выгоду на данный момент или враждебность фиванцев, то покажете этим, что в действительности дело идет вовсе не о справедливом приговоре, а скорее о том, что вы сами преследуете корыстные цели. (4) Впрочем, если вы исходите из того, что фиванцы вам теперь полезны, то мы и прочие эллины тогда во время мидийских войн были вам гораздо полезнее, когда вам грозила опасность более страшная, чем ныне. Ведь теперь вы нападаете и грозите другим, а в те дни, когда Варвар нес с собой рабство всем нам, фиванцы были с ним заодно. (5) И если бы мы даже действительно были в чем-нибудь виновны, то по справедливости нужно противопоставить этой вине нашу тогдашнюю доблесть. И вы увидите, что наши заслуги далеко превосходят нашу предполагаемую вину, особенно если принять во внимание, что в те времена в Элладе было мало людей, которые имели мужество сопротивляться могуществу Ксеркса. Тогда оказывали больше почета, нежели теперь, тем, кто не искал собственной безопасности, облегчая путь вторгшимся врагам, а отважился на величайший подвиг, отдавая жизнь для спасения эллинов. (6) К таким людям принадлежали и мы, и за это вы тогда и наградили нас великими почестями, а теперь мы должны опасаться гибели как раз за свои прежние убеждения, так как предпочли по долгу справедливости остаться верными афинянам, нежели из корыстных побуждений перейти на вашу сторону. Но ведь об одних и тех же вещах надо и судить всегда одинаково; и вы должны видеть истинную пользу для государства лишь в сочетании его непосредственных интересов в настоящее время с прочной благодарностью к честным союзникам, чья доблесть вами признана.

Подумайте теперь еще и о том, что до сих пор большинство эллинов считает нас образцами честности и порядочности. Если же вы вынесете нам несправедливый приговор (ведь этот судебный процесс нельзя скрыть, так как и вы, судьи, пользуетесь уважением, да и о нас, подсудимых, также идет добрая слава), то вы вызовете возмущение всех добропорядочных людей тем, что вынесли этот неподобающий приговор нам, доблестным людям, хотя сами вы еще более доблестны и добычу, захваченную у нас, благодетелей Эллады, посвятили в общеэллинские святилища. (2) Разве не

ужасна сама мысль о том, что Платея будет разрушена лакедемонянами и что те, чьи отцы велели начертать имя нашего города на треножнике в Дельфах как признание его доблести, ныне в угоду фиванцам хотят даже стереть этот город с лица эллинской земли? (3) Вот до какого страшного бедствия мы дошли наконец! Во времена господства мидян мы шли на гибель, и теперь, когда мы стоим перед вами, некогда нашими лучшими друзьями, вы приносите нас в жертву фиванцам! Уже дважды мы смотрели в лицо смерти: недавно мы погибли бы от голода, если бы не сдались вам, а теперь нам грозит по суду смертный приговор! И это мы, платейцы, которые даже свыше нашей силы пожертвовали всем своим достоянием на благо эллинов, теперь стоим перед вами, всеми отвергнутые, покинутые и беспомощные. И никто из наших тогдашних союзников не желает оказать нам помощи, и мы опасаемся, что и вы, лакедемоняне — наша единственная надежда, — покинете нас.

И все же, ради богов, именем которых освящался наш военный союз, и во имя наших заслуг перед эллинами мы призываем вас смягчиться и изменить свое суровое решение о нас, если фиванцы уже как-то повлияли на вас во вред нам. Мы просим справедливой милости ради наших заслуг: не казнить тех, кого вам не подобает казнить. Тогда вместо постыдной благодарности фиванцев вы обретете нашу преданную чистую благодарность и не запятнаете свое доброе имя в угоду фиванцам. (2) Действительно, казнить нас вам легко, но смыть этот позор вам будет трудно. Ведь мы вовсе не враги ваши, которых, разумеется, следует наказывать, но друзья, которым пришлось лишь поневоле воевать против вас. (3) Поэтому благочестие обязывает вас сохранить нам жизнь, не забывая, что сдались мы добровольно, простирая к вам руки с мольбой, и эллинский священный закон воспрещает нас казнить. Вспомните также, что мы всегда были вашими доброжелателями. (4) Обратите ваши взоры на могилы ваших отцов, павших и погребенных на нашей земле в войне с мидянами. Мы всенародно из года в год по обычаю почитаем их приношением одежд и других даров. Мы приносили им начатки всех плодов нашей земли, благоговейно храня о них память как о сынах дружественной земли и старых товарищах по оружию. И за все это вы хо-

тите вынести нам столь несправедливый приговор! (5) Ведь Павсаний, предавая погребению павших на нашей земле воинов, думал, что они будут покоиться в дружественной стране и среди друзей. Но если вы казните нас и отдадите нашу землю фиванцам, то разве не оставите ваших отцов и родичей во вражеской земле, среди их убийц и не лишите их почестей, воздаваемых им теперь нами? Кроме того, вы также поработите землю, где эллины обрели свободу, разрушите святилища богов, вознося молитвы которым эллины одолели мидян, и лишите зиждителей и устроителей этих святилищ установленных отцами жертвоприношений.

Не принесет вам славы, если вы нарушите общеэллинические законы и обычаи почитания предков, этим вы погубите нас, ваших старых друзей, не причинивших вам никакого зла, только из-за чужой неприязни к вам. Смягчите благоразумным состраданием вашу суровость и пощадите нашу жизнь. Подумайте не только о том, как ужасна участь, которая нас ожидает, и как противоречит она нашим заслугам, но и о том также, сколько бед может принести судьба любому, даже не виновному ни в чем. (2) В нашем тяжком положении мы просим вас, взывая к общеэллинским богам, чтобы они придали убедительность нашей мольбе: не забывайте о клятве защищать нас, данной еще вашими отцами. Как молящие о защите на могилах ваших отцов, мы взываем с мольбами к усопшим героям спасти нас от фиванцев и не предавать ваших лучших друзей во власть их злейших врагов. Ныне же, в этот день смертельной опасности мы напоминаем вам о том достопамятном дне, когда мы вместе с почившими героями совершили величайшие подвиги. (3) Теперь нам нужно кончать нашу речь — и это труднее всего сделать людям в нашем положении, потому что с концом речи близится и смертный час. Наше последнее слово: фиванцам мы не отдали нашего города — мы предпочли скорее погибнуть самой жалкой голодной смертью, — но, вверив нашу судьбу вам, обратились к вашей помощи. Если вы не склонитесь на наши мольбы, то ваш долг по крайней мере вернуть нас в прежнее состояние, до сдачи, и позволить хоть самим выбрать род смерти. (4) Поэтому мы, платейцы, так героически сражавшиеся за свободу эллинов, а теперь как молящие о защите, вновь призываем вас, лакедемоняне, не выдавать

нас на расправу нашим злейшим врагам фиванцам. Станьте нашими спасителями, не погубите нас, освобождая прочих эллинов».

Так говорили платейцы. Тогда, из опасения, что лакедемоняне под впечатлением этой речи проявят некоторую уступчивость, выступили фиванцы и в свою очередь также потребовали слова, так как платейцам сверх ожидания было разрешено говорить гораздо дольше, чем нужно для ответа на вопрос. Получив разрешение от судей, фиванцы сказали следующее:

«Мы не попросили бы слова, если бы и платейцы также кратко ответили на вопрос, вместо того чтобы в своей защитительной речи, осыпая нас обвинениями и, кроме того, отвлекая от поставленного вопроса, не потратили бы так много слов для оправдания в том, в чем их никто не упрекает, и для похвалы заслугами, никем не отрицаемыми. Поэтому мы вынуждены не только возражать на их обвинения, но и оспаривать доводы. Ни наша низость, ни их слава не должны помочь им оправдаться, но вы должны услышать правду о них и о нас, прежде чем вынесете приговор. (2) Наша вражда с платейцами началась так. Несколько времени спустя после того, как мы заселили Беотию, мы заняли Платею и другие места, откуда изгнали различные народности. Однако платейцы отказались признать наше господство, несмотря на первоначальное согласие, и, в отличие от остальных беотийцев, нарушили отеческие обычаи и законы, когда их хотели заставить подчиниться силой. Они перешли на сторону афинян и вместе с ними причинили нам много вреда, за что и сами пострадали.

По их словам, после вторжения Варвара в Элладу только они одни из беотийцев не перешли на сторону мидян. И этим они особенно гордятся и упрекают нас в измене. (2) Мы же утверждаем: они не присоединились к мидянам лишь потому, что и афиняне так не поступили. Конечно, опять же в силу этого, когда впоследствии афиняне пошли на Элладу, платейцы единственные из беотийцев выступили заодно с афинянами. (3) Обратите все же внимание на то, при скольких различных политических обстоятельствах мы и они так поступили, когда мы держали сторону мидян, а они — афинян. Ведь тогда у нас не было ни равноправной олигархии,

ни демократии. Наш тогдашний государственный строй являл собой полную противоположность законности и правому порядку и ближе всего был к тираническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей. Правители, надеясь в случае победы Мидянина еще больше укрепить свое личное господство, держали народ в подчинении насилием и призвали мидийского царя в страну. (4) Это произошло в то время, когда город в целом не был полновластным владыкой у себя, и поэтому его нельзя обвинять за допущенную в те незаконные времена ошибку. (5) Напротив, после ухода мидян, когда наш город получил законные установления, вы должны знать, как мы сражались против афинян, которые стали нападать на остальных эллинов и пытались подчинить и наш город. Из-за межэллинских раздоров афиняне действительно захватили большую часть Эллады, но разве тогда, победив афинян при Коронее, мы не освободили Беотию? И теперь мы всячески стараемся помочь вам освободить остальных эллинов, доставляя конницу и военные припасы гораздо больше прочих союзников. Вот наш ответ, достаточный для того, чтобы оправдаться от обвинения в сочувствии мидянам.

Теперь мы постараемся показать, что именно вы, платейцы, а не мы причинили больше вреда эллинам и поэтому скорее, нежели мы, заслуживаете всяческой кары. (2) По вашим словам, вы заключили союз с афинянами и получили афинское гражданство, чтобы противодействовать нам. Если так, то вам следовало бы искать помощи афинян только против нас, а не нападать в союзе с ними на других. Ведь такая возможность не помогать афинянам у вас была. Если афиняне даже против воли вас и принуждали к этому, то и тогда ведь уже существовал для борьбы с Мидянином союз лакедемонян, на который вы теперь сами ссылаетесь. Этот союз не только обезопасил бы вас от нашего нападения, но — что самое важное — дал бы вам полную свободу самостоятельного решения своей судьбы. Однако вы добровольно, без всякого принуждения, как прежде, предпочли стать на сторону афинян. (3) Вы ссылаетесь на то, что считали постыдным изменить вашим благодетелям! Но куда постыднее и несправедливее предать всех эллинов — освободителей Эллады, вместе с которыми вы дали клятву вер-

ности союзу, чем одних только афинян, ее порабитителей. (4) Вы оказали афинянам услугу, вовсе не соответствующую их благодеянию вам и позорящую вас. Ведь вы, по вашим словам, призвали их на помощь, терпя обиды от нас, а сами потом стали вместе с ними чинить несправедливости другим. Конечно, постыдно не воздать равною услугой за услугу, но не менее постыдно за услугу, оказанную ради поддержания справедливости, воздавать услугами, направленными к нарушению справедливости.

Таким образом, вы ясно показали, что и тогда вы не перешли на сторону мидян не ради эллинов, а лишь потому, что и афиняне не сделали этого. Вы стремились поступить так, как они, и наперекор всем остальным. (2) Теперь же вы притязаете на то, чтобы мы вас вознаградили за доблесть, проявленную в угоду другим афинянам. Но это не полагается. Раз уж вы перешли к афинянам, сражайтесь на их стороне до конца и не ссылайтесь постоянно на старый союз, от которого теперь должно прийти вам спасение. (3) Ведь вы его уже покинули и изменили ему, так как скорее помогали афинянам поработить эгинян и некоторых других своих старых союзников, нежели их защищали. И это вы делали не по принуждению, как мы, но добровольно, живя при законном государственном строе, который у вас остался еще и до сих пор. Кроме того, вы также отвергли последнее предложение перед началом осады: сохранить по крайней мере мир и остаться нейтральными. (4) Кто же, как не вы, которые проявили свои доблести лишь на пагубу всем эллинам, по праву заслужили их ненависть? И если вы ранее, как утверждаете, и совершили доблестные деяния, то теперешним своим поведением вы показали, что эти подвиги вовсе не свойственны вам по натуре. Ваша подлинная природа и истинные стремления обнаружались, когда вы вместе с афинянами пошли по пути несправедливости. Вот что мы сочли нужным сказать о нашем вынужденном союзе с мидянами и о вашей добровольной преданности афинянам.

Что касается ваших последних обвинений в том, что мы противозаконно напали на ваш город во время мира и даже в священный праздник, то мы считаем, что и в этом деле наша вина меньше вашей. (2) Мы не стали бы отрицать,

что поступили несправедливо, если бы по собственному побуждению силой захватили ваш город и злодейски разорили вашу землю. Но раз уж первые из ваших граждан и по имущественному положению и по родовитости сами призвали нас, чтобы заставить вас выйти из союза с чужеземцами и вернуться в исконный общебеотийский союз, то в чем же наша вина? Ведь зачинщики виновнее в нарушении законов, нежели те, кто идет за ними. По нашему же мнению, ни они, ни мы в действительности не виноваты. (3) Будучи гражданами, подобно вам, они рисковали большим, чем вы, когда открыли нам ворота. Они впустили нас в свой родной город как друзей, а не как врагов. Они желали, чтобы худшие из вас не стали еще хуже, а лучшим было предоставлено то, что соответствует их достоинству. Они хотели лишь оздоровить, подобно строгим наставникам, ваш образ мыслей, а не лишать город граждан изгнаниями и казнями и старались вернуть вас в родственный союз, ни с кем не ссорить, но заставить жить одинаково со всеми в мире.

А то, что мы пришли к вам не с враждебными намерениями, явствует из того, что мы не сделали никому вреда, но открыто предложили всем добропорядочным гражданам, которые стояли за старый союз всех беотийцев, присоединиться к нам. (2) Ведь и вы сначала также дружественно пошли нам навстречу, заключили соглашение с нами и хранили полное спокойствие. Лишь обнаружив нашу малочисленность, вы обратились против нас. Если даже вы нашли, что мы поступили неправильно, войдя к вам в город без согласия всего народа, то все же как отлично было наше поведение от вашего! Последуй вы нашему примеру, вы не стали бы прибегать к насилию, а постарались бы убедить нас удалиться; вы же, нарушив соглашение, напали на нас. И не так скорбим мы об участи убитых вами в рукопашной схватке (ведь они погибли по закону войны), как о гибели пленников, простиравших руки с мольбой о пощаде, которых вы оставили в живых, но затем, вопреки данным нам обещаниям, противозаконно казнили. Разве это не ужасное преступление? (3) Тут вы за несколько часов совершили три преступления: нарушили соглашение, казнили пленников и обманули нас, не сдержав своего обещания не казнить их, если мы пощадим ваше имущество на полях. И вот вы все

же настаиваете на нашей виновности и требуете своего оправдания. Нет! Если лакедемонские судьи решат правильно, то вы будете наказаны за все ваши преступные деяния.

Мы подробно изложили все это ради вас, лакедемоняне, и ради нас самих, чтобы вы знали, что, осудив их, вы поступите справедливо, а мы могли считать наше мщение еще более благочестивым. (2) Не позволяйте смягчить себя их прошлыми доблестями (если даже они действительно существовали). На эти доблести могут ссылаться лишь пострадавшие невинно, люди же, совершившие недостойные поступки, заслуживают наказания вдвойне, потому что поступили вопреки своему долгу и своим прежним доблестям. Пусть не трогают вас, судьи, их жалостные вопли, зывание к могилам ваших отцов и ссылки на свое полное одиночество. (3) Со своей стороны, мы можем указать на более горькую участь нашей молодежи, перебитой платейцами. Их отцы либо пали при Коронее, стараясь привлечь Беотию на вашу сторону, либо ныне — уже старцы, — лишённые сыновей, в пустых домах, с большим правом умоляют вас о наказании платейцев. (4) Люди, незаслуженно страдающие, действительно более достойны жалости; напротив, если злая участь постигнет тех, кто ее заслуживает, как эти платейцы, то этому можно только радоваться. (5) Ведь их теперешним одиночеством они обязаны только себе, так как добровольно оттолкнули своих лучших союзников. С нами, которые ничем их не обидели, они поступили незаконно, действуя, скорее, из ненависти, нежели по справедливости, и поныне они еще не понесли за это достаточного наказания. Они будут заслуженно наказаны по закону, так как, вопреки их уверениям, не простирали руки с мольбой о защите на поле битвы, но после сдачи города добровольно согласились подчиниться вашему судебному приговору. (6) Итак, лакедемоняне, заставьте вновь уважать общеэллинские законы, попранные платейцами, и воздайте за причиненные нам обиды справедливое удовлетворение, которое мы заслужили своим рвением в борьбе за правое дело. Не отвергайте нас под влиянием их речи и покажите эллинам на будущее пример того, как вы будете судить, придавая значение не словам, а делам. Если их дела доблестны, то не нужно многих речей, если же это — преступление, то речи, расцвеченные красивыми словами, слу-

жат лишь покровом для извращения истины. Если все вожди, какими являетесь вы теперь, будут сводить все разбирательства к краткому, но ясному вопросу, то у людей будет меньше соблазна выискивать красивые слова, чтобы оправдывать несправедливые деяния».

Таковы были речи фиванцев. И лакедемонские судьи сочли правильным поставить вопрос о том, какие услуги платейцы оказали им во время этой войны. Они исходили при этом из того, что платейцы отклонили их требование о нейтралитете в силу старого договора с Павсанием после мидийских войн. И перед осадой Платеи лакедемоняне снова предлагали платейцам оставаться нейтральными по условиям того же договора, но те опять отказались. Отвергнув это справедливое требование, платейцы, по мнению лакедемонян, тем самым уже нарушили союзный договор и поставили себя в положение врагов. Итак, лакедемоняне, вызывая платейцев поодиночке, стали задавать каждому тот же самый вопрос: оказали ли они во время войны какую-нибудь услугу лакедемонянам и их союзникам? Когда платейцы отвечали «нет», то лакедемоняне уводили их и всех предавали казни до последнего человека. (2) В общем было казнено не менее 200 платейцев и 25 афинян, которые с самого начала вместе с платейцами выдерживали осаду. Женщины же из Платеи были проданы в рабство. (3) Город Платею фиванцы отдали для поселения приблизительно на год мегарцам, изгнанным после восстания, и еще оставшимся в живых своим сторонникам из Платеи. Впоследствии, однако, они разрушили город до основания и построили поблизости от святилища Геры подворье квадратной формы, каждая сторона которого была в 200 футов длиной. Это было двухэтажное здание с комнатами внутри, для которого были взяты стропила и дверные створки из разрушенных домов Платеи. Кроме того, из домашней утвари и медных и железных предметов, взятых в городе, они сделали ложа и посветили Гере. В честь Геры было построено также каменное святилище длиной в 100 футов. Платейскую область они сделали общественной собственностью и на 10 лет отдали в аренду. Право пользования землей получили фиванцы. (4) Такая суровость лакедемонян во всем этом деле по отношению к платейцам была вызвана их желанием вознаг-

радить фиванцев, которых они считали весьма ценными союзниками в только что начавшейся войне. (5) Такова была участь Платеи, подвергшейся разрушению спустя 93 года после ее вступления в союз с Афинами.

Между тем 40 пелопоннесских кораблей, прибывших на помощь лесбосцам, спасались бегством в открытом море, преследуемые афинянами. Неподалеку от Крита пелопоннесскую эскадру застигла буря и оттуда в полном беспорядке отнесла к Пелопоннесу. У Киллены пелопоннесцы застали 13 левкадских и ампракийских триер и встретили Брасида, сына Теллида, который был послан из Лакедемона советником Алкиду. (2) После неудачи своего предприятия на Лесбосе лакедемоняне решили усилить флот и плыть на Керкиру, где в то время вспыхнула междоусобная борьба. Афинская сторожевая эскадра у Навпакта состояла всего из 12 кораблей, и лакедемоняне рассчитывали достичь острова до прибытия туда подкреплений из Афин. К этому походу теперь как раз и готовились Брасид и Алкид.

На Керкире после возвращения пленников, захваченных коринфянами в морских сражениях во время эпидамнской войны, началась партийная борьба. Пленники были освобождены якобы за 800 талантов по поручительству их проксенов в Коринфе, а в действительности за то, что обязались привлечь Керкиру на сторону коринфян. Освобожденные пленники обходили на острове всех граждан из дома в дом и уговаривали восстать против афинян. (2) Между тем на Керкиру прибыли афинский и коринфский корабли с послами на борту. После выступления послов обеих сторон в народном собрании керкиряне решили остаться в союзе с афинянами согласно договору, но вместе с тем возобновить свои прежние дружественные отношения с пелопоннесцами. (3) Вождем демократической партии на Керкире был тогда некто Пифий, который вместе с тем был добровольным проксеном афинян. Его вернувшиеся из Коринфа граждане привлекли к суду за то, что он будто бы хотел подчинить Керкиру афинскому господству. (4) Пифию, однако, удалось оправдаться, и он, со своей стороны, обвинил пятерых самых богатых своих противников в том, что они вырубали подпорки для виноградной лозы в священных рощах Зевса и Алкиноя (за каждую подпорку был установлен штраф в 1

статер). (5) Эти пятеро богачей были осуждены. Однако штраф был столь велик, что осужденные сели у святилищ Зевса и Алкиноя, умоляя разрешить им уплату штрафа по крайней мере по частям в определенные сроки. Но Пифий, бывший одновременно и вождем народной партии и членом совета, настаивал, чтобы с виновными поступили по всей строгости закона. (6) Получив отказ в своей просьбе и, кроме того, узнав, что Пифий намерен (пока он еще член совета) убедить народ иметь общих с Афинами друзей и врагов, обвиняемые богачи и их сторонники составили заговор. Вооружившись кинжалами, они внезапно ворвались в помещение совета и убили Пифия и с ним еще около 60 советников и простых граждан. Лишь немногим сторонникам Пифия удалось бежать, найдя убежище на аттической триере, все еще стоявшей в гавани.

После этого избиения сторонников народа заговорщики созвали народное собрание керкирян и объявили, что все это совершено ими ко благу народа и необходимо для избавления от ига афинян. А впредь следует закрыть гавань для кораблей обеих воюющих сторон в числе более одного корабля, прибывающего с мирной целью; появление же большего числа — считать враждебным актом. Олигархи тотчас же заставили народное собрание одобрить это предложение. (2) Затем они немедленно отправили посольство в Афины, желая представить совершенный переворот в благоприятном свете и предостеречь нашедших там убежище изгнанников от каких-нибудь неподобающих поступков под страхом возмездия афинян.

Однако тотчас же по прибытии в Афины послы были схвачены как бунтовщики (вместе с примкнувшими к ним изгнанниками) и отправлены на Эгину. (2) Между тем захватившие теперь власть на Керкире олигархи после прибытия коринфской триеры с лакедемонским посольством открыто напали на демократов и одержали победу в схватке. (3) С наступлением ночи демократы отступили на акрополь и в более возвышенные части города. Здесь, сосредоточив свои силы, они укрепились и захватили Гиллайскую гавань. Противники же заняли рыночную площадь (где у большинства из них поблизости были дома) и примыкающую к ней гавань напротив материка.

На следующий день начались небольшие столкновения, и обе стороны стали посылать вестников в окрестные поля, чтобы привлечь на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов присоединилось к демократам; к противникам же пришли 800 человек с материка.

Лишь на второй день началось сражение, и на этот раз победу одержал народ, который обладал преимуществом в численности и более сильной позицией. Даже женщины принимали горячее участие в битве: они бросали черепицы с крыш домов и вопреки своей природе стойко выдерживали смятение битвы. (2) Олигархи потерпели поражение и с наступлением ночи, опасаясь, что народ может штурмом овладеть верфью и погубить их, подожгли частные дома около рынка и дома с наемными квартирами. Чтобы преградить путь народу, они не щадили ни своих, ни чужих домов, так что в огне погибло много купеческого товара, и весь город стал бы добычей пламени, если бы ветром огонь был переброшен в ту сторону. (3) Обе враждующие стороны после битвы держались спокойно и всю ночь были на страже. Коринфский корабль после победы народа тайно отплыл, и большая часть вспомогательного отряда с материка незаметно переправилась обратно.

На следующий день на Керкиру прибыл из Навпакта афинский стратег Никострат, сын Диитрефа, с 12 кораблями и 500 мессенских гоплитов. Он пытался уладить раздоры на острове мирным путем, и по его совету обе враждующие стороны согласились предать суду 10 наиболее виновных лиц (которые, впрочем, немедленно бежали). Остальные должны были жить в мире, заключив оборонительный и наступательный союз с афинянами. (2) Достигнув своей цели примирить керкирян, Никострат намеревался уже отплыть назад, когда вождь народной партии попросил его оставить пять своих кораблей, чтобы удержать противников от новых попыток возмущения; взамен они обещали, укомплектовав экипажем, послать с ним столько же своих кораблей. (3) Никострат согласился, и они набрали экипажи для этих кораблей только из числа своих противников. Однако эти отобранные люди в страхе, что их отправят в Афины, бежали в святилище Диоскуров и сели там как молящие. (4) Никострат приказал им встать и старался успоко-

ить их, но безуспешно, так как они не верили ему. Тогда демократы взялись за оружие, убежденные в том, что недоверие и отказ противников плыть в Афины являются доказательством их злого умысла. Они вынесли из домов противников оружие и перебили бы нескольких попавшихся навстречу олигархов, если бы Никострат не помешал этому. (5) Остальные олигархи, в числе не менее четырехсот человек, видя это, бежали в святилище Геры и сели там как молящие. Демократы же из опасения, как бы те опять не прибегли к насилию, убедили их встать и переправили на остров перед святилищем Геры, куда им и доставляли съестные припасы.

На этой стадии партийной борьбы, на четвертый или пятый день после отправки олигархов на остров, пришла пелопоннесская эскадра в составе 53 кораблей из Киллены, где она стояла на якоре после возвращения из Ионии. Во главе ее по-прежнему стоял Алкид, имея на борту советником Брасида. На ночь пелопоннесские корабли бросили якорь в Сиборах (гавани на материке), а на рассвете поплыли на Керкиру.

Демократические власти на острове пришли в смятение. Народ страшился внутренних врагов не менее, чем пелопоннесских кораблей. Тотчас же было решено снарядить 60 кораблей и, укомплектовав экипажем, по мере их оснащения посылать против врага, хотя афиняне советовали сначала предоставить выступить им одним; самим же керкирянам они предлагали следовать за ними, как только соберут свои силы. (2) Когда эти наспех оснащенные корабли керкирян поодиночке сблизилась с неприятелем, тотчас же два из них перешли на сторону неприятеля, а на других начались раздоры среди экипажа, да и вообще на кораблях царил полный беспорядок. (3) Едва только пелопоннесцы заметили раздоры и замешательство в рядах противника, как двадцать их кораблей в боевом строю атаковали керкирян, а остальные обратились против двенадцати афинских кораблей, в числе которых были государственные корабли «Саламиния» и «Парал».

Керкиряне, нападая в беспорядке, каждый раз небольшими отрядами и без помощи афинян, терпели тяжелый урон. Афиняне же, опасаясь численного превосходства противни-

ка и охвата им своих кораблей, не решались атаковать главные силы или центр стоявшей против них эскадры. Они атаковали крыло вражеской эскадры и потопили один корабль. Затем, когда неприятельские корабли образовали круг, афиняне стали охватывать их, пытаясь привести в замешательство. (2) Когда пелопоннесцы, стоявшие против керкирян, заметили этот маневр афинян, то, опасаясь повторения неудачи при Навпакте, пошли на помощь своим, и вся пелопоннеская эскадра атаковала афинян. (3) Поэтому афиняне стали отходить, гребя кормой вперед, в надежде, что их медленное отступление даст возможность керкирянам оторваться от противника, тем более что неприятельская атака была теперь направлена на них. Эта морская битва окончилась около захода солнца.

Демократы на Керкире опасались, что враги после победы нападут на город или начнут какие-либо враждебные действия, например захватят молящих олигархов на острове. Тогда они перевели молящих обратно в святилище Геры и установили в городе строгую охрану. (2) Пелопоннесцы между тем, хотя и выиграли сражение, все же не решались с моря напасть на город и возвратились на свою стоянку с 13 захваченными керкирскими кораблями. (3) И на следующий день они еще не отважились атаковать город, хотя в нем царил смятение и ужас. Как говорят, Брасид советовал Алкиду сделать попытку овладеть городом; однако не он, а Алкид имел решающее слово. Итак, пелопоннесцы высадились только у мыса Левкимны и стали опустошать страну.

Между тем демократы на Керкире, с ужасом ожидая нападения пелопоннесской эскадры, вступили в переговоры с молящими в святилище и с остальными противниками о необходимых мерах для спасения города. Некоторых из них даже убедили вступить в корабельные экипажи. Несмотря на волнения, демократам удалось укомплектовать экипажем еще 30 кораблей. (2) Пелопоннесцы между тем до полудня разоряли страну, а затем отплыли назад. С наступлением ночи сигнальными огнями пелопоннесцам передали известие о приближении от Левкады 60 афинских кораблей. Эти корабли под командой Евримедонта, сына Фукла, были посланы афинянами после получения вести о восстании на Керкире и о предполагаемом походе туда Алкида.

Тем временем пелопоннесцы еще в ту же ночь с величайшей поспешностью отплыли домой, держась вдоль побережья. У Левкады они с помощью лебедек перетасили свои корабли через перешеек (чтобы неприятель не заметил огибающую остров эскадру) и благополучно возвратились домой. (2) Узнав о подходе аттических кораблей и о том, что неприятель скрылся, демократы на Керкире ввели в город мессенские отряды, до сих пор находившиеся за городскими стенами, и приказали кораблям, укомплектованным экипажами, плыть вокруг острова в Гиллайскую гавань. Пока эти корабли шли, демократы принялись убивать в городе тех из своих противников, кого удалось отыскать и схватить. Своих противников, согласившихся служить на кораблях, они заставили сойти на берег и перебили их всех. Затем, тайно вступив в святилище Геры, они убедили около 50 находившихся там молящих выйти, чтобы предстать перед судом, и осудили всех на смерть. (3) Однако большая часть молящих не согласилась выйти. Когда они увидели, что происходит с другими, то стали убивать друг друга на самом священном участке. Некоторые повесились на деревьях, а другие покончили с собой кто как мог. (4) В течение семи дней, пока Евримедонт после своего прибытия с 60 кораблями оставался на острове, демократы продолжали избивание тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из личной вражды, а иные — даже своими должниками из-за денег, данных ими в долг. (5) Смерть здесь царила во всех ее видах. Все ужасы, которыми сопровождаются перевороты, подобные только что описанному, все это происходило тогда на Керкире и, можно сказать, даже превосходило их. Отец убивал сына, молящих о защите силой отрывали от алтарей и убивали тут же. Некоторых даже замуrowали в святилище Диониса, где они и погибли.

До такой неистовой жестокости дошла эта междоусобная борьба. Она произвела ужасное впечатление, особенно потому, что подобное ожесточение проявилось впервые. Действительно, впоследствии весь эллинский мир был потрясен борьбой партий. В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов —

лакедемонян. В мирное время у партийных вожаков, вероятно, не было бы ни повода к этому, ни склонности. Теперь же, когда Афины и Лакедемон стали враждовать, обеим партиям легко было приобрести союзников для подавления противников и укрепления своих сил, и недовольные элементы в городе охотно призывали чужеземцев на помощь, стремясь к политическим переменам. (2) Вследствие внутренних раздоров на города обрушилось множество тяжелых бедствий, которые, конечно, возникали и прежде и всегда будут в большей или меньшей степени возникать, пока человеческая природа останется неизменной, различаясь лишь по своему характеру в зависимости от обстоятельств. Действительно, во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами, потому что не связаны условиями, лишаящими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни. (3) Этой междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады. Города, по каким-либо причинам вовлеченные в нее позднее, узнав теперь о происшедших подобного рода событиях в других городах, заходили все дальше и дальше в своих буйственных замыслах и превосходили своих предшественников коварством в приемах борьбы и жестокостью мщения. (4) Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность — замаскированной трусостью, умеренность — личиной малодушия, всестороннее обсуждение — совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия. (5) Человек, поносящий других и вечно всем недовольный, пользовался доверием, а его противник, напротив, вызывал подозрения. Удачливый и хитрый интриган считался проницательным, а распознавший заранее его планы — еще более ловким. С другой стороны, того, кто заранее решил отказаться от участия в политических происках, того считали врагом своей

партии и трусом, испугавшимся противника. Хвалили тех, кто мог заранее предупредить доносом задуманную против него интригу или подталкивал на это других, даже не помышлявших о подобных действиях. (6) Политические узы оказывались крепче кровных связей, потому что члены гетерий скорее шли очертя голову на любое опасное дело. Ведь подобные организации отнюдь не были направлены ко благу общества в рамках, установленных законами, но противозаконно служили лишь для распространения собственного влияния в своекорыстных интересах. Взаимная верность таких людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а скорее была основана на совместном их попирании. (7) Они соглашались на миролюбивые предложения противников, когда те одерживали верх, если считали их выгодными, и принимали меры предосторожности, но вовсе не из благородных побуждений. Отомстить за обиду ставилось выше, чем избежать обиды. Взаимные клятвы, даваемые для примирения, обе стороны признавали лишь средством для того, чтобы выиграть время в трудном положении, и считали себя связанными ими лишь до тех пор, пока не соберутся с силами для новой борьбы. Кто при удобном случае первым осмеливался нанести удар врагу, мстил ему с большим наслаждением в минуту его слабости, когда тот чувствовал себя в безопасности, полагаясь на клятвенное обещание противника, чем в открытом бою; к тому же ведь нападающий мог не только рассчитывать на верный успех, но даже и прославиться тем, что одолел врага коварством: большинство людей предпочитают слыть ловкими плутами, нежели честными глупцами; первым они гордятся, а последнее считают постыдным. (8) Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии. Отсюда проистекает и жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам. Действительно, у главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство. Всячески стараясь при этом одолеть друг друга, они совершали низкие преступления, но в своей мстительности они заходили еще дальше, руководствуясь при этом

не справедливостью или благом государства, а лишь выгодой той или иной партии. Достигнув власти путем нечестного голосования или насилием, они готовы в каждый момент утолить свою ненависть к противникам. Благочестие и страх перед богами были для обеих партий лишь пустым звуком, и те, кто совершал под прикрытием громких фраз какие-либо бесчестные деяния, слыли даже более доблестными. Умеренные граждане, не принадлежавшие ни к какой партии, становились жертвами обеих, потому что держались в стороне от политической борьбы или вызывали ненависть к себе уже самим своим существованием.

Так борьба партий породила в Элладе всяческие пороки и нечестия, а душевная простота и добросердечие — качества, наиболее свойственные благородной натуре, — исчезли, став предметом насмешек. Повсюду противостояли друг другу охваченные подозрительностью враждующие партии. (2) Ведь ничто уже не могло примирить их, и даже самые торжественные заверения и страшные клятвы не помогали умиротворению. Все были твердо убеждены лишь в том, что всеобщей безопасности нет и поэтому каждый должен заботиться о своей собственной безопасности и не доверять другим. (3) И как раз люди менее развитые и менее образованные большей частью и одерживали верх в этой борьбе. Ведь, сознавая собственную неполноценность и опасаясь, что в силу духовного превосходства и большей ловкости противников попадут в ловушку, они смело прибегали к насилию. (4) Напротив, другие высокомерно считали, что все уже ими заранее предусмотрено и они обойдутся даже без насильственных действий, с помощью одной изворотливости, и поэтому, потеряв бдительность, скорее погибали.

[Многие из этих злодеяний возникли впервые на Керкире. Одни были вызваны мстью правителям, которые управляли неразумно, как тираны, проявляя больше произвола, чем умеренности, и вызывая ненависть угнетенных. Другие порождено стремление избавиться от привычной бедности и незаконными способами овладеть добром своих сограждан. Иные преступления совершались не из алчности, но в силу взаимной вражды друг к другу людей разного положения, которые доходили до крайности в своей неумолимой жестокости. (2) Жизнь в городе в это время вообще пришла в рас-

стройство. Человеческая натура, всегда готовая преступить законы, теперь попрала их и с радостью выявила необузданность своих страстей, пренебрегая законностью и справедливостью и враждуя со всем, что выше ее. Конечно, люди не пожертвовали бы благочестием ради удовольствия отомщения и сознанием, что никому не сделано зла, ради временных выгод, если бы зависть не имела столь вредоносной власти. (3) Но когда дело идет о мести, то люди не задумываются о будущем и без колебаний попирают все общечеловеческие законы, в которых заключена надежда на собственное спасение человека в случае какой-нибудь беды.]

Таковы были политические страсти, которые впервые овладели жителями Керкиры во взаимных отношениях. Между тем Евримедонт с афинской эскадрой отплыл домой. (2) Впоследствии керкирские изгнанники олигархи (их спаслось около 500 человек), захватив укрепление, находившееся на материке, овладели землей керкирян на противоположном берегу. Отсюда они совершали разорительные набеги на остров и причиняли жителям много вреда, так что в городе возник сильный голод. (3) Затем изгнанники отправили посольство в Лакедемон и Коринф с просьбой вернуть их на Керкиру. Не добившись успеха, они приготовили транспортные суда и, на вербовав наемников, переправились на остров общим числом около 600 человек. Затем они сожгли свои суда, чтобы уничтожить всякую надежду помимо захвата земли, и потом, поднявшись на гору Истону, возвели там укрепление. Отсюда, овладев окрестностями, они стали грабить горожан.

В конце того же лета афиняне послали в Сицилию эскадру в составе 20 кораблей под командой Лахета, сына Меланопа, и Хареада, сына Евфилета. (2) Поводом к этому было то, что в это время начали войну между собой сиракузяне и леонтинцы. Союзниками сиракузян были все остальные дорийские города (кроме Камарины), которые присоединились к лакедемонскому союзу тотчас после начала войны, хотя и не принимали участия в ней. Сторону же леонтинцев держали халкидские города и Камарина. В Италии к Сиракузам присоединились локры, а к леонтинцам — в силу племенного родства — регийцы. (3) Союзники леонтинцев, теснимые на суше и на море сиракузянами, отправили послов в Афи-

ны с просьбой прислать им на помощь эскадру как ионянам и старым друзьям. (4) Афиняне послали эскадру под предлогом старинной дружбы, а на самом деле — чтобы отрезать подвоз оттуда хлеба в Пелопоннес и чтобы выяснить одновременно, не удастся ли захватить Сицилию. (5) Итак, афиняне, высадившись у Регия в Италии, приняли участие в войне своих союзников. Так окончилось это лето.

Следующей зимой чума (которая, впрочем, никогда совсем не затихала, однако на некоторое время значительно ослабела) вторично вспыхнула в Афинах. (2) На этот раз болезнь свирепствовала целый год (прошлый же раз — два года), так что мощь афинян ничем, конечно, не была так ослаблена, как этим бедствием. (3) Действительно, из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения, с точностью установить невозможно. (4) Много было тогда и случаев землетрясений в Афинах, на Евбее, в Беотии и особенно в Орхомене беотийском.

В течение той же зимы находившиеся в Сицилии афиняне и регийцы на 30 кораблях предприняли поход на так называемые Эоловы острова (летом из-за мелководья поход был невозможен). (2) Острова эти принадлежат липарейцам (колонистам книдян), которые, однако, живут лишь на одном довольно небольшом островке под названием Липара, отправляясь с которого они обрабатывают землю также на остальных островах — Дидима, Стронгила и Гиера. (3) Население островов верит, что на Гиере находится кузница Гефеста, потому что ночью там виден огненный столп, извергающийся из недр, а днем над островом поднимается дым. Острова эти расположены против земли сикулов и мессенцев и тогда состояли в союзе с Сиракузами. (4) Афиняне разорили их земли и затем, так как жители не желали сдаваться, отплыли в Регий. Так кончилась зима и пятый год войны, которую описал Фукидид.

Следующим летом пелопоннесцы и союзники во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидамы, намеревались совершить новое вторжение в Аттику, но, дойдя до Истмы, возвратились назад из-за множества сильных землетрясений, так что в этом году вторжения не произошло. (2) Приблизительно в это же время из-за продолжавшихся землетрясе-

ний в Оробиях (что на Евбее) море отступило от тогдашней береговой линии, а затем гигантские приливные волны обрушились на город и частично его затопили, а потом вновь отхлынули, так что там, где раньше была земля, теперь — море. При этом погибло много людей, не успевших заблаговременно бежать на высоты. (3) Подобное же наводнение случилось и на Аталанте (остров на побережье против Опунтской Локриды), причем снесло часть афинского укрепления на острове и разрушило один из двух афинских кораблей, вытщенных на сушу. (4) У Пепарефа море также несколько отступило, но наводнения не произошло; землетрясение же разрушило часть городской стены, пристаней и несколько домов. (5) Причина этого, как я полагаю, в том, что в пунктах, где ощущались наиболее сильные подземные толчки, море сначала отхлынуло назад, а затем, после прекращения толчков, поднялось с новой силой. По моему мнению, это и есть причина явления, которого без землетрясения никогда не было бы.

В то же лето в разных частях Сицилии продолжалась война. Сицилийские эллины воевали друг с другом, афиняне же помогали своим союзникам. Я упомяну лишь о главных событиях с участием афинян и союзников, которые нападали сами и отражали атаки противника. (2) После смерти афинского стратега Харсада, павшего в битве с сиракузянами, Лахет, приняв главное командование флотом, выступил с союзниками в поход на Милы, город, принадлежавший мессенцам. Гарнизон в Милах состоял из двух мессенских отрядов, которые устроили засаду против афинского десанта, высаженного с кораблей. (3) Однако афиняне с союзниками обратили в бегство противника, бывшего в засаде, нанеся ему большие потери. Затем они атаковали крепость и заставили неприятелей сдать акрополь и вместе с ними идти на Мессену. (4) В конце концов, после прихода афинян с союзниками, мессенцы также капитулировали, выдали заложников и дали другие гарантии верности, которые требовали от них афиняне.

В то же лето афиняне выслали эскадру из 30 кораблей вокруг Пелопоннеса во главе с Демосфеном, сыном Алкисфена, и Проклом, сыном Феодора. Они также отправили 60 кораблей с 2000 гоплитов к Мелосу во главе с Никием,

сыном Никерата. (2) Афиняне намеревались подчинить мелосцев, которые хотя и были островитянами, но все же сопротивлялись афинянам и не желали вступать в союз с ними. (3) Так как мелосцы даже после опустошения их земли не соглашались сдаться, то афинянам пришлось отплыть в Ороп в области Грайи. Там они высадились с наступлением ночи, и гоплиты с кораблей сразу же по суше двинулись на беотийскую Танагру. (4) Между тем все афинские силы под начальством Гиппоника, сына Каллия, и Евримедонта, сына Фукла, по данному сигналу выступили в тот же пункт им навстречу. (5) Там они разбили лагерь и вместе разоряли землю, оставаясь у Танагры весь этот день и следующую ночь. На следующий день они разбили танагрийцев, сделавших вылазку, и пришедших им на помощь фиванцев. Затем афиняне сняли доспехи с павших воинов и, поставив трофей, возвратились — одни в город, а другие — к своим кораблям. (6) Никий же с эскадрой из 60 кораблей отплыл к берегам Локриды и, опустошив страну, возвратился домой.

Приблизительно в это же время лакедемоняне основали колонию Гераклею в Трахинии по следующим соображениям. (2) Все малийцы разделяются на три племени: паралиев, гиереев и трахинян. Из них трахиняне после тяжких поражений в войне с соседними этейцами сначала решили присоединиться к афинянам; затем, однако, не полагаясь на верность афинян, обратились за помощью в Лакедемон, выбрав послом Тисамена. (3) К посольству присоединилась с просьбой о помощи также и Дорида, метрополия лакедемонян, так как и она страдала от этейцев. (4) Лакедемоняне выслушали просьбы посольства и, желая помочь как трахинянам, так и дорийцам, решили основать там колонию. Вместе с тем они считали стратегическое положение нового города благоприятным для войны с афинянами. Ведь там можно было снаряжать и переправлять корабли на Евбею кратчайшим путем. Кроме того, это будет, как думали они, удобное место, откуда можно перебрасывать войска во Фракию вдоль побережья. Одним словом, лакедемоняне всячески стремились основать там колонию. (5) Впрочем, сначала лакедемоняне спросили об этом бога в Дельфах. После благоприятного ответа оракула они выслали колонистов: своих граждан и периеков, но вместе с тем также

предоставили право присоединиться к ним по желанию и прочим эллинам, кроме ионян, ахейцев и некоторых других племен. Вождями — основателями колонии было трое лакедемонян: Леонт, Алкид и Дамагон. (6) Поселившись там, они заново укрепили город, называемый теперь Гераклеей и отстоящий стадиях в 40 от Фермопил и в 20 — от моря. Они начали также постройку верфи и преградили доступ к устью Фермопил для безопасности города.

В Афинах строительство нового города вызвало сначала опасение и тревогу, так как афиняне считали, что он основан главным образом с целью напасть на Евбею (ведь мыс Кеней на Евбее находится оттуда на расстоянии лишь короткой морской переправы). Впоследствии, однако, против ожидания, от этого города никакого вреда афинянам не получилось. Причины были следующие. (2) Прежде всего, фессалийцы, во власти которых была эта страна, и племена, на чьей земле была основана колония, опасаясь сильных и грозных для них пришельцев, начали с ними нескончаемые войны и почти совершенно их истребили (хотя первоначально колонистов было очень много). Действительно, каждый считал колонию безопасной (ведь во главе предприятия стояли лакедемоняне) и без колебаний селился там. (3) Другой важной причиной гибели колонии был образ действий правителей, присланных из Лакедемона, которые возбудили народную ненависть суровым и зачастую несправедливым управлением. Поэтому-то Гераклея стала легкой добычей соседей.

Тем же летом и приблизительно в то же время, когда афиняне были заняты на Мелосе, команда 30 афинских кораблей, крейсировавших в пелопоннесских водах, из засады сначала перебила у Элломена в Левкадии часть тамошнего гарнизона. Позднее афиняне напали и на Левкаду с большими силами, состоявшими из акарнанов (кроме жителей Эниад, остальные же акарнаны шли со всеми силами), закинфян, кефалленцев и пятнадцати кораблей из Керкиры. (2) Левкадцы, однако, держались спокойно и не выходили навстречу врагу, несмотря на опустошение противником их земель по обеим сторонам перешейка (где находится Левкада и храм Аполлона): они понимали, что не в состоянии бороться с превосходящими силами врагов. Акарнаны требовали от тогдашнего афинского стратега Демосфена, чтобы он отрезал город осадной сте-

ной, рассчитывая, что легко возьмут город и избавятся от стародавнего врага. (3) Однако мессенцы только что убедили Демосфена, что хорошо было бы ему выступить в поход на этолийцев, врагов Навпакта, раз уж он собрал столь большое войско: покорив этолийцев, можно легко склонить на сторону афинян и остальное население союзников лакедемонян на этом побережье. (4) Правда, этолийцы, говорили мессенцы, большое и воинственное племя, однако живет оно в неукрепленных селениях, далеко разбросанных друг от друга, и имеет только легковооруженных воинов; поэтому их нетрудно будет подчинить, пока они не успели собрать свои силы. (5) Сначала Демосфену по совету мессенцев следовало атаковать аподотов, затем офионеев, а после них — евританов. Эти последние — самое многочисленное племя в Этолии — говорят на непонятном языке и, по рассказам, употребляют в пищу сырое мясо. Если бы Демосфену удалось подчинить это племя, то с остальными он легко справился бы.

Демосфен согласился на это предложение, желая оказать услугу мессенцам, а также главным образом потому, что считал возможным даже без подкреплений из Афин, лишь с помощью союзников на материке и этолийцев, напасть на Беотию по суше и через область озольских локров идти далее на дорийский Китиний, держась влево от горы Парнаса, пока не достигнет Фокиды. Он полагал, что фокиядяне по старой дружбе с афинянами добровольно примут участие в походе (в крайнем случае их придется принудить к этому). Ведь Фокида находится на границе с Беотией. Итак, Демосфен против воли акарнанов вышел из Левкады, держа курс на Соллий, вдоль побережья. (2) Здесь Демосфен раскрыл акарнанам свой план нападения на этолян. Когда же акарнаны отказались следовать за ним, ссылаясь на то, что Левкада осталась неукрепленной, то он сам начал поход против этолийцев с остальными боевыми силами — кефалленцами, мессенцами, закинфиянами и 300 воинами-пехотинцами с афинских кораблей (пятнадцать керкирских кораблей возвратились домой). (3) Выступил Демосфен из Энеона, что в Локриде. Тамошние озольские локры, союзники афинян, должны были встретить их, выйдя всем войском в глубь материка. Локры жили на границе Этолии, и так как имели одинаковое с этолийцами вооружение и бы-

ли хорошо знакомы со страной и с тактикой противника, то их помощь в экспедиции казалась особенно ценной.

Демосфен с войском провел первую ночь в святилище Зевса Немейского, где, по преданию, был убит местными жителями поэт Гесиод (которому была предсказана смерть в Немее), и на заре двинулся в Этолию. (2) В первый же день он овладел Потиданией, на следующий — Крокилием, а на третий — Тихием. Там он сделал остановку и отослал добычу в Евпáдий в Локриде. Однако Демосфен не собирался нападать на офيونян. Он предполагал после покорения остальной страны сначала вернуться в Навпакт и оттуда впоследствии напасть на них, если они ранее не пожелают присоединиться. (3) Эти планы и приготовления афинского военачальника, однако, уже с самого начала стали известны этолийцам. Лишь только вражеское войско пришло в их землю, все этолийцы с большим войском тотчас же выступили против врага. Даже самые дальние из офيونян — бомиейцы и каллии (их область простирается до Мелийского залива) — явились на помощь со всем войском.

Между тем мессенцы повторили свой первоначальный совет Демосфену. Они уверяли, что он легко покорит Этолию, если только, переходя как можно скорее от селения к селению, будет захватывать их, пока этолийцы еще не успели встретить его объединенными силами. (2) Доверившись советам мессенцев и полагаясь на свое неизменное счастье, так как все складывалось благоприятно и врага не было видно, Демосфен не стал дожидаться присоединения локров (что при отсутствии у афинян легковооруженных метателей дротиков было ему необходимо) и, сразу же двинувшись на Эгитий, взял его с первого приступа. Жители города бежали и заняли вершины холмов над городом, который расположен на возвышенностях приблизительно в 80 стадиях от моря. Между тем этолийцы, выступив на помощь Эгитию, напали на афинян и союзников. Враги нападали, спускаясь с холмов то в одном, то в другом месте, и метали дротики в афинян. Всякий раз при нападении афинян враг отступал, если же афиняне отходили, то этолийцы наседали на них. Битва затягивалась, таким образом; надолго: преследования и отступления сменяли друг друга; однако афиняне в обоих случаях терпели урон.

Пока у лучников еще были в запасе стрелы и они могли стрелять, афиняне стойко держались, ибо под обстрелом афинян этолийцы, у которых не было панцирей, отступали. Однако после гибели начальника стрелков его отряд рассеялся, да и сами афиняне были утомлены долгой и напряженной борьбой. Этолийцы между тем все сильнее теснили их, осыпая дротиками. Наконец афиняне обратились в бегство. При этом они попадали в овраги, откуда не было выхода, и в незнакомые им места и там погибали, тем более что пал и их проводник мессенец Хромон. (2) Быстроногие легковооруженные этолийцы настигали бегущих врагов и перебили многих. Большая часть беглецов, потеряв дорогу, забрела в лесные дебри. Тогда враги подожгли кругом лес, и те погибли. (3) Испытав все бедствия бегства, перед лицом отовсюду грозящей гибели, остатки афинского войска насилу достигли побережья у Энеона в Локриде, откуда они и выступили в поход. (4) В походе погибло также большое число союзников, у афинян же погибло около 120 гоплитов — вся отборная молодежь и самые доблестные граждане, которых в эту войну потеряло афинское государство. (5) Пал также и второй стратег Прокл. Получив по условиям перемирия от этолийцев тела своих павших воинов, афиняне отступили в Навпакт и затем на своих кораблях возвратились в Афины. Демосфен, однако, остался в Навпакте и его окрестностях, опасаясь гнева афинян после своей неудачи.

Приблизительно в то же время афинская эскадра в сицилийских водах взяла курс на Локриду. При высадке там афиняне разбили встретивших их локров и захватили пограничное сторожевое укрепление на реке Галеке.

Тем же летом этолийцы (которые еще раньше отправили в Коринф и Лакедемон послов: Толофа-офионянина, Бориада-евритана и Тисандра-аподота) убедили лакедемонян послать на помощь в Навпакт войско, чтобы наказать жителей города за призвание на помощь афинян. (2) Осенью лакедемоняне отправили войско в 3000 гоплитов из союзников (в том числе 500 из только что основанной тогда Гераклеи Трахинской). Военачальником был спартиат Еврилох, а товарищами — спартиаты Макарий и Менедай.

Когда войско собралось в Дельфах, Еврилох послал с вестью об этом глашатая к озольским локрам, так как путь в

Навпакт шел через их землю, а вместе с тем лакедемонский военачальник желал побудить локров к восстанию против афинян. (2) Среди локров особенно энергично помогали в этом Еврилоху жители Амфиссы, страшившиеся враждебных им фокидян. Они первыми выдали заложников, а затем склонили и других локров, боявшихся вторжения пелопоннесцев. Прежде всего они побудили отпасть своих соседей мионейн (которые владели самым труднодоступным горным проходом в Локриде); затем — ипнеян, мессапиев, тритеев, халеев, толофониев, гессиев и занфян. Все эти племена также присоединились к походу. Однако ольпеи хотя и выдали заложников, но в поход не выступили. Гиен даже не выдали заложников, пока лакедемоняне не захватили одно из их селений под названием Полис.

Когда все было готово, Еврилох, отправив заложников в дорийский Китиний, выступил с войском через Локриду в Навпакт. По пути он захватил локрийские города Энеон и Евпалий (не присоединившиеся к нему). (2) По прибытии в Навпактскую область Еврилох вместе с присоединившимися здесь этолийцами принялся разорять поля и захватил неукрепленное предместье города. Затем войска подошли к Моликрею, коринфской колонии, подчинившейся афинянам, и овладели им. (3) Между тем афинянин Демосфен, который после своей неудачи в Этолии все еще находился возле Навпакта, узнав о приближении войска и опасаясь за участь города, прибыл к акарнанам, склонил их (с большим трудом, так как они не забыли его ухода из Левкады) помочь Навпакту. (4) Итак, акарнаны отправили вместе с ним в Навпакт на кораблях 1000 гоплитов, которые вошли в город и спасли его: ведь можно было опасаться, что город едва ли устоит, имея стену столь большой длины при малом числе защитников. (5) Еврилох же и его воины, узнав об усилении гарнизона, решили, что приступом взять город невозможно, и отступили, но не к Пелопоннесу, а в так называемую Эолиду, в область городов Калидона и Плеврона, и также в этолийский Просхий. (6) Прибывшие в это время ампракиоты убедили лакедемонян идти с ними в поход на Амфилохский Аргос, на остальную Амфилохию и на Аккарнанию, говоря, что, лишь только лакедемоняне овладеют этими местами, весь материк присоединится к лакедемон-

скому союзу. (7) Еврилох принял предложение ампракиотов. Отпустив этолийцев, сам он решил остаться с войском в стране, пока его помощь не понадобится ампракиотам в походе на Аргос. Так окончилось лето.

Следующей зимой афиняне с их эллинскими союзниками в Сицилии и со многими сицилийцами (до сих пор подвластными сиракузянам, а теперь перешедшими на сторону афинян) напали на сицилийский город Инессу (акрополь которого занимали сиракузяне). Попытка взять город, однако, не удалась, и афинянам пришлось отступить. (2) При отступлении сиракузяне напали из акрополя на союзников, шедших в арьергарде афинян, обратили часть их в бегство и нанесли большие потери. (3) Вскоре после этого афиняне во главе с Лахетом высадили с кораблей несколько десантов в Локриде. На реке Каикине афиняне одержали победу над отрядом локров численностью около 300 человек (во главе с Проксеном, сыном Капатона). Победители сняли доспехи с павших врагов и затем отступили.

Той же зимой, по вешанию некоего оракула, афиняне произвели очищение острова Делоса. Еще ранее тиран Писистрат очистил остров, однако не весь, но лишь часть, на которую открывался вид из святилища. На этот раз был очищен весь остров следующим образом. (2) Все гробы с покойниками афиняне велели удалить с острова и впредь воспретили пребывание там умирающих и рожаящих, предписывая умирающих и рожениц перевозить на Рению. Остров Рения лежит столь близко от Делоса, что тиран самосский Поликрат, одно время господствовавший со своим флотом на море, завоевал Рению (равно как и другие острова), соединил его цепью с Делосом, посвятив Делосскому Аполлону. (3) После очищения афиняне впервые стали проводить каждые четыре года Делосские игры. На Делосе уже издревле происходили великие собрания ионийцев и жителей соседних островов. Сюда они приезжали (как ныне на Эфесские игры) вместе с женами и детьми смотреть на Делосские игры. Здесь происходили мусические и гимнастические состязания и устраивались городами хороводные пляски с пением.

КСЕНОФОНТ

ок. 445 — 355 гг. до н. э.

Жизнь

Родился около 445 г. до н. э. в Афинах, в аристократической семье. Получил характерное аристократическое воспитание и образование.

Знатное происхождение подтверждается его службой в молодые годы в афинской коннице, что было обязанностью и привилегией аристократов.

Учителем Ксенофонта был Сократ.

В 401 г. Ксенофонт принял участие в походе претендента на персидский престол Кира.

В 400 г. он избирается одним из стратегов греческих наемников и отличается как талантливый организатор и полководец. На заключительной ставке похода он единолично возглавляет греческое войско.

По окончании обратного похода Ксенофонт с уцелевшими воинами нанялся на службу к фракийскому царю Севфу (400—399 гг.).

Сократ (470/469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода познания истины путем постановки наводящих вопросов. Был обвинен в разложении молодежи

В 399 г. спартанские эмиссары наняли на службу бывших наемников Кира.

В 396 г. в Малую Азию прибыл спартанский царь Агесилай. Состоя при Агесилае, Ксенофонт, вероятно, в течение некоторого времени продолжал командовать наемниками, а затем перешел на положение доверенного советника.

В 394 г. вместе со своим покровителем он вернулся в Грецию и принял участие в битве при Коронее, сражаясь на стороне спартанцев против фиванцев и их союзников афинян, своих сограждан.

Афинское народное собрание заочно приговорило Ксенофонта к смертной казни.

До конца Коринфской войны (387—386 гг.) Ксенофонт оставался на военной службе спартанцев.

За службу он получил от своих покровителей имение в Скиллунте, небольшом городке в Западном Пелопоннесе.

С началом новой войны Спарты с Фивами и поражением спартанцев при Левктрах, в 371 г. Ксенофонт пришлось спастись бегством в Коринф.

После сближения Афин со Спартой на родине Ксенофонта было принято решение о его амнистии (369 г.). Однако Ксенофонт на родину не вернулся, а продолжал жить в Коринфе, где и умер около 355 г. до н. э.

Судьба

Молодость Ксенофонта прошла в бурном водовороте идей и событий. Он был непосредственным участником Пелопоннесской войны.

В 424 г. принимал участие в афинском вторжении в Беотию. По свидетельству древних авторов, Ксенофонт в битве при Делии во время отступления афинян упал с коня, но был поднят и спасен Сократом. Близость с Сократом — важная подробность жизни Ксенофонта в этот период.

Долгие годы он был внимательным слушателем Сократа и даже вел какие-то записи бесед своего учителя. Позднее эти записи были использованы им при написании сократических сочинений — группы произведений, где главным действующим лицом выступает Сократ («Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Пир» и т. д.).

Ксенофонт, несомненно, искал повод выдвинуться, его тянуло к таким же честолюбцам, как он сам, он очень подружился с молодым беотийцем Проксеном, который позднее отправился к Киру Младшему, надеясь на его службе прославиться и разбогатеть.

Ксенофонт с готовностью согласился на приглашение своего приятеля Проксена принять участие в экспедиции Кира: «Он обещал, в случае приезда Ксенофонта, содей-

ствовать его дружбе с Киром, а последний, по словам Проксена, дороже для него отчизны».

Это переломный момент в жизни Ксенофонта. Отныне личный успех — свой собственный или патрона — выдвигается на первый план и заслоняет все прочие цели.

В 400 г., используя свое положение фактического главнокомандующего, Ксенофонт дважды пытается склонить своих соратников остаться в Понте и основать новый город. В качестве основателя города Ксенофонт мог рассчитывать на руководящее положение в новом государстве. Однако его намерение натолкнулось на упорное нежелание остальных наемников оставаться в Понте.

В 399 г. фракийский царь Февр по договору должен был предоставить Ксенофону убежище, если он подвергнется преследованиям Спарты, а также уступить ему города Висандру, Гам и крепость Неон с прилегающей территорией. Никогда Ксенофонт не был так близок к возможности обзавестись собственным домиком, повторить то, что удалось другим афинским аристократам — Гисистрату, Мильтиаду, Алкивиаду. Но возможность не осуществилась. Февр, утвердив свою власть с помощью Ксенофонта и его наемников, оказался слишком предусмотрителен и не отдал свои крепости чужеземцу, обладавшему внушительной воинской силой.

Оценивая все, достигнутое Ксенофонтом за годы его политической деятельности, видно, что по сравнению с усилиями и целями успех был ничтожен.

Между тем после ухода от дел он прожил еще 30 лет.

Ксенофонт отложил в сторону меч и взялся за перо, чтобы компенсировать свои неудачи на политическом поприще литературным трудом.

Современная наука полагает, что «Анабасис» был написан с прямой апологетической целью: изгнанный из родного города, Ксенофонт хотел выдвинуть свои заслуги как спасителя греческого войска и тем добиться на родине признания и амнистии.

В Коринфе он создает самые крупные свои произведения — «Киропедию» и «Греческую историю». Поражает удивительная особенность творчества Ксенофонта — неуклонное нарастание его интенсивности при весьма почтенном возрасте писателя.

Все его сочинения проникнуты злобой дня: их актуальность обусловлена натурой автора, для которого литературное творчество было реакцией на политическую действительность.

Древние оценивали Ксенофонта весьма высоко: вместе с Геродотом и Фукидидом он причислялся к великим историкам, вместе с Платоном и Антифеном — к числу крупнейших философов, его язык считался образцом аттической прозы.

Гиерон II — тиран Сиракуз

Творчество

Главная масса литературных трудов Ксенофонта обязана своим рождением спокойной жизни в Скиллунте и Коринфе.

В Скиллунте он пишет свои мемуары «Анабасис» — драматический рассказ о походе Кира Младшего и возвращении греческих наемников (из 13-тысячного отряда вернулась примерно половина), создает сочинения, посвященные памяти своего учителя («Воспоминания о Сократе», «Апология Сократа», «Пир», «Экономика»).

В Коринфе он создает или завершает свои самые крупные произведения — «Киропедию» и «Греческую историю», пишет серию трактатов на политические темы — «Лакедемонскую политику», «Гиерон, или О тиране», «Об обязанностях гиппарха», «О всадническом искусстве», «О доходах».

«Греческая история» продолжила труд Фукидида. В ней дается связное изложение афинских и общегреческих событий с 411 по 362 г.

Сократические сочинения посвящены изложению разнообразных вопросов философии Сократа: они являются незаменимым источником по социальной, политической и экономической истории.

Битва римских и карфагенских судов

«Киропедия» в форме историко-философского романа повествует о жизни и делах персидского царя Кира Старшего. В ней изображается устройство «идеального» государства, воспитание и деятельность его правителя.

Ксенофонт рисует запоминающийся портрет, живые картины быта, военных операций.

Большинство произведений написано просто и интересно. Стил Ксенофонта долго считался классическим.

Ксенофонт в разные исторические периоды оценивался по-разному. Древние восхищались Ксенофонтом. Новое время характеризовало его как «дилетанта, занимающегося постоянно вешами, до которых он не дорос». Затем, под влиянием работ французских ученых, стал складываться новый и более справедливый взгляд на его работы.

Ученый-тактик и боевой офицер, он выбрал в качестве главного предмета своих литературных занятий политическую публицистику. Но, несмотря на тенденциозность, труды Ксенофонта являются ценными и богатыми историческими источниками.

* * *

Я сознаю, что нелегко составить похвальное слово Агесилаю, достойное его добродетелей и славы: но все же следует попытаться сделать это. Будет несправедливо, если только из-за того, что добродетели Агесилая достигли совершенства, он не удостоится похвалы, даже если она и не вполне будет соответствовать его великим заслугам. О благородстве его происхождения что может свидетельствовать лучше и прекраснее, как не то, что и поныне, при перечислении предков, упоминается, какой он по счету потомок Геракла. И предки эти — не частные лица, а цари, происходящие от царей! При этом никто не смог бы упрекнуть их, что хотя они и цари, но царствуют над ничтожным государством. Ведь в той же мере, в какой род их является в государстве наиславнейшим, настолько же славным является и само их государство в Элладе. Так что они выступают не первыми среди второстепенных, но управляют народом гегемонов. Одинаковой похвалы заслуживают и отечество, и предки Агесилая. Ведь государство спартанцев никогда не пыталось свергнуть их с престола, проникшись завис-

тью к их главенствующему положению, а сами цари никогда не стремились выйти за пределы тех полномочий, на условиях которых они с самого начала получили царскую власть. Поэтому нигде нельзя отыскать другого управления — демократии, олигархии, тирании или царской династии, — которое обладало бы такой непрерывной преемственностью власти, как в Спарте. Только здесь власть переходит без перерыва от одного поколения царей к другому.

О том, что Агесилай еще до того, как стать царем, был признан достойным царской власти, свидетельствует следующее. Когда царь Агис скончался и за право унаследовать эту власть вступили в спор Леотихид, как сын Агиса, и Агесилай, как сын Архидама, спартанское государство постановило, что более достойным и по происхождению, и по личным качествам является Агесилай, предоставив ему царский престол. Поскольку в могущественнейшем государстве Эллады самые доблестные мужи сочли его достойным высочайшей чести, какие еще нужны свидетельства его добродетелей, которыми он обладал до того, как стать царем?

Перейду теперь к описанию его деяний за время царствования. Эти деяния, я полагаю, могут наияснейшим образом свидетельствовать о его нравах и характере. Ведь царскую власть Агесилай получил еще совсем юным. Как только он вступил на царский престол, разнеслась весть о том, что персидский царь собрал многочисленное войско, сухопутное и морское, чтобы напасть на эллинов. Когда спартанцы и их союзники стали обсуждать создавшееся положение, Агесилай предложил отправиться в Азию, если ему дадут тридцать спартанцев, две тысячи неодамонов и отряд союзников числом до шести тысяч. Там он попытается установить мир — или же, если царь варваров проявит желание воевать, сделать так, чтобы отнять у него самую возможность начать поход против эллинов. Многих тут привело в восторг уже одно то, что Агесилай предложил упредить персидского царя, тогда как прежде персы первыми нападали на Элладу. Казалось гораздо более предпочтительным напасть самим, вместо того чтобы ожидать нападения персидского царя; самим разорять его государство, чем допустить ведение военных действий на эллинской земле. Однако самым прекрасным, как решили все, было то, что война

будет вестись ради завоевания Азии, а не обороны Эллады. Агесилай, получив войско, отплыл. Можно ли найти иную возможность наглядно представить его полководческий талант, если не рассказать по порядку обо всех совершенных им подвигах? Вот какой первый подвиг он совершил в Азии. Тиссаферн договорился с Агесилаем, подкрепив договор клятвой, о следующем: если Агесилай заключит с ним перемирие до того, как вернутся послы, которых Тиссаферн собирает направить к персидскому царю, то он, Тиссаферн, добьется, чтобы находящиеся в Азии греческие города были объявлены свободными и независимыми. Агесилай, в свою очередь, поклялся в том, что будет верен этому договору, обусловив время его действия тремя месяцами. Тиссаферн сразу же нарушил условия договора, в верности которому он поклялся: вместо того чтобы заботиться об установлении мира, он стал добиваться от персидского царя большого войска в добавление к тому, которое у него уже имелось. Агесилай же, хотя и узнал об этом, оставался верен условиям перемирия. Мне это представляется первым прекрасным подвигом, который совершил Агесилай. Изобличив Тиссаферна в клятвопреступлении, он сделал так, что все перестали ему верить. Что же касается самого Агесилая, то все увидели прежде всего, как он верен клятвам, как он не нарушает условий заключенного с ним договора. И это породило доверие, с которым и эллины и варвары заключали с ним договоры, если он на это соглашался.

Когда же Тиссаферн, возгордившись оттого, что к нему прибыло войско, объявил Агесилаю войну, если тот не покинет Азию, все прочие союзники и прибывшие с Агесилаем спартанцы были весьма удручены этим обстоятельством. Они считали войско, находившееся под командованием Агесилая, более слабым, чем подготовленная персидским царем армия. Агесилай же, напротив, с сияющим лицом приказал послам передать Тиссаферну следующее: он, Агесилай, весьма ему признателен за то, что Тиссаферн, нарушив клятвы, навлек на себя вражду богов и сделал их тем самым союзниками эллинов. После этого Агесилай сразу же передал своим воинам приказ собираться в поход. Городам, через которые он должен был проходить, направляясь с войсками в Карию, он повелел готовить рынки, на которых его вои-

ны могли бы купить себе припасы. Отправил он послания ионийцам, эолийцам и грекам, жившим в районе Геллеспонта, чтобы они все прислали ему подкрепления в Эфес.

Тиссаферн, зная, что у Агесилая нет конницы, а местность Карии неудобна для действий конницы, и полагая, что Агесилай разгневан на него за обман, решил, что Агесилай действительно предпримет нападение на его резиденцию в Карии. Поэтому он всю свою пехоту направил сюда, а конницу повел кружным путем в долину Меандра, считая, что у него достанет силы разгромить своей конницей войска эллинов до того, как они вторгнутся на территорию, неудобную для действий всадников. Агесилай же, вместо того чтобы направиться в Карию, неожиданно повернул и направился в противоположную сторону, на Фригию. Контингенты войск, двигавшиеся ему навстречу во время этого похода, он включал в состав своей армии. Агесилай подчинял города и, внезапно в них вторгаясь, захватывал множество ценностей. В том, что он поступал таким образом, проявилось и его полководческое искусство: так как война была уже объявлена, он имел право употребить обманный маневр. Это вполне соответствовало божественным установлениям; Тиссаферн же со своими хитростями оказался перед ним сухим ребенком.

Вполне благоразумным поступком со стороны Агесилая было и то, что он решил обогатить своих друзей. А именно: так как из-за обилия захваченной добычи все продавалось по дешевке, он посоветовал своим друзьям покупать, сообщив им, что вскоре спустится к морю вместе с войском. Продавцам же добычи Агесилай приказал, чтобы они, записывая цены, по которым продавались захваченные трофеи, отдавали их. Таким способом все друзья, ничего не потратив и не нанося ущерба государственной казне, приобрели множество ценностей. К этому еще надо добавить следующее. Когда перебежчики приходили к царю и, как это обычно бывает, изъявляли желание указать, где сокровища, он и здесь принимал меры, чтобы эти сокровища находили его друзья, которые одновременно и обогащались, и стяжали себе славу. Поэтому многие сразу же воспылали желанием заручиться его дружбой.

Хорошо зная, что опустошенная и разоренная страна не

сможет долгое время содержать его войско и что, напротив, заселенная и регулярно засеваемая земля будет постоянно снабжать воинов припасами, Агесилай старался не только силой одолевать своих врагов, но и привлекать их на свою сторону кротким обхождением. Выступая перед своими воинами, он часто рекомендовал им не обращаться с пленными как с преступниками, но стеречь их, помня, что они тоже люди. Меняя места лагерных стоянок и узнавая о брошенных маленьких детях, принадлежавших купцам (многие продавали этих детей, так как считали невозможным возить их с собой и воспитывать), Агесилай часто проявлял заботу и о них, помещая детей в безопасные места. А пленным, оставляемым по причине их преклонного возраста, он приказывал заботиться об этих детях, чтобы их не разорвали собаки или волки. Поэтому не только те, кто узнавал о таких поступках Агесилая, но и сами пленные проникались к нему доверием.

Жителей городов, оказывавшихся в подчинении Агесилая, он освобождал от несения рабских повинностей. Он приказывал им исполнять лишь то, что обязаны делать свободные люди, повинующиеся властям. А те крепости, которые невозможно было взять силой, он завоевывал благодаря своему человеколюбию.

Так как на равнинной местности Фригии ему было трудно вести военные действия против конницы Фарнабаза, он принял решение создать собственную конницу, чтобы не пришлось спасаться бегством во время войны. С этой целью Агесилай приказал всем самым богатым гражданам в тамошних городах разводить коней. При этом он предупредил, что тот, кто доставит его войску коня, вооружение и хорошо обученного всадника, будет освобожден им от несения военной службы. Это заставило каждого со всевозможным старанием выполнять его приказ, как это бы сделал всякий, желающий отыскать человека, который согласился бы умирать вместо него. Он определил и города, обязанные поставлять ему всадников, полагая, что те из городов, где коневодство более всего было развито, должны обладать и лучшими всадниками. Это также было удивительным его деянием — то, что Агесилаю удалось создать конницу и она сразу же

оказалась сильной и способной оказать ему действенную поддержку.

Когда же наступила весна, он собрал все свое войско в Эфесе. Чтобы подготовить воинов к ведению боевых действий, он назначил награды отрядам всадников, которые окажутся лучшими в искусстве верховой езды, и отрядам гоплитов, которые добьются лучших результатов в боевой выучке. Он назначил также награды пельтастам и лучникам, которые проявят наилучшие успехи и подобающее мастерство в своем деле. Поэтому вскоре можно было увидеть гимнасии, переполненные упражняющимися, ипподром, где множество всадников занимались верховой ездой, метателей дротиков и стрелков из лука, старающихся попасть в цель. Благодаря этой деятельности Агесилая город, в котором он находился, доставлял каждому, кто туда прибывал, зрелище, заслуживающее особого внимания. Рынок был полон всевозможных товаров — оружия, выставленных на продажу коней. Медники, плотники, кузнецы, кожевники, живописцы — все были заняты изготовлением оружия и доспехов, так что поистине весь город можно было принять за оружейную мастерскую. Каждый проникся верой в успех дела, видя Агесилая, а затем и остальных воинов выходящими из гимнасиев с венками на голове и посвящающих затем эти венки богине Артемиде. И действительно, можно ли было не преисполниться добрых надежд там, где люди почитают богов, предаются военным упражнениям, ревностно исполняют приказы военачальников?

Чтобы воспитать у своих воинов презрение к врагам, с которыми им предстояло сражаться, Агесилай приказал глашатаям продавать на рынке захваченных пиратами варваров обнаженными. Воины Агесилая, видя белизну их тел (ибо варвары никогда не раздевались), жирных и не привычных к тяжелому физическому труду (потому что те всегда ездили на повозках), приходили к мнению, что предстоящая война ничем не будет отличаться от войны с женщинами.

Агесилай также объявил воинам, что намерен вскоре повести их кратчайшим путем в плодороднейшие районы страны, рассчитывая, что и это заставит их усерднее закалять свое тело и укрепить их для будущих сражений. Тиссаферн решил, что Агесилай сказал это с целью еще раз его обма-

нуть, что в действительности он теперь вторгнется в Карию. Поэтому Тиссаферн, как и в прошлый раз, повел свою пехоту в Карию, а коннице предназначил место в долине Меандра. Однако Агесилай не солгал, но двинулся сразу, как и объявил, в область Сард. Двигаясь в течение трех дней по стране, свободной от вражеских войск, он захватил большое количество продовольствия для своей армии.

На четвертый день появилась конница врага. Предводитель приказал начальнику обоза перейти реку Пактол и разбить там лагерь. Сами же персы, заметив обозных из эллинского войска, рассеявшихся на местности с целью грабежа, перебили многих из них. Узнав об этом, Агесилай приказал своим всадникам прийти к ним на помощь. В свою очередь, персы, заметив всадников Агесилая, сгруппировали свои силы и выстроили против войска эллинов все свои многочисленные отряды всадников. Тут Агесилай, зная, что у противника все еще нет пехоты, в то время как у него самого все уже было готово к бою, счел этот момент самым подходящим для сражения, если только он сможет навязать его персам. Принеся жертвы богам, он сразу же повел фалангу в атаку против выстроившейся конницы врага. Тем из гоплитов, которым было по десять лет от поры возмужания, он велел устремиться прямо на неприятеля, а пелтастам — бегом двигаться вперед них. Всадникам также был отдан приказ атаковать врага, сам же он со всем остальным войском должен был следовать за ними. Удар греческих всадников приняли на себя лучшие воины персов; но когда на них обрушилась вся сила эллинского войска, персы подались назад. Одни из них попадали в реку, другие бежали с поля сражения. Преследуя их, греки захватили вражеский лагерь. Пелтасты, естественно, кинулись его грабить. Агесилай, окружив своими войсками обозы вражеской армии и свои собственные, разбил вокруг лагерь.

Прослышав о смятении в стане врагов, в поисках виновников поражения обвинявших друг друга, он двинулся на Сарды. Там он стал разорять окрестности города, сжигая строения и жилища. Одновременно он объявил жителям Сард, что желающие сохранить свободу должны явиться к нему как к союзнику. А если есть такие, которые претендуют на господство в Азии, пусть выйдут с оружием в руках против ос-

вободителей страны. Но так как никто не выступил из города, он беспрепятственно продолжал военные действия. Теперь он видел, как эллинам, до этого вынужденным пресмыкаться перед персидским царем, оказывают почет и уважение те, кто прежде угнетал их. Тех же, кто считал возможным наживаться даже за счет доходов, поступавших богам, Агесилай унизил настолько, что они и глаза не смели поднять на эллина. Землям друзей он обеспечил безопасность; напротив, на земле врагов он собрал такую богатую добычу, что смог в течение двух лет жертвовать дельфийскому святилищу более ста талантов.

Царь Персии решил, что виновником его неудач является сам Тиссаферн, и отправил Тифравста с приказом отрубить Тиссаферну голову. После этого дела варваров стали еще безнадежнее, а положение Агесилая укрепилось еще более. От всех народов являлись к нему посольства с предложениями дружбы, многие переходили на его сторону, чтобы добиться свободы, так что Агесилай стал во главе не только эллинских государств, но и многих варварских народов. Особого восхищения заслуживает он еще и по следующей причине. Хотя он стал повелителем многих государств на материке и властителем островов, после того как спартанское государство предоставило ему флот, несмотря на то, что слава его и могущество увеличились необыкновенно и он смог бы добиться для себя любых благ, каких бы он ни захотел (особое значение при этом имел возникший у него замысел разгромить державу, пытавшуюся прежде завоевать Элладу), — итак, не-

Диана Эфесская

С античной статуи

смотря на все это, он не позволил себе увлечься ни одной из предоставлявшихся ему возможностей. Когда от властей его родины прибыл приказ оказать помощь отечеству, он исполнил его точно с такой же готовностью, как если бы он один стоял перед эфорами в отведенном им помещении. Тем самым он ясно показал, что не променяет свою родину на весь мир, своих старых друзей — на приобретенных вновь и что постыдным, хотя и безопасным, выгодам предпочитает справедливые и благородные действия, даже если они и сопряжены с опасностями. Нельзя не назвать деянием царя, заслуживающего самой высокой похвалы, и то, что Агесилай, застав государства, оказавшиеся со времени его отплытия под его властью, в состоянии междоусобной борьбы вследствие постоянно меняющегося там государственного строя, добился, никого при этом не изгоняя и не предавая смертной казни, того, что в этих государствах воцарились единокровные, всеобщее благоденствие и гражданский мир. По этой причине, когда он покидал Азию, жившие там эллины были опечалены не только из-за того, что лишались правителя: они скорбели так, как если бы их покидал отец или друг. А в конце они доказали всю искренность своей дружбы: они добровольно отправились вместе с ним на помощь спартанскому государству. Так поступали они, хорошо зная, что им придется воевать с противником, который ничуть не слабее их.

На этом закончились подвиги Агесилая, совершенные в Азии.

Перейдя Геллеспонт, Агесилай двинулся в путь через области, населенные теми же племенами, по земле которых некогда двигался персидский царь во время великого похода. И путь, который царь варваров преодолевал целый год, Агесилай проделал менее чем за один месяц: он прилагал все силы к тому, чтобы не опоздать с прибытием на родину. Когда он пересек Македонию и прибыл в Фессалию, жители Ларисы, Краниона, Скотуссы и Фарсала, бывшие союзниками беотийцев, — словом, все фессалийцы, кроме политических изгнанников, стали нападать на его войско, двигаясь за ним вслед. Агесилай до этого вел войско выстроенным в каре; одна половина конницы двигалась у него

в авангарде, другая — в арьергарде. Когда же фессалийцы, напав на арьергард, стали мешать его продвижению вперед, Агесилай переместил всадников, двигавшихся у него в авангарде, в арьергард, за исключением лишь тех, кто сопровождал лично его. Когда враждующие армии выстроились друг против друга, фессалийцы, заметив, что местность неудобна для кавалерийской атаки против гоплитов, повернули назад и стали отходить. Спартанцы с большой осторожностью их преследовали.

Агесилай понял ошибку тех и других. Самым лучшим из сопровождавших его всадников он приказал из всех сил преследовать фессалийцев, не давая им возможности перестроиться и встретить противника лицом к лицу. Этот же приказ Агесилая они должны были передать всем остальным воинам. Фессалийцы под натиском неожиданно напавших на них всадников Агесилая продолжали отступать. Те из фессалийцев, которые пытались встретить преследователей лицом к лицу, были застигнуты в тот момент, когда поворачивали своих коней. Гиппарх всадников из Фарсала, Полихарм, успел повернуть свой отряд лицом к противнику, но погиб в сражении. После этого фессалийцы обратились в беспорядочное бегство; часть их была перебита, другие — захвачены в плен. Продолжая бегство, они остановились только тогда, когда достигли горы Нартакия. После этого Агесилай поставил трофей между Прантом и Нартакием; здесь он остановился, радуясь сознанию совершенного им подвига. Ведь он одержал победу над преисполненной высокомерия конницей фессалийцев с помощью всадников, набранных и обученных им самим.

На следующий день он перевалил через Ахейские горы во Фтии и в дальнейшем двигался уже по территории дружественной страны до самых границ Беотии. Там он столкнулся с выстроившимися войсками фиванцев, афинян, аргивян, коринфян, энианов, эвбейцев и обеих Локрид. Агесилай не стал медлить, но перестроил свое войско на виду у врага. У него было полторы моры спартанцев, из местных союзников с ним выступали только орхоменцы и фокийцы. К этому еще надо добавить войско, которое он привел из Азии. Теперь я собираюсь рассказать не о том, будто Агесилай, имея меньшее по численности и более слабое войско, решил дать

**Рельеф с
изображением
легионеров**

*Мрамор.
Первая
половина
II в. н. э.
Париж. Лувр*

сражение, — ведь если бы я стал говорить подобное, я представил бы тем самым Агесилая безрассудным, а себя самого — глупцом, восхваляющим полководца, рискующего всем без какого-либо расчета, — но я прежде всего изумляюсь тому, как он сумел составить себе войско, ничуть не меньшее, чем войско противника, и так вооружить его, что оно все сверкало медью и пурпуром. Агесилай заботился о здоровье воинов, чтобы они легко могли переносить самые разнообразные трудности, и делал все, чтобы сердца их преисполнились уверенности в превосходстве над любым противником, с

кем бы ни пришлось сражаться. Он поддерживал в них дух соревнования, чтобы каждый стремился превзойти другого, и обнадеживал всех, обещая многочисленные блага, если они проявят храбрость в бою. Все это должно было, по его мнению; поднять боевой дух воинов в предстоящих сражениях. И в этом он не ошибся.

Теперь я расскажу о самом сражении — оно было совершенно беспрецедентным. Войска сошлись на равнине под Коронеей, армия Агесилая двигалась со стороны Кефиса, а фиванцы и их союзники — со стороны Геликона. Как я мог видеть, выстроившиеся фаланги противников были совершенно равны по величине; то же можно сказать об отрядах всадников с той и другой стороны. Правым флангом командовал сам Агесилай,

на крайнем левом фланге стояли орхоменцы. В рядах противников правый фланг занимали фиванцы, на левом фланге стояли аргивяне. Войска сходились в полном молчании. Когда расстояние, разделявшее их, уже равнялось одному стадию, фиванцы издали боевой клич и бегом ринулись в атаку. Когда противник находился уже на расстоянии трех плетров от фаланги Агесилая, навстречу ему также бегом двинулись наемники, прибывшие под командованием Гериппида. Они состояли из воинов, вставших под его знамена еще на родине, некоторого числа наемников Кира, а также

Воин из Тоди

*Бронза. Первая половина
IV в. н. э. Рим. Ватикан*

ионийцев, эолийцев и греков, живших по берегам Геллеспонта. Все они приняли участие в атаке и, сблизившись до расстояния, когда врага можно было достать копьем, опрокинули противника. Аргивяне также не выдержали натиска отряда, находившегося под командованием Агесилая, и побежали по направлению к Геликону. В этот момент, когда некоторые наёмники уже хотели наградить Агесилая венком, ему доложили, что фиванцы изрубили мечами орхоменцев и прорвались к обозу. Агесилай тотчас же повернул фалангу и двинулся против них. Фиванцы, со своей стороны, заметив бегущих к Геликону своих союзников и желая прорваться к своим, стали храбро наступать. В этот момент Агесилай проявил себя, без всякого сомнения, отважным полководцем, хотя принятое им решение и не было самым безопасным. У него была возможность дать врагу прорваться и затем, двигаясь следом, напасть на его арьергард. Но он так не поступил и встретился с фиванцами лицом к лицу. Столкнувшись щитами, они теснили друг друга, сражались, убивали и гибли. Не слышно было военных кличей, но не было и тишины: стоял тот шум, который сопровождает яростную битву. В конце концов части фиванцев удалось прорваться к Геликону, но многие из них при отступлении погибли. После того как войска под предводительством Агесилая одержали победу, его, раненого, пронесли перед фалангой. Тут подскакали всадники и, сообщив Агесилаю, что восемьдесят вооруженных воинов врага укрылись в храме, стали спрашивать, как с ними поступить. Несмотря на многочисленные раны, нанесенные ему разнообразным оружием в различные места тела, Агесилай не забыл своего долга перед богами. Он приказал, чтобы укrywшимся в храме дали возможность уйти куда они хотят; при этом Агесилай запретил обижать их и повелел всадникам, сопровождавшим его, проводить этих воинов врага, пока они не окажутся в безопасности. Когда сражение окончилось, можно было увидеть, как земля на том месте, где войска сошлись, была сплошь обагрена кровью: трупы своих и вражеских воинов лежали вперемешку, а рядом с ними брошены проломленные щиты, разбитые панцири, кинжалы, одни из которых без ножен валялись на земле, другие торчали воткнутыми в тело, а некоторые были зажаты в руках убитых.

В этот день (ведь было уже очень поздно) воины Агесилая ограничились тем, что переташили трупы врагов вовнутрь расположения фаланги, поужинали и расположились на отдых. Рано утром Агесилай приказал полемарху Гилиду выстроить войско и поставить трофей; все воины должны были увенчать себя венками в честь божества, флейтистам было отдано распоряжение играть. Приказ Агесилая был выполнен. Между тем фиванцы прислали вестника, прося заключить перемирие и выдать трупы убитых для погребения. Перемирие было заключено, и Агесилай двинулся по направлению к дому, предпочтя царствовать в Спарте согласно спартанским законам и этим же законам подчиняться, чем быть господином всей Азии.

После этого Агесилай узнал, что аргивяне собрали у себя дома урожай и, присоединив к себе Коринф, ведут военные действия, захватывая добычу. Он немедленно двинулся против них. Опустошив всю землю аргивян, он перевалил оттуда через теснины, ведущие к Коринфу, и захватил стены, соединяющие этот город с Лехеем. Открыв таким образом ворота в Пелопоннес, он вернулся в Спарту к празднику Гиакинтий и принял участие в пении пэана божеству, заняв то место в хоре, которое указал ему устроитель.

Затем, когда до Агесилая дошло известие, что коринфяне согнали весь свой скот в Пирей и засевают и собирают урожай по всему Пирею, у него возникли большие опасения в связи со всем этим. Он решил, что беотийцы, выплыв из Кревсиды, легко проникнут через этот порт в Коринф: поэтому он отправился походом на Пирей. Там он заметил, что порт этот охраняется многочисленным гарнизоном. Поэтому он после завтрака перенес свой лагерь ближе к Коринфу. Ночью он узнал, что из Пирея спешно были переброшены подкрепления в город, и поэтому на заре он повернул назад и захватил Пирей, оказавшийся без гарнизона, и все, что в нем было, а также укрепления, которые там были воздвигнуты. Совершив все это, он вернулся в Спарту.

После этих событий ахейцы предложили спартанскому государству заключить союз и упросили отправиться вместе с ними походом в Акарнанию. Когда акарнанцы напали на спартанцев в ушельях, Агесилай захватил вершины гор и завязал сражение с противником. Многих он перебил, воздвиг

трофеей и не прекратил военных действий, пока не заставил акарнанцев, этолийцев и аргиев стать друзьями ахейцев и даже вступить с ним самим в союз.

Враги Спарты прислали послов с предложениями мира, но Агесилай возражал против этого, пока не добился от Коринфа и Фив возвращения тех коринфян и фиванцев, которые были изгнаны за дружбу со Спартой. Позже он добился и от Флиунта, отправившись против этого города походом, чтобы граждане этого города разрешили вернуться прежде изгнанным друзьям Спарты. Может быть, кто-нибудь станет, исходя из особых соображений, порицать Агесилая за это, но совершенно ясно, что все это он совершил во имя идеалов дружбы.

Когда враги Спарты в Фивах перебили находившихся там спартанцев, Агесилай выступил в их защиту и двинулся походом на Фивы. Там он обнаружил, что вся страна перекопана рвами и перегорожена частоколами. Перейдя Киноскефалы, он стал опустошать всю страну до самых Фив. Он предложил фиванцам вступить в сражение на равнине или в горах, если они захотят. В следующее лето он вновь отправился походом на Фивы. Форсировав рвы и частоколы у Скола, он разорил оставшуюся до этого нетронутой часть Беотии.

Успехами, выпавшими на долю Спарты, государство в равной мере было обязано и Агесилаю, и доблести своих сограждан; что же касается неудач, случившихся после этого, то никто не смог бы сказать, что они произошли при управлении Агесилая. Когда спартанское государство потерпело поражение у Левктр и в Тегее, противники с помощью мантинейцев перебили друзей и гостеприимцев Агесилая, в то время как все беотийцы, аркадяне и элейцы объединились воедино, Агесилай отправился в поход с одним лишь спартанским войском, хотя многие считали, что спартанцы уже надолго не смогут выступить за пределы своей земли. Опустошив земли тех, кто перебил друзей Спарты, он вернулся домой. Вскоре после этого, когда в поход против Спарты выступили все аркадяне, аргиев, элейцы, беотийцы, вместе с ними жители Фокиды и обеих Локрид, фессалийцы, энианы, акарнанцы и эвбейцы, когда, кроме этого, восстали и рабы и многие из городов периеков, а спартанцы сами потеряли в битве при Левктрах не меньше, чем

их осталось в живых, — несмотря на все это, Агесилай все же отстоял Спарту, хотя она и не была защищена стенами. Там, где враги могли иметь превосходство, он старался уклониться от сражения; но там, где его сограждане могли рассчитывать на успех, он решительно выстраивал свои войска, чтобы сразиться с врагом. Агесилай учитывал, что, сражаясь на равнине, он рискует быть окруженным: напротив, подстерегая неприятеля в теснинах и в горах, он всегда возьмет над ним верх.

После того как войско врагов покинуло пределы страны, кто не признал бы, что Агесилай в своей дальнейшей государственной деятельности проявил себя как самый мудрый политик? Возраст уже не позволял ему принимать участие в походах, пешим или на коне. Видя, что государство нуждается в деньгах, чтобы хотя частично сохранить своих союзников, он направил все свои силы на достижение этой цели. Если, оставаясь дома, он мог оказать в этом помощь государству, он не жалел усилий. Когда же возникала необходимость пуститься в дальний путь, он не боялся и не стыдился выступать в качестве посла, а не полководца, если только мог в чем-либо принести пользу своей родине. И даже когда он был послом, он совершал деяния, достойные великого полководца.

Автофрадат осадил в Ассе Ариобарзана, бывшего союзником Спарты, но, испугавшись Агесилая, снял осаду и бежал. Точно так же Котис, осадив Сест, принадлежавший Ариобарзану, вынужден был снять осаду и уйти. Таким образом, Агесилай имел основания воздвигнуть трофей по случаю победы над врагом и после своего посольства. Мавсол осадил оба эти города с моря, командуя флотом в сто кораблей, но снял осаду и отплыл домой — если не из страха перед Агесилаем, то, во всяком случае, сдавшись на его уговоры. Агесилай совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя ему обязанным, и те, кто был вынужден бежать от его войск, — все давали ему деньги. И Тах, и Мавсол, который ради прежней дружбы с Агесилаем ссужал Спарту деньгами, отправляя его на родину, предоставили ему почетный эскорт.

Возраст Агесилая уже приближался к 80 годам. Узнав, что египетский царь собрался воевать с Персией и что он со-

брал под свои знамена множество всадников и пехотинцев, а также располагал при этом большими средствами, Агесилай весьма благосклонно отнесся к приглашению, которое ему было послано, и предложению взять на себя командование войсками. Он полагал, что, отправившись в Египет, он тем самым отблагодарит египетского царя за оказанные им Спарте благодеяния, а также вновь вернет свободу живущим в Азии эллинам. Одновременно он отомстит персидскому царю как за прежние враждебные действия, так и за то, что ныне, считаясь на словах союзником Спарты, он требовал освобождения Мессении. Но, после того как египетский царь пригласил его, но не предоставил ему командования, Агесилай оказался жестоко обманутым и стал раздумывать, как ему поступать в дальнейшем. В это время сначала от войска египетского царя, разделенного на две части, отпала значительная армия, затем и все остальные оставили его. И сам царь, струсив, бежал, спасая свою жизнь, в финикийский город Сидон. Разделившись на две части, египтяне избрали себе двух царей. Агесилай подумал, что если он останется нейтральным, то ни один из обоих претендентов не выплатит эллинам жалованья за службу и не предоставит рынка для снабжения эллинских воинов припасами; более того, тот, кто победит, непременно станет их врагом. Напротив, если он примет сторону одного из двух претендентов, то этот последний, добившись успеха, станет его другом. Рассудив дело таким образом, Агесилай встал со своими воинами под знамена того, кто казался более дружелюбно настроенным по отношению к эллинам. Одержав победу над другим, который относился к эллинам с ненавистью, он взял его в плен; первого же он поддержал. Сделав его другом Спарты, Агесилай получил от него большую сумму денег и отплыл на родину, хотя была уже середина зимы. Он спешил, боясь, что Спарта с приближением лета может оказаться не подготовленной к борьбе с врагами.

До этого мы рассказывали о таких подвигах Агесилая, свидетелями которых были его многочисленные современники. Подобные деяния не нуждаются в том, чтобы истинность их доказывалась: о них достаточно лишь напомнить, и к ним сразу же проникаешься доверием. Теперь же я попытаюсь раскрыть величие его душевных качеств, благода-

ря которым ему удалось все это совершить и которые заставляли его всю жизнь стремиться ко всему прекрасному и ненавидеть все низкое. К божественным установлениям Агесилая относился с таким благочестием, что даже враги считали его клятвы и договорные обязательства более надежными, чем дружбу между ними самими. Договариваясь о чем-либо друг с другом, они по большей части опасались сходиться в одно место, а ему они с готовностью вверяли свою жизнь. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, я назову наиболее замечательных из числа тех, которые ему доверялись.

Перс Спифридат узнал, что Фарнабаз, всеми силами добиваясь получить в жены царскую дочь, замыслил в то же время сделать его, Спифридата, дочь своей наложницей. Сочтя это тяжким оскорблением для себя, он перешел под знамена Агесилая, доверив ему и свою жену, и детей, и все свое войско.

Котис, правитель Пафлагонии, не подчинился персидскому царю, несмотря на то, что царь давал ему залогов верности и дружбы. Котис опасался, как бы ему, когда он окажется во власти царя, не пришлось расстаться с большой суммой денег или даже с самой жизнью. Напротив, договору с Агесилаем он полностью доверился, прибыл к нему в лагерь и заключил с ним оборонительный и наступательный союз. Он предпочел выступить в поход в союзе с Агесилаем, имея под своим началом тысячу всадников и две тысячи пелтастов.

Вступил в переговоры с Агесилаем и Фарнабаз, договорившись с ним о том, что, если его, Фарнабаза, не поставят во главе царского войска, он отложится от персидского царя. «А если я стану полководцем, — добавил Фарнабаз, — я буду бороться с тобой, Агесилай, не на жизнь, а на смерть». Говоря так, Фарнабаз нисколько не опасался того, что его предадут.

Столь великим и прекрасным качеством у всех людей, а особенно у полководца, является верность и честность, признаваемые всеми. Вот что я хотел рассказать о благочестии Агесилая.

ПОЛИБИЙ

ок. 210 — ок. 128 гг. до н. э.

Жизнь

Полибий родился ок. 210 г. до н. э. в знатной семье из Мегалополя в Южной Аркадии.

Его отец Ликорт был крупным политическим и военным деятелем Ахейского союза и четырежды исполнял должность союзного стратега.

Полибий был связан многочисленными узами с людьми, направлявшими политическую жизнь Ахейской федерации, его блестящая военная и политическая карьера во многом определялась происхождением и связями семьи.

В 180 г. до н. э. Ликорт вместе со своим сыном Полибием был назначен послом в Египет, но посольство не состоялось из-за смерти Птолемея.

В 170—169 гг. до н. э. Полибий был избран гиппархом.

В 169 г. до н. э. союзное собрание приняло решение о

снаряжении войска в помощь римским силам, и во главе посольства к римлянам был поставлен Полибий.

Консул Квинт Марций заявил, что у римлян нет необходимости в войсках союзников. Все послы вернулись в Пелопоннес. Полибий остался в римском лагере в Фессалии и принял участие в военных предприятиях.

В 168 г. до н. э. после битвы при Пидне в Ахейском союзе партия Каликрита спровоцировала обвинение римским сенатом своих противников.

В результате была интернирована в Италию большая группа политических деятелей (до тысячи человек), в числе которых находился Полибий.

В 167 г. до н. э. Полибий прибыл в Рим, оттуда интернированные были расселены по городам Этрурии.

Полибий благодаря ходатайствам Квинта Рабия Максима и Сципиона Эмилиана был оставлен в Риме и введен в дом Сципионов.

За время своего пребывания в Риме Полибий много путешествовал. Покровительство Сципиона давало ему возможность совершать длительные отлучки из Рима. За семнадцать лет жизни Полибия в Риме (167—150 гг. до н. э.) там побывали все влиятельные люди того времени.

Полибий был не только в курсе всех политических событий, но и сам мог встречаться с приезжавшими в Рим правителями и послами.

Крупным событием римской жизни было посольство философов, которое прибыло в Рим в 155 г. до н. э. Оно было необычно тем, что во главе его стояли три известнейших философа того времени — Карнеад, Диоген и Критолай.

В числе слушателей выступлений философов были Публий Сципион, Гай Лений и Луций Фурий. Полибий тоже был среди них.

За время пребывания Полибия в Риме ахейцы четырежды безуспешно ходатайствовали перед римским сенатом о возвращении интернированных.

В конце 150 г. до н. э. Полибий и 300 оставшихся в живых интернированных ахейцев были возвращены на родину.

Корнелий Сципион

В 149 г. до н. э. Полибий дважды вызывается с родины для военных консультаций.

С осени 148 г. до н. э. Сципион становится консулом и принимает командование римскими войсками при Карфагене. Полибий выполняет роль военного советника при консуле.

В 146 г. до н. э. Полибий присутствовал при завершающем штурме Карфагена.

В период со 149 по 146 г. до н. э. Полибий совершает большое путешествие вдоль западного побережья Африки, которое еще при жизни принесло ему широкую известность. Плиний Старший пишет: «В то время как Сципион Эмилиан вел войну в Африке, Полибий, автор истории, получив от него флот, отправился в путь для изучения этого района...»

В то время в Греции развивались драматические события, приведшие к началу военных действий. В них войска Ахейского союза были разбиты, а главная цитадель Коринф разрушена по приказанию Луция Муммия.

Полибий возвращается в Элладу в 150 г. до н. э. Авторитет Полибия и дружба со Сципионом Эмилианом дают ему

Карнеад

Диоген

возможность оказывать влияние на командовавшего римскими войсками Луция Муммия.

В Пелопоннес прибывает сенатская комиссия для урегулирования ахейских дел. Сенаторы активно пользовались советами и помощью Полибия.

После окончания работы комиссии ему была вверена опека греческих городов и право решать возникающие споры.

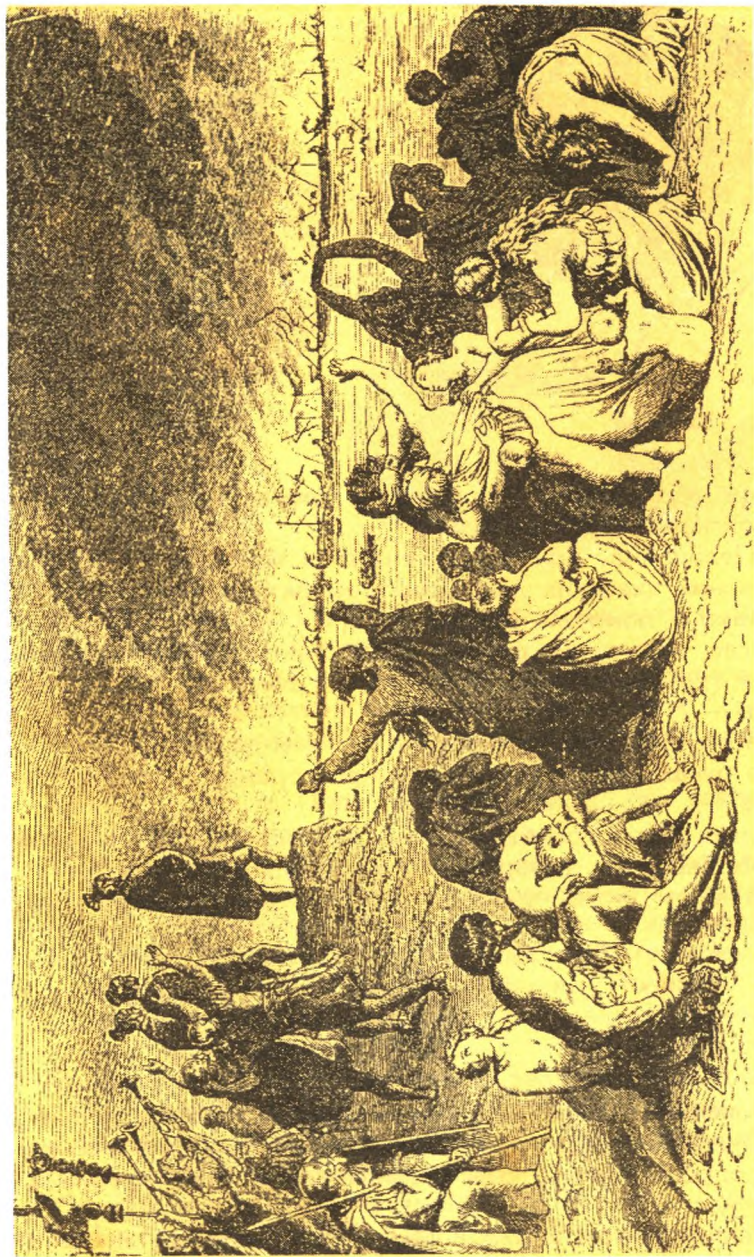
С этого момента и до смерти Полибия ок. 128 г. до н. э. в его руках находились нити умиротворения соотечественников.

Псевдо-Лукан сообщает, что «Полибий, сын Ликорта из Мегалополя, возвращаясь с поля, упал с коня и, заболев от этого, умер в возрасте восьмидесяти двух лет».

Судьба

Происхождение и родственные связи Полибия с людьми, направлявшими всю политическую жизнь Ахейской федерации, определили его блестящую военную и политическую карьеру.

Предположительно уже в 182 г. до н. э. Полибий вместе

Сципион наблюдает сожжение флота

Сципион Африканец. Римский триумф

со своим отцом участвовал в мессенском походе. Не вызывает сомнений, что Полибий обладал практическим опытом военных действий.

После избрания гиппархом в 170/169 г. до н. э., он оказался втянутым в борьбу между соперничающими римскими магистратами. Уже в это время он испытывает сильный интерес к римскому военному и государственному устройству.

В 167 г. до н. э. в результате деятельности проримской партии Калликрата римский сенат интернировал в Италию своих политических противников, в том числе и Полибия.

Свойственное Полибию стремление устанавливать связи с влиятельными людьми делает возможной его дружбу с семьей Сципионов. Сам Полибий сообщает лишь то, что его знакомство со Сципионом Эмилианом началось с передачи нескольких книг и беседы о них. С этого времени начинается их тесная дружба, которая продолжалась в течение всей жизни. Общение Сципиона и Полибия скоро переросло рамки культурных интересов и превратилось в глубокую душевную привязанность.

Существует предположение, что свое сочинение по вопросам воинского искусства Полибий написал еще до 169 г. до н. э. и взял его с собой в Рим, где оно привлекло большое внимание и принесло автору известность.

Отношения между Полибием и Сципионом были выгодны обоим и в практическом смысле. Сципион имел в лице Полибия постоянного и, что особенно важно, преданного наставника в политических, военных и житейских делах, а Полибий, в свою очередь, имел могущественного покровителя как в течение семнадцати лет жизни в Риме, так и позднее, когда он выступил посредником в греко-римских отношениях.

Павсаний говорит, что «всякий раз, когда Сципион следовал увещеваниям Полибия, он добивался успеха. А в чем он не внял его увещеваниям, терпел, как рассказывали, неудачи».

Полибия невозможно отнести ни к одной философской школе. Он был знаком с философскими сочинениями различных направлений и использовал содержащиеся в них высказывания, как правило, для иллюстрации собственных

мыслей. Эклектизм Полибия определялся общей практической направленностью его творчества.

Современникам Полибий представлялся исключительно политиком, посредником в греко-римских отношениях. Его литературная деятельность, несомненно известная соотечественникам, упорно замалчивалась, очевидно из-за его про-римских настроений, которые ярко отразились во «Всеобщей истории», где всем римским установлениям Полибий дает самую высокую оценку. Он стремится доказать греческому читателю, что Рим — наилучшее из всех государств и поэтому римское завоевание — благо.

Творчество

Большую и главнейшую часть своей «Истории» Полибий написал после 146 г. до н. э.

Темой «Истории» является завоевание Римом греческого мира.

Даровитый эллинский историк, второй Фукидид, как его называет Дион Христороста, видел славу своего времени в покорении всего мира римлянами, не переставая сочувствовать эллинам и признавать их превосходство над всеми прочими народами. Он взял на себя задачу доказать право римлян на мировое господство.

Создавая во «Всеобщей истории» свой канон написания исторического произведения, Полибий формулирует понятие деловой, прагматической истории. Понятие «прагматическая история» Полибий связывает прежде всего с военной и политической историей. Задача ее — научить, как нужно поступать в тех или иных обстоятельствах в будущем, аналогичных или сходных, произошедшими в прошлом.

«Всеобщая история» охватывает период между 220 и 146 гг. до н. э., а «Введение» — с 264 до 220 г. до н. э. Таким образом, сочинение Полибия относится к разряду «новой и новейшей истории», поскольку сам историк был современником и даже свидетелем большей части изложенных событий. Полибий считает, что историк не должен быть кабинетным ученым, а должен либо сам быть участником со-

Тиберий

Рим. Ватикан

бытий, либо по меньшей мере посетить места событий и беседовать с очевидцами.

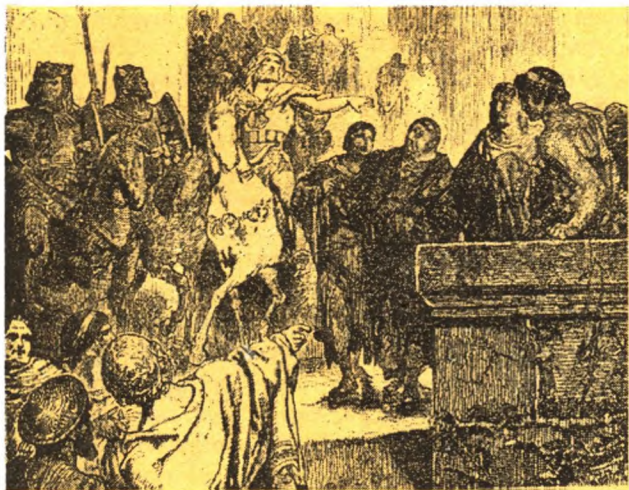
Существенным элементом политического образа мыслей является представление о судьбе.

Важнейшим качеством, которое человек может приобрести благодаря чтению «прагматической истории», является умение мужественно переносить превратности судьбы.

Большой заслугой Полибия является применение к историческому описанию причинно-следственного метода.

В отличие от предшественников он разработал систему терминов причинно-следственной цепи и применяет причинно-следственный метод в основном при описании военных конфликтов.

Полибий, будучи человеком практического ума, весьма настороженно относился к политическим теориям других авторов. Он старался не уклоняться в сторону теоретических изысканий. Однако этот «нетеоретический» историк сделал то, чего не делал никто из его предшественников. Три книги его «Истории» посвящены специальному кругу теоретических проблем и представляют собой самостоятельные трактаты. Наиболее важной с точки зрения исторической науки является политическая теория Полибия, которой посвящена вся шестая книга его сочинения. Это обстоятельство объясняется тем, что стремление Полибия написать прагматическую, полезную читателю историю требовало глубоких обобщений в области политической истории.

Легионеры Тиберия в Риме

Огорченный вероломством кельтов и уверенный в том, что в силу древнего нерасположения их к римлянам все окрестные галаты перейдут на сторону карфагенян, Публий сознавал, что необходимо принять меры предосторожности. Поэтому в следующую ночь к рассвету он снялся со стоянки и направился к реке Требии и к близлежащим высотам, рассчитывая на укрепленность этого места и на близость союзников.

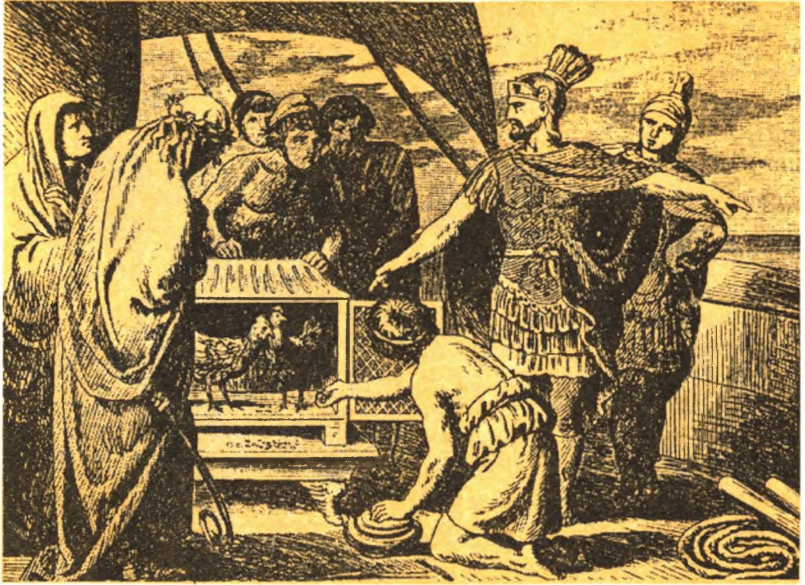
Узнав о выступлении римлян из лагеря, Ганнибал тотчас выслал за ними нумидийскую, а потом и остальную конницу; сам он с войском следовал за нею по пятам. Нумидяне ворвались в покинутый лагерь и предали его пламени. Это было очень выгодно для римлян; ибо, если бы нумидяне следовали за ними неотступно и настигли обоз их, римляне на открытом месте потеряли бы много убитыми при нападении конницы. Теперь же большинство римлян успело заблаговременно переправиться через реку Требию; только отставшие задние воины были частью перебиты карфагенянами, частью взяты в плен.

Перейдя названную выше реку, Публий разбил свой стан на ближайших высотах, окружил лагерь рвом и окопами и

дождался Тиберия с войсками; тем временем старательно лечил себя, желая, если только будет в состоянии, принять участие в предстоящей битве. Ганнибал расположился лагерем на расстоянии стадий сорока от неприятеля. Между тем кельтское население равнин, вставшее заодно с карфагенянами, снабжало их в изобилии нужным продовольствием и готово было делить с карфагенянами всякое предприятие и всякую опасность.

Находившиеся в городе римляне по получении известий о сражении конницы удивлялись неожиданному для них исходу, однако имели достаточно оснований к тому, чтобы не считать его поражением. Одни взваливали всю вину на опрометчивость полководца, другие — на нераливость кельтов, подтверждение чего находили в последнем возмущении их. Вообще до тех пор, думали римляне, пока пехота их не пострадала, ничего еще не потеряно. Поэтому, когда явился Тиберий и вместе с легионами проходил через Рим, они убеждали себя, что один вид его решит сражение в их пользу. Когда воины, согласно данной клятве, собрались в Аримин, Тиберий двинулся с ними вперед, поспешая соединиться с войсками Публия. Придя к Публию, Тиберий расположил свои войска на стоянку и дал отдохнуть им, потому что люди его шли пешком непрерывно в течение сорока дней от Лилибея до Аримина; тем временем делал все приготовления к битве. Сам он часто беседовал с Публием, то расспрашивая его о прошлом, то обсуждая вместе с ним настоящее.

В это самое время Ганнибал взял с помощью измены город Кластидий и занял его вследствие передачи неким брентесийцем, которому город был доверен римлянами. Завладев гарнизоном и хлебными складами, он употребил хлеб на насущные нужды, а захваченных людей взял с собою в поход, не причинив им никакого вреда: этим он желал дать пример своего поведения, дабы народы, вынужденные обстоятельствами стать на сторону врага, не боялись его и не отчаивались в помиловании. Предателя он щедро наградил, желая привлечь на сторону карфагенян начальников городов. Когда после этого Ганнибал увидел, что некоторые кельты, обитающие между Падом и рекою Требией и вступившие с ним в дружественный союз, поддерживают сношения и с

Публий Клавдий приносит жертвы богам перед битвой с карфагенским флотом

римлянами в том убеждении, что таким образом они обезопасят себя с обеих сторон, он отправил две тысячи человек пехоты и около тысячи кельтской и нумидийской конницы с приказанием вторгнуться в их землю. Когда посланные исполнили приказание и собрали большую добычу, то вслед за этим явились на окопы римлян кельты и попросили у них помощи. Тиберий давно уже ждал случая к действию; теперь он имел предлог к тому и послал в дело большую часть своей конницы, вместе с нею около тысячи человек метателей дротиков. Они поспешно перешли Требию и сражались с неприятелем из-за добычи с таким успехом, что кельты и нумидяне оборотили тыл и отступили к своим окопам. Карфагенские воины, поставленные для охраны лагеря, быстро заметили это, покинули свои посты и поспешили на помощь тесным воинам; тогда римляне поворотили назад и отступили к своему стану. При виде этого Тиберий послал в наступление всю конницу и всех метателей дротиков. Кельты снова подались назад и отступили к своему убежищу. Меж-

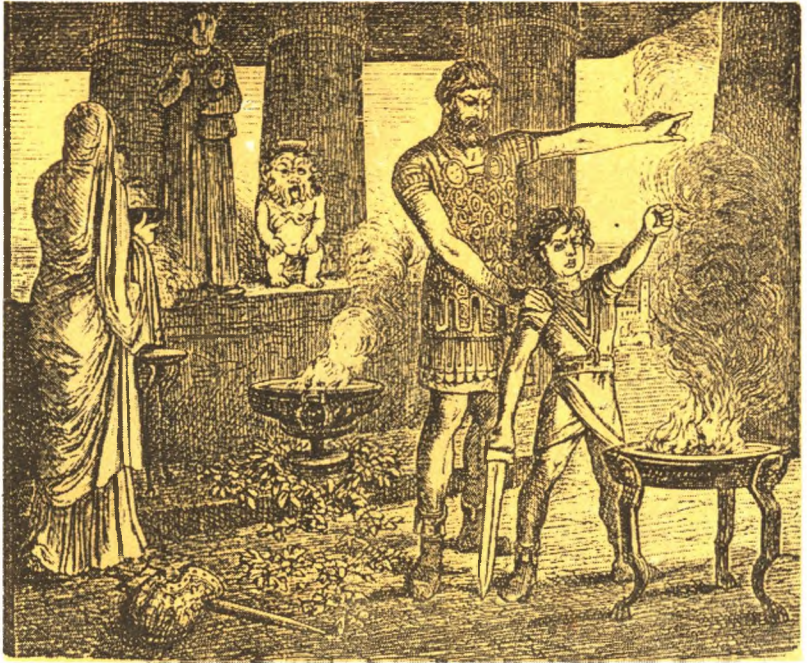
ду тем вождь карфагенян не был приготовлен к решительной битве; притом, как свойственно хорошему полководцу, он держался правила, что без заранее составленного плана, по ничтожному поводу не следует отваживаться на решительное сражение, а потому теперь ограничился тем, что остановил своих воинов у окопа и снова оборотил их лицом к неприятелю; но не позволил им преследовать римлян и вступать в битву и отозвал их назад при посредстве слуг и трубачей. Римляне,

Гамилькар — отец Ганнибала

продав некоторое время, отступили; потери их были невелики, гораздо больше пострадали карфагеняне.

Тиберий, ободренный и сильно обрадованный удачею, горел желанием дать решительную битву возможно скорее. Так как Публий все еще был нездоров, то ему можно было бы действовать по собственному усмотрению; однако Тиберий желал иметь за себя и голос товарища, а потому совещался с ним об этом деле. Но о том же предмете Публий был противоположного мнения. Он полагал, что военные упражнения в течение зимы принесут большую пользу легионам, что, с другой стороны, кельты при непостоянстве нрава их не останутся верными карфагенянам и снова обратятся против них, если карфагеняне приостановят военные действия и вынуждены будут оставаться в покое. Сверх того, он надеялся с залечением раны оказать действительные услуги государству. Вот по каким причинам он убеждал Тиберия не предпринимать ничего нового. Тиберий признавал верность и основательность доводов товарища; но, побуждаемый честолюбием и преисполненный слепой самоуверенности, он спешил дать решительную битву прежде, чем Публий в состоянии будет принять участие в деле, а вновь избранные консулы вступят в должность: тогда было

**Гамилькар — Барка берет клятву с Ганнибала
о ненависти к Риму**

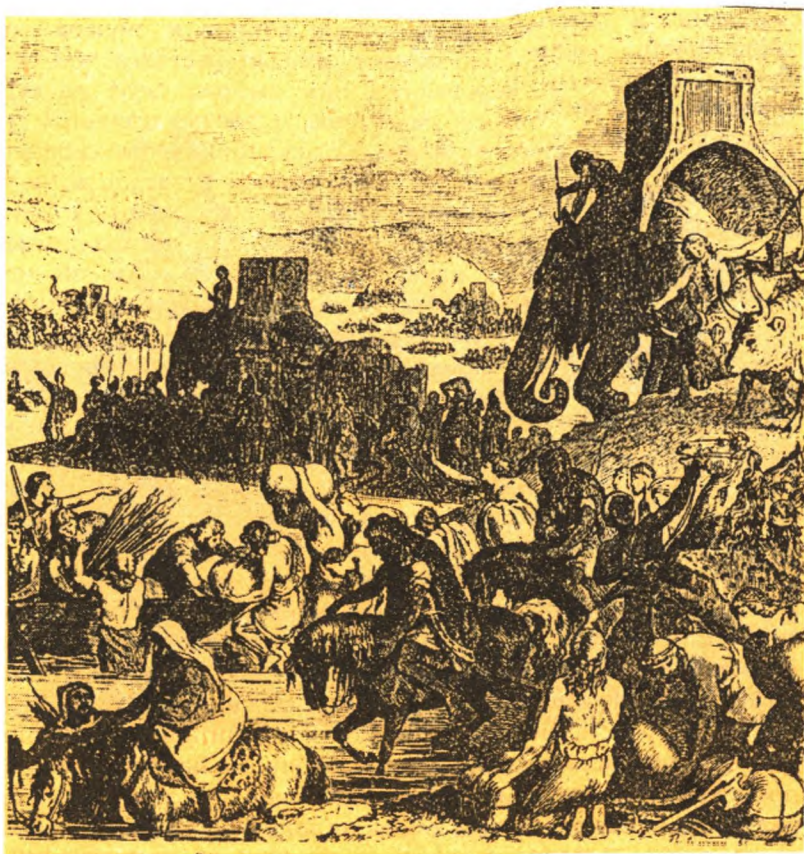
время выборов. Тиберий должен был неминуемо потерпеть неудачу, ибо в выборе времени для битвы руководствовался собственными выгодами, не сообразуясь с положением дела. Ганнибал разделял взгляды Публия на тогдашнее положение и в противоположность ему старался поскорее сразиться с неприятелем, чтобы, во-первых, воспользоваться не остывшею еще ревностью кельтов; во-вторых, чтобы вступить в битву с неиспытанными, недавно набранными легионами римлян; он желал этого и потому еще, что Публий не мог пока участвовать в сражении, больше всего потому, что не хотел терять времени в бездействии. В самом деле, для человека, вторгнувшегося с войском в чужую страну и идущего на необыкновенно смелые предприятия, единственное средство спасения — непрерывно питать все новые и новые надежды в своих соратниках. Ганнибал знал, как горя-

Ганнибал

чо желает битвы Тиберий, и потому принял следующий план действия.

Давно уже высмотрел он место между двумя станами, ровное и чистое, но весьма удобное для засады благодаря ручью с высоким берегом, густо поросшим терном и кустарником, и готовился употребить против неприятеля военную хитрость. Он рассчитывал, что легко скроет от врага свои замыслы, ибо римляне остерегались лесистых местностей, в которых кельты всегда устраивают засады, и ничуть не опасались совершенно открытых равнин. Они не знали того, что в таких местах удобнее, нежели в лесистых, и укрыться, и предохранить себя от всякой опасности, потому что находящиеся в подобной засаде воины могут видеть все на далеком пространстве, а необходимые для прикрытия предметы имеются почти везде. Любой ручей с приподнятым берегом, там и сям растущий тростник, папоротник или какой-нибудь терновник могут скрыть не только пеших солдат, но иногда и конных, ес-

Ганнибал переправляется через Рону

ли только принять некоторые меры предосторожности, положить бросающееся в глаза оружие на землю, а шлемы спрятать под щитами. Вождь карфагенян обсуждал предстоящую битву с братом своим Магоном и с членами военного совета; все одобряли его план. Лишь только войско поужинало, Ганнибал призвал к себе Магона, человека молодого, но пылкого и с ранних лет обученного военному делу, и передал ему сто человек конницы и столько же пехоты. Днем еще Ганнибал выбрал из всего войска способнейших солдат и приказал им явиться по-

сле ужина в его палатку. Ободрив воинов и внушив им такие чувства, какие требовались обстоятельствами, он отдал приказ, чтобы каждый из них выбрал себе десять храбрейших воинов в своем отряде и тотчас приходил к определенному месту стоянки. Когда приказ был исполнен, Ганнибал ночью послал этих воинов в засаду в числе тысячи человек конницы и столько же пехоты; к ним он присоединил проводников, а брату дал необходимые указания относительно времени нападения. Сам он на рассвете собрал нумидийскую конницу, народ замечательно выносливый, ободрил их речью, обещал кое-какие награды за храбрость и приказал подойти к неприятельскому валу, поспешно переправиться через реку и метанием дротиков вызвать неприятеля на бой; он желал захватить римлян до завтрака, не приготовленными к сражению. После этого он созвал прочих начальников, к ним также обратился с ободряющей речью, велел всем завтракать и внимательно осмотреть вооружение и лошадей.

Заметив приближающихся нумидийских всадников, Тиберий тотчас отрядил только свою конницу и приказал ей вступить в битву с неприятелем. Вслед за нею он послал в дело и около шести тысяч пеших метателей дротиков; затем вывел из-за окопов остальное войско, полагая, что один вид его решит участь битвы: уверенность эту питали в Тиберии многочисленность воинов и успех конницы накануне. Дело происходило в пору зимнего солнцестояния; в этот день выпал снег, и погода стояла очень холодная; кроме того, все почти воины и лошади вышли из стоянки до принятия пищи. Вначале войска горели желанием боя, но потом, когда нужно было переправляться через реку Требию, вода в которой поднялась за ночь после дождя на ближайших к лагерю высотах, пехота переправлялась с трудом, потому что вода доходила солдатам по грудь. Вследствие этого войско страдало от холода и голода, ибо час был уже поздний. Между тем карфагеняне покрепили себя пищею и питьем в своих палатках, накормили лошадей и подле костров намазывались маслом и вооружались. Ганнибал, выждавший благоприятного момента, лишь только увидел, что римляне перешли реку, послал вперед для прикрытия нумидян копейщиков и балиарян числом около восьми тысяч и затем

Союз Ганнибала с кельтами в Северной Италии

сам двинулся с войском. Отойдя от стоянки стадий на восемь, он выстроил в одну прямую линию свою пехоту в числе тысяч двадцати человек: иберов, кельтов и ливиян. Конницу, которой насчитывалось вместе с кельтскими союзниками больше десяти тысяч, он разделил на два отряда и поставил их на обоих флангах; между флангами разделил он также слонов и поставил их впереди. В это самое время Тиберий отозвал свою конницу назад, ибо видел, что она не знает, как ей быть с неприятелем: нумидяне то быстро и враспынную отступали, то возвращались назад, с самоуверенностью и отвагой переходя в наступление: таков свой-

ственный нумидянам способ битвы. Пехоту он выстроил по римскому способу: пеших римлян у него было тысяч шестнадцать, а союзников тысяч двадцать. Такова была у римлян полная численность войска для решительных битв, когда обстоятельства позволяли выступать на войну обоим консулам вместе. После этого на обоих флангах он поставил конницу в числе тысяч четырех воинов и гордо пошел против неприятеля тихим шагом в боевом порядке.

Когда войска сблизились, началась битва между передовыми легкими отрядами. Уже в это время обнаружилось, что римляне во многом уступают неприятелю и что перевес в сражении находится на стороне карфагенян. Дело в том, что римские метатели дротиков были изнурены битвою с самого утра и в стычке с нумидянами выпустили большую часть дротиков, а остававшиеся сделались вследствие продолжительной сырости негодными к употреблению. Почти то же самое было и с конницей, и со всем войском римлян. Положение карфагенян было совсем иное: со свежими, нетронутыми силами встали они в боевую линию, с легкостью и ревностью выполняли все, что требовалось. Поэтому, лишь только передовые бойцы отступили между рядами позади стоявших воинов и сразились тяжеловооруженные войска, карфагенская конница тотчас стала теснить неприятелей на обоих флангах, потому что превосходила римскую численностью, а кроме того, как я сказал выше, и люди их, и лошади шли в дело со свежими силами. Когда римская конница отступила и тем открыла фланги пехоты, карфагенские копейшики и масса нумидян выступили быстро за передние ряды своих воинов и ударили на фланги римлян; большой урон причинили они римлянам и не давали им сражаться с противостоявшими рядами. Между тем тяжеловооруженные, занимавшие с обеих сторон передние и средние ряды всего боевого строя, одни сражались долго, упорно и с равным успехом.

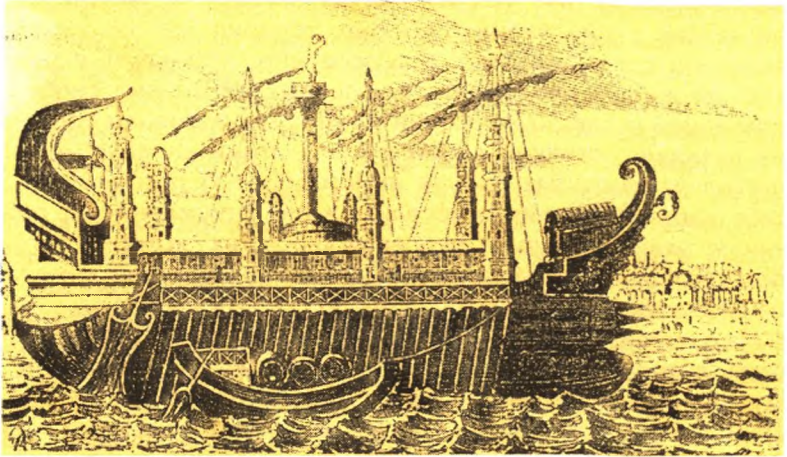
В это время нумидяне поднялись из засады, внезапно ударили с тыла на центр неприятельского войска и тем произвели в римских войсках сильное замешательство и тревогу. Наконец оба фланга Тибериева войска, теснимые спереди слонами, а кругом и с боков легковооруженными, оборотили тыл и натиском неприятеля оттеснены были к протекавшей позади их реке. После этого задние ряды римлян, сра-

жавшихся в центре, сильно пострадали от нападения воинов из засады; напротив, те, что были впереди, воодушевляемые трудностью положения, одержали верх над кельтами и частью ливиян и, многих из них положив на месте, прорвали боевую линию карфагенян. Хотя римляне и видели, как фланги их были смяты, но не решались ни помочь своим, ни отступить назад в собственный лагерь: многочисленность неприятельской конницы пугала их; препятствовали им также река и проливной дождь с сильным ветром. Поэтому римляне, сомкнувшись и в боевом порядке, отступили к Плаценции, куда и прибыли благополучно в числе не менее десяти тысяч человек. Что касается остальных, то большинство их было истреблено у реки слонами и конницей; те же из пеших воинов, которые спаслись бегством, и большая часть конницы отступили к упомянутому выше отряду и вместе с ним достигли Плаценции. С другой стороны войско карфагенян преследовало неприятеля до реки, но по причине бурной погоды не могло идти дальше и возвратилось на свою стоянку. Здесь все ликовали по случаю счастливого исхода битвы. Случилось так, что из иберов и ливиян погибло немного; большую часть погибших составляли кельты. Однако от дождя и следовавшего за ним снега войско сильно пострадало: пали все слоны, кроме одного; много людей и лошадей погибло от холода.

Тиберий знал все, что случилось, но, желая скрыть по возможности правду от находившихся в Риме граждан, он послал уведомление, что хотя сражение было, но победе помешала бурная погода. Первое время римляне верили донесению; но вскоре стали приходиться известия, что карфагеняне занимают и римскую стоянку, что все кельты прикнули к ним, что, напротив, их войско оставило свою стоянку позади, ушло с поля сражения, и все воины собрались в городах, где получают нужные припасы с моря по реке Паду; тогда они ясно поняли, чем кончилась битва. Все это было для римлян совершенно неожиданно, и они с величайшим усердием занялись дальнейшими вооружениями и защитой открытых для врага местностей; поэтому отправили войска в Сардинию и Сицилию; кроме того, послали гарнизон в Тарент и во все другие удобно расположенные пункты; вооружили они и шестьдесят пятипалубных кораблей.

Гней Сервилий и Гай Фламиний, избранные в то время консулами, стягивали силы союзников и набирали легионы в самом Риме. Жизненные припасы велели они доставлять частью в Аримин, частью в Тиррению, так как намерены были выступить в эти местности. Римляне обратились также с просьбою о помощи к Гиерону, который и послал им пятьсот критян и тысячу пелтастов. Вообще приготовления велись деятельно повсюду. И в самом деле, римляне, как государство, так и отдельные граждане, бывают наиболее страшными тогда, когда им угрожает серьезная опасность.

В это самое время Гней Корнелий, назначенный, как я сказал выше, братом своим Публием в начальники морских сил, со всем флотом вышел в море от устьев Родана и пристал к Иберии в области так называемого Эмпория. Начиная отсюда, он делал высадки на берег и на пространстве до реки Ибера осаждал города прибрежных жителей, отказывавших ему в покорности; напротив, с жителями покорными обращался ласково и обнаруживал относительно их всевозможную заботливость. Оставив гарнизоны в тех городах, которые перешли на сторону римлян, Гней Корнелий со всем войском шел дальше, направляясь в глубь материка, ибо он собрал уже многочисленное союзное войско из иберов. Все находившиеся на этом пути города он частью привлек на свою сторону, частью покорил. Что касается карфагенян, которые оставлены были в этой стране под предводительством Ганнона, то они расположились станом подле города, именуемого Киссою. Гней дал им битву и одержал победу, причем овладел большой добычей, потому что здесь оставался весь обоз двинувшегося в Италию войска; кроме того, он приобрел дружественный союз всего населения по сю сторону реки Ибера и захватил в плен военачальников карфагенян и иберов, Ганнона и Гандобала. Этот последний был царьком внутренних областей Иберии и всегда отличался особенным благорасположением к карфагенянам. Узнав о случившемся, Гасдрубал быстро перешел реку Ибер и явился на помощь своим. Здесь он узнал, что покинутые на месте корабельные воины вследствие победы сухопутного войска ходили по стране спокойные и беззаботные; тогда Гасдрубал взял из своего войска тысячу восемь пехоты и тысячу конницы и напал на рассеявшихся

Военный корабль Сиракуз

флотских воинов, причем многих перебил, а остальные вынуждены были бежать на корабли. Гасдрубал повернул назад, перешел опять реку Ибер и занялся приготовлениями к войне и укреплением местностей, лежащих за рекою, расположившись на зимнюю стоянку в Новом городе. Гай возвратился к флоту и виновных в недавнем поражении подверг установленному у римлян наказанию, затем соединил вместе сухопутное и морское войска и устроился на зиму в Тарраконе. Равным разделом добычи он приобрел большое расположение к себе воинов и вдохнул в них охоту к предстоящим битвам.

В таком положении были дела Иберии. С наступлением весны Гней Фламиний со своим войском двинулся вперед через Тиррению, дошел до города арретинов и там разбил лагерь. Гней Сервилий пошел в противоположном направлении, к Армину, чтобы там поджидать вторжения неприятелей.

Проводя зиму в Кельтике, Ганнибал содержал взятых в битве римлян под стражею на скудном продовольствии; напротив, с римскими союзниками он обращался на первых порах чрезвычайно ласково, потом собрал их, ободрил на-

помином о том, что он пришел воевать не против них, но за них с римлянами. Поэтому, говорил он, им следует, если они хотят поступить благоразумно, примкнуть к нему, ибо он явился прежде всего для восстановления свободы италийцев и для возвращения различным племенам городов их и земель, отнятых римлянами. С этими словами он отпустил пленных без выкупа домой с целью расположить к себе жителей Италии и поселить в них отчуждение от римлян, а равно возбудить недовольство в тех, которые в господстве римлян видели причину умаления своих городов или гаваней.

На зимней стоянке Ганнибал употребил еще следующего рода хитрость, достойную финикиянина: будучи связан с кельтами узами недавнего союза, он опасался непостоянства их и даже покушений на его жизнь, а потому заказал себе поддельные волосы, по виду вполне соответствующие различным возрастам, и постоянно менял их, причем каждый раз надевал и платье, подходящее к таким волосам. Благодаря этому он был неузнаваем не только для людей, видевших его мимоходом, но даже и для тех, с коими находился в постоянном общении. Далее, он замечал недовольство кельтов тем, что война тянется долго в собственной их стране, видел также, с каким нетерпением ждут они вторжения в неприятельскую землю, по-видимому, из ненависти к римлянам, а на самом деле из жадности добычи, почему и решил поскорее сниматься со стоянки и удовлетворить желание войска. С этою целью Ганнибал, лишь только пора года изменилась, посредством расспросов узнал от людей, слывших за наилучших знатоков местности, что все пути в неприятельскую землю длинны и проходят на виду у неприятелей, за исключением одного, ведущего через болото в Тиррению, хоть и трудного, зато короткого и совершенно не принятого во внимание Фламинием. Всегда по природе склонный к такого рода предприятиям, он избрал этот последний путь. Когда в войске распространилась молва, что вождь их намерен идти через болота, все со страхом думали о походе, опасаясь ям и тинистых мест на этом пути.

По тщательном исследовании Ганнибал узнал, что предлагаемый ему путь покрыт болотами, но не вязок, а потому снялся со стоянки и поставил впереди ливиян, ибе-

ров и вообще лучшую часть войска; к ним он присоединил и обоз, дабы воины первое время вовсе не нуждались в продовольствии. О запасах на будущее он нисколько не заботился, рассуждая так, что по достижении неприятельской страны ему в случае поражения припасы будут вовсе не нужны, в случае же победы в продовольствии не будет недостатка. За поименованными выше войсками он поставил кельтов, а позади всех конницу. Начальником тыла войска он оставил брата своего Магона как по разным другим соображениям, так главным образом ввиду свойственной кельтам изнеженности и отвращения их к трудам: если бы они по причине неудобств перехода вздумали повернуть назад, Магон должен был удерживать их с помощью конницы и силою заставлять идти дальше. Итак, иберы и ливияне терпели мало, ибо они проходили через болота еще не тронутые, к тому же все они выносливы и свыклись с такого рода тягостями. Напротив, кельты продвигались вперед с трудом по болотам, уже взрытым и глубоко протоптанным; как люди, не искушенные в такого рода трудностях, они выносили их с мучительным нетерпением, но податься назад мешала им наступавшая с тыла конница. Вообще жестоко терпели все войска, больше всего от бессонницы, потому что они шли непрерывно по воде в течение четырех дней и трех ночей подряд; больше всех страдали и гибли кельты. Что касается вьючных животных, то большая часть их падала в грязи и погибала; впрочем, падением своим они оказывали людям и услугу: сидя на животных и на куче поклажи, люди поднимались над водой и только таким образом могли спать хоть небольшую часть ночи. Многие лошади потеряли копыта, потому что шли непрерывно по грязи. Сам Ганнибал едва спасся, и то с большим трудом, на уцелевшем слоне. Сильные страдания причиняла ему тяжелая глазная болезнь, от которой он лишился даже одного глаза: обстоятельства не позволяли ему ни остановиться, ни полечить глаза.

Сверх всякого ожидания перейдя болото и в Тиррении настигнув Фламиния, который стоял лагерем перед городом арретинов, Ганнибал расположился у самых болот; он желал дать войску отдохнуть, а равно узнать положение не-

приятеля и свойства страны. Им получены были сведения, что расстилающаяся впереди страна обещает большую поживу, что, с другой стороны, Фламиний заискивает в толпе и в совершенстве умеет увлекать ее за собою, но не искусен в ведении серьезных военных предприятий, к тому же слишком уверен в своих силах. Ганнибал соображал, что если он обойдет неприятельский стан и проникнет в далее лежащие местности, то Фламиний, с одной стороны, из опасения насмешек толпы не в силах будет глядеть спокойно на опустошение страны, с другой — будет чувствовать себя посрамленным, появится тотчас, будет следовать за неприятелем всюду и не станет дожидаться прибытия товарища, облеченного равною с ним властью, будет употреблять все старание, чтобы самому добыть победу. Поэтому Ганнибал рассчитывал, что противник доставит ему не раз удобный случай для нападения. Все эти предположения были здравы и основательны.

Действительно, нужно быть невежественным или ослепленным, чтобы не видеть, что важнейшая задача военачальника — постигнуть характер и природные склонности неприятельского вождя. Если в борьбе один на один, шеренги с шеренгой стороне, жаждущей победы, необходимо сообразить, каким образом цель может быть достигнута, какие части тела противника обнажены или не защищены оружием, то начальник всего войска должен отыскивать не открытую часть тела, но слабую сторону в характере противника: ведь многие вследствие легкомыслия и полной нерадивости губят вконец не только государство, но и собственную жизнь. С другой стороны, многие, пристрастившиеся к пьянству, не в состоянии заснуть, прежде чем не приведут себя в беспамятство вином; иные, преданные неумеренным любовным наслаждениям, не только губили государства и свое имущество, но и сами погибали позорной смертью. Трусость и нерадивость в частном человеке подвергают одержимого ими позору, а в главнокомандующем пороки эти представляют величайшее несчастье для всех; подобный вождь не только усыпляет бодрость духа своих подчиненных, но часто повергает в величайшие опасности и тех, которые облекли его властью. Потом, нерассудительность, слепая смелость, безумная стремительность, а также суетность

и высокомерие — качества вождя, выгодные для врагов, весьма губительные для своих, ибо подобный человек легко становится жертвою всяких козней, засад, обмана. Вот почему, если кто в состоянии постигнуть ошибки ближнего и при нападении на неприятелей имеет в виду слабую сторону вождя их, тот очень быстро одержит решительную победу. Если потеря кормчего предает все судно с командою в руки врагов, то точно так же, если кому удастся опутать неприятельского вождя кознями или хитро рассчитанными планами, тот часто завладевает всем войском противника. Так и теперь Ганнибал постиг и принял во внимание все качества неприятельского вождя, благодаря чему и удался план его.

Лишь только Ганнибал двинулся из окрестностей Фезолы и, немного миновав римскую стоянку, вторгся в лежавшую далее область, Фламиний тотчас потерял самообладание и пришел в ярость, потому что в поведении неприятеля усматривал пренебрежение к себе. Когда же вслед за сим область подверглась разорению и отовсюду подымался свидетельствовавший о том дым, он негодовал, считая это тяжкою для себя обидою. И потому, когда кое-кто настаивал, что не следует опрометчиво кидаться за неприятелем и вступать с ним в сражение, что необходимо остерегаться многочисленности неприятельской конницы, главным образом дожидаться другого консула и отваживаться на битву только с соединенными легионами, Фламиний не обращал на эти речи никакого внимания и даже не выслушивал их до конца. «Следует подумать только, что станут говорить дома сограждане их, если страна будет разорена чуть не до самого Рима, тогда как они стояли бы лагерем в тылу неприятеля». Сказав это, Фламиний велел сниматься со стоянки и двинулся вперед с войском, не выбрав ни времени удобного, ни места, увлекаемый только жаждою битвы и вполне уверенный в победе. Действительно, ту же уверенность он сообщил и войску до такой степени, что у него было меньше людей вооруженных, чем безоружных, следовавших за войском в расчете на добычу; они несли цепи, кандалы и другие принадлежности победителей. Между тем Ганнибал шел вперед по направлению к Риму через Тиррению, с левой стороны имея город Киртоний и его горы, а с другой —

Фламиний

озеро, именуемое Тарсименским; на пути своем он жег и опустошал поля с целью раздражать противника. Когда наконец он увидел, что Фламиний уже близко, то выбрал удобную для сражения местность и стал готовиться к битве.

На пути его лежала ровная долина, по обеим продольным сторонам которой тянулись высокие непрерывные горы; на широкой передней стороне ее возвышался крутой, труднодоступный холм, а на задней находилось озеро, оставлявшее

очень узкий проход в долину у подошвы горы. Ганнибал прошел эту долину и, направляясь вдоль озера, занял возвышавшийся против него холм, на котором и расположился лагерем с иберами и ливийцами; балиарян и копейщиков, находившихся во главе войска, он растянул в длинную дугообразную линию и скрыл за высотами, замыкающими долину справа; конницу и кельтов он также повел в обход левых возвышенностей и выстроил их в длинную сомкнутую линию таким образом, что крайние воины находились у того входа вдоль озера и у подошвы гор, который ведет в описанную выше долину.

Приготовления эти сделал Ганнибал ночью; окружив долину помещенными в засадах войсками, он держался спокойно. Тем временем Фламиний следовал за ним с тыла, желая поскорее настичь неприятеля. Накануне поздним вечером он расположился лагерем у самого озера, а на следующий день ранним утром повел передовые ряды вдоль озера в открывающуюся перед ним равнину с целью вызвать неприятеля на битву.

День был очень пасмурный. Лишь только большая часть его войска вошла в долину, а передовые ряды неприятеля уже подходили к нему, Ганнибал дал сигналы, послал приказание помещенным в засадах воинам и разом со всех сто-

У Тарсименского озера

рон ударил на врага. Появление карфагенян было неожиданно; к тому же густой туман не давал разглядеть окружающие предметы; наконец, карфагеняне стремительно нападали с высот во многих пунктах. Вследствие всего этого центурионы и трибуны не только не могли подать помощь там, где она требовалась, но даже не понимали, что делается. И в самом деле, неприятели нападали на римлян разом с фронта, с тыла и с флангов. Вот почему они перебиты были большею частью в пути еще и не могли защищаться. будучи как бы выданы неприятелю безрассудством предводителя. Пока римляне совещались о том, что делать, смерть настигала их внезапно. В это же время часть кельтов напала на Фламиния и убила его, когда он раздумывал, как помочь себе, и совершенно отчаялся в спасении. Римлян пало в долине (Тразимен) около пятнадцати тысяч человек, которые не имели возможности ни пойти на уступки

обстоятельствам, ни оказать какое-либо сопротивление и по привычке озабочены были больше всего тем, как бы не бежать и не покинуть своих рядов. Напротив, те из римлян, которые на пути в долину заперты были в теснине между озером и склонами гор, погибли позорною и еще более жалкою смертью, именно: притиснутые к озеру, одни из них безумно кидались вплавь вместе с вооружением и задыхались; другие, огромное большинство, шли в озеро все дальше, пока можно было, а потом останавливались; поверх воды виднелись только головы их. Когда затем появилась конница и гибель была неизбежна, несчастные с поднятыми руками, с просьбами о пощаде, со всевозможными мольбами на устах погибали от рук неприятеля или просили друг друга покончить с ними, или же сами лишали себя жизни. Тысяч шесть из числа римлян, проникших в долину, одержали победу над стоявшим против них неприятелем; но они не могли ни помочь своим, ни обойти противника, ибо не понимали ничего, что случилось, хотя могли бы оказать делу большую услугу. Устремляясь все дальше вперед в надежде встретить врага, они наконец, никем не замеченные, взошли на высоты. Поднявшись на вершину, когда туман уже рассеялся, они поняли весь ужас бедствия и, бессильные сделать что-либо против неприятеля, одержавшего полную победу и уже все имевшего в своих руках, они сомкнутыми рядами отступили к какой-то деревне в Тиррении. После сражения вождь карфагенян отрядил иберов и копейшиков с Магарбалом во главе, которые и окружили станом эту деревню; терпя тяжелые лишения во всем, римляне сдались неприятелю под условием, что жизнь им будет оставлена. Так завершилась битва между римлянами и карфагенянами, происшедшая в Тиррении.

Когда к Ганнибалу привели римлян, которые сдались под условием пощады, а равно и прочих пленных, он собрал всех вместе, больше пятнадцати тысяч человек, и прежде всего объяснил, что Магарбал не имел полномочий даровать неприкосновенность сдавшимся ему римлянам, и затем произнес против римлян обвинительную речь. По окончании ее он роздал пленных римлян своим войскам под стражу, а всех союзников римских отпустил домой без выкупа. При этом Ганнибал сказал, что он пришел воевать не с италий-

цами, но с римлянами за освобождение италийцев. Своему войску он дал отдохнуть и похоронил трупы знатнейших воинов числом до тридцати; всего из его войска пало до полутора тысяч человек, большинство коих были кельты. После этого Ганнибал совещался с братом и друзьями о том, куда и каким образом направить дальнейшее наступление; теперь в окончательной победе он был вполне уверен.

Когда весть о понесенном поражении пришла в Рим, стоявшие во главе управления лица не могли ни скрыть случившегося, ни умалить значение его, потому что несчастье было очень велико, и вынуждены были, созвав народ в собрание, сообщить ему происшедшее. Поэтому, как только претор с трибуны возвестил перед столпившимся народом: «Мы побеждены в большом сражении!» — наступило такое уныние, что людям, присутствовавшим при битве и теперь находившимся в Риме, бедствие представилось гораздо более тяжким, чем во время самого сражения. Это совершенно понятно: римляне, коим давно уже не было известно решительное поражение даже по имени, горевали теперь без меры и удержу. Один сенат не потерял подобающего ему присутствия духа и занялся обсуждением того, что и каким образом должен делать каждый гражданин.

Ко времени этого сражения консул Гней Сервилий, поставленный для защиты области Аримина — находится она на побережье Адриатики, там, где галатская равнина граничит с прочей Италией, недалеко от устьев изливающегося в это море Пада, — получил известие о том, что Ганнибал вторгся в Тиррению и расположился станом против Фламиния. Вначале он решил было соединить все свои войска с войсками товарища; но сделать этого Гней не мог, потому что войско его было слишком тяжело; поэтому он поспешно отрядил вперед Гая Центения с четырьмя тысячами конницы, дабы они в случае нужды могли оказать своевременную помощь Фламинию до прибытия его самого. Между тем Ганнибал, получив известие уже после сражения о вспомогательном отряде неприятелей, послал против него Магарбала с копейщиками и отрядом конницы. Они встретились с войсками Гая и в первой же стычке истребили почти половину неприятелей, остальных загнали на какой-то холм и на следующий день всех забрали в плен. Лишь за три дня

до этого в Риме получена была весть о битве при Тарсименском озере, и скорбь как бы пламенем терзала еще сердца граждан, когда пришла весть о новом бедствии: на сей раз не народ только, но и самый сенат повергнуты были в уныние. Римляне отказались теперь от обычного ведения дел с помощью выборных должностных лиц на год и решили изыскать более действенные меры к уврачеванию зол, полагая, что при настоящем положении нужен полномочный вождь.

Между тем Ганнибал, хотя и уверенный в окончательной победе, не считал пока нужным приближаться к Риму; он исходил страну в разных направлениях и беспрепятственно разорял ее по мере приближения к Адриатике. К побережью Адриатики он прибыл после десятидневного перехода через землю омбров и пиценов, причем собрал такое множество добычи, что войско его не могло ни везти за собою всего, ни нести; кроме того, он истребил на пути множество народу. Как бывает при взятии города, так и теперь Ганнибал отдал своим войскам приказ убивать всякого встречного взрослого человека. Поступал он так в силу прирожденной ненависти к римлянам.

Расположившись в это время лагерем у Адриатики, в стране, изобилующей всякого рода произведениями, Ганнибал прилагал большие старания к тому, чтобы дать отдохнуть и оправиться как людям, так равно и лошадям. Дело в том, что войско его провело зиму в Галатии под открытым небом, на холоде и в грязи; вследствие этого и тех лишений, с какими сопряжен был дальнейший переход через болота, почти все лошади его, а также и люди переболели так называемой голодной коростой и подобными болезнями. Поэтому, завладев страной благодатной, Ганнибал постарался подкрепить силы лошадей, восстановить тело и душу своих воинов; потом заменил вооружение ливиян отборным римским оружием, так как в его руках было огромное количество римских доспехов. В это же время он отправил морем в Карфаген вестников с уведомлением о случившемся: теперь в первый раз после вторжения в Италию он находился у моря. Полученные вести сильно обрадовали карфагенян, которые старались придумать и сделать все возможное для того, чтобы каким бы то ни было способом подкрепить свои войска в Италии и Иберии.

С другой стороны, римляне выбрали в диктаторы Квинта Фабия, человека с выдающимся умом и прекрасно одаренного от природы; по крайней мере и в наше еще время члены дома его носили добавочное название Максима, что значит величайший, как свидетельство славных подвигов этого человека. Отличие диктатора от консула состоит в следующем: за каждым из консулов следует по двенадцать секир, за диктатором — двадцать четыре; тогда как консулы во многих делах нуждаются в соизволении сената для осуществления своих планов, диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть. Впрочем, мы поговорим об этом предмете в другом месте с большими подробностями. В одно время с диктатором римляне выбрали в начальники конницы Марка Минуция. Хотя начальник конницы находится в подчинении у полномочного вождя, однако он как бы заступает место этого последнего в случае отсутствия его.

Передвигая понемногу свою стоянку, Ганнибал продолжал оставаться на адриатическом побережье; лошадей он велел купать в старом вине, которого здесь было много, и тем излечил их от недомогания и коросты. Точно так же он вылечил раненых воинов, всех остальных привел в хорошее состояние и вдохнул им бодрость к предстоящим битвам. Затем Ганнибал прошел и опустошил области Прететтия и Адрии, а также маррукинов и френтанов и устремился в Япигию. Эта последняя страна делится на три части различных наименований: жители одной из них называются давниями, другой — певкетиями, третьей — мессапиями. Ганнибал вторгся в первую из этих земель, в Давнию. Здесь, начав от Луцерии, римской колонии, он опустошал поля. После этого он расположился станом в окрестностях Ойбония, откуда совершал набеги на Аргирипское поле и разорял безнаказанно всю Давнию.

В это время Фабий, по вступлении в должность и принесении жертвы, выступил в поход вместе с товарищем своим и четырьмя наскоро набранными легионами. Соединившись подле Давнии с войсками, которые от Аримина шли на помощь своим, он освободил Гнея от должности начальника сухопутных войск и послал его под

надежным прикрытием в Рим, причем отдал приказание являться своевременно всюду, где только карфагеняне попытаются тревожить римлян с моря. Сам с товарищем и войсками расположился лагерем против карфагенян в окрестностях так называемых Эк на расстоянии стадий пятидесяти от неприятеля.

Узнав о прибытии Фабия и желая устрашить неприятеля первым нападением, Ганнибал выступил с войском и вблизи римского лагеря выстроился в боевом порядке. Простояв здесь некоторое время и не дождавшись наступления врага, он отошел назад в свой лагерь. Между тем Фабий оставался верен первоначально принятому решению не действовать опрометчиво и не подвергать себя случайностям битвы, но прежде всего и больше всего заботиться о целости своих подчиненных. Сначала такой образ действий возбуждал презрение к Фабию и вызывал толки, что он трусит и боится сражения. Но с течением времени все вынуждены были признать, что в данных обстоятельствах нельзя было бы действовать разумнее и осмотрительнее. Впрочем, самые события не замедлили оправдать расчеты Фабия — и совершенно понятно. Ибо войска неприятеля упражнялись непрестанно в военном деле с ранней юности, находились под начальством вождя, выросшего вместе с ними и с детства испытанного в лагерной жизни; к тому же много раз они побеждали в Иберии и одну за другою одержали две победы над римлянами и союзниками их; наконец, что было самое важное, карфагеняне все покинули за собою и единственным средством спасения оставалась для них победа. Положение римского войска было совсем иное. Поэтому Фабий предвидел неизбежное поражение в решительной битве и не мог отважиться на нее; поняв, в чем состояли выгоды его положения сравнительно с неприятелем, он на них только и рассчитывал и сообразно с ними вел дело войны; преимущества же римлян состояли в неистощимости запасов и в численном перевесе их войска.

Вот почему все последующее время Фабий шел стороною от неприятеля и заблаговременно занимал удобные, по опыту известные ему пункты. Имея в тылу войска обильные запасы, он ни разу не посылал воинов за сбором продовольствия и вовсе не отпускал их с окопов; он держал их вмес-

Переход Ганнибала через Апеннины

те, плотную массую, всегда готовый воспользоваться удобствами местности и времени. Действуя таким образом, он захватывал и убивал многих неприятелей, когда они из презрения к римлянам удалялись от своей стоянки за продовольствием. Делал он это с двоякою целью: чтобы постоянно мало-помалу уменьшать ограниченную численность неприятеля и вместе с тем небольшими победами укреплять понемногу и восстанавливать бодрость духа в войсках, сокрушенную прежними большими поражениями. Но отважиться на открытую решительную битву он никак не мог. Та-

кого плана действий вовсе не одобрял товарищ его Марк. Разделяя настроение массы войска, он в присутствии всех и каждого поносил Фабия, говоря, что он ведет себя недостойно и трусливо; сам он горел желанием померяться с неприятелем в битве.

Между тем карфагеняне по опустошении поименованных выше местностей перевалили через Апеннины и спустились в Самнитскую область, плодородную и с недавнего времени не знавшую войны; здесь они жили в таком довольстве, что не могли истощить запасов своей добычи ни потреблением ее, ни уничтожением. Кроме того, они совершили набег на Беневент, римскую колонию, и взяли город Венузию, не имевший стен и изобиловавший всевозможным добром. Римляне неустанно следовали за ними с тыла на расстоянии одного-двух дней пути, не решаясь приближаться к неприятелю и вступать в битву с ним. Ганнибал видел, что Фабий явно избегает сражения, но вовсе не думает удаляться с поля сражения, а потому смело двинулся в окрестные равнины Капуи, именно в ту местность, которая именуется Фалерном. Он рассчитывал добиться этим одного из двух: или вынудить неприятеля к сражению, или показать всем воочию, что он одержал полную победу и что римляне уступили ему поле сражения. Ганнибал надеялся, что все это наведет ужас на города и побудит их отложиться от римлян. Дело в том, что, невзирая на поражение римлян в двух битвах, до сих пор ни один из городов Италии не отложился от римлян и не перешел на сторону карфагенян; все они оставались верными данным обязательствам, хотя некоторые из них жестоко терпели от неприятеля. Отсюда всякий может видеть, с каким страхом и уважением относились союзники к римскому государству.

Однако расчеты Ганнибала были не напрасны. Равнины Капуи славятся во всей Италии своим плодородием, красотой местоположения, близостью к морю и такими торговыми, в которые заходят плывущие в Италию суда чуть не всей обитаемой земли. На этой равнине находятся знаменитейшие и красивейшие города Италии. Морское побережье занимают синuessяне, кумейцы, диккархиты, а кроме того, неаполитанцы и, наконец, народ Нукерии. Внутри материка живут к северу калены и тианиты, к востоку и

Равнины Капуи

югу — давнии и ноланы. В центре равнин лежит благодатнейший из городов Капуя. Об этих равнинах есть и у сочинителей басен весьма правдоподобное сказание, да и называются они Флегрейскими, подобно другим знаменитым равнинам. Скорее всего, об этих равнинах мог быть спор у богов благодаря красоте их и плодородию. Помимо всего сказанного, равнины эти укреплены самою природою и весьма малодоступны: с одной стороны они ограничиваются морем, с другой, большей, — очень высокими непрерывными горами, через которые из материка ведут только три узких и трудных прохода: один из Самния... третий из области гирпинов. Поэтому следовало ожидать, что карфагеняне, расположившись здесь станом, как на позорище, приведут всех в смущение необычностью своего появления, обличат трусость неприятелей, уклоняющихся от сражения, а сами предстанут общепризнанными обладателями поля битвы.

По таким-то соображениям Ганнибал прошел из Самнитской области узким проходом подле холма, именуемого Эрибианом, и расположился у реки Атурна, которая разделяет описанную выше равнину почти пополам. Стоянка его находилась на той стороне равнины, которая обращена к Риму; фуражиры Ганнибала совершали набеги во все стороны и безнаказанно опустошали равнину. Фабия смутила смелость предприятия врагов; но с тем большим упорством он оставался верен своему решению. Напротив, товарищи его Марк, все трибуны и центурионы полагали, что настал момент преградить путь неприятелю, и настойчиво доказывали, что необходимо поскорее сойти в равнину и не отдавать врагам на разорение великолепнейшую область. Фабий торопливо шел к этой местности и показывал вид, что разделяет воинственное настроение товарищей; но, подойдя к Фалерну, он показался только на горных склонах и проследовал бок о бок с неприятелем для того, чтобы союзники не могли думать, что он покидает поле битвы; на равнину он не спускался с войском по изложенным выше причинам и потому, что неприятельская конница, несомненно, была гораздо сильнее его собственной, опасался вступить в решительную битву.

Между тем Ганнибал после напрасных попыток вызвать неприятеля на битву и по опустошении всей равнины собрал добычу в громаднейшем количестве и стал готовиться к дальнейшему движению. Он не желал уничтожать добычу, собираясь сложить ее на хранение в верном месте, где можно было бы провести и зиму, дабы войско его не только в это время было в довольстве, но постоянно имело обильные запасы. Фабий постиг замыслы Ганнибала, именно что он собирается отступить тем самым путем, по которому вошел в эту область, и соображал, что узкий проход удобен для нападения из засады, а потому у самого прохода поставил около четырех тысяч воинов, причем убеждал их воспользоваться удобствами места и времени и доказать свою храбрость, а сам с большею частью войска расположился станом перед тесниною на некоем господствовавшем над нею холме.

Когда явились карфагеняне и разбили свои палатки на равнине у подошвы горы, Фабий рассчитывал не только от-

нять у них без труда добычу, но, что гораздо важнее, положить конец самой борьбе, воспользовавшись столь удобным местоположением. Поэтому он был всецело поглощен своими планами и соображениями о том, где поставить ему войско и каким образом выгоды местоположения обратить в свою пользу, с какого места и какие части войск должны открыть нападение на врага. Но пока римляне заняты были приготовлениями к следующему дню, Ганнибал проник в замыслы врагов и не дал им ни времени, ни возможности осуществить задуманное. Он тотчас призвал к себе Гасдрубала, заведовавшего работами при войске, и распорядился связать поскорее и побольше факелов из разного сухого дерева, потом велел взять из всей добычи отборных, самых сильных рабочих быков тысячи две и собрать их перед стоянкою. Когда это было сделано, он созвал мастеровых и указал им на высоты, лежащие между его лагерем и тем проходом, через который собирался проходить. К этим высотам он велел по данному сигналу гнать быков быстро, подгоняя их ударами, пока они не достигнут вершин возвышенности; засим приказал всем им ужинать и вовремя отдохнуть. На исходе третьей части ночи Ганнибал немедленно вывел мастеровых и велел привязать факелы к рогам быков. При множестве людей приказание это исполнено было быстро. Тогда Ганнибал распорядился зажечь все факелы и отдал приказ гнать быков к противоположащим высотам. Копейшиков он поставил сзади погонщиков и приказал им некоторое время помогать погонщикам; затем, лишь только быки будут достаточно возбуждены, копейшики должны повернуть в сторону, собравшись вместе снова, овладеть высотами и занять заблаговременно вершины их: они должны были быть готовы сразиться с врагами, лишь только эти последние устремятся тоже к высотам и нападут на них. К тому же времени снялся со стоянки и сам Ганнибал, причем впереди поставил тяжеловооруженную пехоту, за ними конницу, дальше добычу, наконец иберов и кельтов и подошел узкому проходу.

Что касается римлян, то одни из них, охранявшие проход, как только завидели огни в направлении высот, подумали, что туда идет Ганнибал, покинули теснину и поспешили к вершинам. Приблизившись к быкам, римляне недоу-

мевали при виде огней и воображали себя в худшем положении, ждали большей опасности, чем какая угрожала им в действительности. С появлением копейшиков обе стороны обменялись легким нападением; но когда быки подбежали и разделили сражающихся, противники на небольшом расстоянии друг от друга стали ожидать рассвета, так как не могли понять, что делается. Фабий, частью недоумевая, что творится, и, как выражается поэт, «угадывая, что тут кроется обман», частью памятуя первоначальное решение не пытаться счастья и не отваживаться на решительную битву, оставался спокойно у своей стоянки и дожидался дня. Тем временем Ганнибал, у которого все шло совершенно согласно замыслу, беспрепятственно провел свое войско и добычу через теснину, ибо те римляне, которые должны были охранять ее, покинули свои посты. На рассвете он увидел неприятеля, стоявшего против его копейшиков на вершине возвышенности, и отрядил туда часть иберов; когда произошла схватка, иберы положили на месте около тысячи римлян, без труда соединились со своими легковооруженными. Таким-то способом вышел Ганнибал из Фалернской области. Теперь стоянка его была уже вне опасности, и он был озабочен мыслью о зимней стоянке, где и каким образом устроить ее. Сильный страх и тяжелое смущение навел он на города и население Италии. Между тем о Фабии шла дурная слава, что по недостатку мужества он выпустил неприятеля из рук, несмотря на все удобства местности; от плана своего Фабий, однако, не отказывался. Спустя несколько дней он вынужден был ради некоего жертвоприношения возвратиться в Рим, причем передал войска товарищу: уходя, он настойчиво наказывал заботиться не столько о том, чтобы нанести вред неприятелю, сколько об охране римлян от какой-либо беды. Но Марк не обращал на это внушение никакого внимания, так что даже тогда еще, когда Фабий говорил, все помыслы его были обращены к тому, чтобы померяться с неприятелем в битве.

Перевод Ф. Г. Мищенко

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

102 — 44 гг. до н. э.

Жизнь

Гай Юлий Цезарь родился в 102 г. до н. э. в патрицианской семье из рода Юлиев. Связан родственными узами с предводителями демократии — Г. Марием и Л. Корнелием Цинной.

При Корнелии Сулле подвергался преследованиям и был вынужден уехать из Рима.

В ранней юности он доблестно служил в азиатских войсках Марка Терма и Сервилия Исаврика, проявил большую храбрость и инициативу. Смело вел себя в плену у захвативших его пиратов. Выплатив выкуп, он без промедления собрал флот, захватил пиратов и казнил их, как не раз грозил им в плену.

После смерти Суллы (78 г.) вернулся в Рим и включился в политическую борьбу.

Цезарь

В 73 г. был избран военным трибуном. Принял участие в активной борьбе за восстановление прав народных трибунов, урезанных Суллой.

В 68 г. — квестор, содействует амнистии приверженцев Сертория.

В 65 г. избирается эдилом и использует эту должность для завоевания популярности в широких кругах римского гражданства, устраивая многочисленные общественные обеды, роскошные зрелища, гладиаторские бои и строя великолепные общественные сооружения.

В конце 60 г. он располагает сильной группировкой сторонников в народном собрании.

В 63 г. выбирается претором и тогда же побеждает вид-

Корнелий Сулла

ного консерватора Катутла на выборах на должность верховного понтифика, которая открывает ему большие возможности влияния на народ и государственные дела.

По окончании претуры Цезарь в течение двух лет был наместником римской провинции Дальняя Испания, где совершил ряд удачных завоеваний, проявил незаурядные политические и административные способности, привез большие суммы в государственное казначейство.

В 60 г. Цезарь вступил в союз (т. н. 1-й триумвират) с наиболее влиятельными политическими деятелями своего времени Г. Помпеем и М. Мизинием Крассом, чтобы укрепить свое политическое положение и обеспечить избрание в консулы на 59 г.

После окончания срока консульства он добился назначения себя наместником Цизальпийской и Нарбонской Галлии с правом набирать легионы и вести войну.

За годы пребывания в Галлии, в ходе т. н. Галльских походов (58—51 гг.), Цезарю удалось завоевать всю заальпийскую Галлию от Белгики до Аквитании. Численность армии была доведена им до десяти легионов.

В 54 г. умерла дочь Цезаря — жена Помпея, а в 53 г. погиб Красс в сражении с парфянами. Триумвират начал распадаться, а Помпей стал понимать, насколько опасен для него такой соперник, как Цезарь.

Большую роль в разрыве отношений между Помпеем и Цезарем сыграли крайние оптимисты, консервативные представители сенатского сословия.

Консул Марк Клавдий Марцелл в 51 г. демонстративно выступал против предоставления Цезарем прав римского гражданства жителям Цизальпийской Галлии. Одного из новых граждан Марцелл подверг телесному наказанию и сказал, что тот может жаловаться Цезарю. Противники Цезаря

Марк Клавдий Марцелл

требовали, чтобы он своевременно сложил свои полномочия.

Помпей, вначале скрывавший свое отношение к Цезарю, в конце концов стал на их сторону.

10 января 49 г. Цезарь с одним легионом перешел реку Рубикон, отделявшую галльские провинции от Италии. Появление проконсула с войском в Италии было противозаконным. «Жребий брошен» — были слова, с которыми Цезарь начал переправу.

Этим самым было положено начало гражданской войне. Цезарь мотивировал свое выступление мезтью за поругание прав народных трибунов, пытаясь возложить ответственность за войну на своих врагов.

В гражданской войне 49—45 гг. Помпей в силу обстоятельств возглавил сторонников сенатской республики, а Цезарь — ее противников.

Разгромив войска Помпея и его союзников под Илердой (49 г.), Фарсалом (48 г.), Тапсом (46 г.) и Мундой (45 г.), Цезарь оказался во главе римского государства. Он сосредоточивал в своих руках все высшие государственные должности вместе с трибунской властью (48 г.) и диктатурой (49, 48 — 46, 45 гг.), с 44 года — пожизненной.

Цезарь стал фактически монархом, сохранив, однако, римские республиканские формы правления.

Деятельность Цезаря вызвала сильную оппозицию староримской республикански настроенной знати и даже части его бывших сторонников и помощников, которые оказались простыми чиновниками всемогущего властелина.

Против него был организован заговор (более 80 чел.) во главе с Гаем Кассием и Юлием Брутом.

В мартовские дни 44 г. до н. э. во время заседания сената он был убит.

Переход реки Рубикон

Судьба

Гай Юлий Цезарь был тесно связан родственными узами с вождями демократического движения.

Г. Марий был женат на его тетке по отцу, а сам Цезарь женат на дочери Л. Корнелия Цинны.

Требование Суллы (которому он не подчинился) развестись с молодой любимой женой окончательно вооружило его против сенатской партии, слабость и неспособность которой он ясно видел.

Еще не занимая ни одной должности, он привлек к суду за вымогательство консула и аристократа Корнелия Долабеллу и хотя не добился его осуждения, но обратил на себя внимание силой и блеском своего красноречия.

В 67 и 66 гг. он агитирует в пользу принятия возмущивших сенатскую партию законопроектов о даровании Помпею экстраординарной власти для борьбы с пирата-

М. Юний Брут

ми и Митридатом. Сходясь, таким образом, с Помпеем, он привлекает на свою сторону и его соперника Красса, который открывает ему для политической агитации свой кредит. Он председательствует в судебной комиссии о признании убийцами тех лиц, которые при Сулле получили из казны деньги за принесенные ими головы убитых демократов. Вместе с Крассом он негласно поддерживает заговорщицкую деятельность Катилины и протестует в сенате против смертной казни арестованных костилинариев.

Претура же Цезаря была прямым вызовом сенату и протекала столь бурно, что сенат отрешил его от должности и снова утвердил только потому, что Цезарь сам остановил готовившееся по этому поводу возмущение плебса.

По возвращении из Испании он помирил Помпея и Красса и заключил с ними договор, называемый триумvirатом, с целью не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из трех. Помпей должен был согласиться на этот союз потому, что, получив все свои высокие полномочия (с 70 г.) при посредстве демократии, он восстановил против себя сенат, и тот отклонил награждение земельными участками его ветеранов.

В свое консульство Цезарь совершенно обезвреживает — в том числе и мерами насилия — своего коллегу и противника Бибула так, что последний перестает посещать сенат.

Перед выступлением в Галлию Цезарь держал некоторое время свое войско около Рима для давления на противников. Так как, однако, они готовились привлечь его к суду за насилие, которым сопровождалось его консульство, то он двинулся в свою провинцию, но, по соглашению с Помпеем, провел в народные трибуны на 58 г. энергичного демагога Публия Клавдия Пульхра, который вплоть до своей смерти

Красс

(в 52 г.) не давал покоя сенату и отчасти Помпею, действуя при этом большей частью насильем, для чего он окружил себя большими отрядами из рабов и бедного плебса. Клавдий особым законом добился изгнания Цицерона; парализован был и Катон, которому было поручено принимать большое египетское наследство на Кипре.

В 56 г. к Цезарю в Лукку приезжают Красс и Помпей и, кроме того, около двухсот сенаторов и провинциальных на-

местников, при которых было около ста двадцати ликторов. Этот съезд был внушительной демонстрацией против консервативной партии.

Цезарь еще до съезда в Лукке согласился на восстановление в гражданских правах Цицерона, которому, как ни торжественно было его возвращение, пришлось с этого времени отказаться от роли защитника сената и стать слугой триумвиров.

Многое в галльской политике Цезаря (например, коварное нападение на просивших мира усипетов и тенктеров, за что Катон требовал выдачи его германцам) давало повод к судебному преследованию.

Цезарь находит нужным уже в 51 г. опубликовать мемуары о галльской войне, тщательно избегая в них упоминания о фактах, которые могли бы дать повод к политическому преследованию: здесь, конечно, нет и помину о всякого рода давлениях на римскую политику, о тех колоссальных средствах, которые остались в руках проконсула и имели своим источником ограбление Галлии и широко развитую торговлю обрабатываемыми в рабство галлами.

Цезарь не хотел начинать гражданскую войну, так как трудность вести войну не только с Помпеем, но и со всей республиканской партией была для него ясна. Он усиленно подкупал в Риме всех сколько-нибудь влиятельных людей. Продвигая свою армию к Италии, он рассчитывает оказать

давление на правительство, но, когда это не удается, он при первой возможности начинает мирные переговоры, идя на крайние уступки.

Но все оказалось тщетным, и он начинает гражданскую войну.

Победив в войне и став диктатором, Цезарь ищет опору своей власти среди разных слоев общества. Он привлекал к управлению сенатскую знать, проводил меры по контролю за деятельностью провинциальных наместников, наделил землями своих ветеранов не за счет конфискаций, а за счет выморочных и купленных им земель.

Цезарь щедро раздавал права римского и латинского гражданства провинциалам, широко выводил в колонии своих ветеранов, провел реформы в области госаппарата. Он нередко назначал особых должностных лиц — префектов — для выполнения государственных дел, были проведены монетная и календарная реформы, осуществлена перепись граждан по всей Италии.

Таким образом создавался особый, лично преданный Цезарю государственный аппарат.

Все это вызывало сильную оппозицию представителей староримской республиканской знати и части его бывших сторонников.

Вводимый Цезарем государственный строй погиб вместе с ним и вызвал новую, еще более ожесточенную гражданскую войну.

Цезарь переоценил свои силы, свой авторитет и свое положение. Вековые традиции Республики были еще живы, хотя республика переживала кризис.

Деятельность Цезаря, так же как и его судьба, вызывала различное отношение как в античной, так и в новой историографии.

Гней Помпей

Цицерон

Большую роль в историографии Цезаря сыграл Моммзен, который разделяет взгляд на Цезаря как на демократического монарха и прославляет его как идеального героя всей мировой истории.

Одним из решительных противников Моммзена был Ферреро, который считал Цезаря «великим авантюристом» и «гениальным неудачником».

Эдуард Мейер, подобно Моммзену, считает, что монархия Цезаря была надклассовой, и признает, что деятельность Цезаря была подчинена определенной программе.

Отдавая должное личным достоинствам Цезаря, Мейер считает его планы преждевременными, гораздо реальнее была деятельность Помпея: он явился истинным основателем принципата.

Творчество

Гай Юлий Цезарь был выдающимся римским писателем. За ним утвердилась слава второго, после Цицерона, римского оратора. Как и Цицерон, он в молодости учился у знаменитого родосского оратора Молона.

Замечательными по форме и содержанию являются его военные мемуары, известные под названием «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне». Ему принадлежали и другие не дошедшие до нас сочинения.

Мемуары Цезаря преследовали политические цели. «Записки о Галльской войне» написаны в 51 г. до н. э. с целью возвеличивания своей восьмилетней деятельности проконсула в Галлии и указывали на значение новых завоеваний.

«Записки о гражданской войне» возлагали ответственность за войну на противников Цезаря, в них он оправдывает свои часто вероломные действия и обвиняет сенат и представителей сенатской группировки.

Стиль Цезаря поражает последовательностью и ясностью. Суждения о его действиях отличаются сдержанностью: он не дает комментариев к своим поступкам. Живому и непринужденному рассказу соответствует простой и отточенный язык. Уверенный и спокойный тон изложения дал основание известному знатоку античной прозы Э. Нордену назвать стиль Цезаря императорским.

Оба мемуара Цезаря, предназначенные для римских политиков, благодаря содержанию и красоте изложения представляют большой интерес для широкой аудитории, особенно в описании современных Цезарю Галлии, Германии и Британии.

Ободрив ремов и отпустив их с дружественными словами, Цезарь приказал всему сенату явиться к нему и потребовал привода детей и князей в качестве заложников. Все это было исполнено ими в точности и к сроку. С особым ободрением Цезарь обратился к эдую Дивитиаку и указал ему, насколько важно для римского государства и для его общих с эдуями интересов разъединить неприятельские войска, чтобы не при-

Цезарь в Британии

шло сражаться с этими огромными полчищами одновременно. Это разъединение возможно в том случае, если эдуи со своими войсками вторгнутся в страну белловаков и начнут опустошать их поля. С этим поручением он его и отпустил. Когда он убедился в том, что белги стянули все войска в одно место и уже двигаются против него, а от посланных им разведчиков и от ремов узнал, что они уже недалеко, то он поспешил перевести войско через реку Аксону, которая течет на самой границе ремов, и там разбил лагерь. Таким образом, одна сторона лагеря была прикрыта берегами реки, вместе с тем был защишен его тыл и обеспечен безопасный подвоз провианта от ремов и других племен. На этой реке был мост. Там он поставил прикрытие, а на другом берегу оставил легата Кв. Титурия Сабина с шестью когортами; свой лагерь он приказал укрепить валом в двенадцать футов высотой и рвом в восемнадцать футов шириной.

От этого лагеря был в восьми милях город ремов Бибракт. Белги прямо с похода начали ожесточенно штурмовать его, и в этот день осажденные лишь с трудом продер-

жались. У галлов и у белгов один и тот же способ осады городов. Они массой окружают со всех сторон городские стены и начинают штурмовать их камнями, пока не заставят защитников покинуть свои посты; затем образуют «черепаху» и пытаются поджечь ворота и подрыть стену. На этот раз это было нетрудно. Когда эта огромная масса стала бросать камни и метать копья и стрелы, то держаться на стене не было никакой возможности, и только ночь положила конец этому штурму. Тогдашний комендант города рем Иккий, человек очень знатный и среди своих популярный, один из участников мирного посольства к Цезарю, послал ему гонца с известием, что если ему не пришлют помощи, то он дольше держаться не может.

Цезарь воспользовался гонцами Иккия в качестве проводников и в этот же день около полуночи послал на помощь гражданам нумидийских и критских стрелков и балеарских пращников. Их приход поднял у ремов надежду на оборону и возбудил желание дать отпор, а враги по той же причине оставили мысль о захвате города. Поэтому они пробыли еще немного времени под городом, опустошили поля ремов, сожгли все села и усадьбы, в какие только могли проникнуть; затем всей массой двинулись против лагеря Цезаря и разбили свой лагерь менее чем в двух милях от него. Этот их лагерь, судя по дыму и огням, тянулся на восемь с лишком миль в ширину.

Ввиду численного превосходства на стороне неприятелей и чрезвычайной храбрости, которою они славились, Цезарь сначала решил уклониться от генерального сражения; все-таки посредством ежедневных конных стычек он испытывал храбрость врагов и смелость своих, причем убедился в том, что наши солдаты не уступают неприятелю. Кроме того, и местность перед лагерем, по самому своему характеру, была очень удобна для того, чтобы выстроить на ней войско в боевом порядке: тот холм, на котором был лагерь Цезаря, постепенно поднимался над долиной; на стороне, обращенной к врагу, он имел в ширину как раз столько места, сколько могло занимать выстроенное войско. С обоих боков холм этот круто обрывался, а спереди спускался в долину слегка и мало-помалу. По обоим его бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на кон-

Мост, по которому переправлялся Цезарь через Рейн

(реконструкция XIX в.)

цах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми орудиями, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходившие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги. После этого он оставил два недавно набранных легиона в лагере, чтобы в случае надобности двинуть их в качестве резерва, а остальные шесть легионов выстроил перед лагерем. Враги также вывели из лагеря свое войско и выстроили его.

Между нашими и неприятельскими войсками было небольшое болото. Враги ждали, не станут ли наши переходить его, а наши стояли под оружием в полной боевой готовности, чтобы воспользоваться затруднениями врага при переправе, если он ее первый начнет, и тогда атаковать его. Тем временем между обоими войсками шло конное сражение. Но ни те, ни другие не начали переправы, а конное сражение было более благоприятно для нас, и Цезарь отвел своих назад в лагерь. Враги немедленно двинулись отсюда к реке Аксоне, находившейся, как было указано, в тылу нашего лагеря. Там они нашли брод и попытались переправить часть своих сил, чтобы по возможности взять с бою редуты, которыми командовал легат Кв. Титурий, и разру-

шить мост, а если это не удастся, то опустошить страну ремов, очень полезную для нас в наших военных операциях, и отрезать наших от подвоза.

По получении об этом известия от Титурия Цезарь перелез по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков и направился против неприятеля. Там завязалось ожесточенное сражение. Наши напали на неприятелей в то время, когда последние были заняты переправой через реку, и довольно много их перебили; остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов; а тех первых, которые успели перейти, окружила конница и перебила. Враги поняли, что обманулись в надежде на взятие города с бою и на переход через реку; они заметили также, что наши не двигаются на неудобное для сражения место, и, кроме того, сами стали ощущать нужду в провианте. Поэтому они созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвращаться домой, а затем всем и отовсюду собираться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся с войском римляне: вести войну лучше будет не на чужой, а на своей земле, так как здесь можно будет пользоваться местными запасами провианта. К этому решению, помимо всех других оснований, привело их еще и то обстоятельство, что они узнали о приближении Дивитиака и эдуев к границам области белловаков; убедить их, чтобы они больше не оказывали помощи своим землякам, было уже невозможно.

Согласно с этим постановлением, они выступили во вторую стражу из лагеря с большим шумом и криком, без всякого порядка и команды: каждый хотел идти вперед и поскорей добраться до дома. Таким образом, это выступление было похоже на бегство. Об этом Цезарь узнал через лазутчиков, но так как он еще не понимал действительной причины этого отступления, то боялся засады и потому держал свое войско и конницу в лагере. На рассвете известие это было подтверждено разведчиками, и тогда он выслал вперед всю конницу с поручением задерживать неприятельский арьергард. Во главе ее он поставил легатов Кв. Педия и Л. Аурункулея Котту, а легату Т. Лабизну приказал идти за нею следом с тремя

легионами. Они напали на арьергард, много миль преследовали его по пятам и перебили очень многих из тех неприятелей, которые пытались бежать; именно в то время, как последние ряды арьергарда, которые и подверглись нападению, остановились и дали храбрый отпор нашей атаке, шедшие в его голове считали себя вне опасности, и, кроме того, над ними не было ни принуждения, ни командования; поэтому, как только они услышали крики, они все в полном беспорядке стали искать спасения в бегстве. Вследствие этого наши без всякой для себя опасности в продолжение целого дня избивали неприятелей; только перед самым заходом солнца они прекратили бойню и согласно приказу вернулись в лагерь.

На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, повел войско в землю суессионов, ближайших соседей ремов, и после большого дневного перехода двинулся против города Новиодуна. Он слышал, что там нет защитников, и попытался было прямо с похода взять его штурмом, но не мог этого сделать даже при малом количестве защитников вследствие глубины рва и высоты стены. Поэтому он приказал укреплять лагерь, подводить подвижные галереи («винеи») и вообще подготавливать все необходимое для осады. Тем временем вся бежавшая масса суессионов вошла в ближайшую ночь в город. Немедленно были подведены к городу галереи, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего времени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи и, по ходатайству ремов, были помилованы.

Цезарь взял в заложники самых видных граждан, в том числе двух сыновей самого царя Гальбы, приказал выдать все находившееся в городе оружие и принял суессионов на капитуляцию, а затем двинулся с войском в страну белловачков. Они удалились со всем своим достоянием в город Братуспантий. Когда Цезарь находился от него милях в пяти, из города вышли ему навстречу все пожилые люди и, протягивая руки, криками давали понять, что они отдаются во власть и под покровительство римского народа и не оказы-

вают ему вооруженного сопротивления. Когда он подошел к самому городу и стал разбивать лагерь, женщины и дети, протягивая, по своему обычаю, со стен руки, точно так же просили у римлян мира.

На защиту их выступил Дивитиак, который после ухода белгов распустил войско эдуев и вернулся к Цезарю: белловаки, говорил он, всегда соблюдали верность и дружбу по отношению к общине эдуев; они изменили эдуям и пошли войной на римлян только по подстрекательству своих князей, которые говорили, что эдуи поработены Цезарем и терпят от него всевозможные возмутительные оскорбления. Действительные зачинщики, понимая, какую беду они навлекли на свой народ, бежали в Британию. Просят не только белловаки, но за них и эдуи проявить по отношению к ним свойственную ему милость и кротость. Этим он увеличит влияние эдуев у всех белгов, а их сильную помощь эдуи пользовались во всех войнах, которые им случалось вести.

Цезарь заявил, что, во внимание к Дивитиаку и эдуям, он готов принять их сдачу и помиловать их. Так как эта большая община отличалась среди белгов своим влиянием и многочисленностью населения, то он потребовал с нее шестьсот заложников. Их дали, а также выдали все находившееся в городе оружие, и Цезарь двинулся отсюда в пределы амбианов, которые немедленно сдались со всем своим достоянием. С ними граничили нервии. На свои расспросы об их характере и нравах Цезарь получил следующий ответ: к ним нет никакого доступа купцам; они категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных белгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ручаются, что ни послов не пошлют, ни каких-либо условий мира не примут.

После трехдневного марша по их стране Цезарь узнал от пленных, что не более чем в десяти милях от его лагеря течет река Сабис; за этой рекой засели все нервии и там ожидают приближения римлян — вместе со своими соседями атребатами и веромандуями (тех и других они убедили попытаться вместе с ними военного счастья); они поджидают

также войско адватуков, которые уже находятся в пути; женщин и всех, кто по своему возрасту не годился для войны, они укрыли в таком месте, которое из-за болот недоступно для войска.

По получении этих сведений он выслал вперед разведчиков и центурионов — выбрать удобное для лагеря место. Цезаря сопровождали на походе многие из сдавшихся белгов и остальных галлов; некоторые из них, как впоследствии было узнано от пленных, познакомились с обычным распорядком движения римского войска за эти дни, перешли ночью к нервиям и обратили их внимание на то, что между каждыми двумя легионами идет большой обоз и что нет никакого труда напасть на первый легион в момент его прихода на место лагеря, пока он еще не снял с себя амуницию, а остальные легионы еще далеко; если он будет разбит, а обоз разграблен, то прочие легионы не решатся остановиться для отпора. В пользу их совета говорило то, что нервии с давних пор были слабы конницей (да и до сего времени они о ней не заботятся, но вся их главная сила состоит в пехоте). И вот, чтобы тем легче парализовать набег соседней конницы за добычей, они надрезали снизу молодые деревья и пригибали их к земле, а между ветвями, густо распространившимися в ширину, насажали ежевики и кустарника, так что этот плетень образовал своего рода укрепление, похожее на стену, причем не только нельзя было туда проникнуть, но и что-либо за ним разглядеть. Так как подобные плетни должны были затруднять движение нашего войска, то нервии сочли нужным воспользоваться упомянутым средством.

Природные свойства той местности, которую наши выбрали для лагеря, были таковы: к названной выше реке Сабису шел холм, равномерно покатым сверху донизу. На другом берегу, прямо напротив этого холма, поднимался другой холм с подобным уклоном; внизу шагов на двести в ширину он был открыт, а вверху зарос лесом, так что нелегко было что-либо там разглядеть. В этом лесу и держался секретно враг; а на открытом месте, вдоль по реке, виднелись его редкие конные посты. Река эта была около трех футов глубиной.

Цезарь выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми

своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем белги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то по своему прежнему обыкновению он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ним следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей. Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на наших; в свою очередь наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободрили друг друга), они вдруг всей массой выскочили из леса и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением.

Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя (это было сигналом к началу сражения, дать сигнал трубой), отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Всему этому мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, — не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерные работы и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.

Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам — там, где их заста-

вал, — и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не падать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени было так мало и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки различия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

Войско наконец было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка: легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке; вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни сообразить, что где нужно; нельзя было и единолично распоряжаться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья.

Стоявшие на нашем левом фланге солдаты 9-го и 10-го легионов, бросая сверху копья, быстро сбили ими в реку атребатов, которым достался этот участок и которые были изнурены утомительным бегом вверх и ранами и едва переводили дух. Когда они попытались переправиться через реку, то наши бросились туда за ними с мечами и многих из них во время переправы перебили. Они даже сами не задумались переправиться и при этом зашли на невыгодную для себя позицию; но когда враги повернулись на них и возобновили сражение, то они обратили их в бегство. Точно так же и в другом пункте два отдельных легиона, 11-й и 8-й, сбили с возвышенности веромандуев, с которыми у них завязался рукопашный бой, и теперь сражались уже у самого берега реки. Но вследствие этого почти весь римский лагерь по фронту и на левом фланге был обнажен, и на правом фланге стоял только 12-й легион и недалеко от него —

7-й. Тогда все нервы густейшими рядами, под предводительством своего главнокомандующего Бодуогната, устремились к этому пункту: часть из них стала обходить легионы с незащищенной стороны, а другая двинулась на возвышенность, на которой находился лагерь.

В то же время наши всадники и бывшие с ними легковооруженные пехотинцы, которые, как я раньше сказал, были разбиты при первой неприятельской атаке, натыкались на врагов при своем отступлении к лагерю и снова обращались в бегство — уже в другом направлении. То же было и с обозными служителями: сначала, когда они из задних ворот лагеря на вершине холма заметили, как наши победоносно перешли через реку, они вышли из лагеря на поиски добычи; но как только они обернулись и увидели, что враги уже в нашем лагере, то они опрометью пустились бежать. Единновременно с этим поднимали крик и шум те, которые шли с обозом, и все в ужасе неслись в разные стороны. Все это произвело сильное впечатление на посланных своей общиной в помощь Цезарю треверских всадников — народа, который славится у галлов своей выдающейся храбростью: когда они увидели, что лагерь наполняется массой неприятеля, что легионы изнемогают от напора врагов и почти окружены ими, что обозные, всадники, прашники, нумидийцы бегут врассыпную отдельно друг от друга в разные стороны, то они потеряли веру в успех нашего дела и устремились домой; там они сообщили своим землякам, что римляне разбиты наголову и что их лагерем и обозом овладели враги.

Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидел, что его солдат теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба

фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее выполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан.

Увидав, что на стоящий рядом 7-й легион также нападает враг, Цезарь приказал через военных трибунов легионам мало-помалу соединиться, сделать поворот и перейти в наступление. Когда, таким образом, одни отряды стали подавать помощь другим и перестали бояться нападения врагов с тыла, то солдаты начали смелее давать отпор и вообще храбрее сражаться. Тем временем солдаты двух легионов, которые в арьергарде прикрывали обоз, при известии о сражении направились туда беглым шагом, и враг скоро увидал их уже на вершине холма. Т. Лабизн овладел лагерьем врагов и, заметив сверху, что делается в нашем лагере, послал нашим на помощь 10-й легион. Бегство всадников и обозных дало понять этим солдатам, как обстоит дело и в какой опасности находятся и лагерь, и легионы, и главнокомандующий. Поэтому они поспешили со всей скоростью, на которую только были способны.

С их приходом произошла полная перемена положения: даже те из наших солдат, которые свалились от ран, возобновили бой, опираясь на щиты. Тогда обозные, заметив у врагов панику, даже без оружия пошли навстречу вооруженным, а всадники стали сражаться по всему полю сражения, чтобы храбростью загладить свое позорное бегство и превзойти легионных солдат. Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались, стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их метательные копья и пускали на-

зад в римлян. Таким образом, надо было признать, что недаром эти удивительно храбрые люди решились перейти через очень широкую реку, подняться на ее высокие берега и взобраться на позицию, для себя, безусловно, опасную: их необыкновенное геройство сделало все эти величайшие трудности легкими.

Эта битва кончилась почти полным уничтожением всего племени и даже имени нервиев. Их пожилые люди, которые, как мы выше сказали, вместе с женщинами и детьми были укрыты в лагунах и болотах, при известии об этом сражении поняли, что для победителей нет больше трудностей, а для побежденных — безопасности. Поэтому с согласия всех уцелевших они отправили к Цезарю послов и сдались ему. Упомянув о несчастье, постигшем их народ, они сослались на то, что из их шестисот сенаторов уцелело только трое, а из шестидесяти тысяч мужчин, способных носить оружие, — едва-едва пятьсот. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование, им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, и их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия.

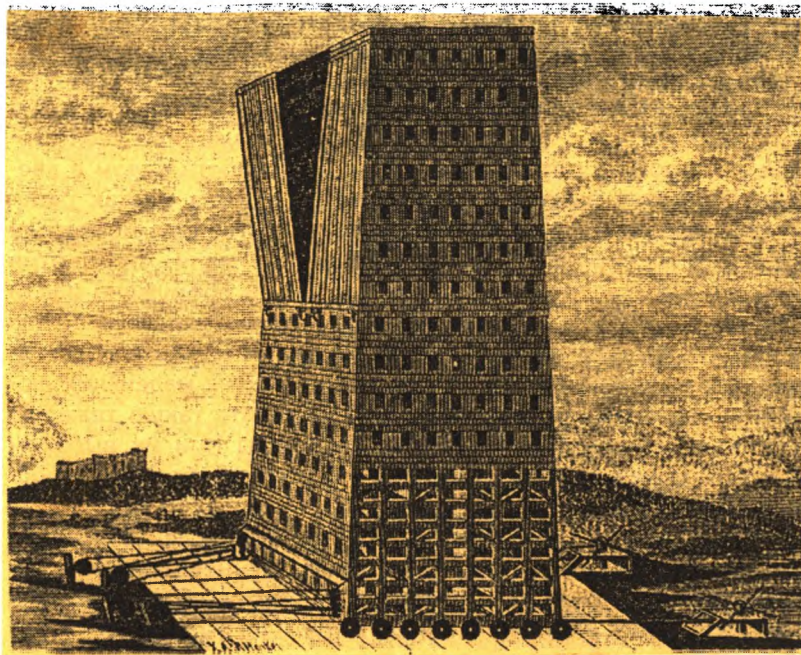
Адуатуки, о которых мы выше писали, уже двигались со всеми военными силами на помощь нервиям, но при известии об этом сражении повернули с полпути домой; оставив все города и укрепленные пункты, они со всем своим достоянием направились в один очень защищенный от природы город. Он был почти со всех сторон окружен весьма высокими скалами и обрывами, и только с одной стороны возможен был подступ к нему по постепенной покатости шириной не более двухсот футов. Этот пункт они своевременно укрепили очень высокой двойной стеной; а теперь они укладывали на этой стене тяжелые каменные глыбы и заостренные бревна. Сами они происходили от кимбров и тевтонов; последние во время своего похода на нашу Провинцию и Италию оставили по сю сторону Рейна то имущество, которое не могли захватить с собой, и при нем в качестве стражи и прикрытия шесть тысяч человек из своего народа. После уничтожения кимбров и тевтонов люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец между ними

всеми состоялось соглашение и мир, и они выбрали себе именно эту местность для поселения.

На первых порах после прихода нашего войска они часто делали из города вылазки и завязывали небольшие стычки с нашими; но с тех пор как Цезарь окружил со всех сторон их город на пятнадцать миль в окружности валом в двенадцать футов вышиной и заложил во многих местах редуты на небольшом расстоянии друг от друга, они перестали выходить из города. А как только они увидали, что против них двигают галереи, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: где же руки и силы — особенно у таких маленьких людей, — с которыми они надеются поставить такую тяжелую башню на стену? Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением.

Но как только они увидали, что эта башня действительно движется и приближается к их стенам, это невиданное и необычайное зрелище так поразило их, что они отправили к Цезарю послов с предложением мира. Послы говорили следующее: они убедились в том, что римляне ведут войну с божественной помощью, если они способны двигать вперед столь высокие сооружения с такой быстротой; поэтому они отдаются им на милость со всем своим достоянием. Об одном они убедительно просят: в случае, если Цезарь со свойственной ему милостью и кротостью, о которой они слышаны от других, признает нужным помиловать адуатуков, то пусть он не лишает их оружия. К ним враждебны почти все их соседи и завидуют их храбрости. По сдаче оружия они не в состоянии будут защищаться от них. Раз они уже доведены до такой крайности, им лучше сносить какую угодно участь от римского народа, чем мучительно погибать от тех, над которыми они до сих пор привыкли господствовать.

На это Цезарь отвечал: скорее по своему обыкновению, чем по их заслугам, он готов помиловать их народ, если, однако, они сдадутся прежде, чем таран коснется их стены. Но сдача возможна только под условием выдачи оружия. Он сделает то же, что сделал по отношению к нервиям, а именно: запретит соседним народам чинить какие-либо

Осадная башня
(реконструкция XIX в.)

обиды людям, сдавшимся римскому народу. Послы сообщили об этом своим, и те заявили, что исполнят это требование. Множество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, так что груды его достигали верхнего края стены и вершины вала; но, все-таки около трети, как выяснилось впоследствии, было спрятано и удержано в городе. Как бы то ни было, они открыли ворота римлянам, и горожане провели этот день в мире.

Под вечер Цезарь приказал запереть ворота, а солдатам выйти из города, чтобы горожане не подверглись ночью каким-либо обидам с их стороны. Но у адуатукров, как оказалось, уже заранее обдуман был свой план, а именно: они решили, что по случаю сдачи наши выведут из редутов охрану или же, наконец, будут сторожить не очень зорко; и вот, отчасти с тем оружием, которое они скрыли и удержали в городе, отчасти со щитами, сделанными из коры или

Верцингаторих в плену у Цезаря

путьев и за краткостью времени наспех покрытыми кожей, они вдруг в третью стражу сделали из города вылазку там, где подъем на наши укрепления казался особенно легким. Согласно с приказом, который Цезарь отдал раньше, быстро дан был сигнальный огонь, и по этому сигналу туда сбегались солдаты из ближайших редутов. Враги сражались так ожесточенно, как и должны были сражаться храбрые люди, когда почти не оставалось надежды на спасение или же она зависела исключительно от храбрости: они занимали невыгодную позицию и имели дело с противником, который обстреливал их снарядами с вала и башен. Около четырех тысяч человек было убито, остальные были отброшены в город. На следующий день были взломаны ворота при отсутствии защитников, солдаты были введены в город, и Цезарь приказал всю военную добычу с этого города продать с аукциона. Число проданных жителей, о которых ему было доложено покупателями, было пятьдесят три тысячи человек.

В то же самое время П. Красс, посланный с одним легионом против венетов, венеллов, осисмов, куриосолитов, эсубиев, аулерков и редонов (все это приморские общины, жившие по берегу Океана), известил Цезаря о том, что все они теперь подчинены владычеству римского народа.

В результате всех этих операций была замирена вся Галлия и об этой войне среди варваров пошла такая слава, что зарейнские народы отправили к Цезарю послов с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Так как Цезарь спешил в Италию и Иллирию, то он приказал этим посольствам вернуться к нему в начале лета. А сам он отвел легионы на зимние квартиры в области карнутов, андов и туронов и тех соседних с ними общин, где он вел войну, и затем отправился в Италию. По случаю этих событий сенатом на основании донесения Цезаря было определено пятнадцатидневное молебствие — отличие, которое до сих пор никому не выпадало на долю.

На рассвете Цезарь приказал всем засевшим на горе спуститься на равнину и положить оружие. Они беспрекословно исполнили приказание: подняв руки и бросившись на

землю, они со слезами умоляли его о пощаде. Он их успокоил, приказал подняться и, чтобы уменьшить их страх, сказал несколько слов о своей кротости, а затем помиловал их всех; при этом он рекомендовал своим солдатам никого из них не обижать и вещей у них не отбирать. Проявив такую заботливость о них, он вызвал к себе другие легионы и отправил те, которые привел с собой, назад в лагерь для отдыха. Затем он двинулся в поход и еще в тот же день достиг Ларисы.

В этом сражении он потерял не более двухсот солдат, но центурионов — этих героев — он лишился около тридцати. Между прочим, был убит в очень храбром бою вышеупомянутый Крастин, получивший тяжелый удар мечом в лицо. То, что он сказал перед боем, то и сделал. Цезарь был убежден, что Крастин проявил в этом сражении беспримерную храбрость, и очень высоко ценил его заслугу. Из войска Помпея пало, по-видимому, около пятнадцати тысяч человек, а сдалось более двадцати четырех тысяч (ибо даже и те когорты, которые охраняли редуты, сдались Сулле), кроме того, многие спаслись бегством в соседние города. Воинских знамен Цезарю после этого сражения досталось сто восемьдесят, а орлов — девять. Л. Домиций, который бежал из лагеря на гору, лишился сил и был убит нашими всадниками.

В то же время Д. Лелий подошел с флотом к Брундисию и, подобно Либону, о котором мы говорили раньше, занял лежащий против Брундисийской гавани остров. Комендант Брундисия Ватиний, подобно Антонию, заменил своими палубными и хорошо оснащенными лодками Лелиевы корабли и захватил из них в узком проходе гавани одну вырвавшуюся вперед квинкверему и два судна меньшего размера; равным образом он расставил по берегу всадников, чтобы не подпускать флотских солдат к воде. Но так как время года было уже благоприятнее для рейсов, то Лелий подвозил воду на грузовых кораблях из Коркиры и Диррахия и бесстрашно держался своей цели. Вообще до получения известия о нашем решительном сражении в Фессалии ни позорная потеря кораблей, ни нужда в предметах первой необходимости не могли выгнать его из гавани и с острова.

Около того же времени Г. Кассий прибыл с сирийскими,

Марк Порций Катон Младший с дочерью Порцией

финикийскими и киликийскими эскадрами в Сицилию. Так как флот Цезаря был разделен на два отряда, одним из которых командовал претор П. Сульпиций у Вибона, а другим П. Помпонию у Мессаны, то прежде, чем Помпонию мог узнать о его прибытии, Кассий налетел со своими кораблями и застиг его врасплох, так как у него не было правильной караульной службы и его корабли не стояли в определенном порядке. И вот Кассий, нагрузив грузовые корабли смолой, дегтем, паклей и другими горючими материалами, пустил их при сильном и благоприятном ветре на флот Помпонию и сжег все его тридцать пять кораблей, из которых двадцать было палубных. Это вызвало такую панику, что город Мессану с трудом отстояли, хотя в нем стоял гарнизон целый легион. Большая часть населения была даже уверена, что он был бы потерян, если бы в это время не были получены через всадников береговой обороны вести о победе Цезаря. Вести эти пришли как нельзя более вовремя, и город удалось удержать. Кассий отправился оттуда в Вибон против флота Сульпиция. Корабли были там причале-

Птолемей и Клеопатра
(брат и сестра)

ны к берегу, и наши были в такой же панике, как и мессанцы. Воспользовавшись благоприятным ветром, Кассий пустил на них грузовые корабли с горючими материалами, и от занявшегося с двух сторон огня сгорело пять кораблей. Когда пожар стал от сильного ветра распространяться все шире и шире, то больные ветераны из прежних легионов, оставленные для охраны кораблей, не вынесли этого позора. По своему почину они взошли на корабли, снялись с якоря и, атаковав флот Кассия, захватили две квинкверемы, на одной из которых был сам Кассий, успевший, впрочем, спастись на лодке; кроме того, две триремы были ими пущены ко дну. Немного спустя получено было известие о сражении в Фессалии, так что ему теперь поверили сами помпеянцы, которые до сих пор принимали подобные вести за измышления легатов и друзей Цезаря. Тогда Кассий немедленно ушел оттуда со своим флотом.

Цезарь решил оставить все дела и преследовать Помпея, куда бы он ни бежал: иначе он мог бы снова набрать другие войска и возобновить войну. Он проходил в день столько, сколько могла его конница, и приказал одному легиону идти следом за собой, но не таким скорым маршем. В Амфиполе был выставлен эдикт от имени Помпея, чтобы все молодые люди этой провинции, греки и римские граждане, являлись для принесения присяги. Сле-

Сыновья Помпея — Секст и Гней

дал ли это Помпей с целью устранить у Цезаря всякие подозрения и как можно дольше скрыть свое истинное намерение продолжать бегство, или же он пытался при помощи вновь набранных сил удержать за собой Македонию, предполагая, что никто не будет его теснить, — этого нельзя было решить. Во всяком случае, он простоял на якоре только одну ночь, вызвал к себе своих амфипольских друзей и добыл у них денег на необходимые расходы. При известии о приближении Цезаря он ушел оттуда и через несколько дней достиг Митилены. Задержанный там на два дня бурей, он достал еще несколько весельных судов и прибыл в Киликию, а оттуда на Кипр. Там он узнал, что все антиохийцы и римские граждане, занимавшиеся там торговыми операциями, по взаимному соглашению взялись за оружие, с целью не пустить его к себе, и разослали к тем помпеянцам, которые, по слухам, спаслись бегством в соседние города, гонцов с запрещением въезда в Антиохию: в противном случае они рискуют своей жизнью. То же самое произошло и на Родосе с консулом прошлого года Л. Лентулом, с консуляром П. Лентулом и некоторыми другими помпеянцами; бежав вслед за Помпеем и прибыв к этому острову, они не были пушены в город и гавань: им послали сказать, чтобы они отсюда удалились, и они против воли должны

были сняты с якоря. И уже по всем общинам разносилась молва о приходе Цезаря.

При известии об этом Помпей отказался от намерения отправиться в Сирию. Он взял денежные суммы у откупщиков и занял у некоторых частных лиц, погрузил на корабли большое количество меди для военных надобностей, а также вооружил две тысячи человек, которых отчасти набрал из челяди откупщиков, отчасти взял у купцов, руководясь указаниями их господ относительно их пригодности для этой цели. Так прибыл он в Пелусий. Там случайно находился царь Птолемей, еще мальчик. Последний вел с большими силами войну с сестрой своей Клеопатрой, которую он, под влиянием своих родных и друзей, несколько месяцев тому назад лишил царской власти и изгнал из Египта. Лагерь Клеопатры был недалеко от его лагеря. Помпей послал к Птолемею просьбу принять его в Александрии в качестве гостя и друга его отца и оказать ему могуществен-

Убийство Помпея

ную поддержку в несчастье. Но послы Помпея по исполнению своей обязанности завязали слишком откровенные разговоры с царскими солдатами и стали их уговаривать исполнить свой долг перед Помпеем, не презирая его в несчастье. Среди них было много солдат Помпея, которых получил от него в Сирии Габиний и перевел в Александрию, а по окончании войны оставил на службе у Птолемея, отца юного царя.

Об этих разговорах узнали друзья царя, управлявшие по его малолетству царством. Боялись ли они (по крайней мере это они говорили впоследствии), как бы Помпей не переманил к себе царское войско для захвата Александрии и Египта, или же презирали его из-за его несчастного положения, как вообще в беде люди легко обращаются из друзей во врагов, — во всяком случае, официально они дали посланцам Помпея любезный ответ и предложили ему явиться к царю. Но втайне они задумали иное: они послали начальника царских войск Ахиллу, человека чрезвычайно смелого, и военного трибуна Л. Септимия убить Помпея. Последние дружественно приветствовали его. Кроме того, его сбило с толку некоторое знакомство с Септимием, который во время войны с пиратами служил у него центурионом. Таким образом, он решился взойти на маленькое судно с немногими спутниками и был убит Ахиллой и Септимием. Точно так же и Л. Лентул был, по приказу царя, схвачен и убит в тюрьме.

По прибытии в Азию Цезарь узнал, что Т. Амний пытался взять в Эфесе деньги из храма Дианы и с этой целью вызвал всех сенаторов из провинции, чтобы они были его свидетелями относительно размеров взятой суммы, но приход Цезаря помешал ему в этом, и он бежал. Таким образом, Цезарь дважды спас эфесские сокровища...

Точно так же установили, подсчитав дни назад, что в храме Минервы в Элиде в день победы Цезаря статуя богини Победы, стоявшая до сих пор перед статуей Минервы и обращенная к ней лицом, повернулась к дверям и порогу храма. В тот же день в Антиохии и в Сирии два раза раздавались такие громкие боевые крики и сигналы, что граждане вооружились и поспешили на стены. То же произошло в

Птолемиаде, а в Пергаме, в тайном и уединенном месте храма, которое греки называют *adyta* и куда могут входить только жрецы, вдруг заиграли тимпаны. Также и в Траллах в храме богини Победы, где Цезарю была посвящена статуя, оказалось, что в те дни выросла из-под пола между соединениями камней пальма.

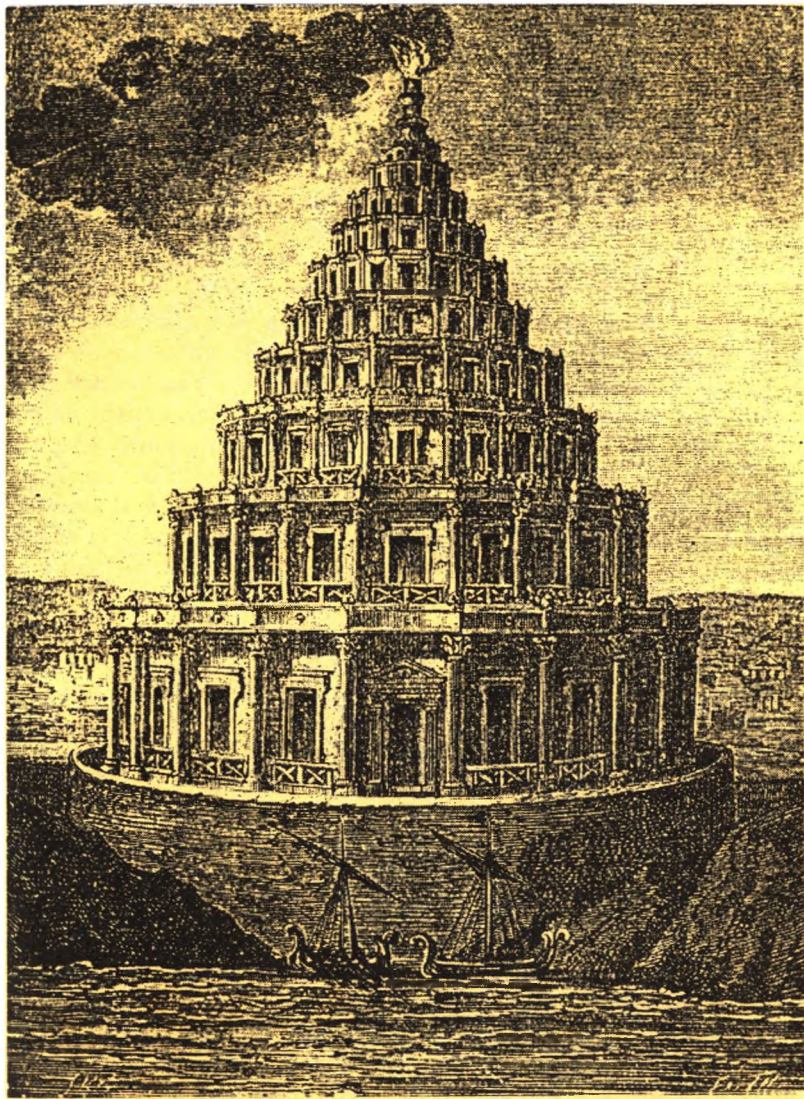
Цезарь пробыл в Азии лишь несколько дней. Услышав, что Помпея видели на Кипре, он предположил, что Помпей направляется в Египет по причине близких связей с царствующим домом и разных удобств этой страны. Тогда и сам он прибыл в Александрию с одним легионом, которому приказал следовать за собой из Фессалии, и с другим, который он взял у легата Фуфия Калена и вызвал из Ахайи, с восемью сотнями всадников, с сотней родосских военных кораблей и несколькими азиатскими кораблями. В обоих легионах было около трех тысяч двухсот человек; остальные были больны от ран, полученных в сражении, и изнурены военными тяготами и долгим путем и потому не могли последовать за ним. Но Цезарь так полагался на славу о своих подвигах, что без колебания двинулся в эту экспедицию с недостаточными силами, в расчете, что везде будет в безопасности. В Александрии он узнал о смерти Помпея. Тут же при выходе с корабля он вдруг услышал крики солдат, которых царь оставил для охраны города. Оказывается, они бежали толпой на него из-за того, что перед ним понесли фасции. Толпа заявляла, что этим умаляется царское величество. На этот раз шум затих, но все-таки в следующие за тем дни от стечения народной массы часто происходили беспорядки, и многих из его солдат убивали на улицах в разных частях города.

Тогда он вызвал еще два легиона из Азии, которые были образованы им из Помпеевых солдат. Сам же он вынужден был оставаться из-за сильных пассатных ветров, делавших отплытие из Александрии очень затруднительным. Между тем он был убежден, что спор между царем и царевной принадлежит решению римского народа и его консула, и тем более касается его должности, что именно в его предыдущее консульство, по постановлению народа и сената, был заключен с Птолемеем-отцом союз. Поэтому он заявил, что, по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра до-

лжны распустить свои войска и решить свой спор лучше легальным путем перед его трибуналом, чем между собой оружием.

Царством управлял по малолетству царя его воспитатель евнух по имени Пофин. Он прежде всего начал жаловаться среди своих приверженцев, что царя вызывают на суд для защиты своего дела. Затем, найдя себе нескольких помощников в задуманном деле среди царских друзей, он тайно вызвал войско из Пелусия в Александрию и командующим всеми силами назначил того же Ахиллу, о котором мы выше упоминали. Соблазнив его обещаниями от себя и от имени царя, он дал ему понять — письменно и через гонцов, — чего от него хочет. В завещании царя Птолемея были названы наследниками старший из двух сыновей и старшая из двух дочерей. Об исполнении этой воли Птолемей в том же завещании заклинал римский народ всеми богами и союзами, заключенными с Римом. Один экземпляр его завещания был через его послов доставлен в Рим, для хранения в государственном казначействе (но хранился у Помпея, так как из-за политических смут его нельзя было передать в казначейство); другой с тождественным текстом был оставлен в Александрии и был предъявлен Цезарю запечатанным.

Когда это дело разбиралось перед Цезарем и он всячески старался в качестве общего друга и посредника уладить спор между царем и царевной, вдруг сообщили о прибытии в Александрию царского войска и всей конницы. Силы Цезаря отнюдь не были настолько значительными, чтобы на них можно было положиться в случае сражения вне города. Не оставалось ничего иного, как держаться в подходящих местах внутри города и узнать намерения Ахиллы. Во всяком случае, Цезарь приказал своим солдатам быть под оружием, а царя уговорил отправить наиболее влиятельных из своих приближенных послами к Ахилле и объявить ему свою волю. Посланные им Диоскорид и Серапион, которые перед этим оба были послами в Риме и пользовались большим влиянием у его отца Птолемея, прибыли к Ахилле. Как только они показались ему на глаза, то он, не давая себе труда выслушать их и узнать о цели их прибытия, приказал схватить их и казнить. Один из них был тяжело ранен, но был вовремя подобран и унесен своими как убитый, а дру-

Фаросский маяк

гой был убит на месте. После этого Цезарь овладел особой царя. Он полагал, что царское имя будет иметь большое значение у его подданных, и желал придать ему такой вид, что война начата не столько по воле царя, сколько по частному почину немногих отдельных людей, и притом разбойников.

Войска, бывшие под командой Ахиллы, ни по своей численности, ни по личному составу, ни по боевой опытности, по нашему мнению, отнюдь не были ничтожными. У него было под оружием двадцать тысяч человек. Это были прежде всего Габиниевы солдаты, которые уже освоились с александрийской вольной жизнью и отвыкли от римского имени и военной дисциплины; они успели здесь жениться и большей частью имели детей. К ним присоединились люди, набранные из пиратов и разбойников в провинциях Сирии, Киликии и в окрестных местностях. Кроме того, сюда же сошлись осужденные за уголовные преступления и изгнанники (всем нашим беглым рабам был верный приют в Александрии и обеспеченное положение, лишь бы они записывались в солдаты). И если кого-нибудь из них хотел схватить его прежний господин, то другие солдаты дружно отбивали его: так как все они были в такой же степени виновны, защита кого-либо из своих от насилия была для них делом их личной безопасности. Они привыкли — по своего рода старой военной александрийской традиции — требовать выдачи друзей царя на смерть, грабить достояние богатых, осаждают царский дворец, чтобы вынудить повышение жалованья, одних сгонять с престола, других — сажать на него. Все они вследствие многочисленных местных войн уже обжились в Александрии; они снова возвели на престол Птолемея-отца, убили обоих сыновей Бибула и вели войны с самими египтянами. Таково было происхождение их боевой опытности.

Полагаясь на эти войска и презирая малочисленность отряда Цезаря, Ахилла занял всю Александрию, кроме той части города, которая была в руках Цезаря и его солдат, и уже с самого начала попытался одним натиском ворваться в его дом. Но Цезарь расставил по улицам когорты и выдержал его нападение. В это же время шло сражение и у гавани, и это делало борьбу крайне ожесточенной. Войска бы-

Убийство Цезаря

ли разделены на отряды; приходилось сражаться одновременно на нескольких улицах, и враги своей массой пытались захватить военные корабли. Пятьдесят из них было послано на помощь Помпею, и после сражения в Фессалии они снова вернулись сюда; все это были квадриемы и квинкверемы, отлично снаряженные и готовые для плавания. Кроме них, двадцать судов — все палубные — стояли перед Александрией для охраны города. С их захватом враги надеялись отбить у Цезаря его флот, завладеть гаванью и всем морем и отрезать Цезаря от продовольствия и подкреплений. Поэтому и сражались с упорством, соответствовавшим значению этой борьбы: для одних от этого зависела скорая победа, для нас — наше спасение. Но Цезарь вышел победителем и сжег все эти корабли вместе с теми, которые находились в доках, так как не мог охранять такой большой район малыми силами. Затем он поспешно высадил своих солдат на Фаросе.

Фарос, чудо строительного искусства, — очень высокая башня на острове, от которого она и получила свое имя. Этот остров лежит против Александрии и образует ее гавань. Но прежние цари устроили на море каменную дамбу в девятьсот шагов длиной и таким образом соединили остров с городом узким, похожим на мост путем. На острове находятся дома александрийцев и поселок величиной с город. Те корабли, которые по неосторожности или от бурь меняли свой курс и попадали сюда, делались добычей жителей Фароса, которые грабили их, точно пираты. Но против воли тех, кто занимает Фарос, ни один корабль не может войти в гавань вследствие узости прохода. Именно этого и боялся Цезарь; поэтому, в то время как враги были заняты сражением, он высадил туда солдат, захватил Фарос и поставил там гарнизон. Таким образом, и провиант, и подкрепления могли безопасно подходить к нему морским путем. Он разослал гонцов по всем ближайшим провинциям и вывел оттуда вспомогательные войска. В остальных частях города сражения оканчивалось вничью. Ни одна из сторон не бывала отогнана (этому мешала узость места), и лишь немногие с обеих сторон оставались на поле битвы. Цезарь занял наиболее необходимые места и за ночь укрепил их. В той стороне города была часть царского дворца,

где вначале Цезарю отвели помещение. К ней примыкал театр, который образовывал своего рода крепость со свободным доступом к гавани и к царской верфи. Эти укрепления Цезарь в следующие дни усилил так, чтобы они служили ему стеной и не приходилось бы принимать бой против воли. Между тем младшая дочь царя Птолемея, в надежде овладеть вакантным престолом, удалилась из дворца к Ахилле и вместе с ним стала руководить военными действиями. Но скоро между ними начались споры о первенстве, вследствие чего увеличились подарки солдатам, так как каждый привлекал их на свою сторону не иначе, как ценой больших жертв. В то время как враги были заняты этим, Пофин (воспитатель молодого царя и правитель царства, находившийся в городской части, занятой Цезарем) посылал к Ахилле гонцов и ободрял его продолжать начатое дело и не падать духом. Но эти посредники были выданы и арестованы, и Цезарь приказал казнить Пофина. [Это было началом Александрийской войны.]

Перевод М. М. Покровского

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

86 — 35 гг. до н. э.

Жизнь

Гай Саллюстий Крисп родился в 86 г. до н. э. в Амитерне, в Сосбинской области.

Семья Саллюстия была всаднической, состоятельной, имевшей собственный дом в Риме.

Саллюстий получил образование в столице и выдвинулся благодаря своим способностям. Он не был склонен к военной карьере и начал заниматься литературой. Затем обратился к государственной деятельности.

В 55 г. до н. э. Саллюстий был квестором, затем стал плебейским трибуном в 52 г. до н. э. Цезарианец Саллюстий на сходках возбуждал народ против Цицерона и Милона.

В 51 г. Саллюстий был послан легатом в Сирию.

В 50 г. он был исключен из сената за якобы безнравственный образ жизни, но скорее всего как при-

верженец Цезаря. В 49 г. Цезарь добился вторичного избрания Саллюстия квестором и тем самым возвратил его в сенат.

В 49—45 гг. Саллюстий руководил в Иллирике военными действиями против помпеянцев, но неудачно. В 47 г. в должности претора он пытался усмирить бунт X и XII легионов, с неудачей, чуть не стоившей ему жизни.

Несмотря на неудачи, Саллюстий не потерял доверия Цезаря и под его началом отправился в 47 г. в Африку.

В 46 г. он захватил остров Керкине, с большими запасами зерна, собранного помпеянами, чем способствовал победе Цезаря.

После своей победы над помпеянами Цезарь по окончании претуры Саллюстия назначил его наместником вновь образованной провинции Новая Африка и дал ему три легиона.

Саллюстий грабил провинцию столь беззастенчиво, что по возвращении в Рим ему грозил суд за лихоимство; от суда его избавил сам Цезарь.

После убийства Цезаря в 44 г. до н. э. Саллюстий, понимая, что его политическая карьера закончена, удалился в свою великолепную усадьбу между Квиринальским и Пинциевым холмами, а впоследствии жил в купленной им усадьбе Цезаря в Тибуре и посвятил свой досуг работе над историческими трудами, которую прервала смерть писателя.

Он умер в 35 г. до н. э. в возрасте 50 лет.

Судьба

Саллюстий выдвинулся благодаря своим способностям и значительный период жизни занимался политикой, пользуясь поддержкой диктатора.

Как политик Саллюстий — сторонник могущества Римской державы, и римское государственное устройство представляется ему подходящим, чтобы сохранить это могущество, если только Рим не скатится к олигархии, тирании и разврату. Вопрос о причинах упадка нравов в Римском го-

сударстве, связанный с притоком в Италию захваченных богатств и рабов, — один из главных для Саллюстия в его дальнейшем творчестве и поднят им уже в письмах к Цезарю.

К той же теме он возвращается в своих монографиях «О заговоре Катилины» и «Югуртинской войне», где говорит о пагубности доставшегося Риму богатства, что породило жажду денег и власти.

Югурта

Саллюстий — непримиримый противник государства «немногих». Он готов принять власть одного человека. Цезарь представляется ему подходящим деятелем, способным восстановить добрые нравы и преодолеть внутренние раздоры в государстве. Ирония, сарказм, склонность к нападениям, вообще эмоциональность отличают политика от позднейшего историка. Цицерон говорит: «Когда он преклоняется перед Цезарем, то и язык его приобретает силу».

Как и у всех римских историков, исторический труд Саллюстия представляет собой продолжение политики иными средствами.

Сопутствующая тема всех сочинений Саллюстия — разоблачение сенатской олигархии; он изображает ее по-разному, начиная с насмешек и кончая сарказмом.

«Прославленным римским историком» назвал Саллюстия Корнелий Тацит.

Творчество

Основные произведения Саллюстия: монографии «О заговоре Катилины», 43—42 гг., «Югуртинская война», 42—41 гг., «История» в пяти книгах, она была не закончена вследствие смерти автора и дошла до нас лишь в виде фрагментов.

Югурта покидает Рим

Монография «О заговоре Катилины» была новым видом литературного произведения для Рима. До того времени почти все исторические труды носили характер аналитический и описывали деяния выдающихся людей и важнейшие события.

Саллюстий выбрал заговор Катилины: «Ведь именно это злодеяние сам я считаю наиболее памятным из всех по беспримерности преступления и его опасности для государства».

В «Югуртинской войне» описывается война, которую Рим вел против нумидийского царя Югурты (111—105 гг. до н. э.).

«О войне писать я буду — той, что народу римскому пришлось вести с нумидийским царем Югуртой, — во-первых, потому что она была трудна и жестока и шла с переменным успехом; во-вторых, потому что тогда впервые был дан отпор гордости знати».

Во время войны обнаружились продажность и корыстолюбие сенаторской олигархии. Саллюстий говорит о возвышении Луция Корнелия Суллы и его удачных дипломатических действиях, увенчавшихся захватом царя Югурты, который удалось осуществить без пролития римской крови.

Третий исторический труд Саллюстия — «История» — по-видимому, был задуман как продолжение исторического сочинения Луция Корнелия Сисенны, не дошедшего до нас. «История» состояла из пяти книг и описывала период с 78 по 67 г. до н. э., то есть от смерти Суллы до возвышения Гнея Помпея.

Она была не закончена и дошла до нас в виде фрагментов.

Особенностью изложения у Саллюстия являются экскурсы, когда последовательность повествования прерывается и сообщаются дополнительные сведения.

Включенные в монографии и «Историю» речи и письма различных деятелей сочинены самим Саллюстием, за исключением писем, текст которых является копией документа.

Саллюстию присущ особый стиль, его своеобразие выражается в выборе слов, в их морфологии и синтаксисе. У Саллюстия встречаются необычные слова, народные формы, архаизмы и поэтизмы.

Произведения историка отличаются живостью, мастерством рассказа и прекрасно выписанными характерами героев.

Саллюстий — историк-моралист. Он усматривает подоплеку политических событий в прогрессирующем упадке нравов, в безудержной жажде наживы, охватившей верхушку римского общества.

Марк Валерий Марциал (40—102 гг.) оценил Саллюстия в следующей эпиграмме:

«Ежели верить тому, что твердят ученые мужи,
В римской истории Крисп первым пребудет вовек».

Пока в Риме происходят эти события, Гай Манлий посылает своих людей к Марцию Рексу, распорядившись передать примерно следующее:

«Боги и люди да будут нам свидетели, император, что мы подняли оружие не против отечества и не того ради, чтобы грозить другим, но только чтобы оборонить от несправедливости себя самих. Жалкие нищие, мы, насилием и алчностью ростовщиков, почти все лишены отечества и все, как один, — доброго имени и состояния. И никому из нас не было дозволено прибегнуть, по обычаю предков, к защите закона или хотя бы, потеряв имущество, сохранить свободу, — так свирепствовали ростовщики и претор. Часто ваши предки, сжалившись над римским народом, облегчали его нужду своими постановлениями, и уже совсем недавно, на нашей памяти, все лучшие граждане согласились, чтобы должники, непосильно обремененные, вместо серебра уплатили займодавцам медью. Часто случалось, что и сам народ, либо из жажды господства, либо оскорбленный высокомерием властей, брался за оружие и уходил от патрициев. Но мы не владычества ищем и не богатства, из-за которых все войны и все распри между смертными, мы ищем свободы, а с нею ни один достойный человек не расстается иначе, как вместе с жизнью. Заклинаем тебя и сенат, помогите несчастным согражданам, верните нам защиту закона, отнятую несправедливостью претора, не принуждайте нас искать, как погибнуть, самым беспощадным образом отомстивши за свою гибель».

На это Квинт Марций отвечал, что, если они желают обратиться к сенату с просьбою, пусть сложат оружие и отправляются в Рим просителями: сенат римского народа всегда славился такою кротостью и милосердием, что никто и никогда не обращался к нему за помощью понапрасну.

А Катилина с пути разослал письма большинству бывших консулов и всем влиятельным лицам из числа знати. Он писал, что опутан ложными обвинениями, не способен сопротивляться стану своих врагов и, уступая судьбе, удаляется в Массилию, в изгнание, — не потому, что сознавал себя виновным в тяжком злодеянии, но чтобы возратить покой государству и чтобы из борьбы, которую он ведет, не вырос мятеж. Однако Квинт Катулл огласил в сенате письмо совсем противоположного содержания, доставленное ему, как

Марк Тулий Цицерон

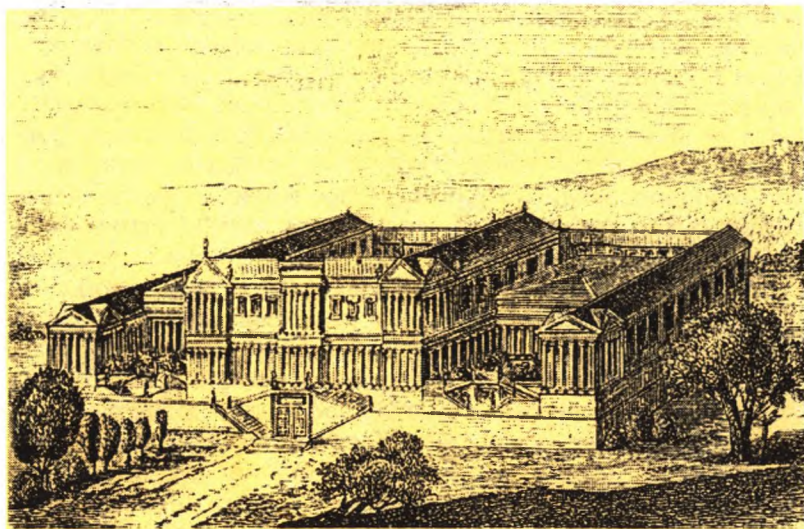
Неаполь

он утверждал, от имени Катилины. Список с него приводится ниже:

«Луций Катилина приветствует Квинта Катулла. Твоя исключительная верность, испытанная на деле и столь мне дорогая в этих трудных обстоятельствах, твердо свидетельствует, что я могу прибегнуть к твоему содействию и на этот раз. У меня появился новый план, и я решил не защищать его перед тобою: совесть моя совершенно чиста — прими же это за оправдание, оно истинное, клянусь богом. Ожесточенный обидами и оскорблениями, лишившись плодов мое-

го труда и усердия — не достигнув высокой должности, я, в согласии со своими правилами, принял на себя защиту несчастных, дело, которое касается каждого. И не то чтобы я не мог собственными средствами погасить долги, сделанные за моим поручительством (даже взятое за чужим поручительством щедро возместила бы Орестилла из своего имущества и имущества дочери), но я видел ничтожных людей, купающихся в почете, себя же ощущал отверженным по лживому подозрению. Вот почему я последовал за надеждами, сулящими сберечь остатки моего достоинства и, по печальному моему положению, достаточно честными. Я хотел написать больше, но пришла весть, что на меня готовится покушение. Поручаю Орестиллу твоим заботам и твоей верности. Ради твоих детей — защити ее от обид. Прощай».

Несколько дней Катилина провел у Гая Фламиния близ Арретия, вооружая поднятое уже окрестное население, а затем, с ликторскими связками и прочими знаками верховной военной власти, направился в лагерь к Манлию. Когда об этом узнали в Риме, сенат объявил Катилину и Манлия врагами, а остальным мятежникам назначил срок, до которого разрешалось сло-

Вилла Цицерона

жить оружие безнаказанно — всем, кроме осужденных за преступления, караемые смертной казнью. Кроме того, сенат поручает консулам произвести набор и Антонию с войском — поспешить следом за Катилиною, а Цицерону — охранять город.

Римская держава того времени представляется мне в самом жалком виде. Вся земля, от восхода до заката солнца, покорила ей, усмиренная силою оружия, в Риме — изобилие покоя и богатства, самых завидных благ в глазах смертных, и, однако же, находятся граждане, которые упорно влекут к гибели и себя, и государство. В самом деле, несмотря на два сенатских постановления, никто из такого множества людей не соблазнился наградою — не выдал заговора, не покинул лагеря Катилины. Такова была сила недуга, поразившего многие души словно неисцелимая зараза.

Безумием были поражены не только заговорщики — весь простой люд жаждал переворота и одобрял планы Катилины. По-видимому, это даже отвечало его привычкам. Ведь в любом государстве неимущие завидуют добрым гражданам и превозносят дурных, ненавидят прежнее, мечтают о новом, из недовольства своим положением стремятся переме-

нить все, пропитание находят без забот — в бунте, в мятеже, ибо нищета — легкое достояние, ей нечего терять. Что же до простого народа в Риме, то он был совершенно безудержен, и по многим причинам. Во-первых, все, кто отличался особенной дерзостью и наглостью, кто постыдно растерял отцовское достояние, все, кого изгнал из дома гнусный или злодейский поступок, — все и отовсюду стекались в Рим, будто в сточную канаву. Затем многие вспоминали победу Суллы, видя, как иные из рядовых воинов вошли в сенат, а иные сказочно разбогатели и живут в царской роскоши, — вспоминали, и каждый ждал для себя от победы таких же выгод, если возьмется за оружие. Далее, молодежь из деревень, перебивавшуюся кое-как трудом собственных рук, соблазняли щедрые раздачи, частные и общественные, и неблагодарному труду она предпочитала городское безделье. И эти люди, и все прочие кормились несчастьем государства. Что удивительного, если бедняки, испорченные нравственно, с величайшею жадностью ожидающие грядущего, столь же мало пеклись об общем благе, сколько о своем собственном? Разумеется, с одинаковым чувством ожидали исхода борьбы и те, кого победа Суллы лишила родителей, имущества, полноты гражданских прав. Наконец, любой, кто не принадлежал к числу защитников сената, предпочитал увидеть в расстройстве все государство, лишь бы не потерпеть урона самому. Так после многолетнего перерыва эта горькая беда снова вернулась в Рим.

Действительно, после того как в консульство Гнея Помпея и Марка Красса была восстановлена должность народных трибунов, высшей власти достигли очень молодые люди, безудержные и по летам, и по нраву, и начали возмущать народ против сената, потом подачками и обещаниями разжигали его все больше, а сами таким образом приобретали известность и силу. Им оказывала всемерное сопротивление большая часть знати, но, под видом защиты сената, она отстаивала собственное могущество. В дальнейшем (чтобы коротко объяснить истинное положение дел) всякий, кто приводил государство в смятение, выступал под честным предлогом: одни якобы охраняли права народа, другие поднимали как можно выше значение сената — и все, крича об общей пользе, сражались только за собственное влияние.

Проскрипции — политический террор в Риме

В этой борьбе они не знали ни меры, ни совести; и те и другие жестоко злоупотребляли победой.

Но когда Гней Помпей был отправлен на войну с пиратами и с Митридатом, силы народа убыли, возросла власть немногих. В их руках были теперь и высшие должности, и провинции, и все прочее. Благоденствуя и ничего не страшась, проводили они свои дни, противников запугивали судом, чтобы тем легче было править народом, исполняя должность. Но едва лишь обстоятельства осложнились и открылась надежда на переворот, старое соперничество вновь оживило души.

Поэтому, если бы Катилина выиграл первую битву или хотя бы не проиграл ее, поистине тяжкая и грозная беда постигла бы государство. Впрочем, и победителям не при-

шло бы долго наслаждаться своим успехом, ибо некто более сильный вырвал бы у них, усталых и обескровленных, и власть и самое свободу. Были, впрочем, и вне заговора весьма многие, бежавшие с самого начала к Катилине, и среди них Фульвий, сын сенатора. Отец силой вернул его с дороги и приказал умертвить.

Между тем Лентул, исполняя наказ Катилины, смущал и соблазнял всякого в Риме, кто по натуре или по состоянию своих дел казался ему способным к бунту, и не только граждан, но людей всякого звания, лишь бы они были пригодны для войны.

И вот он поручает Публию Умбрено, чтобы тот переговорил с послами аллоброгов и, если сможет, привлек бы их к военному союзу. Лентул не сомневался, что склонить их к такому решению будет нетрудно — ведь они замучены долгами, общими и частными, а потом, вообще галльское племя от природы воинственно. Умбрен прежде торговал в Галлии и с большинством вождей был знаком. Завидев послов на Форуме, он тут же, безотлагательно, расспросил в нескольких словах, как обстоят дела у них дома, и, словно бы сожалея об их нужде, осведомился, на какой те рассчитывают выход. Когда же он услышал, что аллоброги жалуются на корыстолюбие должностных лиц, обвиняют сенат, который ничем им не помог, и не видят иного спасения от тягот, кроме смерти, Умбрен сказал: «А я укажу вам способ избавиться от всех ваших тягот, только для этого надо быть настоящими мужчинами». В ответ аллоброги, уже не помня себя от радости, молили Умбрена сжалиться над ними: нет на свете такого трудного препятствия, которое бы они не одолели с величайшею охотой, если это избавит их государство от долгов. Тогда он отводит их в дом Децима Брута, который стоял недалеко от Форума и не был чужим для заговорщиков — благодаря Семпронии; а Брут как раз куда-то уехал. Чтобы придать больше веса своим словам, он пригласил Габиния и в его присутствии открыл галлам весь заговор, назвав участников и еще многих иных, людей всякого рода, ни в чем не замешанных: этим он рассчитывал ободрить послов. Наконец он их отпустил, пообещав свою помощь.

Аллоброги, однако, долго колебались, какое решение им принять. С одной стороны — долги, любовь к войне, бога-

тое вознаграждение в случае победы, но с другой — большие силы и средства, безопасность и вместо неверных надежд верная награда. Так они размышляли, и верх взяла счастливая участь нашего государства. Обо всем, что узнали, послы доносят Квинту Фабию Санге, чьим покровительством их племя пользовалось всего чаще. Санга без промедлений осведомил Цицерона, и консул велел, чтобы послы изображали самое горячее желание присоединиться к заговору, побывали у остальных заговорщиков и постарались бы попать с поличным.

Примерно в это же время начались волнения в Галлии, Ближней и Дальней, в Пицене, Бруттии, Апулии. Посланцы Катилины безрассудно, словно бы в припадке безумия, хватились за все разом, однако ночными совещаниями, перевозками оружия, беспрестанною спешкою больше сеяли страха, чем опасности. Многих из них претор Квинт Метелл Целер, следуя сенатскому постановлению, после законного расследования бросил в тюрьму, и так же действовал в Ближней Галлии Гай Мурена, управлявший этой провинцией в звании легата.

А в Риме Лентул с другими главарями заговора, собрав, как им представлялось, достаточно сил для удара, принимают следующий план: когда Катилина с войском вступит в окрестности Фезул, трибун Луций Бестиа созовет сходку и обжалует перед народом решения Цицерона, стараясь угрозою тяжелейшей войны разжечь ненависть к достойному консулу; по этому знаку в ближайшую же ночь все прочие заговорщики исполнят каждый свое задание. Задания, по видимому, распределены были так: Статилий и Габиний с большим отрядом поджигают город в двенадцати удобных местах одновременно, и общее замешательство откроет легкий доступ к консулу и к остальным, на кого готовились покушения; Цетег осадит дверь Цицерона и нападет на него с оружием в руках, другие заговорщики — на других лиц, причем сыновьям, жившим в родительском доме, главным образом юношам знатного происхождения, поручалось убить своих отцов: резня и пожар приведут Рим в полную растерянность, и тогда заговорщики все вместе вырвутся за стены и уйдут к Катилине. Пока обсуждались эти планы и шли последние приготовления, Цетег без конца сетовал на

Сулла

малодушие своих товарищей. Их колебаниями и проволочками, говорил он, упущены лучшие возможности; в таких крайних обстоятельствах надо действовать, а не совещаться! Пусть другие медлят — он готов ворваться в курию один со считанными помощниками! То был человек от природы необузданный, пылкий и решительный и главное достоинство полагал в быстроте.

Сулла отрекается от власти

По внушению Цицерона аллоброги через посредство Габиния встретились с остальными. От Лентула, Цетега, Статилия, а также Кассия они потребовали удостоверенной печатями клятвы, чтобы отвезти своим соплеменникам: иначе, говорили послы, их непросто будет подвигнуть на такой шаг. Прочие, ничего не подозревая, соглашаются, а Кассий пообещал, что вскоре будет в Галлии сам, и выехал из Рима незадолго перед послами. Лентул отправил вместе с ними некоего Тита Волтурция из Кротона, чтобы аллоброги по пути домой скрепили союз с Катилиной взаимной присягою в верности. Сам он вручил Волтурцию письмо для Катилины; список с него приводится ниже:

«Кто я, ты узнаешь от человека, которого к тебе посылаю. Размысли, как худо твое положение, и помни, что ты мужчина. Подумай, чего требует твоя выгода. Ты должен искать помощи у всех, даже у самых низших».

На словах же он поручил передать: «Раз сенат объявил

тебя врагом, с какой стати гнушаться рабами? В Риме все, что ты приказывал, исполнено. Не задерживайся, подступай ближе».

Так обстояли дела, и уже была назначена ночь отъезда, когда Цицерон, обо всем осведомленный через послов, велит преторам Луцию Валерию Флакку и Гаю Помптину устроить засаду на Мульвийском мосту и захватить аллоброгов с провожатыми. Он открывает преторам, что скрыто за этим поручением, и в дальнейшем разрешает действовать так, как потребуется. А те, люди военные, выставили без спеха и шума караулы и, как было им наказано, тайно заняли мост. Когда послы с Волтурцием приблизились и отовсюду вдруг загремели крики, галлы быстро сообразили, что происходит, и незамедлительно сдались преторам. Волтурций сперва отбивался мечом от целой толпы и призывал обороняться остальных, но потом увидел, что послы его бросили, взмолился о пощаде к Помптину, который был его знакомцем, и наконец в смертельном страхе отдал себя в руки преторов словно в руки врагов.

Когда все было кончено, проворно отправляют гонцов к консулу. Мучительная забота и великая радость овладели Цицероном. Он радовался, понимая, что заговор разоблачен и государство избавлено от опасности, но вместе с тем томился тревогою, не зная, как поступить с такими влиятельными гражданами, уличенными в самом тяжком преступлении: их наказание ляжет бременем на его плечи, безнаказанность будет гибельна для государства. Итак, собравшись с духом, он распорядился позвать к себе Лентула, Цеттега, Статилия, Габиния, а также террацинца Цепария, который собирался в Агюлию — возмущать рабов. Все тут же явились, и только Цепарий, незадолго до того вышедший из дома, проведал о доносе и бежал. Лентула, который был претором, консул повел в сенат сам, взявши за руку, прочих направил в храм Согласия под охраною. Туда созвал он сенат и, при большом стечении сенаторов, ввел Волтурция с послами; туда же приказал он принести отобранную у послов шкатулку с письмами.

В ответ на расспросы насчет поездки, насчет писем, насчет того, наконец, какими намерениями он задавался и по-

чему, Волтурций сперва громоздил ложь на ложь и уверял, будто понятия не имеет о заговоре. Потом, когда от имени государства ему обещали безнаказанность, он открыл все, как было, и показал, что привлечен в соучастники Габинием и Цепарием лишь несколько дней назад и знает ровно столько же, сколько послы, но часто слышал от Цепария, что в заговоре состоят Павел Автроний, Сервий Сулла, Луций Варгунтей и еще многие иные. То же утверждали галлы, изобличая запиравшегося Лентула не только его письмом, но и речами, которые он заводил не один раз, — что, дескать, по Сивиллиным книгам царская власть в Риме предречена троим Корнелиям и первыми двумя были Цинна и Сулла, он же третий, кому суждено владеть городом Римом, и, кроме того, с пожара Капитолия пошел двадцатый год, а он несет с собою кровавую гражданскую войну, как многократно предсказывали гадатели, толкуя чудесные знамения. После этого огласили письма, и, когда каждый признал свою печать, сенат постановил, чтобы Лентул сложил должность и, наряду с прочими, содержался под вольною стражею. Итак, Лентула передают под охрану Публию Лентулу Спинтеру, который был тогда эдилом, Цетега — Квинту Корнифицию, Статилия — Гаю Цезарю, Габиния — Марку Крассу, а Цепария (его только что задержали и вернули в Рим) — сенатору Гнею Теренцию.

После раскрытия заговора настроение простого люда, который сначала мечтал о перевороте и жадно рвался навстречу войне, переменилось: замыслы Катилины все проклинали. Цицерона превозносили до небес, радовались и ликовали так, словно были спасены от рабства. Вполне понятно: от бедствий войны народ ждал скорее добычи, нежели ущерба, и только пожар считал жестокостью непомерной и крайне для себя опасной, потому что все его богатство заключалось в платье на теле и в ежедневном пропитании.

На другой день в сенат был доставлен некий Луций Тарквиний; утверждали, что он направлялся к Катилине, но был захвачен в пути. Этот человек объявил, что согласен дать показания о заговоре, если ему обещают личную неприкосновенность, и консул велел ему говорить все подряд. Он сообщил примерно то же, что Волтурций, — о готовившихся поджогах, об избииении лучших граждан,

о передвижении врагов, но кроме того — что послал его Марк Красс, извещавший Катилину, чтобы тот не терял мужества из-за ареста Лентула, Цетега и других заговорщиков, напротив, тем скорее подступал бы к Риму: это и остальных ободрит, и арестованным поможет вырваться на волю.

Но когда Тарквиний назвал Красса, человека знатного, чрезвычайно влиятельного и первого богача, одни вообще не поверили, другие, правда, поверили, но полагали, что в такое время такого могущественного человека надо умиротворить, а не раздражать, а очень многие вдобавок находились в зависимости от Красса по частным делам — и вот все кричат, что Тарквиний лжет и чтобы сенату об этом было доложено особо. По запросу Цицерона сенат в полном почти составе постановляет донос Тарквиния считать ложным, а доносчика посадить в тюрьму и больше показаний его не слушать, разве что он укажет, кто подучил его так чудовишно солгать. Донос этот, подозревали некоторые, был подстроен Публием Автронием, чтобы, произнеся имя Красса, замешать в опасность и его, и тогда уже с легкостью прикрыть остальных его могуществом. Другие возражали: Тарквиний подослан Цицероном, чтобы Красс, по своему обыкновению, не принял под защиту негодяев и тем не нанес вреда государству. Сам Красс впоследствии (я слышал это собственными ушами) говорил прямо, что это неслыханно злое оскорбление ему нанес Цицерон.

В это время Квинт Катулл и Гай Пизон пытались деньгами и уговорами склонить Цицерона к тому, чтобы через аллоброгов или иного доносчика было выдвинуто ложное обвинение против Гая Цезаря, — но безуспешно. Оба испытывали к Цезарю тяжелую вражду, Пизон — оттого что в ходе суда за вымогательства Цезарь стеснил его еще больше, обвинив в незаконной казни какого-то транспаданца, Катулл — после неудачной попытки получить сан верховного жреца, когда, невзирая на преклонный возраст и высшие почетные должности в прошлом, потерпел поражение от мальчишки Цезаря. Обстановка казалась благоприятной, ибо и в частных отношениях с людьми Цезарь был исключительно щедр и, исправляя должность, устраивал небыва-

до пышные зрелища, а потому глубоко увяз в долгах. Видя, что консула склонить к преступлению не удастся, Катулл и Пизон принялись обходить дом за домом, распуская клевету, которую они якобы слышали от Волтурция и аллобругов. Они успели возбудить против Цезаря немалую ненависть — вплоть до того, что несколько римских всадников, охранявших с оружием в руках храм Согласия, грозили ему мечами, когда он выходил из сената, то ли потрясенные размерами опасности, то ли просто по несдержанности, но в любом случае желая яснее выказать свою любовь к отечеству.

Пока заседают сенат, пока назначаются награды аллобругам и Титу Волтурцию, поскольку наказания их подтвердились, вольноотпущенники и кое-кто из клиентов Лентула разными способами подбивают мастеровых и рабов на улицах силой освободить его из-под стражи, ищут вожаков толпы, которые всегда готовы за плату учинить бунт. Цетег же через нарочных просит своих рабов и отпущенников, все людей надежных и хорошо выученных, сплотиться и оружием проложить себе путь к хозяину.

Узнав об этих приготовлениях, консул немедленно расставил, где требовалось, караулы, а затем созвал сенат и обратился к нему с запросом, как поступить с арестованными. Незадолго до того сенат в многолюдном заседании определил, что все они — государственные преступники; теперь Децим Юний Силан, который был избран консулом на следующий год и потому должен был подать свое мнение первым, объявил, что те, кто находится под стражей, подлежат смертной казни, а равно и Луций Кассий, Публий Фурий, Публий Умбрен и Квинт Анний, если их удастся задержать. Позже, правда, под впечатлением речи Гая Цезаря Силан сказал, что поддержит мнение Тиберия Нерона, который предлагал вернуться к этому вопросу после того, как будут сняты караулы. Что же до Цезаря, то, когда настала его очередь и консул назвал его имя, он заговорил примерно так:

«Господа сенаторы, во всех трудных и сомнительных случаях мы должны быть свободны от гнева, дружества, ненависти и сострадания, ибо нелегко провидеть истину, если взор застлан этими чувствами, и никто не может слу-

жить разом и страсти и пользе. Если напрягаешь ум, перевес получает он; когда же тобою владеет страсть, она и владычествует, а дух не имеет никакой силы. На памяти у меня немало примеров, господа сенаторы, как цари и народы, уступив гневу или состраданию, принимали скверные решения. Но я предпочитаю напомнить, как наши предки поступали правильно и справедливо, вопреки внушению страсти. В Македонскую войну, которую мы вели с царем Персеем, государство родосцев, обширное и процветающее, возвысившееся благодаря помощи римского народа, вероломно выступило против нас. Но когда по окончании войны предки наши совешались об участии родосцев, то отпустили их безнаказанными — чтобы никто не сказал, будто война начата скорее ради обогащения, чем ради мести за обиду. Точно так и во всех Пунических войнах: хотя карфагеняне и в мирное время, и во время перемирий творили нечестие за нечестием, наши отцы никогда не искали случая ответить тем же; не о том спрашивали они себя, как можно по праву поступить с неприятелем, но о том, что будет достойно их самих. Вот и вам, господа сенаторы, надо позаботиться, чтобы злодеяние Публия Лентула и остальных не имело в ваших глазах больше веса, нежели ваше достоинство, и чтобы о гневе своем вы думали не больше, нежели о доброй славе. Если мы хотим покарать их по заслугам, я одобряю неведомую прежде меру; но, поскольку тяжесть их вины превосходит все, что можно себе представить, я предлагаю ограничиться теми средствами, какие предусмотрены законом».

Перевод С. Маркиша

СТРАБОН

64/63 — 23/24 гг. н. э.

Жизнь

Страбон родился в 64/63 г. до н. э. в Амасии, расположенной в ста километрах от южного берега Черного моря, бывшей ранее столицей Понтийского царства.

Во время III Митридатовой войны римский консул Лукулл взял Амасию штурмом.

Родители Страбона переселились в Амасию с о. Крит. Родственники со стороны матери были знатного рода.

Прапрадед Страбона Дорилай Тактик был полководцем Митридата V, дядя Моаферн — наместником Митридата VI и разделил его участь.

Страбона воспитывали, как было принято в знатных семьях, частные учителя, которые сыграли в его жизни большую роль.

Первый — Тираннион из Амисы, грамматик и автор географических сочинений, был широкообразованным чело-

Лукулл

Страбон тогда еще не знал, чему посвятит себя, но уже тщательно собирал все, что относится к истории и географии. Он много путешествовал один и в сопровождении друзей, которыми обзавелся в Риме (среди них полководец Публий Сервий Исаурийский, историк Феофан Митиленский, Элий Галл и, возможно, Гораций).

Страбон странствовал всю жизнь. Он изъездил Фригию и Каппадокию, побывал у подножия Кавказа, на берегах Ионии и в Коринфе.

Он основательно читал научные сочинения и «Периклы», в которых описывались берега различных морей, не пренебрегал он и распространенными в ту пору «рассказами путешественников».

Но и среди фантастических вымыслов он старался отыскать зерна истины. Для этого Страбон сравнивал и сопоставлял сведения разных авторов.

Новые теории нередко оказывались заблуждениями, а что может быть полезнее опыта истории!

Страбон отдал на суд читателей «Исторические записки» в сорока трех книгах.

Исторический труд Страбона охватывал почти столетие — одно из самых бурных в истории Римского государства, от разрушения Карфагена до возвышения Октавиана, будущего императора Августа.

веком, поклонником Аристотеля.

Второй — Аристодем, он читал лекции по риторике и грамматике. Третий — Ксенарх из Селевкии.

Юношей Страбон отправился в Рим и много путешествовал по Италии и Египту. В «вечный город» Страбон приехал впервые в 44 г. до н. э. В этот год заговорщики убили Гая Юлия Цезаря.

В Риме он завязывает полезные знакомства, посещает знатные дома и изучает город:

Митридат VI

Усиленные занятия наукой не превратили Страбона в кабинетного ученого; когда в 26—24 гг. до н. э. его друг Элий Галл стал наместником Египта, он, естественно, совершает путешествие в экзотические края, поднимается по Нилу вплоть до границ с Эфиопией. С иронией он относится к сведениям гидов, доверяя лишь собственным знаниям да сведениям, полученным от жрецов, — к ним он всегда относился с почтением.

Страбон стремится собрать воедино всю информацию о мире, сопоставить сведения, выявить противоречия, устранить ошибки.

Он создает «Географию» в 17 книгах, которая фактически является первым опытом исторической географии и представляет собой ценный исторический источник.

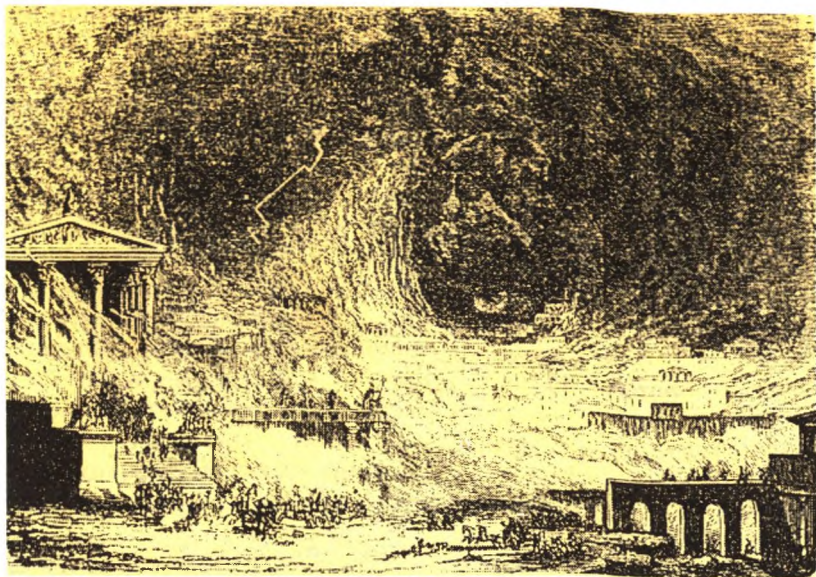
Он не успел увидеть ее в руках читателей; она была переписана и размножена после его смерти.

Судьба

Один человек повлиял на будущего географа — философ Зенон, живший за два века до Страбона. «Наш Зенон» — так любовно именуется он в своей книге основателя школы стоиков. Как истинный стоик, Страбон вел размеренную и разумную жизнь, не позволяя страстям вырваться наружу: заводил друзей и избегал наживать врагов; был осторожен в речах и поступках. Как настоящий стоик, он не участвовал в политической деятельности, предпочитая наблюдать за событиями со стороны.

Страбон не мог обижаться на судьбу. Почти 90 лет он прожил спокойно, размеренно и незаметно, без взлетов и падений.

В политической борьбе он не участвовал, всегда оставал-

Пожар в Карфагене

ся благонамеренным гражданином, уважающим богов и строго следующим законам. Находясь в гуще событий, он сумел устраниваться от них.

Октавиан «творил» историю — Страбон о ней рассказывал. Октавиан создавал единую империю — Страбон ее описывал.

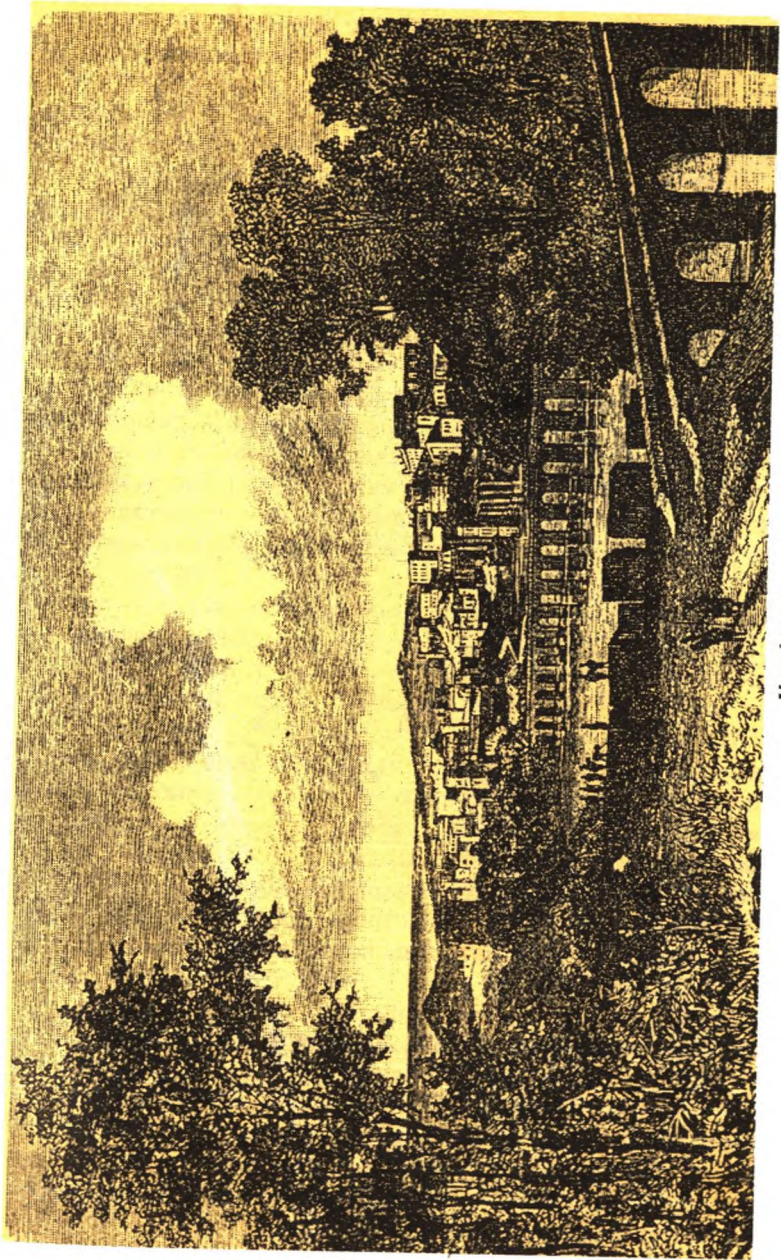
Сам Страбон не избежал своеобразного исторического возмездия. Его «Исторические записки», видимо, широко читались. Их цитируют и Плутарх, и Иосиф Флавий, а позднее — Тертуллиан. А «Географию» современники не оценили.

Слава пришла через тысячу с лишним лет.

Творчество

Страбон — автор «Исторических записок» в сорока трех книгах, которые не дошли до нас.

Они были задуманы как продолжение «Всеобщей истории»

Карфаген

Октавиан Август

Полибия с событий 146 г. до н. э. до битвы при Акциуме в 31 г. до н. э.

После издания «Исторических записок» Страбон решил запечатлеть грандиозную картину известного в ту пору «круга земель» и подробно рассказать о всех его частях. В первой главе «Географии» он пишет: «После того как я издал «Исторические записки», которые, как я думаю, принесли пользу для моральной и политической философии, я решил написать настоящее сочинение... Труд этот касается явлений особой важности и охватывает весь свет, кроме тех случаев, когда и малочисленные предметы могут представить интерес для любознательного человека или практического деятеля».

Страбон действительно написал книгу необычную — огромную, всеобъемлющую. Она была создана на рубеже нашей эры и распределена по главам и разделам около 7 г. до н. э.

Она была неопределенной по своему жанру: Страбон собрал все, что знали в ту пору об обитаемой земле — ойкумене.

Его «География» не только самое крупное из античных произведений такого рода, она — одна из немногих, почти полностью дошедших до нас работ. Наконец, она сохранила выдержки из трудов более древних авторов, которые подчас известны только благодаря Страбону.

В общей сложности на 770 страницах его книги встречаются почти полтораста авторов, которых Страбон счел возможным процитировать.

Современники не смогли оценить его колоссального труда. Но своего читателя Страбон в конце концов нашел. Его стали внимательно изучать через пятьсот лет ученые-византийцы. Именно они по достоинству оценили колоссальный труд Страбона.

Византийцы настолько высоко оценили Страбона, что могли не называть его по имени, за которым закрепилось авторитетное прозвище: Географ.

Византийцы настолько высоко оценили Страбона, что могли не называть его по имени, за которым закрепилось авторитетное прозвище: Географ.

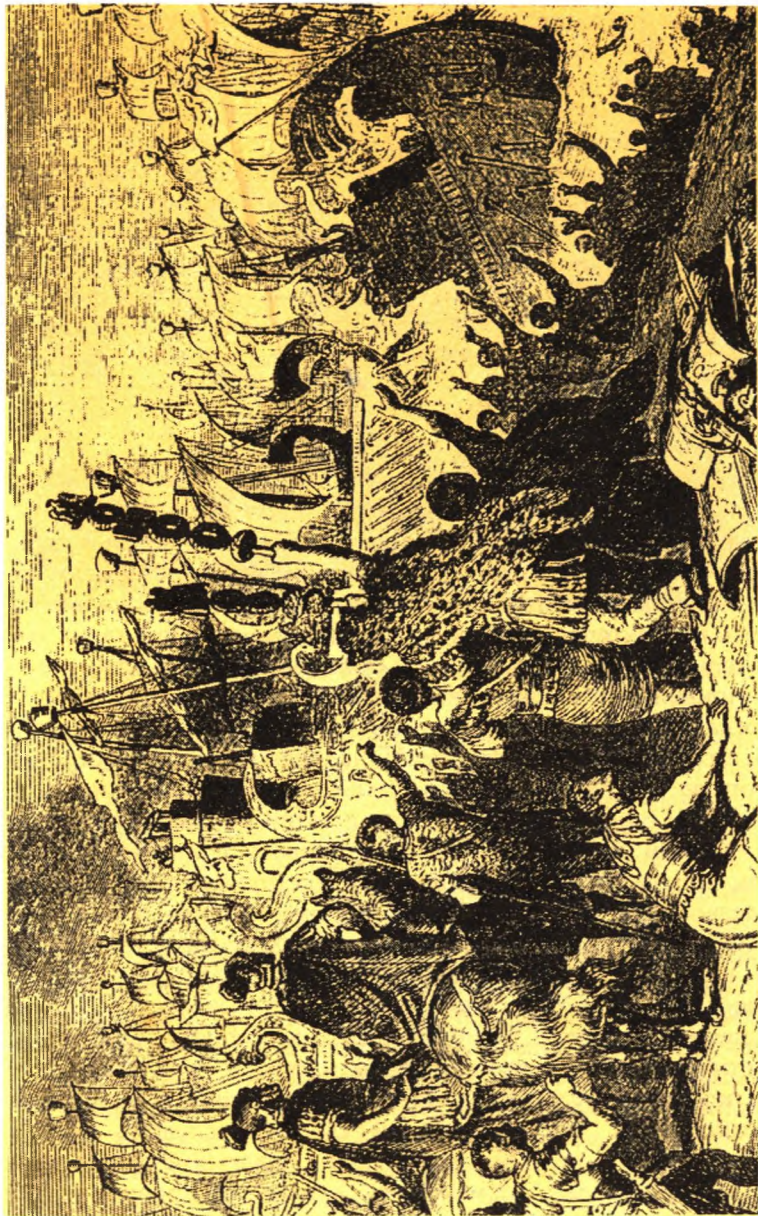
Зенон из Кития

В эпоху Возрождения со Страбоном знакомятся европейцы. «География» привлекает внимание гуманистов, с удивлением обнаруживших, что в античные времена у великого Птолемея, чей авторитет многие века оставался незыблемым, был достойный соперник.

В 1477 г. «География» выходит в латинском переводе. В 1516 г. — впервые печатается на греческом. Труд Страбона заинтересовал не только историков, но, как писал А. Гумбольдт: «Великие творения Страбона... в конце средних веков начали оказывать влияние на направление идей».

* * *

По словам Аристобула, он сам видел в Таксилах двоих софистов, и тот и другой были брахманы. Старший с обритой головой, а младший носил длинные волосы: обоих сопровождали ученики. Остававшееся от других занятий время они проводили на рынке; так как их почитали как советников, то они имели возможность брать бесплатно какой хотели товар. Всякий, к кому они подходили, умашал их сесамовым маслом в таком количестве, что оно текло у них по глазам. Так как там было выставлено на продажу много меда и сесама, то они делали из него лепешки и питались даром. Однажды они пришли к столу Александра, обедали стоя и учили царя выносливости. Так, старший из них, отойдя куда-то поблизости, опрокинувшись навзничь, выдерживал солнечный зной и дождь (шли уже дожди, так как было начало весны), а младший стоял на одной ноге, высоко подняв обеими руками шест около 3 локтей длины; когда эта нога уставала, он менял упор на другую и так продолжал стоять целый день. Младший оказался гораздо выносливее старшего: пройдя вместе с царем небольшое расстояние, он быстро возвратился домой и велел сказать через посланного за ним Александру, что царь может прийти к нему сам, если желает чего-нибудь от него. Напротив, старший сопровождал царя до конца и, живя вместе с ним, переменял одежду и образ жизни. В ответ на упреки некоторых он говорил, что прожил уже 40 лет аскетической жизнью и выполнил свой обет. Александр одарил его детей.

Битва при Акиуме

Аристобул упоминает некоторые неслыханные и странные обычаи в Таксилах. Так, например, люди, которые по бедности не могут выдать замуж дочерей, выводят их в цветущем возрасте на рынок; затем созывают народ под трубные звуки раковин и барабанный бой (чем подается и сигнал к битве); потом перед каждым приблизившимся обнажают сначала задние части девушки до плеч, а затем передние; если девушка нравится и сама согласна на предложенные условия, то он берет ее в жены. Трупы выбрасываются у них на съедение коршунам. Обычай иметь несколько жен является общим у них и с другими племенами. Он слышал также, что у некоторых племен жены добровольно подвергаются сожжению вместе с мужьями, а тех женщин, которые не отваживаются на это, предают позору. Об этом обычае упоминают и другие писатели.

Онесикрит сообщает, что он сам был послан для собеседования с этими софистами. До Александра дошли слухи, что эти люди ходят голыми, упражняются в выносливости и пользуются великим почетом; других людей они не посещают по приглашению, но велят приходиться к себе всем, кто желает их видеть и заинтересован их делами и речами. При таких обстоятельствах, так как царю не подобало самому идти к ним или принуждать их против воли к совершению чего-нибудь несогласного с отеческими обычаями, Онесикрит и был послан к софистам. Он встретил 15 человек из них в 20 стадиях от города; эти люди голыми в разных позах неподвижно стояли, сидели или лежали до вечера и затем возвращались в город. Самым трудным было выдерживать солнечный зной, столь сильный, что в полдень никто из прочих людей не мог бы легко даже ступить на землю босыми ногами.

Онесикрит беседовал с одним из этих софистов — Каланом, который сопровождал царя до Персиды и там умер по отеческому обычаю — взойдя на костер. Он застал Калана лежащим на камнях. Приблизившись к софисту, Онесикрит обратился к нему с приветствием и сказал, что послан царем поучиться мудрости софистов и сообщить о ней царю. Поэтому, если нет возражений, он готов слушать его поучения. Увидев, что Онесикрит носит плащ, войлочную шляпу и сапоги, Калан, засмеявшись, сказал: «В древнее время все было полно ячменной и пшеничной муки, как теперь

Александр Македонский

*Деталь мозаики по картине Филоксена «Битва Александра с Дарием».
Начало III в. до н. э.*

пыли. Одни источники текли водой, другие — молоком, а также медом, иные — вином, а иные — елеем. От пресыщения и роскоши люди сделались высокомерными. Зевс, возненавидев такое положение, уничтожил все это и обрек человека на жизнь в труде. Когда вновь появились на свет умеренность и другие добродетели, снова вернулось изобилие благ. Теперь человеческие дела уже опять приближаются к пресыщению и высокомерию, и существует опасность истребления всего». После этих слов софист велел ему, рассказывает Онесикрит, если он хочет слушать, снять одежды, голым лечь на те же камни и выслушивать его поучения. Когда Онесикрит недоумевал, как ему поступить, Манданий, старейший и мудрейший из софистов, высказал порицание Калану за то, что тот, обвиняя других в надменности, сам оказался надменным; затем Манданий позвал Онесикрита и сказал ему, что хвалит царя за то, что тот, управляя такой великой державой, жаждет мудрости; ведь царь — един-

ственный человек, занимающийся философией с оружием в руках, которого он видел. Действительно, полезнее всего на свете было бы, если бы мудростью обладали люди, которые имеют силу одних добровольно привести к скромности, а других против воли вынудить к этому. Он должен просить прощения, продолжал Манданий, если, ведя беседу с помощью трех переводчиков (которые, кроме языка, в своем понимании стоят не выше толпы), не в состоянии дать Онесикриту доказательство пользы своего учения. Это ведь все равно что требовать, чтобы чистая вода текла через грязь.

По словам Онесикрита, речь софиста сводится к тому, чтобы показать, что самое лучшее учение — то, которое избавляет душу от радости и печали. Печаль и страдание различны, так как первая вредна для человека, а последнее любезно ему. Люди приучают свои тела к труду, чтобы укрепить духовные силы: этим они могут прекращать восстания и готовы всем давать благие советы, как государству, так и отдельным лицам. В самом деле, он посоветовал бы теперь Таксилу принять Александра, [говоря ему], что если он примет человека лучшего, чем он сам, то получит благо, а если худшего, то сам сделает его лучше. После этого Манданий, говорит Онесикрит, спросил, существуют ли подобные учения у греков. Онесикрит ответил, что не только Пифагор учит в таком же роде и велит воздерживаться от мяса животных, но также Сократ и Диоген и что сам он был учеником Диогена. Манданий на это возразил, что он, правда, считает греков вообще мыслящими разумно, но они неправы в одном отношении — в том, что ставят обычай выше природы. Ведь иначе они не стыдились бы ходить голыми, как он, и жить в бедности. Самый лучший дом, добавил Манданий, тот, где меньше всего нужно домашней утвари. Софисты, рассказывает далее Онесикрит, занимаются также исследованием физических явлений, изучают приметы, причины дождей, засухи, болезней. Когда они появляются в городе, то расходятся по рынкам и у первого встречного, несущего смоквы или виноградные гроздья, берут все это как добровольный дар. Если есть оливковое масло, то их обильно умашают маслом и они натираются им. Каждый богатый дом открыт для них, включая и женскую половину. Войдя в дом, софисты разделяют трапезу и принимают учас-

тие в беседе. Телесный недуг они считают величайшим позором. Заподозрив болезнь в своем теле, они лишают себя жизни огнем: воздвигают костер, умащаются маслом и, взойдя на него, приказывают зажечь и затем недвижимо сгорают.

Неарх рассказывает о софистах следующее. Часть брахманов занимается государственными делами, сопровождая царей в качестве советников. Остальные софисты изучают физические явления; к ним принадлежит и Калан. Их жены совместно с ними занимаются философией. Все они ведут строгий образ жизни. Относительно обычаев остальных индийцев он сообщает следующее. Законы у них, как общие, так и особые, не записаны и отличаются своеобразием по сравнению с законами прочих народностей. Так, например, у некоторых племен девушек дают в награду победителю в кулачном бою, так что они выходят замуж без приданого. У других же племен заведено возделывать поля сообща всей родней, а после уборки урожая каждый получает достаточное количество продуктов для пропитания на год; остаток сжигают, чтобы у них было побуждение работать в другой раз и не проводить время в праздности. Их вооружение состоит из лука и стрел длиной в 3 локтя или из щита и широкого меча длиной в 3 локтя. Вместо уздечек у них в ходу переносники, мало отличные от намордников, а в губы лошадей продеты гвозди.

В доказательство того, что индийцы — искусные ремесленники, Неарх сообщает, что они увидели у македонян губки и воспроизвели их, они прошивали шерсть с волосом тонкими нитями и шнурками и затем, сделав из этого войлок, вытаскивали нити, а шерсть красили. Кроме того, скоро появилось много изготовителей банных скребниц и сосудов для масла. Письма они пишут на кусках тонкой материи, очень плотно тканной, хотя остальные писатели утверждают, что они не знают письмен. Медь у них в употреблении литая, а не кованая. Однако он не объяснил причин этого, хотя и указывал на вытекающее отсюда неудобство, так как сосуды, изготовленные из такой меди, при падении разбиваются, как глиняные. К известиям об Индии относятся также следующие: там существует обычай вместо коленапоклонения обращаться к царям и ко всем могуществен-

ным и знатным людям в молитвенной позе. В этой стране встречаются также драгоценные камни, именно разнообразные карбункулы, точно так же как и жемчуга.

Как пример несогласованности сообщений писателей я приведу рассказ о Калане. Все писатели согласны, что Калан сопровождал Александра и в его присутствии добровольно принял смерть от огня. Однако что касается самого способа сожжения и поводов к нему, то писатели говорят об этом по-разному. Так, одни рассказывают, что Калан следовал за царем в качестве восхвалителя его подвигов за пределы Индии, вопреки общему обычаю тамошних философов. Действительно, индийские философы общаются с царями, наставляя их в почитании богов подобно магам у персидских царей. В Пасаргадах Калан занемог; тогда впервые напала на него болезнь. 73 лет от роду, не обращая внимания на просьбы царя, лишил себя жизни. Был воздвигнут костер и на нем поставлено золотое ложе, Калан лег на ложе, закрылся покрывалом и был сожжен. По сообщениям других, был построен деревянный дом и наполнен листвою; на крыше дома воздвигли костер. После торжественного шествия, в котором участвовал сам Калан, его по собственному приказанию заперли в доме. Затем философ бросился в огонь и сгорел, как бревно, вместе с домом. По словам Мегасфена, учение философов не обязывает последователей лишать себя жизни, а тех, кто посягает на это деяние, они считают по-юношески безрассудными. Люди твердого характера, говорит этот писатель, бросаются на меч или в пропасть; избегающие страданий — в морскую пучину, люди, привыкшие переносить страдания, кончают жизнь повешением, а люди пылкого нрава бросаются в огонь. Таким и был Калан, человек необузданный, который превратился в раба за столом Александра. Поэтому Калана порицали, а Мандания хвалили. Посланные Александра приглашали Мандания прибыть к сыну Зевса, обещая в случае повинования царские подарки, а за отказ угрожали наказанием. Софист ответил им, что Александр не сын Зевса, так как не владеет даже самым малым клочком земли; далее, он — Манданий — не нуждается в подарках того, кто сам ненасытен; наконец, ему не страшны угрозы, так как при жизни для него достаточно кормилицы — Индии, а смерть

только избавит его от измученного старостью тела, и он перейдет в лучшую и более чистую жизнь. Александр похвалил Мандания и согласился с ним.

Историки рассказывают также следующее. Индийцы почитают Зевса Омбрия, реку Ганг и местные божества. Всякий раз, когда царь моет себе волосы, они справляют великое празднество и посылают большие подарки, причем каждый непрерывно старается выставить свое богатство. Они сообщают, что некоторые муравьи, копающие золото, крылатые. Золотой песок реки несут вниз по течению подобно рекам в Иберии. Во время праздничных процессий выступает много слонов в золотых и серебряных украшениях, так же как и множество колесниц, запряженных четверкой коней, и упряжек быков. Затем следует войско, одетое в парадную одежду; потом несут золотые сосуды с большими котлами в них и чашами вместимостью в оргию, затем — столы, кресла, кубки, ванны из индийской меди, большинство этих предметов украшено драгоценными камнями: смарагдами, бериллами и индийскими карбункулами; пестрые одеяния участников процессии расшиты золотом; далее идут буйволы, леопарды, ручные львы и множество разных птиц, мелодично поющих. А Клитарх упоминает о четырехколесных повозках, на которых везли деревья с большими листьями; на них сидели разного рода ручные птицы. Из этих птиц, по его словам, красивее всех пел орион, а так называемый катрей был самым прекрасным на вид и отличался наиболее пестрым оперением. По внешнему виду эта птица ближе всего к павлину. Остальное описание интересующийся может взять у Клитарха.

Писатели противопоставляют брахманам прамнов как некий особый род философов, склонных к спорам и опровержениям. Эти философы осмеивают брахманов, занимающихся изучением явлений природы и астрономией, как хвастунов и глупцов. Одних прамнов называют «горными», а других «нагими», иных «городскими» или «соседскими». Горные прамны одеваются в оленьи шкуры и носят сумы, наполненные кореньями и лечебными снадобьями, считая себя искусными во врачевании с помощью колдовства, заклинаний и амулетов. Нагие прамны, как показывает их название, ходят голыми, живя большей частью под открытым не-

бом и упражняясь в выносливости до 37 лет, как я уже говорил выше. С ними живут их жены, с которыми они, однако, не имеют сношений. Этих философов индийцы особенно почитают.

Городские прамны носят льняные одежды и живут в городе или в сельских местностях, одеваясь в оленьи шкуры или в шкуры газелей. Вообще говоря, индийцы носят белые одежды, как белые льняные, так и из бумажных тканей, в противоположность сообщениям писателей, утверждающих, что они носят ярко раскрашенные одеяния. У всех индийцев длинные волосы и бороды; они заплетают себе волосы, обвязывая головной повязкой.

По сообщению Артемидора, Ганг течет с Эмодских гор на юг; достигнув города Ганга, река делает поворот на восток до Палибофр и места впадения в море. Артемидор упоминает один из притоков Ганга — Эдану, — где, как он говорит, водятся крокодилы и дельфины. Он передает еще и некоторые другие известия, но так неясно и путанно, что их приходится оставить без внимания. Можно, однако, добавить к приведенным рассказам еще и сообщение Николая Дамасского.

Этот писатель говорит, что в Антиохии близ Дафны ему пришлось встретиться с индийскими послами, которые направлялись к Цезарю Августу. В сопроводительном послании было обозначено больше послов, но в живых осталось только трое (их-то, по его словам, он и видел), остальные умерли большей частью из-за тягот долгого путешествия. Послание было написано на коже по-гречески с обозначением автора, которым был Пор. Последний хотя и властвовал над шестьюстами царями, но все же весьма высоко ставил честь быть «другом» Цезаря, выражая готовность разрешить проход через свою страну, куда бы Цезарь ни пожелал идти, а также обещал содействие во всех его справедливых предприятиях. Таково было, по словам Николая Дамасского, содержание послания. Привезенные дары были поднесены восемью нагими слугами, носившими только передники, окропленные благовониями. Дары эти были следующие: гермес — человек без рук от рождения (которого видел и я), затем большие гадюки, змея 10 локтей длиной, речная черепаха 3 локтей длиной и куропатка размерами

больше коршуна. Вместе с послами, по его словам, находился тот человек, который сжег себя в Афинах. Так, одни кончают жизнь самоубийством в несчастье, ища спасения от настоящих бед, другие же, говорит он, от счастья, как и этот последний. Действительно, продолжает Николай, до сих пор все шло по желанию этого человека; однако он счел необходимым уйти из жизни для того, чтобы не произошло чего-либо неприятного, если он останется дальше в живых. Поэтому-то он со смехом прыгнул на костер обнаженным, умастив себя маслом и только в одном переднике. На его могиле были написаны слова: «Здесь лежит Зарма-нохег, индеец из Баргосы, который обессмертил себя по древнему индийскому обычаю».

После Индии идет Ариана — первая часть области, подвластной персам за рекой Индом, и верхних сатрапий за Тавром. На юге и на севере Ариана ограничена тем же самым морем, теми же горами, что и Индия, и той же рекой — Индом, который протекает между ней и Индией. От реки Инда Ариана простирается на запад до линии, проведенной от Каспийских Ворот к Кармании, так что ее фигура представляется четырехсторонней. Южная ее сторона начинается от устьев Инда и Паталены и оканчивается у Кармании и у входа в Персидский залив, где она образует мыс, значительно выдающийся к югу. Затем она делает изгиб в залив, в сторону Персиды. Обитают в Ариане, во-первых, арбии, одноименные с рекой Арбис, которая отделяет их от непосредственно следующих оритов. По словам Нерарха, арбии занимают побережье длиной около 1000 стадий. Это побережье также является частью Индии. Затем следуют ориты — самостоятельная народность. Морской путь вдоль берегов страны, населенной этой народностью, составляет 1800 стадий, вдоль побережья непосредственно следующей области ихтиофагов — 7400 стадий, а вдоль области карманиев вплоть до Персиды — 3700. Таким образом, общее протяжение пути составляет 13 900 стадий.

Побережье ихтиофагов плоское, большей частью лишенное деревьев, за исключением пальм, какого-то терновника

и тамариска. Воды и плодов культурных растений там недостаточно. Население и скот питаются рыбой и пьют дождевую и колодезную воду, поэтому мясо их домашнего скота отзывает рыбой. Жилища ихтиофаги сооружают большей частью из китовых костей и устричных раковин, применяя китовые ребра для балок и стропил, а для дверей — китовые челюсти; из позвоночных костей они изготавливают ступки, в которых толкут рыбу, высушив ее на солнце; затем прибавляют немного муки и пекут из этой массы хлеб. Хотя они не знают железа, но у них есть ручные мельницы. Это, впрочем, менее удивительно, так как они могут привозить мельницы из других мест. Но как же они чинят части мельницы, затупившиеся от употребления? Они утверждают — при помощи тех же камней, на которых они точат стрелы и дротики, закаленные на огне. Рыбу они поджаривают в печах, но большей частью едят в сыром виде. Ловят рыбу сетями из пальмового лыка.

Над областью ихтиофагов находится Гедросия — страна менее знойная, чем Индия, но жарче остальной Азии. Плодов и воды в ней недостаточно (исключая летнее время), и вообще она немногим лучше страны ихтиофагов. Зато в Гедросии в изобилии растут душистые коренья, в особенности нард и мирра, так что войско Александра в походе пользовалось этими растениями для покрытия палаток и подстилок, вместе с тем наслаждаясь приятным запахом и дыша более здоровым воздухом. Возвращение из Индии войска произошло нарочно летом, так как в эту пору в Гедросии идут дожди и реки и водоемы наполняются водой; напротив, зимой они иссякают. Дожди выпадают в верхних северных частях страны и вблизи гор. Когда реки наполняются водой, то орошаются и равнины близ моря и в водоемах появляется много воды. Царь выслал вперед в пустыню людей копать колодцы и готовить стоянки для него и для флота.

Разделив силы на 3 части, Александр с одной частью выступил через Гедросию. При этом он держался на расстоянии самое большее 500 стадий от моря, для того чтобы одновременно дать флоту возможность использовать побережье. Нередко Александру приходилось подходить близко к морю, хотя берега были труднопроходимы и скалисты. Вто-

рую часть войска он выслал вперед под начальством Кратера через внутреннюю область, который вместе с тем должен был подчинить Ариану, а также заранее прибыть в то же место, куда направлялся и Александр. Флот Александр отдал под начальство Неарха и Онесикрита, главного кормчего, с приказанием выбрать подходящие места для стоянок и затем следовать за войском, плывя вдоль берега параллельно линии его пути.

Кроме того, по словам Неарха, когда царь уже заканчивал свой переход, сам он начал плавание осенью во время восхода Плеяд на западе. Ветры были еще неблагоприятны, и варвары напали на македонян, пытаясь их изгнать. Ведь с уходом царя, продолжает Неарх, варвары ободрились, обретя свободу действий. Кратер же, выступив от Гидаспа, двинулся через область арахотов и дрангов в Карманию. Много бед пришлось вытерпеть Александру на всем протяжении своего перехода, так как он шел через скудную область. Продовольствие поставлялось издалека в скудном количестве и через большие промежутки времени, поэтому войско терпело голод. Вьючные животные пали, а груз пришлось бросить на дорогах или оставить в лагере. Спасли войско финиковые пальмы: воины ели не только плоды, но и «капусту» пальм. Впрочем, как говорят, Александр заранее представлял себе трудности похода. Он возымел, однако, честолюбивый замысел (ввиду господствующего мнения о том, что Семирамида спаслась бегством из Индии приблизительно с 20 человеками, а Кир — только с 7 человеками), не удастся ли ему преодолеть также и эти затруднения и благополучно провести такое большое войско через ту же страну.

Помимо бедности страны, большие мучения доставляли также зной и глубокий раскаленный песок; в некоторых местах попадались настолько высокие песчаные холмы, что воины не только с трудом передвигались, вытаскивая ноги словно из ямы, но им приходилось то подниматься, то спускаться. В силу необходимости, ради [поисков] колодцев, они делали длинные переходы в 600 стадий, двигаясь главным образом ночью. Однако лагерь разбивали вдали от колодцев, нередко в 30 стадиях, чтобы воины, утоляя жажду, не пили слишком много воды. В самом деле, многие из них

в полном вооружении бросались в колодцы и начинали пить воду, захлебываясь, словно утопающие. Затем они выпускали дух, а мертвые тела вздувались и плавали на поверхности, портя и без того мелкие колодцы. Другие воины, истомленные жаждой, ложились посреди дороги под палящими лучами солнца и, охваченные трепетом и с дрожью в руках и ногах, умирали как бы от лихорадочного озноба. Некоторые, случайно сбившись с дороги, засыпали, уступая сну и усталости. Другие отставали и погибали, заблудившись среди дорог и от недостатка всего необходимого и от жары; иные, впрочем, благополучно преодолели многочисленные бедствия. Много людей и снаряжения погибло в волнах горного потока, который внезапно обрушился ночью, причем было уничтожено много царского снаряжения. Когда проводники однажды по незнакомству с местностью столь далеко уклонились внутрь страны, что потеряли море из виду, царь заметил ошибку и тотчас же послал на поиски берега. Когда он нашел берег и, вырыв колодец, увидел питьевую воду, он послал за войском и потом 7 дней шел вблизи берега, обильно обеспеченный водой. Затем он повернул снова во внутреннюю часть страны.

Там попадалось растение вроде лавра, отведав которое вьючные животные погибали с пеной у рта в припадке эпилепсии. Встречалось также колючее растение, плоды которого, рассыпанные по земле, как огурцы, были наполнены соком. Капли этого сока, попав в глаз живого существа, ослепляли его. Много людей погибало, употребляя в пищу незрелые финики. Опасность грозила от змей. На песчаных холмах росла трава, в которой незаметно скрывались змеи: укушенные ими умирали. По рассказам, в стране оритов жители намазывали деревянные, закаленные на огне стрелы смертельным ядом. Когда раненому такой стрелой Птолемею грозила смертельная опасность, Александру явился некто во сне и указал корень вместе со стеблем; этот корень он приказал Александру растереть и приложить к ране. Проснувшись, Александр вспомнил видение, стал искать и нашел корень, росший в изобилии; затем корень этот стали применять и сам царь и другие. Когда варвары увидели, что лечебное средство найдено, то подчинились царю. Вероятно, кто-то, кому было известно это средство, сообщил ца-

рю, а сказочные подробности были присочинены ради лести царю. Прибыв в царскую резиденцию гедросиев на шестидесятый день пути от страны оритов, Александр дал войску краткий отдых и затем двинулся в Карманию.

Таково приблизительно географическое положение южной стороны Арианы на побережье и областей гедросиев и оритов, которые расположены непосредственно над побережьем. Ариана — обширная область, и даже Гедросия простирается в глубь страны вплоть до земли дрангов, арахотов и паропамисадов, о которых Эратосфен сообщает следующее (ведь я не могу дать никакого лучшего описания этих стран). По его словам, Ариана на востоке ограничена Индом, на юге — Великим Морем, на севере — горой Паропамисом и следующими за ним горами вплоть до Каспийских Ворот; границей ее западных частей являются те же самые горы, которые отделяют Парфию от Индии и Карманию от Паретакены и Персиды. Ширина страны — это длина Инда от Паропамиса до его устьев, т. е. 12 000 стадий (а по другим — 13 000); длина ее от Каспийских Ворот, как это изложено в «Списке азиатских дорожных станций», указывается двояко: до Александрии в стране ариев, от Каспийских Ворот через область парфян идет одна и та же дорога; затем отсюда проходит по прямой одна дорога через Бактриану и горный проход на Ортоспаны до перекрестка трех дорог от Бактр — города, который находится в области паропамисадов; другая дорога слегка отклоняется к югу от Арии к Профтасии в Дрангиане; остальная ее часть ведет назад до границ Индии и до Инда. Таким образом, эта дорога через области дрангов и арахотов длиннее; вся ее длина — 15 300 стадий. Если отнять от этого числа 1300 стадий, то получим как остаток длину страны по прямой линии — 14 000 стадий. Длина береговой линии немногим меньше, хотя некоторые писатели преувеличивают ее общую длину, прибавляя к 10 000 стадий Карманию протяжением в 6000 стадий. Ведь они, очевидно, считают эту длину, включая заливы, или вместе с частью карманского побережья внутри Персидского залива. Впрочем, название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части стран бактрийцев и согдийцев. Ведь эти народности говорят почти на одном языке, только с незначительными отступлениями.

Географическое распределение народностей следующее: по течению Инда живут паропамисады, над которыми возвышается гора Паропамис; далее на юг — арахоты, еще дальше к югу — гедросены вместе с прочими племенами, занимающими побережье, Инд течет вдоль всех областей этих племен, вдоль широты этих местностей. Некоторыми из этих областей, частично расположенными вдоль Инда и ранее принадлежавшими персам, владеют индийцы. Александр отнял эти земли у арианов и основал там собственные поселения, но Селевк Никатор отдал их Сандрокошту; он заключил с последним соглашение о взаимных браках и получил в обмен 300 слонов. На западе вдоль страны паропамисадов обитают арии, а вдоль земель арахотов и гедросиев — дранги. Арии живут вдоль страны дрангов на севере и на западе, почти что окружая небольшую часть их области. Бактриана же расположена к северу вдоль Арии и страны паропамисадов; в этой области Александр перевалил через Кавказ, направляясь к Бактрии. На западе непосредственно за ариями живут парфяне и лежит область Каспийских Ворот. К югу от этих областей находится пустыня Кармании, а затем идут остальные части Кармании и Гедросия.

Сообщения об упомянутой горной стране стали бы более понятны, если бы мы подробно проследили путь, которым Александр шел на Бактрию из Парфянской области, преследуя Бесса. Ведь сначала он прибыл в Ариану, затем в землю дрангов, где велел казнить сына Пармениона, Филоту, изобличенного в заговоре. Александр послал также нескольких человек в Экбатаны с приказанием убить отца Филоты как соучастника в заговоре. Посланные, как сообщают, прошли на дромадерах 30- или 40-дневный путь в 11 дней и выполнили поручение. Дранги по образу жизни, впрочем, подражают персам, но терпят недостаток в вине; в их стране встречается олово. Затем из области дрангов Александр прибыл к еверготам (которые получили это имя от Кира) и к арахотам. Потом при заходе Плеяды он прошел через страну паропамисадов. Последняя гориста и в это время года покрыта снегом, так что путь был труден. Тем не менее там было множество селений, богатых всякими про-

Селевк Никатор

Римская копия из Геркуланума по эллинистическому оригиналу. Бронза. 305—300 гг. до н. э.

дуктами, кроме оливкового масла; их жители принимали воинов и облегчали их невзгоды. Слева возвышались горные вершины. Южные части горы Паропамиса относятся к Индии и Ариане, что же касается северных, то те, что к западу, принадлежат бактрийцам, а те, что к востоку, — варварам, [граничащим с] бактрийцами. Александр провел там зиму, имея над собой справа Индию, и основал город; затем он прошел через вершину горы в Бактриану по путям среди местности, лишенной растительности, за исключением редких теребинтовых деревьев, росших в виде кустарника. Пищи настолько не хватало, что приходилось есть мясо выючных животных, притом еще в сыром виде из-за отсутствия дров. При употреблении в пищу сырого мяса средством, помогающим сварению, служил сильфий, в изобилии растущий [в тех мес-

тах]. Спустя 15 дней после основания города Александр оставил свой зимний лагерь и прибыл в Адрапсу, город в Бактриане.

Где-то в этих частях страны, соседней с Индией, находится Хаарена. Из всех областей, подвластных парфянам, эта местность ближе всего к Индии. Она отстоит от Арианы (через страну арахотов и вышеупомянутую горную страну) на 9 или 10 тысяч стадий. Кратер прошел через эту область, подчиняя непокорных жителей и торопясь кратчайшим путем на соединение с царем; и в самом деле, приблизительно одновременно обе части войска соединились в Кармании. Немного спустя прибыл Неарх со своим флотом в Персидский залив, испытав много бед во время блужданий, перенеся лишения и опасности от огромных морских чудовищ.

Впрочем, вероятно, эти мореплаватели многое преувеличивали; тем не менее рассказы этих людей ясно показывают перенесенные страдания, так как в них больше страха перед несчастьем, чем реальной опасности беды. Более всего они страшились огромных кашалотов, которые из своих головных отверстий извергали такие сильные струи воды и облака водяной пыли, что мореплаватели даже не различали предметов под ногами. Лоцманы кораблей сообщили перепуганным воинам, не заметившим причины этого явления, что его производят животные; последние, по их словам, быстро рассеются, услышав трубные звуки и шум. Поэтому Неарх, пугая животных шумом весел, направил свою эскадру туда, где они мешали проходу, и вместе с тем устрашал кашалотов трубными звуками. Кашалоты сначала уходили под воду, а затем снова появлялись за кормой, так что получалась картина морского сражения. Впрочем, они сразу же рассеялись.

Те, кто в наше время плавал в Индию, говорят о величине этих животных и об их появлении; однако они сообщают, что кашалоты не нападают большими стаями, но шум и трубные звуки их отгоняют и заставляют рассеиваться. По их словам, кашалоты не подходят близко к берегу, однако волны легко выбрасывают на берег лишние мясные кости мертвых животных, доставляя ихтиофагам упомянутый выше материал для постройки хижин. По определению Неар-

ха, величина китов 23 оргии. Он говорит, что установил ложность рассказа, который пользовался довольно большим доверием у матросов его флота: матросы верили, что на их пути лежит какой-то остров и что причалившие к нему люди исчезают. Действительно, продолжает Непарх, какое-то легкое судно подошло к этому острову, и его уже больше не видели; на розыски было послано несколько человек, которые обогнули остров, но не решились высадиться, а только криком вызывали исчезнувших там людей; когда никто не отозвался, они вернулись назад. Хотя все считали остров причиной исчезновения этих людей, тем не менее Непарх, по его словам, сам поплыл туда, причалил к нему, высадился с частью своих спутников и обошел остров. Но так как он не нашел даже и следа разыскиваемых, он отказался от дальнейших поисков. По возвращении он сообщил матросам, что остров напрасно считают причиной исчезновения людей (ведь иначе как его самого, так и высадившихся вместе с ним спутников постигла бы та же печальная участь), но что судно погибло каким-нибудь другим образом, так как возможны тысячи разных причин.

Перевод Г. А. Стратановского

ТИТ ЛИВИЙ

59 г. до н. э. — 17 г. н. э.

Жизнь

Тит Ливий родился в итальянском городе Патавия (совр. Падуя), расположенном на севере Италии в области венов.

Ливий происходил, по всей вероятности, из богатой семьи и получил тщательное риторическое и философское образование.

Около 31 г. до н. э. он переселился в Рим. В последующие годы был близок ко двору императора Августа.

К концу 30-х годов Ливий в Риме — вполне устроенный семейный человек. У историка было по крайней мере два сына (младший известен как автор сочинений по географии) и дочь (зять — Луций Магий, упоминается у Сенеки).

Уцелевшее во всех конфискациях и проскрипциях состояние давало возможность полностью погрузиться в ученые занятия.

Ливий писал философские диалоги и сочинения по риторике.

В отличие от многих своих предшественников он не принимал участия ни в политической жизни, ни в военных действиях.

Примерно с 27 г. до н. э. он отдался работе над исторической эпопеей.

Литературный труд поглощал Ливия целиком.

В 14 г. н. э. он вернулся в родную Патавию, где продолжал работать до последнего вздоха, написал двадцать две книги.

Эпопея, созданная им, авторского названия не имела и составляла труд объемом в сто сорок две книги.

Скончался Т. Ливий в 17 г. н. э., в четвертый год правления императора Тиберия в возрасте 76 лет.

Судьба

Жизнь Ливия производит впечатление кабинетной, мало связанной с пульсом времени. «У историка Рима нет истории», — писал в XIX веке автор одной из первых научных монографий об историке. Однако в его жизни были особенности, заставляющие не доверять подобному впечатлению.

Первая из них связана с родиной Ливия — Патавией. Происхождение из Патавии ассоциировалось с нравственной чистотой. В проскрипциях триумвиратов гибли тысячи людей. В Патавии в эти годы проживало 500 всадников, больше, чем в любом городе Италии, кроме Рима, но гражданские войны не пробудили здесь проскрипционных страстей и жажды шального преступного обогащения.

В 41 г. до н. э. легат Асиний Поклион во главе армии подошел к Патавии, потребовал денег и оружия и получил отказ от старейшин города. Тогда он «обратился через их голову к рабам, обещав им свободу и вознаграждение за донос на господ. Но рабы не последовали этому призыву, предпочтя верность господам свободе».

Город с такими нравами не мог сочувствовать политике принципсов.

Т. Ливий сформировался в этой атмосфере, она не могла не сказаться на его творчестве, как бы ни старался он держаться в стороне от политики.

Император Август, хотя и в шутку, назвал Ливия «помпеем».

Вторая особенность биографии Ливия — его близость к императору Августу. Светоний в биографии императора Клавдия говорит, что последний много занимался историей, обратившись к ней по совету Ливия: Клавдий, в то время еще подросток, жил в императорском дворце, на Палатине, и, значит, историк был близок не только с Августом, но и с его семьей.

Близость эта существенна для понимания авторского замысла и общего характера «Истории Рима от основания Города». Благодаря ей коренное противоречие, которое лежало в основе принципата, — противоречие между принципатом как воссозданной древней республикой Рима и принципатом как прологом к космополитической монархии, — оказалось перенесенным внутрь созданной Ливием эпопеи.

Но чем настойчивей требовал Август, чтобы поэты и историки, им пестуемые, работали на эстетизацию и возвеличивание единодержавия, тем больше отодвигался вдаль от идеала старореспубликанский Рим, который вызывал у больших художников, его окружавших, искренний патриотизм и поэтическое одушевление.

Тит Ливий полагал, что изучение истории может помочь исправлению нравов. Он восхваляет легендарных героев римской республики, жертвующих своей жизнью за родину.

Ритор и писатель, Тит Ливий не исследует римскую историю, а излагает ее. Стройность и занимательность стоят у него на переднем плане. Решающее значение имеет моральный критерий, а следовательно, возможность развернуть ораторский и художественный талант.

Большую роль в произведениях Ливия играют речи и характеристики. Речь действующих лиц составляют наиболее блестящие в художественном отношении страницы его труда.

Современники и последующие поколения видели в труде

**Октавиан,
будущий император Август**

Ливия образец исторического произведения, а в самом авторе — «римского Геродота».

Ливия знали не только в столице, но и на отдаленных окраинах империи. Рассказывали, будто один почитатель его таланта приехал в Рим из Гадеса (Кадис в Испании) с единственной целью — увидеть Ливия.

Император Август был его покровителем и даже другом. Но уже через двадцать лет после его смерти император Калигула приказал изъять все написанное Ливием из общественных библиотек — за утомительное многословие и небрежное отношение к фактам.

Еще строже судили Ливия христианские государи: римский папа Григорий I (VI век) предал его труд сожжению за «идольские суеверия», которыми он пропитан.

Вполне возможно, что эти гонения помогли пропасть многим декадам труда.

Ливия любил Тацит, использовали Валерий Максим, Флор, Плутарх, Дион Кассий и др. Очень популярен был Т. Ливий в эпоху Возрождения, новые времена относились к нему по-разному: подобно Калигуле, упрекали его в многословии и напыщенности, в исторических небрежностях. В прошлом веке восхищались красотой его слога и вдальблывали на школьной скамье любому гимназисту. В наш век, когда латынь вышла из моды окончательно, его почти не помнят и знают только понаслышке.

Писатель и художник заслоняет в Ливии ученого, но это не значит, что его труд не имеет значения для науки. Часто Ливий оказывается единственным источником наших знаний о событиях прошлого. Марк Туллий Цицерон называл историю «свидетельницей времен, светочем истины, живой жизнью памяти, наставницей жизни».

Так же смотрел на историю и Ливий.

Август

Деталь статуи. Мрамор. Начало I в. до н. э.

Труды

Основной труд Ливия — огромное историческое повествование (142 книги), которое обычно озаглавливают «История от основания Рима».

До нас дошли полностью 35 книг и фрагменты остальных. Для всех книг (кроме 136-й и 137-й) существуют короткие перечни содержания (неизвестно кем и когда составленные).

Хронологические рамки труда Ливия таковы: от времен мифических, от высадки Энея в Италии, до смерти Друза в 9 г. н. э.

Ливия, жена Августа

Из Помпей. Мрамор, раскраска. Конец I в. до н. э.

О популярности труда свидетельствует факт составления краткого перечня содержания. Существовали и сокращенные издания огромного произведения (об этом упоминает Марциан). Еще в древности исторический труд Тита Ливия стал каноническим и лег в основу представления о прошлом родного города и государства, которое получал всякий образованный римлянин.

В сохранившихся тридцати пяти книгах содержится 407 речей. Сохранилась целиком первая декада (с древнейших времен до 293 г. до н. э.), третья, четвертая и половина пятой (218—168 гг. до н. э.).

Ливия читают без малого две тысячи лет — римские императоры и итальянские гуманисты, герои-революционеры и университетские профессора.

**Эней несет
своего отца**

*С картины
Леонелло Спады*

В Риме в век Ливия от истории ждали и требовали того же воздействия на чувства, какое оказывает поэзия.

Так и будем судить о Тите Ливии из Патавии, летописце римского народа, — как о волшебнике слова и зорком наблюдателе человеческой души. Не мнением о достоверности прочитанных книг делится Ливий с читателем, а чувствами и переживаниями.

Произведя общую перепись и тем покончив с цензом (для ускорения этого дела был издан закон об уклонившихся, который грозил им оковами и смертью), Сервий Туллий объявил, что все римские граждане, всадники и пехотинцы, каждый в составе своей центурии, должны явиться с рассветом на Марсово поле. Там, выстроив все войско, он при-

Друз

нес за него очистительную жертву — борова, барана и быка.

Этот обряд был назван «свершением очищения», потому что им завершался ценз. Передают, что в тот раз переписано было восемьдесят тысяч граждан; древнейший историк Фабий Пиктор добавляет, что таково было число способных носить оружие. Поскольку людей стало так много, показалось нужным увеличить и город. Сервий присоединяет к нему два холма, Квиринал и Виминал, затем переходит к расширению Эсквилинского округа, где поселяется и сам, чтобы внушить

уважение к этому месту. Город он обвел валом, рвом и стеной, раздвинув таким образом померий. Померий, согласно толкованию тех, кто смотрит лишь на буквальное значение слова, это полоса земли за стеной, скорее, однако, по обе стороны стены. Некогда этруски, основывая города, освящали птицегаданьем пространство по обе стороны намеченной ими границы, чтобы изнутри к стене не примыкали здания (теперь, напротив, это повсюду вошло в обычай), а снаружи полоса земли не обрабатывалась человеком. Этот промежуток, заселять или запахивать который считалось кощунством, и называется у римлян померием — как потому, что он за стеной, так и потому, что стена за ним. И всегда при расширении города насколько выносятся вперед стена, настолько же раздвигаются эти освященные границы.

Усилив государство расширением города, упорядочив все внутренние дела для надобностей и войны и мира, Сервий Туллий — чтобы не одним оружием приобреталось могущество — попытался расширить державу силой своего разума, но так, чтобы это послужило и к украшению Рима. В те времена уже славился храм Дианы Эфесской, который, как передавала молва, сообща возвели государства Азии. Беседуя со знатнейшими латинянами, с которыми он забот-

ливо поддерживал государственные и частные связи гостеприимства и дружбы, Сервий всячески расхваливал такое согласие и совместное служение богам. Часто возвращаясь к тому же разговору, он наконец добился, чтобы латинские народы сообща с римскими соорудили в Риме храм Дианы. Это было признание Рима главою, о чем и шел спор, который столько раз пытались решить оружием. Но, хотя казалось, что все латиняне, столько раз без удачи испытав дело оружием, уже и думать о том забыли, один сабинянин решил, будто ему открывается случай, действуя в одиночку, восстановить превосходство сабинян. Рассказывают, что в земле сабинян в хозяйстве какого-то отца семейства родилась телка удивительной величины и вида; ее рога, висевшие много веков в преддверии храма Дианы, оставались памятником этого дива. Такое событие сочли — как оно и было в действительности — чудесным предзнаменованием, и прорицатели возвестили, что за тем городом, чей гражданин принесет эту телку в жертву Диане, и будет превосходство. Это предсказание дошло до слуха жреца храма Дианы, а сабинянин в первый же день, какой он счел подходящим для жертвоприношения, привел телку к храму Дианы и поставил перед алтарем. Тут жрец-римлянин, опознав по размерам это жертвенное животное, о котором было столько разговоров, и держа в памяти слова предсказателей, обращается к сабинянину с такими словами: «Что же ты, чужеземец, нечистым собираешься принести жертву Диане? Неужели ты сперва не омоешься в проточной воде? На дне долины протекает Тибр». Чужеземец, смущенный сомнением, желая исполнить все, как положено, чтобы исход дела отвечал предзнаменованию, тут же спустился к Тибру. Тем временем римлянин принес телку в жертву Диане. Этим он весьма угодил и царю и согражданам.

Сервий уже на деле обладал несомненною царскою властью, но слуха его порой достигала чванная болтовня молодого Тарквиния, что, мол, без избрания народного царствует Сервий, и он, сперва угодив простому люду подушным разделом захваченной у врагов земли, решился запросить народ: желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал. Сервий был провозглашен царем столь единодушно, как, пожалуй, никто до него. Но и это не умалило

надежд Тарквиния на царскую власть. Напротив, понимая, что землю плебейам раздадут вопреки желаниям отцов, он счел, что получил повод еще усерднее чернить Сервия перед отцами, усиливая тем свое влияние в курии. Он и сам по молодости лет был горяч, и жена, Туллия, растревляла беспокойную его душу. Так и римский царский дом, подобно другим, явил пример достойного трагедии злодеяния, чтобы опостылели цари и скорее пришла свобода и чтобы последним оказалось царствование, которому предстояло родиться от преступления.

У этого Луция Тарквиния (приходился ли он Тарквинию Древнему сыном или внуком, разобрать нелегко; я, следуя большинству писателей, буду называть его сыном) был брат Аррунт Тарквиний, юноша от природы кроткий. Замужем за двумя братьями были, как уже говорилось, две Туллии, царские дочери, складом тоже совсем не похожие друг на друга. Вышло так, что два крутых нрава в браке не соединились — по счастливой, как я полагаю, участи римского народа, — дабы продолжительней было царствование Сервия и успели сложиться обычаи государства. Туллия-свирепая тяготилась тем, что не было в ее муже никакой страсти, никакой дерзости. Вся устремившись к другому Тарквинию, им восхищается она, его называет настоящим мужчиной и порождением царской крови, презирает сестру за то, что та, получив настоящего мужа, не равна ему женской отвагой. Сродство душ способствует быстрому сближению — как водится, зло злу под стать, — но зачинщицею всеобщей смуты становится женщина. Привыкнув к уединенным беседам с чужим мужем, она самую последнею бранью поносит своего супруга перед его братом, свою сестру перед ее супругом. Да лучше бы, твердит она, и ей быть вдовой, и ему безбрачным, чем связываться с неровней, чтобы увядать от чужого малодушия. Дали б ей боги такого мужа, какого она заслужила, — скоро, скоро у себя в доме увидела бы она ту царскую власть, которую видит сейчас в доме отца. Быстро заражает она юношу своим безрассудством. Освободив двумя сряду похоронами дома свои для нового супружества, они сочетаются браком, скорее без запрещения, чем с одобрения Сервия.

С каждым днем теперь сильнее опасность, нависшая над

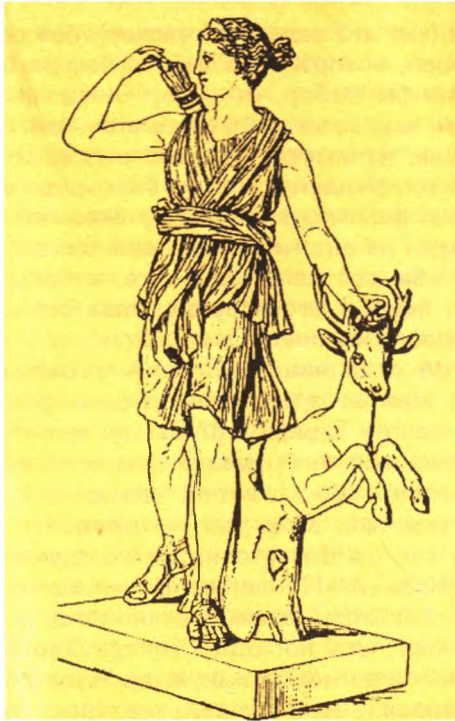

Военная форма центуриона

старостью Сервия, над его царской властью, потому что Туллия уже устремляется от преступления к новому преступлению и ни ночью, ни днем не дает мужу покоя, чтобы не оказались напрасными прежние кощунственные убийства. Не мужа, говорит она, ей не доставало, чтобы зваться супругою, не сотовариша по рабству и немой покорности — нет, ей не хватало того, кто считал бы себя достойным царства, кто помнил бы, что он сын Тарквиния Древнего, кто предпочел бы власть ожиданиям власти. «Если ты тот, за кого, думалось мне, я выхожу замуж, то я готова тебя назвать и мужчиною и царем, если же нет, то к худшему свершилась для меня перемена: ведь теперь я не за трусом только, но и за преступником. Очнись же! Не из Коринфа, не

из Тарквиний, как твоему отцу, идти тебе добывать царство в чужой земле: сами боги, отеческие пенаты, отцовский образ, царский дом, царский трон в доме, имя Тарквиния — все призывает тебя, все возводит на царство. А если духа недостает, чего ради морочишь ты город? Чего ради позволяешь смотреть на себя как на царского сына? Прочь отсюда в Тарквинию или в Коринф! Возвращайся туда, откуда вышел, больше похожий на брата, чем на отца!» Такими и другими попреками подстрекает Туллия юношу, да и сама не может найти покоя, покуда она, царский отпрыск, не властна давать и отбирать царство, тогда как у Танаквили, чужестранки, достало силы духа сделать царем мужа и вслед за тем зятя.

Подстрекаемый неистовой женщиной, Тарквиний обходит сенаторов (особенно из младших родов), хватает их за ру-

Диана с ланью

С античной статуи

ки, напоминает об отцовских благодеяниях и требует воздаяния, юношей приманивает подарками. Тут давая непомерные обещания, там возводя всяческие обвинения на царя, Тарквиний повсюду усиливает свое влияние. Убедившись наконец, что пора действовать, он с отрядом вооруженных ворвался на Форум. Всех объял ужас, а он, усевшись в царское кресло перед курией, велел через глашатая созывать отцов в курию, к царю Тарквинию. И они тотчас сошлись, одни уже заранее к тому подготовленные, другие — не смея ослушаться, потрясенные чудовишной новостью и решив вдобавок, что с Сервием уже покончено. Тут Тарквиний принялся порочить Сервия от самого его корня: раб, рабыней рожденный, он получил царство после ужасной смерти Тарквиниева отца — получил без объявления

междоусобицы (как это делалось прежде), без созыва собрания, не от народа, который его избрал бы, не от отцов, которые утвердили бы выбор, но в дар от женщины. Вот как он рожден, вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. Отторгнув землю знатных, ненавидя чужое благородство, разделил между всяческой рванью, а бремя повинностей, некогда общее всем, взвалил на знатнейших людей государства; он учредил ценз, чтобы состояния тех, кто побогаче, были открыты зависти, были к его услугам, едва он захочет показать свою щедрость нищим.

Во время этой речи явился Сервий, вызванный тревожной вестью, и еще из преддверия курии громко воскликнул: «Что это значит, Тарквиний? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?» Тарквиний грубо ответил, что занял кресло своего отца, что царский сын, а не раб, — прямой наследник царю, что раб и так уж достаточно долго глумился над собственными господами. Приверженцы каждого поднимают крик, в курию сбегается народ, и становится ясно, что царствовать будет тот, кто победит. Теперь Тарквиний уже и самой силой необходимости вынужден идти до конца. Будучи и много моложе, и много сильнее, он схватывает Сервия в охапку, выносит из курии и сбрасывает с лестницы, потом возвращается в курию к сенату. Царские прислужники и провожатые обращаются в бегство, а сам Сервий, потеряв много крови, едва живой, без провожатых пытается добраться домой, но по пути гибнет под ударами преследователей, которых Тарквиний послал вдогонку за беглецом. Считают, памятуя о прочих злодеяниях Туллии, что и это было совершено по ее наущению. Во всяком случае, достоверно известно, что она въехала на колеснице в Форум и, не оробев среди толпы мужчин, вызвала мужа из курии и первая назвала его царем. Тарквиний отослал ее прочь из беспокойного скопища; добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы, где незадолго до наших дней стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. Тут, по

преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют «Проклятой улицей», Туллия, обезумевшая, гонимая фуриями-отмстительницами сестры и мужа, как рассказывают, погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным. Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец.

Сервий Туллий царствовал сорок четыре года и так, что даже доброму и умеренному преемнику нелегко было бы с ним тягаться. Но слава его еще возросла, оттого что с ним вместе убита была законная и справедливая царская власть. Впрочем, даже и эту власть, такую мягкую и умеренную, Сервий, как пишут некоторые, имел в мыслях сложить, поскольку она была единоличной, и лишь зародившееся в недрах семьи преступление воспрепятствовало ему исполнить свой замысел и освободить отечество.

И вот началось царствование Луция Тарквиния, которому его поступки принесли прозвание Гордого: он не дал похоронить своего тестя, твердя, что Ромул исчез тоже без погребения; он перебил знатнейших среди отцов, в уверенности, что те одобряли дело Сервия; далее, понимая, что сам подал пример преступного похищения власти, который может быть усвоен его противниками, он окружил себя телохранителями; и так как, кроме силы, не было у него никакого права на царство, то и царствовал он, не избранный народом, не утвержденный сенатом. Вдобавок, как и всякому, кто не может рассчитывать на любовь сограждан, ему нужно было оградить свою власть страхом. А чтобы устрашенных было побольше, он разбираал уголовные дела единолично, ни с кем не советуясь, и потому получил возможность умерщвлять, высылать, лишать имущества не только людей подозрительных или неугодных ему, но и таких, в ком мог видеть разве добычу. Особенно поредел от этого сенат, и Тарквиний постановил никого не записывать в отцы, чтобы самую малочисленностью своей стало ничтожным их сословие и они поменьше бы возмущались тем, что все делается помимо них. Он был первым среди царей, кто уничтожил унаследованный от предшественников обычай

обо всем совещаться с сенатом, и распоряжался государством как собственным домом: сам — без народа и сената — с кем хотел, воевал и мирился, заключал и расторгал договоры и союзы. Сильнее всего он стремился расположить в свою пользу латинян, чтобы поддержка чужеземцев делала надежней его положение среди граждан, а потому старался связать латинских старейшин узами не только гостеприимства, но и свойства. Октавию Мамилию Тускуланцу — тот долгое время был главою латинян и происходил, если верить преданию, от Улисса и богини Кирки, — этому самому Мамилию отдал он в жены свою дочь, чем привлек к себе его многочисленных родственников и друзей.

Пользуясь уже немалым влиянием в кругу знатнейших латинян, Тарквиний назначает им день, чтобы собраться в роще Ферентины: есть общие дела, которые хотелось бы обсудить. Многолюдный сход собрался с рассветом, а сам Тарквиний явился хоть и в назначенный день, но почти на заходе солнца. Много разного успели собравшиеся наговорить там за полный день. Турн Гердоний из Ариции яростно нападал на отсутствующего Тарквиния. Неудивительно, мол, что в Риме его прозвали Гордым (прозвище это было уже у всех на устах, хоть и не произносилось вслух). Ну, не предел ли это гордыни — так глумиться над всем народом латинян? Первейшие люди подняты с мест, пришли издалика, а того, кто созвал их, самого-то и нет! Дело ясное, он испытывает их терпение, и если они пойдут под ярем, тут-то придавит покорствующих. Кому не понятно, что он рвется к владычеству над латинянами. Если с пользой для себя вверили ему сограждане власть или если вообще власть ему вверена, а не захвачена отцеубийством, то и латиняне должны бы ему довериться, не будь, правда, он чужаком. Но если не рады ему и свои — ведь один за другим они гибнут, уходят в изгнание, теряют имущество, — то что ж подает латинянам надежду на лучшее? Послушались бы его, Турна, и разошлись по домам, и не пеклись бы о соблюдении срока больше того, кто назначил собрание.

И это, и еще многое подобное говорил Турн, человек мятежный и злонамеренный, который и в родном городе вошел в силу, пользуясь такого же рода приемами. В самый разгар его разглагольствований появился Тарквиний. Тут

речь и кончилась — все повернулись приветствовать пришедшего. Наступило молчание, и Тарквиний по совету приближенных начал оправдываться: он-де опоздал оттого, что был приглашен разбирать дело между отцом и сыном: стараясь примирить их, он задержался, а так как потерял на том целый день, то уж завтра обсудит с ними дела, какие наметил. И опять, говорят, не сумел Турн смолчать и сказал, что ничего нет короче, чем разбор дела между отцом и сыном; тут и нескольких слов хватит: не покоришься отцу — хуже будет.

С этими словами недовольства арициец ушел из собрания. Тарквиний, задетый сильнее, чем могло показаться, тотчас начинает готовить ему гибель, чтобы и в латинян вселить тот же ужас, каким сковал души сограждан. И так как открыто умертвить Турна своею властью он не мог, то погубил его, облыжно обвинив в преступлении, в котором тот был неповинен. При посредстве каких-то арицийцев из числа противников Турна Тарквиний подкупил золотом его раба, чтобы получить возможность тайно внести в помещение, где Турн остановился, большую грудку мечей. Когда за одну ночь это было сделано, Тарквиний незадолго до рассвета, будто бы получив тревожную новость, вызвал к себе латинских старейшин и сказал им, что вчерашнее промедление было словно внушено ему неким божественным помыслом и оказалось спасительным и для него, и для них. Турн, как доносят, готовил гибель и ему, и старейшинам народов, чтобы забрать в свои руки единоличную власть над латинянами. Нападение должно было произойти вчера в собрании, отложить все пришлось потому, что отсутствовал устроитель собрания, а до него-то Турну особенно хотелось добраться. Потому и поносил он отсутствовавшего, что из-за промедления обманулся в надеждах. Если донос верен, можно не сомневаться, что Турн с рассветом, как только настанет время идти в собрание, явится туда при оружии и с шайкой заговорщиков: ведь к нему, говорят, снесено несметное множество мечей. Напраслина это или нет, узнать недолго. И Тарквиний просит всех, не откладывая, пойти вместе с ним к Турну.

Многое внушало подозрения — и свирепый нрав Турна, и вчерашняя его речь, и задержка Тарквиния, из-за которой, казалось, покушение могло быть отложено. Латиняне

идут, склонные поверить, но готовые, если мечи не найдутся, счесть и все прочее пустым наговором. Они входят, окружают разбуженного Турна стражею, схватывают рабов, которые из привязанности к господину стали было сопротивляться, и вот спрятанные мечи выволакиваются на свет отовсюду. Улика, всем кажется, налицо, Турна заковывают в цепи и, при всеобщем возбуждении, немедленно созывают собрание латинян. Выставленные на обозрение мечи вызвали злобу столь жестокою, что Турн не получил слова для оправдания и погиб неслыханной смертью: его погрузили в воду Ферентинского источника и утопили, накрыв корзиной и завалив камнями.

Потом Тарквиний вновь созвал латинян на сход и, похвалив их за то, что они по заслугам наказали Турна, гнусного убийцу, замышлявшего переворот и схваченного с поличным, внес следующее предложение: хотя он, Тарквиний, мог бы действовать, опираясь на старинные права, поскольку все латиняне происходят из Альбы и связаны тем договором, по которому со времен Тулла все государство альбанцев со всеми их поселениями перешло под власть римского народа, тем не менее он считает, что ради общей выгоды договор этот надо возобновить и что латинянам больше подобает разделять с римским народом его счастливую участь, нежели постоянно терпеть разрушение своих городов и разорение полей (как то было сперва в царствование Анка, затем при Тарквинии Древнем). Латиняне легко дали себя убедить, хотя договор предоставлял Риму превосходство. Впрочем, и начальники латинского народа, казалось, сочувствуют царю и стоят с ним заодно. Да и свеж был пример опасности, угрожавшей каждому, кто вздумал бы перечить. Так договор был возобновлен, и молодым латинянам было объявлено, чтобы они, как следует из этого договора, в назначенный день явились в рошу Ферентины при оружии и в полном составе. И когда все они, из всех племен, собрались по приказу римского царя, тот, чтобы не было у них ни своего вождя, ни отдельного командования, ни собственных знамен, составил смешанные манипулы из римлян и латинян, сводя воинов из двух прежних манипул в одну, а из одной разводя по двум. Сдвоив таким образом манипулы, Тарквиний назначил центурионов.

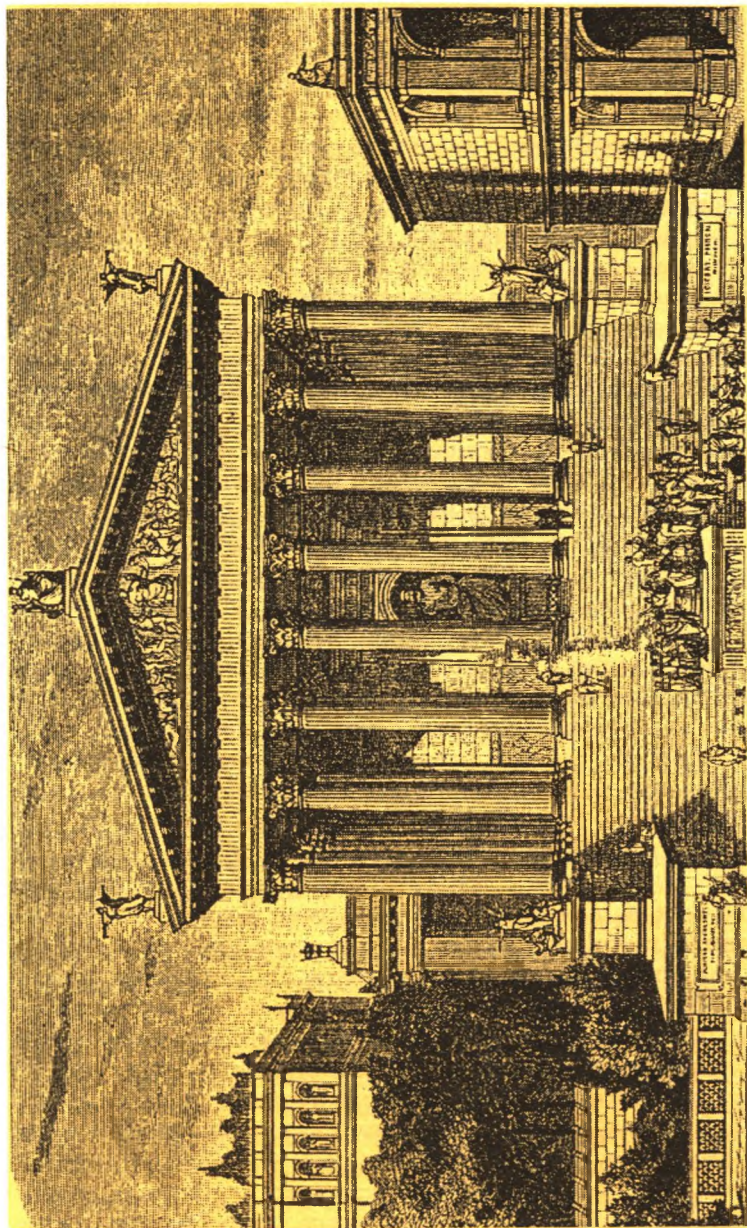
Насколько несправедлив был он как царь в мирное время, настолько небезрассуден как вождь во время войны; искусством вести войну он даже сравнился с предшествующими царями, если бы и здесь его славе не повредила испорченность во всем прочем. Он первый начал войну с вольсками, тянувшуюся после него еще более двухсот лет, и приступом взял у них Суессу Помецию. Получив от распродажи тамошней добычи сорок талантов серебра, он замыслил соорудить храм Юпитера, который великолепием своим был бы достоин царя богов и людей, достоин римской державы, достоин, наконец, величия самого места. Итак, эти деньги он отложил на построение храма.

Затем Тарквиния отвлекла война с близлежащим городом Габиями, подвигавшаяся медленнее, чем можно было рассчитывать. После безуспешной попытки взять город приступом, после того как он был отброшен от стен и даже на осаду не мог более возлагать никаких надежд, Тарквиний, совсем не по-римски, принялся действовать хитростью и обманом. Он притворился, будто, оставив мысль о войне, занялся лишь закладкою храма и другими работами в городе, и тут младший из трех его сыновей, Секст, перебежал, как было условлено, в Габии, жалуясь на непереносимую жестокость отца. Уже, говорил он, с чужих на своих обратилось самоуправство гордеца, уже многочисленность детей тяготит этого человека, который обезлюдил курию и хочет обезлюдить собственный дом, чтобы не оставлять никакого потомка, никакого наследника. Он, Секст, ускользнул из-под отцовских мечей и копий и нигде не почувствует себя в безопасности, кроме как у врагов Луция Тарквиния. Пусть не обольщаются в Габиях, война не кончена — Тарквиний оставил ее лишь притворно, чтобы при случае напасть врасплох. Если же нет у них места для тех, кто молит о защите, то ему, Сексту, придется пройти по всему Латию, а потом и у вольсков искать прибежища, и у эквов, и у герников, куда он наконец не доберется до племени, умеющего оборонить детей от жестоких и нечестивых отцов. А может быть, где-нибудь встретит он и желание поднять оружие на самого высокомерного из царей и самый свирепый из народов. Казалось, что Секст, если его не уважить, уйдет, разгневанный, дальше, и габийцы приняли его благосклонно. Нечего

удивляться, сказали они, если царь наконец и с детьми обошелся так же, как с гражданами, как с союзниками. На себя самого обратит он в конце концов свою ярость, если вокруг никого не останется. Что же до них, габийцев, то они рады приходу Секста и верят, что вскоре с его помощью война будет перенесена от габийских ворот к римским.

С этого времени Секста стали приглашать в совет. Там, во всем остальном соглашаясь со старыми габийцами, которые-де лучше знают свои дела, он беспрестанно предлагает открыть военные действия — в этом он, по его мнению, разбирается как раз хорошо, поскольку знает силы того и другого народа и понимает, что гордыня царя наверняка ненавистна и гражданам, если даже собственные дети не смогли ее вынести. Так Секст исподволь подбивал габийских старейшин возобновить войну, а сам с наиболее горячими юношами ходил за добычей и в набеги; всеми своими обманными словами и делами он возбуждал все большее — и пагубное — к себе доверие, покуда наконец не был избран военачальником. Народ не подозревал обмана, и когда стали происходить незначительные стычки между Римом и Габиями, в которых габийцы обычно одерживали верх, то и знать и чернь наперерыв стали изъявлять уверенность, что богами в дар послан им такой вождь. Да и у воинов он, деля с ними опасности и труды, щедро раздавая добычу, пользовался такой любовью, что Тарквиний-отец был в Риме не могущественнее, чем сын в Габиях.

И вот, лишь только сочли, что собрано уже достаточно сил для любого начинания, Секст посылает одного из своих людей в Рим, к отцу, — разузнать, каких тот от него хотел бы действий, раз уже боги дали ему неограниченную власть в Габиях. Не вполне доверяя, думается мне, этому вестнику, царь на словах никакого ответа не дал, но, как будто прикидывая в уме, прошел, сопровождаемый вестником, в садик при доме и там, как передают, расхаживал в молчании, сшибая палкой головки самых высоких маков. Вестник, уставши спрашивать и ожидать ответа, возвратился в Габии, бросив, как ему казалось, дело на половине, и доложил обо всем, что говорил сам и что увидел: из-за гнева ли, из-за ненависти или из-за природной гордыни не сказал ему царь ни слова. Тогда Секст, которому в молчали-

Храм Юпитера в Риме

вом намеке открылось, чего хочет и что приказывает ему отец, истребил старейшин государства. Одних он погубил, обвинив пред народом, других — воспользовавшись уже окружавшей их ненавистью. Многие убиты были открыто, иные — те, против кого он не мог выдвинуть правдоподобных обвинений, — тайно. Некоторым открыта была возможность к добровольному бегству, некоторые были изгнаны, а имущество покинувших город, равно как и убитых, сразу назначалось к разделу. Следуют щедрые подачки, богатая пожива, и вот уже сладкая возможность урвать для себя отнимает способность чувствовать общие беды, так что в конце концов осиротевшее, лишившееся совета и поддержки Габийское государство было без всякого сопротивления предано в руки римского царя.

Овладев Габиями, Тарквиний заключил мир с эквами и возобновил договор с этрусками. После этого он обратился к городским делам, первым из которых было оставить по себе на Тарпейской горе памятник своему царствованию и имени — храм Юпитера, воздвигнутый попечением обоих Тарквиниев: обещал отец, выполнил сын. И чтобы отведенный участок был свободен от святынь других богов и всецело принадлежал Юпитеру и его строившемуся храму, царь постановил снять освящение с нескольких храмов и жертвенников, находившихся там со времен царя Тация, который даровал их богам и освятил во исполнение обета, данного им в опаснейший миг битвы с Ромулом. Рассказывают, что при начале строительных работ божество обнаружило свою волю, возвестив будущую силу великой державы. А именно: хотя птицы дозволили снять освящение со всех жертвенников, для храма Термина они такого разрешения не дали. Предзнаменование истолковали так: то, что Термин, единственный из богов, остался не вызванным из посвященных ему рубежей и сохранил прежнее местопребывание, предвещает, что все будет и прочно и устойчиво. За этим предзнаменованием незыблемости государства последовало другое чудо, предрекавшее величие державы: при закладке храма, как рассказывают, землекопы нашли человеческую голову с невредимым лицом. Открывшееся зрелище ясно предвещало, что быть этому месту оплотом державы и главой мира — так объявили все прорицатели, и рим-

ские, и призванные из Этрурии, чтобы посоветоваться об этом деле. Царь становится все щедрей на расходы, и выручки от пометийской добычи, которая была назначена, чтобы поднять храм до кровли, едва достало на закладку основания. По этой причине, а не только потому, что Фабий более древний автор, я скорее поверил бы Фабию, по чьим словам денег было только сорок талантов, нежели Пизону, который пишет, что на это дело было отложено четырехста тысяч фунтов серебра — такие деньги немислимо было получить от добычи, захваченной в любом из тогдашних городов, и к тому же их с избытком хватило бы даже на нынешнее пышное сооружение.

Стремясь завершить строительство храма, для чего были призваны мастера со всей Этрурии, царь пользовался не только государственной казной, но и трудом рабочих из простого люда. Хотя этот труд, и сам по себе нелегкий, добавлялся к военной службе, все же простолюдины меньше тяготились тем, что своими руками сооружали храмы богов, нежели теми, на вид меньшими, но гораздо более трудными работами, на которые они потом были поставлены: устройством для зрителей мест в цирке и рытьем подземного Большого канала — стока, принимающего все нечистоты города. С двумя этими сооружениями едва ли сравнятся наши новые при всей их пышности. Покуда народ был занят такими работами, царь, считая, что многочисленная чернь, когда для нее не найдется уже применения, будет обременять город, и желая выводом поселений расширить пределы своей власти, вывел поселенцев в Сигнию и Цирцеи, чтобы защитить Рим с суши и с моря.

Среди этих занятий явилось страшное знамение: из деревянной колонны выползла змея. В испуге забегали люди по царскому дому, а самого царя зловещая примета не то чтобы поразила ужасом, но, скорее, вселила в него беспокойство. Для истолкования общественных знамений призывались только этрусские прорицатели, но это предвестье как будто бы относилось лишь к царскому дому, и встревоженный Тарквиний решил послать в Дельфы к самому прославленному на свете оракулу. Не смея доверить таблички с ответами никому другому, царь отправил в Грецию, через незнакомые в те времена земли и того менее знакомые мо-

ря, двоих своих сыновей. То были Тит и Аррунт. В спутники им был дан Луций Юний Брут, сын царской сестры Тарквинии, юноша, скрывавший природный ум под принятой личиной. В свое время, услышав, что виднейшие граждане, и среди них его брат, убиты дядею, он решил: пусть его нрав ничем царя не страшит, имущество — не соблазняет, презираемый — в безопасности, когда в праве нету защиты. С твердо обдуманном намерением он стал изображать глупца, предоставляя распоряжаться собой и своим имуществом царскому произволу, и даже принял прозвище Брута-Тупицы — чтобы под прикрытием этого прозвища сильный духом освободитель римского народа мог выжидать своего времени. Вот кого Тарквинии взяли тогда с собой в Дельфы, скорее посмешим, чем товарищем, а он, как рассказывают, понес в дар Аполлону золотой жезл, скрытый внутри полого рогового, — иносказательный образ собственного ума.

Когда юноши добрались до цели и исполнили отцовское поручение, им страстно захотелось выпросить у оракула, к кому же из них перейдет Римское царство. И дут, говорит предание, из глубины расселины прозвучало: «Верховную власть в Риме, о юноши, будет иметь тот из вас, кто первым поцелует мать». Чтобы не проведал об ответе и не заполучил власть оставшийся в Риме Секст, Тарквинии условились хранить строжайшую тайну, а между собой жребиею предоставили решить, кто из них, вернувшись, первым даст матери свой поцелуй. Брут же, который рассудил, что пифийский глас имеет иное значение, припал, будто бы оступившись, губами к земле — ведь она общая мать всем смертным. После того они возвратились в Рим, где шла усердная подготовка к войне против рутулов.

Рутулы, обитатели города Ардеи, были самым богатым в тех краях и по тем временам народом. Их богатство и стало причиной войны: царь очень хотел поправить собственные дела — ибо дорогостоящие общественные работы истошили казну — и смягчить добычею недовольство своих соотечественников, которые и так ненавидели его за всегдашнюю гордыню, а тут еще стали роптать, что царь так долго держит их на ремесленных и рабских работах. Попробовали, не удастся ли взять Ардеи сразу, приступом. По-

пытка не принесла успеха. Тогда, обложив город и обведя его укреплениями, приступили к осаде.

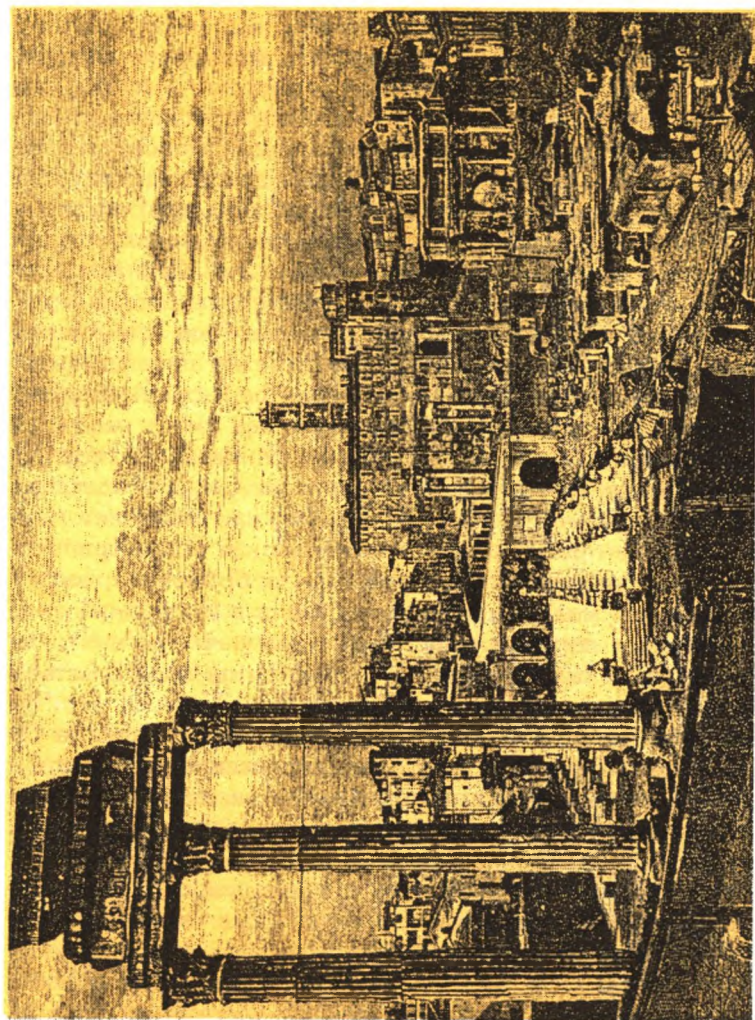
Здесь, в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попойках. Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, разговор заходит о женах, и каждый хвалит свою сверх меры. Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова — всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. «Отчего ж, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего». Подогретые вином, все в ответ: «Едем!» И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгушавшихся сумерках, они двинулись дальше в Коллацию, где позднею ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц, сидела она посреди покоя в кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией. Приехавшие муж и Тарквинии находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желание насильем обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. Но пока что, после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь.

Несколько дней спустя, втайне от Коллатина, Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллацию. Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами: после обеда его проводили в спальню для гостей, но едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом — грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, угова-

ривать, с мольбами мешает угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де мертвой в постель он подбросит, прирезав, нагого раба — пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел упоенный победой над женской честью. Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестника в Рим к отцу и в Ардеи к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин с Луцием Юнием Брутом — случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» — она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоём, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору — душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний — вот кто прошлой ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него — если вы мужчины — усладу». Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль — не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам, — отвечает она. — рассудить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни». Под

Юний Брут

Рим. Форум

одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко взывают к ней муж и отец.

Пока те предавались скорби, Брут, держа пред собою вытщенный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь — и вас, боги, беру в свидетели, — что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме». Затем он передает нож Коллатину, потом Лукрецию и Валерию, которые оцепенели, недоумевая, откуда это в Брутовой груди незнаемый прежде дух. Они повторяют слова клятвы, и общая скорбь обращается в гнев, а Брут, призывающий всех немедленно идти на Рим, становится вождем. Тело Лукреции выносят из дома на площадь и собирают народ, привлеченный, как водится, новостью, и неслыханной, и возмутительной. Каждый, как умеет, жалуется на преступное насилие царей. Все взволнованы и скорбью отца, и словами Брута, который порицает слезы и праздные стенания и призывает мужчин поднять, как подобает римлянам, оружие против тех, кто поступил как враг. Храбрейшие юноши, вооружившись, являются добровольно, за ними следует вся молодежь. Затем, оставив в Коллации отряд и к городским воротам приставив стражу, чтобы никто не сообщил царям о восстании, все прочие под водительством Брута с оружием двинулись в Рим.

Когда они приходят туда, то вооруженная толпа, где бы она ни появилась, всюду сеет страх и смятение; но вместе с тем, когда люди замечают, что во главе ее идут виднейшие граждане, всем становится понятно: что бы там ни было, это — неспроста. Столь страшное событие и в Риме породило волнение не меньшее, чем в Коллации. Со всех концов города на Форум сбегаются люди. Едва они собрались, глашатай призвал народ к трибуну «быстрых», а волею случая должностью этой был облечен тогда Брут. И тут он произнес речь, выказавшую в нем дух и ум совсем не такой, как до тех пор представлялось. Он говорил о самоуправстве и похоти Секста Тарквиния, о несказанно чудовишном поругании Лукреции и ее жалостной гибели, об отцовской

иципитина, для которого страшнее и прискорбнее смерти дочери была причина этой смерти. К слову прихлсь и гордыня самого царя, и тягостные труды народа, загнанного в канавы. Римляне, победители всех окрестных народов, из воителей сделаны чернорабочими и каменотесами. Упомянуто было и гнусное убийство царя Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители. Вспомнив обо всем этом, как, без сомнения, и о еще более страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодования, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и побудил его отобрать власть у царя и вынести постановление об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми. Сам произведя набор младших возрастов — причем записывались добровольно — и вооружив набранных, он отправился в лагерь поднимать против царя стоявшее под Ардеями войско; власть в Риме он оставил Лукрецию, которого в свое время еще царь назначил префектом города. Среди этих волнений Туллия бежала из дома, и, где бы ни появлялась она, мужчины и женщины проклинали ее, призывая отцовских богинь-отмстительниц.

Когда вести о случившемся дошли до лагеря и царь, встревоженный бунтом, двинулся на Рим подавлять восстание, Брут, узнав о его приближении, пошел кружным путем, чтобы избежать встречи. И почти что одновременно прибыли разными дорогами Брут к Ардеям, а Тарквиний — к Риму. Перед Тарквинием ворота не отворились, и ему было объявлено об изгнании; освободитель города был радостно принят в лагере, а царские сыновья оттуда изгнаны. Двое, последовав за отцом, ушли изгнанниками в Цере, к этрускам. Секст Тарквиний, удалившийся в Габии, будто в собственное свое царство, был убит из мести старыми недругами, которых нашл в свое время казнями и грабежом.

Луций Тарквиний Гордый царствовал двадцать пять лет. Цари правили Римом от основания города до его освобождения двести сорок четыре года. На собрании по центуриям префект города в согласии с записками Сервия Туллия провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин.

Перевод Ф. Зелинского

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ (ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД)

23, Комо — 25 августа 79 г.; Помпей

Жизнь

Гай Плиний Секунд родился в небольшом городке Ком (совр. Комо) в Северной Италии, во всаднической, зажиточной семье. Образование Плиний получил в Риме.

В 47 г. он отправляется на военную службу в Нижнюю Германию, в качестве командира когорты. Там он участвовал в походе Домиция Корбулона против хавков, германского племени за Рейном.

В 51—51 гг. Плиний служит командиром алы (отряда конницы) в Верхней Германии под командованием Публия Помпония Секунда, сражавшегося с германским племенем хатов.

В 57 г. Плиний назначен командиром легиона (военным трибуном) в Нижнюю Германию, где подружился с другим

командиром легиона, Титом, будущим принцепсом, старшим сыном Веспасиана.

Во время военной службы Плиний начинает писать свои первые произведения. Первое историческое сочинение было посвящено его командиру. Называлось оно «О жизни Помпония Секунда». Затем Плиний начинает писать большой исторический труд «Войны с Германией» в двадцати книгах, который заканчивает уже в отставке.

В 60-х гг. Плиний уходит с военной службы и занимается адвокатской практикой. Одновременно он работает над научно-литературными сочинениями. В этот период Плиний помимо «Войны с Германией» написал курс по ораторскому искусству (в 6 частях) и «Двойкие формы в языке» (филологическое исследование в 8 книгах).

После гражданской войны 68—69 гг. к власти пришел Веспасиан, а его старший сын Тит стал его соправителем и затем преемником. Это позволило Плинию успешно продолжить свою карьеру, прерванную при императоре Нероне.

С 70 по 76 г. Плиний занимает руководящие посты в римских провинциях (в Галлии, Испании, Африке и Бельгике). В этот период он пишет свой второй исторический труд «От окончания Ауфидия Басса» в тридцати одной книге, т. е. продолжение «Истории Ауфидия Басса», крупного римского историка I в. н. э.

В 77 г. Плиний заканчивает свой самый крупный и единственно сохранившийся труд «Естествознание» (или «Естественная история»).

Вскоре Плиний назначается командующим Мисенским флотом на юге Италии, где погибает во время извержения Везувия в 79 г.

Судьба

Плиний, как командующий флотом, находился в Мисене, когда началось извержение Везувия в 79 г. Издали было видно лишь огромное облако, подымавшееся от горы и расходившееся вширь, — «белое местами, местами грязное и пятнистое». Это явление у Плиния, как ученого, вызвало

Император Тит

большой интерес, и он захотел познакомиться с ним вблизи, приказав снарядить судно. Однако вскоре он получил послание от жены своего друга Каска, умолявшей прислать за ней корабль для спасения. Ее вилла находилась у подножия Везувия. Плиний решил помочь ей и другим людям, отрезанным от суши, и приказал снарядить все имеющиеся суда на помощь жертвам Везувия.

Он отправляется туда, «откуда другие бегут», писал Плиний-младший, и прямым курсом держит руль прямо на опасность, настолько свободный от страха, что диктует и зарисовывает все замеченные глазом движения этого бедствия.

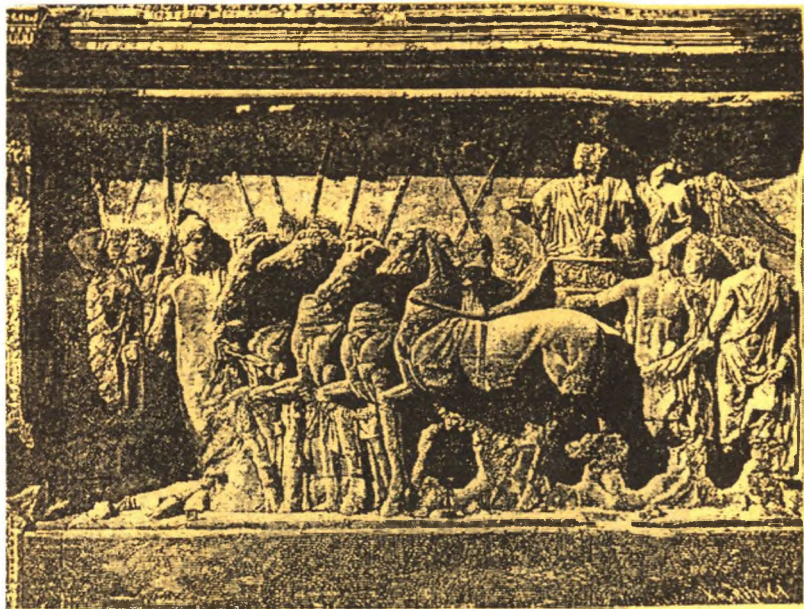
При приближении к цели на судно стал падать пепел, и

Император Веспасиан

Рим. Ватикан

чем ближе, тем он становился более густым и горячим. Но кораблям удалось без потерь добраться до берега. В Стабиях команда погрузила на корабли все воинское снаряжение местного гарнизона, жители города также перебрались на корабли. Однако пришлось ждать попутного ветра, чтобы выбраться обратно в море. Ночью Плиний, оставшийся ночевать в одной из вилл на берегу, проснулся от мощных ударов, от которых содрогались вокруг все дома. Он и его спутники решили бежать к морю, на корабли. Для защиты от падающих камней они положили себе на головы подушки и двинулись к морю. Уже возле моря их настигли пламя и серный поток воздуха, ставший для Плиния смертельным. Как считал Плиний-младший, «из-за слишком плотных паров

Рельеф на Триумфальной арке Тита

сперло дыхание и сомкнулось дыхательное горло, которое у него от природы было слабым, стесненным и часто схватывалось спазмами». Так погиб один из известнейших историков античности — Плиний-старший.

Плиний был человеком необыкновенного трудолюбия. Не было такого места, которое бы он считал неудобным для ученых занятий. И не было такого времени, которым бы он не воспользовался для того, чтобы читать и делать заметки. Он читал — или ему читали — в дороге, в бане, за обедом, после обеда, причем нередко в ущерб сну. Он считал потерянным каждый час, не посвященный научным исследованиям. Плиний читал все книги подряд, даже плохие, так как считал, что нет такой плохой книги, из которой нельзя было бы извлечь какой-нибудь пользы.

Триумфальная арка Тита в Риме

Творчество

Большинство исторических сочинений Плиния-старшего до нас не дошло. Однако они стали важными источниками для другого прославленного античного историка — Тацита. В основном это войны Рима с германскими племенами.

Сохранился лишь последний и самый крупный труд Плиния — «Естествознание», в центре которого — исследование природы. У Плиния нет намерения полностью осветить все вопросы. Он сообщает обо всем кратко и самое необходимое, с его точки зрения. Основной принцип изложения и классификации — от общего к частному, от

Плиний

более значительного к менее значительному, от крупного к мелкому. Изложение основной темы прерывается многочисленными отступлениями по самым различным поводам, часто они вызываются по сходству или противоположности. Они не только оживляют нередко монотонное перечисление, но и содержат богатейшие и разнообразнейшие, а порой и уникальные сведения об античной жизни. Но Плиний всегда помнит о своей задаче и не позволяет себе

слишком вдаваться в подробности.

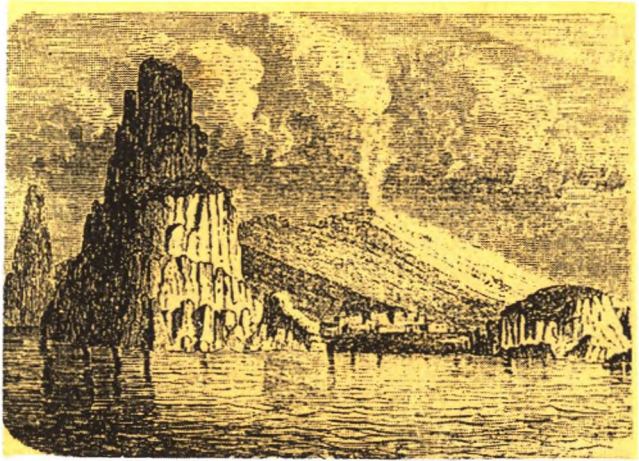
Плиний собрал огромный разнообразный материал, рассеянный в литературе Древнего Востока и античности. Он не просто компилировал, а обобщил и по-своему систематизировал его. Большая часть литературы, послужившей источником для «Естествознания», до наших дней не сохранилась, что делает работу Плиния особенно ценной для историков Древнего мира.

Исследователями насчитано в «Естествознании» около 35 тысяч фактов. В указателе источников у Плиния названо 146 римских и 327 греческих авторов — от Гомера до современников Плиния. Он приводит письменные документальные источники, надписи. В тексте нередко ссылается на устные сообщения арабских послов и римских купцов и часто свидетельствует как очевидец («я видел», «я знаю» и т. п.).

Труд Плиния оказал огромное влияние на дальнейшее развитие европейской науки. Особенно популярен он был в позднее средневековье (XIV—XV вв.).

I. Теперь речь пойдет о металлах, в которых и состоит само богатство и в которых выражаются цены вещей. Предприимчивость ведет всяческие поиски в недрах земли: где-

**Извержение
Везувия**

то ее копают ради богатства, в поисках золота, серебра, электра, меди, где-то — ради роскоши, в поисках гемм для пальцев и красок для стен, где-то — ради безрассудства, в поисках железа, которое в войнах и убийствах милее даже золота. Мы проходим по всем жилам земли и живем над выдолбленной нами землей, удивляясь тому, что порой она разверзается или сотрясается — словно это, действительно, не может называться негодованием священной родительницы. Мы проникаем в ее внутренности и ищем богатства в обиталище духов усопших, как будто она недостаточно благодатна и плодоносна там, где ступают по ней. И при этом меньше всего мы ведем эти поиски ради целебных средств — в самом деле, многие ли копают ее ради врачевания? Хотя и это она предоставляет на своей поверхности, как плоды, щедрая и доступная во всем том, что приносит пользу. То губит нас, то влечет нас в преисподнюю, что она укрыла глубоко, то, что рождается не вдруг. И пусть ум, устремляясь до пустого пространства, вычислит, за сколько всего веков наступит конец исчерпания ее, докуда проникнет алчность. Какой безвредной, какой счастливой, мало того, даже изысканной была бы жизнь, если бы желанным было только то, что есть на поверхности земли, и, коротко говоря, только то, что есть у себя!

II. Из земли выкапывают золото и вместе с ним хрисокол-

лу, за которой название закреплено по золоту, чтобы она казалась ценнее. Мало ведь было бы найти одну эту чуму для жизни, если бы не в цене было и это гнилостное выделение золота. Алчность искала серебро, а тем временем удовольствовалась тем, что нашла миний и придумала применение этой красной земли. О неистощимая изобретательность! Сколькими способами мы увеличили цены вещей! Вдобавок появилось искусство живописи — и мы сделали золото и серебро еще дороже благодаря чеканной работе. Человек научился бросать вызов природе. Порочные соблазны поощрили и искусство: понравилось чеканить на кубках похотливые сценки и пить из непристойных изображений. Потом перестали увлекаться и стали пренебрегать ими, так как золота и серебра стало слишком много. Мы выкапываем из той же земли муррины и хрусталь, которым придает ценность сама их хрупкость. Признаком богатства, истинной славой роскоши стало считаться обладание тем, что может вмиг погубиться целиком. Но и этого оказалось недостаточно. Мы пьем из груды гемм и сплетаем из смарагдов кубки, и нам нравится ради опьянения держать в руках Индию. Золото здесь уже придаток.

III. О, если бы оно могло быть совсем изгнано из жизни, — проклятая жажда, по выражению знаменитейших авторов, — поносимое нападками всех лучших людей и найденное на погибель жизни! Насколько счастливее было то время, когда одни вещи обменивались на другие, как это, по Гомеру, делалось и в троянские времена! Именно так, полагаю я, ради средств существования были установлены сношения. Он передает, что одни покупали вещи на бычьи шкуры, другие — на железо и пленных. Хотя сам он уже восхищался золотом, он оценил вещи на скот, говоря, что Главк обменялся золотыми доспехами стоимостью в 100 быков на доспехи Диомеда стоимостью в 9 быков. По этому обычаю и в Риме пеня в древних законах состоит в скоте.

IV. Самое худшее преступление в жизни совершил тот, кто первым надел его на пальцы, но кто это сделал, не передается. Что касается Прометея, все это, по-моему, баснословно, хотя древность и его наделила железным кольцом, которое истолковала как оковы, а не украшение. Ну, а кольцо Мидаса, при поворачивании которого носивший его ста-

Гибель Плиния

новился невидимым для всех, кто не признает еще более баснословным? Главнейшее значение отвели золоту руки, безусловно левые; однако ж не римлян, у которых в обычае были железные кольца как знак отличия воинской доблести. Относительно римских царей я затрудняюсь сказать. Статуя Ромула на Капитолии — без всякого кольца, так же и статуи других царей, кроме статуй Нумы и Сервия Туллия, и даже статуя Луция Брута. Особенно удивляюсь я отсутствию колец у Тарквиниев, которые по происхождению были из Греции, откуда перешел к нам этот обычай носить кольца, хотя в Лакедемоне кольца даже сейчас носят желез-

ные. Но известно, что самым первым наградил золотой буллой Тарквиний Приск своего сына, когда тот в свои годы ношения претексты убил врага, откуда установился обычай, чтобы сыновья тех, кто служил в коннице, носили буллу как знак отличия, а остальные — лорум. Поэтому я и удивляюсь тому, что статуя Тарквиния — без кольца. Однако и в самом названии существуют, как я вижу, колебания. Греки дали ему название по пальцам, у нас в старину называли его унгулом, потом и греки и наши — сим-

Гай Марий

болом. Совершенно очевидно, что даже римские сенаторы долгое, во всяком случае, время не носили золотых колец, поскольку кольца давались от имени государства только тем, кто отправлялся в качестве посла к иноземным народам, потому, думаю, что так опознавались почетнейшие иноземцы. Не было обычая, чтобы их носили другие, кроме тех, кто получил их по указанной причине от имени государства, и обычно триумф справляли так, и хотя сзади над головой держали этрусский венок из золота, однако кольцо на пальце было железное как у триумфатора, так и у раба, державшего венок. Так справил триумф над Югуртой Гай Марий, и передают, что он надел золотое кольцо не раньше своего третьего консульства. К тому же получавшие золотые кольца для участия в посольстве носили их только в общественных местах, а дома носили железные, поэтому даже сейчас невесте в дар посылают железное кольцо, причем без геммы. Как вижу, и в илионские времена не было никаких колец. Во всяком случае, Гомер нигде не упоминает о них, хотя говорит и об отправлении табличек, служивших письмами, и о складывании одежды и золотых и серебряных сосудов в ларцы, которые крепились, однако, отметкой узла, а не кольца. Кроме того, как он передает, вожди при вызове их на единоборство бросали жребий не кольцами, и

Разгром Марием тевтонов

даже бог кузнечного мастерства вначале изготавливал заколки и прочие женские украшения, как, например, серьги, но упоминания о кольцах здесь нет. И кто бы ни завел их первым, он сделал это с осмотрительностью: он надел кольцо на левую руку, на ту, которая бывает скрыта, тогда как, если бы это было безопасной честью, оно должно было бы красоваться на правой руке. Ведь если бы в нем могли усматривать какую-то помеху, то позднее и принято было бы носить кольцо на основании этого соображения: она была бы большей на левой руке, в которой держат щит. У того же Гомера, однако, волосы у мужчин перехвачены золотом, поэтому не знаю, женщины ли стали раньше носить его.

V. В Риме долгое время золота даже не было, за исключением очень незначительного количества. Во всяком случае, когда галлам, захватившим Город, платили выкуп за мир, то не смогли набрать больше тысячи фунтов. И мне неизвестно, что в третье консульство Помпея из трона Капитолийского Юпитера исчезло 2000 фунтов золота, укрытых там Камиллом, и поэтому многие считают, что было собрано 2000 фунтов. Но то, что прибавилось, было из добычи от галлов и было расташено ими из храмов в той части Города, которую они захватили. О том, что галлы обычно сражались в золотых украшениях, свидетельством служит Торкват. Следовательно, ясно, что золота от галлов и из храмов было столько же, и не больше. Это-то и было воспринято как благоприятное знамение, поскольку Капитолиец вернул вдвойне. Здесь уместно сказать попутно и о том — возвращаясь к речи о кольцах, — что, когда храмовый служитель хранения этого золота был задержан, он разломил во рту гемму кольца и тотчас испустил дух, и так уличение оказалось невозможным. Таким образом, в 364 году, когда Рим был захвачен, самое большее было только 2000 фунтов золота, хотя по поголовному цензовому учету свободных было уже 152 573 человека. В том же городе через 307 лет золота, которое из Капитолийского храма после пожара и из всех остальных святилищ Гай Марий-сын вывез в Пренесту, было 14 000 фунтов; все это Сулла провез под тем предлогом во время своего триумфа, и еще 6000 фунтов серебра. Он же накануне провез из добычи от

всей остальной победы 15 000 фунтов золота, 115 000 фунтов серебра. ...

VI. ... Большая часть народов и людей, даже тех, которые живут под нашей властью, и сейчас не носит вообще никаких колец. Не пользуются печатками ни на Востоке, ни в Египте, даже сейчас довольствуясь только подписью.

Роскошь внесла в это, как и во все прочее, много всяких разнообразий, вправляя геммы с изысканным сверканием и унижая пальцы богатым состоянием, как мы будем говорить в томе о геммах, затем и вырезая на них разные изображения, так чтобы ценность заключалась где в искусстве, где в материале. Потом она сочла нечестивым нарушать некоторые геммы резьбой и, чтобы не усматривали в них назначения для печатей, надела их цельными. А некоторые геммы она даже с той стороны, где они скрываются пальцем, не закрыла золотом и сделала золото дешевле множества камней. И напротив, многие не допускают никаких гемм и ставят печать самим золотом. Это придумано во время принципата цезаря Клавдия. И рабы тоже уже обхватывают железо золотом (прочее они украшают самим по себе чистым золотом) — происхождение этой разнузданности самим названием говорит о том, что это установлено на Самофракии.

Вначале принято было носить кольца на одном пальце — ближайшем к мизинцу. Это мы видим на статуях Нумы и Сервия Туллия. Впоследствии их стали надевать на ближайший к большому пальцу, даже на изображениях богов, потом понравилось надевать и на мизинец. ...

XII. ... Но уже начинают носить на пальцах мужчины тоже и изображения Гарпократа и статуй египетских божеств. Было во время принципата Клавдия и другое необычное отличие для тех, кому его вольноотпущенники разрешили доступ к нему, — право носить на пальце изображение принцепса из золота, что часто служило удобным случаем для обвинений; спасительный приход императора Веспасиана к власти положил конец всему этому, сделав доступ к принцепсу открытым одинаково для всех. О золотых кольцах и пользовании ими сказанного достаточно. ...

XVIII. Лаквеарии, которые теперь покрывают золотом и в частных домах, впервые были позолочены в Капитолии по-

Штурм Карфагена

Разграбление Карфагена

сле разрушения Карфагена, во время цензорства Луция Муммия. Затем они перешли также на своды и на стены, которые уже тоже, словно сосуды, покрываются золотом, а между тем суждения о Катутле в его время, по поводу того, что он позолотил медные черепицы Капитолия, были различны.

XIX. ... И ничто другое не растягивается шире и не разделяется на большее число частей, чем золото: из одной унции его можно сделать семьсот пятьдесят и даже больше листков в четыре пальца с каждой стороны. Самые толстые из них называются пренестинскими, до сих пор сохраняя свое название по добросовестнейшим образом покрытому золотом изображению Фортуны в Пренесте. Следующие после них листки называются квесторскими. ... И сверх всего, золото волочится в нити, и из них ткут, как из шерсти, — даже без шерсти. Веррий сообщает, что Тарквиний Приск справил триумф в золотой тунике. Мы видели Агриппину, супругу принцепса Клавдия, сидевшую рядом с ним во время устроенного им зрелища морского сражения, облаченной в тканый, без другого материала, золотой военный плащ. А вотканье золота в атталийские ткани придумано уже давно царями Азии.

XX. На мрамор и на все то, что нельзя раскалить, золото накладывают с помощью яичного белка, на дерево — с помощью определенного состава клея, который называют левкофором (что он собой представляет и как его готовят, мы скажем в своем месте). Покрывать золотом медь полагалось с помощью ртути или по крайней мере гидраргира, вместо которых, как мы скажем при описании их природы, придумали поддельную замену. Медь сначала подвергают сильному огню и, раскалив ее, гасят солью, уксусом, квасцами, затем очищают от крупинки, а достаточно ли она прокалена, показывает блеск, потом еще раз обдают огнем, чтобы, после обработки ее смесью пемзы с квасцами, на нее могли наклеиться покрытые ртутью листки золота. ...

XXII. Получить золото можно еще одним способом — из аурипигмента, который выкапывают для живописцев в Сирии из верхнего слоя земли; у него цвет золота, но он ломкий, как слюда. ...

XXIV. Говорят, что самая первая золотая статуя без вся-

кой полости и еще до того, как из меди стала создаваться вообще какая-нибудь, которую называют олосфиратос, была поставлена в храме Анаитиды, в той области, которая, как мы указали при описании земли, названа ее именем, самого почитаемого у тех народов божества. Эта статуя была расхищена по частям во время парфянского похода Антония, и рассказывают об остроте одного из ветеранов на званом обеде в честь божественного Августа в Бононии: когда его спросили, знает ли он, что тот человек, который первым осквернил это божество, испустил дух, пораженный слепотой и параличом, он ответил, что Август как раз обедает от ее ноги и что он и есть тот самый человек, а все состояние его — из этой добычи. Цельную золотую статую человека первым поставил Георгий из Леонтин самому себе в храме в Дельфах около 70-й олимпиады. Такие деньги давало обучение ораторскому искусству. ...

XXVI. Хрисоколла — это жидкость, стекающая по жилам золота в шахтах, о которых мы говорили, и при зимних морозах загустевающая илистой массой до твердости пемзы. Установлено, что более ценная хрисоколла получается в медных рудниках, следующая по ценности — в серебряных. Встречается она и в свинцовых рудниках, но еще менее ценная, чем хрисоколла из золотых рудников. Однако во всех этих рудниках она получается и искусственным способом, намного уступая естественной: на жилы всю зиму до июня пускают слабой струйкой воду, затем в течение июня и июля вода высыхает. Таким образом, совершенно понятно, что хрисоколла — это не что иное, как разложившаяся жила. Естественная хрисоколла в особенности отличается твердостью. Ее называют гроздью. Однако и ее тоже окрашивают травой, которую называют лутум. Хрисоколла обладает свойством, так же как лен и шерсть, впитывать сок. Ее толкут в ступке, потом просеивают через сито, после этого размалывают и затем просеивают через еще более частое сито. То, что не пройдет через сито, снова толкут в ступке, затем размалывают. Порошок всегда раскладывают по мискам и смачивают уксусом, чтобы исчезла всякая твердость, потом снова толкут, затем промывают, высушивают в раковинообразных сосудах, и тогда окрашивают квасцами схистос и упомянутой выше травой, то есть хрисоколла красит-

ся, прежде чем сама станет красить. Важно, насколько легко она способна впитывать. Если она не поглощает краску, то добавляют еще скитан и турбист — так называются эти средства, способствующие впитыванию.

XXVII. Уже окрашенную хрисоколлу живописцы называют оробитис, и ее производят в двух видах: промытую, которая хранится в виде ломота, и разведенную, когда шарики ее уже растворены жидкостью. Оба эти вида производятся на Кипре. Однако больше всего славится хрисоколла из Армении, после нее — из Македонии. Больше всего ее в Испании. Высшее отличие ее в том, чтобы цветом она была как можно более схожа с весело зеленеющей на корню нивой. И видели даже, как на представлениях принцепса Нерона арена цирка была усыпана хрисоколлой, когда сам он должен был править колесницей в одежде такого же цвета. Несведущая толпа ремесленников разделяет хрисоколлу на три вида: грубую, которая оценивается по 7 денариев за фунт, среднюю, по 5 денариев, растертую, которую называют и травяной, по 3 денария. Под песчаную, прежде чем наносить ее, накладывают атрамент и паретоний. Это и прочно держит ее, и не влияет на ее цвет. Паретоний, краска по своей природе самая жирная и благодаря гладкости самая цепкая, покрывается атраментом, для того чтобы белизна паретония не придавала хрисоколле бледности. Считают, что лутеа названа по траве лутум. А сам лутум, растертый с лазурью, применяют вместо хрисоколлы — это самый дешевый и самый поддельный вид. ...

XXIX. Хрисоколлу и золотых дел мастера считают собственнo своей, которую применяют для паяния золота, и говорят, что по ней были названы все другие хрисоколлы, оттого что они такого же зеленого цвета. А готовят ее, смешивая медянку кипрской меди с мочой не достигшего зрелости мальчика, добавляя нитр, и растирают пестиками из кипрской меди в ступках из кипрской меди. У нас ее называют сантерной. Так паяют золото, которое называют серебноносным. Признаком его служит то, что от сантерны оно начинает блестеть. Напротив, медноносное золото от нее сморщивается и тускнеет и паяется с трудом. Для него припой готовят, добавляя к указанному выше золото и одну седьмую часть серебра и растирая все вместе.

XXX. Здесь уместно сказать также и об остальных подобного рода особенностях, чтобы природа всеобщее вызывала восхищение. Для золота скрепляющим веществом служит приведенное выше, для железа — глина, для кусков меди — кадмея, а для пластинок — квасцы, для свинца и мрамора — камедь; черный свинец соединяется с белым, а сам белый с собой — оливковым маслом, кроме того, стагн — медными опилками, серебро — стагном. ...

XXXII. ... Когда покрывают золотом медные изделия, ртуть, нанесенная под золотые листки, очень прочно прикрепляет их, однако появление бледности выдает, обыкновенные ли это листки или слишком тонкие. Поэтому занимающиеся таким мошенничеством стали подменять ртуть яичным белком, а затем и гидраргиром, о котором мы скажем в своем месте. ...

XXXIV. В серебряных рудниках встречается также миний, который и сейчас относится к числу очень ценных красок, а раньше имел у римлян не только величайшее, но даже священное значение. Веррий перечисляет авторов, которым следует верить, сообщающих о том, что был обычай окрашивать минием в праздничные дни лицо изображения самого Юпитера и тело справлявших триумф, что так справил триумф Камилл, что в силу этого священного обычая он добавлялся еще и в умашения для триумфального обеда и что цензорами прежде всего сдавался подряд на окрашивание минием Юпитера. Меня лично удивляет причина этого, хотя известно, что и сейчас он необходим народам Эфиопии и предводители их окрашиваются им целиком, что там это краска для изображений богов. Поэтому мы подробнее расскажем все о нем.

XXXVII. Теофраст передает, что миний был открыт за 90 лет до архонтства в Афинах Праксибула (это время приходится на 349 год нашего Города) афинянином Каллием, который сначала надеялся из красного песка в серебряных рудниках выплавить золото; что так появился миний, однако что уже тогда его находили в Испании, но твердым и песчаным, а также у колхов на какой-то неприступной скале, с которой его сбивали дротиками; что этот миний не настоящий, а самый лучший — в находящейся выше Эфеса Кильбийской области в виде песка цвета червца: его рас-

тирают, затем порошок промывают, а то, что оседает, снова промывают, и различие в способе приготовления заключается в том, что одни считают миний готовым после первой промывки, для других такой миний несколько светел, а самый лучший — после второй промывки.

XXXVIII. Меня не удивляет то, что этот цвет давно заслужил признание. Ведь уже в троянские времена ценили рубрику, как об этом свидетельствует Гомер, который отличает корабли, окрашенные ею, хотя вообще редко упоминает о красках и живописи. Рубрику греки называют мильтос, а миний — киннабаром. Это оказалось источником заблуждения, вследствие названия «индийский киннабар». Ведь так называют они кровь змеи, раздавленной тяжестью умирающих слонов, когда кровь обоих животных уже смешалась, как мы сказали, и нет другой краски, которая с такой особенностью передавала бы кровь в живописи. Этот киннабар очень пригоден для противоядий и лекарств. Но, клянусь Геркулесом, медики, так как миний называют киннабаром, пользуются именно минием, который, как мы скоро скажем, представляет собой яд.

XXXIX. Киннабаром в старину писали картины, которые еще и сейчас называют монохромными. Писали и эфесским минием, от которого отказались, так как дело с ним требовало большого труда. Кроме того, обе эти краски считались слишком резкими. Поэтому перешли к рубрике и синопской, о которых я скажу в своем месте. Киннабар подделывают козьей кровью или тертой рябиной. Цена настоящего — 50 сестерциев.

XL. Юба передает, что миний рождается и в Кармании, Тимаген — что и в Эфиопии. Но ни из того, ни из другого места к нам его не привозят, а привозят почти только из Испании — из знаменитейшего миниевого рудника Сисапонской области в Бетике, одного из источников доходов римского народа; и ни за чем иным не следят тщательнее, чем за этим. Там не разрешается обрабатывать его и прокаливать. Жилу под печатью доставляют в Рим, около двух тысяч фунтов в год, а в Риме промывают. Для продажи законом установлена цена, которая не должна превышать 70 сестерциев за фунт. Но его подделывают многими способами, благодаря чему компания откупщиков наживается. Де-

ло в том, что во всех почти серебряных, а также свинцовых рудниках есть другого рода миний, который получается при прокаливании камня, встречающегося смешанным с жилами, не того камня, выделение которого мы называли ртутью (его тоже прокаливают для получения серебра), но другого, встречающегося вместе. В нем не содержится даже свинца. Его определяют по одному лишь цвету — он становится красным только в печах. После прокалывания его толкут в порошок. Это второсортный миний, что известно весьма немногим, значительно уступающий тем натуральным пескам. Так вот, им и подделывают миний в мастерских компании откупщиков. Его подделывают также сирийской. Как получают сирийскую, мы укажем в своем месте, а накладывать сирийскую под миний подсказывается корыстными соображениями. Миний дает живописцам возможность для плутовства и иным образом, поскольку они то и дело промывают кисти, полные минием; он осаждается в воде и остается у плутующих. У настоящего миния должна быть яркость червца, а блеск второсортного на стенах подвержен ржавчине, хотя сам он представляет собой некую ржавчину металла. А в Сисапонских миниевых рудниках своя жила песка, без серебра. Ее прокаливают, как золото. Миний испытывают раскаленным золотом: поддельный чернеет, настоящий сохраняет цвет. Я узнал, что его подделывают и известью и что проверяют его, если нет золота, таким же образом раскаленной железной пластинкой. На нанесенный миний оказывают вредное действие солнце и луна. Средство против этого заключается в том, что, когда высохнет стена, на нее нужно нанести малярными кистями горячий пунийский воск, растопленный с оливковым маслом, и опять разогреть его поднесенными к стене галловыми углями до появления испарины, после этого полировать свечами и потом чистым полотном, так же, как и придают блеск мраморным статуям. Обработывающие в мастерской миний нетуго повязывают лицо пленкой из мочевого пузыря, чтобы при дыхании не втягивать в себя губительную пыль и в то же время чтобы смотреть через нее. Миний применяют также в рукописях, и он придает большую отчетливость буквам, будь то на золоте, будь то на мраморе, даже на надгробиях.

XLI. Из второсортного миния жизнь придумала получить

и заменяющий ртуть гидраргир, о котором немного раньше обещано было сказать. Получают его двумя способами: миний растирают с уксусом в медных ступках медными пестиками или кладут в железном раковинообразном сосуде на глиняные блюда, покрывают его чашей и замазывают сверху глиной, затем разводят под блюдами огонь, непрерывно поддерживая его мехами, и, наконец, снимают с чаши испарину, которая получается цвета серебра и жидкой, как вода. Он тоже легко разделяется на капли и стекается вместе скользкой жидкостью.

Так как установлено, что миний представляет собой яд, то все, что передается о его применении в медицине, я считаю безрассудным, за исключением, может быть, того, что, если помазать им голову или живот, он останавливает кровь, только бы он не проник как-нибудь во внутренности и не попал на рану. Иным образом применять его, по моему личному мнению, не следовало бы.

XLII. С помощью гидраргира теперь покрывают золотом почти только серебро, тогда как таким же образом следует покрывать и медные изделия. Но тот же обман, который проявляет предельную изобретательность во всех областях жизни, придумал более дешевое средство, как мы уже указывали. ...

XLV. ... И, чтобы закончить в этом месте, все о зеркалах: самыми лучшими у наших предков были брундисийские, из сплава стагна и меди. Предпочтение получили серебряные; первым сделал их Пасител, во времена Помпея Великого. Недавно стало считаться, что изображение получается более четким, если с обратной стороны наложено золото.

Перевод Г. А. Тароняна

ИОСИФ ФЛАВИЙ

ок. 37 — ок. 95 гг.

Жизнь

Настоящее имя — Иосиф бен Маттафия.

Родился в первый год правления римского императора Гая Калигулы в Иерусалиме, который находился тогда под римским владычеством.

Происходил из знатной еврейской семьи.

Получил традиционное религиозное образование, сводившееся главным образом к умению изучать и толковать священные тексты. Имел и светское образование, но успехи в нем были скромные: в зрелые годы он признавался в недостаточном владении греческим языком — основным языком интеллектуалов.

В юности Иосиф посвятил несколько лет знакомству с учениями основных сект в тогдашнем иудаизме, три года прожил в пустыне, ведя аскетический образ жизни.

Вернувшись в Иерусалим, стал приверженцем фарисеев.

Нерон

В 60 г. в возрасте 23 лет был послан в Рим в составе делегации к императору Нерону для попытки освобождения из заключения жрецов.

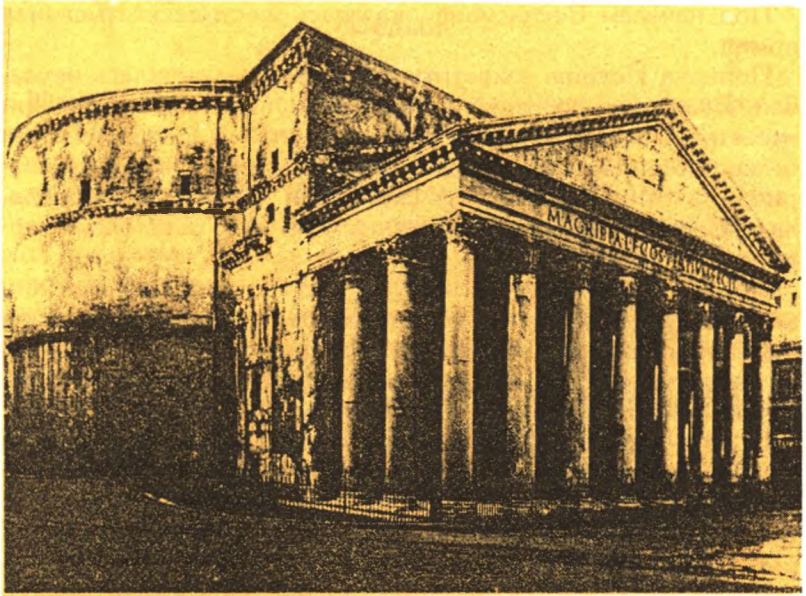
Посольство завершилось успешно благодаря жене Нерона, жестокой и развратной Поппее Сабине, благосклонности которой сумел добиться юный Иосиф.

Иосиф пробыл в Риме несколько лет.

Ужасные события правления Нерона, казнь Поппеи и Сенеки, пожар Рима 64 года и массовые казни христиан оставили след в душе Иосифа.

Его поразили огромный и прекрасный Рим, невиданная роскошь и шедевры искусства; оставаясь верным своей иудейской религии в этом «храме богов», Иосиф тем не менее стал поклонником римской культуры. Более всего его поразило могущество Рима, перед силой которого склонились многие народы.

Возвратившись на родину, Иосиф оказался в самом центре восстания населения Палестины против римского вла-

Пантеон

120—125 гг. Рим

дычества. На выборах в Иерусалиме к власти пришли сторонники «партии мира»; вожди зелотов и сикариев, игравших главную роль в борьбе с Римом, оказались на вторых ролях. Плодами их победы воспользовалась иудейская аристократия. Именно тогда Иосиф бен Маттафия был назначен военачальником Галилеи, что было по меньшей мере странным, так как Иосиф не имел никакого опыта в военном деле. С другой стороны, факт назначения легко объясняется тем, что он принадлежал к «партии мира», не верившей в успех восстания и рассчитывавшей на соглашательскую позицию своего ставленника.

Иосиф Флавий занял Тивериаду и разоружил зелотов, опасаясь сторонников Иоанна Гисхальского.

Император Нерон направил для подавления мятежа в Палестине крупные силы в составе трех легионов и большого количества вспомогательных и союзных войск во главе с опытным полководцем Веспасианом, одержавшим до этого ряд блестящих побед.

Под началом Веспасиана оказалась шестидесятитысячная армия.

Попытка Иосифа захватить Сепфорис закончилась неудачей. Веспасиан со своей армией выступил в Галилею. При известии о наступлении огромной римской армии повстанческое воинство стало разбегаться, и Иосиф бежит в Тивериаду, а затем в Натапату. Веспасиан начал осаду города, являвшегося наиболее укрепленным из всех галилейских городов.

Иосиф, опасаясь за свою судьбу, с горсткой знатных лиц задумал план побега из города, но дело приняло огласку, и, опасаясь расправы народа, он заявляет, что все делалось не ради личного спасения, а в интересах города и его жителей.

В результате измены римляне ворвались в Иотанату, а Иосиф добрался до римского лагеря и сдался в плен Веспасиану. Некоторое время он пробыл в цепях как пленник, а затем с сыном Веспасиана Титом был отправлен для покорения взбунтовавшейся Иудеи.

Во время осады Иерусалима Иосиф официально исполнял роль адъютанта Тита, а также служил советником и переводчиком.

После победы римлян в Иудейской войне Иосиф Флавий отправился в Рим, где присутствовал на пышном триумфе Веспасиана и Тита.

За свои заслуги Иосиф Флавий получил от императора права римского гражданина, ежегодное содержание земель в Иудее. Он жил в императорском дворце на Эксвилине.

Отныне Иосиф Флавий стал влиятельнейшим иудеем Рима.

В Риме он и написал свои сочинения. Наибольшую известность ему принесло первое из них — «Иудейская война». Оно было закончено в 79 г. и прошло цензуру Веспасиана и Тита.

В середине 90-х годов Иосиф Флавий завершил работу над обширным трудом «Иудейские древности».

Судьба

Иосиф бен Маттафия, принадлежавший к иудейской аристократии, с самого начала восстания был убежден, что воевать против римлян бесполезно. Иерусалимский синедрион, заметив трудносक्रываемую пассивность военачальника и нежелание вести вооруженную борьбу, решил привлечь Иосифа к ответу и потребовал, чтобы он прибыл в Иерусалим. Иосиф игнорировал этот приказ, хитростью и обманом вышел из опасной игры, но крепко держался за свою руководящую роль в борьбе с открытыми и тайными врагами.

При сдаче в плен при первой встрече с Веспасианом Иосиф предсказал ему императорскую власть, что сразу вызвало благорасположение к пленнику.

Провозглашенный императором, римский полководец Веспасиан освободил Иосифа, и тогда тот присоединил к своему имени, как это делали римские вольноотпущенники, родовое имя Веспасиана и стал именоваться Иосифом Флавием.

Участие Иосифа Флавия в осаде Иерусалима вызывало бурное негодование жителей. Они пускали в него стрелы, бросали камни и однажды, сбив ударом камня с ног, пытались захватить. Иосифа спасли римские солдаты.

К Иосифу благосклонно относились Веспасиан и его наследники — Тит и Домициан. На него неоднократно поступали доносы в предательстве интересов Рима, но императоры их отвергали, а Домициан даже казнил нескольких обвинителей.

Знаменитое произведение Иосифа Флавия «Иудейская война» проводит официальный мотив о непобедимой силе римского оружия. В многочисленных речах он призывал соплеменников к покорности: «И диким зверям, и людям предпослан нерушимый закон, чтобы уступали сильнейшим и чтобы побеждали те, у кого вся сила оружия».

Иосиф Флавий — один из немногих античных историков, чьи произведения дошли до нас почти в неизменном виде.

Своей сохранностью его труды обязаны прежде всего христианской традиции. Как это ни парадоксально, но

Император Тит Флавий

труды римского историка, иудея по вероисповеданию, обладали огромным авторитетом среди идеологов христианской церкви и были чрезвычайно популярны в христианском мире. Интерес к сочинениям Иосифа Флавия вызывался главным образом тем, что в его трудах читатели видели свидетельство современника событий, непосредственно связанных с возникновением христианской религии. Большое влияние оказало сочинение Иосифа Флавия на последующее развитие духовной культуры. Его сюжеты привлекали и деятелей церкви, и историков, и писателей, и художников.

Многие люди средневековья и следующих эпох впервые познакомились через «Иудейскую войну» с античной историей.

Творчество

Основные произведения Иосифа Флавия — «Иудейская война», «Иудейские древности» в 20 книгах середины 90-х годов.

При императоре Домициане (81—96 гг.) появилась «Жизнь», где повествуется о действиях Иосифа в качестве командующего войсками повстанцев в Галилее.

В конце жизни Иосиф пишет небольшое произведение «Против Апиона». И этот его труд, и особенно «Иудейские древности» были созданы с целью ознакомить языческий мир с историей и культурой еврейского народа. Преклонение перед Римом не привело его к нигилизму в отношении

к культуре и традициям собственного народа.

Оно уживалось в его трудах с глубоким убеждением в богоизбранности иудеев.

«Иудейская война» является одним из важнейших источников по истории первоначального христианства.

В «Иудейских древностях» особый интерес вызывает его рассказ об Иисусе. Многие исследователи высказывали немалые и обоснованные сомнения в его подлинности. Однако в начале XX века была обнаружена иная версия повествования, которую процитировал по-арабски христианский епископ X века Агапий. Эта версия более соответствует взглядам Иосифа Флавия.

Ныне, когда происходит объективная переоценка выводов мифологической школы, находится больше доказательств подлинности сведений о христианах в сочинениях античных авторов. Пример с «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия в этом плане достаточно показателен.

Иосиф Флавий сообщает в своих произведениях ряд уникальных сведений, которых мы не встретим в сочинениях других античных авторов. И это не только факты из истории Иудеи.

В его произведениях мы черпаем сведения о многих людях, фигурирующих в новозаветных сочинениях об Ироде Антипе, о прокураторе Понтии Пилате и других прокураторах — Феликсе, Порции Реесте, о египтянине, объявив-

Император Домициан

Изображение Иисуса Христа в церкви Св. Аполлинария Нового

Мозаика

шем себя мессией, о пророке Ревде и многих других.

Главной задачей историка Иосиф Флавий считает «спасти от забвения то, что еще никем не написано, и сделать достоянием потомков события собственных времен».

До настоящего времени нет перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия на современный русский язык с языка ее оригинала.

Когда оба легиона окончили валы в 8-й день месяца лооса, Тит приказал привезти тараны и направить их на западную галерею внутреннего храмового двора. Еще раньше против этой

стены работал шесть дней, не переставая, сильнейший таран, но без всякого успеха; так же неудачны были попытки других стенобитных орудий. Мощные по своей величине и сочленению камни ничему не поддавались. Но другие в то же время подкапывали основание Северных ворот и после долгих усилий выломали передние камни, однако сами ворота, поддерживаемые внутренними камнями, устояли. Тогда римляне отчаялись в успешности машин и рычагов и установили лестницы на галерею. Иудеи не мешали им в этом, но, как только те взбирались уже наверх, многих сбрасывали со стены, а других убивали в схватке, многие были заколоты в тот момент, когда они оставляли уже лестницы, но не успели прикрыться щитами; некоторые лестницы, как только они наполнялись вооруженными, были опрокинуты сверху иудеями. Последние, впрочем, и сами тоже теряли много людей. Знаменосцы, которые хотели водрузить наверху знамена, сражались за них не на жизнь, а на смерть, так как потеря их считается величайшим позором, однако

Христос перед Пилатом

Мозаика. Равенна

иудеи овладели знаменами и избили наконец всех, влезших наверх. Тогда остальные, устрешенные участью погибших, отступили. Римляне, все без исключения, совершив какие-либо подвиги, пали; из среды же мятежников храбрейшими показали себя те самые, которые выдвигались и в предыдущих сражениях, и, кроме них, еще Элеазар, племянник тирана Симона. Когда Тит убедился, что пощада чужих святых ведет к ущербу и гибели его солдат, он отдал приказ поджечь ворота.

В то именно время к нему перешли Анан из Эммауса, кровавнейший из соратников Симона, и Архелай, сын Магдата. Они надеялись на милость ввиду того, что оставили иудеев в тот момент, когда победа была на их стороне. Эта уловка только возмутила Тита, и так как он узнал еще об

их жестокостях против иудеев, то он с большой охотой отдал бы их на казнь. «Только нужда, — сказал он, — пригнала их сюда, но отнюдь не добровольное решение; помимо того, недостойны пощады люди, бежавшие из родного города после того, как сами предали его огню». Тем не менее он смирил свой гнев ради раньше данного им слова и отпустил их обоих, не поставив их, однако, в одинаковое положение с остальными перебежчиками. Тем временем солдаты подожгли уже ворота; расплавившееся повсюду серебро открыло пламени доступ к деревянным балкам, откуда огонь, разгоревшись с удвоенной силой, охватил галереи. Когда иудеи увидели пробивавшиеся кругом огненные языки, они сразу лишились и телесной силы, и бодрости духа; в ужасе никто не тронулся с места; никто не пытался сопротивляться или тушить — как остолбеневшие, они все стояли и только смотрели. И все-таки, как ни велико было удручающее действие этого пожара, они не пытались переменой своего образа мыслей спасти все остальное, но еще больше ожесточились против римлян, как будто горел уже храм. Весь тот день и следовавшую за ним ночь бушевал огонь, так как римляне не могли поджечь все галереи сразу, а только каждую порознь.

На следующий день Тит приказал одной части войска потушить пожар и очистить место у ворот, чтобы открыть свободный доступ легионам. Вслед за этим он созвал к себе начальников; к нему собрались шесть важнейших из них, а именно: Тиберий Александр, начальник всей армии, Секст Цереалий, начальник пятого легиона, Ларций Лепид, начальник десятого, Тит Фригий, начальник пятнадцатого, кроме того, Фронтон Этерний, префект обоих легионов, прибывших из Александрии, и Марк Антоний Юлиан, правитель Иудеи, да еще другие правители и военные трибуны. Со всеми ими он держал совет о том, как поступить с храмом. Одни советовали поступить с ним по всей строгости военных законов, ибо «до тех пор, пока этот храм, этот сборный пункт всех иудеев будет стоять, последние никогда не перестанут замышлять мятежи». Другие полагали так: «Если иудеи очистят его и никто не подымет меча для его обороны, тогда он должен быть пощажен; если же они с высоты храма будут сопротивляться, его нужно сжечь, ибо тогда он перестает быть храмом, а только

Цитадель в Иерусалиме

крепостью, и ответственность за разрушение святыни падет тогда не на римлян, а на тех, которые принудят их к этому». Но Тит сказал: «Если они даже будут сопротивляться с высоты храма, то и тогда не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах и ни в коем случае не следует сжигать такое величественное здание, ибо разрушение его будет потерей для римлян, равно как и наоборот, если храм уцелеет, он будет служить украшением империи». Фронтон, Александр и Цереалий с видимым удовольствием присоединились к его мнению. После этого Тит распустил собрание и приказал командирам дать отдых войску для того, чтобы они с обновленными силами могли бороться в следующем сражении; только одному отборному отряду, составленному из когорт, он приказал проложить дорогу через развалины и тушить огонь.

В тот же день иудеи, изнуренные телом и подавленные духом, воздержались от нападения, но уже на следующий день они вновь собрали свои боевые силы и с обновленным мужеством во втором часу через Восточные ворота сделали вылазку против караулов наружного храмового двора. Последние, образуя впереди себя из щитов одну непроницаемую стену, упорно сопротивлялись. Тем не менее можно было предвидеть, что они не выдержат натиска, так как нападавшие превосходили их числом и бешеной отвагой. Тогда Тит, наблюдавший за всем с Антонии, поспешил предупредить неблагоприятный поворот сражения и явился к ним на помощь с отборным отрядом конницы. Этого удара иудеи не вынесли: как только пали воины первого ряда, рассеялась большая часть остальных. Однако, как только римляне отступили, они опять обернулись и напали на их тыл, но и римляне повернули свой фронт и опять принудили их к бегству. В пятом часу ночи иудеи были наконец преодолены и заперты во внутреннем храме.

Тогда Тит отправился на Антонию, приняв решение на следующий день утром двинуться всей армией и оцепить храм. Но храм давно уже был обречен Богом огню. И вот наступил уже предопределенный роковой день — десятый день месяца лооса, тот самый день, в который и предыдущий храм был сожжен царем вавилонян. Сами иудеи были виновниками вторжения в него пламени. Дело происходило так.

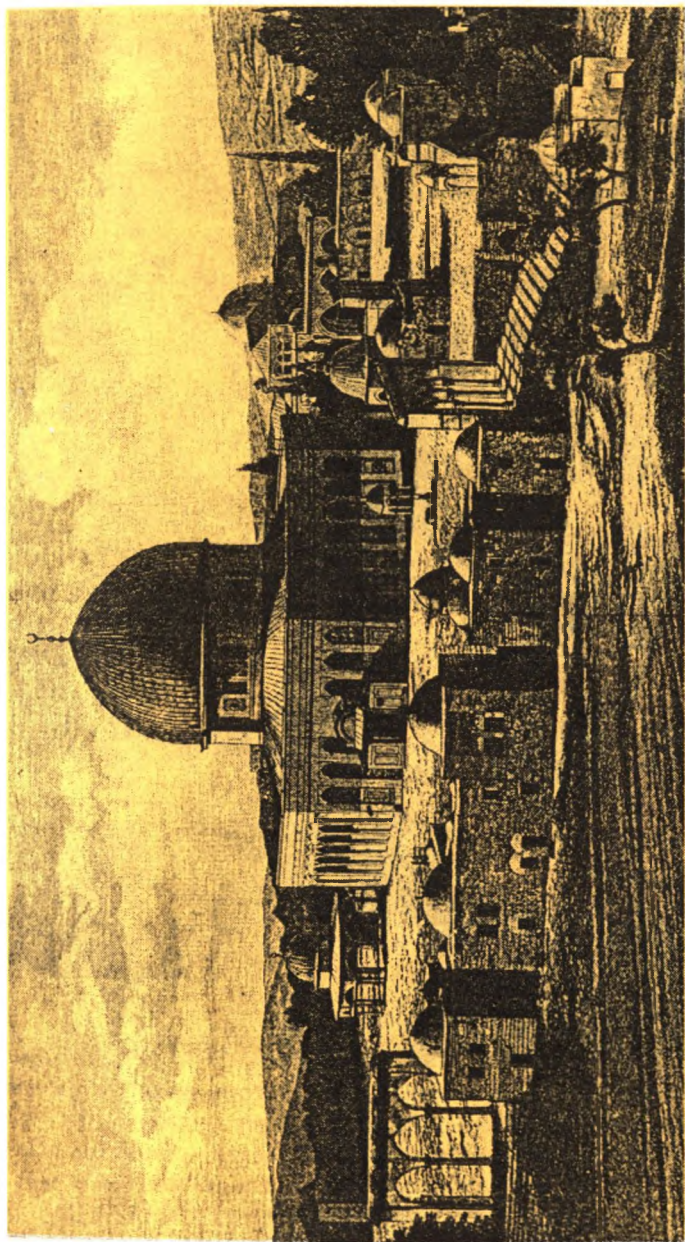
Когда Тит отступил, мятежники после краткого отдыха снова напали на римлян; таким образом завязался бой между гарнизоном храма и отрядом, поставленным для тушения огня в зданиях наружного притвора. Последний отбил иудеев и оттеснил их до самого храмового здания. В это время один из солдат, не ожидая приказа или не подумав о тяжких последствиях своего поступка, точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее через золотое окно, которое с севера вело в окружавшие храм помещения. Когда пламя вспыхнуло, иудеи подняли вопль, достойный такого рокового момента, и ринулись на помощь храму, не шадя сил и не обращая больше внимания на жизненную опасность, ибо гибель угрожала тому, что они до сих пор прежде всего оберегали.

Гонец доложил о случившемся Титу. Он вскочил с ложа в своем шатре, где он только что расположился отдохнуть после боя, и в том виде, в каком находился, бросился к храму, чтобы прекратить пожар. За ним последовали все полководцы и переполошенные происшедшим легионы. Можно себе представить, какой крик и шум произошел при беспорядочном движении такой массы людей. Цезарь старался возгласом и движением руки дать понять сражающимся, чтобы они тушили огонь, но они не слышали его голоса, заглушенного громким гулом всего войска, а на поданные им знаки рукой они не обращали внимания, ибо одни были всецело увлечены сражением, другие — жадной мщенией. Ни слова уговоров, ни угрозы не могли остановить бурный натиск легионов, одно только общее ожесточение правило сражением. У входов образовалась такая давка, что многие были растоптаны своими товарищами, а многие попадали на раскаленные, еще дымившиеся развалины галерей и таким образом делили участь побежденных. Подойдя ближе к храму, они делали вид, что не слышат приказаний Тита, и кричали передним воинам, чтобы те бросили огонь в самый храм. Мятежники потеряли уже надежду на прекращение пожара; их повсюду избивали или обращали в бегство. Громадные толпы граждан, все бессильные и безоружные, были перебиты везде, где их настигали враги. Вокруг жертвенника громоздились кучи убитых, а по ступеням его лились потоки крови и катились тела убитых наверху.

Вынос еврейских святынь из Иерусалимского храма

Когда Тит увидел, что он не в силах укротить ярость рас-
свирепевших солдат, а огонь между тем все сильнее рас-
пространялся, он в сопровождении начальников вступил в
Святая Святых и обозрел ее содержимое. И он нашел все
гораздо более возвышенным, чем та слава, которой оно
пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим
восхвалениям и высоким отзывам туземцев. Так как пламя
еще ни с какой стороны не проникло во внутреннее поме-
щение храма, а пока только опустошало окружавшие его
пристройки, то он предполагал — и вполне основатель-
но, — что, собственно, храмовое здание может быть еще
спасено. Выскочив наружу, он старался поэтому побуждать
солдат тушить огонь как личными приказаниями, так и че-
рез одного из своих телохранителей, центуриона Либералия,
которому он велел подгонять ослушников палками. Но гнев и
ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже
уважение к Цезарю и страх перед его карательной вла-
стью. Большинство, кроме того, прельщалось надеждой на
добычу, так как они полагали, что если снаружи все сдела-
но из золота, то внутренность храма наполнена сокровища-
ми. И вот в то время, когда Цезарь выскочил, чтобы усми-

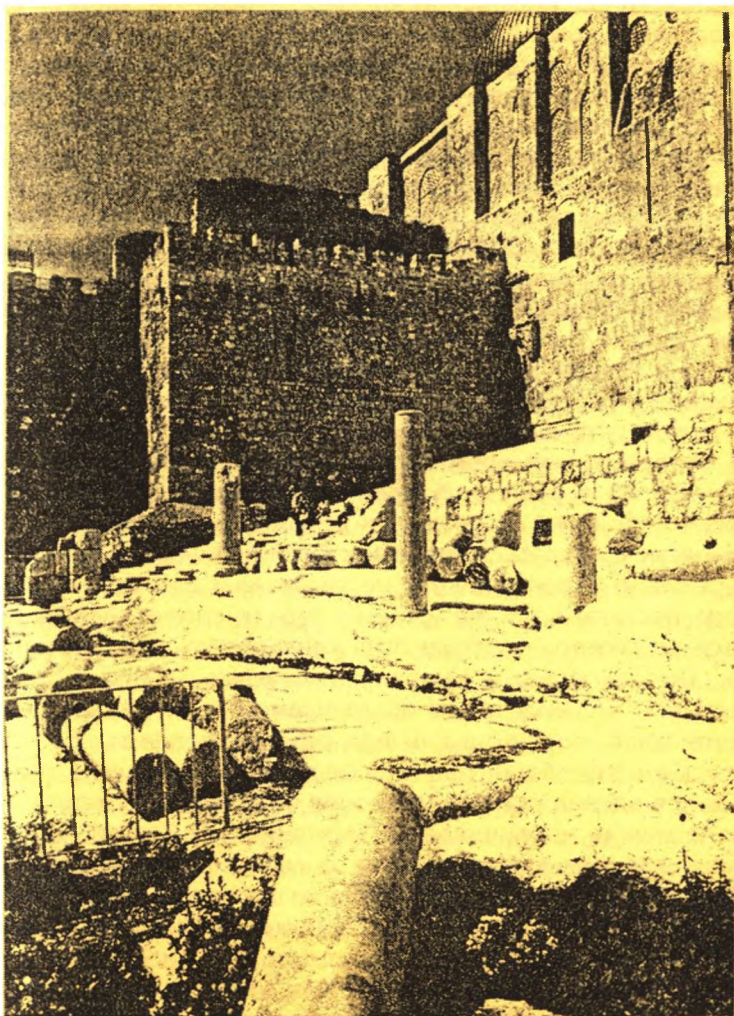
Иерусалим. Наскальный купол. Мечеть, воздвигнутая на месте
Первого и Второго Храма в 691 г. омейядским халифом
Абд Эль Малик ибн Мирваном

Соломон Мудрый

рить солдат, уже один из них проник вовнутрь и подложил огонь под дверными крюками, а когда огонь вдруг показался внутри, военачальники вместе с Титом удалились и никто уже не препятствовал стоявшим снаружи солдатам поджигать. Так храм, против воли Цезаря, был предан огню.

Как ни печальна и прискорбна гибель творения, удиви-

Иерусалим. Раскопанная археологическая лестница, ведущая на Храмовую гору

тельнейшего из всех ведомых миру и по объему, и по великолепию, и по роскошной отделке отдельных частей, славившегося к тому еще своей святостью, однако утешением должна служить мысль о неизбежности судьбы для всего живущего, для всех творений рук человеческих и для всех мест земли. Замечательна в этом случае точность времени, с которой действовала судьба. Она предопределила для разрушения, как уже было сказано, даже тот же месяц и день, в который некогда храм был сожжен вавилонянами. От первоначального его сооружения царем Соломоном до пережитого нами разрушения, состоявшегося во втором году царствования Веспасиана, прошло тысяча сто тридцать лет, семь месяцев и пятнадцать дней, а от вторичного его воссоздания Аггеем во второй год царствования Кира до разрушения при Веспасиане протекло шестьсот тридцать девять лет сорок пять дней.

В то время, как храм горел, солдаты грабили все попадавшееся им в руки и убивали иудеев на пути несметными массами. Не было ни пошады к возрасту, ни уважения к званию: дети и старцы, миряне и священники были одинаково умерщвлены. Ярость никого не различала: сдавшихся на милость постигала та же участь, что и сопротивлявшихся. Треск пылавшего повсюду огня сливался со стонами падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопя о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом, с закрытыми ртами, при виде пожара собрали остаток своих сил и громко взвыли. Наконец, эхо, приносившееся с Переи и окрест лежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем, но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитых — больше

убийц. Из-за трупов нигде не видно было земли: солдаты, преследовавшие неприятеля, бегали по целым грудам мертвых тел. Разбойничья шайка с трудом пробилась сквозь ряды римлян сначала в наружный притвор, а оттуда в город: уцелевший же еще остаток граждан спасся в наружную галерею. Некоторые из священников вначале сламывали шпицы храма вместе с оловом, в которое они были вправлены, и метали их против римлян; видя же, что ничего не достигают этим, а огонь все приближается к ним, они заняли стену, имевшую 8 локтей ширины. Но двое из знатнейших, которые могли или, перейдя к римлянам, спастись, или выждать на стене общей участи, бросились в огонь и сгорели вместе с храмом. То были: Меир, сын Билги, и Иосиф — сын Далая.

Полагая, что после разрушения храма пошата окружающих строений лишена будет всякого смысла, римляне сожгли все остальное, а именно: уцелевшие остатки галерей и ворота, за исключением двух, восточных и южных, которые, впрочем, были разрушены впоследствии. Затем они сожгли также казнохранилища, где находились огромные суммы наличных денег, бесчисленное множество одеяний и другие драгоценности, так как туда богатые помещали на хранение свои сокровища. Затем пришла очередь за оставшейся еще галереей наружного притвора, куда спаслись женщины, дети и многочисленная смешанная толпа в числе 6000 душ. Прежде чем Тит успел принять какое-либо решение и дать инструкцию военачальникам, солдаты в ярости подожгли эту галерею. Одни погибли в пламени, другие нашли смерть, бросаясь из пламени вниз. Их погибель легла на совесть одного лжепророка, который в тот день возвестил народу в городе: «Бог велит вам взойти к храму, где вы узрите знамение вашего спасения». Вообще тираны распустили тогда среди народа много пророков, которые вещали ему о помощи Божьей для того, чтобы поменьше переходило к римлянам и чтобы внушить твердость тем, которых ни страх, ни стража не удерживали. В несчастье человек становится легковверным, а когда является еще обманщик, который сулит полное избавление от всех гнетущих бед, тогда страждущий весь превращается в надежду.

Так отуманивали тогда несчастный народ обольстители,

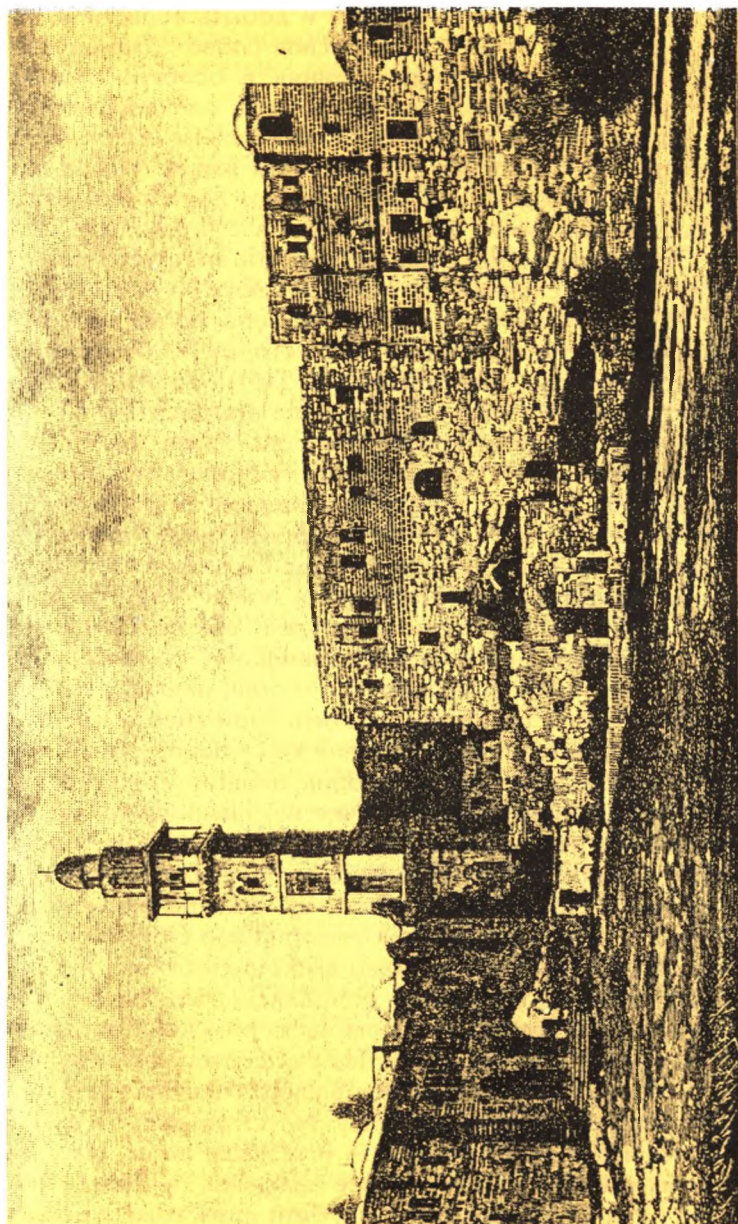
выдававшие себя за посланников Божиих. Ясным же знамениям, предвешавшим грядущее разрушение, они не верили и не вдумывались в них. Точно глухие и без глаз, и без ума, они прозевали явный глас неба, неоднократно их предостерегавший. Вот какие были знамения. Над городом появилась звезда, имевшая вид меча, и в течение целого года стояла комета. Перед самым отпадением от римлян и объявлением войны, когда народ собрался к празднику опресноков, в восьмой день месяца ксантика, в девятом часу ночи, жертвенник и храм вдруг озарились таким сильным светом, как среди белого дня, и это яркое сияние продолжалось около получаса. Несведущим это казалось хорошим признаком, но книговеды сейчас же отгадали последствия, на которые оно указывало и которые действительно сбылись. В тот же праздник корова, подведенная первосвященником к жертвеннику, родила теленка на священном месте. Далее, Восточные ворота внутреннего притвора, сделанные из меди, весившие так много, что двадцать человек и то с трудом могли запираť их по вечерам, скрепленные железными перекладинами и снабженные крюками, глубоко запущенными в порог, сделанный из цельного камня, — эти ворота однажды в шесть часов ночи внезапно сами собою раскрылись. Храмовые стражники немедленно доложили об этом своему начальнику, который прибыл на место, и по его приказу ворота с трудом были вновь закрыты. Опять профаны усматривали в этом прекрасный знак, говоря, что Бог откроет перед ними ворота спасения, но сведущие люди видели в этом другое, а именно что храм лишится своей безопасности, что ворота его предупредительно откроются врагу, и про себя считали этот знак предвестником разрушения. Спустя несколько дней после праздника, 21-го месяца артемизия показалось какое-то призрачное, едва вероятное явление. То, что я хочу рассказать, могут принять за нелепость, если бы не было тому очевидцев и если бы случившееся несчастье не соответствовало тому знамению. Перед закатом солнца над всей страной видели мчавшиеся в облаках колесницы и вооруженные отряды, окружающие города. Затем, в праздник пятидесятницы, священники, как они уверяли, войдя ночью, по обычаю служения, во внутренний притвор, услышали сначала как бы суету и шум, после чего

раздалось множество голосов: «Давайте уйдем отсюда!» Еще знаменательнее следующий факт. Некто Иешуа, сын Анана, простой человек из деревни, за четыре года до войны, когда в городе царили глубокий мир и полное благоденствие, прибыл туда к тому празднику, когда по обычаю все иудеи строят для чествования Бога куши, и близ храма вдруг начал провозглашать: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос, вопиющий над Иерусалимом и храмом, голос, вопиющий над женихами и невестами, голос, вопиющий над всем народом!» Денно и ношно он восклицал то же самое, бегая по всем улицам города. Некоторые знатные граждане в досаде на этот зловещий клич схватили его и наказали ударами очень жестоко. Но, не говоря ничего в свое оправдание, ни в особенности против своих истязателей, он все продолжал повторять свои прежние слова. Представители народа думали — как это и было в действительности, — что этим человеком руководит какая-то высшая сила, и привели его к римскому прокуратору, но и там, будучи истерзан плетью до костей, он не проронил ни просьбы о пощаде, ни слезы, а самым жалобным голосом твердил только после каждого удара: «О горе тебе, Иерусалим!» Когда Альбин — так назывался прокуратор — допрашивал его, «кто он такой, откуда и почему он так вопиет», он и на это не давал никакого ответа и продолжал по-прежнему накликивать горе на город. Альбин, полагая, что этот человек одержим особой манией, отпустил его. В течение всего времени до наступления войны он не имел сношений ни с кем из жителей города: никто не видел, чтоб он с кем-нибудь обмолвился словом, день-деньской он все оплакивал и твердил, как молитву: «Горе, горе тебе, Иерусалим!» Никогда он не проклинал того, который его бил (что случалось каждый день), равно как и не благодарил, если кто его накормил. Ни для кого он не имел иного ответа, кроме упомянутого зловещего предсказания. Особенно раздавался его голос в праздники, и, хотя он это повторял семь лет и пять месяцев, его голос все-таки не охрип и не ослабевал. Наконец во время осады, когда он мог видеть глазами, что его пророчество сбывается, обходя по обыкновению стену с пронзительным криком «горе городу, народу и храму», он прибавил в конце: «Горе также и мне!» В эту ми-

нута его ударил камень, брошенный метательной машиной, и запертво повалил его на землю. Среди этого горестного восклицания он испустил дух.

Если вникнуть во все это, то нужно прийти к заключению, что Бог заботится о людях и разными путями дает им знать, что именно служит к их благу; только собственное безумие и личная злость ввергают людей в гибель. Так точно иудеи после падения Антонии сделали свой храм четырехугольным, невзирая на то, что в их пророчествах написано, что город и храм тогда будут завоеваны, когда храм примет четырехугольную форму. Главное, что поощряло их к войне, — двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их священном писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства. Эти слова, думали они, указывают на человека их племени, и даже многие из мудрецов впадали в ту же ошибку, между тем в действительности пророчество касалось воцарения Веспасиана, избранного императором в иудейской земле. Но людям не дано избегать своей судьбы даже тогда, когда они предвидят ее. Иудеи толковали одни предзнаменования по своему желанию, а к другим относились совсем легкомысленно, пока наконец падение родного города и собственная гибель не изобличили их в неразумии.

Когда мятежники бежали в город, а храм вместе с соседними зданиями еще горел, римляне принесли свои знамена на священные места и, водрузив их против Восточных ворот, тут же совершили перед ними жертвоприношения и при громких благопожеланиях провозгласили Тита императором. Добычей все солдаты были так нагружены, что в Сирии золото упало в цене наполовину против прежнего. В то время, когда священники все еще находились на храмовой стене, один мальчик, мучимый жаждой, взмолился римским передовым постам о пощаде и просил у них воды. Из сострадания к его возрасту и положению они обещали даровать ему жизнь, после чего он сошел к ним, сам утолил свою жажду, наполнил водою и сосуд, который принес с собою, и поспешно убежал вверх к своим. Стражники не могли уже поймать его, но послали ему вдогонку упрёки в вероломстве. Он же возразил, «что ничем не нарушил условия, ибо он протянул к ним руку не для того, чтобы остаться

Руины крепости Антония в Иерусалиме

ся у них, а затем лишь, чтобы сойти и добыть воды: и то, и другое он исполнил и тем сдержал свое слово». Обманутые дивились этой изворотливости, приняв в особенности во внимание возраст мальчика. На пятый день священники, гонимые голодом, сошли вниз и были приведены стражами к Титу, которого они просили пощадить им жизнь. Но он ответил: «Время прощения для вас прошло, да и того, ради чего я, быть может, имел бы основания вас помиловать, тоже нет. Священникам подобает погибнуть вместе со своим храмом!» С этими словами он приказал всех их казнить.

Когда тираны и их шайки увидели себя побежденными везде войной, окруженными со всех сторон и лишенными возможности бегства, они послали к Титу просить о мирных переговорах. Человеколюбивый по натуре, Тит хотел по крайней мере спасти город, что советовали ему также его друзья, предполагавшие, что разбойники теперь уже присмирели. Ввиду этого он стал у западной стороны внешнего притвора. Здесь находились ворота над Ксисом и мост, который соединял Верхний город с храмом; этот мост теперь отделял тиранов от Цезаря. На обеих сторонах вокруг главных лиц толпилась масса людей: вокруг Симона и Иоанна — иудеи в нетерпеливом ожидании помилования, вокруг Тита — римляне, жаждавшие услышать его решение. Тит приказал своим солдатам укротить свой гнев и прекратить стрельбу, поставил рядом возле себя переводчика и в знак того, что он победил, заговорил первый. «Уже вы насытились страданиями вашего отечества! Наконец-то, после того как вы, не рассчитав нашего могущества и вашей собственной слабости, в безумной ярости погубили и народ, и город, и храм! По справедливости вы должны погибнуть, вы, которые с того времени, как покорил вас Помпей, всегда помышляли о мятеже и наконец выступили открытой войной против римлян. На что вы опирались? На вашу многочисленность? Смотрите, ничтожная часть римской армии может справиться со всеми вами. На поддержку союзников? Какой же это народ вне пределов вашего государства предпочтет иудеев римлянам? На вашу телесную силу? Так вы ведь знаете, что даже германцы — и те наши рабы. На крепость ваших стен? Но есть ли более надежная преграда, чем океан, и, однако, защищенные им британцы тоже прекло-

нились перед оружием римлян. На ваше мужественное терпение и хитрость вождей? Так вы же, вероятно, слышали, что даже карфагеняне были нами побеждены. А потому ничто другое не могло довести вас до войны с римлянами, кроме только мягкосердечия самих последних. Мы отдали страну в ваше владение, мы назначили вам царей из вашего народа; далее, мы уважали ваши отечественные законы и предоставляли вам не только у себя на родине, но и среди чужих жить, как вам заблагорассудится. Еще больше, мы позволяли вам для божественной службы устанавливать налоги и собирать приношения, мы не запрещали никому жертвовать добровольно и не старались вам препятствовать, чтобы вы, враги, не делались еще богаче нас и не могли бы вашими деньгами воевать с нами. Привыкнув к таким высоким благодеяниям, вы сделались надменны, восстали против тех, которые предоставили их вам, и, подобно неукротимым змеям, обрызгали своим ядом тех, которые вас ласкали. Да, раньше вы, как разрозненные и подавленные, невзирая на беспечность Нерона, коварно молчали, но, когда недуги государства обострились, вы показали себя в настоящем виде и выступили с безмерными прихотями и дерзкими надеждами. Тогда пришел мой отец в страну. Не с тем он пришел, чтобы наказать вас за то, что вы содеяли Цестию, а чтобы сделать только вам предостережение; ибо, пожелай он искоренить ваше национальное бытие, он бы начал с корня и прежде всего уничтожил бы этот город. Но он не сделал так, он только опустошил Галилею и ее окрестности, чтобы дать вам время одуматься. Вы же принимали его снисходительность за слабосилие, наша мягкость дала только пищу вашей дерзости. После кончины Нерона вы вели себя так, как только могут себя вести самые злые люди; наши междоусобные волнения внушили вам бодрость, и когда я с моим отцом отправился в Египет, вы употребили этот удобный момент для военных приготовлений и не постыдились нарушить покой тех, которые стали во главе империи и которых вы знали и за человеколюбивых полководцев. Когда государство перешло под скипетр нашего дома, порядок в нем водворился, и отдаленнейшие народы отправляли к нам послов, чтобы нас приветствовать, тогда опять одни только иудеи были нашими врагами; посольства шли

от вас по ту сторону Евфрата, чтобы взволновать тамошние племена; новые обводные стены были воздвигнуты; поднялись мятежи, раздоры между тиранами, междоусобицы — все такие явления, какие только можно ожидать от злых людей. Тогда явился я под стенами города с печальными полномочиями, которые весьма неохотно дал мне мой отец. Я слышал, что народ мирно настроен, и радовался этому. До начала борьбы я вам предлагал уняться: и во все время борьбы я был снисходителен, помиловал перебежчиков, исполнял обещания, данные мною обращающимся ко мне, смиловался над многими пленниками, удерживал наказаниями жаждавших мести, вывозил мои машины против ваших стен только по необходимости, обуздывал кровожадность солдат, после каждой победы предлагал вам мир, точно я был побежденный. Подступив наконец к храму, я опять забыл закон войны и по доброй моей воле просил вас пощадить ваше собственное святилище, спасти себе храм, дозволил вам свободное отступление, обещал пощадить жизни, а в случае отклонения этого предоставил вам случай сразиться с нами на другом месте — все это вы оттолкнули от себя и собственными руками сожгли храм, а теперь, злодеи, вы вызываете меня на переговоры! Что хотите вы еще спасти? Что может выдержать хотя бы отдаленное сравнение с тем, что уже погибло? Да и какую цену может иметь ваша жизнь после падения храма? Однако вы и теперь еще стоите здесь под оружием? Даже в самом крайнем положении вы все-таки не хотите и вида подать, что нуждаетесь в милости! Несчастные! На что вы еще уповаете? Народ ваш мертв, храм погиб, город — мой, в моих руках и ваша жизнь, и вы еще лелеете славу героической смерти? Но я не желаю состязаться с вами в безумии; если вы бросите оружие и сдадитесь, так я дарую вам жизнь. Как кроткий домохозяин, я накажу только неисправимых, а остаток спасу для себя».

Их ответ гласил: условий от него принять не могут, так как они клялись не делать этого никогда и ни в каком случае, но они просят его дать им свободно пройти через обводную стену вместе с женами и детьми; они пройдут в пустыню и оставят ему город. Возмущенный тем, что они, находящиеся в положении пленников, диктуют ему еще условия, как победители, Тит велел объявить им через вестни-

ка: ни один перебежчик не будет принят отныне, да не надеется никто на милость, ибо он не пощадит никого; пусть они сопротивляются всеми силами и спасутся, как знают, он же будет действовать только по законам войны. Одновременно с тем он приказал солдатам жечь и грабить город. Однако в тот же день они еще выжидали, но на следующий день они подожгли архив, Акру, здание совета и часть города, называвшуюся Офлой. Огонь распространился до дворца Елены, стоявшего в середине Акры, и на пути истребил также отдельные дома и улицы, наполненные телами умерших от голода.

В тот день явились к Цезарю с просьбой о помиловании сыновья и братья царя Изата в сопровождении многих знатных граждан. Как ни был Тит восстановлен против всех оставшихся еще иудеев, он все-таки не мог изменить своему характеру и принял их, приказав лишь на первых порах содержать их всех под стражей. Впоследствии он сыновей и родственников царя повел в оковах в Рим в качестве заложников.

Мятежники бросились теперь в царский дворец, где многие, ввиду его укрепленного положения, держали на хранении свои сокровища, выгнали оттуда римлян, уничтожили всю скопившуюся там чернь, около 8400 человек, и разграбили имущество. Из римлян они двух взяли в плен живыми, одного конного и одного пешего солдата. Последнего они сейчас же убили и поволокли по всему городу, словно желая в лице этого одного человека отомстить всем римлянам; всадник же, обещавший дать им полезный совет для их спасения, был приведен к Симону. Но так как он здесь не знал, что сказать, то и был предан в руки одного предводителя по имени Ардала для казни. Этот, скрутив ему руки за спину и завязав повязкой глаза, повел его вперед, для того чтобы обезглавить на виду римлян. Но, пока иудей извлекал свой меч, пленник поспешно убежал к римлянам. Тит не мог позволить себе лишить его жизни после того, как он спасся от рук неприятеля, но, считая бесчестием для римского солдата сдаться живым в плен, он приказал отнять у него оружие и исключить его из войска, что для человека с честью составляет большее наказание, чем смерть.

На следующий день римляне выгнали разбойников из Нижнего города и предали огню всю местность до Силоама.

Хотя их и тешил вид горящего города, но вместе с тем немало огорчало их лишение добычи, ибо разбойники все на чисто опорожнили и отступили в Верхний город.

Несчастье не приводило их к раскаянию; они, напротив, хвастали им, точно они достигли успеха. Глядя на горящий город, они заявляли, что теперь они спокойно и с радостью умрут — умрут, ничего не оставив врагам, ибо народ погиб, храм сожжен, а город объят пламенем. И теперь, когда дело доходило до крайности, Иосиф не уставал просить их спасти остаток города. Но сколько он ни говорил об их свирепости и нечестии, сколько ни убеждал их спасти себя, кроме насмешек, ничего не достиг. Так как они, в силу своей клятвы, не могли сдать римлянам, а оказать сопротивление тоже были не в состоянии, потому что оказались как бы заключенными в тюрьме, то, желая убийствами, сделавшимися для них привычным делом, пресечь возможность побегов, они выходили поодиночке на окраину города и, прячась в развалинах, подкарауливали тех, которые хотели переходить к римлянам. Многие, которые вследствие истощения от голода не имели сил бежать от преследователей, были ими пойманы, убиты и брошены на съедение собакам. Но всякая другая смерть казалась им сноснее голодной, и потому и бежали они к римлянам, несмотря на то, что не имели никакой надежды на помилование; поэтому они добровольно давали убивать себя и кровожадным мятежникам. Ни одного свободного места не оставалось в городе, где бы не валялись жертвы голода и разбоя, — все было покрыто трупами.

Тираны с их разбойничьей шайкой возлагали еще надежды на подземные ходы, где, как думалось им, они останутся неразысканными до окончания войны, а после, когда римляне удалятся, они снова выйдут и убегут. Но это, конечно, была мечта: им не суждено было укрыться от Бога и римлян. В надежде на эти подземные ходы они сами жгли еще больше, чем римляне. Тех, которые из горевших зданий спасались в мины, они беспощадно убивали и грабили их имущество, а если находили у кого-либо пищу, оскверненную хотя кровью, то и ее похищали и пожирали. Из-за грабежа они даже воевали друг с другом, и если бы не подоспело покорение, то они, кажется мне, в своем остервенении пожирали бы даже трупы.

Так как Верхний город, вследствие своего укрытого положения, не мог быть взят без валов, Тит в 20-й день лооса разделил войско по шанцевым работам. Тяжела была доставка леса, ибо для постройки прежних укреплений, как выше было сказано, вся окрестность города, на сто стадий кругом, была совершенно обнажена. Все четыре легиона воздвигали свои сооружения на западной стороне города, против царского дворца, между тем как вспомогательные отряды и остальная масса войска работали вблизи Ксиста, моста и той башни, которую Симон построил как опорный пункт в борьбе с Иоанном и назвал своим именем.

В эти дни вожди идумеян тайно собрались вместе и совещались относительно перехода к римлянам; они послали из своей среды пять человек к Титу с просьбой о помиловании. Тит подумал, что после ухода идумеян, составлявших большую военную силу, тираны тоже сделаются уступчивее, и потому, после долгого колебания, обещал им действительно помилование и отпустил послов обратно. Но Симон проведал про их приготовления к отступлению и немедленно казнил всех пять человек, бывших у Тита; предводителей же, в том числе и знатнейших из них, Иакова, сына Сосы, бросил в темницу, а простую идумейскую толпу, лишившуюся своих вожakov и оставшуюся беспомощной, приказал охранять и, кроме того, усилил еще охрану на стене. Тем не менее стражи не были в силах остановить побег: сколько ни убивали, а все-таки беглецов было еще больше. Римляне принимали всех, так как Тит, по кротости своей, оставлял без исполнения свои прежние угрозы, а солдаты из пресыщения и надежды на прибыль удерживались от убийств. Ибо только одиноких людей римляне пропускали мимо, всю же остальную массу они продавали с женами и детьми за бесценок как вследствие многочисленности рабов, так и незначительного числа покупателей. И хотя Тит приказал объявить, чтобы никто не переходил сам один, а брал бы с собою свои семейства, тем не менее он принимал и явившихся поодиночке. При этом он все-таки учредил суд, который выделял из перебежчиков людей, достойных наказания; несметное же множество было продано в рабство. Из числа простых жителей было помиловано и отпущено на свободу, куда кому было угодно, свыше 40 000.

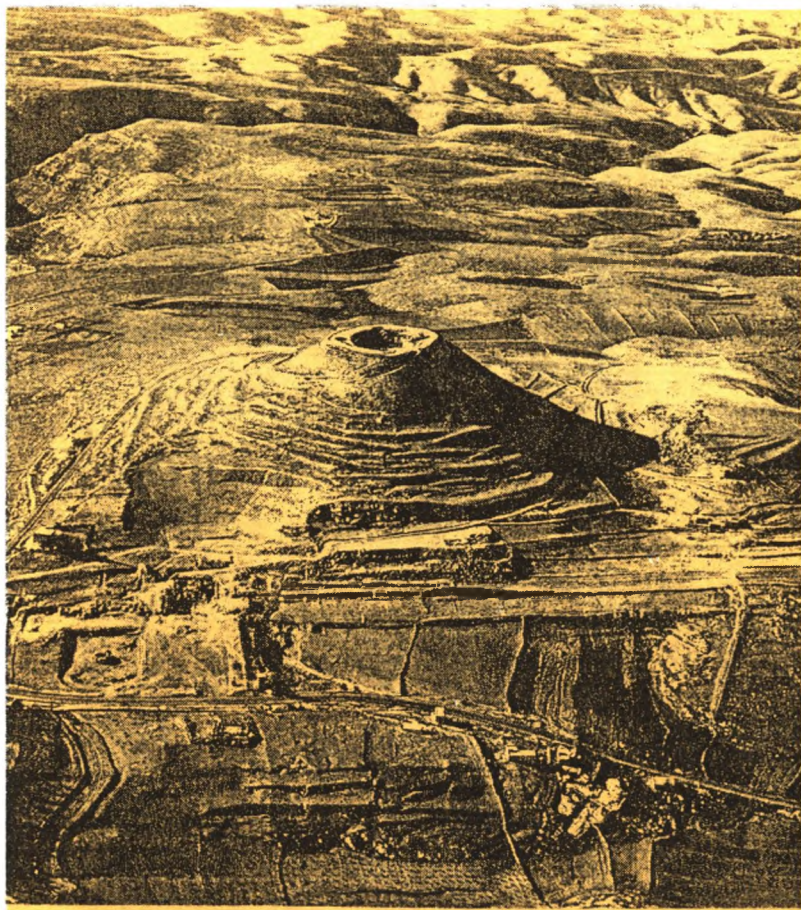

Религиозный обряд в Иерусалиме

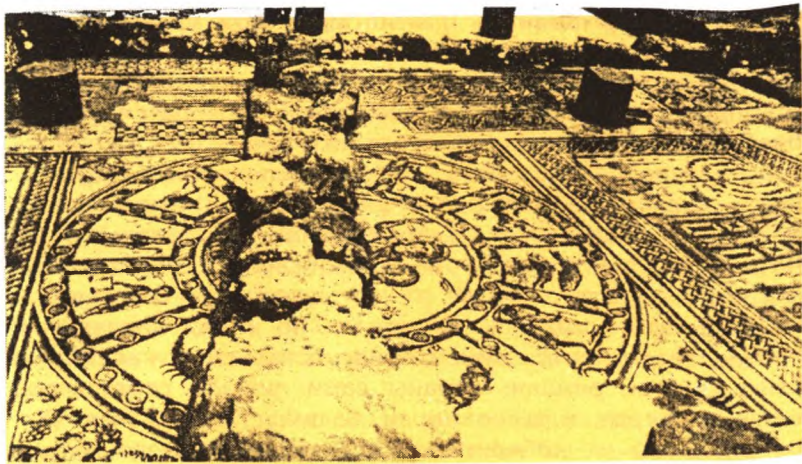
В те же дни явился также один из священников, Иешуа, сын Тебута, после того как Тит клятвенно обещал ему пошадy, под условием выдачи некоторых священных драгоценностей, и принес с храмовой стены два светильника, совершенно схожих со стоявшими в храме, столы, кувшины и чаши — все из чистого, массивного золота; вместе с тем он передал завесы и облачения первосвященника с камнями и много другой утвари, употреблявшейся при богослужении. И казнохранитель храма, по имени Пинхас, схваченный тогда же, представил облачения и пояса священников, массу пурпура и шарлаха, хранившегося в запасе на случай надобности исправления завесы, кроме того, много корицы, кассии и других благовонных веществ, из которых каждый день составлялась смесь для воскурения Богу. Еще много других драгоценностей и немало священных украшений он выдал, благодаря чему он полу-

Цитадель. Западная стена. Иерусалим

**Крепость в Иудейской пустыне, построенная Иродом Великим
в 37 г. до н. э.**

Мозаичный пол Хаматской синагоги. Тверия

чил одинаковые льготы с другими перебежчиками, несмотря на то, что был взят в плен с оружием в руках.

Наконец после восемнадцатидневной работы, в седьмой день месяца гарпея, валы были окончены и машины на них установлены. Многие из мятежников считали город уже потерянным и, оставив стены, отступили в Акру, другие побрели в подземные ходы, значительное же число, выстроившись в ряд, старалось воспрепятствовать установке машин. Но и над ними римляне вскоре восторжествовали не только благодаря своей силе и большой численности, но главным образом потому, что они со свежими, бодрыми силами боролись с приунывшими и изнемогшими. Когда часть стены была разрушена и некоторые башни поддались ударам таранов, защитники сейчас же разбежались, да и самих тиранов охватил страх, далеко не соответствовавший опасности. Ибо, прежде чем враги влезли на стену, они уже оторопели и были готовы бежать. Тогда можно было видеть этих горделивых людей, некогда кичившихся своими злодеяниями, смиренно дрожащими и до того изменившимися, что при всех своих тяжких грехах они все-таки возбуждали жалость. Им хо-

телось сделать вылазку против обводной стены, чтобы, пробившись сквозь стражу, выйти на свободу. Но их верные солдаты разбежались куда попало, а вестовые в то же время, один за другим, доносили: «Разрушена западная стена», «римляне уже вторглись», «вот они уже близко, ищут вас»; и, наконец, другие, ослепленные страхом, утверждали даже, что видят уже своими глазами врагов на башнях. Тогда они с блуждающими от страха глазами пали лицом на землю, вопили над своим безумием и не могли тронуться с места, точно сухожилия были у них перерезаны. Тогда явственно можно было видеть, как преследовал гнев Божий этих нечестивцев и как велико было счастье римлян: тираны сами лишили себя надежнейшей твердыни и покинули башни, где никакая сила не могла бы их победить, за исключением разве голода, а римляне, так много трудившиеся над менее сильными стенами, овладели укреплениями, не боявшимися никаких орудий, по одному только счастью. Ибо три башни, которые мы выше описали, устояли бы против всяких машин.

После того как они покинули эти башни, или, вернее говоря, когда Бог их изгнал оттуда, они бежали в долину, ниже Силоама, и, опомнившись немного, устремились к устроенному там укреплению. Но от страха и несчастья исчезла их прежняя отвага: они были отброшены тамошними стражами, рассеялись и скрылись в подземные ходы. Между тем римляне заняли стены, водрузили свои знамена на башнях и при ликующих рукоплесканиях запели победную песню. Конец войны оказался для них гораздо легче, чем можно было ожидать по ее началу. Им самим казалось невероятным, что последней стеной овладели они без кровопролития, и они сами недоумевали, что не нашли здесь ожидаемого противника. Тогда они устремились с обнаженными мечами по улицам, убивая беспощадно все попадавшееся им на пути и сжигая дома вместе с бежавшими туда. Они грабили много, но часто, вторгаясь в дома за добычей, они находили там целые семейства мертвецов и крыши, полные умерших от голода, и так были уstraшены этим видом, что выходили оттуда с пустыми руками. Однако искреннее сожаление, ко-

торое они питали к погибшим, не простиралось на живых: всех, попадавшихся им в руки, они умерщвляли, запруживая трупами узкие улицы и так наводняя город кровью, что иные загоревшиеся дома были потушены этой кровью. С наступлением вечера резня прекратилась, огонь же продолжал свирепствовать и ночью. В восьмой день месяца гарпея солнце взошло над дымившимися развалинами Иерусалима. За время осады город перенес столько тяжелых бед, что если бы он от начала своего основания вкушал столько же счастья, то был бы поистине достоин зависти. Но ничем он не заслужил столько несчастий, как тем лишь, что воспитал такое поколение, которое его испровергло.

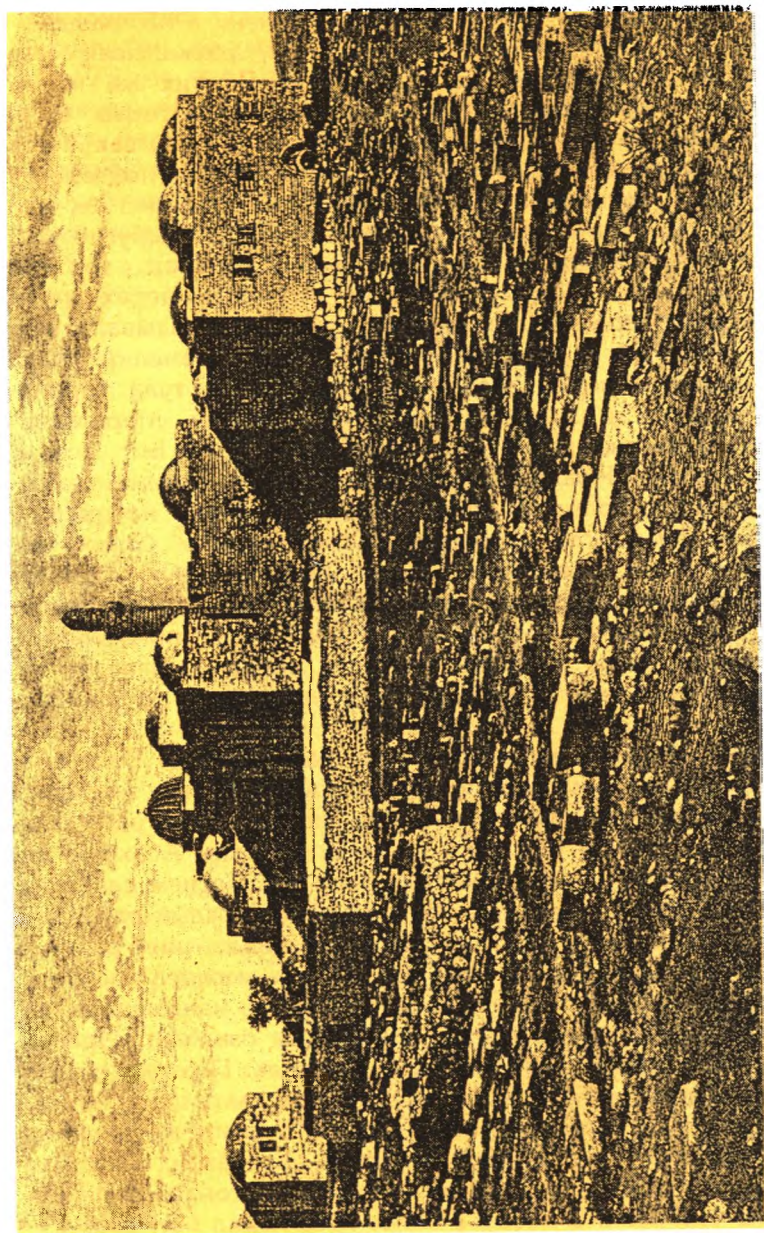
Когда Тит вступил в город, он дивился его могучим укреплениям, в особенности же тем трем башням, которые тираны в своем безумии покинули. Рассматривая высоту массивного сооружения, чудовищную величину каждого камня и тщательность сочленения их, он воскликнул: «Мы боролись, покровительствуемые Богом; только он мог оттолкнуть иудеев от таких крепостей, ибо что значили бы человеческие руки или машины против таких башен?» В этом роде он еще долго беседовал со своими друзьями. Пленников, брошенных тиранами в крепости, он выпустил на свободу; остальную часть города он разрушил, стены срыл, но те башни он оставил нетронутыми в память покровительствовавшего ему счастья, которое предало в его руки и непобедимое.

Так как солдаты устали уже от резни, а между тем появлялись еще огромные массы иудеев, то Тит отдал приказ убивать только вооруженных и сопротивляющихся, всех же других брать в плен живыми. Но вопреки приказу солдаты убивали еще стариков и слабых; только молодых, крепких и способных к труду они загнали на Храмовую гору и заперли их в женском притворе. Надсмотрщиком над ними Тит назначил своего вольноотпущенника, а другу своему Фронтону он поручил решить участь каждого из них по заслугам. Последний казнил мятежников и разбойников, выдававших друг друга, и выделил самых высоких и красивейших юношей для триумфа. Из оставшейся массы Тит отправил тех, которые были стар-

ше семнадцать лет, в египетские рудники, а большую часть раздарил провинциям, где они нашли свою смерть в театрах, кто от меча, кто от хищных зверей; не достигшие же семнадцатилетнего возраста были проданы. В те дни, когда Фронтон решал участь пленников, 11 000 умерло от голода: одни вследствие того, что стражники из ненависти не давали им есть, а другие потому, что сами отказывались от предложенной им пищи. Независимо от этого прямо не хватало хлеба для такой массы людей.

Число всех плененных за время войны доходило до девяноста семи тысяч, а павших во время осады было миллион сто тысяч. Большинство их было родом не из Иерусалима; ибо со всей страны стекался народ в столицу к празднику опресноков и здесь был неожиданно застигнут войной, так что густота населения породила прежде чуму, а скоро после нее — голод. А что город мог вмещать такую массу людей, явствует из переписи при Цестии. Последний, чтобы показать Нерону, считавшему иудейский народ совсем малозначашим, как велика степень процветания города, поручил первосвященнику по возможности привести в известность численность населения. Так как тогда наступал праздник Пасхи, когда от 9 до 11 часов приносят жертвы, а вокруг каждой жертвы собирается общество из девяти человек по меньшей мере, но часто и из двадцати (ибо одному нельзя поедать эту жертву), так сосчитали жертвы, и их оказалось 256 500. Если положим на каждую жертву только по десяти участников, то получим 2 700 000 — и то исключительно чистых и освященных, ибо прокаженные, одержимые семятечением, женщины, находившиеся в период месячного очищения, и вообще нечистые не допускались к участию в этой жертве, равно как и являвшиеся для поклонения неиудеи.

Большая часть этой массы людей прибыла извне: сама, следовательно, судьба устроила таким образом, что весь народ очутился запертым, как в темнице, и неприятельское войско оцепило город, битком набитый людьми. Размеры гибели людей превысили все, что можно было ожидать от человеческой и божеской руки. Из тех, которые и теперь еще появлялись, римляне

Гроб Давида. Сионская гора. Иерусалим

одних убивали, а других брали в плен. Они разыскивали скрывавшихся в подземельях и, раскапывая землю, убивали всех там находившихся. В этих же минах найдено было свыше 2000 мертвых, из которых одни сами себя убили, иные — друг друга, а большая часть погибла от голода. При вторжении в эти подземелья на солдат повеяло страшным трупным запахом, так что многие, как пораженные, отскочили назад; другие же, которых жадность к наживе влекла вперед, топтали кучи мертвых. И действительно, в этих пещерах находили массу драгоценностей, а корысть оправдывала всякие средства к их добыванию. Из подземелий были извлечены, наконец, пленники, брошенные туда тиранами, которые и в самые последние минуты упорствовали в своих жестокостях. Но и им обоим Бог воздал по заслугам. Иоанн, который вместе со своими братьями терпел голод в подземелье, попросил наконец у римлян так часто отвергнутой им милости; Симон же сдался после того, как вынес еще упорную борьбу, которая будет описана ниже. Симон был предназначен для триумфальной жертвы, а Иоанн — к пожизненному заключению. Римляне наконец предали огню и отдаленнейшую часть города и срыли стены до основания.

Таким образом, на втором году царствования Веспасиана, в 8-й день месяца гарпея, Иерусалим был завоеван. Пять раз он был прежде покорен, причем один раз также разрушен. Раз он был взят царем египетским Асохеем, затем Антиохом, после Помпеем, а за ним Сосием сообща с Иродом. Во всех этих случаях город был каждый раз пощажён; но еще до них он был завоеван вавилонским царем и им же разрушен спустя 1468 лет и шесть месяцев после его основания. Первый основатель города был ханаанский владетель, имя которого на туземном языке означает «Праведный царь», каким он и был на самом деле. Поэтому он был первым жрецом Бога, которому основал святилище, причем город, называвшийся прежде Солима, был им же переименован в Иерусалим. Позже иудейский царь Давид изгнал хананеев из города и населил его своими соплеменниками. Через 477 лет и 6 месяцев после него город был разрушен

вавилонянами. От царя Давида, первого иудейского царя в Иерусалиме, до разрушения, произведенного Титом, прошло 1179 лет, а от первоначального основания до последнего завоевания — 2177 лет. Ни древность города, ни невероятное богатство его, ни распространенная по всей земле известность народа, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения не могли спасти его от падения. Таков был конец иерусалимской осады.

Перевод Я. Л. Чертка

ПЛУТАРХ

ок. 46 — 126 гг.

Жизнь

Родина Плутарха — городок Херонея в греческой области Беотия, столицей которой в древности были знаменитые Фивы.

Начальное образование Плутарх получил дома. Его дед Ламприй, отец Автобул и братья Тимон и Ламирий были просвещенными людьми.

Для завершения своего образования он поехал в Афины, где стал учеником философа академической школы Аломония (66 г.).

В круг обучения Плутарха входили философия, риторика и естественные науки.

Вскоре после возвращения в Херонею, еще молодым человеком, он получил от городской общины политическое поручение к проконсулу провинции Ахайя, куда в эпоху Римской империи входили

греческие города, и успешно выполнил это поручение.

В административных делах родного города он в дальнейшем принимал участие в силу предоставленного ему звания архонта-эконима.

Административно-политические дела провинции Ахайя привели Плутарха и в Рим, где он имел знакомых среди высших слоев римского общества.

Пребывание в Риме Плутарх использовал для публичных выступлений и философских бесед.

Плутарх занимал различные общественные должности: архонта, беотарха, кроме того, ему была дана и весьма почетная должность пожизненного жреца Аполлона в Дельфах.

Вторую половину своей жизни он прожил в родной Херонее, сочетая отправление общественных обязанностей с чтением лекций на различные, главным образом философские, темы и литературными трудами.

Плутарх был человеком высоконравственным и примерным мужем и семьянином. Жену Плутарха звали Гимоксеной, у них было пятеро детей — четыре сына и дочь. Дочь Плутарха и двое сыновей умерли детьми.

На должность жреца дельфийского Аполлона Плутарх был избран в возрасте около пятидесяти лет. Его деятельность на этом посту снискала ему глубокое уважение, свидетельством чему сохранилась надпись на постаменте статуи, найденном в Дельфах в 1877 г.:

«Здесь Херония и Дельфы совместно Плутарха
воздвигли —

Амфиктионы его так повелели почитать».

Умер Плутарх между 120—130 гг.

Судьба

Плутарх обладал колоссальной эрудицией, естественно, необыкновенная образованность должна была снискать ему благосклонный прием в Риме, где он свел дружбу со многими влиятельными людьми. Первое место среди них зани-

мал Кинт Сосий Сенекион, личный друг императора Траяна, консул 99, 102, 107 гг., происходивший, как можно предположить, из рода знаменитых книгоиздателей и книготорговцев Сосиев. Ему посвятил Плутарх собранные в одно целое по его инициативе «Застольные беседы», а так же свои «Сравнительные жизнеописания».

Дружба с влиятельным Сосием Сенекионом содействовала тому, что и самому Плутарху было присвоено консульское достоинство, и Траян распорядился, чтобы без согласования с Плутархом императорский наместник в провинции не проводил бы ни одного мероприятия.

Все свое влияние Плутарх всегда стремился обратить на благо родной Херонеи и, насколько это было возможным, всей Греции.

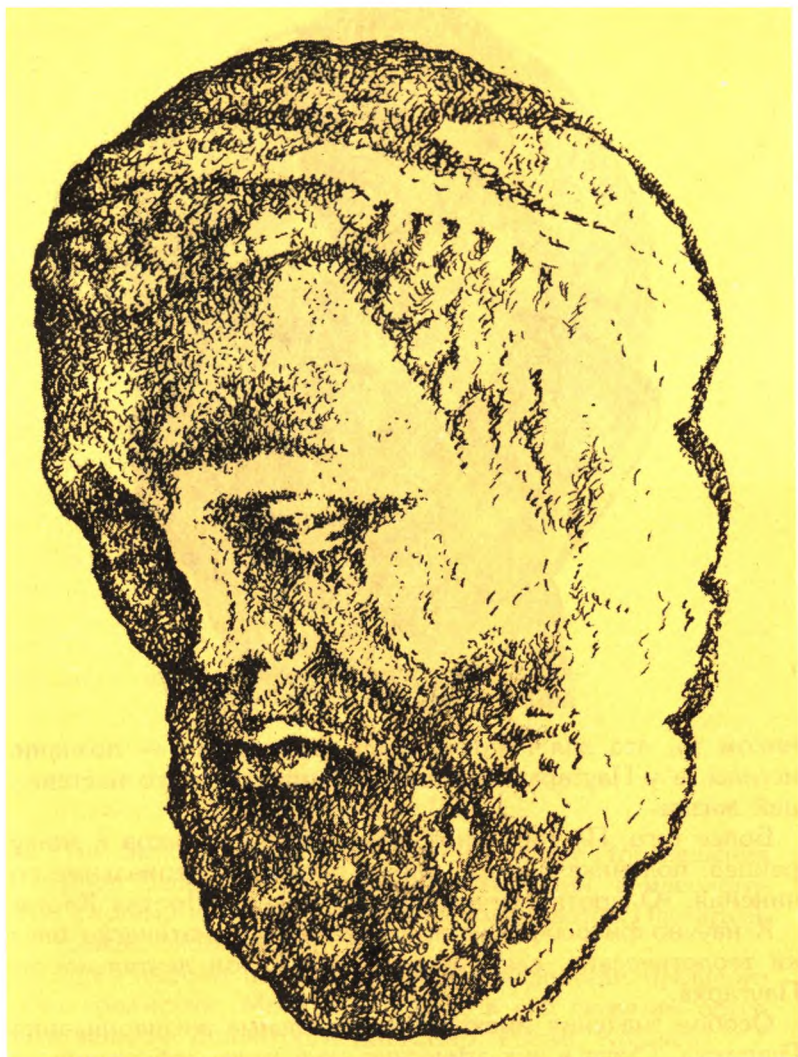
Плутарх не заблуждался насчет той видимости свободы, которую римское правительство предоставляло провинции Ахайя. Попытки восстания против римской власти Плутарх обоснованно полагал бессмысленными, и лучшее средство быть полезным родине видел в дружбе с высокопоставленными римлянами. Эту точку зрения он излагает в трактате «Наставления о государственных делах».

Формальным выражением близости Плутарха к императорскому режиму было получение им римского гражданства. Сохранилась надпись об установке амфикионами статуи пришедшего к власти императора Адриана, и исполнителем этого назван жрец Местрий Плутарх.

Получение римского гражданства иноземцем сопровождалось присвоением адаптируемому соответствующего родового имени. Плутарх стал членом рода Местриев, к которому принадлежал один из его римских друзей Лукий Местрий Флор, проконсул Азии в 83—84 гг., позднее живший в Греции и некоторое время в Херонее; он часто выступает в «Застольных беседах», как и Сенекион, в качестве участника, а иногда и хозяина застолья.

О причастности Плутарха к провинциальной администрации говорит хроникальная запись Евсевия, относящаяся уже к 119 г., т. е. к эпохе Адриана. «Старый философ Плутарх, херонец, назначен попечителем Эллады».

Плутарх считал себя верным учеником и продолжателем Платона. Но существенное различие между учителем и уче-

Плутарх

Император Траян

ником то, что для Платона цель философии — познание истины, а у Плутарха она является прежде всего наставницей жизни.

Более того, Плутарх много заимствует у стоиков и эпикурейцев, полемике с которыми он посвятил специальные сочинения: «О противоречивости стоиков» и «Против Клото».

К научно-философским произведениям тематически близки теологические, связанные со жреческой деятельностью Плутарха.

Особое значение имеют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Ставя в них этическую цель выше собственно исторической. Плутарх, вовсе к тому не стремясь, внес изменения в саму форму биографии. Моралистический принцип позволил ему создать то, что можно определить как психологическо-биографический очерк.

Каждая эпоха находила у Плутарха созвучные себе сто-

Адриан

Мрамор. Около 120 г.

роны. Так было в эпоху Возрождения, эпоху Просвещения и в период Великой Французской революции, в идеологическую систему которых органично вписывается Плутархов культ гражданской добродетели.

Плутарха высоко ценили выдающиеся деятели прошлого (Э. Роттердамский, Монтень, Гейне), к его сюжетам обращались великие драматурги (Шекспир, Расин, Корнель).

Увлекательное повествование, интерес к человеческому характеру и уважение к нравственным ценностям привлекали и привлекают к Плутарху читателей.

Творчество

Плутарху принадлежит множество произведений различного характера — философских, исторических, религиозных и даже естественнонаучных.

Существует каталог его произведений, составленный, как принято считать, его сыном Ламирием.

В этом каталоге перечислено 210 произведений.

Все написанное Плутархом делится на две группы: принесшие ему мировую славу «Сравнительные жизнеописания» и «Нравственные сочинения» («Моралии»), во многих отношениях не менее интересные, чем «Жизнеописания».

Всего «Нравственных сочинений» дошло до нас более восьмидесяти. Большая часть их посвящена вопросам философским, однако их главная задача — наставлять читателя на путь добродетели, философия же есть средство, с помощью которой он стремится достичь своей цели.

Первое место среди сочинений Плутарха принадлежит «Сравнительным жизнеописаниям» в отношении значительности воздействия, которое оказало это произведение как фактор исторического развития.

«Сравнительные жизнеописания» представляют собой биографии выдающихся греков и римлян, объединенные в пары. После каждой пары дается «Сопоставление».

«Сравнительные жизнеописания» имеют большое значение как исторический источник и литературный памятник. Это бесценный материал для специалистов-историков и для всех, кто интересуется античностью.

По мнению Плутарха, цель составителя биографий отлична от задач историка. Биограф должен раскрыть порок и добродетели, а для этого ему надо принимать во внимание не только блестящие подвиги: «Часто незначительный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битва, приведшая к десяткам тысяч трупов».

Из пятидесяти сохранившихся биографий четыре не принадлежат к циклу «сравнительных», а около двадцати биографий до нас не дошло.

В жизни и деяниях знаменитых полководцев и государственных деятелей Плутарх видит положительные и отрицательные примеры, олицетворение тех или иных нравствен-

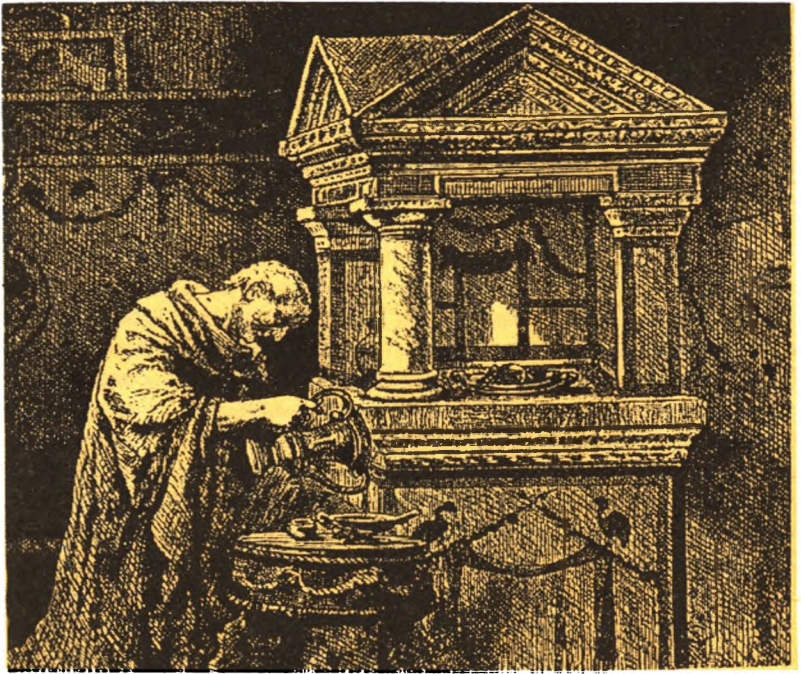
ных принципов. Созданные им героические образы древних греков и римлян вдохновляли не только поэтов, но и политических деятелей.

Само имя Плутарха как автора «Сравнительных жизнеописаний» стало в Новое время нарицательным в названиях популярных произведений этого жанра.

ПИРР

Предание гласит, что после потопа первым царем молоссов и феспротов был Фаэтон, один из тех, кто пришел в Эпир вместе с Пеласгом, но есть и другой рассказ: среди молоссов поселились Девкалион и Пирра, основавшие святилище в Додоне. Много спустя Неоптолем, сын Ахилла, явился сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов, носивших это имя потому, что и сам Неоптолем прозывался в детстве Пирром, и одного из своих сыновей, рожденных от Ланасы, дочери Клеодема, сына Гилла, назвал Пирром. С этих пор там чтут наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом. Однако при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, и только Таррип, как сообщают, просветил государство эллинскими обычаями и ученостью, впервые дал ему человеколюбивые законы и тем прославил свое имя. У Таррипа был сын Алкет, у Алкета — Ариб, у Ариба и Трояды — Эакид. Последний был женат на Фтии, дочери фессалийца Менона, который стяжал славу во время Ламийской войны и, после Леосфера, пользовался среди союзников наибольшим почетом. У Эакида и Фтии родились дочери Деидамия и Трояда и сын Пирр.

Когда восставшие молоссы изгнали Эакида и возвели на престол детей Неоптолема, а приверженцев Эакида захватили и убили, Андроклид и Ангел бежали, тайно увезя мальчика Пирра, которого уже разыскивали враги. Однако им пришлось взять с собой нескольких рабов и женщин, чтобы ходить за ребенком, и это настолько затруднило и замедлило бегство, что погоня уже настигала их, и тогда они передали мальчика Андроклиону, Гиппию и Неандру, юношам верным

Домашний алтарь

и сильным, приказав им бежать что есть духу и остановиться в македонском городке Мегары, сами же то просьбами, то силой оружия до вечера удерживали преследователей и, едва только те повернули вспять, поспешили догнать своих спутников, увозивших Пирра. Солнце уже село, и беглецы обрели было надежду на близкое спасение, но тут же ее утратили: перед ними оказалась протекавшая около города река, бурная и грозная, недоступная для переправы; ее мутные воды вздулись от выпавших дождей, и во мраке она казалась особенно ужасной. Андроклид и его спутники поняли, что собственными силами им с ребенком и женщинами никак не переправиться, и, увидев за рекой каких-то местных жителей, стали громко кричать, показывая им Пирра и умоляя помочь перебраться на другой берег. Но шум и грохот потока заглу-

шал голоса, и кричавшие лишь теряли время впустую, потому что люди на той стороне их не слышали. Наконец кто-то, догадавшись, сорвал кору с дубка, нацарапал на ней булавкой записку, в которой рассказал об их положении и о судьбе мальчика, и, завернув в кору камень, чтобы придать ей устойчивость в полете, перебросил ее через реку; другие рассказывают, что корой обернули дротик и метнули его на тот берег. Когда люди, стоявшие по ту сторону, прочли записку и поняли, что время не терпит, они принялись рубить деревья и, связав их, переправились через поток. И случилось так, что первым переправился и принял Пирра человек по имени Ахилл. Остальных — кому кого пришлось — перевезли прочие местные жители.

Ускользнув таким образом от преследования и очутившись вне опасности, беглецы прибыли в Иллирию, в дом к царю Главкию, и там, увидев царя, сидевшего вместе с женой, они положили ребенка на пол посреди покоя. Царь ... в нерешительности, он боялся Кассандра — врага Эакида — и потому долго молчал, размышляя. В это время Пирр сам подполз к нему и, схватившись ручонками за полы его плаща, приподнялся, дотянулся до колен Главкия, улыбнулся, а потом заплакал, словно проситель, со слезами умоляющий о чем-то. Другие говорят, что младенец приблизился не к Главкию, а к алтарю богов и, обхватив его руками, встал на ноги. Главкию это показалось изъявлением воли богов, и он тотчас поручил ребенка

Царь Пирр

жене, приказав ей воспитать его вместе с их собственными детьми, и когда спустя некоторое время враги потребовали отдать им мальчика, а Кассандр даже предлагал за него двадцать талантов, он не выдал Пирра. Более того, когда Пирру исполнилось двенадцать лет, Главкий с войском явился в Эпир и вернул своему воспитаннику престол.

Лицо у Пирра было царственное, но выражение лица скорее пугающее, нежели величавое. Зубы у него не отделялись друг от друга: вся верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были намечены лишь тоненькими бороздками. Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром. Говорят еще, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины все тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым. Но это относится к временам более поздним.

Когда Пирру исполнилось семнадцать лет, он, считая, что власть его достаточно крепка, отправился за пределы своей страны, чтобы взять в жены одну из дочерей Главкия, вместе с которыми он воспитывался. Тогда молоссы снова восстали, изгнали его приверженцев, разграбили имущество и призвали на царство Неоптолема. А Пирр, утратив власть и лишившись всего своего достояния, примкнул к Деметрию, сыну Антигона, женатому на его сестре Деидами. Она еще девочкой была просватана за Александра, сына Роксаны, но, когда дело Александра и его матери оказалось проигранным, ее, уже созревшую для брака, взял в жены Деметрий. В большой битве при Ипсе, где сражались все цари, Пирр, в ту пору еще совсем юный, принял участие на стороне Деметрия и отличился в этом бою, обратив противников в бегство. Когда же Деметрий потерпел поражение, Пирр не покинул его, но сперва по его поручению охранял города Эллады, а после заключения перемирия был отправ-

лен заложником к Птолемею в Египет. Там на охотах и в гимнасиях он сумел показать Птолемею свою силу и выносливость, но особенно старался угодить Беренике, так как видел, что она, превосходя остальных жен Птолемея добродетелью и разумом, пользуется у царя наибольшим влиянием. Пирр умел войти в доверие к самым знатным людям, которые могли быть ему полезны, а к низшим относился с презрением, жизнь вел умеренную и целомудренную, и потому среди многих юношей царского рода ему оказали предпочтение и отдали ему в жены Антигону, дочь Береники, которую она родила от Филиппа еще до того, как вышла за Птолемея. После женитьбы Пирр стяжал себе еще более громкое имя, да и Антигона была ему хорошей женой, и потому он добился, чтобы его, снабдив деньгами, отправили с войском в Эпир отвоевывать себе царство. Там многие были рады его приходу, ибо ненавидели Неоптолема за его жестокое и незаконное правление. Все же, опасаясь, как бы Неоптолем не обратился за помощью к кому-нибудь из царей, Пирр прекратил военные действия и по-дружески договорился с ним о совместной власти.

Однако с течением времени нашлись люди, которые стали тайно разжигать их взаимную неприязнь и подозрения. И нашлась причина, более всех прочих побудившая Пирра действовать. По старинному обычаю цари, совершая в молосском городе Пассароне жертвоприношение Аресу и Зевсу, присягают эпиротам, что будут править согласно законам, и, в свою очередь, принимают от подданных присягу, что те будут согласно законам охранять царскую власть. Пока длился этот обряд, оба царя с многочисленными приближенными проводили время вместе, обмениваясь щедрыми дарами. Гелон, которому Неоптолем особенно доверял, дружелюбно приветствовал Пирра и подарил ему две упряжки подъяремных быков. Их попросил у Пирра Миртил, один из виночерпиев, а когда царь отказал ему и отдал быков другому, Миртил был жестоко оскорблен. Его обида не укрылась от Гелона, который, как говорят, пригласил этого цветущего юношу на пир и, за вином овладев им, принялся уговаривать перейти на сторону Неоптолема и извести Пирра ядом. Миртил сделал вид, будто одобряет замыслы Гелона и поддается на уговоры, а сам сообщил обо всем Пир-

ру. По его приказу он представил Гелону и начальника виночерпиев Алексикрата, готового якобы примкнуть к их заговору. Пирр хотел иметь как можно больше улик готовящегося злодеяния. Так был обманут Гелон, а вместе с ним и Неоптолем, который, полагая, что идет прямой дорогой к осуществлению своего умысла, не сдержался и на радостях открыл его приближенным. Кроме того, на пиру у своей сестры Кадмеи он все выболтал ей, думая, что ни один человек их не слышит, ибо рядом с ними не было никого, кроме Фенареты, жены Самона, ведавшего стадами и пастбищами Неоптолема, которая, казалось, спала на своем ложе, отвернувшись к стене. Но она все слышала и, тайком придя на следующий день к Антигоне, жене Пирра, пересказала ей все, что Неоптолем говорил сестре. Узнав об этом, Пирр поначалу не подал виду, но во время празднества пригласил Неоптолема на пир и убил его, зная, что это одобряют самые могущественные эпироты, которые еще раньше призывали его устранить Неоптолема и не довольствоваться долее принадлежащей ему частицей власти, не пренебрегать своими природными способностями, но обратиться к великим делам, а Неоптолема уничтожить при первом же подозрении, не дав ему времени что-либо предпринять.

Помня о Беренике и Птолемею, Пирр назвал сына, которого родила ему Антигона, Птолемею, а городу, основанному на Эпирском полуострове, дал название Береникида.

С тех пор он питал в духе много великих замыслов, однако больше всего надежд сулило ему вмешательство в дела соседей-македонян, для которого он нашел вот какой предлог. Антипатр, старший сын Кассандра, убил свою мать Фесалонику и изгнал брата Александра. Тот отправил послов к Деметрию с просьбой о помощи и одновременно призвал Пирра. Деметрий, занятый другими делами, замешкался, а Пирр тотчас явился и потребовал в награду за союз Стиμφею и Паравею, подвластные македонянам, а также Амбракию, Акарнанию и Амфилохию, принадлежавшие покоренным ими народам. Когда юноша согласился, Пирр захватил эти области, оставил в них свои гарнизоны, а остальные владения, отобрав у Антипатра, вернул Александру. Царь Лисимах хотел помочь Антипатру, но, отвлекаемый други-

ми делами и зная, что Пирр не пожелает оказаться неблагодарным и ни в чем не откажет Птолемею, послал Пирру от имени Птолемея подложное письмо с требованием прекратить войну, взяв у Антипатра тридцать талантов. Вскрыв письмо, Пирр тотчас разгадал обман, в письме стояло не обычное обращение — «Отец приветствует сына», а другое — «Царь Птолемей приветствует царя Пирра». Выбрав Лисимаха, он тем не менее заключил мир и встретился с ним и Антипатром, чтобы скрепить договор жертвоприношением и клятвой. Когда привели барана, быка и кабана, баран неожиданно околел; все засмеялись, а предсказатель Феодот запретил Пирру клясться, объявив, что божество возвещает смерть одному из трех царей. Так Пирр отказался от мирного договора. Деметрий прибыл, когда дела Александра были улажены и тот в нем уже не нуждался. Он лишь испугал Александра, а пробыв несколько дней вместе, оба прониклись взаимным недоверием и стали строить друг другу козни. Деметрию первому представился удобный случай, он умертвил юношу и был провозглашен царем Македонии.

У Деметрия и раньше были разногласия с Пирром, который уже совершил несколько набегов на Фессалию и чья алчность — врожденный порок всех самодержцев — делала соседство с ним опасным и беспокойным, особенно после смерти Деидами. Когда же Пирр и Деметрий, поделив Македонию, столкнулись, поводов для раздора стало еще больше, и наконец Деметрий, завершив поход на этолийцев, разбив их и оставив в Этолии большие силы во главе с Пантавхом, сам выступил против Пирра, который, узнав об этом, двинулся ему навстречу. Однако оба сбились с пути и разминулись; Деметрий вторгся в Эпир и разграбил его, а Пирр напал на Пантавха и завязал с ним бой. Ожесточенно бились в этом сражении воины, но еще ожесточенней — полководцы. Пантавх, с которым, по общему признанию, ни один из военачальников Деметрия не мог сравниться ни храбростью, ни силой, ни крепостью тела, с присущей ему дерзостью и высокомерием вызвал Пирра на поединок, а тот, не желая никому из царей уступать в мужестве и стремясь, чтобы слава Ахилла досталась ему по заслугам, а не в наследство от предков, прошел через первый ряд своих

воинов и выступил навстречу Пантавху. Сперва они метнули друг в друга копья, а потом, сойдясь врукопашную, бились на мечах столь же упорно, сколь и умело. Пирр получил одну рану, а сам ранил противника дважды — один раз в бедро, другой в шею — и свалил его, но умертвить не смог, так как друзья отбили Пантавха и унесли. Эпироты, ободренные победой своего царя и дивившиеся его доблести, прорвали своим натиском строй македонян, бросились преследовать бегущих и многих убили, а пять тысяч взяли в плен.

Этот поединок и поражение, нанесенное македонянам, не столько разгневали их и вызвали ненависть к Пирру, сколько умножили его славу и внушили свидетелям и участникам битвы восхищение его доблестью. О нем много говорили и считали, что и внешностью своей, и быстротой движений он напоминает Александра, а видя его силу и натиск в бою, все думали, будто перед ними — тень Александра или его подобие, и если остальные цари доказывали свое сходство с Александром лишь пурпурными облачениями, свитой, наклоном головы да высокомерным тоном, то Пирр доказал его с оружием в руках. О его познаниях и способностях в военном деле можно судить по сочинениям на эту тему, которые он оставил. Рассказывают, что на вопрос, кого он считает лучшим полководцем, Антигон ответил (говоря лишь о своих современниках): «Пирра, если он доживет до старости». А Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место отводил Сципиону, а третье — себе, как мы рассказали в жизнеописании Сципиона. Судя по всему, Пирр занимался одним военным делом и только в него углублялся, считая, что лишь это пристало знать царю, и совершенно не ценя всякую иную образованность. Говорят, что как-то на пиру ему задали вопрос: какой флейтист кажется ему лучше, Пифон или Кафсий? Он же отвечал: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве». К приближенным Пирр был благосклонен, не гневлив и всегда готов немедля оказать друзьям благодеяние. Когда умер Аэроп, он был очень огорчен его смертью и, говоря, что того постиг конец, неизбежный для всех людей, бранил и упрекал себя за то, что, вечно собираясь и

откладывая, так и не успел оказать ему свои милости. Ведь долги можно вернуть даже наследнику заимодавца, но не воздать благодетелю, пока тот жив и в состоянии оценить это, невыносимо для человека честного и справедливого. Однажды в Амбракии кто-то ругал и позорил Пирра, и все считали, что нужно отправить виновного в изгнание, но Пирр сказал: «Пусть лучше остается на месте и бранит нас перед немногими людьми, чем, странствуя, позорит перед всем светом». Как-то раз уличили юношей, поносивших его во время попойки, и Пирр спросил, правда ли, что они вели такие разговоры. Один из них ответил: «Все правда, царь. Мы бы еще больше наговорили, если бы у нас было побольше вина». Пирр рассмеялся и всех отпустил.

После смерти Антигоны он женился еще не раз и всегда из расчета, желая расширить свои владения. Он был женат на дочери Автолеонта, царя пэонийцев, на Биркенне, дочери Бардилия, царя иллирийцев, и на Ланассе, дочери Агафокла Сиракузского, которая принесла ему в приданое захваченный Агафоклом город Керкиру. От Антигоны у него был сын Птолемей, от Ланассы — Александр, а от Биркенны — Гелен, самый младший. Всех их он с самого рождения закалял для будущих битв и воспитал храбрыми и пылкими в бою. Говорят, что один из них в детстве спросил отца, кому он оставит царство, и Пирр отвечал: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч». Это ничем не отличается от проклятия из трагедии: пусть братья

Мечом двуострым делят меж собою дом.

Вот к каким чудовишным раздорам ведет жажда власти!

После битвы Пирр вернулся домой, ликуя и блистая славой. Эпироты дали ему прозвище Орел, и он отвечал: «Благодаря вам я сделался орлом. Да и как же иначе? Ведь ваше оружие, словно крылья, вознесло меня ввысь!» Спустя недолгое время, узнав о тяжелой болезни Деметрия, он внезапно вторгся в Македонию и, хотя это был лишь набег ради добычи, чуть было не овладел всей страной и не захватил без боя целое государство: вплоть до самой Эдессы он прошел, не встречая сопротивления, причем многие присоединялись к нему и вместе с ним выступали в поход. Опасность заставила Деметрия подняться и вернула ему силы, а

его приближенные и военачальники, за короткий срок собрав большое войско, решительно и быстро двинулись навстречу Пирру. А тот, явившийся с намерением всего лишь пограбить, не мешкая пустился в бегство, по дороге потеряв под ударами македонян часть своего войска. В короткий срок легко изгнав Пирра из страны, Деметрий на этом не успокоился, но задумал большой поход, собрал стотысячное войско и снарядил флот из пятисот кораблей, чтобы вернуть себе отцовское царство. Поставив такую цель, он не желал ни тратить силы, сражаясь с Пирром, ни оставлять у границ Македонии такого опасного и докучного соседа, а потому, не имея возможности продолжать военные действия против Пирра, решил сперва заключить с ним мир, а затем обратиться против других царей.

Когда соглашение было заключено, а замыслы Деметрия и размеры подготовленных им сил стали известны всем, напуганные цари стали посылать к Пирру вестников и писать ему, что они, мол, удивляются, почему он упускает удобный для войны момент и ждет, когда такой момент представится Деметрию, почему не воспользуется возможностью изгнать его из Македонии, пока он занят делами и тесним со всех сторон, почему медлит, пока тот не развяжет себе руки и не умножит силы настолько, что молоссам придется сражаться на своей земле за святилища и могилы отцов: ведь враг уже отнял у него Керкиру вместе с женой. Дело в том, что Ланасса, часто упрекавшая Пирра за то, что он больше привязан к женам-варваркам, чем к ней, удалилась в Керкиру и, желая вступить в брак с другим царем, призвала Деметрия, который, как она знала, был более других царей охоч до женщин. Деметрий приплыл в Керкиру, сошелся с Ланассой и поставил в городе гарнизон.

Посылая Пирру такие письма, цари, пока Деметрий собирался и готовился, сами двинулись на него войной. Птолемей приплыл с большим флотом и стал подстрекать греческие города к отпадению, а Лисимах, вторгшись из Фракии в Верхнюю Македонию, разорял ее. Одновременно с ними Пирр пошел на Берию, полагая — и совершенно справедливо, — что Деметрий, выступив против Лисимаха, оставил без защиты Нижнюю Македонию. В ту ночь Пирру приснилось, будто его зовет Александр Великий; приблизив-

шись, он увидел, что царь не в силах подняться с ложа, однако обращается к нему с ласковой и дружелюбной речью и обещает немедля помочь. Когда же он осмелился спросить: «Как ты, царь, сможешь помочь мне? Ведь ты болен!» — Александр ответил: «Одним моим именем» — и, сев верхом на нисейского коня, поехал впереди Пирра. Ободренный этим сновидением, Пирр, не теряя времени, быстро прошел все расстояние до Берои, занял город и там остановился с большею частью войска, а остальные города захватили его полководцы. Услышав об этом и узнав, что недовольные македоняне в его лагере стали роптать, Деметрий побоялся вести их дальше, чтобы они не перебежали к прославленному царю, македонянину по рождению, когда окажутся поблизости от него. Поэтому он повернул вспять и повел их на Пирра — чужестранца, ненавистного македонянам. Однако, когда он разбил свой лагерь неподалеку от Пиррова войска, из Берои явилось множество людей, и все восхваляли Пирра — знаменитого, непобедимого в сражениях и в то же время милостивого и благосклонного к тем, кто оказывался под его властью. А некоторые, посланные Пирром и выдававшие себя за македонян, говорили, что настало время избавиться от жестокости Деметрия и перейти на сторону Пирра, друга воинов и простого народа. И вот, подстрекаемые такими речами, многие македоняне стали искать и высматривать Пирра: он в это время был как раз без шлема, и они смогли узнать его, только когда он, сообразив, что происходит, снова надел свой знаменитый шлем с султаном и козлиными рогами. Сбежавшись к нему, иные македоняне стали спрашивать у него пароль, а иные увенчали себя свежими ветвями дуба, ибо видели, что многие приближенные Пирра носят такие же венки. Нашлись и такие, кто осмелился заявить Деметрию в лицо, что, по их мнению, он поступит разумно, если все бросит и откажется от власти. Видя, что это не пустые слова и что им полностью отвечает настроение в лагере, Деметрий испугался и тайком бежал, надев широкополую шляпу и накинув простой плащ. Пирр двинулся на лагерь, без боя занял его и был провозглашен царем македонян.

Когда появился Лисимах и, считая разгром Деметрия общей заслугой, стал требовать у Пирра раздела власти, тот

принял его предложение, потому что, сомневаясь в македонянах, не мог твердо на них положиться, и цари поделили между собой страну и города.

Сперва это решение послужило им на пользу и прекратило войну, но вскоре оба убедились, что раздел власти стал для них не концом вражды, а лишь источником распри и взаимных обвинений. Да и как же те, для чьей алчности не служат пределом ни море, ни горы, ни безлюдная пустыня, чьи вождения не останавливаются перед границами, отделяющими Европу от Азии, как могут они довольствоваться тем, что имеют, и не посягать друг на друга, когда их владения соседствуют и соприкасаются между собой? Коварство и зависть, присущие им от природы, всегда побуждают их воевать, и, смотря по обстоятельствам, они пользуются словом «мир» или «война», будто разменной монетой, не во имя справедливости, а ради собственной выгоды. И лучше, когда они воюют открыто и не говорят о дружбе и справедливости, между тем как сами воздерживаются лишь от прямого и явного нарушения права. Все это Пирр ясно доказал на деле: желая помешать и воспрепятствовать Деметрию, вновь крепнувшему и набиравшемуся сил, точно после тяжелой болезни, он явился в Афины, чтобы оказать помощь грекам. Поднявшись на акрополь, он принес жертвы Афине и в тот же день, сойдя вниз, объявил народу, что доволен его расположением и верностью и что афиняне, если они в здравом уме, уже не впустят в город никого из царей и ни перед кем не раскроют ворота. Затем Пирр заключил мир с Деметрием, но вскоре, когда тот отправился воевать в Азию, он по совету Лисимаха стал побуждать Фессалию к отпадению и тревожить набегами греческие гарнизоны, используя отряды македонян, которые были надежнее в походе, чем на отдыхе; впрочем, и сам он не был рожден для мирной жизни. После поражения Деметрия в Сирии Лисимах, избавленный от постоянной заботы и тревоги, двинулся наконец на Пирра, который стоял лагерем под Эдессой. Сперва он напал на обозы, подвозившие продовольствие, захватил их и этим вызвал в войске Пирра голод, затем письмами и речами побудил знатнейших македонян к измене, пристыдив их за то, что они поставили над собой господином чужестранца, чьи предки всегда

были рабами македонян, а друзей и ближайших соратников Александра изгнали из Македонии. Когда многие склонились на уговоры Лисимаха, Пирр, испугавшись, ушел с войсками эпиротов и союзников, потеряв Македонию так же, как прежде приобрел. Значит, цари не имеют оснований обвинять народ, что он всегда на стороне того, с кем выгодней идти: ведь, поступая так, народ лишь подражает им, подлинным наставникам в вероломстве и предательстве, верящим, что наиболее преуспевает тот, кто меньше всего считается с правом.

Тут судьба дала Пирру, изгнанному в Эпир и потерявшему Македонию, возможность спокойно владеть тем, что он имел, и мирно править своими эпиротами. Однако он тяготился такой жизнью и скучал, когда сам не чинил никому зла и ему никто не доставлял хлопот. Словно Ахилл, он, сокрушающей сердце печалью,

Праздный сидел, но душою алкал он и боя, и брани.

И вот ему, томящемуся в ожидании счастливого случая, представилась новая возможность действовать. Римляне напали на тарентинцев. У тех не было сил вести войну, но бесчестная дерзость вожаков народа не давала им сложить оружие, и тогда они задумали призвать и сделать военачальником в войне против римлян Пирра, отличного полководца и в то время самого праздного из царей. Правда, старейшие и наиболее благоразумные граждане были против такого замысла, однако тех из них, кто выступал открыто, сторонники войны криками и прямым насилием прогнали из Собрании, прочие же, видя это, удалились сами. И вот один рассудительный человек, по имени Метон, в день, когда должны были принять решение, надел увядающий веноч, взял в руки факел, как делают обычно пьяные, и явился в Народное собрание, сопровождаемый флейтисткой. Как бывает везде, где власть народа не знает должных пределов, толпа, увидев это шествие, встретила его рукоплесканиями и смехом, и никто не остановил Метона, напротив, его просили вместе с флейтисткой выйти на середину и спеть. Он сделал вид, будто так и собирается поступить, но, когда воцарилось молчание, сказал: «Тарентинцы! Как хорошо вы делаете, что позволяете желающим бражничать и

шутить, пока можно. Но если вы в здравом уме, то поспешите и сами воспользоваться этой вольностью; ведь, когда в город явится Пирр, дела пойдут иначе и другая жизнь начнется для нас». Эти слова многим тарентинцам показались убедительными. и Собрание подняло крик, что Метон правильно говорит. Однако те, кто боялся, как бы после заключения мира их не выдали римлянам, обругали народ за то, что он так добродушно позволяет пьяному бесстыднику высмеивать его, а Метона сообща прогнали. Итак, мнение сторонников войны возобладало, и в Эпир отправили послов, чтобы отвезти Пирру дары от имени не только тарентинцев, но всех вообще италиотов, и сказать, что им нужен разумный и прославленный полководец и что в их распоряжении есть большие силы луканцев, мессапов, самнитов и тарентинцев: всадников около двадцати тысяч, а пехотинцев триста пятьдесят тысяч. Эти речи воспламенили не только Пирра, но и эпиротам внушили нетерпеливое желание выступить в поход.

Жил тогда некто Киней, фессалиец, человек, по общему мнению, очень разумный, ученик Демосфена и, кажется, единственный среди ораторов того времени, чья речь силой и страстностью заставляла слушателей вспоминать его учителя. Пирр, которому он служил, посылал его в разные города, и Киней на деле подтвердил изречение Еврипида:

Словом можно сделать все,
Чего с оружием в битвах добиваются.

Пирр говорил, что Киней своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках, и всегда оказывал этому человеку высокое уважение и пользовался его услугами. Видя, что Пирр готов выступить в поход на Италию, Киней выбрал момент, когда царь не был занят, и обратился к нему с такими словами: «Говорят, что римляне народ доблестный, и к тому же им подвластно много воинственных племен. Если бог пошлет нам победу над ними, что даст она нам?» Пирр отвечал: «Ты, Киней, спрашиваешь о вещах, которые сами собой понятны. Если мы победим римлян, то ни один варварский или греческий город в Италии не сможет нам сопротивляться, и мы быстро овладеем всей страной; а уж кому, как не тебе, знать, сколь она обширна, бо-

гата и сильна!» Выждав немного, Киней продолжал: «А что мы будем делать, царь, когда завладеем Италией?» Не разгадав еще, куда он клонит, Пирр отвечал: «Совсем рядом лежит Сицилия, цветущий и многолюдный остров, она простирает к нам руки, и взять ее ничего не стоит: ведь теперь, после смерти Агафокла, там все охвачено восстанием и в городах безначалие и буйство вожаков толпы». — «Что же, это справедливо, — продолжал Киней. — Значит, взяв Сицилию, мы закончим поход?» Но Пирр возразил: «Если бог пошлет нам успех и победу, это будет только приступом к великим делам. Как же нам не пойти на Африку, на Карфаген, если до них оттуда рукой подать? Ведь Агафокл, тайком ускользнув из Сиракуз и переправившись с ничтожным флотом через море, чуть было их не захватил! А если мы ими овладеем, никакой враг, ныне оскорбляющий нас, не в силах будет нам сопротивляться, не так ли?» — «Так, — отвечал Киней. — Ясно, что с такими силами можно будет и вернуть Македонию, и упрочить власть над Грецией. Но когда все это сбудется, что мы тогда станем делать?» И Пирр сказал с улыбкой: «Будет у нас, почтеннейший, полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы». Тут Киней прервал его, спросив: «Что же мешает нам теперь, если захотим, пировать и на досуге беседовать друг с другом? Ведь у нас и так есть уже то, чего мы стремимся достичь ценой многих лишений, опасностей и обильного кровопролития и ради чего нам придется самим испытать и причинить другим множество бедствий». Такими словами Киней скорее огорчил Пирра, чем переубедил: тот хотя и понял, с каким благополучием расстанется, но был уже не в силах отказаться от своих желаний и надежд.

Сперва он послал к тарентинцам Кинея во главе трех тысяч солдат, затем погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот прашников. Как только все было готово, Пирр отчалил; но, когда он вышел на середину Ионийского моря, его суда понес необычный для этого времени года бурный северный ветер. Благодаря храбрости и расторопности гребцов и кормчих, не шадивших труда и рисковавших самую жизнь, кораблю Пирра удалось приблизиться к берегу. Остальные корабли

были рассеяны бурей, причем часть их снесена мимо берегов Италии в Ливийское и Сицилийское море, а прочие не смогли миновать Япигский мыс и, застигнутые ночной тьмой, были прибиты сильными волнами к непроходимым мелям. Погибли все корабли, кроме царского, который благодаря своей величине и прочности выдерживал натиск моря, пока волна била ему в борт; но затем ветер подул с суши, и появилась опасность, что, идя навстречу огромным валам, корабль будет разбит, а носиться в бушующем море по воле ветра, то и дело менявшего направление, казалось самым страшным из всех грозящих бедствий. Поэтому Пирр выбросился в море, а приближенные и телохранители немедленно кинулись его спасать. Однако в темноте, в шуме прибоя, среди откатывающихся назад валов трудно было оказать ему помощь, и только на рассвете, когда ветер спал, Пирр выбрался на берег, изможденный телом, но бодрый духом, отважный и готовый преодолеть любые превратности. Тут сбежались мессапы, на землю которых его вынесло море, по мере сил оказали ему помощь и подвели к земле немногие уцелевшие корабли, на которых было несколько десятков всадников, меньше двух тысяч пехотинцев и два слона. С этими силами Пирр направился в Тарент. Киней, узнав о прибытии царя, вышел с солдатами ему навстречу. Вступив в город, Пирр ничего не предпринимал против желания тарентинцев, пока не подошли спасшиеся корабли и не собралась большая часть его войска. К этому времени Пирр увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек. Потому он закрыл все гимнасии и портики, где тарентинцы, прогуливаясь, вершили военные дела на словах, положил конец неуместным пирам, попойкам и шествиям и многих призвал в войско. Производя этот набор, Пирр был так неумолимо суров, что многие из тарентинцев, которые не привыкли повиноваться и жили в свое удовольствие, а всякую иную жизнь считали рабством, покинули город.

Когда пришло известие, что римский консул Левин с большими силами опустошил Луканию и наступает на Тарент, Пирр счел недостойным в бездействии смотреть, как

приближается враг, и выступил с войском, не дождавшись прихода союзных отрядов. Предварительно он послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиотов законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником. Когда же Левин ответил, что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна, Пирр выступил в поход и расположился лагерем на равнине между Пандосией и Гераклеей. Узнав, что римляне остановились неподалеку, за рекой Сирисом, Пирр верхом отправился к реке на разведку; осмотрев охрану, расположение и все устройство римского лагеря, увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле — посмотрим». И, уже опасаясь за дальнейшее, он решил дождаться союзников, а на тот случай, если римляне попытаются перейти реку раньше, поставил стражу, чтобы помешать переправе. Но римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу, причем пехота переходила реку там, где был брод, а конница — в разных местах, так что греки, боясь окружения, отступили. Узнав об этом, Пирр встревожился и приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок. Приблизившись, он увидел над рекой множество щитов и конницу, двигавшуюся строем, и первым бросился вперед, пришпорив коня. Во время битвы красота его оружия и блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, поспевая на помощь всем, кого, казалось, одолевал противник. Один македонянин, по имени Леоннат, заметил, что какой-то италиец неотступно скачет вслед за Пирром, направляя своего коня туда же, куда он, и следя за каждым его движением: «Видишь, царь, — сказал Леоннат, — того варвара на вороном коне с белыми бабками? Кажется, он замышляет грозное и страшное дело.

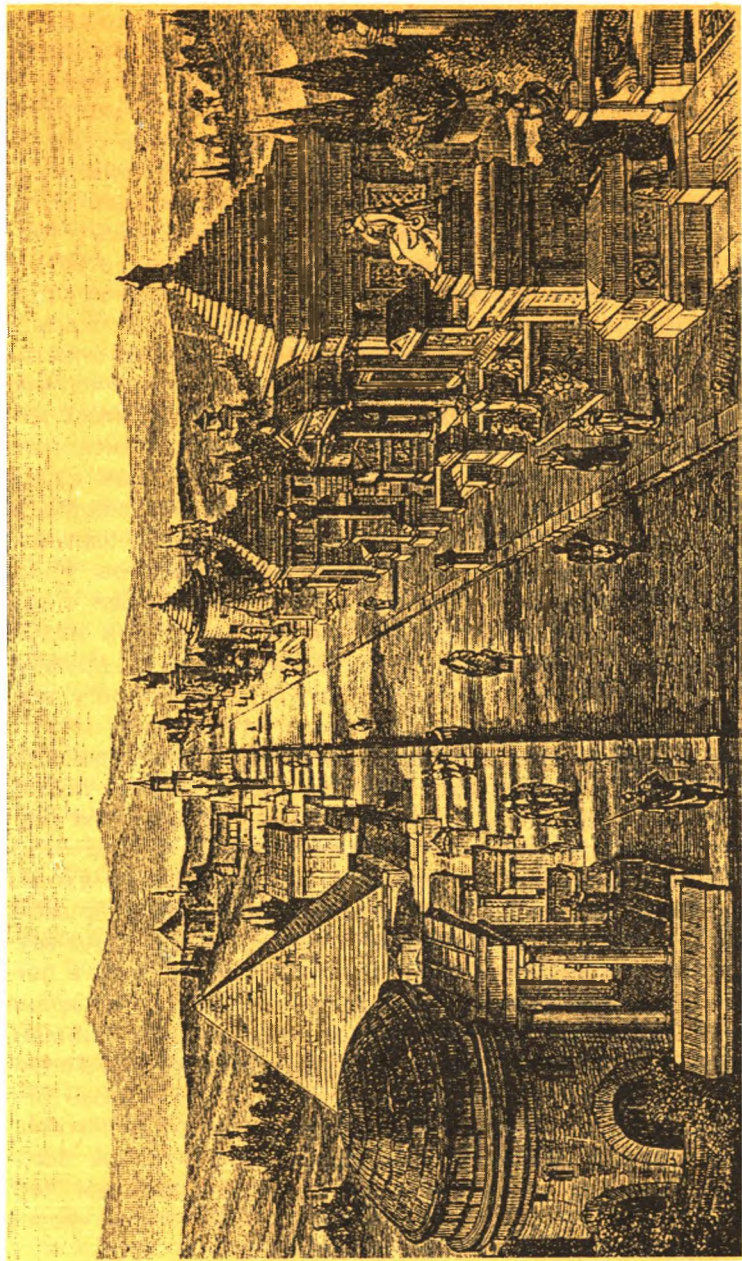
Он полон злобы и дерзости, он не спускает с тебя глаз и повсюду преследует тебя, ни на кого больше не обращая внимания. Остерегайся его!» А Пирр ответил: «От судьбы, Леоннат, не уйдешь. А безнаказанно сойтись со мной врукопашную ни ему, ни иному кому из италийцев не удастся!» Пока они так разговаривали, италиец, занеся копьё и дав шпоры коню, напал на Пирра. Он поразил копьём царского скакуна, и одновременно Леоннат, метнув копьё, поразил его коня. Кони упали. Пирра унесли окружавшие его приближенные, а италийца, продолжавшего сопротивляться, убили. Он был френтан родом, командовал конным отрядом, и звали его Оплак. Этот случай научил Пирра осторожности; видя, что его конница отступает, он послал за пехотой и выстроил ее в фалангу, сам же отдал свой плащ и оружие одному из приближенных, Мегаклу, надел его вооружение и повел войско на римлян. Те выдержали натиск, и завязался бой, исход которого долгое время не мог определиться: говорят, что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими. А обмен оружием, который в другое время послужил бы на пользу царю, чуть было не погубил его дело и не отнял у него победу, ибо за Мегаклом гналось много врагов, и первый, кому удалось сразить его, римлянин по имени Дексий, сорвал с него шлем и плащ, подскочил к Левину и показал ему добычу, крича, что убил Пирра. Когда шлем и плащ стали передавать по рядам и показывать всем, римляне подняли радостный крик, а греки пали духом и ободрились лишь после того, как Пирр, узнав о случившемся, проехал по полю боя, открыв лицо, простирая к сражающимся правую руку и громко окликая их, чтобы его могли узнать по голосу. В конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять, не успев приблизиться к врагам, а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил. Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян. Иероним утверждает, что только семь. Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму — меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых, и

вдобавок из полководцев и приближенных он лишился тех, кому больше всего доверял и всегда поручал самые важные дела. Зато он взял лагерь, покинутый римлянами, привлек на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяло лишь триста стадиев. После битвы к нему пришло множество луканов и самнитов, и хотя Пирр упрекнул их за промедление, было ясно, что он радуется и гордится, одержав победу над огромными силами римлян только со своими воинами и с тарентинцами.

Римляне не лишили Левина власти, хотя, как говорят, Гай Фабриций, считавший, что поражение потерпел полководец, а не войско, заявил: «Не эпироты победили римлян, а Пирр — Левина». Пополнив свои легионы и набрав новые, римляне продолжали говорить о войне так, что Пирр был поражен их бесстрашием и надменностью. Полагая, что разгромить римлян окончательно и взять их город дело нелегкое, а при его военных силах и вовсе невозможное, он решил отправить в Рим посольство и разведать, не расположены ли там пойти на соглашение: ведь он лишь приумножил бы свою славу, прекратив войну и заключив союз после победы. Киней, отправленный послом, встретился с самыми знатными римлянами, а их женам и сыновьям поднес от имени царя подарки. Этих подарков никто не принял, но все отвечали, что если их государство заключит с царем союз, то и они с радостью предложат ему свою дружбу. Когда же Киней привели в сенат и он в пространной и дружелюбной речи сказал, что царь без выкупа отпускает всех взятых в бою пленных и обещает римлянам помощь в завоевании Италии, ничего не требуя взамен, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента, никто не высказал ни радости, ни готовности принять это предложение, хотя многие открыто склонялись к заключению мира, считая себя побежденными в решительном сражении и ожидая новых неудач после того, как итальянцы присоединятся к Пирру и силы его возрастут. Тем временем о царском посольстве узнал Аппий Клавдий. Прославленный муж, он по старости и слепоте уже оставил государственную деятельность, но, когда распространились слухи, что сенат собирается принять решение о перемирии, не выдержал и прика-

Аппий Клавдий Слепой выступает в сенате

Аппиева дорога

зал рабам нести его на носилках через форум в курию. У дверей его окружили сыновья и зятя и ввели в зал; сенат встретил его почтительным молчанием. А он, тотчас же взяв слово, сказал: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришел в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди италийцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Не думайте, что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов». Эта речь Аппия внушила сенаторам решимость продолжать войну, и они отослали Кинея, передав с ним такой ответ: пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведет переговоры о дружбе, а пока он остается с войсками в Италии, римляне будут воевать с ним, доколе хватит сил, даже если он обратит в бегство еще тысячу Левинов. Говорят, что Киней во время своего посольства старался присмотреться к жизни римлян, понять, в чем достоинства их государственного устройства, побеседовать со знатнейшими из них и что, рассказав обо всем Пирру, он прибавил, что сенат показался ему собранием царей, а если говорить о народе, то он, Киней, боится, как бы не пришлось сражаться с неким подобием Лернейской гидры: ведь у консула насчитывается уже вдвое

больше войск, чем было раньше, а в Риме остается еще во много раз больше людей, способных носить оружие.

После этого к Пирру отправилось из Рима посольство вести переговоры о пленных, и среди послов был Гай Фабриций, человек крайне бедный, но доблестный и воинственный, чье слово, как утверждал Киней, было для римлян решающим. Пирр наедине дружелюбно убеждал его принять в подарок золото, уверяя, что дает ему деньги не в награду за позорную измену, а просто в знак дружбы и гостеприимства. Фабриций отказался, и Пирр в тот день ничего больше не предпринял, но, желая поразить римлянина, никогда не видавшего слона, приказал на следующий день во время переговоров поставить самое большое из этих животных позади послов, скрыв его занавесом. Так и было сделано: по знаку царя занавес отдернули, слон неожиданно протянул хобот над головой Фабриция и оглушительно затрубил. Но тот, спокойно обернувшись, улыбнулся и сказал Пирру: «Право, сегодня вид этого чудовища смутил меня не больше, чем вчера — золото». Во время пира они беседовали о разных предметах, но больше всего — о Греции и ее философах, и Киней, случайно упомянув об Эпикуре, рассказал, что говорят его ученики о богах, государстве, о цели жизни: ее они видят в удовольствиях, избегают государственной деятельности, ибо она лишь нарушает и отнимает счастье, а божеству, чуждому гнева и милосердия, не заботящемуся о наших делах, они приписывают жизнь праздную и полную наслаждений. Киней еще не кончил рассказывать, как Фабриций вскричал: «О Геракл, если бы и Пирр, и самниты придерживались этого учения, пока воюют с нами!» Пирр был поражен его бескорыстием и благородством и еще больше укрепился в желании стать союзником Рима, а не воевать с ним. Фабрицию же он предложил, если тот добьется заключения мира, уехать вместе с ним и быть первым среди его приближенных и полководцев. Но, как рассказывают, тот спокойно ответил: «Ведь это невыгодно для тебя, царь: те, кто теперь дивится тебе и чтит тебя, захотят иметь царем меня, едва узнают мой нрав». Таков был Фабриций. Пирр, однако, не разгневался на его слова, как сделал бы любой деспот, но рассказал друзьям о величии его духа и ему одному доверил пленных, с условием, что их

отошлют обратно после того, как они повидаются с близкими и справят дома Сатурналии, если до этого времени сенат не примет решения о мире. И в самом деле, пленные были отосланы назад к Пирру, причем сенат постановил карать смертной казнию тех, кто не возвратится.

Спустя некоторое время, когда командование перешло к Фабрицию, к нему в лагерь явился человек и принес письмо, написанное царским врачом: тот предложил известить Пирра ядом и тем самым без всякой опасности для римлян избавить их от войны, если они пообещают вознаградить его. Но Фабриций, возмущенный его вероломством, убедил своего товарища по должности отправить Пирру письмо, заключавшее совет остерегаться козней врача. Вот что было в нем написано: «Консулы Гай Фабриций и Квинт Эмилий приветствуют царя Пирра. Кажется нам, что ты не умеешь отличать врагов от друзей. Прочти посланное нами письмо и узнай, что с людьми честными и справедливыми ты ведешь войну, а бесчестным и негодным доверяешь. Мы же предупреждаем тебя не из расположения к тебе, но чтобы твоя гибель не навлекла на нас клевету, чтобы не пошли толки, будто мы победили в войне хитростью, не сумев победить доблестью». Получив письмо и узнав о злом умысле, Пирр покарал врача и, желая отблагодарить Фабриция и римлян, отпустил без выкупа всех пленных, Киней же снова послал добиваться мира. Римляне считали неподобающим для себя принимать пленных от врага ни в знак его приязни, ни в награду за то, что они воздержались от преступления, а потому без выкупа вернули пленных самнитам и тарентинцам, отказавшись, однако, начать переговоры о мире и союзе прежде, чем Пирр не прекратит войну и не отплывет с войском обратно в Эпир на тех же судах, на которых прибыл.

Тогда Пирр, которого обстоятельства заставляли искать нового сражения, выступил и встретился с римлянами близ города Аскула, но неприятель оттеснил его в места, непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй. Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его. На следующий день, задумав перенести битву на равнину и бросить в бой слонов, Пирр заранее

укрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами множество метателей дротиков и стрелков из лука, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй. Римляне не могли уклониться в сторону и ударить с фланга, как в предыдущем сражении, и встретили противника на равнине лицом к лицу, стремясь скорее отбросить тяжелую пехоту, пока не подошли слоны. Римские воины упорно бились мечами против сарисс и, не щадя себя, не обращая внимания на раны, думали только о том, как бы поразить и уничтожить побольше врагов. Говорят, что много времени прошло, прежде чем они начали отступать, и именно там, где их теснил сам Пирр. Но и ему принес успех главным образом мощный натиск слонов, ибо против них воинская доблесть была бессильна и римляне считали, что перед этой силой, словно перед прибывающей водой или разрушительным землетрясением, следует отступить, а не упорствовать и гибнуть понапрасну самой страшной смертью там, где нельзя помочь делу. Римляне бежали в свой лагерь, который был неподалеку. Иероним говорит, что погибло шесть тысяч римлян, а воинов Пирра, как сказано в царских записках, было убито три тысячи пятьсот пять человек. Дионисий же отрицает, что под Аскулом было два сражения, и пишет, что римляне не признавали себя побежденными; по его словам, все произошло в течение одного дня, битва продолжалась до захода солнца, и враги разошлись лишь после того, как Пирр был ранен дротиком в руку, а самниты разграбили его обоз, причем и из войска Пирра, и у римлян погибло более чем по пятнадцати тысяч человек. Сигнал к отступлению подали обе стороны, и говорят, что Пирр заметил какому-то человеку, радовавшемуся победе: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем». Погибла большая часть войска, которое он привез с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того, он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро пополняется людьми, словно они притекают из какого-то бьющего в Риме неиссякаемого источника, и что после всех поражений римляне не пали духом, но гнев лишь приумножил их упорство.

В этот трудный момент у Пирра появились новые надежды. Ему даже пришлось выбирать, потому что одновременно к нему обратились сицилийцы, предложившие занять Акрагант, Сиракузы и Леонтины и просившие изгнать карфагенян и освободить остров от тиранов, и вестники из Греции, сообщившие, что Птолемей Керавн пал в битве с галатами и теперь самое время явиться в Македонию, лишившуюся царя. Пирр сетовал на судьбу, которая в один и тот же час представила ему две возможности совершить великие дела, ибо понимал, что от одной из них необходимо отказаться, и долго колебался. Но затем, решив, что в Сицилии его ждут более славные подвиги и что оттуда недалеко до Африки, он предпочел двинуться на остров и, как обычно, тотчас же послал вперед Кинея для предварительных переговоров с сицилийскими городами. В Таренте он поставил караульный отряд, а тарентинцам, с негодованием требовавшим, чтобы он либо вел войну с римлянами, ради которой явился, либо покинул страну и оставил им город таким, каким его принял, отвечал высокомерно, советуя спокойно ждать, пока придет их черед. Затем он отплыл в Сицилию, где все шло так, как он предполагал: города с готовностью присоединялись к нему, так что на первых порах ему нигде не приходилось прибегать к военной силе, и всего с тридцатью тысячами пеших, двумя с половиною тысячами конных воинов и двадцатью судами он разбил карфагенян и занял их владения. Лишь Эрик, недоступный по своему местоположению и хорошо укрепленный, Пирр решил взять приступом. Когда войско изготовилось к бою, Пирр, надев доспехи, подошел к стенам и обратился с мольбой к Гераклу, обещая устроить игры и принести благодарственные молитвы, если тот поможет ему в бою доказать сицилийцам, что он достоин своих предков и собственной славы. Когда по его знаку протрубили сигнал и разогнали варваров стрелами, он первым взобрался на стену, как только к ней пододвинули лестницы. Отражая натиск многочисленных врагов, одних он сбросил со стены, других сразил мечом, и, нагромоздив вокруг себя груды мертвых тел, сам остался невредим. Одним видом своим устрашая врагов, Пирр доказал правоту многоопытного Гомера, который утверждал, что из всех добродетелей лишь храбрость сродни

Состязание колесниц

безумию, ибо увлекает человека безоглядным порывом. Взяв город, Пирр принес богу великолепные жертвы и устроил пышные игры и зрелища.

Возле Массены жили варвары, именовавшиеся мамертинцами, которые немало досаждали грекам, а некоторых из них обложили данью; были они очень многочисленны и воинственны, почему и назывались на латинском языке «племенем Ареса». Пирр захватил и убил мамертинских сборщиков податей, а их самих разбил в сражении и разрушил многие принадлежавшие им крепости.

Карфагеняне, стремившиеся к миру, согласны были заплатить ему деньги и прислать суда, если он заключит с ними союз, но Пирр, жаждавший добиться большего, ответил, что заключит мир только в том случае, если они покинут Сицилию, чтобы границей между ними и греками стало Ливийское море. Гордый своей мощью и успехами, стремясь осуществить то, ради чего он и приплыл в Сицилию, а больше всего мечтая об Африке, Пирр стал набирать по городам гребцов, которых не хватало на многих его кораблях, и при этом действовал уже не мягко и снисходительно, а властно и жестоко, прибегая к насилиям и наказаниям. Сначала он не был таким, напротив, как никто другой, привлекал к себе приветливым обхождением, всем доверял и никого не стеснял, зато позже, превратившись из вождя народов в тирана, своею суровостью стяжал себе славу человека жестокого и коварного. Как бы то ни было, но города, пусть и неохотно, выполняли его требования, пока вскоре

он не стал подозревать в измене Тенона и Сострата, знатных сиракузян, которые первыми уговорили его приехать в Сицилию, открыли перед ним город, едва он появился, и больше всех помогали ему в сицилийском походе. Пирр не желал ни брать их с собой, ни оставлять на острове. Сострат в страхе перешел на сторону врага, а Тенона Пирр умертвил, приписав ему то же намерение. И тут дела царя сразу же приняли другой оборот: города возненавидели его страшной ненавистью, одни из них присоединились к карфагенянам, другие призвали мамертинцев. В эту пору, когда Пирр повсюду видел измену, заговоры и восстания, к нему прибыли письма от самнитов и тарентинцев, которые, лишившись своих земель и с трудом отстаивая от врагов города, просили его о помощи. Это помогло Пирру скрыть, что его отплытие означает отказ от всех замыслов и бегство, ибо на самом деле Сицилия, словно потрясаемый бурей корабль, уже не повиновалась ему, и он, ища выхода, поспешно бросился в Италию. Говорят, что, покидая остров и оглянувшись, он сказал стоявшим рядом с ним: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» И спустя недолгое время то, что он предугадал, сбылось.

Когда Пирр отплывал, варвары объединились против него: карфагеняне дали ему в самом проливе морское сражение, в котором он потерял немало кораблей, а мамертинцы, числом не менее десяти тысяч, переправившись раньше Пирра, но не осмеливаясь встретиться с ним лицом к лицу, заняли неприступные позиции, а когда Пирр на уцелевших судах прибыл в Италию, напали на него и рассеяли все его войско. Погибли два слона и множество воинов из тылового отряда. Пирр сам отражал натиск врага и без страха сражался с опытным и дерзким противником. Когда он был ранен мечом в голову и ненадолго вышел из боя, мамертинцы воспрянули духом. Один из них, огромного роста, в сверкающих доспехах, выбежал вперед и грозным голосом стал вызывать Пирра, если тот еще жив, выйти и сразиться с ним. Пирр, раздраженный, повернулся и, пробившись сквозь ряды своих щитоносцев, пытавшихся его удержать, вышел гневный, со страшным, забрызганным кровью лицом. Опередив варвара, Пирр ударил его мечом по голове, и

благодаря силе его рук и отличной закалке стали лезвие рассекло туловище сверху донизу, так что в один миг две половины разрубленного тела упали в разные стороны. Это удержало варваров от новых нападений: они были поражены и дивились Пирру, словно какому-то сверхъестественному существу.

Остальной путь Пирр прошел беспрепятственно и с двадцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников прибыл в Тарент. Пополнив там войско самыми храбрыми из тарентинцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнии. Дела у самнитов в это время шли совсем плохо: разбитые римлянами во многих сражениях, они пали духом, да и отплытие Пирра в Сицилию у них вызвало недовольство, так что присоединились к нему лишь немногие. Разделив свое войско, Пирр половину послал в Луканию, желая задержать там одного из консулов, чтобы тот не пришел на помощь товарищу по должности, а другую часть сам повел на Мания Курия, стоявшего лагерем в безопасном месте возле города Беневента и ожидавшего подкреплений из Лукании (впрочем, он бездействовал еще и потому, что его удерживали предсказания жрецов и птицегадателей). Пирр спешил напасть на римлян прежде, чем подойдет второй консул, и поэтому, собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага. Но дорога была длинная, шла через густой лес, воины заблудились в темноте, и таким образом время было потеряно, наступило утро, на рассвете враги ясно увидели Пирра, двигавшегося по гребню холмов. В лагере римлян поднялись шум и суматоха, и так как обстоятельства требовали решительных действий, а жертвы предвешали Манию удачу, консул вышел из лагеря, напал на передние ряды наступавших и обратил их в бегство, чем привел в смятение и остальных. Было перебито множество солдат Пирра, захвачено несколько слонов, брошенных во время отступления, и эта победа позволила Манию перенести бой на равнину. На глазах врага собрав свои легионы, он в одних местах обратил противника в бегство, но в других под натиском слонов отступил к самому лагерю и вызвал оттуда караульных, которых много стояло на валу в полном вооружении. Со свежими силами выйдя из-за укреплений, они забросали

Боевой порядок армии Пирра

слонов копьями и повернули их вспять, а бегство слонов вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших под их прикрытием воинов, и это не только принесло римлянам победу, но и решило спор о том, кому будет принадлежать верховное владычество над Италией. Доказав в этих битвах свою доблесть, они обрели уверенность в своей мощи и, прославив непобедимыми, вскоре захватили всю Италию, а через некоторое время и Сицилию.

Так рухнули все надежды Пирра в Италии и в Сицилии, шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден,

Битва римлян с Пирром

но и в поражениях сохранил свое мужество непоколебленным и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей. Вернувшись в Эпир с восемью тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками, растратив всю казну, Пирр стал искать новой войны, чтобы прокормить войско. К нему присоединились некоторые из галатов, и он напал на Македонию, где царствовал тогда Антигон, сын Деметрия. Целью его был захват добычи, но, после того как ему удалось взять многие города и две тысячи неприятельских воинов перешли на его сторону, Пирр, преисполнившись надеждами, пошел в наступление на самого Антигона и, напав на него в узком ущелье, поверг в смятение все его войско. Только многочисленный отряд галатов в тылу у Антигона упорно сопротивлялся, и в завязавшемся жестоком бою большинство их было перебито, а вожак слонов, окруженный вместе с животными, сдался в плен. Увеличив таким образом свои силы и более полагаясь на свою удачу, чем трезво все размыслив, Пирр ударил на фалангу македонян, которые после понесенного галатами поражения были полны смятения и страха. Македоняне уклонились от боя, и тогда Пирр, простерши к ним руку, стал поименно окликать подряд всех начальников, и старших, и младших, чем побудил и пехоту Антигона перейти на его сторону. Отступая, Антигон удержал за собой всего несколько прибрежных городов. Пирр, для которого все сложилось так счастливо, был уверен, что наибольшую славу он стяжал победой над галатами, и поэтому лучшую и самую блестящую часть добычи он сложил в храме Афины Итонийской, написав следующие стихи:

Пирр, молоссов владыка, повесил в храме Афины
 Длинные эти щиты, дерзких галатов разбив,
 Он Антигона войска разгромил. Чему ж тут дивиться?
 В битвах и ныне, как встарь, род эакидов могуч.

Тотчас после сражения Пирр захватил Эги и другие города, где не только сам всячески притеснял жителей, но и разместил караульные отряды галатов, служивших в его войске. А галаты, народ крайне алчный, принялись разрывать могилы похороненных в Эгах царей, причем сокровища они расхитили, а кости, осквернив, разбросали. Пирр, кажется, не придавал их поступку большого значения и то ли за недосугом отложил наказание, то ли вообще не осмелился покарать варваров, из-за чего ему и пришлось услышать от македонян немало упреков.

Не дождавшись, пока его дела устроятся и положение упрочится, Пирр опять увлекся новыми надеждами. Он насмеялся над Антигоном, называя его бесстыдным за то, что тот не надевает плаща и продолжает носить царскую порфиру, и охотно поддался на уговоры Клеонима Спартанского, который прибыл, чтобы звать его в Лакедемон. Клеоним принадлежал к царскому роду, на вид казался сильным и властным, а потому не пользовался в Спарте ни расположением, ни доверием, и правил вместо него Арей. Это и было причиной его давней обиды на всех сограждан. Кроме того, он уже в старости женился на Хилониде, дочери Леотихида, женщине красивой и царского рода. Но она влюбилась в цветущего юношу Акротата, сына Арея, так что любившему ее Клеониму этот брак принес только горе и позор, ибо ни для кого из спартанцев не осталось тайной, как презирает его жена. И вот, когда к прежним обидам присоединились эти домашние неприятности, Клеоним, разгневанный и удрученный, привел в Спарту Пирра с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, двумя тысячами всадников и двадцатью четырьмя слонами. Уже сама многочисленность этого войска ясно показывала, что Пирр хочет приобрести не Спарту для Клеонима, а весь Пелопоннес — для себя, но на словах он упорно отрицал это перед прибывшими к нему в Мегалополь лакедемонскими послами. Он говорил, что пришел освободить покоренные Антигоном города, и именем Зевса клялся, если ничто ему не помешает, послать своих младших сыновей в Спарту на воспитание, чтобы они усвоили лаконские нравы и благодаря этому одному превзошли всех царей. Обманув этой ложью тех, кто встречался ему на пути, Пирр тотчас же по приходе в Лаконию

занялся грабежами. Послы стали обвинять его в том, что он начал военные действия, не объявляя войны, но он ответил: «Никогда мы не слышали, чтобы вы, спартанцы, открывали кому-нибудь свои намерения». На это один из присутствующих, по имени Мандриклид, сказал на лаконском наречии: «Если ты бог, то с нами ничего не случится — мы ничем против тебя не погрешили, если же ты человек, то найдется кто-нибудь посильнее тебя».

После этого Пирр приблизился к Спарте. Клеоним предложил сразу идти на приступ, но, как сообщают, Пирр, опасавшийся, как бы воины, напав на город ночью, не разграбили его, отложил штурм, говоря, что возьмет Спарту днем. Спартанцев было мало, и они не были приготовлены к внезапному нападению, тем более что сам Арей отправился на Крит, чтобы оказать гортинцам помощь в войне. Самоуверенность врагов, презиравших обезлюдевший и бессильный город, спасла Спарту. Пирр, полагая, что ему не с кем воевать, остановился на ночлег, а илоты и приближенные Клеонима начали убирать и украшать его дом так, словно на следующий день Пирру предстояло там пировать. Ночью спартанцы держали совет и постановили прежде всего отослать на Крит женщин, но те воспротивились, а одна из них, Архидамия, явилась с мечом в Совет старейшин и от имени всех спартанок стала упрекать мужчин, которые хотят, чтобы женщины пережили гибель Спарты. Было решено провести вдоль вражеского лагеря ров, а справа и слева от него расставить колесницы, врытые в землю до ступиц, чтобы они прочно стояли на месте и не давали пройти слонам. Когда мужчины начали работу, к ним подошли женщины, одни — в плащах и подпоясанных хитонах, другие — в одних хитонах, чтобы помочь старикам, а тех, кому предстояло сражаться, они просили поберечь силы и сами сделали третью часть работы, узнав предварительно размеры рва. Шириной он был в шесть локтей, глубиной в четыре, а в длину имел восемь плетров, как сообщает Филарх; по рассказу же Иеронима, он был меньше. Утром, когда враг двинулся в наступление, женщины подали мужчинам оружие и наказали им охранять и защищать ров, говоря, что славно победить на глазах у соотечественников, но почетно и умереть на руках у матерей и жен, доблестно пав за Спарту. А

Хилонида, вдали от остальных, приготовила для себя петлю, чтобы не попасть снова в руки Клеонима, если город будет взят.

Сам Пирр со своими гоплитами ударил на спартанцев, которые оборонялись, выставив щиты, и пытался преодолеть ров, непроходимый потому, что рыхлая почва на краю его осыпалась под ногами воинов, не давая им твердо ступить. Сын Пирра Птолемей с двумя тысячами галатов и отборными воинами из хаонов двинулся вдоль рва, стараясь прорваться через ряд колесниц, но они были врыты так глубоко и расставлены так часто, что не только загородили дорогу воинам Птолемея, но и самим лакедемонянам мешали обороняться. Когда же галаты вырвали колеса из земли и стащили колесницы в реку, юноша Акротат, заметив опасность, с тремя сотнями воинов бегом пересек город, обошел Птолемея, скрывшись от него за склонами холмов, и, напав с тыла, заставил врагов повернуться и разделить свои силы. Солдаты Птолемея толкали друг друга, падали в ров и меж колесниц и наконец были отброшены, понеся большой урон. На подвиг Акротата смотрело множество стариков и женщин, и когда, залитый кровью, гордый победой и всеми восхваляемый, он возвращался через город, то казался спартанкам еще прекраснее, и они завидовали любви Хилониды. А некоторые старики, следуя за ним, кричали: «Ступай, Акротат, взойди на ложе Хилониды, чтобы подарить Спарте достойных потомков!» Вокруг самого Пирра завязалось ожесточенное сражение, в котором доблестно бились многие воины, но упорнее всех сопротивлялся и больше всего убил врагов Филлий; когда же он почувствовал, что слабеет от множества ран, то уступил место стоявшему с ним рядом воину и умер за строем своих, чтобы и мертвым не попасть в руки врага.

Ночь прервала битву. Во сне Пирр увидел, будто он мечет молнии в Лакедемон и вся страна охвачена огнем, он же радуется этому. От радости проснувшись, он приказал военачальникам держать войско наготове и приближенным рассказал о своем сновидении, полагая, что оно знаменует взятие города. Все были удивлены и согласились с Пирром, только Лисимаху сон царя не понравился: он высказывал опасение, что, раз нельзя ступить на

места, пораженные молнией, значит, и этот город, как предвещает божество, останется для Пирра недоступным. Но Пирр ответил, что все это вздор, достойный праздной черни, и что им следует, держа в руках оружие, только повторять самим себе:

Знаменье лучшее всех — за Пиррово дело сражаться.

Этими словами он ободрил войска и с наступлением дня повел их в бой. Спартанцы, обороняясь, превосходили самих себя доблестью и самоотверженностью, женщины помогали им, подавая стрелы, поднося проголодавшимся еду и питье, подбирая раненых. Македоняне собрали много хворосту и пытались завалить им ров, засыпая при этом мертвые тела и оружие. Лакедемоняне, собравшиеся на помощь, увидели Пирра, который гнал коня мимо рва и колесниц, пробиваясь в город. Оборонявшиеся подняли крик, сбежались воины, раздались вопли женщин. Пирр уже помчался вперед и налетел на стоявших перед ним врагов, когда его конь, раненный в брюхо критской стрелой, в предсмертных муках сбросил седока на скользкий склон. Наступавшие вместе с Пирром воины пришли в замешательство, подбежавшие спартанцы стрелами заставили их отойти. Вслед за тем Пирр повсюду прекратил сражение в надежде на то, что лакедемоняне, почти все раненые и многих потерявшие убитыми, хоть немного ослабели. Но счастливая судьба города то ли испытывала мужей, то ли желала показать, как велика ее власть, даже в безвыходном положении, и на помощь лакедемонянам, уже терявшим всякую надежду, явился из Коринфа полководец Антигона фокеец Амний со своими наемниками. Не успели спартанцы принять его, как с Крита вернулся царь Арей, ведя за собой двухтысячное войско. Женщины немедленно разошлись по домам, ибо им больше не нужно было заботиться о ратных делах, отпущены были и те, кто, несмотря на преклонный возраст, по необходимости взялся за оружие. Прибывшие воины приготовились к сражению. Пирром овладело честолюбивое желание захватить город именно после того, как туда пришло под-

крепление, однако, не добившись ничего и получив отпор, он отступил и стал опустошать страну, собираясь перезимовать в ней.

Но того, чему суждено свершиться, нельзя избежать. В Аргосе шли распри между Аристеем и Аристиппом. И так как Аристипп считался другом Антигона, то Аристей поспешил призвать в Аргос Пирра. Пирр, всегда легко переходивший от одной надежды к другой, всякий успех считал лишь началом дела и каждую неудачу стремился возместить новыми подвигами; поэтому ни победа, ни поражение не приносили мира и покоя ни ему, ни его противникам. Немедленно двинулся он на Аргос. Аррей же, устроив множество засад и заняв труднопроходимые места на его пути, отрезал от войска шедших в хвосте галатов и молоссов. Один гадатель, рассмотрев внутренности жертвенных животных, счел знамения неблагоприятными и предсказал Пирру, что ему суждено потерять одного из близких. Но среди шума и суеты Пирр совсем позабыл о предсказании и велел своему сыну Птолемею, взяв телохранителей, идти на помощь хвостовому отряду, а сам двинулся вперед, чтобы поскорее вывести войско из теснин. Вокруг Птолемея завязалась ожесточенная битва, отборные лакедемонские воины во главе с Эвалком врукопашную бились со стоявшими впереди царского сына македонянами, и тут критянин из Аптеры по имени Оресс, человек воинственный и проворный, сбоку подбежал к отважно сражавшемуся юноше, ударил его копьем и поверг наземь. После его гибели те, кто был рядом с ним, обратились в бегство, лакедемоняне, преследуя их, забыли обо всем и вырвались на равнину, оставив своих гоплитов позади. И тут на них повернул молосскую конницу Пирр, уже услышавший о смерти сына и потрясенный горем. Он первым ворвался в ряды спартанцев, стремясь убийством насытить жажду мести, и хотя в бою он всегда казался страшным и непобедимым, но на этот раз своей дерзостью и силой затмил все, что бывало в прежних битвах. Когда он направил своего коня на Эвалка, тот, уклонившись в сторону, мечом разрубил поводья Пирра и чуть было не отсек руку, державшую их. Пирр в то же мгновение ударом копья поразил Эвалка и, спрыгнув с седла, в пешем бою уложил рядом с Эвалком весь его отборный от-

ряд. К таким бессмысленным потерям привело Спарту уже после конца войны чрезмерное честолюбие ее правителей.

Словно бы почтив убитого сына такой жертвой и в гневе на врагов изливши большую часть своей скорби, Пирр справил пышные поминальные игры и пошел дальше на Аргос. Узнав, что Антигон уже занял высоты над равниной, он стал лагерем близ Навплии. На следующий день он послал к Антигону вестника, называя царя погубителем и приглашая сойти на равнину, чтобы сразиться за власть. Тот отвечал, что на войне для него важнее удобный момент, чем сила оружия, и что если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти. Между тем и к Пирру, и к Антигону прибыли из Аргоса послы с просьбой отойти от города и предоставить аргосцам возможность, не подчиняясь ни одному из них, сохранять дружбу с обоими. Антигон согласился и отдал аргосцам в заложники сына, а Пирр, также согласившись отступить, ничем не подтвердил своих обещаний и тем внушил горожанам большие подозрения. В это время Пирру явилось страшное знамение: в жертву приносили быков, их головы, уже отделенные от тел, на глазах у всех высунули языки и стали слизывать собственную кровь, а в Аргосе Аполлониды, прорицательница Ликейского бога, выбежала, крича, что ей привиделся город, полный убитых, и орел, который шел в сражение, а потом исчез.

В глубокой темноте Пирр приблизился к стенам и обнаружил, что ворота, именуемые Проходными, уже отперты для него Аристеем. Пока галаты Пирра крадучись входили в город и занимали площадь, им удалось остаться незамеченными. Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их; это задержало нападающих, и аргосцы, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправили гонцов к Антигону. Тот, приблизившись к городу, сам остановился, но послал на помощь аргосцам своего сына и полководцев с большим отрядом. Подошел и Арей с тысячей критян и легковооруженных спартанцев. Вместе напав на галатов, они повергли их в смятение. В это время Пирр с шумом и криками входил в город возле Киларабиса, и галаты в ответ тоже закричали, но в их кри-

ке не было бодрости и уверенности — всем показалось, что это вопль страха и отчаяния. Тогда Пирр поспешно бросил вперед двигавшихся во главе войска всадников, но те лишь с большим трудом и риском для жизни могли проехать среди каналов, которыми был изрезан весь город. В этой ночной битве нельзя было разобраться ни в действиях войск, ни в приказах начальников. Разобщенные отряды блуждали по узким улицам, во мраке, в тесноте, среди доносившихся отовсюду криков; не было возможности руководить войсками, все медлило и ждало утра. Когда рассвело, Пирр утрашился, увидев Аспиду, занятую вооруженными врагами, и, заметив на площади среди множества украшений медную статую волка и быка, готовых схватиться друг с другом, он вспомнил давнее предсказание, что ему суждено погибнуть там, где он увидит волка, сражающегося с быком. Аргосцы говорят, что эта статуя стоит у них в память очень давнего события: когда Данай впервые вступил в эту страну, то по пути в Аргос, близ Пирамий в Тиреатиде, он увидел волка, сражающегося с быком. Решив, что он сам, чужестранец, напавший на местных жителей, подобен этому волку, Данай стал наблюдать драку. Когда волк победил, Данай вознес мольбы Аполлону Ликейскому и, одолев и изгнав с помощью мятежных аргосцев царствовавшего тогда в Аргосе Геланора, захватил власть. Заметив статую и видя к тому же, что ни одна из его надежд не сбывается, Пирр пал духом и решил отступить; опасаясь узких ворот, он послал своему сыну Гелену, оставшемуся со значительными силами вне города, приказ разрушить часть стены и помочь выходящим, если враг будет наседавать на них. Однако в спешке и суматохе гонец неясно передал приказ, произошла ошибка, и юноша, взяв остальных слонов и самых сильных солдат, вошел через ворота в город на помощь отцу. Пирр в это время уже отходил. Сражаясь на площади, где было достаточно места и для отступления и для боя, Пирр, повернувшись лицом к врагу, отражал его натиск. Но его оттеснили в узкую улицу, которая вела к воротам, и там он столкнулся со спешившими на помощь войсками. Пирр закричал, чтобы они повернули назад, но большинство его не услышало, а тем, кто готов был повиноваться, преграждали путь новые отряды, вливавшиеся в город через ворота. Кроме того, са-

мый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, неся навстречу отступавшим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока наконец не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных. Сбитые в кучу и плотно прижатые друг к другу, воины не могли ничего предпринять поодиночке: словно единое тело, толпа ворочалась и колыхалась из стороны в сторону. Мало кто бился с врагами, зажатыми между воинами Пирра или наседавшими сзади, — большей частью солдаты ранили друг друга, ибо тот, кто обнажал меч или замахивался копьем, не мог ни опустить руку, ни вложить клинок в ножны: оружие разило кого придется, и люди гибли от рук своих же товарищей.

Пирр, оглядев бушевавшие вокруг бурные волны, снял диадему, украшавшую его шлем, передал ее одному из телохранителей и, доверившись коню, напал на врагов, следовавших за ним по пятам. Копье пронзило ему панцирь, и он, получив рану, не смертельную и даже не тяжелую, устремился на того, кто нанес удар. То был аргосец, незнатный человек, сын бедной старой женщины. Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что ее сын вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозящей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра. Черепица ударила его в голову ниже шлема и перебила позвонки у основания шеи; у Пирра помутилось в глазах, руки опустили поводья, и он упал возле святилища Ликимния, почти никем не признанный. Некий Зопир, воевавший на стороне Антигона, и еще два-три человека подъехали к нему и, узнав, оттащили его в преддверие какого-то дома. Между тем Пирр начал приходить в себя, Зопир вытащил иллирийский меч, чтобы отсечь ему голову, но Пирр так страшно взглянул на него, что тот, перепуганный, полный смятения и трепета, сделал это медленно и с трудом, то опуская дрожащие руки, то вновь принимаясь рубить, не попадая и нанося удары возле рта и подбородка. Между тем многие услышали о случившемся, и Алкионей, желая убедиться, подъ-

ехал и потребовал голову. С нею он ускакал к отцу и бросил ее перед царем, сидевшим в кругу приближенных. Взглянув и узнав Пирра, Антигон палочными ударами прогнал сына, называя его варваром и нечестивцем, а потом, прикрыв глаза плащом, заплакал, вспомнив о деде своем Антигоне и об отце Деметрии, которые в его собственной семье являли пример переменчивости судьбы. Украсив голову и тело Пирра, он предал их сожжению, а когда Алкионей встретил Гелена, жалкого, одетого в бедный плащ, и, дружелюбно приветствовав его, привел к отцу, Антигон сказал: «Сейчас, мой сын, ты поступил лучше, чем тогда; но ты сделал неправильно, не сняв с него этой одежды, ибо больше, чем его, она позорит нас, которых считают победителями». После этого он по-дружески принял Гелена и, пристойно одев его, отправил в Эпир, а заняв лагерь Пирра и захватив в плен все его войско, обошелся с его друзьями кротко и благосклонно.

Перевод С. Ошерова

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

ок. 55 — ок. 120 гг.

Жизнь

Публий Корнелий Тацит родился в 50-е годы I в. н. э. в семье прокуратора. Семья Корнелиев Тацитов происходила из Нарбонской Галлии. В середине 70-х годов он учился красноречию у ведущих ораторов римского Форума и через несколько лет был известен в столице своими судебными речами.

В 77/78 г. женился на дочери консулярия Юлия Агриколы — сенатора всаднического происхождения из Южной Галлии.

В 88 г. был членом почетной жреческой коллегии квиндецимвиров, в этом же году стал претором.

Был одним из руководителей организованных Домицианом Столетних игр.

После претуры отсутствовал в течение четырех лет и вернулся в Рим в конце 93 г. При императоре Тите занял должность квестора, в 97 г. был консулом. Во время консульства произнес похвальную речь на похоронах видного сенатора и полководца Вериния Руфа.

В 100 г. выступал в сенате в качестве обвинителя бывшего наместника провинции Африка Мария Приска.

В 112—113 гг. был проконсулом в провинции Азия.

Наиболее капитальные труды Тацита: «История», ок. 110 г., и «Анналы», после 117 г.

Это все, более или менее достоверное, известное из жизни Тацита. Год смерти точно неизвестен.

Судьба

О себе Тацит свидетельствует, что он пользовался расположением всех трех императоров Флавиев, последовательно продвигавших его по ступеням сенатской карьеры. Он принадлежал к новой, вышедшей из провинции знати, на которую опирались императоры и которая содействовала укреплению их империи.

Веспасиан включил в число сенаторов несколько десятков человек, которые активно содействовали установлению его власти, а главное — обнаружили политическое чутье, энергию и способности и должны были содействовать укреплению его власти в будущем.

Это были, как правило, заслуженные администраторы и воины, и попасть в курию в их числе было для совсем молодого человека особой честью и залогом блестящей карьеры.

Современники Тацита (Плиний Младший) упоминали о нем как о прославленном ораторе, но образцов его красноречия, к сожалению, не сохранилось. По всей вероятности, до нас не дошли ранние произведения Тацита, те сочинения, которые сохранились, были написаны в зрелом возрасте.

Тацит — один из наиболее прославленных в веках деятелей римской культуры.

Центральная проблема его творчества — оценка империи и ее исторической роли.

В разное время творчество Тацита оценивалось соответственно эпохе.

Сторонники абсолютизма видели в его сочинениях наставление, поучающее монарха руководствоваться в политике только государственной необходимостью и игнорировать нравственные критерии.

В XVIII—XIX вв. Тацита, напротив, считали обличителем тиранов и борцом за республиканские свободы, что вызвало восторженное отношение русских декабристов, французских якобинцев, западноевропейских просветителей.

Он прославился не столько как историк, сколько как писатель и в силу блестящего писательского таланта в большей степени должен быть отнесен, как и его знаменитый предшественник Ливий, к мастерам художественно-дидактического направления.

Творчество

До нашего времени дошли следующие произведения римского историка: «Диалог об ораторах» (конец I в. н. э.), «О жизни и характере Юлия Агриколы» (98 г.), «О происхождении и местоположении Германии» (98 г.) и, наконец, наиболее капитальные труды: «История» (ок. 110 г.) и «Анналы» (после 117 г.). Главные труды Тацита дошли до нас не полностью. От «Истории» сохранились первые четыре книги и начало пятой, от «Анналов» — первые шесть книг и книги XI—XVI.

Оба основных исторических труда Тацита дополняют друг друга. В «Анналах» дается изложение событий с 14 по 68 г. (правление Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона), в «Истории» — события 69—96 гг. (правление династии Флавиев).

О своем политическом идеале Тацит нигде прямо не заявляет, но ненависть к тирании пронизывает все его произведения, что и дало основание Пушкину назвать римского историка «бичом тиранов».

Невысокого мнения Тацит и о римском народе, про который он презрительно говорит, что «у него нет других государственных забот, кроме заботы о хлебе».

Тацит. — выдающийся мастер описания драматических ситуаций, его стиль, отличающийся сжатостью, его характеристики и набор приемов опытного оратора превращают повествование историка в чрезвычайно напряженный, высокохудожественный рассказ.

Таков Тацит — историк, писатель, драматург.

Около того же времени хавки стали донимать своими набегами Нижнюю Германию. Никакие внутренние неурядицы не толкали их на это, но они осмелели после смерти Санквиния и решили воспользоваться тем, что Корбулон еще не прибыл. Во главе их стоял Ганнаск — каннинефат родом, долго и с почетом служивший в наших вспомогательных войсках, но потом перебежавший к варварам. На своих легких суденышках он напал на прибрежных жителей и самым жестоким опустошениям подвергал селения галлов, так как знал, что они богаты и трусливы. Между тем Корбулон, вступив в пределы провинции, действовал с большой энергией и вскоре добился славы; этот поход и положил ей начало. Он провел триремы основным руслом Рейна, остальные суда, в зависимости от размеров и осадки каждого, — протоками и каналами, потопил вражеские челны и заставил Ганнаска бежать. Наведя таким образом порядок, он восстановил старинную дисциплину в легионах, отвыкших от тягот и трудов и находивших удовольствие только в грабеже, запретил покидать свое место в строю и вступать в бой без приказа. Солдаты теперь должны были стоять на часах, нести службу днем и ночью в полном боевом снаряжении. Рассказывают, что Корбулон казнил двух солдат за то, что на строительстве вала один работал без оружия, другой — вооруженный только кинжалом. Такие требования были чрезмерны, может быть, все это и несправедливо приписали Корбулону, но отсюда видно, с какой суровостью он действовал: если люди могли поверить, что он так строго наказывал даже незначительные проступки, как же

Император ТибериЙ

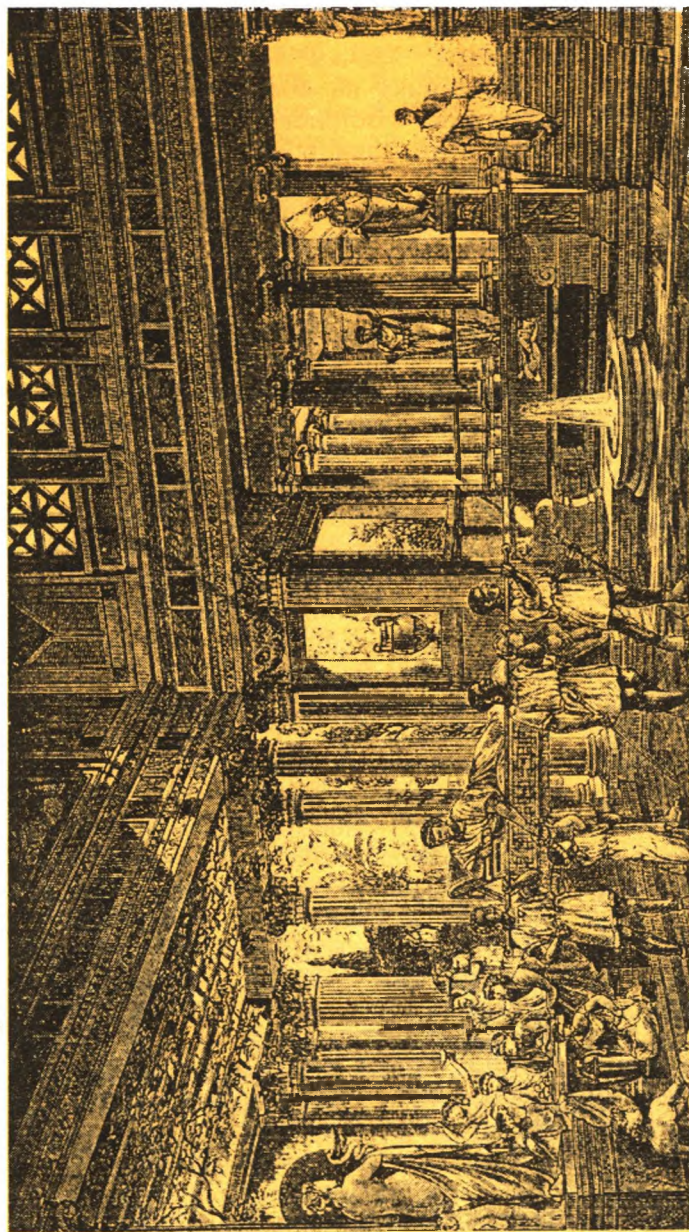

Император Нерон

Рим. Ватикан

молниеносно и безжалостно должен он был карать подлинные преступления!

Принятые им жестокие меры оказали прямо противоположное действие на солдат и на врагов. Римляне исполнились доблести, варвары утратили наглость. Племя фризиЕв, которое после восстания, начавшегося с разгрома Луция Апрония, оставалось нам явно или тайно враждебным, выдало заложников и осело на землях, указанных им Корбулоном. Он дал им также законы, назначил сенат и магистратов, а чтобы они не нарушили эти установления, разместил у них сильный гарнизон. К великим хавкам он отправил людей, которым поручил посулами склонить племя к капитуляции, а Ганнаска заманить в ловушку; прибегнуть к хитрости против перебежчика и изменника было и выгодно, и вполне честно. Смерть Ганнаска вызвала волнения среди хавков, что входило в расчеты Корбулона, стремившегося дать им повод для мятежа, и хотя большинство

Императорский дворец при Тиберии

в столице горячо одобряло эти действия, кое у кого они встретили осуждение. «Зачем, — говорили такие люди, — вызывать противника на восстание? Если Корбулон потерпит поражение, пострадает государство, если одержит победу — пострадает он сам: столь выдающийся человек — угроза спокойствию Рима и обуза для слабого и нерешительного принцепса». В итоге Клавдий не только запретил новые военные действия против германских племен, но и распорядился отвести войска на западный берег Рейна.

Корбулон получил письмо с этим приказом, когда собирался уже перенести лагерь на земли врага. Множество мыслей и чувств нахлынуло на него при столь неожиданном известии — он опасался, что внушил подозрения императору, предвидел презрение варваров и насмешки союзников, но вслух произнес только: «Счастливы были некогда римские полководцы», — и велел трубить отступление. Чтобы не дать, однако, солдатам облениться, он провел между Мозой и Рейном канал длиной в двадцать три мили, позволивший отказаться от опасных плаваний по Океану. Цезарь, сам же запретивший Корбулону вести войну, тем не менее наградил его триумфальными отличиями.

Немного спустя той же чести добился Курций Руф, вырвавший в окрестностях Маттия шахту с целью обнаружить залежи серебра. Месторождение он нашел бедное и вскоре истошившееся, а на долю легионов достался изнурительный труд, стоивший немало жертв, — копать канавы и вести под землей работы, которые тяжелы даже на ее поверхности. Измученные всем этим, солдаты тайно составили письмо, в котором от имени нескольких армий — ибо подобные вещи им приходилось терпеть во многих провинциях — умоляли императора при назначении командующих жаловать им триумфальные знаки отличия заранее.

Про Курция Руфа иные говорили, что он сын гладиатора; передавать выдумки о его происхождении мне не хочется — достаточно противно рассказывать даже правду. Выйдя из отроческого возраста, он попал в свиту квестора провинции Африки и таким образом оказался в городе Гадрумете. Здесь, когда он как-то прогуливался в одиночестве под опустевшими от полднейного зноя по-

ртиками, ему явился призрак, имевший облик женщины, но роста среди людей невиданного, и послышался голос: «Настанет день, Руф, и ты проконсулом вступишь в эту провинцию». Исполненный надежд, вызванных в нем таким предзнаменованием, он возвращается в Рим, где благодаря деньгам друзей и собственной предприимчивости становится квестором, а вскоре и претором по рекомендации принцепса, оказавшего ему предпочтение перед соискателями из знатных семей и следующими словами пресекавшего все разговоры о его позорном происхождении: «Курций Руф, по-моему, породил себя сам». После этого он жил еще долго, до глубокой старости, — льстивый с высшими, хоть и скрывавший угодливость под напускной резкостью, наглый с низшими, несносный с равными; он достиг консульской власти, получил триумфальные отличия и проконсульство в Африке, где и умер, исполнив все, что было ему назначено судьбой.

Между тем в столице у римского всадника Гнея Нония, когда он стоял в толпе людей, собравшихся приветствовать принцепса, был обнаружен спрятанный кинжал. Что замыслил Ноний, не знал никто, не удалось это выяснить и впоследствии — себя он сразу признал виновным, но, даже истерзанный пытками, не назвал ни одного сообщника, то ли потому, что их не было, то ли потому, что решил скрыть их имена.

При тех же консулах по предложению Публия Долабеллы было принято решение, обязывавшее каждого, кто в данном году добился должности квестора, устраивать на свои средства гладиаторские игры. У наших предков избрание квестором было наградой за доблесть, и вообще каждый, кто добрым поведением завоевал доверие сограждан, мог добиваться любой магистратуры; даже возраст не имел значения, и самые молодые люди становились и консулами, и диктаторами. Что касается квестуры, то она, как показывает закон, принятый в куриях и впоследствии подтвержденный Луцием Брутом, была введена царями, правившими в ту пору нашим государством. Право назначать квесторов перешло от них к консулам и оставалось в их руках до тех пор, пока и эта магистратура не стала замешаться по воле народа. Первыми, кто сле-

лался квестором таким образом, были Валерий Потит и Эмилий Мамерк, избранные на шестьдесят третьем году после изгнания Тарквиниев, с поручением сопровождать в походах армии республики. Впоследствии обязанностей у них прибавилось, а потому было создано еще две должности квесторов, ведавших делами в Риме. Вскоре число квесторов пришлось удвоить, ибо вся Италия уже платила нам подати, а позже добавились еще и растущие доходы с провинций. Затем Сулла, заботясь о пополнении сената, довел их количество до двенадцати и вменил в обязанность заниматься судебными разбирательствами. Впоследствии судопроизводство было возвращено в ведение всадников, но квесторское достоинство по-прежнему присваивалось безвозмездно — на основании заслуг кандидатов или по великодушию тех, кто ведал этими назначениями, и лишь теперь, после принятия предложенного Долабеллой закона, оно стало как бы продаваться за деньги.

В консульство Авла Вителлия и Луция Випстана, когда встал вопрос о пополнении сената, богатые и знатные галлы, выходцы из той части этой провинции, которую обычно называют Косматой, прежде уже достигшие положения союзников и римских граждан, теперь стали добиваться права занимать почетные магистратуры в столице. Дело это вызвало множество толков, и защитники различных точек зрения старались убедить принцепса в своей правоте. «Не настолько ведь истощила Италия свои силы, — утверждали одни, — чтобы не достало в ней людей, способных занять место в сенате ее столицы. Было время, когда уроженцы этого города управляли также и родственными народами, те были вполне довольны их правлением, и нам не приходилось краснеть за нашу древнюю республику. Примеры доблести и славы, оставленные нам римлянами, которые действовали по заветам предков, живут в нашей памяти до сих пор. Разве недостаточно, что вены и инсубры уже проложили себе путь в курию? Еще шаг, и мы начнем чувствовать себя пленниками на этом сборище иноплеменников. О каких почестях могут теперь помышлять последние сохранившиеся среди нас потомки древних родов? Что осталось на долю

неимуших сенаторов из Латия? Скоро уже все магистратуры окажутся в руках этих богачей, чьи деды и прадеды, во главе враждебных Риму племен, огнем и мечом истребляли наши армии, кольцом сжимали под Алезией легионы божественного Юлия. И это примеры лишь из недавнего прошлого. А что, если вспомнить тех, кто пытался разграбить Капитолийский храм и твердыню Рима, силой захватить достояние богов? Пусть уж они пользуются своими правами римских граждан, но не оскверняют знаки достоинства сенаторов и магистратов».

Ни эти доводы, ни другие, им подобные, не возымели действия на принцепса; он с самого начала был несогласен с ними и, созвав сенат, так начал свою речь: «Предки мои требуют, чтобы мое правление было исполнено того же духа, который царил здесь в их времена; первый из них, Клавз, был сабинянин родом, но его приняли сразу в число римских граждан и в число патрициев; отовсюду стягивать свои лучшие силы — такова и моя цель. Я не могу не помнить, что Юлии вышли из Альбы, Корункании — из Камерия, Порции — из Тускула, а если не касаться такой седой старины, — что в сенате заседают уроженцы Этрурии, Лукании и самых разных краев Италии, что Италией постепенно стали называться все земли вплоть до Альп, а само имя римлянина присваивают уже не отдельным людям за особые заслуги, но населению целых областей, народам и племенам. Лишь тогда в нашем доме настал твердый порядок и перед мощью нашей склонились чужие народы, когда мы включили в свое государство транспаданскую Галлию и, как бы расселив по всему миру легионы, привлекли к себе все самое здоровое, что было в провинциях, восстановив таким образом пришедшую было в упадок власть Рима. Надо ли стыдиться того, что Бальбы пришли к нам из Испании, а мужи, не уступающие им своими достоинствами, — из Нарбонской Галлии? Потомки их живут среди нас и не менее горячо, чем мы, любят свою новую родину. Что погубило лакедемонян и афинян, несмотря на всю их военную мощь, как не обыкновение видеть в побежденных иноплеменников и силой подчинять их своей воле? В отличие от них, основатель нашего города Ромул действовал столь мудро, что при нем римскими гражданами становились многие на-

роды. Нами правили пришельцы из чужих земель, и сыновья отпущенников не раз занимали высшие государственные должности, причем назначения эти вовсе не представляют собой новшества, как многие ошибочно полагают, но производились также в былые времена. Разве не сражались мы с сенонами? Можно подумать, что не ходили на нас войной ни вольски, ни эквы, что не покоряли нас галлы, что мы не давали заложников тускам и не проходили под ярмом самнитов. И вот, если вспомнить все эти войны, ни одна из них не кончалась так быстро, как война против галлов, мир же, наступивший после нее, и прочен, и длится до сего дня. Во всем подобные нам нравами и занятиями, связанные с нами родством, галлы не столько владеют сами своим золотом и богатствами, сколько делят их с нами. Все, отцы сенаторы, что сейчас считается древним, было когда-то новым. После патрициев стали занимать государственные должности и плебеи, после плебеев — латиняне, после латинян — другие народы Италии. Когда-нибудь станут древними и законы, которые мы сейчас обсуждаем, а то, что мы сегодня стремимся обосновать примерами из прошлого, само будет подобным примером».

После этой речи принцепса было принято постановление, на основании которого эдуям первым предоставили право становиться римскими сенаторами. Оно было дано им как старейшим союзникам и как единственному галльскому племени, имевшему звание братьев Римского народа.

Тогда же Цезарь ввел в число патрициев ряд сенаторов — отчасти самых старых, отчасти же таких, чьи родители стяжали особенно громкую славу; ибо семей, которых приняли в это сословие Ромул, а позже Луций Брут, оставалось уже мало, и перевелись даже потомки тех, кого сделали патрициями диктатор Цезарь по закону Кассия и принцепс Август на основании закона Сеня. Мера эта была встречена во всем государстве радостно, и сам цензор проводил ее в жизнь с превеликим удовольствием. Клавдий был весьма озабочен тем, каким образом удалить из сената людей, ославивших себя бесчестными поступками, и, наконец, отказавшись от суровых мер, применявшихся в подобных случаях в старину, выбрал мягкий и лишь недавно вошед-

Статуя императора Клавдия

Рим. Ватикан

ший в употребление способ: посоветовал каждому взвесить и самому решить, не воспользоваться ли ему правом выхода из сената. «Подобная просьба, — говорил принцепс, — будет легко удовлетворена, я же не стану разграничивать исключенных и тех, кто сам захотел бы сложить с себя обязанности сенатора; люди, удаленные из сената цензорами, смешаются с теми, кто покидает его добровольно, и это смягчит чувство унижения». В связи с этим консул Винстан предложил присвоить Клавдию имя отца сената, ибо, как он говорил, звание отца отечества стало уже обычным, особые же заслуги перед родиной следует отмечать столь же особыми словами. Клавдий сам отверг это предложение консула как слишком отдающее лестью. Он провел перепись, показавшую, что число римских граждан составило пять миллионов девятьсот восемьдесят четыре тысячи семьдесят два.

Здесь его неведению своих домашних дел настал конец. Вскоре ему предстояло узнать о преступлениях жены, покарать ее и воспылать новой любовью, приведшей его к кровосмесительному браку.

Мессалине наскучили столь легко дававшиеся ей любовные похождения, и она уже начинала искать новых, еще не изведанных утех, когда Силий, то ли движимый роковым легкомыслием, то ли решив, что спасение от грозящих отовсюду опасностей — в самих же опасностях, принялся убеждать Мессалину отбросить всякое притворство. «Не таковы мы, — говорил он ей, — чтобы спокойно ждать, по-

ка Клавдий окончательно состарится. Долгие размышления могут быть на пользу лишь тем, кто ни в чем не повинен; явным преступникам единственное спасение — дерзость. Есть люди, боящиеся того же, чего боимся мы, и на которых мы поэтому можем опереться. Холостой и бездетный, я готов вступить с тобой в брак и усыновить Британника. У тебя останется прежняя власть, а если мы сумеем нанести решительный удар раньше Клавдия, столь же доверчивого, сколь и вспыльчивого, ты к тому же наконец почувствуешь себя в безопасности». Мессалина холодно отнеслась к этому предложению не потому, что любила мужа, а из опасения, как бы Силий, поднявшись на вершину власти, не отвернулся бы тут же от своей любовницы и не оценил по достоинству те низости, на которые соглашался в минуту опасности. Мысль о том, чтобы назваться женой Силия, однако, ее привлекала, ибо это сулило ей крайнее бесчестие, а для прожигателей жизни чем больше позор, тем острее наслаждение. Она не стала ждать дольше и, едва лишь Клавдий отправился в Остию для совершения жертвоприношений, торжественно и со всеми полагавшимися обрядами отпраздновала свадьбу.

Я понимаю, как трудно поверить, чтобы нашлись люди столь неслыханной дерзости, решившиеся среди города, где всегда все известно и никто ничего не держит в секрете, будучи один консулом следующего года, другая — супругой принцепса, заранее назначить день своей свадьбы, пригласить, как бы заботясь о будущем потомстве, свидетелей, согласных подписать брачный договор; понимаю, что лишь в невероятном сне можно вообразить, как она выслушивает сватов, проходит под свадебным покрывалом, приносит жертвы богам и, окруженная гостями, возлежит на пиру, представить себе их поцелуи и объятия, а потом и их ночь, полную страстных супружеских ласк. Но я ничего не придумываю и не стараюсь поразить ничье воображение; здесь и в дальнейшем я передаю лишь правду, лишь то, что слышали и записали старые люди.

Все это привело в ужас домочадцев принцепса, и прежде всего тех, кто держал в своих руках власть, а потому подвергался в случае переворота наибольшей опасности. Раньше они тайно обсуждали складывающееся положение, сей-

час стали высказывать свое возмущение открыто. «Шут, прежде осквернявший императорское ложе, навлек позор на голову принцепса, но никогда не представлял угрозу его жизни. Теперь место шута занял молодой человек знатного рода; красота, ум и ожидающее его в скором времени консульство внушают ему самые честолюбивые надежды. Каков будет его следующий шаг после такой свадьбы — ясно каждому». Страх овладевал ими с новой силой всякий раз, когда они вспоминали о нерешительности Клавдия, о его готовности слушаться своих жен, обо всех, кто был убит по проискам Мессалины. В то же время доверчивость принцепса внушала им надежду, что, ошеломив его сообщением о чудовишном злодеянии Мессалины, они сумеют добиться ее осуждения без разбора дела. Главная опасность для них состояла в том, что, едва услышав голос жены, Клавдий перестал бы верить рассказам о ее преступлениях, даже если бы она сама в них призналась.

Сначала Каллист, о котором я упоминал в связи с убийством Гая Цезаря, Нарцисс, некогда подстроивший гибель Аппиана, и Паллант, пользовавшийся в то время наибольшей благосклонностью принцепса, решили было тайными угрозами заставить Мессалину расстаться с Силием, а все происшедшее скрыть. Затем, однако, Паллант и Каллист отказались от этого плана — один из трусости, другой — зная по опыту предыдущего царствования, что для сохранения власти осторожность иногда бывает важнее решительности. Нарцисс продолжал действовать один, с той лишь разницей, что теперь он старался не вспугнуть Мессалину и не обронить ни слова о своих намерениях. Привыкши ничего не упускать из виду, он сообразил, что цезарь находится в Остии уже давно, и послал туда двух его наложниц, к которым принцепс был особенно привязан: Нарцисс осыпал их деньгами, надавал обещаний, объяснил, насколько усилится их влияние, если удастся избавиться от Мессалины, и убедил наконец рассказать Клавдию обо всем происходящем.

Когда они остались наедине с цезарем, Кальпурния (так звали одну из этих женщин) бросилась ему в ноги и закричала, что Мессалина вышла замуж за Силия. Тут же она обращается к нарочно стоявшей рядом Клеопатре и спраши-

вает, слышала ли она об этом; та ответила, что слышала, и Кальпурния стала заклинать Клавдия вызвать Нарцисса. Явившись, он начал просить прощения за прошлое, за то, что не рассказывал цезарю о Веттиях и Плавтиях. «Да и теперь, — продолжал он, — я обращаюсь к тебе не для того, чтобы осудить ее за измену супружеской верности, не затем, чтобы ты потребовал возвращения своего дворца, своих рабов, всех богатств, принадлежащих тебе как принцепсу. Пусть Силий пользуется всем этим на здоровье, но пусть вернет жену, пусть уничтожит брачный договор. Понимаешь ли ты, что уже отрешен от власти? О браке Силия знают народ, сенат, преторианцы, и если не принять срочные меры, он станет хозяином столицы».

Клавдий призывает близких ему людей, с мнением которых особенно считался, расспрашивает их — сначала Туррания, ведавшего подвозом продовольствия в Рим, затем командира преторианцев Луция Гету. Они рассказывают, что происходит в городе, и тут же остальные наперебой начинают убеждать императора отправиться в лагерь преторианцев, обеспечить себе их поддержку, подумать сначала о собственной безопасности и лишь затем о возмездии. Как явствует из всех рассказов об этих событиях, Клавдий был так перепуган, что непрерывно спрашивал: он ли еще правит империей, по-прежнему ли Силий его подданный?

Между тем наступила середина осени, Мессалина, больше чем когда-либо погруженная в наслаждения, устраивала у себя дома представление, изображавшее сбор спелых гроздьев. Работали виноградные жомы, сок переполнял чаны, женщины, опоясанные шкурами, металась в танце, как вакханки, безумствующие во славу своего бога или приносящие ему жертвы. Сама хозяйка, с распущенными волосами, потрясая тирсом, и Силий, опутанный хмелем, оба в котурнах, раскачивали головами в лад хору, распевавшему непристойные песни. Говорят, будто кто-то крикнул Веттию Валенту, взобравшемуся из озорства на вершину высокого дерева, что он оттуда видит. «Из Остии надвигается страшная буря», — ответил он, то ли действительно увидев нечто подобное, то ли случайно произнеся слова, которые оказались пророческими.

Мессалина

Октавия — дочь Мессалины

Между тем уже не слухи, а бесспорные вести шли отовсюду, показывая, что Клавдий все знает, что он торопится в Рим и возмездие близко. Мессалина спешит скрыться в Луккулловых садах; Силий, дабы не выдать владевшего им страха, возвращается к делам на форуме; остальные бросаются кто куда, но подоспевшие центурионы хватают их на улицах и в тайных убежищах и волокут в тюрьму. Мессалина, хоть и потеряла голову от всех этих несчастий, решается предпринять шаг, столько раз выручавший ее в прошлом, но теперь требовавший особого присутствия духа, — она отправляется навстречу мужу, чтобы любым способом попасться ему на глаза, и велит Британнику с Октавией тоже поспешить в объятия отца. Ей удается даже уговорить Вибидию, старшую из дев-весталок, обратиться к великому понтифику и молить его о прощении. Сама она тем временем, в сопровождении лишь трех спутников — такая пустота мгновенно образовалась вокруг нее, — дешком пересекает город и в повозке для нечистот выезжает на Остийскую дорогу. Ни в одном человеке не пробудила она сочувствия, ибо отвращение к ее безобразиям заглушало жалость.

В ближайшем окружении цезаря, однако, царило смятение. Здесь сомневались в верности префекта претория Ге-

ты — человека, с равной легкостью шедшего и на добрые и на дурные поступки. Собрав всех, разделявших эти страхи, Нарцисс стал убеждать Клавдия, что единственный путь к спасению — передать командование преторианцами на один день кому-либо из отпущенников, и прибавил, что готов взять это на себя. Опасаясь, как бы по дороге в Рим Луций Вителлий и Ларг Цецина не переубедили принцепса и не заставили его устыдиться принятого решения, он настойчиво просит предоставить ему место в императорских носилках и получает на это разрешение.

По дороге, как многие рассказывают, принцепс то поносил жену за ее преступления, то вспоминал их супружескую жизнь и своих милых детей, но, к чему бы ни клонилась его речь, Вителлий повторял только: «О, мерзость! О, злодейство!» Нарцисс несколько раз требовал, чтобы он оставил свои уловки и высказался прямо, но не добился ничего, кроме двусмысленностей, которые, в зависимости от дальнейшего хода событий, можно было толковать как угодно. Ларг Цецина вел себя так же, как Вителлий. Когда на дороге показалась Мессалина, заклиная Клавдия выслушать мать Октавии и Британника, Нарцисс набросился на нее с обвинениями, стал говорить о Силии, о ее с ним браке и тут же, чтобы отвлечь внимание цезаря, вручил ему записку, где перечислялись ее распутные похождения. Немного позже, при въезде в город, глазам Клавдия должны были предстать его дети от Мессалины, но Нарцисс заранее распорядился их убрать. Не в его силах было помешать встрече с Вибидией, которая настойчиво и резко требовала у цезаря не обрекать жену на смерть, не выслушав ее объяснений; поэтому он ответил, что принцепс выслушает Мессалину и даст ей возможность оправдаться, пока же пусть дева идет и займется своими обязанностями.

Самым удивительным при этом было молчание, которое хранил Клавдий; Вителлий делал вид, будто ничего не знает; всем распоряжался отпущенник. Он приказал открыть дома, где происходили любовные свидания Мессалины и Силия, и отвести туда императора. Первое, на что он сразу же при входе обратил внимание Клавдия, была маска отца Силия, которую в свое время сенат особым постановлением распорядился уничтожить, после че-

го показал ему вещи из родового имущества Неронов и Друзов, ставшие платой за разврат. Видя, что принцепс взбешен, что с уст его срываются угрозы, он повез его в преторианский лагерь, где солдаты были уже созваны на сходку. Сначала говорил Нарцисс; Клавдий произнес всего лишь несколько слов — стыд подавил в нем справедливое чувство обиды. Когорты ответили ему долгим криком, требовали назвать имена виновных и наказать их. Приведенный к трибуналу Силий не защищался, не искал отсрочки, напротив — просил быстрой смерти. Такую же твердость проявили и известные римские всадники — все они жаждали умереть как можно скорее. Клавдий приказал казнить Тития Прокула, которого Силий приставил к Мессалине в качестве телохранителя и который теперь пытался выступить с разоблачениями, и Веттия Валента, полностью признавшего свою вину, а из соучастников — Помпея Урбика и Сауфея Трога. Той же участи подверглись префект городской стражи Декрий Кальпурниан, Сульпиций Руф — прокуратор, ведавший устройством зрелищ, и сенатор Юнк Вергилиан.

Задержка вышла только из-за Мнестра. Разорвав на себе одежды, он кричал, чтобы Клавдий посмотрел на рубцы от розог на его теле, чтобы вспомнил те слова, которыми он сам же обрек его на полную зависимость от Мессалины. «Другие, — продолжал он, — шли на преступление ради корысти или из тщеславия, я же потому, что не имел другого выхода. Приди Силий к власти, и я первый был бы обречен на гибель». Доводы Мнестра подействовали на цезаря, и он готов был сжалиться над ним, но отпущенники воспрепятствовали этому, уверив Клавдия, что нечего думать о шуте там, где погибло столько знатных мужей, и что не стоит разбираться, охотой или неволей совершал он столь тяжкие злодеяния. Никто не стал слушать и оправданий римского всадника Травла Монтана. Это был скромный юноша, отличавшийся, однако, красивой внешностью; Мессалина неожиданно призвала его к себе, но, равно неукротимая в своих деяниях и своем отвращении, прогнала его после первой же ночи. Жизнь сохранили Суилию Цезонину и Плавтию Латерану — последнему из-за выдающихся заслуг его дяди, Цезонина же спасли его пороки — говорили, что

на всех этих омерзительных сборищах он играл роль женщины.

Между тем, укрывшись в Лукулловых садах, Мессалина делала все, чтобы продлить свою жизнь. Она составляла прошения о помиловании, в которых — столько высокомерной самоуверенности сохраняла она еще в этих гибельных обстоятельствах — выражала надежды на будущее, а иногда и неудовольствие происходящим, и, если бы Нарцисс не ускорил ее смерть, ей удалось бы погубить своего обвинителя. Дело в том, что, когда Клавдий вернулся домой и вовремя подоспевший обед разогнал его дурное настроение, когда вино распалило его, он распорядился пойти и объявить несчастной (говорят, он употребил именно это выражение), чтобы на следующий день она явилась для оправданий. Слова эти показывали, что гнев императора проходит, а любовь возвращается; особенно приходилось опасаться предстоящей ночи и воспоминаний, которые охватят Клавдия в супружеской спальне. Нарцисс быстро вышел и от имени императора приказал центурионам и случившемуся здесь трибуну свершить казнь. Наблюдать за ходом дела и проверить его исполнение поручили вольноотпущеннику Эводу. Опередив других, он первым вошел в Лукулловы сады и увидел Мессалину, лежавшую на земле; рядом с ней сидела ее мать Лепида. Она не была близка с дочерью, пока та была в силе, но не могла не проникнуться к ней жалостью, когда она оказалась на краю гибели. «Не жди, чтобы к тебе явился палач, — убеждала Лепида дочь. — Жизнь твоя кончена, и расстаться с ней — единственный достойный выход, который тебе остается». Но помыслам о чести уже не было доступа в эту подточенную развратом душу. Мессалина предавалась слезам и проводила время в пустых жалобах, пока ворота не распахнулись под натиском солдат и перед ней не появились трибун и отпущенник. Первый молчал, второй осыпал ее отвратительной бранью, достойной только раба.

Теперь лишь она поняла, что ее ждет, и взяла поданный кинжал, но руки ее дрожали, оружие скользило, едва касаясь то горла, то груди, пока наконец трибун не пронзил ее мечом. Мертвое тело отдали матери. Клавдий обедал, ког-

да ему доложили, что Мессалина погибла — убита или покончила с собой, установить не удалось. Он не задал ни одного вопроса, попросил чашу с вином и продолжал пировать, как обычно. Также и в последующие дни не обнаружил он ни возмущения или радости, ни гнева или скорби, ни одного человеческого чувства, безразличный и к ликованиям обвинителей, и к слезам детей. Сенат, со своей стороны, постарался как можно быстрее уничтожить всякую память о Мессалине, постановив стереть ее имя в надписях и разбить ее статуи, как в частных домах, так и в общественных местах. Нарциссу присудили квесторские знаки отличия — награда незначительная в глазах человека, ставившего себя выше и Палланта, и Каллиста.

Все эти действия знаменовали торжество справедливости, но привели к ужасным последствиям.

Перевод Г. Кнабе

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛ

ок. 70 — ок. 140—150 гг.

Жизнь

Светоний родился в начале 70-х годов. Он принадлежал к сословию всадников: его отец был легионным трибуном всаднического звания в войске Отона при Бетриаке.

Светоний вырос в Риме и получил обычное для своего времени образование: сначала в грамматической, потом в риторической школе. По окончании школы Светоний попадает в кружок Плиния-младшего, друга Тацита, писателя, человека разносторонних культурных интересов.

Светоний остается в Риме, становится членом двух жреческих коллегий, занимается адвокатской практикой.

В 117 г. при императоре Адриане он поступает в императорскую канцелярию «по ученым делам».

Светонию поручают надзор за публичными библиотеками,

и, наконец, он получает высокий пост советника «по переписке».

В 122 г. Светоний был уволен, и его придворная карьера заканчивается.

О его дальнейшей жизни неизвестно, но, судя по количеству написанного, он прожил долго и умер около 140—150 гг.

Судьба

Большую роль в жизни Светония сыграла его связь с кружком консула Плиния-младшего.

Светоний был миролюбивый, нерешительный и непрактичный человек.

Плиний выхлопотал ему должность войскового трибуна, но Светоний просил передать ее одному из своих родственников.

Плиний испрашивает для него у Траяна «Право трех детей», дающее некоторые льготы по службе.

Во время занятий адвокатской практикой Светоний, увидев дурной сон, просит Плиния отсрочить очередной процесс, и тот одобряет суеверного друга.

Плиний торопит его с изданием первого большого сочинения, вероятно, «О знаменитых людях»: «Не откладывай больше... работа твоя готова и закончена, от полировки она не заблестит, а начнет стираться».

Плиний же просит своего приятеля помочь непрактичному Светонию в покупке имения близ Рима. «В этом имении, если только цена его доступна, многое соблазняет моего Транквилла: и соседство Рима, и удобная дорога, и маленькая усадьба, и размеры владения, при которых оно может скорее развлекать, чем занимать. Для человека книжного, как он, с избытком довольно такого количества земли, чтобы можно было дать покой голове и отдых глазам...»

После смерти Плиния он нашел нового покровителя, Сентиция Клара, начальника преторианцев при Адриане, с которым был знаком еще по кружку Плиния.

Придворная служба открыла Светонию доступ к государ-

ственным архивам, чем он воспользовался для своих ученых работ: в эти годы он пишет жизнеописания двенадцати цезарей и издает это сочинение с посвящением Сентицию Клару.

В 122 г. он был уволен по приказу Адриана с должности, где важнее всего были ученость и хороший стиль, и вновь удаляется к книгам.

Свою почти полностью дошедшую до нас книгу он писал не для ученых, а для массы любознательных читателей, и читатели всех эпох отнеслись к его книге благосклоннее, чем профессиональные историки.

Творчество

Светоний является автором целого ряда сочинений, не дошедших до нас. Это: «О детских играх у греков», «О зрелищах и состязаниях у римлян», «О книжных знаках», «О видах одежды», «О брани и ругательствах и о происхождении каждого», «О Риме и римских обычаях и нравах», «О царях», «О знаменитых блудницах», «О телесных недостатках», «О разных предметах».

Некоторые из этих сочинений дошли до нас в поздних извлечениях, и из них видно, что они были написаны по-гречески.

Разнообразие тематики показывает, что Светоний был вовсе не историком, а писателем-энциклопедистом, которого занимали биографии писателей и гетер, греческие ругательства и телесные недостатки.

Но нельзя судить о сохранившихся произведениях, исходя из несохранившихся.

Светоний был для нас прежде всего историк, но как ис-

Адриан

Рим

торика его всегда заслонял Тацит, как биографа — Плутарх.

Тацит стремился постичь законы истории, Плутарх — законы человеческой души.

Светоний был чужд таких философских интересов. Его цель — не объяснить, а только оценить события.

Для стиля Светония характерны точность, ясность и краткость. Фактичность — главное качество его сочинений.

Наиболее известную свою книгу — «Жизнь двенадцати цезарей», — Светоний опубликовал около 120 г.

В ней Светоний выступает как первый создатель нового типа биографий, подтверждающих фактами оценку деятельности каждого императора предшествующих династий.

Отбор фактов у Светония замечателен тем, что взгляд сосредоточен на личности императора. Это не история империи, а история императоров.

Его биографии интересны и как документ эпохи, когда формировалась теория «просвещенной монархии».

Некоторые ее черты были порождены специфическими

условиями эпохи, другие оказались актуальными и в иные времена. Отсюда интерес к жизнеописаниям цезарей и в средние века, и в новое время.

Своеобразный памятник римской культуры, оказавший значительное влияние на культуру европейскую, труд Светония не потерял интереса и для современного читателя.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСПАСИАН

Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трех императоров, принял наконец и укрепил своей властью род Флавиев. Род этот был незнатен, изображений предков не имел, но стыдиться его государству не пришлось, хотя и считается, что Домициан за свою алчность и жестокость заслуженно понес кару.

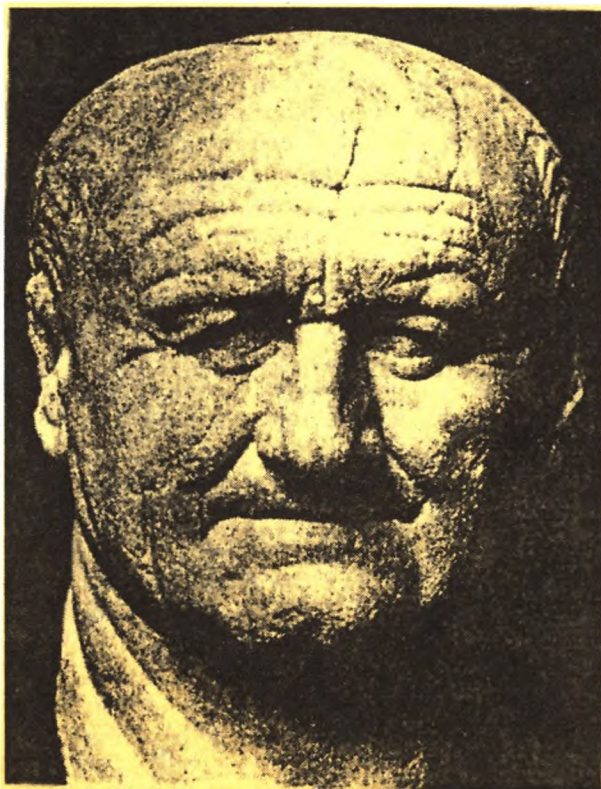
Тит Флавий Петрон из города Реате был у Помпея в гражданской войне то ли центурионом, то ли солдатом на сверхсрочной службе; после битвы при Фарсале он вернулся домой, добился прощения и отставки и занялся сбором денег на распродажах. Сын его, по прозванию Сабин, в войсках уже не служил — впрочем, некоторые говорят, что он был центурионом или даже старшим центурионом и получил увольнение от службы по нездоровью: он был в Азии сборщиком сороковой доли, и позднее там еще можно было видеть статуи, поставленные городами в его честь, с надписью: «Справедливому сборщику». Затем он был ростовщиком в земле гельветов; там он и умер, оставив жену Веспасию Поллу с двумя сыновьями, из которых старший, Сабин, стал потом городским префектом, а младший, Веспасиан, — императором. Полла происходила из Нурсии, из именитого рода: отец ее, Веспасий Поллион, трижды был военным трибуном и начальником лагеря, а брат — сенатором преторского звания. Есть даже место под названием Веспасии, на верху горы у шестой мили, как идти из Нурсии в Сполетий; здесь можно видеть много памятников Веспасиев — явное свидетельство древности и славы этого рода. Я не отрицаю, что некоторые говорят, будто отец Петрона был родом из Транспаданской области и занимался

подрядами в артелях, каждый год ходивших из Умбрии к сабинам на сельские работы, а потом поселился в городе Реате и там женился; но сам я при всем моем старании не мог отыскать об этом никаких свидетельств.

Веспасиан родился в земле сабинов, близ Реате, в деревушке под названием Фалакрины, вечером, в пятнадцатый день декабрьских календ, в консульство Квинта Сульпиция Камерина и Гая Поппея Сабина, за пять лет до кончины Августа. Рос он под надзором Тертуллы, своей бабки по отцу, в ее поместье близ Козы. Уже став правителем, он часто посещал места своего детства: виллу он сохранил в прежнем виде, чтобы все, к чему привык его взгляд, оставалось нетронутым. А память бабки чтит он так, что на праздниках и торжествах всегда пил только из ее серебряного кубка.

Достигнув совершеннолетия, он долго не хотел надевать сенаторскую тогу, хотя брат ее уже носил; только мать наконец сумела этого добиться, да и то скорее бранью, чем просьбами и родительской властью: она все время попрекала его, твердя, что он остался на побегушках у брата. Служил он войсковым трибуном во Фракии, после квестуры получил по жребию провинцию Крит и Кирену; выступив соискателем должностей эдила и претора, одну должность он получил не без сопротивления, и только шестым по списку, зато другую — по первой же просьбе и в числе первых. В бытность претором он не упустил ни одного случая угодить Гаю, который был тогда не в ладах с сенатом: в честь его германской победы он потребовал устроить игры вне очереди, а при наказаниях заговорщиков предложил вдобавок оставить их тела без погребения. А удостоенный от него приглашения к обеду, он произнес перед сенатом благодарственную речь.

Женился он тем временем на Флавии Домицилле, бывшей любовнице римского всадника Статилия Капеллы из Сабраты в Африке: она имела лишь латинское гражданство, но потом судом рекуператоров была объявлена свободнорожденной и римской гражданкой по ходатайству ее отца Флавия Либерала, который был родом из Ферентина и всего лишь писцом в казначействе. От нее он имел детей Тита, Домициана и Домициллу. Жenu и дочь он пережил, поте-

Портрет императора Веспасиана

Мрамор. 70-е гг. Копенгаген. Нью-Карлсбергская глиптотека

ряв обеих еще в бытность свою простым гражданином. После смерти жены он снова взял к себе свою бывшую наложницу Цениду, вольноотпущенницу и письмоводительницу Антонии, и она жила с ним почти как законная жена, даже когда он стал уже императором.

В правление Клавдия он, по милости Нарцисса, был направлен в Германию легатом легиона, а потом переведен в Британию, где участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров Вектис, сражаясь под началом то Авла Плавтия, легата в консульском звании, то самого

императора Клавдия. За это он получил триумфальные украшения, затем вскоре — два жреческих сана и, наконец, консульство: в этой должности он был два последних месяца в году. После этого до самого своего проконсульства жил он на покое и в уединении, опасаясь Агриппины, которая была еще в силе при сыне и ненавидела друзей уже умершего Нарцисса. В управление он по жребью получил Африку и правил ею честно и с большим достоинством, если не считать, что однажды в Гадрумете во время мятежа его забросали репой. Во всяком случае, вернулся он из провинции, ничуть не разбогатев, потерял доверие заимодавцев и вынужден был все свои имения заложить брату, а для поддержания своего положения заняться торговлей мулами: за это в народе и называли его «ослятник». Говорят также, что он получил двести тысяч сестерциев с одного юноши, которому выхлопотал сенаторскую одежду против воли его отца, и за это получил строгий выговор. А сопровождая Нерона в поездке по Греции, он навлек на себя жестокую немилость тем, что часто или выходил во время его пения, или засыпал на своем месте. Ему было запрещено не только сопровождать, но и приветствовать императора, и он удалился на покой в дальний маленький городок, где и жил в неизвестности и страхе за жизнь, пока вдруг не получил неожиданно провинцию и войско.

Император Клавдий

На Востоке распространено было давнее и твердое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору; но иудеи, приняв предсказание на свой счет, возмутились, убили наместника, обратили в бегство даже консульского легата, явившегося из Сирии с подкреплениями, и отбили у него орла. Чтобы подавить

**Император
Гальба**

восстание, требовалось большое войско и сильный полководец, которому можно было бы доверить такое дело без опасения; и Веспасиан оказался избран как человек испытанного усердия и нимало не опасный по скромности своего рода и имени. И вот, получив вдобавок к местным войскам два легиона, восемь отрядов конницы, десять когорт и взяв с собою старшего сына одним из легатов, он явился в Иудею и тотчас расположил к себе и соседние провинции: в лагерях он быстро навел порядок, а в первых же сражениях показал такую отвагу, что при осаде одной крепости сам был ранен камнем в колено, а в щит его вонзилось несколько стрел.

Вителлий

Император Отон

Рим. Ватикан

После Нерона, когда за власть боролись Гальба, Отон и Вителлий, у него появилась надежда стать императором. Внушена она была ему еще раньше, и вот какими знамениями. В загородном имении Флавиев был древний дуб, посвященный Марсу, и все три раза, когда Веспасия рожала, на стволе его неожиданно вырастали новые ветви — явное указание на будущее

каждого младенца. Первая была слабая и скоро засохла — и действительно, родившаяся девочка не прожила и года; вторая была крепкая и длинная, что указывало на большое счастье; а третья сама была как дерево. Поэтому, говорят, отец его Сабин, ободренный вдобавок и гаданием, прямо объявил своей матери, что у нее родился внук, который будет цезарем, но та лишь расхохоталась на это и подивилась, что она еще в здравом уме, а сын ее уже спятил. Потом, когда он был эдилом, Гай Цезарь рассердился, что он не заботится об очистке улиц, и велел солдатам навалить ему грязи за пазуху senatorской тоги; но нашлись толкователи, сказавшие, что так когда-нибудь попадет под его защиту и как бы в его объятия все государство, заброшенное и попранное в междоусобных распрях. Однажды, когда он завтракал, бродячая собака принесла ему с перекрестка человеческую руку и бросила под стол. В другой раз за обедом в столовую вломился бык, вырвавшийся из ярма, разогнал слуг, но вдруг, словно обессилев, рухнул перед ложем у самых его ног, склонив перед ним свою шею. Кипарис на его наследственном поле без всякой бури вывернуло с корнем, но на следующий день поваленное дерево вновь стояло, еще зеленее и крепче. В Ахайе ему приснилось, что счастье к нему и его дому придет тогда, когда вырвут зуб у Нерона; и на следующий день в атрий вышел врач и показал ему только что вырванный зуб. В Иудее он обратился к оракулу бога Кармела, и ответы его обнадежили, показав, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые. А один из знатных пленников, Иосиф, когда его заковывали в цепи, с твердой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император. Вести о предзнаменованиях доходили и из Рима; Нерону в его последние дни было велено во сне отвести священную колесницу Юпитера Всеблагого и Всемогушего из святилища в дом Веспасиана, а потом в цирк; немного спустя, когда Гальба открывал собрание, чтобы принять второе консульство, статуя божественного Юлия сама собой повернулась к востоку; а перед битвой при Бетриаке на глазах у всех сразились в воздухе два орла, и когда один уже был побежден, со стороны восхода прилетел третий и прогнал победителя.

Тем не менее он ничего не предпринимал, несмотря на поддержку и настояния близких, пока неожиданно не поддержали его люди неизвестные и далекие. Мезийское войско отправило на помощь Отону по две тысячи от каждого из трех легионов. В пути они узнали, что Отон разбит и наложил на себя руки; тем не менее, как бы не поверив слуху, они дошли до самой Аквилеи. Там они, воспользовавшись случаем и безначалием, стали вволю разбойничать и грабить; а потом, опасаясь, что по возвращении им придется дать ответ и понести наказание, они решили избрать и провозгласить нового императора — испанское войско поставило императором Гальбу, преторианское — Отона, германское — Вителлия, а они ничуть не хуже других. Были названы имена всех консульских легатов, сколько и где их тогда было, и все по разным причинам отвергнуты. Но когда солдаты из третьего легиона, переведенного перед самой смертью Нерона в Мезию из Сирии, стали расхваливать Веспасиана, все их поддержали и тотчас написали его имя на всех знаменах. Правда, в тот раз дело заглохло, и солдаты на время вернулись к покорности. Однако слух о том распространился, и наместник Египта Тиберий Александр первый привел легионы к присяге Веспасиану — это было в календы июля, и впоследствии этот день отмечался как первый день его правления. А потом, в пятый день до июльских ид, иудейское войско присягнуло ему уже лично.

Начинанию содействовало многое. По рукам ходило в списке послание к Веспасиану с последней волей погибшего Отона — неизвестно, настоящее или подложное, — где тот завещал отомстить за него и умолял спасти государство. В то же время разошелся слух, будто Вителлий после победы собрался поменять легионы стоянками и на Восток, где служба спокойнее, перевести германские войска. Наконец, из провинциальных наместников Лициний Муциан, забыв о соперничестве и уже явной вражде, предложил Веспасиану сирийское войско, а парфянский царь Вологез — сорок тысяч стрелков.

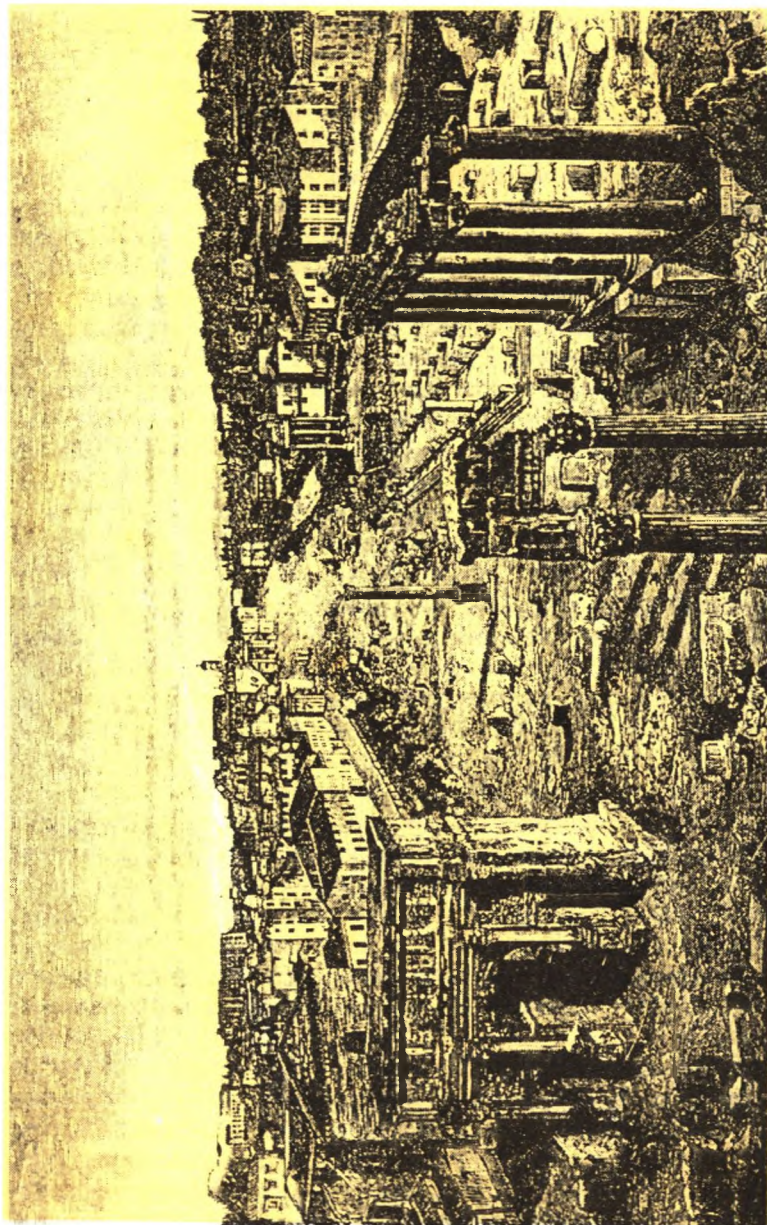
Так началась междоусобная война. В Италию Веспасиан отправил полководцев с передовыми войсками, а сам тем временем занял Александрию, чтобы держать в руках ключ к Египту. Здесь он один, без спутников, отправился в храм

Сераписа, чтобы гаданием узнать, прочна ли его власть: и когда после долгой молитвы он обернулся, то увидел, что ему, по обычаю, подносит лепешки, ветки и венки вольноотпущенник Басилид — а он знал, что Басилид был далеко и по слабости сил не мог ходить, да никто бы его и не впустил. И тотчас затем пришли донесения, что войска Вителлия разбиты при Кремоне, а сам он убит в Риме.

Новому и неожиданному императору еще доставало, так сказать, величия и как бы веса, но и это вскоре пришло. Два человека из простонародья, один слепой, другой хромой, одновременно подошли к нему, когда он правил суд, и умоляли излечить их немощи, как указал им во сне Серапис: глаза прозреют, если он на них плюнет, нога исцелится, если он удостоит коснуться ее пяткой. Нимало не надеясь на успех, он не хотел даже и пробовать; наконец, уступив уговорам друзей, он на глазах у огромной толпы попытал счастья, и успех был полным. В то же время и в аркадской Тегее по указанию прорицателей откопаны были в священном месте сосуды древней работы, и на них оказалось изображение, лицом похожее на Веспасиана.

Таков был Веспасиан, и такова была его слава, когда он вернулся в Рим и отпраздновал триумф над иудеями. После этого он восемь раз был консулом, не считая прежнего, был и цензором: и во все время своего правления ни о чем он так не заботился, как о том, чтобы вернуть дрогнувшему и поколебленному государству устойчивость, а потом и блеск.

Войска дошли до совершенной распушенности и наглости: одни — возгордившись победой, другие — озлобленные бесчестьем; даже провинции, вольные города и некоторые царства враждовали между собой. Поэтому многих солдат Вителлия он уволил и наказал, но победителям тоже ничего не спускал сверх положенного и даже законные награды выплатил им не сразу. Он не упускал ни одного случая навести порядок. Один молодой человек явился благодарить его за высокое назначение, благоухая ароматами, — он презрительно отвернулся и мрачно сказал ему: «Уж лучше бы ты вонял чесноком!» — а приказ о назначении отобрал. Моряки, что пешком переходят в Рим то из Остии, то из Путеол, просили выплачивать им что-нибудь на сапоги — а он, словно мало было отпустить их без ответа, приказал им

Форум. Рим

с этим пор ходить разутыми: так они с тех пор и ходят. Ахайю, Ликию, Родос, Византий, Самос он лишил свободы; горную Киликию и Коммагену, ранее находившиеся под властью царей, обратил в провинции; в Каппадокию, где не прекращались набеги варваров, он поставил добавочные легионы и вместо римского всадника назначил наместником консулара.

Столица был обезображена давними пожарами и развалинами. Он позволил всякому желающему занимать и застраивать пустые участки, если этого не делали владельцы. Приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками начал расчищать обломки и выносить их на собственной спине. В пожаре расплавилось три тысячи медных досок — он позаботился их восстановить, раздобыв отовсюду их списки: это было древнейшее и прекраснейшее подспорье в государственных делах, среди них хранились чуть ли не с самого основания Рима постановления сената и народа о союзах, дружбе и льготах, кому-нибудь даруемых.

Предпринял он и новые постройки: храм Мира близ Форума, храм божественного Клавдия на Целийском холме, начатый еще Агриппиной, но почти до основания разрушенный Нероном, и, наконец, амфитеатр посреди города, задуманный, как он узнал, еще Августом.

Высшие сословия поредели от бесконечных казней и пришли в упадок от давнего пренебрежения. Чтобы их очистить и пополнить, он произвел смотр сенату и всадничеству, удалив негодных и включив в списки самых достойных из италиков и провинциалов. А чтобы было известно, что различаются два сословия не столько вольностями, сколько уважением, он однажды, разбирая ссору сенатора и всадника, объяснил: «Не пристало сенаторам навлекать брань, но отвечать на брань они могут и должны».

Судебные дела повсюду безмерно умножились: затянулись старые из-за прекращенных заседаний, прибавились новые из-за беспокойного времени. Он выбрал по жребию лиц, чтобы возвращать пострадавшим имущество, отнятое во время войны, и чтобы решать вне очереди дела, подведомственные центумвирам: с этими делами нужно было справи-

ться поскорее, так как набралось их столько, что тяжущиеся могли не дожить до их конца.

Безнравственность и роскошь усиливались, никем не обуздываемые. Он предложил сенату указ, чтобы женщина, состоящая в связи с чужим рабом, сама считалась рабыней, и чтобы ростовщикам запрещено было требовать долг с сыновей, еще не вышедших из-под отцовской власти, даже после смерти отцов.

Во всем остальном был он доступен и снисходителен с первых дней правления и до самой смерти. Свое бывшее низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. Когда кто-то попытался возвести начало рода Флавиев к основателям Реате и к тому спутнику Геркулеса, чью гробницу показывают на Соляной дороге, он первый это высмеял. К наружному блеску он несколько не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтобы не сказать: «Поделом мне, старику: как дурак, захотел триумфа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!» Трибунскую власть и имя отца отечества он принял лишь много спустя; а обыскивать приветствующих его по утрам он перестал еще во время междоусобной войны.

Вольности друзей, колкости стряпчих, строптивость философов нисколько его не беспокоили. Лициний Муциан, известный развратник, сознавая свои заслуги, относился к нему без достаточного почтения, но Веспасиан никогда не бранил его при всех и только, жалуясь на него общему другу, сказал под конец: «Я-то ведь все-таки **мужчина!**» Сильвий Либерал, защищая какого-то богача, не побоялся сказать: «Пусть у Гиппарха есть сто миллионов, а цезарю какое дело?» И он первый его похвалил. Ссылный киник Деметрий, повстречав его в дороге, не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться и даже стал на него *лгаться*, но император только обозвал его псом.

Обиды и вражды он несколько не помнил и не мстил за них. Для дочери Вителлия, своего соперника, он нашел отличного мужа, дал ей приданое и устроил дом. Когда при Нероне ему было отказано от двора и он в страхе спрашивал, что ему делать и куда идти, один из заведующих приемами, выпроваживая его, ответил: «На все четыре сторо-

ны!» А когда потом этот человек стал просить у него прощения, он удовольствовался тем, что почти в точности повторил ему его же слова. Никогда подозрение или страх не толкали его на расправу: когда друзья советовали ему остерегаться Меттия Помпузиана, у которого, по слухам, был императорский гороскоп, он вместо этого сделал его консулом, чтобы тот в свое время вспомнил об этой милости.

Ни разу не оказалось, что казнен невинный, — разве что в его отсутствие, без его ведома или даже против его воли. Гельвидий Приск при возвращении его из Сирии один приветствовал его Веспасианом, как частного человека, а потом во всех своих преторских эдиктах ни разу его не упомянул, но Веспасиан рассердился на него не раньше, чем тот разбранил его нещадно, как плебея. Но и тут, даже сослав его, даже распорядившись его убить, он всеми силами старался спасти его: он послал отозвать убийц и спас бы его, если бы не ложное донесение, будто он уже мертв. Во всяком случае, никакая смерть его не радовала, и даже над заслуженною казнью случалось ему сетовать и плакать.

Единственное, в чем его упрекали справедливо, это сребролюбие. Мало того что он взыскивал недоимки, прощенные Гальбою, наложил новые тяжелые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций, — он открыто занимался такими делами, каких стыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой; он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками: сухим дает намокнуть, а мокрые выжимает. Одни думают, что жаден он был от природы: за это и бранил его старый пастух, который умолял Веспасиана, только что ставшего императором, отпустить его на волю безвозмездно, но получил отказ и воскликнул: «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!» Другие, напротив, полагают, что к поборам и вымогательству он был вынужден крайней скудостью и государственной и императорской казны: в этом он сам признался, когда в самом начале правления заявил, что ему нужно сорок миллиардов сестерциев,

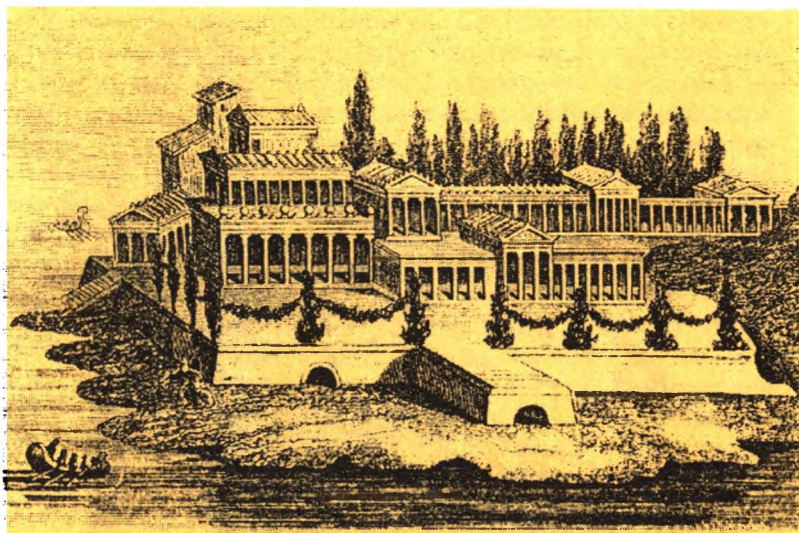

Театр Марцелла

13 г. до н. э.

чтобы государство стало на ноги. И это кажется тем правдоподобнее, что и худо нажитому он давал наилучшее применение.

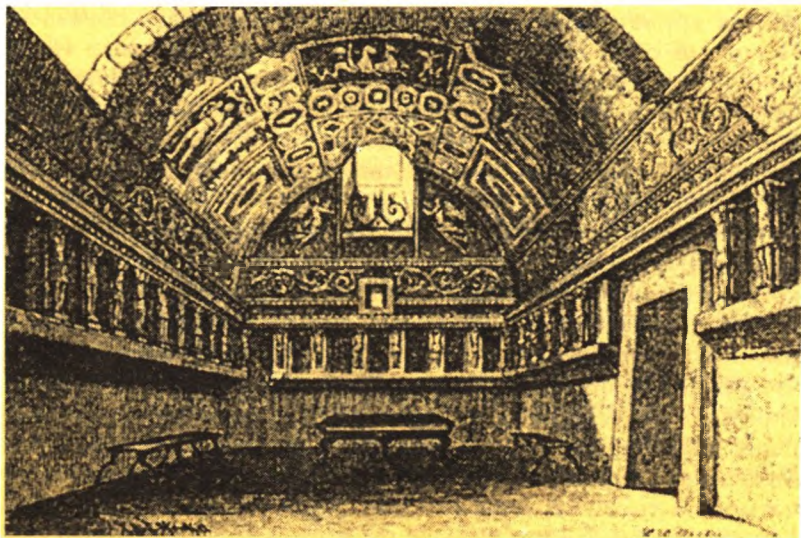
Щедр он был ко всем сословиям: сенаторам пополнил их состояния, нуждавшимся консуларам назначил по пятьсот тысяч сестерциев в год, многие города по всей земле от-

Римская вилла

строил еще лучше после землетрясений и пожаров, о талантах и искусствах обнаруживал величайшую заботу.

Латинским и греческим риторам он первый стал выплачивать жалование из казны по сто тысяч в год; выдающихся поэтов и художников, как, например, восстановителя Колосса и Венеры Косской, он награждал большими подарками; механику, который обещался без больших затрат поднять на Капитолий огромные колонны, он тоже выдал за выдумку хорошую награду, но от услуг отказался, промолвив: «Уж позволь мне подкормить мой народ!».

На зрелищах при освящении новой сцены в театре Марцелла он возобновил даже старинные представления. Трагическому актеру Аpellарию он дал в награду четыреста тысяч сестерциев, кифаредам Терпну и Диодору — по двести тысяч, другим — по сотне тысяч, самое меньшее — по сорок тысяч, не говоря о множестве золотых венков. Званные пиры он также устраивал частые и роскошные, чтобы поддержать торговцев съестным. На Сатурналиях он раздавал подарки мужчинам, а в мартовские календы — женщинам.

Баня в Помпеях

Все же загладить позор былой своей скупости ему не удалось. Александрийцы неизменно называли его селедочником, по прозвищу одного из своих царей, грязного скряги. И даже на его похоронах Фавор, главный мим, выступая, по обычаю, в маске и изображая слова и дела покойника, во всеуслышание спросил чиновников: во сколько обошлось погребальное шествие? И, услышав, что в десять миллионов, воскликнул: «Дайте мне десять тысяч — и бросайте меня хоть в Тибр!»

Роста он был хорошего, сложения крепкого и плотного, с натужным выражением лица; один остроумец метко сказал об этом, когда император попросил его пошутить и над ним: «Пошучу, когда опорожнишься». Здоровьем он пользовался прекрасным, хотя ничуть о том не заботился, и только растирал сам себе в бане горло и все члены, да один день в месяц ничего не ел.

Образ жизни его был таков. Находясь у власти, вставал он всегда рано, еще до свету, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников; затем впускал друзей и прини-

мал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с текущими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц: после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу; в это время, говорят, был он всего добрее и мягче, и домашние старались этим пользоваться, если имели какие-нибудь просьбы.

За обедом, как всегда и везде, был он добродушен и часто отпускал шутки: он был большой насмешник, но слишком склонный к шутовству и пошлости, даже до непристойностей. Тем не менее некоторые его шутки очень остроумны; вот некоторые из них. Консулар Местрий Флор уверял, что правильнее говорить не «plostra», а «plaustra»; на следующий день он его приветствовал не «Флором», а «Флавром». Одна женщина клялась, что умирает от любви к нему, и добилась его внимания: он провел с ней ночь и подарил ей четыреста тысяч сестерциев; а на вопрос управителя, по какой статье занести эти деньги, сказал: «За чрезвычайную любовь к Веспасиану».

Умел он вставить к месту и греческий стих: так, о каком-то человеке высокого роста и непристойного вида он сказал:

Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

А о вольноотпущеннике Кериле, который, разбогатев и не желая оставлять богатство императорской казне, объявил себя свободнорожденным и принял имя Лахета:

О Лахет, Лахет,
Ведь ты помрешь — и снова станешь Керилом.

Но более всего подсмеивался он над своими неблагоприятными доходами, чтобы хоть насмешками унять недовольство и обратить его в шутку. Один из его любимых прислужников просил управительского места для человека, которого выдавал за своего брата; Веспасиан велел ему подождать, вызвал к себе этого человека, сам взял с него деньги, выговоренные за ходатайство, и тотчас назначил на место; а когда опять вмешался слугитель, сказал ему: «Иши себе другого брата, а это теперь мой брат». В дороге однажды он заподозрил, что погонщик остановился и стал перековывать мулов только затем, чтобы дать одному просителю время и

случай подойти к императору; он спросил, много ли принесла ему ковка, и потребовал с выручки свою долю. Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. «Нет», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», — сказал Веспасиан. Когда посланцы доложили ему, что решено поставить ему на общественный счет колоссальную статую немалой цены, он протянул ладонь и сказал: «Ставьте немедленно, вот постамент».

Даже страх перед грозящей смертью не остановил его шуток: когда в числе других предзнаменований двери Мавзолея вдруг раскрылись, а в небе появилась хвостатая звезда, он сказал, что одно знаменье относится к Юнии Кальвине из рода Августа, а другое к парфянскому царю, который носит длинные волосы; когда же он почувствовал приближение смерти, то промолвил: «Увы, кажется, я становлюсь богом».

В девятое свое консульство он, находясь в Кампании, почувствовал легкие приступы лихорадки. Тотчас он вернулся в Рим, а потом отправился в Кутилии и в реатинские поместья, где обычно проводил лето. Здесь недомогание усилилось, а холодной водой он вдобавок застудил себе живот. Тем не менее он продолжал, как всегда, заниматься государственными делами и, лежа в постели, даже принимал послов. Когда же его прослабило чуть не до смерти, он заявил, что император должен умереть стоя; и, пытаясь подняться и выпрямиться, он скончался на руках поддерживавших его в девятый день до июльских календ, имея от роду шестьдесят девять лет один месяц и семь дней.

Всем известно, как твердо он верил всегда, что родился и родил сыновей под счастливой звездой: несмотря на непрекращавшиеся заговоры, он смело заявлял сенату, что наследовать ему будут или сыновья, или никто. Говорят, он даже видел однажды во сне, будто в сенях Палатинского дворца стоят весы, на одной их чаше — Клавдий и Нерон, на другой — он с сыновьями, и ни одна чаша не перевешивает. И сон его не обманул, потому что те и другие правили одинаковое время — ровно столько же лет.

Перевод М. Гаспарова

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

330—400 гг.

Жизнь

По своему происхождению Аммиан был греком из Антиохии, где принадлежал к местной провинциальной знати. И, несмотря на широкое распространение в его время христианства, Аммиан всю жизнь оставался язычником.

В ранней юности он поступил на военную службу.

В 353 г. Аммиан стал помощником видного в то время римского полководца и политического деятеля Урсицина, которого сопровождал во всех его походах.

В 356 г. Аммиан вместе со своим начальником отправился в Галлию, где впервые стал очевидцем битв римских войск под командованием Цезаря Юлиана.

В 357 г. Аммиан отправляется на Восток вместе с Урсицином, которому поручили командовать римскими легионами в Месопотамии. Там Аммиан принимает непосредственное участие в битвах против персов.

Юлиан Отступник

В 360 г. Урсицина отстраняют от политической и военной деятельности, в результате Аммиан некоторое время остается не у дел.

В 363 г. Аммиан вновь поступает на военную службу, но уже к императору Юлиану (Отступнику), и отправляется с ним на войну с персами.

Однако вскоре, в этом же году, Юлиан погибает в одной из битв, и Аммиан возвращается в свою родную Антиохию.

Затем он совершает путешествие в Египет и по греческим провинциям. Во Фракии он посетил места боев римских войск с готами, уже после сражения при Адрианополе.

В 380 г. он приезжает в Рим, где пишет свою «Историю» Римской империи. Правда, из-за голода в Риме в 383 г. он вынужден покинуть столицу.

В 391 г. Аммиан вновь возвращается в Рим, где уже выступает перед римскими гражданами с чтением отрывков из своей «Истории».

«История» его настолько хорошо была принята в Риме, что он отказывается от первоначального плана закончить ее на событиях 363 г. и продолжает для Западной части империи до смерти Валентиниана (375 г.), для Восточной части — до битвы при Адрианополе.

Судьба

Аммиан Марцеллин был не просто историком, изучавшим историю Рима со стороны, но был и активным участником крупных исторических битв и сражений империи с «варварами». В Месопотамии Аммиан оказался даже на волоске от гибели.

Урсицин поручил ему во главе небольшого военного отряда провести разведку основных сил персидской армии. Однако на обратном пути выяснилось, что персы выдвинули вперед свои сторожевые отряды, и Аммиан со своим отрядом оказался отрезанным от римских войск. Пришлось отступать в город Амиды, который был тут же осажден персами. Аммиан, выдержав тяжелую осаду города, решился во время очередного штурма вырваться с остатками отряда из осаждаемого города, что ему чудом удалось сделать.

Несмотря на активное участие Аммиана в битвах во славу Римской империи и на его восторженные высказывания о Риме, он всегда оставался для римских граждан провинциалом, иностранцем (греком) и постоянно испытывал боль за их высокомерное отношение к себе. В 383 г. в Риме случился голод, и было издано распоряжение о выезде из столицы всех провинциалов: Аммиан попал в число удаленных. Он с раздражением писал, что, в то время как из Рима удаляли образованнейших людей, учителей и их учеников, в нем власти оставили 3000 танцовщиц. В то же время Аммиан и сам не одобрял чрезмерную, по его мнению, заботу императора Юлиана о провинциалах и желание его привлечь их к управлению Римской империей, так как провинциалы были незнакомы с чистым римским духом. В центре государства, по мнению Аммиана, и во главе его управления должны были оставаться Рим и его сенат.

После написания значительной части своей «Истории» Аммиан получил долгожданное признание его римским гражданином — «свой». Даже ходили слухи, что ему предлагали стать членом Римского сената.

**Монета с изображением
императора Нервы**

Император Нерва

Творчество

«История» Аммиана, задуманная как продолжение «Анналов» и «Историй» Тацита, охватывает период от императрицы Нервы (96 г.) до битвы при Адрианополе (378 г.) и включает 31 книгу. До нас дошли лишь последние 18 (353—378 гг.), первые 13 книг бесследно исчезли.

При написании своей «Истории» Аммиан привлек большое количество документов. Кроме письменных источников, используются личные наблюдения автора, свидетельства очевидцев. Этим объясняется изобилие, многообразие и достоверность многих сообщаемых им фактов.

Особое, детальное внимание Аммиан уделяет битвам, войнам, дворцовым интригам, претендентам на власть.

Очень существенны его сведения о социальных движениях, положении населения в провинциях, римской армии. Большую ценность представляют сведения о племенах Юго-Восточной и Центральной Европы, их обычаях и истории.

Однако центральной фигурой его труда был император Юлиан (Отступник), великий полководец и политик. Историк нередко сравнивает его с императором Констанцием, к которому Аммиан относится явно отрицательно.

На одной стороне — мужество, доблесть, борьба за вели-

чие Римского государства, успех на войне, покровительство науке, ораторское искусство, на другой — честолюбие, интриги, зависть, козни, бесконечные споры по вопросам церковно-догматическим, военные неудачи.

«История» Аммиана Марцеллина написана в традиционном римском духе. Рим для него — центр мира. Он верил в несокрушимость римского оружия и в то, что ему суждено одолеть мир варваров, уже со всех сторон стеснивших империю. Варваров он считал необходимым безоговорочно истреблять и приветствовал массовые убийства аламанов, квадов, сарматов и других народов.

Величие Римской империи, торжество ее над варварами — вот та идея, которая больше всего увлекает Аммиана и с позиции которой он дает оценку историческим событиям. После его «Истории» такое изложение исторических событий обрывается, поэтому Аммиан считается последним крупным римским историком. После него римская историография попадает под влияние христианской идеологии, согласно которой центр мировой истории перемещается из Рима на Восток и историей мира считается уже история, изложенная в Библии.

I

1. В то время как вероломство персидского царя вызвало, как я рассказал о том выше, неожиданные для нас тревоги и в восточных областях с новой силой разгорелась война, в Вечном городе через 16 с лишним лет после гибели Непотиана стала свирепствовать сама Беллона и разожгла всеобщий пожар. Начавшись с малого, дело дошло до ужасных бедствий. Пусть бы их покрыло вечное молчание, чтобы не причинить вреда потомкам не столько описанием отдельных проступков, сколько изображением всеобщего падения нравов.

2. И хотя от подробного изложения этих кровавых событий меня удерживает справедливое опасение, связанное со многими различными соображениями, однако, будучи уверен в высшем уровне нравственности в настоящее время, я сообщу вкратце о том, что достойно памяти. Не будет так-

же излишне коротко упомянуть об одном событии древнего времени, которое служило мне предостережением.

3. Когда, во время первой мидийской войны, персы опустошили Азию, то между прочим осадили с большими силами Милет. Угрожая осажденным мучительными казнями, персы довели их до такой крайности, что они все, придя в отчаяние от одолевших их бедствий, перебили сами свои семейства и, бросив в огонь все движимое имущество, стали один за другим бросаться в общий костер гибнущего отечества.

4. Немного позднее Фриних поставил этот сюжет на афинской сцене, переработав его в трагедию. Сначала публика слушала пьесу с удовольствием; когда же дальнейшее развитие трагического действия стало производить слишком тяжелое впечатление, народ возмутился и присудил поэта к наказанию, полагая, что он собирался не утешить, а упрекнуть своих сограждан, дерзко выведя на сцену страдания, которые перенес славный город, оставленный без всякой помощи со стороны своих основателей. Милет был афинской колонией, которая в числе других ионийских городов была основана Нелеем, сыном Кодра, который, как рассказывают, обрек себя на смерть за отечество во время войны с дорийцами.

5. Но возвращаюсь к своему рассказу. Максимин, исправлявший раньше должность викария префекта, родом из города Сопиан в Валерии, был человек низкого происхождения: его отец был счетным чиновником в канцелярии правителя провинции и род свой вел от карпов, которых разгромил Диоклетиан на их старом месте жительства и переселил в Паннонию.

6. Пройдя недолгий курс обучения, он занялся адвокатурой, в чем не достиг особенных успехов, и был затем правителем Корсики, Сардинии, а потом Тусции. После этого он был повышен и заведовал хлебным снабжением Рима, и так как его преемник долго медлил в пути, то он оставил за собой управление Тусцией. Сначала он действовал с большой осторожностью, имея для этого тройное основание.

7. Во-первых, в его ушах звучали слова его отца, который был большой знаток разного рода знамений, связанных с полетом и пением птиц, гласящие, что он достигнет высот власти... но погибнет от руки палача. Во-вторых, он связался с

одним сардинцем, которого потом сам, как прошел о том слух, погубил коварным образом; человек этот был весьма сведущ в вызывании злых духов и получении предсказаний от душ умерших людей. Пока жив был этот человек, он боялся предательства с его стороны и был обходительнее и мягче. В-третьих, потому что он, подобно пресмыкающейся гадине, держался в низких местах и не мог еще вызвать крупных кровавых дел.

8. Следующее обстоятельство дало ему повод расширить сферу действий. Бывший викарий Хилон и его жена по имени Максима подали тогдашнему префекту города Рима Олибрию жалобу на то, что их пытались околдовать, они добились того, что те, кого они заподозрили, органный мастер Серик, учитель гимнастики Асболий и гаруспик Кампенсий были немедленно схвачены и посажены в тюрьму.

9. Но так как дело затянулось вследствие болезни Олибрия, то раздосадованные задержкой истцы подали прошение, чтобы расследование их дела было поручено префекту хлебоснабжения, на что и было дано разрешение для ускорения дела.

10. И вот, получив возможность вредить, Максимин дал простор прирожденной ему жестокости, дремавшей в его грубой натуре, как нередко проявляют ее дикие звери, которых держат для амфитеатров, когда им удается вырваться на свободу, сломав двери клетки. Предварительное следствие по этому делу велось разными способами, словно прелюдия к трагедии. От каких-то людей с исполосованными пыткой боками получены были показания против знатных лиц, будто они через своих клиентов и других низкого происхождения людей, известных как преступники и доносчики, обращались к колдунам. И вот этот дьявольский следо-

**Император
Максимин**

Римские клиенты

ватель, не довольствуясь предоставленными ему полномочиями, представил злонамеренный доклад императору о том, что только более тяжкими казнями можно расследовать и покарать губительные злодейства, в которых очень многие лица в Риме оказались повинными.

11. Узнав об этом, император, относившийся к проступкам скорее с горячностью, чем с разумной строгостью, пришел в страшное раздражение и отдал приказ, высокомерно подводя под закон об оскорблении величества эти дела, подвергать в случае надобности пыткам даже всех тех, кого древнее право и указы императоров освобождали от кровавого следствия.

12. А чтобы удвоение власти и возвышение положения ум-

ножило несчастья, он предоставил Максиминому право действовать с полномочиями префекта и для следствия, которое начиналось на погибель многих, приставил к нему нотарию Льва, бывшего впоследствии магистром оффиций, который на своей родине, в Паннонии, занимался грабежом могил; зверская усмешка этого человека выдавала его жестокость, и не менее Максимиана он жаждал человеческой крови.

13. Упорная решимость Максимиана губить людей усилилась с получением подобного ему товарища и почетного для него указа императора с предоставлением высокого звания. Поэтому в восторге он ставил свои ноги то тут, то там, так что казалось, будто он танцует, а не ходит, стараясь подражать брахманам, которые, как рассказывают, шествуют между алтарями богов с высоко поднятой головой.

14. Зазвучал сигнал внутренних бедствий, и предстоящие ужасы привели всех в оцепенение. Из множества кровавых и жестоких дел, разнообразие и количество которых нельзя перечислить, выделялась смерть адвоката Марина. Он был обвинен в том, что позволил себе искать руки некоей Гиспаниллы при помощи колдовства; после самого поверхностного рассмотрения достоверности доноса он был приговорен к смерти.

15. Допуская возможность, что кто-нибудь из моих будущих читателей, тщательно разобрав дело, упрекнет меня в том, что сначала случилось одно, а не другое, или что вовсе пропущено то, чему он был очевидцем, я замечу в оправдание, что не все, что касалось людей низкого положения, достойно рассказа, и если бы пришлось описывать полностью все, то даже справки в государственном архиве не были бы вполне достаточны, поскольку разгорелось столько бедствий, и неслыханное бешенство без всякой задержки поставило все вверх дном, когда всем было очевидно, что переживаемые ужасы были не судом, а приостановкой отправления правосудия.

16. Тогда же был привлечен к ответственности за прелюбодеяние сенатор Цетег и казнен через усечение головы; знатный юноша Алипий за незначительный проступок был отправлен в ссылку, и многие другие люди низшего звания подвергнуты публичной казни. В несчастьях этих людей всякий видел образ грозившей и ему самому опасности, и па-

лач, оковы, мрачная тюрьма являлись всем даже в сновидениях.

17. В то же самое время был привлечен к ответственности Гиметий, муж прекрасных качеств. Ход этого дела был, по моим сведениям, таков. Когда он управлял Африкой в звании проконсула, то во время тяжкого голода, посетившего Карфаген, он выдал населению его хлеб из запасов, предназначенных для римского народа; немного позже, когда был большой урожай, он немедленно возместил все выданное.

18. Но так как он продавал нуждавшимся по десяти мадиев за один солид, а сам получал по тридцати, то излишек денег он внес в государственную казну. А Валентиниан, заподозрив, что он сделал при этом аферу лично для себя и прислал мало денег, наказал его конфискацией части его состояния.

19. В завершение его бедствий открылось в те же дни не менее гибельное для него обстоятельство. На гаруспика Аманция, пользовавшегося тогда большой известностью, был сделан тайный донос, будто его вызывал тот же Гиметий ради каких-то преступных деяний для жертвоприношения. Будучи привлечен к суду, Аманций, хотя и склонялся под тяжестью пыток, однако упорно все отрицал.

20. Так как он настаивал на своем отрицании, то из дома его были взяты секретные бумаги, и там оказалась собственноручная записка Гиметия, в которой тот просил его совершением торжественных обрядов расположить к нему императоров; в конце записки содержались резкие выпады против императора за его корыстолюбие и жестокость.

21. Узнав об этом из донесения судей, которые дали этому злостное истолкование, Валентиниан приказал произвести самое строгое следствие по этому делу. И так как состоявший советником при вышеназванном Гиметии Фронтин изобличен был в составлении этой записки, то он был подвергнут наказанию розгами и, после того как сознался в этом деянии, сослан в Британию; а Аманций осужден был позднее по обвинению в уголовных преступлениях и казнен.

22. После этого ряда событий Гиметий был отправлен в Окрикул для допроса префектом Ампелием и викарием Максимином. Ему предстояла, как было очевидно, немедленная гибель; но, воспользовавшись предоставленной ему

возможностью, он апеллировал к императору, и защита этим именем спасла ему жизнь.

23. Когда императору доложили об этой апелляции, он предоставил разобрать дело сенату. Сенат, рассмотрев его по всей справедливости, приговорил Гиметия к ссылке в Бои, местность в Далмации. Этим сенат навлек на себя тяжкий гнев императора, который страшно возмутился, когда узнал, что человек, обреченный, по его собственным предположениям, на смерть, подвергся более мягкой каре.

24. Эти и подобные бедствия, обрушившиеся на многих лиц, вызвали всеобщую панику. Чтобы эти бедствия, выползавшие тайными путями и распространявшиеся мало-помалу дальше, не повлекли за собой целой громады несчастий, по решению знати (т.е. сената) было отправлено к императору посольство. Бывший префект Претекстат, бывший викарий Венуст и бывший консул Минервий должны были подать императору прошение, чтобы кары не оказывались выше проступков и чтобы не подвергали пыткам сенаторов вопреки обычаю и праву.

25. Когда они были приняты на аудиенции и изложили свою просьбу, Валентиниан стал отрицать, что он сделал такое распоряжение, и начал кричать, что его оклеветали. Но квестор Евпраксий в деликатной форме доказал ему противоположное, и благодаря этой его смелости отменен был жестокий приказ, беспрецедентный по своей суровости.

26. В то же время на основании строжайшего следствия, произведенного Максимином, сын бывшего префекта Лампадия, Лоллиан, только что вошедший в пору юности, был уличен в том, что он, в возрасте еще не окрепшего суждения, переписал книгу о чародействе. Ему предстояло, как предполагали, подвергнуться ссылке. По совету отца он апеллировал к императору. Согласно последовавшему приказанию он был доставлен на главную квартиру и попал, как говорится, из огня да в полымя: разбор дела был передан консуляру Бетики Фалангию, и Лоллиан умер от руки палача.

27. Кроме названных лиц, были привлечены к ответственности следующие лица senatorского звания: Тарраций Басс, впоследствии городской префект, брат его Камений, некто Марциан и Евсафий. Они были обвинены в том, что оказывали покровительство колесничному вознице Авхению, как

соучастнику в колдовстве. Так как доказательства были сомнительны, то благодаря заступничеству, как рассказывала молва, Викторина, состоявшего в самой тесной дружбе с Максимином, они были оправданы.

28. Даже на женщин простирались подобные несчастья. Многие матроны знатного происхождения были казнены по обвинению в прелюбодеяниях и безнравственности. Более известные из них были Кларитас и Флавиана. Когда одну из них вели на казнь, то с нее сорвали одежду, которая была на ней, и не позволили даже оставить ничего, чтобы прикрыть срамные части. За это палач, уличенный в совершении этого дикого злодеяния, был сожжен живым.

29. Далее, сенаторы Пафий и Корнелий, оба сознавшие в том, что осквернили себя колдовством, были казнены по приговору того же Максимиана. Такая же участь постигла прокуратора монетного двора. Названных выше Серика и Асболия он засек до смерти тяжкими ударами кнута со свинцом, так как, стараясь выманить у них имена соучастников, он дал им клятву, что не прикажет казнить их ни огнем, ни железом. После этого он осудил на казнь огнем гаруспика Кампенсия, не будучи по его делу связан никакой клятвой.

30. Здесь я считаю уместным рассказать, какая причина привела к гибели Агинация, человека, принадлежавшего, как гласила о том упорная молва, к самой древней знати, хотя и нельзя было подтвердить этого документально.

31. Все более наглея, Максимин, еще будучи префектом хлебоснабжения, найдя достаточный повод усилить свое начальство, стал позволять себе презрительно обращаться с Пробом, который занимал самое высокое положение среди высших чинов и управлял разными провинциями на правах преторианского префекта.

32. Агинаций возмущался этим и досадовал, что в судебных следствиях Олибрий предпочел ему Максимиана, хотя он был викарием Рима. И вот в частном разговоре он намекнул Пробу наедине, что легко можно устранить этого тщеславного человека, который позволяет себе оскорблять заслуженнейших людей, если он согласен на это.

33. Проб, как утверждают некоторые, послал письмо об этом Максиминому, так как боялся его как человека, искусного в злодеяниях и имевшего влияние у императора. Никто

об этом не знал, кроме посланца, передавшего письмо. Прочитав его, этот дикий человек воспытал таким гневом, что пустил в ход против Агинация все интриги и извивался, как змея, которую придавило колесо.

34. Сюда прибавился и другой важный повод для козней, которые сгубили Агинация. Он стал обвинять умершего уже Викторина, что тот, пока был в живых, продавал приговоры Максимиана, и, хотя по его завещанию он сам получил весьма значительный легат, тем не менее с той же дерзостью угрожал процессом его вдове Анепсии.

35. Опасаясь этого, она придумала, для того чтобы можно было рассчитывать на помощь Максимиана, будто ее покойный муж в недавно составленном завещании оставил и ему 3000 фунтов серебра. Сторяя чрезвычайной алчностью — он не был свободен и от этого порока, — тот потребовал половины наследства. Но, не удовольствовавшись и этим, придумал другой способ, как казалось, благородный и безопасный, и, чтобы не упустить представившегося удобного случая завладеть богатым состоянием, попросил в жены своему сыну дочь Анепсии, которой Викторин приходился отчимом. Мать дала согласие, и дело было быстро слажено.

36. В окружении таких и подобных равно достойных слез злодейств, которые изменяли самый облик Вечного города, шествовал вперед этот человек, имя которого можно произнести только со стоном скорби, нес гибель и разрушение благосостоянию многих домов и раздвигал сам себе рамки судебных полномочий. Рассказывают, что у него всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой привязывали доносы, и хотя они не подтверждались никакими доказательствами, но могли повредить многим невинным. Несколько раз он приказывал выталкивать (для вида) из дома Муциана и Барбара, своих служителей, поднаторевших во всяких обманах.

37. Притворно оплакивая несчастья, якобы их удручающие, они громко кричали, преувеличивая жестокость судьбы, и не раз повторяли одно и то же, что, мол, не остается никакого средства для привлекаемых к суду спасти свою жизнь, кроме как возбуждать тяжкие обвинения против знатных людей, так как, привлекая их как соучастников своих несчастий, можно надеяться тем самым на освобождение.

38. Эта неумолимая жестокость выходила за всякие границы, и множество людей попадало в оковы; знатные по происхождению люди облакались в простые одежды, и каждый был в тревоге за себя. Нельзя даже поставить в упрек кому-нибудь из них, когда, приветствуя его, они сгибались чуть ли не до земли, слыша, как этот зверски свирепый разбойник кричал, что никто не может оказаться невиновным против его воли.

39. Эти слова, за которыми быстро следовало исполнение, устроили бы, конечно, даже людей, похожих на Нуму Помпилия и Катона. Дела шли так, что не пересыхали слезы на глазах таких людей, которые страдали лишь от вида чужих бедствий, что случается во время особенных житейских невзгод.

40. Этот судья с медным лбом, нередко отступавший от права и справедливости, имел одно хорошее качество: иногда он, смягчаясь в ответ на просьбы, кое-кого шадил, что почти граничит с пороком, как написано это у Цицерона: «Где гнев неумолим, там господствует величайшая строгость; а где он легко сдается — величайшая неустойчивость, которую, однако, хотя плохо то и другое, должно предпочесть суровости».

41. Через некоторое время Максимин, как раньше Лев, получил преемника и был отозван на главную квартиру императора, будучи возведен в префекты претория. Он не стал от этого сколько-нибудь мягче и, как змея, старался вредить издали.

42. Тогда же, или немного раньше, появились зеленые побеги на метлах, которыми подметали зал заседаний сената, и это служило предзнаменованием того, что люди самого низкого звания поднимутся до высших чинов сановников.

43. И хотя уже пора вернуться к моему повествованию, однако, не нарушая последовательности изложения, я упомяну кратко о тех несправедливых деяниях, которые были совершены другими викариями префекта города Рима, потому что они действовали по указанию и воле Максимиана, как покорные его слуги.

44. После него появился Урсичин, склонный вообще к более мягкому образу действий. Желая соблюдать осторожность и строгую законность, он послал донесение о том, что

Езайя с другими, задержанными за прелюбодеяние с Руфиной, пытались обвинить в преступлении об оскорблении величества мужа Руфины, Марцелла, бывшего имперского агента. За это оказались им недовольны, как медлительным человеком, мало подходящим для решительных действий в отношении подобного рода преступлений, и он был отстранен от должности.

45. Его преемником стал Симпликий из Эмоны. Сначала школьный учитель, затем советник при Максимино, он после отправления этой должности не стал ни горд, ни надменен, но наводил страх своим косым взглядом. Мягкий на словах, он потихоньку замышлял злое против многих. Прежде всего он казнил Руфину со всеми виновными в прелюбодеянии и соучастниками этого дела, о котором, как я выше сказал, докладывал Урсицин; той же участи подверглись затем многие другие, без всякого различия между виновными и невиновными.

46. Соревнуясь в кровавой борьбе с Максимином, как со своим образцом, он старался превзойти его в нанесении смертельных ран представителям знатных родов и подражал древним Бузириду, Антею и Фалариду, так что, казалось, недоставало ему только быка в Агригенте.

47. При таком общем течении дела некая матрона Гезихия, которая была отдана под арест в дом одного служителя канцелярии вследствие возбужденного против нее дела, в страхе перед ожидавшими ее всякими ужасами, вдавила свое лицо в пуховую подушку и, лишившись возможности дышать через нос, задушила себя сама.

48. Сюда прибавилось другое, не менее жестокое дело. Евмений и Абиен, оба — члены сената, уже при Максимино были уличены в своей связи с Фаузианой, женщиной также знатного сословия. Пока жив был Викторин, они были в относительной безопасности, а после его смерти, утрашенные прибытием Симпликия, который грозился идти по следам Максимино, скрылись в тайном убежище.

49. Когда Фаузиана была осуждена, их привлекли к ответственности и вызвали в суд. Но они постарались скрыться еще тщательнее. Абиен скрывался долго в доме Анепсии. Как обычно бывает, что неожиданный случай отягчает несчастное положение, так было и здесь: раб Анепсии, по

имени Апавдул, раздраженный тем, что была высечена его жена, ночью отправился к Симпликию и сделал донос. Тотчас были посланы служители, которые извлекли скрывавшихся из их убежища.

50. Абиен, вина которого отягчалась еще тем, что он обвинялся в прелюбодеянии с Анепсией, был казнен; а Анепсия, видя в отсрочке казни способ спасти свою жизнь, заявила, что она подвергалась насилию в доме Агинация при помощи колдовства.

51. Симпликий составил обо всем этом подробное донесение императору. Находившийся при дворе в ту пору Максимин питал вражду к Агинацию по поводу, о котором я выше сказал, и теперь, вместе с повышением в сане, еще больше ожесточился в своей злобе. Он стал настойчиво просить, чтобы император дал повеление казнить Агинация. И этот зловредный и влиятельный человек без труда добился желательного ему указа.

52. В то же время Максимин опасался усиления ненависти против себя, если по приговору Симпликия, его личного друга и советника, будет казнен человек патрицианского рода. Поэтому он задержал на некоторое время у себя императорское повеление, колеблясь и раздумывая, в ком ему найти верного и решительного исполнителя кровавого дела.

53. Наконец, как в пословице: рыбак рыбака видит издалека, он нашел некоего Дорифориана, галла по происхождению, человека, дерзкого до безумия. Получив его обещание быстро справиться с этим делом, Максимин устроил назначение его викарием и передал ему вместе с дипломом о назначении тот рескрипт; а из-за неопытности этого свирепого человека указал ему, как без всяких препятствий поскорее погубить Агинация, который, воспользовавшись какой-нибудь отсрочкой, мог бы спастись от наказания.

54. Согласно приказанию, Дорифориан поспешил в Рим большими переездами и с самого начала отправления своей должности старательно выискивал способ, как ему без содействия с чьей-либо стороны лишить жизни сенатора знатного рода. Узнав, что он уже давно найден и находится под арестом на собственной вилле, Дорифориан решил сам лично провести его допрос как главы обвиняемых и Анепсии в самую полночь, когда человек обыкновенно чувствует

себя в возбужденном и тревожном состоянии: не касаясь множества других примеров, я напомним, что Аякс у Гомера высказывает желание умереть скорее при дневном свете, чем испытывать усиление смертного ужаса страхом ночи.

55. И так как этот судья, или, скорее, негодный разбойник, держа в уме только свое обещание, во всем переступал меру, то, приказав привести для допроса Агинация, он велел впустить туда же целую толпу палачей. При зловещем звякании цепей он мучил пытками до смерти рабов, утомленных продолжительным заключением, требуя от них показаний против их господина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствиях о прелюбодеяниях.

56. Наконец, когда пытка, грозившая окончиться смертью, вырвала у одной рабыни неопределенные показания, он, не исследовав надлежащим образом правильность показания, немедленно изрек смертный приговор Агинацию. Тщетно тот апеллировал громким криком к императорам, его подхватили на руки и убили; по такому же приговору была казнена и Анепсия. Такие злодеяния Максимиана, как тогда, когда он находился в городе, так и тогда, когда действовал через своих приспешников, приходилось оплакивать Вечному городу.

57. Но не остались без возмездия последние проклятия убитых. Как я расскажу в подходящем месте, Максимин, дошедший до невыносимой наглости, был казнен при Грациане; Симпликий был убит в Иллирике, и Дорифориан был отдан под суд и заключен в Туллианскую тюрьму. По совету матери император Грациан приказал его оттуда освободить; но когда он вернулся домой, там казнили его мучительной смертью.

Таково было положение дел в городе Рима. Возвращаюсь теперь к своему повествованию.

II

1. Валентиниан, строивший обширные и полезные планы, укреплял все течение Рейна от начала Рэции и до океанского пролива большими плотинами, надстраивал стены крепостей и укреплений, ставил на подходящих и удобных местах сторожевые башни по всему пространству Галлии, а

кое-где и за рекой воздвигал сооружения на самых границах с варварами.

2. Когда он понял, что одно высокое и сильное укрепление, которое он сам возвел от основания, может быть мало-помалу подмыто сильным напором воды протекавшей возле него реки Никра, он задумал иначе направить само течение реки, привлек опытных в водном деле мастеров и приступил к выполнению этого трудного дела со значительным отрядом солдат.

3. В течение многих дней сколачивали ящики из дуба и опускали их в реку; и хотя вбивали и укрепляли возле них по несколько рядов огромных свай, поднимавшаяся в реке вода вырывала их и, сдвинув с места, ломала в водовороте.

4. Победили, однако, настойчивость императора и усилия послушных солдат. Часто во время работы им приходилось находиться до подбородка в воде, и были случаи возникновения смертельной опасности; но наконец укрепление было освобождено от разрушительного напора реки и крепко стоит и доныне.

5. Очень обрадованный этим успехом, Валентиниан стянул опять войска, которые в связи со временем года разошлись уже по разным местам, и прилагал усилия на пользу государству, как и подобает государю. Для выполнения задуманного плана он принял решение спешно построить укрепление по ту сторону Рейна на возвышенности Пире, лежащей в земле варваров. И так как только быстрота могла обеспечить благополучное осуществление этого предприятия, то он отдал приказ через Сиагрия, тогда нотарию, а позднее префекта и консула, командиру Аратору приняться за это дело, пока повсюду царила глубокая тишина.

6. Аратор немедленно, согласно приказу, и переправился на ту сторону вместе с нотарием и начал земляные работы с солдатами, которых привел с собой. Он был сменен Гермогеном. В то же самое время появились некоторые старейшины аламаннов, отцы заложников, которых мы держали, согласно условиям договора, как весьма серьезный залог продолжительного мира.

7. Преклонив колени, они молили, чтобы римляне, которые всегдашней верностью слову вознесли свою судьбу до небес, не отклонялись, пренебрегая собственной безопас-

ностью, на ложный путь и не принимались за недостойное дело, поправ условия договора.

8. Эти и подобные речи их не были услышаны, и, видя, что им не получить успокоительного и мягкого ответа, они ушли, оплакивая гибель своих сыновей. Как только они удалились, из укрытого места на соседней возвышенности появился отряд варваров, который, как легко было догадаться, дожидался там ответа, который получают старейшины. Бросившись на полуголых солдат, которые тогда носили еще землю, они выхватили мечи и перебили их, и с ними вместе были убиты и оба начальника.

9. Никто не уцелел, чтобы принести весть об этом, кроме Сиагрия, который после гибели всех остальных вернулся на главную квартиру. Разгневанный император лишил его военного звания, и он отправился к себе домой, подвергнувшись столь суровому приговору за то, что единственный уцелел.

10. Между тем в Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую погибель; особенно стали опасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхишалось самым дерзким образом. Наконец в числе множества других лиц, ставших жертвой этих коварных нападений, оказался Констанциан, трибун императорской конюшни, родственник Валентиниана, брат Цериалия и Юстины, его захватили из засады и вскоре после этого убили.

11. И как будто сами Фурии вознамерились вызвать повсеместно такие же бедствия, в другом далеком краю расхаживали жестокие разбойники маратокупрены. Так назывались жители селения с таким названием в Сирии близ Апамеи. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных хитростях и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных людей высокого звания разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы и города.

12. Нельзя было спастись от их внезапного появления, так как они направлялись не в одно определенное место, а в различные и далеко отстоящие и врывались всюду, куда гнал ветер. Потому-то и саксы внушают большой страх, чем другие враги, вследствие внезапного своего появления. Хотя эти шайки ограбили очень многих и, словно в каком-то безумии, испытывая жажду крови не меньше, чем добычи,

произвели страшные избиения, но, чтобы рассказом о мелких событиях ... не осложнить ход изложения, я упомяну лишь об одном коварно задуманном их злодеянии.

13. Собравшись в целый отряд под видом канцелярии чиновника казначейства с правителем провинции во главе, разбойники вошли вечером в город под зловещий крик глашатая и заняли вооруженной силой великолепный дом одного знатного человека под тем предлогом, что он приговорен к смерти с конфискацией имущества. Похитив драгоценную утварь, так как растерявшаяся от внезапного их появления прислуга не защищала своего господина, и перебив многих, они поспешно ушли до наступления дневного света.

14. Но так как они, хотя и были отягощены награбленным у многих добром, не упускали случая пограбить еще, то их настиг отряд имперских войск, напал на них и перебил всех до единого. Равным образом было перебито их подрастающее поколение, чтобы, возмужав, не сделалось похожим на родителей. Разрушены были и дома их, которые они обставили с большой роскошью за счет ограбленных ими людей. Это случилось еще до описанных событий.

III

1. Феодосий, именитый полководец, бодро начал поход из Августы, называвшейся прежде Лундиний, с отлично сформированной армией и оказал великую помощь угнетенным британцам. Повсюду он занимал удобные для засад места, опережая варваров, и не отдавал никакого приказа простому солдату исполнить что-либо, чего бы сам не начал со своей бодрой энергией.

2. Таким образом, исполняя сам обязанности дельного солдата и отличного полководца, он разбил и изгнал разные племена, которые нагло нападали на римские области, сознавая свою безнаказанность. Он восстановил города и крепости, которые пострадали от многочисленных бедствий, и обеспечил им безопасность на продолжительное время в будущем.

3. Пока он так действовал, случилось одно ужасное событие, которое могло бы привести к великим опасностям, если бы не было остановлено в самом начале.

**Император
Феодосий Великий**

4. Некто Валентин, брат жены Максимиана, того ужасного викария, а позднее префекта, человек способный на высокие замыслы, проживавший в Валерии, области Паннонии, был сослан за тяжкое преступление в Британию. Не вынося покоя, этот зловредный зверь стал замышлять восстание и питал гнев на Феодосия, понимая, что только он может подавить его преступные замыслы.

5. Он выискивал тайком и открыто всякие способы для достижения своей цели: дерзкие замыслы его крепили и усиливались, и он начал агитировать среди сосланных солдат, побуждая их к бунту обещанием наград в размерах, которые ему позволяли обстоятельства.

6. Замысел уже близился к осуществлению. Но Феодосий вовремя получил сведения от своих агентов и, со свойственной ему быстротой действий и твердой решимостью покарать ставшее ему известным злодеяние, переслал Валентина с несколькими ближайшими соучастниками вождю Дульцицию для совершения над ними смертной казни. Его военная пронизательность, которой он выделялся среди всех своих современников, побудила его, в предвидении будущего, запретить производство следствия о заговорщиках,

Армия императора Феодосия Великого

чтобы не возбудить паники и не оживить только что успокоившиеся тревоги в британских провинциях.

7. Ликвидировав всякую опасность, он занялся проведением разных необходимых мероприятий. Всем было известно, что счастье не изменяло никаким его предприятиям, и он стал восстанавливать города и укрепления, как я сказал, обеспечивать границы стражей и сторожевыми постами. Всем этим он настолько привел к прежнему виду провинцию, чуть не захваченную варварами, что по его докладу она получила законного правителя и по решению императора, который как бы справил триумф, называлась впоследствии Валенцией.

8. ...Ареаны, класс служащих, установленный с давних пор, о которых я кое-что рассказал в повествовании о Кон-

станте, стали мало-помалу позволять себе разные злоупотребления, и Феодосий устранил их с их постов. Они были избалованы в том, что, поддавшись соблазну полученной и обещанной им добычи, не раз сообщали варварам, что происходит у нас. Обязанности их состояли в том, чтобы совершать поездки в разных направлениях и сообщать нашим военачальникам о передвижениях соседних племен.

9. После того как Феодосий столь блистательно завершил эти дела, как и те, о которых я говорил выше, он был отозван ко двору. Провинции он оставил в блестящем состоянии, и его прославляли за многие спасительные победы, как Фурия Камилла или Папирия Курсора. Всеобщее к нему расположение выразилось в проводах до самого пролива. Переправившись при легком ветре через море, он прибыл на главную квартиру императора, был принят с радостью и похвалами и назначен преемником Валента Иовина, состоявшего магистром конницы.

IV

1. Обилие событий внешней истории надолго отвлекло меня (в моем повествовании) от дел города Рима; к их изложению я возвращаюсь, начиная с префектуры Олибрия, которая протекала очень спокойно и без всяких жестокостей. Олибрий никогда не отступал от требований человечности, относился с большой осторожностью к тому, чтобы никакое его дело или слово не оказалось жестоким. Он строго преследовал клеветников, пресекал, где мог, вымогательства чиновников фиска, точно и тонко отличал правду от неправды и выделялся большой мягкостью в обращении с подчиненными.

2. Эти его достоинства омрачал один недостаток, мало вредивший общему делу, но весьма позорный для сановника высокого звания, а именно: вся его жизнь до того времени при его склонности к роскоши прошла в театрах и любовных похождениях, которые, впрочем, не оскорбляли нравственности и законов.

3. После него городом управлял Ампелий родом из Антиохии, также со страстью отдававшийся удовольствиям. По-

сле того как он был магистром оффиций, он был два раза проконсулом и значительно позднее достиг высокого звания префекта. То был человек по своим общим качествам как бы созданный для того, чтобы привлечь к себе расположение народа, но подчас тем не менее слишком строгий и, к сожалению, неустойчивый в своих решениях. Он мог бы хотя бы отчасти сократить зло обжорства и пьянства, но предпочел попустительство и потому не приобрел прочной славы.

4. Он издал распоряжение, чтобы раньше четвертого часа питейные заведения не открывались, никто из простых людей не согревал воды для горячего напитка, продавцы кушаний не предлагали вареного мяса и чтобы вообще никакой порядочный человек не позволял себе есть на улице.

5. Эти и другие, еще более дурные обычаи, вследствие продолжительного попустительства, вошли в такую силу, что даже сам Эпименид Критский, если бы он, как в мифе, восстал из могилы и вернулся к нам, не был бы в силах один отстоять город Рим: такое страшное падение нравов охватило большинство населения.

6. Теперь я хочу описать в беглом очерке, как я несколько раз делал раньше в соответствующих местах, пороки знати, а затем — простого народа.

7. Некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами, Далиями, Таррацинциями, Перразиями и другими, столь приятно звучащими славными именами.

8. Некоторые величаются шелковыми одеждами и гордо выступают в сопровождении огромной и шумной толпы рабов, как будто их провожают на смерть или — чтобы выразиться, избежав дурного знамения, — они замыкают строй выступающей перед ними армии.

9. Когда такие люди входят в сопровождении 50 служителей под своды терм, то грозно выкрикивают: «Где наши». Если же они узнают, что появилась какая-нибудь блудница, или девка из маленького городка, или хотя бы давно промышляющая своим телом женщина, они сбегаются наперегонки, пристают ко вновь прибывшей, говорят в качестве похвалы разные сальности, превознося ее, как парфяне свою Семирамиду, египтяне — Клеопатру, карийцы — Артемизию или паль-

мирцы — Зенобию. И это позволяют себе люди, при предках которых сенатор получил замечание от цензора за то, что позволил себе поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным.

10. Некоторые из них, когда кто-нибудь хочет их приветствовать объятием, наклоняют голову вниз, словно собирающиеся бодаться быки, и предоставляют лъстецам для поцелуя свои колени или руки, полагая, что и это должно их сделать счастливыми, а что касается чужого человека, которому они, быть может, даже в чем-то обязаны, то, по их мнению, выполнен весь долг вежливости, если они предложат ему вопрос, какие термы он посещает, какой водой пользуется, в чьем доме остановился.

11. Будучи столь важными и являясь, как они о себе воображают, почитателями доблестей, эти люди, если только узнают, что получено известие о предстоящем прибытии в Рим коней или возниц, с такой поспешностью бросаются, смотрят, расспрашивают, как их предки дивились некогда братьям Тиндаридам, когда они известием о победе в давние времена наполнили всех радостью.

12. Дома их посещают праздные болтуны, которые рукоплещут со всяческой лестью каждому слову человека высшего положения, играя шутовскую роль паразита древней комедии. Как те льстят хвастливым солдатам, приписывая им осады городов, битвы, тысячи убитых врагов, уподобляя их героям, так и эти до небес превозносят знатных людей, восхищаясь высоко вздымающимися рядами колонн с капителями наверху и любуясь стенами, ослепляющими взор блеском мрамора.

13. Иной раз на пирах требуют весы, чтобы взвесить рыб, птиц и сонь, затем идут до тошноты повторяющиеся восхваления их величины, как будто никогда не виданной; а тут еще стоят при этом чуть не тридцать нотариев с записными книжками, недостает только школьных преподавателей, чтобы произнести об этом речь.

14. Некоторые боятся науки, как яда, читают с большим вниманием только Ювенала и Мария Максима и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой книги; почему это так, решать не моему слабому рассудку.

15. А между тем людям такого высокого положения и

столь знатного происхождения следовало бы читать много различных сочинений. Ведь они слышаны, что Сократ, когда он уже был приговорен к смерти и заключен в темницу, услышав, как один музыкант распевал под аккомпанемент лиры стихи Стесихора, попросил того учить его, пока есть еще время; на вопрос певца, какая ему от этого польза, когда ему предстоит умереть послезавтра, Сократ ответил: «Чтобы уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше».

16. Немногие среди них проявляют должную строгость во взысканиях за проступки. Так, если раб несколько опоздает, принося горячую воду, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он намеренно убьет человека и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то уж я его накажу».

17. Верхом хорошего тона считается у них, чтобы чужой человек, если его приглашают к обеду, лучше убил бы брата у кого-то, чем отказался от приглашения; сенатору легче потерять половину состояния, чем перенести отсутствие на обеде того, кого он решил пригласить после основательного и неоднократного рассмотрения этого вопроса.

18. Некоторые из них готовы сравнивать свои путешествия с походами Александра Великого или Цезаря, если им пришлось проехать подальше для осмотра своего имения или для участия в большой охоте; если же они съезжают из Арвернского озера на расписных лодках в Путеолы, в особенности если это происходило во время тумана, то готовы уподобить себя Дуиллию. Если при этом на бахrome шелковых завес окажутся мухи, не захваченные золочеными опахалами, или через шель завес проникнет луч солнца, они изливаются в жалобах на то, что не родились они в стране киммерийцев.

19. Если кто-то выходит из бани Сильвана или целебных вод Маммеи, то немедленно вытирается тончайшими льняными простынями и принимается тщательно осматривать вынутые из-под пресса блистающие белизной одежды — а приносят их столько, что можно было бы одеть одиннадцать человек. Наконец, отобрав несколько одежд и нарядившись, он берет кольца, которые отдавал рабу, чтобы не попортить их сыростью, разукрашивает ими пальцы и уходит.

20. Вернись же кто из них недавно со службы при особе императора или из похода, в его присутствии [никто не смеет открыть рот], он является как бы председателем. Все молча слушают, что он говорит... он один, как глава дома, рассказывает неподходящее, но приятное ему, и по большей части умалчивает о том, что действительно интересно.

21. Некоторые из них, хоть это и нечасто случается, не желают, чтобы их звали *aleatores* (игроки в кости), и предпочитают называться *tesserarii* (метатели костей), хотя разница между этими названиями такая же, как между словами «воры» и «разбойники». Следует, однако, признать, что при общей слабости в Риме дружеских отношений прочны только те связи, которые возникают за игорным столом, как будто они приобретены потом славных дел, и они-то поддерживаются с чрезвычайным азартом. Некоторые из игорных обществ живут в такой близости, что можно их признать братьями Квинтилиями.

Поэтому иной раз приходится видеть, как какой-нибудь человек, совсем простого звания, но сведущий в разных секретах игры, выступает с мрачным видом, словно Порций Катон, когда он провалился, вопреки всяким ожиданиям, на выборах в преторы, и это потому, что какой-нибудь проконсуляр посажен выше его за торжественным обедом или в собрании.

22. Некоторые заискивают перед богатыми людьми, старыми или молодыми, бездетными или холостыми, или даже такими, у кого есть и жена, и дети, — в этом отношении не делается никакого различия — и склоняют их удивительно изворотливо к составлению завешания. Когда же те формулируют свою последнюю волю и свое имущество оставляют тем, в угоду кому написано завешание, тут они и умирают, как будто судьба ожидала от них этого именно поступка...

23. Другой, хотя и состоит в невысоком сане, ходит, гордо откидывая голову назад, и лишь через плечо оглядывает своих прежних знакомых, как будто это возвращающийся после взятия Сиракуз Марцелл.

24. Многие из них, отрицая существование высшего существа на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться, прежде чем из основательного рассмотрения календаря в точности не узнают, в каком созвездии находится, например, Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна.

25. Другой, если заметит, что его кредитор настойчиво требует уплаты долга, прибегает к нагло готовому на все цирковому вознице и устраивает так, что против кредитора возбуждается обвинение в колдовстве; кары тот избегает лишь в том случае, если разрешит переписать вексель и оплатится сам большими расходами. Бывает еще и так, что кредитор попадает в тюрьму как бы за долг ему, и его отпускают не раньше, чем он признает этот мнимый долг.

26. С другой стороны, жена кует, до старой поговорки, днем и ночью на одной и той же наковальне, заставляя мужа сделать завешание; точно так же и муж настойчиво пристает к жене, чтобы и она составила завешание. С двух сторон приглашаются юристы, чтобы составить взаимно себя исключаютые документы, один — в спальне, другой, соперничающий с ним, — в обеденном зале. К юристам присоединяются опытные истолкователи знамений по внутренностям животных, противоречащие между собой в своих предсказаниях: те щедро сулят префектуры и погребения богатых матрон; а эти, как будто уже присутствуя при погребении мужчин, велют делать необходимые приготовления... как говорит Цицерон: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу».

27. Когда они хотят сделать заем, то ходят скромно, как на сокках, уподобляясь Миконам и Лахетам; а когда им напоминают об уплате, они держат высокий тон, как в трагедии, — подумаешь, что перед тобой Гераклиды Кресфонт и Темен. На этом я закончу о сенате.

28. А теперь перехожу к праздной и ленивой черни. И среди нее величаются иные, хоть и ходят без сапог, именами: Цимессоры, Статарии, Семикупы, Серапины, Цимбрика, Глутирина, Трулла, Луканика, Пордака, Сальзула.

29. Всю свою жизнь они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, увеселениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний. На площадях, перекрестках, на улицах и в гостиницах сходятся они в кружки, ссорятся и спорят между собой, причем один, как обычно, стоит за одно, другой — за другое.

30. Люди, успевшие пожить до пресыщения, ссылаясь на свой продолжительный опыт, клянутся Янусом и Эпоной, что гибель грозит отечеству, если возница, за которого они стоят, на ближайшем состязании не выедет первым из-за загородки и, не натягивая вожжей, не обгонит меты.

31. Безделье так въелось здесь в нравы, что лишь забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще полностью взойти солнце, как все стремглав спешат чуть не наперегонки с самими колесницами, которые будут состязаться. Все в тревоге и раздоре из-за своих обетов, которые приносят многим бессонные ночи.

32. А в каком-нибудь жалком театре прогоняют актеров свистом, если кто-то из них деньгами не купит себе расположение черни. Если театры в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужаков, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришедшего элемента. Все это далеко не похоже на поведение и склонности древнего плебса, о котором предание сохранило много остроумных и изяшных изречений.

33. А в наши дни появился обычай, что вместо усиленных аплодисментов на всяких зрелищах комедианту, гладиатору, вознице, всякого рода актеру, судьям малым и большим и даже женщинам наемные клакеры настойчиво кричат: «У тебя ему учиться», хотя никто не может объяснить, чему кто должен учиться.

34. Ужасно распространен порок обжорства. Ощущая запах съестного, под пронзительные крики женщин, с первыми петухами, как павлины, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда; другие упорно выдерживают неприятный запах сырого мяса, пока оно варится, и можно подумать, что это Демокрит с анатомами, разбирая внутренности убитого животного, учит о том, какими способами потомство может лечить внутренние болезни.

35. На этом я закончу свой обзор состояния города Рима и возвращусь теперь к повествованию о событиях, совершившихся разнообразной чередой в провинциях.

КАССИОДОР

485 — 578 гг.

Жизнь

Кассиодор родился в знатной римской семье.

Карьеру он начал с должности советника при отце, занимавшем высший пост Остготского государства.

После публично произнесенного Кассиодором панегирика остготскому королю Теодориху тот пожаловал ему, несмотря на молодость, очень важную должность квестора.

В 514 г. Кассиодор стал консулом и вскоре получил звание патриция.

В 526 г. он получает высокий пост в Остготском королевстве — магистр оффиций.

В этом же году после смерти Теодориха Остготское королевство возглавила его дочь Амаласунта, при которой Кассиодор был фактически первым государственным лицом в королевстве.

В 533 г. он получает высший пост — префекта претории.

В 539 г., с ослаблением Остготского королевства под ударами Византийской империи, Кассиодор уходит в отставку и поселяется в монастыре Вивариум.

В монастыре он начинает заниматься научной и литературной деятельностью: первым составляет 12-томный сборник «Вивариум», где были собраны документы, относящиеся к деятельности Теодориха и его наследников.

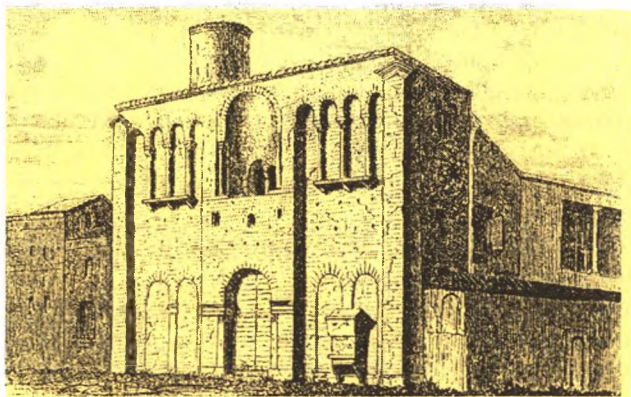
Затем Кассиодор пишет свою знаменитую «Историю готв» в 12-ти томах, не дошедшую до наших дней.

Также его перу принадлежит ряд церковных трактатов.

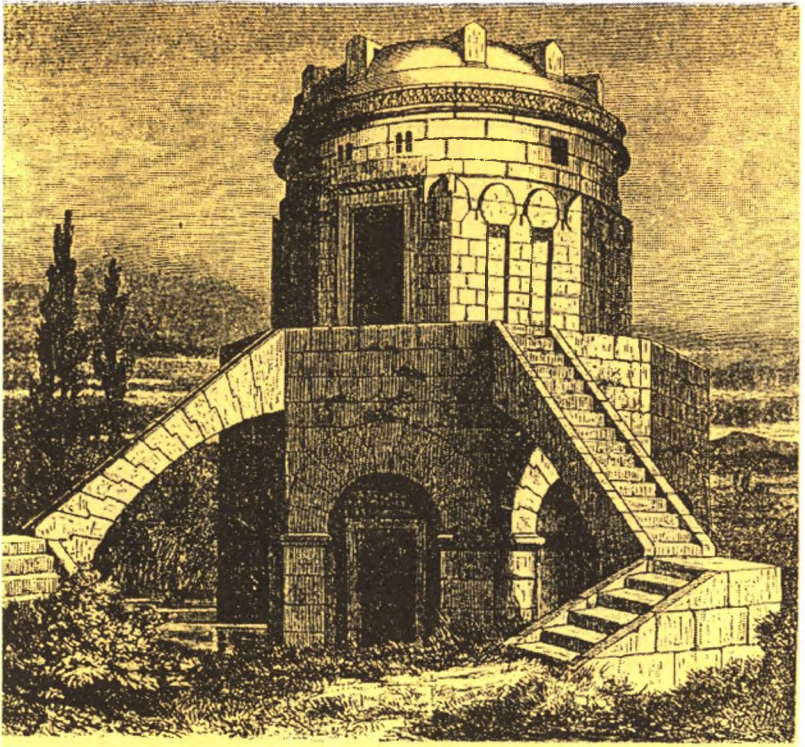
Судьба

Кассиодор, хотя и принадлежал к римской знати, отказался от идеи сопротивления варварам (готам), захватившим политическую власть в Риме и во всей Италии. Кассиодор стал идеологом и проводником союза готв с местным римским населением и независимости Остготского королевства от Византийской империи.

Этих же взглядов на будущее своей страны придерживался и король Теодорих, которому Кассиодор, как человек хорошо знакомый с римским правом и управлением, оказал немало ценных услуг в устройстве Остготского королевства и единого готско-италийского общества.

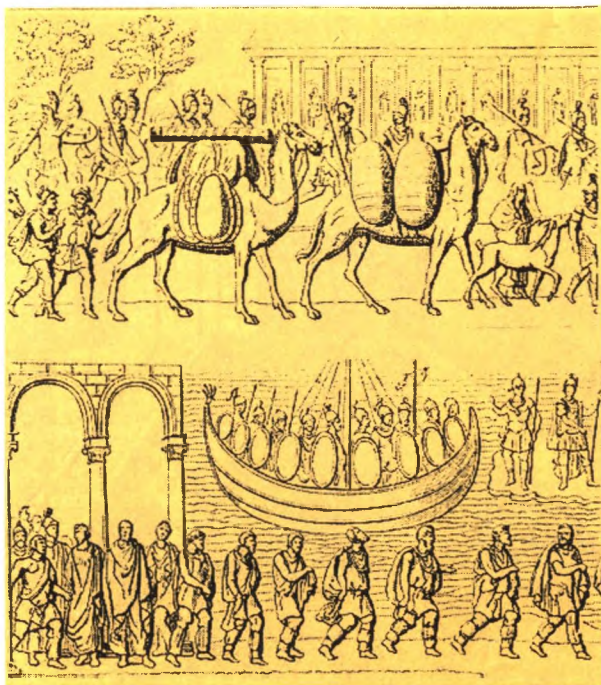
**Дворец Теодориха в
Равенне**

Мавзолей Теодориха в Равенне

С целью идеологической пропаганды своей политики Теодорих поручил Кассиодору написать официальную историю готов.

Однако идеям Кассиодора и Теодориха не суждено было сбыться. Имперские амбиции Византии нашли благодатную почву среди римской знати, недовольной отстранением от основной политики королевства. В конце концов Остготское королевство погибло под ударами византийских легионов, а вместе с ним и «История готов» Кассиодора, ставшая опасной для Византии как идеологическое обоснование борьбы готов за свою независимость. Место «Истории» Кассиодора заняла «История готов» Иордана, написанная в нужном для Византии духе: покорности готов.

Византийские войска в Италии

Творчество

Кассиодор прославился как историк благодаря своему труду «История готов». В ней Кассиодор обратился к истории рода остготских королей. В течение нескольких лет, разыскивая почти исчезнувшие легенды и собирая по крупицам разрозненные сведения в книгах, Кассиодор сумел вывести готских королей, как говорилось в одном из посланий римскому сенату, из тьмы и забвения и возродить Амалов (королевскую династию) во всем блеске их рода. Вместе с тем Кассиодор уделил немало внимания общей истории готов, которую он неразрывно связывал с древнейшей историей самих римлян. В результате варвары были возвышены до уровня римлян.

Остготы в Италии

Важной заслугой Кассиодора стало то, что он восстановил огромный пласт европейской истории и его работа стала основным источником для «Истории готов» Иордана, которая сохранилась до наших дней.

ИОРДАН

после 485 — после 551 гг.

Жизнь

Иордан родился в Мезии, близ южноиталийского города Никополя, где обитало его родное готское племя.

Образование ему дал дед, который был нотарием (секретарем) у вождя аланов Кандака.

Став взрослым, Иордан пошел по стопам своего деда. В период между 505 и 536 гг. он был нотарием у аланского военачальника Гунтигиса Базы, состоявшего на службе Византийской империи.

Через некоторое время он отказывается от арианства и переходит в католичество, став епископом города Кротона.

В 550—551 гг. по поручению готской аристократии переезжает в византийский город Равенну, где и пишет знаменитые свои труды «Сокращение хроник» (по истории Рима) и «О происхождении и деяниях готов».

Судьба

Хотя Иордан не прошел регулярного школьного курса и не имел образования, которое называлось «грамматическим», он обладал значительным запасом достаточно широких познаний. Он много путешествовал. Помимо литературного латинского, Иордан знал также греческий язык, был знаком с творчеством таких культурных деятелей античности, как Сократ, Вергилий, Аммиан Марцеллин, Ливий, Тацит и др.

В то же время Иордан постоянно был недоволен своим уровнем знаний и образования. Это видно в «Римской истории», где он пишет, что не обладает ни дарованием, ни опытом, ни общим знанием жизни, людей, дел.

Однако Иордан сумел создать «Историю готов», которую переписывали в монастырях из года в год, из поколения в поколение.

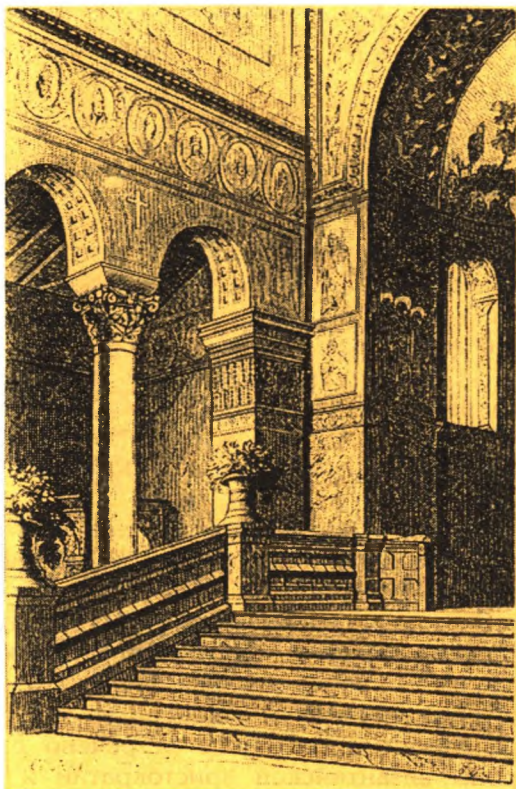
В первую очередь этому способствовали политические взгляды Иордана, сформировавшиеся в период службы у аланского военачальника Базы. Это отказ от идей независимости готов и согласие на подчинение своего народа Византии, что было встречено с одобрением со стороны византийской аристократии и духовенства. С этих позиций написана «История готов» Иордана в отличие от «Истории готов» Кассиодора, ставшей для Иордана основным источником.

Творчество

Историческое сочинение Иордана «О происхождении и деяниях готов» — одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья.

В своей работе Иордан показал судьбу готов, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавию и высадились близ устья Вислы; затем он описал их

Церковь Св.
Аполлинария в
Равенне

продвижение к Черному морю, а потом на запад, вплоть до пределов Италии и Испании. История готв, образовавших в V в. государства вестготов и остготов, доведена автором до его дней. Свой труд он закончил в 551 г.

Значение «Истории готв» как важнейшего источника определяется тем, что Иордан, развивая основную тему, окружил ее множеством сообщений из истории всей эпохи в целом. Таким образом, вовсе не будучи талантливым писателем, он тем не менее сумел представить грандиозную картину «переселения народов» в IV—V вв.

Он обрисовал движение племен с востока и севера

**Вергилий пишет «Энеиду»
(рядом — муза истории Клио и муза трагедии Мельпомена)**

*Мозаика. Конец II — начало III в. Тунис.
Национальный музей Бардо*

и их борьбу с империей на ее дунайских, балканских и западных границах. Он дал не только ценные, но уникальные описания и сообщил подробности тех или иных исторических событий, показал образование ранних варварских государств, дал возможность уловить черты отношений между пришельцами-варварами и слабеющим Римом.

Кроме того, Иордан привел сведения из истории Северного Причерноморья и драгоценные, хотя и скудные свиде-

Преторианцы

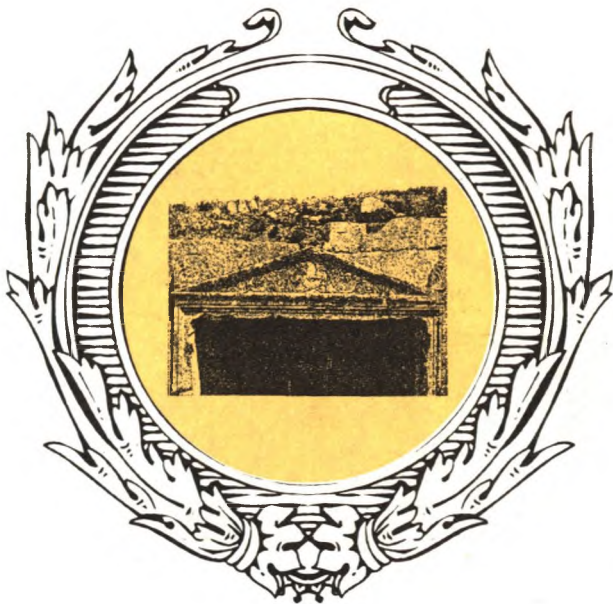
тельства о древнейших славянах на Висле, Днепре, Днестре, Дунае. В этих частях его сочинение представляет особый интерес для историков и археологов, занимающихся вопросами истории племен на территории России, Украины и Молдовы.

«История готов» Иордана — настолько богатый источник, что до сих пор сопоставление данных из трудов других раннесредневековых писателей приводит к новому, более яркому освещению событий одной из сложнейших в истории Европы эпох — эпохи ухода античности и зарождения европейского средневековья.

Вторая работа Иордана — «Римская история» — большого признания среди историков не получила. Это в основном компиляция исторических трудов Флора Иеронима Орозия.

Разгром римских войск варварами

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

ок. 500 — 562 гг.

Жизнь

Прокопий, по происхождению сириец, родился около 500 г. в Кесарии, административном центре Палестины.

Прокопий с рождения связан со служилой провинциальной знатью. Он был выходцем из среды, где в равной мере ценились и древность рода, и положение в имперской администрации.

Прокопий себя предназначал для службы в администрации империи. Он получил традиционное для греческого Востока риторическое образование и, кроме того, прошел курс юриспруденции.

Византийцы считали Прокопия прекрасно образованным человеком.

Позднее он оказался в Константинополе и в 527 г. был назначен секретарем и советником Велизария.

С 527 по 531 г. он вместе с Велизарием принимает участие в ирано-византийской войне.

В 532 г. во время восстания Ника он находится в Константинополе.

В 533—536 гг. побывал в Северной Африке, где Велизарий покорил вандалов.

До 540 г. находится в Италии и участвует в войне с остготами, во время чумы в 542 г. — в Константинополе, затем вновь в Италии до 546 г.

В период 543—545 гг. Прокопий готовит первое издание своих «Войн».

Судьба

Неизвестно, когда и каким образом Прокопий попал на глаза Юстиниану, но назначение его советником Велизария в 527 г. говорит о том, что человек, получивший столь важный пост, пользовался большим доверием со стороны императора.

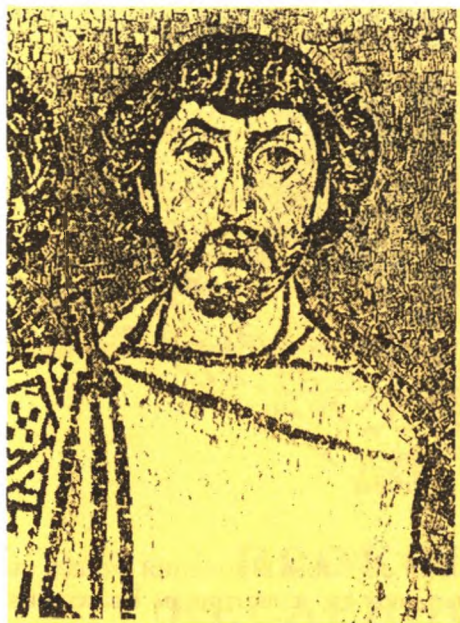
Прокопий никогда не критикует византийскую систему иерархии должностей и титулов, заметно отличавшуюся от существовавшей в Риме.

Он полностью за то, чтобы статус чиновной аристократии был прочен и имел определенные гарантии, а также за то, чтобы эта аристократия себя воспроизводила, давая отпрыскам образование.

Благодаря положению доверенного лица Велизария Прокопий находился в самой гуще событий, знал влиятельнейших государственных деятелей той эпохи, имел доступ к самой секретной информации, нередко принимал участие в ее создании.

Он составлял реляции Велизария императору, ведая его перепиской и оформляя различную документацию полководца.

Прокопий создает свое знаменитое сочинение «Войны» о взаимоотношениях Византии и Ирана VI в.,

Велизарий

*Мозаика.
Равенна,
церковь Св.
Виталия*

когда и император, и шах были охвачены честолюбивым стремлением возродить могущество своих стран.

После неудач империи — к 550 г. — Прокопия постигает жестокое разочарование: империя кажется ему стоящей на краю гибели, что находит свое отражение в его книге «Тайная история».

После опалы своего патрона Велизария Прокопий теряет благосклонность двора, а также почтение и преданность домашних.

Прокопий по своему положению был фактически членом семьи Велизария, он с восторгом упивался его победами и славой и трагически переживал его неудачи и падение.

Возможно, свою семью и жену имел в виду Прокопий, когда писал, что покровительствуемые императрицей Феодорой женщины позволяли себе многие вольности, а вину возлагали на своих запуганных императрицей мужей.

Последнее произведение Прокопия написано

Вандалы в Африке

собственной кровью. В нем злорадия, но больше всего — горечи, боли и отчаяния.

Произведения Прокопия в разное время давали обильный материал для ученых сочинений, художественной литературы и кинофильмов о блестящей и трагической эпохе Юстиниана.

Творчество

В науке за Прокопием прочно закрепилось звание консервативно настроенного аристократа, принадлежавшего к старой, восходящей к римским временам сенаторской знати.

Обладая недюжинным литературным талантом и редкой наблюдательностью, Прокопий как нельзя лучше подходил на роль летописца своего времени. Он оставил потомкам три исторических труда об эпохе Юстиниана, обширное сочинение «Войны», памфлет «Тайная история» и трактат «О постройках».

Различные по своему характеру и содержанию, они взаимно дополняют друг друга, воссоздавая достаточно полную картину византийской цивилизации X века.

Сочинение «Войны» состоит из двух книг — «Война с персами» и двух книг — «Война с вандалами», а также «Война с готами».

Главный герой первой книги — «Война с персами» — полководец Велизарий. Фигура этого талантливое военачальника и мудрого государственного деятеля доминирует над всеми остальными личностями, выступающими в сочинении Прокопия.

Основной персонаж второй книги — шахиншах Хосров, в 540 г. вторгшийся на земли Византии и нанесший империи огромный ущерб.

Источником сведений в «Войне с персами» служил собственный опыт писателя. Он также любил выслушивать свидетельства очевидцев и активно использовал устную традицию, в том числе персидскую и армянскую.

«Война с вандалами» посвящена отвоеванию византийца-

ми Северной Африки. В ней вокруг личности Велизария сосредоточены важнейшие события восстановления единства древней Римской империи.

Единство «Войны с вандалами» и первых книг «Войны с готами» в том, что они проникнуты идеей восстановления в прежних границах единой Римской империи под скипетром византийского императора.

Провозгласив в начале своего сочинения поиск истины главным законом исторического жанра, Прокопий вместе с тем тщательно заботится о форме произведения, создавая не просто историю, а своего рода исторический роман. В творческой манере Прокопия следует отметить его стремление к объективности при описании врагов империи.

В панегирике «О постройках» Прокопий восхваляет Юстиниана, а в «Тайной истории» выступает как его самый страшный хулитель, откровенно показывая проникнутую интригами атмосферу византийского двора, где борьба за власть, низкая клевета и погоня за наслаждениями нередко являлись основными двигателями важнейших политических событий.

«Тайная история» занимает особое место в творчестве Прокопия, да и во всей византийской историографии в целом.

Найдена была «Тайная история» в XVII веке директором Ватиканской библиотеки Н. Алеманном, и до XX века продолжались бурные споры о ее подлинности.

Однако работы Ф. Дана, И. Хаури и Б. Панченко не оставили сомнений, что автором «Тайной истории» был крупнейший византийский историк, прославивший эпоху Юстиниана в своих «Войнах».

Возвышаясь над всеми летописцами ранней Византии, Прокопий стоит в одном ряду с Фукидидом, Геродотом и Полибием. Его значение для наших представлений о византийской цивилизации столь же огромно, как значение Тацита для изучения Римской империи.

Устрашенные, все считали, что смерть уже нависла над ними, и никому ни одно место не казалось достаточно на-

дежным, никакое время — безопасным, коль скоро людей без какой-либо причины умерщвляли в самых почитаемых храмах и во время всенародных празднеств. Никакой веры не осталось ни в друзей, ни в родных, ибо многие погибли от коварства самых близких людей.

При всем том никакого расследования содеянного не произошло, но несчастье на любого обрушивалось неожиданно, и никто не вставал на защиту пострадавших. Ни закон, ни обязательства, упрочивающие порядок, больше не имели силы, но все, подвергнувшись насилию, пришло в смятение. Государственное устройство стало во всем подобно тирании, однако не устоявшейся, но ежедневно меняющейся и то и дело начинающейся сызнова. Решения архонтов были подобны тем, какие возникают у обьятых ужасом людей, разум которых поработен страхом перед одним человеком, а судьи, выносящие приговоры по спорным делам, высказывали свои суждения не в соответствии с тем, что представлялось им справедливым и законным, а в зависимости от того, какие отношения были у каждой из тяжущихся сторон со стасиотами, враждебные или дружеские. Ибо судью, пренебрегшего их наказом, ожидала смерть.

Многие из займодавцев под давлением насилия вынуждены были возвращать расписки своим должникам, не получив ничего из данного ими займа, а многие отнюдь не добровольно отпускали на волю своих рабов. Говорят, что и некоторые женщины принуждались своими рабами ко многому из того, чего они вовсе не желали. Уже и дети не безвестных мужей, связавшись с этими юношами, вынуждали своих отцов совершать многое против их воли и, помимо прочего, отказываться в их пользу от своих денег. Многие же мальчики были против воли принуждены к нечестивому сожительству со стасиотами не без ведома своих отцов. То же самое доводилось терпеть и женщинам, живущим со своими мужьями. Рассказывают, как одна женщина, прекрасно одетая, плыла со своим мужем к пригородному имению, расположенному на противоположном берегу. Во время переправы им встретились какие-то из этих стасиотов, которые, с угрозами отняв ее у мужа, пересадили в свою лодку. Она перешла на их ладью, потихоньку наказав мужу не отчаиваться и не бояться позора для нее, ибо она не по-

терпит, чтобы глумились над ее телом. И муж ее еще глядел на нее в великой печали, как она бросилась в море и тотчас покинула этот мир.

Вот каковы были дерзости, на которые отваживались тогда эти стасиоты в Византии. И все же они терзали свои жертвы меньше, чем злодеяния, совершаемые Юстинианом по отношению к государству, ибо претерпевшим даже самое тяжкое от частных злоумышленников значительная часть страданий, проистекших от беспорядка, возмещается постоянным ожиданием кары со стороны закона и властей. Ведь, исполненные добрых надежд на будущее, люди легче и не с такой мукой переносят постигшую их беду. Притесняемые же государственной властью, они, естественно, гораздо сильнее переживают случившееся с ними и постоянно впадают в отчаяние по той причине, что нет надежды на возмездие. Он, Юстиниан, совершал злодеяния не только потому, что менее всего жаждал принять сторону обиженных, но и потому, что отнюдь не считал недостойным быть явным покровителем венетов. Он отпускал этим юношам огромные деньги, многих держал при себе, а некоторых счел справедливым удостоить власти и других почестей.

Такие-то вещи совершались и в Византии, и в прочих городах. Подобно некой болезни, это зло, начавшись здесь, распространилось по всей Римской державе. Василевса Юстина это совсем не беспокоило, поскольку он ничего не замечал, хотя сам был очевидцем того, что постоянно творилось на ипподроме. Был он на редкость слабоумен и поистине подобен вьючному ослу, способному лишь следовать за тем, кто тянет его за узду, да то и дело трясти ушами. Юстиниан это и делал, и все остальное привел в смятение. Как только он захватил власть при своем дяде, он тотчас же принялся радеть о том, чтобы безрассудно истратить общественные средства, как будто он был их полновластным владыкой. Огромное количество государственных ценностей он отдавал гуннам, которые то и дело являлись к нему, и в результате земля римлян оказалась подверженной частым вторжениям. Ибо, отдавав римского богатства, эти варвары уже были не в силах забыть сюда дорогу.

Он, Юстиниан, считал возможным бросить многие средства и на морское строительство, желая покорить вечный

прибой волн. Кладя от берега моря камни, он продвигался вперед, вступая в спор с морской пучиной, словно бы соперничая с могуществом моря избытком богатств. Он со всей земли забрал в свои руки частное имущество римлян, на одних возводя какое-нибудь обвинение в том, чего они не совершали, другим внушив, будто они это имущество ему подарили. Многие же, уличенные в убийстве или других подобных преступлениях, отдавали ему все свои деньги и тем избегали наказания за свои прегрешения. Другие, случалось, затеяв без надобности тяжбу с соседями из-за каких-либо земель и не имея никакой надежды обеспечить судебное решение в ущерб своим противникам, ибо против этого восставал закон, удовлетворялись тем, что дарили ему спорные владения, выгадывая в том, что благодаря этому дару, который им ничего не стоил, они становились известными этому человеку и, кроме того, самым незаконным образом получали возможность выиграть процесс против своих противников.

А теперь, я думаю, не окажется неуместным обрисовать облик этого человека. Был он не велик и не слишком мал, но среднего роста, не худой, но слегка полноватый; лицо у него было округлое и не лишенное красоты, ибо и после двухдневного поста на нем играл румянец. Чтобы в немногих словах дать представление о его облике, скажу, что он был очень похож на Домициана, сына Веспасиана, злонравием которого римляне оказались сыты до такой степени, что, даже разорвав его на куски, не утолили своего гнева против него, но было вынесено решение сената, чтобы в надписях не упоминалось его имени и чтобы не оставалось ни одного его изображения. И действительно, можно видеть, что его имя повсюду в надписях в Риме и в любом ином месте, где оно было начертано, выскоблено, причем только его одного среди других. И, по-видимому, нигде в Римской державе нет ни одного его изображения, кроме единственной медной статуи, сохранившейся по следующей причине. Была у Домициана жена, благородная и к тому же благонравная. Сама она не причинила зла ни одному человеку, и деяния ее мужа ей отнюдь не нравились. Весьма поэтому почитаемая, она была тогда приглашена в сенат, где ей предложили просить для себя всего, чего она ни поже-

Юстиниан I и епископ Максимиан в окружении свиты

Мозаика. Равенна, церковь Св. Виталия

дает. Она же попросила лишь того, чтобы ей позволили взять и похоронить тело Домициана и поставить одно его медное изображение там, где она захочет. И сенат уступил ей в этом. И женщина, желая оставить на будущие времена память о бесчеловечности тех, кто растерзал ее мужа, придумала следующее. Собрав куски плоти Домициана, аккуратно сложив их и приладив друг к другу, она сшила тело целиком. Показав его ваятелям, она велела им запечатлеть в бронзе это горе. Мастера тотчас сделали изображение. Взяв его, женщина водрузила его на дороге, поднимающейся к Капитолию, по правую руку, если идти туда от площади. И до сегодняшнего дня оно являет облик Домициана и постигшее его несчастье. И каждый может заключить, что все особенности строения тела Юстиниана, и облик его, и черты лица явно запечатлены в этой статуе.

Такова была наружность Юстиниана. Что касается его нрава, то рассказать о нем с такой же точностью я не смог бы. Был он одновременно и коварным, и падким на обман, из тех, кого называют злыми глупцами. Сам он никогда не бывал правдив с теми, с кем имел дело, но все его слова и поступки постоянно были исполнены лжи, и в то же время он легко поддавался тем, кто хотел его обмануть. Было в нем какое-то необычное смешение неразумности и испорченности нрава. Возможно, это как раз и есть то явление, которое в древности имел в виду кто-то из философов-перипатетиков, изрекая, что в человеческой природе, как при смешении красок, соединяются противоположные черты. Однако я пишу о том, чего не в силах постигнуть. Итак, был этот василевс исполнен хитрости, коварства, отличался неискренностью, обладал способностью скрывать свой гнев, был двуличен, опасен, являлся превосходным актером, когда надо было скрывать свои мысли, и умел проливать слезы не от радости или горя, но искусственно вызывая их в нужное время по мере необходимости. Он постоянно лгал, и не при случае, но скрепив соглашение грамотой и самыми страшными клятвами, в том числе и по отношению к своим подданным. И тут же он отступал от обещаний и зарок, подобно самым низким рабам, которых страх перед грозящими пытками побуждает к признанию вопреки данным клятвам. Неверный друг, неумолимый враг, страстно жаж-

душий убийств и грабежа, склонный к распрям, большой любитель нововведений и переворотов, легко податливый на зло, никакими советами не склоняемый к добру, скорый на замысел и исполнение дурного, о хорошем же даже слушать почитающий за неприятное занятие. Как же можно передать словами нрав Юстиниана? Этими и многими другими еще большими недостатками он обладал в степени, не соответствующей человеческому естеству. Но представляется, что природа, собрав у остальных людей все дурное в них, поместила собранное в душе этого человека. Ко всему прочему, он отнюдь не брезговал доносами и был скор на наказания. Ибо он вершил суд, никогда не расследуя дела, но, выслушав доносчика, тотчас же решался вынести приговор. Он не колеблясь составлял указы, без всяких оснований предписывающие разрушение областей, сожжение городов и порабощение целых народов. И если кто-нибудь захотел бы, измерив все, что выпало на долю римлян с самых ранних времен, соизмерить это с нынешними бедами, он обнаружил бы, что этим человеком было умерщвлено больше людей, чем за все предшествующее время. Он был удивительно проворен в том, чтобы без долгих слов присвоить чужое богатство. Он даже не считал нужным выдумывать какой-нибудь извиняющий его предлог, чтобы под видом справедливости захватить то, что ему не принадлежало. Завладев [богатством], он тут же с удивительной легкостью начинал презирать его, проявляя неразумную щедрость и бессмысленно раздавая его варварам. Одним словом, он и сам не имел денег и не позволял никому другому на свете иметь их, как будто он был охвачен не столько корыстолюбием, сколько завистью к тем, кто ими располагал. Итак, с легкостью изгнав богатство из римской земли, он явился творцом всеобщей бедности.

Таков был нрав Юстиниана, насколько нам удалось передать это словами. В жены же он взял себе ту, о которой я сейчас расскажу: как она родилась и воспитывалась и как, соединившись брачными узами с этим человеком, она до основания потрясла государство римлян. Был в Византии некто Акакий, надсмотрщик зверей цирка (его называют медвежатником), принадлежавший факции прасинов. Этот человек в то время, когда державой правил еще Анастасий,

умер от болезни, оставив трех малых детей женского пола: Комито, Феодору и Анастасию, старшей из которых не было еще семи лет. Жена его с горя сошлась с другим мужчиной, который, как она рассчитывала, впредь разделит с ней заботы по дому и по ремеслу умершего мужа. Но орхист прасинов по имени Астерий, подкупленный кем-то другим, отстранил их от этой должности и без особых затруднений назначил на нее того, кто дал ему деньги. Ибо орхисты могли распорядиться подобными вещами, как им заблагорассудится. И вот, когда женщина увидела, что весь народ собрался в цирке, она, надев трем девочкам на головы венки и дав каждой в обе руки гирлянды цветов, поставила их на колени с мольбой о защите. В то время как прасины не обратили никакого внимания на эту мольбу, венеты определили их [женщину и ее мужа] на подобную должность у себя, поскольку и у них недавно умер надсмотрщик зверей. Как только дети стали подрастать, мать тотчас пристраивала их к здешней сцене (ибо отличались они очень красивой наружностью), однако не всех сразу, но когда каждая из них, на ее взгляд, созревала для этого дела. Итак, старшая из них, Комито, уже блистала среди своих сверстниц-гетер; следующая же за ней Феодора, одетая в хитончик с рукавами, как подобает служаночке-рабыне, сопровождала ее, прислуживая ей во всем, и наряду с прочим носила на своих плечах сиденье, на котором та обычно восседала в различных собраниях. Феодора, будучи пока незрелой, не могла еще сходитья с мужчинами и иметь с ними сношение как женщина, но она предавалась любострастию на мужской лад с негодяями, одержимыми дьявольскими страстями, хотя бы и с рабами, которые, сопровождая своих господ в театр, улучив минутку, между делом предавались этому гнусному занятию. В таком блуде она жила довольно долго, отдавая тело противоестественному пороку. Но как только она подросла и созрела, она пристроилась при сцене и тотчас стала гетерой из тех, что в древности называли «пехотой». Ибо она не была ни флейтисткой, ни арфисткой, она даже не научилась пляске, но лишь продавала свою юную красоту, служа своему ремеслу всеми частями своего тела. Затем она присоединилась к мимам, выполняя всяческую работу по театру и участвуя с ними в представлениях, поды-

гывая им в их потешных шутовствах. Была она необыкновенно изяшна и остроумна. Из-за этого все приходили от нее в восторг. У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе. Она была в состоянии, громко хохоча, отпускать остроумные шутки и тогда, когда ее колотили по голове. Сбрасывая с себя одежды, она показывала первому встречному и передние, и задние места, которые даже для мужа должны оставаться скрытыми.

Отдаваясь своим любовникам, она подзадоривала их развратными шутками и, забавляя их все новыми и новыми способами половых сношений, умела навсегда привязать к себе распутные души. Она не считала нужным ожидать, чтобы мужчина, с которым она общалась, попытался соблазнить ее, но, напротив, своими вызывающими шутками и игривым движением бедер обольщала всех без разбора, особенно безусых мальчиков. В самом деле, никто не был так подвластен всякого рода наслаждениям, как она. Ибо она часто приходила на обед, вскладчину сооруженный десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изнеможенные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, а их бывало порой до тридцати, спаривалась с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от этой похоти.

Однажды, говорят, она явилась в дом одного из знатных лиц во время пирушки и на виду у всех пировавших, поднявшись на переднюю часть ложа, там, где находились их ноги, начала бесстыдно сбрасывать с себя одежды, не считая зазорным демонстрировать свою распущенность. Пользуясь в своем ремесле тремя отверстиями, она упрекала природу, досадуя, что на грудях не было более широкого отверстия, позволившего бы ей придумать и иной способ сношений. Она часто бывала беременной, но почти всегда ей удавалось что-то придумать и с помощью ухищрений вызвать выкидыш.

Часто в театре на виду у всего народа она снимала платье и оказывалась нагой посреди собрания, имея лишь узе-

нькую полоску на паху и срамных местах, не потому, однако, что она стыдилась показывать и их народу, но потому, что никому не позволялось появляться здесь совершенно нагим, без повязки на срамных местах. В подобном виде она выгибалась назад и ложилась на спину. Служители, на которых была возложена эта работа, бросали зерна ячменя на ее срамные места, и гуси, специально для того приготовленные, вытаскивали их клювами и съедали. Та же поднималась, ничуть не покраснев, но, казалось, даже гордясь подобным представлением. Она была не только самой бесстыдной, но и самой изобретательной на бесстыдства. Часто, скинув одежды, она находилась на сцене среди мимов и то наклонялась вперед, выпятив и изогнув грудь, то старалась попасть в зад тех, кто уже испробовал ее, и тех, кто еще не был с ней близок, гордясь тем из гимнастического искусства, что было ей привычно. С таким безграничным цинизмом и наглостью она относилась к своему телу, что казалось, будто стыд у нее находится не там, где он, согласно природе, находится у других женщин, а на лице. Те же, кто вступал с ней в близость, уже самим этим явно показывали, что сношения у них происходят не по законам природы. Поэтому, когда кому-либо из более благопристойных людей случалось встретить ее на рынке, они отворачивались и поспешно удалялись от нее, чтобы не коснуться одежд этой женщины и таким образом не замарать себя этой нечистью. Для тех, кто видел ее, особенно утром, это считалось дурным предзнаменованием. А к выступавшим вместе с ней актрисам она обычно относилась как лютейший скорпион, ибо обладала большим даром злоречия.

Позже она последовала за назначенным архонтом Пентаполиса Гекеболом из Тира, угождая его самым низменным страстям. Однако она чем-то прогневала его, и ее оттуда со всей поспешностью прогнали. Из-за этого она попала в нужду, испытывая недостаток в самом необходимом, и далее, чтобы добыть что-то на пропитание, она стала, как и привыкла, незаконно торговать своим телом. Сначала она прибыла в Александрию. Затем, пройдя по всему Востоку, она возвратилась в Византий. В каждом городе прибегала она к ремеслу, назвать которое, я думаю, человек не сможет, не лишившись милости Божьей, словно дьявол не хо-

тел допустить, чтобы существовало место, не испытывавшее распушенности Феодоры.

Так эта женщина была рождена и вскормлена, и так ей было суждено прославиться среди многих блудниц и стать известной всему человечеству. Когда она вновь вернулась в Византий, в нее до безумия влюбился Юстиниан. Сначала он сошелся с ней как с любовницей, хотя и возвел ее в сан патрикии. Таким образом Феодоре удалось сразу же достигнуть невероятного влияния и огромного богатства. Ибо слаще всего было для этого человека, как это случается с чрезмерно влюбленными, осыпать свою возлюбленную всевозможными милостями и одаривать всеми богатствами. И само государство стало воспламеняющим средством для этой любви. Вместе с ней он еще больше стал губить народ, причем не только здесь, в Византии, но и по всей Римской державе. Ибо оба они издавна принадлежали к факции веновтов, и их стасиотам предоставили возможность свободно распоряжаться делами государства. Много времени спустя большая часть этого зла нашла свой конец следующим образом.

Случилось так, что Юстиниан долгое время хворал, и здоровье его во время этой болезни подверглось такой опасности, что прошел даже слух, будто он умер. Между тем стасиоты продолжали совершать прегрешения, о которых я уже говорил, и средь бела дня в храме Софии они убили некоего Ипатия, отнюдь не бесславного мужа. Шум, возникший по совершении этого преступления, дошел до василевса Юстина, и каждый из приближенных, пользуясь отсутствием Юстиниана, постарался даже преувеличить бессмысленность содеянного, перечисляя все, что случилось, с самого начала. Тогда василевс повелел епарху города воздать наказание за все содеянное. А был это муж по имени Феодот, прозванный Колокинфием (Тыквой). Прсведя полное расследование, он сумел схватить многих злоумышленников и поступить с ними согласно закону, но многим из них удалось скрыться и таким образом спастись. Ибо суждено им было остаться в живых, чтобы погубить римлян страшными делами. Тот Юстиниан, однако, против ожидания вдруг исцелился и тут же принялся за то, чтобы предать Феодота смерти как отравителя и мага. Но, поскольку у него не бы-

Александр

Мозаика. Стамбул, церковь Св. Софии

Собор Св. Софии

Стамбул. Современный вид

ло предлога, воспользовавшись которым он мог бы погубить этого человека, он подверг самым жестоким пыткам некоторых из его близких, вынудив их сказать про него совершенно нелепые вещи. Все отстранились и молчали, оплакивая злую участь Феодота; один Прокл, исполнявший должность так называемого квестора, заявил, что этот человек неповинен в предъявленном ему обвинении и вовсе не заслуживает смерти. Поэтому по решению василевса Феодот был отправлен в Иерусалим. Узнав, однако, что туда прибыли люди, с тем чтобы его погубить, он скрылся в храме и все время так и жил до самой смерти.

Таковы были дела, касающиеся Феодота. С этих пор стасиоты стали самыми благоразумными среди людей. Впредь они не совершали подобных прегрешений, хотя им было позволено еще более безбоязненно творить беззаконие. Доказательством этого является то, что, когда какое-то время спустя некоторые из них отважились на нечто подобное, на них не было наложено никакого наказания. Ибо те, в чьих руках имелась возможность наказывать, постоянно предос-

тавляли совершившим такие страшные проступки полную свободу укрываться. И таким потворством побуждали их к нарушению законов.

Пока жива была василиса, Юстиниан никак не мог сделать Феодору законной женой. Лишь в одном этом она пошла против него, хотя ни в чем другом ему не перечила. Эта женщина, чуждая всякой испорченности, была простой крестьянкой и варваркой по происхождению, как я уже говорил. Не отличаясь никакими достоинствами, она так и осталась несведущей в государственных делах. Во дворце она появилась не под собственным именем (слишком уж оно было смешное), но стала именоваться Евфимией. Со временем василиса умерла. Василевс же, ослабевший умом и к тому же глубокий старик, был посмешищем для подданных, и все относились к нему с полнейшим пренебрежением, поскольку он не понимал, что происходит. Между тем перед Юстинианом все в страхе пресмыкались, ибо, постоянно приводя все в смятение и беспорядок, он решительно все взбудоражил. Тогда-то он стал добиваться обручения с Феодорой. Поскольку человеку, достигшему сенаторского звания, нельзя было жениться на блуднице, ибо это было запрещено древнейшими законами, он заставил василевса заменить эти законы другим законом и с тех пор жил с Феодорой как с законной женой, сделав и для всех остальных доступным обручение с блудницами. И, будучи тираном, он немедленно принял сан автократора, благовидностью предлога скрывая насилие действий. Ибо он был провозглашен василевсом римлян наряду со своим дядей всеми видными лицами, которые согласились на этот выбор по причине непреодолимого страха. Итак, Юстиниан и Феодора вступили на царство за три дня до Пасхи, когда не позволялось ни приветствовать кого-либо из друзей, ни желать ему мира. Спустя несколько дней Юстин скончался от болезни, процарствовав девять лет. Отныне царская власть была в руках лишь у Юстиниана и Феодоры.

Итак, Феодора, таким-то образом, как мной рассказано, рожденная, вскормленная и воспитанная, без каких-либо помех достигла сана василисы. Ибо у женившегося на ней и мысли не возникало о позоре своего положения, у него, располагавшего возможностью свершить свой выбор в пре-

Феодора в окружении свиты

Мозаика. Равенна, церковь Св. Виталия

делах всей Римской державы и сделать супругой женщину, которая среди всех остальных была бы наиболее благородной, воспитанной вдаль от чужих глаз, исполненной чувства глубокой стыдливости и скромности, отличающейся благоразумием и обладающей не только необыкновенной красотой, но и невинностью, из тех, кого называют прямогрудыми. А он не счел недостойным назвать своей всеобщую скверну, не стыдясь ничего, что было известно о ней, сойтись с женщиной, замаранной, помимо других грехов, еще и многими детоубийствами, ибо она по собственному почину совершала выкидыши. Я думаю, что, говоря о нраве этого человека, незачем упоминать что-либо еще. Ибо этот брак достаточно красноречиво раскрывает все пороки его души, так как он есть истолкователь, свидетель и описатель его нрава. Ибо тот, кто, не стыдясь содеянного, не считает позором предстать бесстыжим перед окружающими, не упустит использовать любую лазейку в законе и, выставив как щит бесстыдство, никогда не покидающее его чела, с готовностью и легкостью отваживается на самые скверные поступки. Однако следует признать, что и среди сенаторов при виде позора, которым покрывается государство, никто не решился проявить недовольство и воспротивиться этому, при всем том, что они должны были [отныне] поклоняться ей [Феодоре] как божеству. Более того, ни один из священнослужителей не высказал открыто возмущения, несмотря на то, что и им предстояло именовать ее владычицей. И тот народ, который был ее зрителем, тотчас же и до неприличия просто счел справедливым, воздевая руки, и быть именоваться ее рабом. И ни один солдат не пришел в ярость от того, что ему придется отправиться в поход, подвергая себя опасности ради интересов Феодоры. И никто другой из людей не воспротивился ей, но все, мне кажется, склонив голову перед мыслью, что так предначертано, позволяли этому осквернению исполниться. Как будто судьба вознамерилась проявить свое могущество, посредством которого она управляет всеми человеческими делами, менее всего заботясь о том, чтобы то, что совершается, было бы справедливым или казалось бы людям разумным. В самом деле, она по какому-то непонятному произволу внезапно возводит кого-то на огромную высоту, и тот, кто, казалось,

опутан множеством препятствий, ни с какой стороны и ни в чем не встречает уже сопротивления, но непреклонно движется туда, куда она предназначила, в то время как все без сомнений уступают дорогу движению судьбы. Но пусть будет так, как угодно Богу, так об этом и говорят.

Феодора была красива лицом и к тому же исполнена грации, но невысока ростом, бледнолица, однако не совсем белая, но скорее желтовато-бледная; взгляд ее из-под насупленных бровей был грозен. Если говорить подробно обо всем том, что она вытворяла за время жизни на сцене, не хватит и целого века, но и того немногого, о чем я рассказывал раньше, достаточно для того, чтобы дать потомкам полное представление о нраве этой женщины. Теперь я считаю необходимым вкратце рассказать о содеянном ею и ее мужем, ибо они в своей совместной жизни ничего не совершали друг без друга. Долгое время всем казалось, что они всегда совершенно противоположны друг другу и образом мыслей, и способом действий, но затем стало понятно, что они намеренно создавали такое представление о себе, чтобы подданные, составив о них единое мнение, не выступили против них, но чтобы представление о них у всех подданных разделилось.

Прежде всего они восстановили друг против друга христиан и, сделав вид, будто в [религиозных] спорах они идут противоположными путями, всех разобшили, как я расскажу несколько позднее. Затем они разобшили стасиотов. Она притворно изображала, что всеми силами поддерживает венетов; предоставив им полную возможность действовать против своих противников, она позволяла им бесстыднейшим образом грешить по отношению к тем и подвергать их пагубным насилиям. Он же делал вид, что он сердит и втайне гневается, но не может прямо пойти против своей жены, раз она отдала приказание. Часто же, поменяв личину, они создавали видимость, будто расположение того и другого коренным образом изменилось. Тогда он считал необходимым наказывать венетов за их прегрешения, а она в притворном гневе делала вид, что недовольна, но уступает мужу против собственной воли.

Однако стасиоты венетов, как я уже сказал, стали, казалось, благоразумнейшими людьми. Ибо они не считали нуж-

ным чинить насилия над соседями в той мере, в какой им было позволено. И тем не менее, хотя в ходе судебных разбирательств они [Юстиниан и Феодора] вроде бы выступали за разные стороны, неизбежно получалось так, что победу одерживал тот из них, кто держал сторону обидчика, и таким путем они отбирали у тяжущихся большую часть их достояния. К тому же этот автократ, причислив многих людей к своим приближенным, предоставлял им возможность чинить насилие и наносить вред государству так, как им хотелось, но, как только они оказывались обладателями значительных богатств, тотчас же, чем-то не угодив этой женщине, они превращались во врагов. Он же сначала со всей горячностью стремился приблизить к себе этих людей, но затем, пренебрегая своим расположением к ним, внезапно начинал сомневаться в своих устремлениях. И та [Феодора] тотчас начинала чинить им ужасающее зло; он между тем, будто совершенно не ведая о происходящем, самым постыдным образом завладевал их состоянием. Строя подобные козни, они всегда пребывали в согласии между собой и, создавая видимость раздора, разъединяли своих подданных, прочно укрепляя таким образом свою тиранию.

Как только Юстиниан достиг царской власти, он сумел тотчас же привести все в расстройство. То, что ранее было запрещено законом, он ввел в государственную жизнь; то же, что существовало и вошло в обычай, уничтожил, словно он для того и принял царский облик, чтобы изменить облик всего остального. Существовавшие должности он упразднил и для управления государственными делами ввел те, которых не было. Так же поступил он с законами и с солдатскими списками, побуждаемый к этому не соображениями справедливости или полезности, но стремясь лишь к тому, чтобы все выглядело по-новому и несло бы отпечаток его имени. А все то, что он был не в состоянии изменить, старался по крайней мере связать со своим именем.

Он никогда не мог насытиться грабежом богатств и умерщвлением людей. Но, разграбив дома многих состоятельных людей, он искал новые [жертвы], тотчас же отдавая ранее награбленное каким-нибудь варварам или тратя на бессмысленное строительство. Сгубив без всякого основания мириа-

ды людей, он тотчас начинал замышлять погибель еще большего числа. В то время как римляне жили в мире со всеми народами, он, снедаемый жадной убийства и не зная, куда себя от этого деть, начал стравливать всех варваров между собой и, без какой-либо нужды призвав гуннских вождей, с неуместной щедростью предоставил им огромные деньги, объявляя это неким залогом дружбы. Это, как было сказано, он делал уже в царствование Юстина. Те же, мало того, что увозили деньги, посылали других вождей своих соплеменников с их людьми, наказав совершить набег на земли василевса, с тем чтобы и они могли купить мир у того, кто желает продавать его так бессмысленно. И те тотчас принимались за разорение Римской державы и тем не менее получали плату от василевса. За ними и другие тотчас начинали грабить несчастных римлян, а вслед за грабежом в качестве награды удостоивались царской щедрости. Короче говоря, все они, не упуская ни одного удобного случая, являлись поочередно и растаскивали все подряд. Ибо у этих варваров было множество групп вождей, и война, начавшись из-за неразумной щедрости, кружила волнами и никак не могла достигнуть конца, но вечно начиналась сызнова. Поэтому ни одного места, ни одной горы, ни одной пещеры, ни чего-либо другого на римской земле не оставалось неразграбленным, причем многим местам случалось подвергнуться разграблению не менее пяти раз. Впрочем, об этом и о том, что было совершено мидийцами, сарацинами, склавинами, антами и другими варварами, мной рассказано в предшествующих книгах. Но, как я сказал в начале этой книги, здесь мне необходимо рассказать о причине случившегося.

Хотя он [Юстиниан] отдал Хосрову за мир множество кентинариев, он по собственной воле сам оказался виновником того, что этот мир был нарушен, ибо он изо всех сил старался привлечь на свою сторону Аламундара и гуннов, находившихся в союзе с персами, о чем я, думается, ничего не утаивая, рассказал в соответствующих местах моего повествования. В то время как он навлек на римлян бедствия мятежей и войн, самолично разжигая пламя и заботясь лишь об одном: чтобы разными способами переполнить землю людской кровью и награть побольше денег, — он замыс-

лил еще одну страшную бойню для своих подданных следующим образом.

По всей Римской державе есть множество отверженных учений христиан, называемых обычно ересями: монтанистов, савватиан и других, в которых обыкновенно заблуждаются мысли человеческие. Всем им он повелел отказаться от своего прежнего учения, а послушникам грозил многими карами, в частности же тем, что впредь им не будет позволено передавать имущество детям или родственникам. Храмы же этих так называемых еретиков, и особенно тех, которые исповедовали арианство, располагали неслыханными богатствами. Ни весь сенат, ни какая-либо иная часть Римской державы не могли сравниться своим имуществом с этими храмами. Ибо было у них несказанное и несметное число сокровищ из золота и серебра и изделий из драгоценных камней, а также множество домов и селений и обширных земельных владений по всему миру, и все прочее, что является и именуется богатством у всех людей, поскольку никто из ранее царствовавших василевсов никогда не причинял им никакого беспокойства. Множество людей, в том числе и православных, занимаясь [при этих храмах] своим ремеслом, все время поддерживали тем свое существование. Отписав в казну в первую очередь имущество этих храмов, василевс Юстиниан неожиданно отнял у них все богатства. Из-за этого многие с тех пор оказались лишены источников существования.

И немедленно множество людей, передвигаясь от одного места к другому, стали принуждать всякого, кто им попадался, отказываться от отеческой веры. Поскольку сельский люд счел это нечестивым, то все они решили оказывать сопротивление тем, кто требовал этого. И поэтому многие погибли от рук солдат, многие же сами наложили на себя руки, полагая по невежеству, что подобным образом они проявляют особое благочестие. Многие, поднявшись толпами, покидали родные земли, монтанисты же, которые обитали во Фригии, запершись в своих святилищах, поджигали храмы и тут же вместе с ними бессмысленно гибли. И от этого вся Римская держава наполнилась убийством и беглецами.

Когда же вскоре такой же закон был издан и относительно самаритян, беспорядочное волнение охватило Палести-

ну. Те, кто жил в моей Кесарии и других городах, сочтя за глупость терпеть какие бы то ни было страдания из-за бессмысленного учения, поменяли свое прежнее название на имя христиан и под такой личиной смогли избежать грозящей от этого закона опасности. И те из них, что были людьми разумными и добропорядочными, отнюдь не сочли недостойным быть верными этому учению; многие же, однако, обозленные тем, что не по доброй воле, но по закону принуждаются изменить вере отцов, тотчас же склонились к манихейству и так называемому многобожию. Что касается крестьян, то все они, объединившись, решили поднять оружие против василевса, поставив царем над собой некоего разбойника по имени Юлиан, сына Савара. Придя в столкновение с солдатами, они некоторое время держались, затем, потерпев поражение в битве, все пали вместе со своим предводителем. Говорят, что в этом сражении погибло сто тысяч человек, и в итоге этого самая плодородная на земле местность лишилась крестьян. А для владельцев этой земли, которые были христианами, это дело завершилось великим бедствием. Ибо они, хотя и не получали от этих земель никакого дохода, были вынуждены ежегодно платить василевсу подать, причем тяжелую, поскольку никакой милости им в этом не было оказано.

Затем он начал преследовать так называемых эллинов, подвергая тела их пыткам и отнимая их достояние. Но и те из них, которые решили на словах, конечно же, принять имя христиан, чтобы отвратить от себя опасность, некоторое время спустя были по большей части уличены в возлияниях и жертвоприношениях и других нечестивых делах. О том же, что он совершил по отношению к христианам, я расскажу в дальнейшем повествовании.

Далее, он запретил законом мужеложество, подвергая дознанию случаи, имевшие место не после издания закона, но касающиеся тех лиц, которые были замечены в этом пороке задолго до него. Обвинение их осуществлялось неподобающим образом, поскольку приговор выносился даже без обвинителя, и слово одного человека или мальчика, а случалось, и раба, принужденного против его воли давать показания против своего господина, оказывалось достаточной уликой. Изобличенных таким образом лишали их срамных

членов и так водили по городу. Поначалу, однако, это несчастье обрушивалось не на всех, а лишь на тех, кто являлся прасином, либо обладал большими деньгами, либо как-то иначе досадил тиранам.

Гневались они и на астрологов. И вследствие этого власти, ведавшие наказанием воров, подвергали их мучениям по одной лишь этой причине и, крепко отстегав по спине, сажали на верблюдов и возили по всему городу — их, людей уже престарелых и во всех отношениях добропорядочных, которым предъявлялось обвинение лишь в том, что они пожелали стать умудренными в науке о звездах в таком месте. Поэтому люди большими толпами беспрестанно убегали не только к варварам, но и к римлянам, живущим в отдаленных землях, и в каждом месте и каждом городе можно было видеть скопление чужаков. Чтобы скрыться от преследований, все охотно меняли родную землю на чужбину, как будто их отечество было захвачено врагами. Таким-то образом, как было сказано, Юстиниан и Феодора ограбили и захватили богатство тех, кто, помимо сенаторов, в Византии и всяком ином городе считались состоятельными. А как им удалось лишить и сенаторов всего их достояния, я сейчас расскажу.

Был в Византии некто Зинов, внук того Анфимия, который в прежние времена обладал царской властью на Западе. Они, с умыслом назначив его архонтом Египта, повели ему отплыть туда. Тот, нагрузив судно самыми ценными своими богатствами, приготовился к отправлению. А было у него несметное количество серебра и золотых вещей, украшенных жемчугом, смарагдами и другими драгоценными камнями. Они же, склонив к тому некоторых из тех, что считались наиболее ему преданными, спешно вынесли богатства с корабля и подожгли его нижнюю часть, приказав сообщить Зинову, будто на судне случайно возник пожар и уничтожил его богатства. Спустя некоторое время Зинов неожиданно умер, и те [Юстиниан с Феодорой] немедленно под видом его наследников завладели его имуществом. Ибо они предъявили завешание, которое, как ходили слухи, вовсе не было им составлено.

Подобным же образом они сделались наследниками и Тагиана, и Демосфена, и Илары, которые и во всех прочих

отношениях, и по своему сану были первыми людьми в римском сенате. В некоторых случаях они присваивали имущество, изготовив не завешания, а письма. Именно таким путем они оказались наследниками Дионисия, жившего в Ливане, и Иоанна, сына Василия, которого, хотя он, безусловно, был виднейшим жителем Эдессы, Велизарий силой отдал заложником персам, как об этом мной рассказано в прежнем повествовании. Ибо этого Иоанна Хосров никоим образом не отпускал, упрекая римлян в том, что они нарушили условия, на которых тот был отдан ему Велизарием в качестве заложника. Он считал, что тот должен был быть выкуплен как военнопленный. Тогда бабка этого мужа, которая была еще жива, предоставила не менее двух тысяч либр серебра, и все надеялись, что этим она выкупит своего внука. Однако, когда выкуп прибыл в Дару, василевс, узнав об этом, не позволил совершить сделку, чтобы, как он сказал, богатство римлян не увозилось к варварам. Вскоре с Иоанном приключилась болезнь, и он покинул этот мир. Правитель же города, изготовив некое письмо, сказал, что незадолго до этого Иоанн написал ему как другу, что ему хотелось бы, чтобы его состояние перешло к василевсу. Имена всех остальных, чьими наследниками они самовольно стали, я не в силах перечислить.

Перевод А. А. Чекалова

ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ

ок. 538 — ок. 594 гг.

Жизнь

Георгий Флоренций, принявший в священстве имя Григория, родился 30 ноября 538 или 539 г. в знатной семье в Клермоне Овернском. Его род принадлежал к сенаторскому сословию, многие из этого рода были епископами как в Туре, так и на других кафедрах. Его дядя Галл был клермонским епископом, дед — лангрским епископом, двоюродный дядя — лионским епископом.

В 573 г. Григорий был рукоположен в епископы Тура с согласия короля Сигиберта и должен был сохранять верность ему и его потомкам.

После гибели Сигиберта в 575 г. Тур был захвачен Хильпериком, а Григорий должен был защищать вдову Сигиберта Брунигильду и малолетнего наследника Хильдеберта.

В эти трудные годы Григорий проявил недюжинную стойкость. Он один защищал на Парижском соборе 577 г. руан-

ского епископа Претекстата, отказался выдать Хильперика укrywшихся в турской церкви его сына Меровея и герцога Гутралена Бозона.

Борьба дошла до того, что по навету турского наместника графа Левдаста Григорий был привлечен к суду епископов и должен был клятвенно очистить себя от обвинений в присутствии короля.

После смерти Хильперика в 584 г. для Григория наступили более легкие времена. В 588 г. король Хильдеберт II привлекает его к миссии по подтверждению Анделотского договора с королем Гунтрамном.

В знак благодарности король в 589 г. освобождает Тур от налога.

За свою недолгую, но полную значительными событиями жизнь Григорий общался со многими королями, их приближенными и духовенством. Он объездил почти всю Галлию, видел много народов и встречался с огромным количеством людей. Григорий ревностно занимался делами своей епархии, стремился поднять авторитет церкви. Все это дало ему богатый материал, пригодившийся при создании хроники.

Год смерти Григория Турского достоверно неизвестен,

Король Хильдеберт II

предположительно он умер в ноябре 593 или 594 г.

Судьба

Годы детства и учения Григория совпали с первым кругом мерovingских междоусобных раздоров.

Годы зрелости — со вторым кругом, между сыновьями Хлотаря Хильпериком, Сигибертом и Гунтрамном, закончившимся образованием трех самостоятельных королевств: Австразии, Нейстрии и Бургундии.

Григорий оказался непосредственным участником этих событий и их летописцем, что наложило отпечаток на всю систему оценок и характеристик в «Истории франков». Хильперик назван в ней «Нероном и Родом нашего времени», Гунтрамн, приверженный к религии и католической церкви, изображается чуть ли не святым.

Тур был церковной

Король Хлотарь I

Король Хильперик I

Король Гунтрамн

Король Сигиберт

столицей Средней Галлии. Ответственный пост епископа свыше двух десятилетий занимал Григорий.

Его авторитет был таков, что сам король вел себя по отношению к нему очень сдержанно и во время суда над Претекстатом пригласил Григория на границу, а после суда над самим Григорием испрашивал у него благословения. Расправа над епископом Турским была опасна даже для короля Хильперика.

После смерти Хильперика король Гунтрамн и Брунигильда относились к Григорию с полным доверием.

Свою «Историю франков» Григорий Турский довел до 591 г. Кроме нее, он написал много других работ, которые перечисляет в эпилоге «Истории», носящем характер завещания потомству.

«Геродотом варварства» назвал Григория Турского французский филолог Ж. Ампер.

Исследования историков Нового времени посвящены устранению упрощения, отделению фактов от легенд. Однако основу представления о связи исторических событий в Центральной Европе VI в. по-прежнему дает труд Григория Турского.

Без него вся история Франции этого периода представляла бы собой почти «белое пятно».

Творчество

Жизнь и литературная деятельность Григория Турского совпадают с полосой двух общественных сдвигов в истории Западной Европы VI в. — этнического и религиозного, с периодом социального преобразования, состоящего в постепенном переходе от старой рабовладельческой системы к новой — феодальной.

«История франков» в десяти книгах, созданная Григорием, — исключительный по своему значению памятник европейской культуры раннего средневековья.

В ней описываются события VI в., относящиеся к истории возникновения и развития Франкского государства эпохи Меровингов на территории бывшей римской провинции — Галлии (нынешней Франции).

Материал, собранный епископом из письменных и устных источников, огромен, а форма изложения позволяет проникнуть в общественную атмосферу и психологию людей того сложного периода.

В этом отношении Григорий напоминает «отца истории» Геродота.

«История франков» начинается неожиданно для современного читателя — от сотворения мира. Это не случайность: так начиналось большинство ранних средневековых летописей.

Первая цель Григория Турского — описать борьбу праведников с язычниками, церкви — с ересями, королей — с враждебными народами. В центре внимания Григория на-

ходится не столько Франкское государство, сколько галльская церковь, а еще точнее — турецкая церковь. Он проследживает ее историю от самого основания и заканчивает перечнем всех сменившихся за это время епископов.

Христианская концепция истории определяет и все оценки событий и лиц, которые даются Григорием. Деятельность всякого короля или вельможи определяется прежде всего тем, способствовал ли он процветанию христианской веры и католической церкви.

Сбор материалов для «Истории» в условиях VI в. был очень труден, и усердие и добросовестность Григория следует оценить очень высоко. Он твердо помнит, что на нем лежит обязанность донести события современности до суда потомства, и старается это делать честно и нелицеприятно. Григорий Турский, обладая превосходной наблюдательностью и знанием жизни, стремится каждое событие показать через действия людей и раскрыть их характер. Он стремится упоминать обо всем, что представлялось ему и его современникам интересным, о чем больше всего говорили вокруг. Это делает его «Историю» из ряда вон выходящим памятником средневековой культуры и дает основание поставить Григория Турского в ряд ярких и самобытных бытописателей своей эпохи.

Из-за страха перед королем Эберульф жил в самой ризнице святой базилики. Когда пресвитер, у которого находились ключи от дверей, запер остальные двери и ушел, через дверь ризницы вошли служанки Эберульфа с прочими его слугами и стали рассматривать на стенах росписи и разглядывать украшения на гробнице блаженного, что для людей набожных было в высшей степени кощунственным. Узнав об этом, пресвитер забил гвоздями дверь и изнутри приладил замок. Когда Эберульф после ужина, опьянев от выпитого вина, заметил это, он, расвирепев, вошел в церковь в то время, когда мы с наступлением ночи пели псалмы, и начал на меня нападать с бранью и руганью, упрекая меня между прочим в том, что я хотел удалить его от порога святого заступника. Я же, дивясь тому, какое безумие

овладело этим человеком, попытался успокоить его ласковыми речами. Но так как я не смог унять его безумие ласковыми словами, я решил замолчать. Заметив, что я молчу, он обратился к пресвитеру, обрушив на него поток брани. Так он то поносил его дерзкими словами, то осыпал всевозможными упреками меня. Увидев же, что он действует, так сказать, движимый диаволом, мы вышли из базилики святого и тем положили конец возмущению и молитве, считая в высшей степени недостойным, что Эберульф начал эту перебранку без всякого почтения к святому, перед самой могилой заступника.

В эти дни я увидел сон, который я и рассказал Эберульфу в святой базилике, изложив такими словами: «Мне снилось, что будто бы я служил праздничную обедню в этой базилике. И когда алтарь с дарами был уже накрыт шелковым покровцем, неожиданно я увидел входящего короля Гунтрамна, который громко сказал: «Вытолкай врага рода нашего, гоните убийцу от священного божьего алтаря». Я же при этих словах повернулся к тебе и сказал: «Возьми, несчастный, алтарный покровец, которым покрыты святые дары, чтобы тебя отсюда не выгнали». И когда ты его взял ослабевшей рукой, то рука некрепко удерживала его. Я же с распростертыми руками бросился на грудь к королю со словами: «Не выгоняй этого человека из святой базилики, не подвергай опасности свою жизнь, чтобы святой предстатель не погубил тебя своей благодатной силой. Не губи себя сам своим собственным оружием, ибо, если ты сделаешь это, ты лишишься и сей жизни и будущей». Но так как король не соглашался со мной, ты, роняя покровец, ходил за мной. Я же был очень сердит на тебя. И когда ты возвращался к алтарю, то брал покровец, то вновь ронял его. И когда ты еле держал его, а я мужественно возражал королю, я проснулся, дрожа от страха, не ведая, что означает сей сон».

И вот после того как я рассказал ему этот сон, он сказал: «Сон, который ты видел, верен, потому что он очень согласуется с моим замыслом». И я ему: «А в чем состоит твой замысел?» И он ответил: «Я уже решил, что если король прикажет меня выгнать отсюда, то я одной рукой буду держать покровец, а другой, обнажив меч, убью прежде всего тебя,

потом тех клириков, какие мне попадутся. После этого мне не обидно будет и умереть, раз я отомщу служителям этого святого». Когда я услышал такие слова, то был поражен и удивлен происходящим: ведь его устами говорил сам диавол. Впрочем, он никогда и нисколько не страшился бога. Ибо, когда он был на свободе, его лошади и скот травили посевы и виноградники простого люда. Если их выгоняли те, чьи труды они уничтожали, люди Эберульфа тотчас избивали их. И даже сейчас, находясь в таком затруднительном положении, он часто бахвалился, как он незаконно унес имущество блаженного предстателя. Наконец, в прошлом году он подбил какого-то легкомысленного горожанина подать жалобу на церковных управляющих. Пренебрегая законом, он под видом мнимой покупки отторгнул имущество, некогда принадлежавшее церкви, отсыпав часть золота из своего пояса этому самому человеку. Множество и других дурных дел совершал он до самого конца своей жизни, о которых я расскажу далее.

В этом же году в Тур прибыл иудей по имени Арментарий с одним приверженцем его веры и с двумя христианами, чтобы потребовать уплаты по письменным долговым обязательствам, которые ему выдали бывший викарий Иньюриоз и бывший граф Евномий, за внесение за них государственных налогов. После того как Арментарий напомнил им об этом, он получил от них обещание, что они отдадут ему долг с процентами; кроме того, они ему говорили: «Если ты придешь к нам домой, мы уплатим тебе долг и еще отблагодарим, как и подобает, подарками». И Арментарий отправился и был принят Иньюриозом и приглашен к столу. После пиршества, когда наступила уже ночь, они вышли отсюда и направились в другое место. Тогда, как говорят, иудей и два христианина были убиты людьми Иньюриоза и брошены в колодец, который находился близ его дома. Когда их родственники узнали о том, что произошло, они прибыли в Тур. По свидетельству некоторых людей, они нашли колодец и извлекли оттуда убитых. При этом Иньюриоз упорно отрицал свое участие в этом деле. Позднее он предстал перед судом, но, так как он настойчиво отрицал, как мы уже сказали, свою вину и у них не было доказательств, с помощью которых они могли бы его ули-

чить, было решено, что он подтвердит свою невиновность клятвой. Но поскольку истцы не были удовлетворены этим решением, они вынесли это дело на суд короля Хильдеберта. Однако они не обнаружили ни денег, ни долговых обязательств убитого иудея. В то время многие говорили, что в этом преступлении замешан трибун Медард, так как и он брал взаймы у иудея. Тем не менее Иньюриоз явился на суд, представ перед королем Хильдебертом, и ожидал три дня до захода солнца. Но так как обвинители не явились и никто не предъявил ему обвинения в этом деле, он возвратился домой.

И вот на десятом году правления короля Хильдеберта король Гунтрамн, созвав людей своего королевства, собрал большое войско. И большая часть войска, состоявшая из жителей Орлеана и Буржа, устремилась в Пуатье, ибо его жители нарушили обещанную королю верность. Но прежде они послали посольство, чтобы узнать, будут они приняты или нет. Но Маровей, епископ города, плохо принял этих послов. Тогда люди Гунтрамна вторглись в область и начали грабить, жечь и убивать. Возвращаясь с добычей и проходя через Турскую землю, они обращались с теми, кто уже дал клятву на верность, таким же образом. Они предавали огню даже сами церкви и грабили все, что им попадалось. Это повторялось много раз, ибо жители Пуатье с трудом подчинялись королю. Но когда войско приблизилось к городу и уже было видно, что огромная часть области опустошена, то жители Пуатье послали вестников, обещая быть верными королю Гунтрамну. А когда воины были впущены в стены города, они набросились на епископа, обвиняя его в неверности. Он же, видя, что они угрожают ему, разбил один золотой кубок из священной утвари, переплавил его на монеты и выкупил себя и народ.

Напали они с большой яростью и на Марилейфа, бывшего первого врача при дворе Хильперика. Его уже раньше сильно ограбил герцог Гарарик, а эти снова его ограбили так, что у него ничего не осталось. Они также увели его лошадей, унесли золото, серебро и драгоценные вещи, какие у него были, а его самого отдали в услужение церкви. Ведь отец его был рабом, он смотрел за церковными мельницами, его родные и двоюродные братья и остальные род-

ственники служили на королевской кухне и в пекарне.

А Гундовальд хотел идти в Пуатье, но побоялся, так как слышал, что против него уже набрано войско. В городах же, принадлежавших некогда королю Сигиберту, он принимал присягу от имени короля Хильдеберта, а в остальных городах, принадлежавших Гунтрамну или Хильперику, жители приносили клятву на верность ему самому. После этого он прибыл в Ангулем и, приняв от жителей присягу и одарив вельмож, уехал в Перигё. Он сильно оскорбил тогда епископа за то, что тот не принял его с почетом.

Отсюда он отправился в Тулузу, отослав к Магнульфу, епископу города, послов с просьбой принять его. Но тот, помня прежнюю обиду, которую он некогда претерпел от Сигульфа, желавшего взойти на царство, сказал своим горожанам: «Мы знаем, что королями являются Гунтрамн и его племянник, а откуда этот, мы не знаем. Итак, будьте готовы, и если герцог Дезидерий захочет причинить нам это зло, он погибнет так же, как и Сигульф, и пусть это будет для всех примером, чтобы никто из чужестранцев не смел посягать на королевство франков». Пока они таким образом готовились к со-

Король Хильдеберт I

противлению и к войне, пришел Гунтиска, они приняли Гундовальда.

После этого, сидя вместе с Гундовальдом за трапезой в епископском доме, епископ сказал ему: «Ты выдаешь себя за сына короля Хлотаря, но правда ли это или нет, мы не знаем. И если даже ты сможешь добиться завершения начатого дела, все же нам кажется это невозможным». А тот сказал: «Я сын короля Хлотаря и намереваюсь теперь овладеть частью королевства. И я быстро дойду до Парижа и сделаю его престольным градом своего королевства». Епископ ему говорит: «Итак, неужели правда, что никого не осталось из рода франкских королей, если ты намерен выполнить то, что говоришь?» Когда во время этого спора Муммол услышал эти слова, он поднял руку и нанес епископу пощечину, говоря: «Как тебе не стыдно, низкий и глупый ты человек, так отвечать великому королю!» Когда же и Дезидерий узнал о том, что было сказано епископом, он, разгневавшись, поднял на него руку. И они оба избили его копьями, кулаками, ногами и связали веревкой, приговорив к изгнанию. Они унесли у него все вещи, как его собственные, так и церковные. Ваддон же, который был майордомом королевской дочери Ригунты, тоже присоединился к ним. Но остальные, которые пришли с ним, разбежались.

Войско же Гунтрамна, выступив из Пуатье, отправилось дальше за Гундовальдом. И за войском последовали корысти ради многие жители Тура. Но в пути они подверглись нападению жителей Пуатье, и некоторые из них были убиты, многие же были ограблены и вернулись обратно, а за ними вернулись также и те, которые присоединились к войску еще раньше. И вот войско подошло к реке Дордонь и стало ожидать известий о Гундовальде. А с Гундовальдом были, как я уже сказал, герцог Дезидерий и Бладаст с Ваддоном, майордомом королевской дочери Ригунты. Первыми же при нем были епископ Сагиттарий и Муммол. Ведь Гундовальд уже обещал этому Сагиттарию епископство в Тулузе.

Король Гунтрамн во время этих событий послал некоего Клавдия (в Тур), при этом говоря: «Если ты отправишься в путь, вышибешь из базилики Эберульфа, убьешь его мечом или закуешь в цепи, я одарю тебя богатыми подарками. Но

предупреждаю тебя о том, что ты не должен наносить каких-либо оскорблений святой базилике». Тот же, будучи тшеславным и жадным, быстро прибыл в Париж, тем более что его жена была из области (города) Мо. В уме же он начал прикидывать, не повидать ли ему королеву Фредегонду, говоря так: «Если я ее увижу, я смогу выманить у нее какой-нибудь подарок. Ведь я знаю, что она относится враждебно к тому человеку, к которому я послан». Затем он пришел к ней, тут же добился от нее дорогих подарков, и, кроме того, ему много было обещано за то, что он выгонит Эберульфа из базилики и убьет его, или хитростью наденет на него оковы, или в крайнем случае убьет его в самом преддверии.

Вернувшись в Шатоден, он уговорил графа дать ему триста человек, якобы для того, чтобы охранять ворота города Тура, а на самом деле для того, чтобы, придя туда, он с их помощью смог убить Эберульфа. И когда граф Шатодена еще набирал ему этих людей, Клавдий отправился в Тур. По пути он, по обычаю варваров, начал наблюдать за приметами, которые, как он говорил, были для него неблагоприятны, и одновременно он расспрашивал многих людей, тотчас ли проявляется сила блаженного Мартина по отношению к вероломным или нет и следует ли немедленно возмездие, если кто-либо нанесет оскорбление уповающему на святого. И вот, не дождавшись людей, которые, как я сказал, должны были прийти к нему на помощь, он сам пришел к святой базилике. И тотчас, присоединившись к несчастному Эберульфу, он начал давать клятвы и клясться всеми святыми и даже благодатью епископа, погребенного здесь, в том, что в деле его, Эберульфа, нет более верного (человека), нежели он, и что он сможет уладить его дело с королем. Ибо про себя презренный уже решил: «Если я не обману его ложной клятвой, я не одержу над ним верха». Когда же Эберульф увидел, что он дал ему такое обещание, поклявшись в самой базилике и среди колоннад, и даже в каждом углу святого преддверия, несчастный поверил клятвопреступнику.

А на следующий день, когда мы находились в вилле, расположенной от города на расстоянии около тридцати миль, Эберульф был приглашен с Клавдием и другими горожана-

ми на званый обед в святую базилику, и там-то Клавдий и хотел убить его мечом, в случае если слуги Эберульфа будут в отдалении от него. Но Эберульф, будучи человеком беспечным, ничего этого не заметил. После обеда он и Клавдий начали прогуливаться по дворику церковного дома, клянясь и давая друг другу обещания в верности и любви. Во время этого разговора Клавдий сказал Эберульфу: «Хорошо бы еще выпить в твоём жилище, если будут вина, смешанные с ароматами, или если ты благодаря твоему проворству достанешь более крепкое вино». При этих словах Эберульф обрадовался и ответил, что у него есть вино, говоря: «И все, что ты захочешь, ты найдешь в моем жилище, лишь бы только мой господин соизволил бы войти под крышу пристанища моего». И Эберульф разослал своих слуг, одного за другим, на поиски более крепкого вина из Лаодикеи и Газы.

И когда Клавдий увидел, что Эберульф остался один, без слуг, он простер к базилике руку и сказал: «О блаженнейший Мартин, сделай так, чтобы я в скором времени увидел жену и родных». Ибо для несчастного наступала решительная минута: он и думал убить Эберульфа в притворе, и боялся могущества святого епископа. Тогда один из слуг Клавдия, который был более сильным, схватил Эберульфа сзади и, обхватив его сильными руками, выгнул ему грудь, подставив ее для удара. А Клавдий, сняв с перевязи меч, устремился к нему. Но и тот, хотя его и держали, вытащив из-за пояса кинжал, приготовился нанести удар. И когда Клавдий, подняв правую руку, вонзил в его грудь клинок, Эберульф быстро вонзил ему кинжал под мышку, и, после того как он извлек его оттуда, он сильным ударом отсек у Клавдия палец. Затем подоспевшие с мечами слуги Клавдия нанесли Эберульфу раны в разные места. Он выскользнул из их рук, и когда, уже теряя сознание, он пытался убежать, они, обнажив мечи, очень сильно ранили его в голову; мозг вытек, он упал и умер. И не удостоил его спасти тот, кого он никогда не думал молить об этом с верою.

Клавдий же, страшно испугавшись, устремился в поисках защиты в келью аббата, покровителю которого он не оказал почтения. Но так как аббат оставался безучастным, Клавдий сказал: «Совершено тяжкое преступление, и если

ты не поможешь, мы погибнем». Во время этого разговора ворвались слуги Эберульфа с мечами и копьями. Найдя дверь (в келью) закрытой, они разбили оконные стекла в келье и через окна бросили копья и пронзили ими уже полуживого Клавдия. Соучастники же Клавдия спрятались за дверями и под кроватями. А аббат, подхваченный двумя клириками, едва вырвался живым из этого частокола мечей. Когда двери были открыты, ворвалась разъяренная толпа. Некоторые из бедных людей, приписанных к церкви, и прочие, получавшие милостыню, даже пытались снести крышу в келье за содеянное злодеяние. Бесноватые и другие убогие побежали с камнями и палками, чтобы отомстить за поругание базилики, считая недостойным, что там совершилось такое преступление, какого никогда еще там не бывало. Что же дальше? Попрятавшихся извлекают из их укрытий и сильно избивают; пол кельи пропитывается кровью. После того как их перебили, их выташили наружу и бросили нагими на холодной земле. Обобрав их, убийцы на следующую ночь убежали. Так возмездие немедленно настигло тех, кто осквернил человеческой кровью священную сень. Но и преступление Эберульфа, как полагают, было немалым, раз блаженный епископ допустил, чтобы с ним произошло такое. Король вспылал было великим гневом, но, узнав причину, успокоился. Имущество же самого несчастного, как движимое, так и недвижимое, которое он унаследовал от предков, король раздал своим верным людям, которые совершенно обобрали жену Эберульфа и оставили ее в святой базилике. Тело же Клавдия и тела остальных увезли в свою область их ближайшие родственники и там похоронили.

И вот Гундовальд направил к своим друзьям двух послов; оба были клириками. Один из них, аббат города Кагора, спрятал письмо, которое он получил, в выдолбленной дощечке и залил его воском. Но люди короля Гунтрамна поймали аббата, нашли у него письмо, привели его к королю, и, сильно избив, заключили под стражу.

В то время Гундовальд, сильно полюбившийся епископу Бертрамну, жил в городе Бордо. И так как он разыскивал средства, которые ему могли бы помочь в его деле, он обратился к некоему человеку, который рассказал ему, что

один восточный царь унес палец святого мученика Сергия и укрепил его на своей правой руке. Когда же ему нужно было прогонять врагов, он, надеясь на помощь святого, поднимал правую руку, и тотчас отряды врагов, как бы сраженные чудодейственной силой мученика, обращались в бегство. Узнав об этом, Гундовальд начал старательно расспрашивать, не найдется ли в этой местности человека, которому удалось бы раздобыть моши святого Сергия.

Между тем епископ Бертрамн называет купца Евфрона из-за вражды к нему; желая завладеть его имуществом, он постриг Евфрона против его воли. Пренебрегая этим, Евфрон ушел в другой город и, отрастив там волосы, вернулся обратно. И вот епископ сказал: «Есть здесь некий сириец по имени Евфрон, который сделал из своего дома церковь, поместил в ней моши этого святого и по благодати мученика испытал много чудес. Так, однажды в городе Бордо был сильный пожар, а этот дом, окруженный пламенем, совсем не пострадал». Услышав это, Муммол тут же поспешил вместе с епископом Бертрамном к дому сирийца и, пристав к этому человеку, приказал показать им моши святого. Тот отказался. Однако, думая, что это уловка, в которой есть какой-то злой умысел, он сказал: «Не беспокой старика и не наноси оскорбления святому. Лучше возьми от меня сто золотых и уходи». Но так как Муммол настаивал на своем и хотел посмотреть святыне моши, то тот предложил двести золотых. Но сириец так и не добился того, чтобы Муммол ушел, не увидев эти моши.

Наконец Муммол приказал приставить к стене лестницу — а были моши спрятаны наверху на стене, против алтаря, в ларчике, — и своему диакону подняться по ней. Когда тот поднялся по ступенькам лестницы и взял ларчик, то его так стало трясти, что подумали: он не сойдет на землю живым. Однако, взяв, как я сказал, ларчик, который висел на стене, он спустился с ним на землю. После того как ларчик был обследован, Муммол нашел кость пальца святого, которую он не побоялся ударить ножом. А именно: приставив сверху нож, он наносил удар за ударом. Только после многих ударов косточка с трудом разломилась и, разделенная на три части, рассыпалась во все стороны и исчезла. Я полагаю, что мученику было неуютно, чтобы тот ос-

квернял его мощи. Тогда Евфрон горько заплакал, а все пали ниц, моля о том, чтобы бог удостоил показать им то, что скрыто от человеческих глаз. И после молитвы частички были найдены, и Муммол, взяв одну из них, удалился, но, я думаю, не по благоволению мученика, как это и выяснилось впоследствии.

Пока же Муммол и Гундовальд пребывали в этом городе (Бордо), они приказали рукоположить в епископы города Дакса просвитера Фавстиана, ибо незадолго до этого там умер епископ; Ницетий же, граф этого города, брат Рустика, епископа Эрского, выхлопотал у Хильперика для себя разрешение, чтобы ему выбрили тонзуру и дали святительство в этом городе. Но Гундовальд, стремясь расстроить планы Хильперика, собрал епископов и повелел рукоположить Фавстиана. Епископ же Бертрамн, который был митрополитом, боясь последствий, поручил Палладию, епископу Сента, благословить Фавстиана; к тому же и глаза у Бертрамна в то время гноились. При этом рукоположении присутствовал и Орест, епископ Базаса. Однако позже оно (рукоположение) было отклонено королем.

После этого Гундовальд вновь отправил двух послов к королю, по обычаю франков, со священными ветками, чтобы к послам никто не прикасался и чтобы по выполнении поручения они вернулись с ответом. Но они действовали неосторожно и, прежде чем явиться лично к королю, сообщили многим о цели своего приезда. Слух об этом быстро дошел до короля. Вот почему их связали и привели к королю. Тогда, не смея отрицать, зачем, к кому и кем они были посланы, они сказали: «Гундовальд, недавно приехавший с Востока и считающий себя сыном вашего отца, короля Хлотаря, послал нас, чтобы получить причитающуюся ему часть королевства. Если же она не будет вами возвращена, знайте, что он придет с войском в эту область. Ведь к нему присоединились все храбрейшие мужи той Галльской земли, которая простирается за рекой Дордонь». И говорит Гундовальд так: «Когда сойдемся мы на одном бранном поле, тогда господь покажет, сын я Хлотаря или нет».

Тогда король, восплавав гневом, приказал растянуть их на дыбе и очень сильно бить: если правду они сказали, то чтобы еще подтвердили, а если таят они в глубине сердца ка-

кую-либо хитрость, то чтобы вырвать у них тайну под пытками силою. И когда пытка стала невыносимой, они сказали, что племянница его, дочь короля Хильперика, вместе с епископом Тулузы Магнульфом отправлена в изгнание, а ее сокровища отняты самим Гундовальдом; и все вельможи короля Хильдеберта потребовали, чтобы Гундовальд был королем; а главное, пригласил Гундовальда в Галлию сам Гунтрамн Бозон, когда несколько лет назад был в Константинополе.

После того как их высекли и бросили в темницу, король велел вызвать к себе своего племянника Хильдеберта, чтобы вместе с ним послушать этих людей. И вот, встретившись, они расспросили их, и те повторили в присутствии обоих королей то, что раньше слышал один король Гунтрамн. Кроме того, они упорно утверждали, что, как мы сказали уже выше, об этом деле известно всем знатым лицам в королевстве короля Хильдеберта. И поэтому тогда некоторые из приближенных короля Хильдеберта побоялись явиться на это расследование, так как их считали участниками этого дела. После этого король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копье, сказал: «Это означает, что я передал тебе все мое королевство. Теперь ступай и прими под свою власть все мои города, как свои собственные. Ведь у меня, по грехам моим, никого не осталось из моего рода, кроме одного тебя, сына моего брата. Итак, будь наследником всего моего королевства, потому что другие не могут наследовать». Затем, оставив всех, он отвел в сторону юношу, наедине с ним поговорил, предварительно строгойше заклиная, чтобы их тайный разговор никому не был известен. Тогда он назвал ему, с кем он должен советоваться, кем пренебрегать в разговоре, кому верить, кого избегать, кого одаривать, а кого лишать почета; между тем он сказал, чтобы он никоим образом не верил епископу Эгидию и не приближал его к себе, который всегда был ему врагом, так как он часто нарушал клятву, данную им и ему самому, и его отцу.

Затем, когда все собрались на пиру, король Гунтрамн стал увещевать войско, говоря: «Смотрите, о мужи, как мой сын Хильдеберт уже вырос. Смотрите и остерегайтесь считать его ребенком. Теперь забудьте о своей развращенности и

своеволии, которыми вы отличаетесь, ведь он ваш король, которому отныне вы должны служить преданно». Сии и подобные слова сказал он им. Пропировав три дня и повеселившись, они, одарив друг друга многочисленными подарками, с миром разошлись. В то время король Гунтрамн вернул Хильдеберту все то, чем владел его отец Сигиберт, заклиная его не встречаться с матерью, чтобы не дать ей какого-либо повода написать Гундовальду или получить от него письмо.

И вот когда Гундовальд услышал, что к нему приближается войско, он, покинутый герцогом Дезидерием, вместе с епископом Сагиттарием и герцогами Муммоллом, Бладастом, а также Ваддоном перешел Гаронну и устремился к Комменжу. А тот город был расположен на вершине одинокой горы, у подножия коей бил большой родник, заключенный в очень крепкую башню. К этому источнику из города по подземному ходу спускались люди и незаметно черпали из него воду. Придя в этот город в начале великого поста, Гундовальд обратился к жителям со следующими словами: «Знайте, что все в королевстве Хильдеберта избрали меня королем, и у меня есть немалая поддержка. Но так как брат мой, король Гунтрамн, двинул против меня огромное войско, то вы должны укрыть за крепостными стенами города продовольствие и весь свой скарб, чтобы не погибнуть от голода, пока божественное милосердие не окажет нам поддержки». Жители поверили его словам и укрыли в городе все, что смогли, а сами стали готовиться к обороне.

В это время король Гунтрамн послал письмо Гундовальду от имени королевы Брунигильды, в котором ему предлагалось распустить войско по домам, а самому отступить к городу Бордо и там зазимовать. А написал он это письмо с хитростью, чтобы точнее узнать о том, что Гундовальд делает.

Итак, когда Гундовальд находился в городе Комменже, он обратился к жителям со словами: «Вот войско уже приближается, выходите же, чтобы дать отпор». И когда жители вышли, люди Гундовальда захватили ворота и закрыли их, оставив жителей вместе с их епископом за городскими воротами. И разграблено было все, что можно было найти в городе. А там был такой запас хлеба и вина, что если бы

они сопротивлялись упорно, то продовольствия хватило бы на много лет.

А в это время герцоги короля Гунтрамна узнали, что Гундовальд находится по ту сторону реки Гаронны с большим войском и с ним те самые сокровища, которые были у Ригунты. Тогда они бросились вперед и на конях переплыли Гаронну, причем некоторые из войска потонули в реке. Остальные же вступили на берег и, ища Гундовальда, наткнулись на верблюдов с большим грузом золота и серебра и на измученных лошадей, которых он побросал по дороге. Потом герцоги узнали, что Гундовальд со своими людьми находится за стенами города Комменжа. И, оставив повозки и всякую поклажу с меньшим людом, они решили его преследовать с более сильными воинами, уже переплывшими Гаронну. Во время своего пути они пришли к базилике святого Винценция, что в области города Ажена. Говорят, что здесь этот мученик принял свои мучения во имя Христово. Они нашли ее полной драгоценностей, принадлежавших жителям, ибо те надеялись, что христиане не нанесут оскорбления базилике такого великого мученика. Двери ее были крепко заперты. Так как подошедшее войско не могло открыть двери храма, оно тут же подожгло их. После того как двери сгорели, они унесли все добро и все убранство, которое могли найти в нем, вместе со священной утварью. Но многих из них там настигла божественная кара. Ибо у большинства по воле божией горели руки, и от них шел густой дым, как бывает при пожаре. В некоторых вселился злой дух, и они в диком неистовстве громко призывали мученика. Многие же схватились друг с другом и ранили себя собственными копьями. Остальное же войско продолжало свой путь с великим страхом.

Что же дальше? Собравшись около Комменжа — так ведь я назвал этот город, — весь отряд расположился лагерем на пригородной равнине и там, поставив палатки, остановился. Все окрестности опустошались. Некоторые же из войска, обуреваемые непомерной жадностью, углублялись все дальше, и их убивали жители.

Многие же взбирались на холм и часто разговаривали с Гундовальдом, браня его и говоря: «Не ты ли тот маляр, который во времена короля Хлотаря размалевал двери и сво-

ды часовни? Не ты ли тот, которого жители Галлии обычно называли Балломером? Не ты ли тот, которого франкские короли за непомерные притязания неоднократно стригли и выгоняли? Скажи же, несчастнейший из людей, кто тебя привел в эти места? Кто в тебя вселил такую дерзость, что ты осмелился дойти до границы наших государей и королей? Если кто тебя пригласил, то назови того вслух. Вот пред очами твоими стоит смерть; вот тот самый ров погибели, что ты так долго искал, в него тебя ввергнут стремглав. Назови имена твоих спутников и выдай тех, кто тебя призвал».

Тот же, слыша это, подходил близко и, стоя на воротах (крепости), отвечал: «Что Хлотарь, отец мой, возненавидел меня, это каждому известно; что он меня остриг, а потом и братья остригли, это всякому ясно. Оттого-то и сошелся я с Нарсесом, правителем Италии; там и жену взял, и двух сыновей родил. А как жена умерла, я с детьми уехал в Константинополь. Императоры же приняли меня ласково. И там я жил до сего времени. А перед этим, когда был в Константинополе Гунтрамн Бозон, я, обеспокоенный, старательно расспрашивал его о делах моих братьев и узнал, что род наш захирел и от корня нашего остались только короли Гунтрамн и Хильдеберт, то есть брат мой и сын моего брата. Король Хильперик и сыновья его умерли, остался только один младенец. Брат мой Гунтрамн детей не имел, а Хильдеберт, наш племянник, не был еще в силе. Все это подробно изложив, Гунтрамн Бозон пригласил меня сюда, говоря: «Приходи, ибо тебя зовут все знатные мужи в королевстве Хильдеберта» и «Никто не посмеет слова молвить против тебя. Ибо все мы знаем, что ты сын Хлотаря, и если ты не придешь, то в Галлии никого не останется, кто мог бы править королевством». Я же, вручив ему много подарков, взял с него клятву у двенадцати святынь в том, что я доеду до этого королевства в безопасности. Посему я прибыл в Марсель, и там меня принял с величайшим радушием епископ, так как у него были письма от знатных лиц из королевства моего племянника (Хильдеберта). А оттуда по желанию патриция Муммола я переехал в Авиньон. Гунтрамн же, забыв о клятве и о своем обещании, отнял у меня мои богатства и присвоил их себе. Знайте, что я такой же король, как и брат мой Гунтрамн. И если вы переполнены та-

кой лютой ненавистью ко мне, то отведите меня к вашему королю, и если он признает меня своим братом, то пусть делает то, что ему захочется. Если же вы этого не захотите, то дайте мне уйти туда, откуда я пришел. Я и вправду уйду, никому не причинив обиды. А чтобы убедиться в том, что это правда, спросите Радегунду из Пуатье и Ингтруду из Тура: они подтвердят вам, что я говорю правдиво». Так он говорил, а многие сопровождали его слова бранью и упреками.

Прошло уже пятнадцать дней с начала осады, и Леодегизил готовил новые машины для разрушения города. А были это телеги с таранами, покрытые фашинами и досками, под защитой которых продвигалось войско для разрушения стен. Но когда они приближались, то на них обрушивалось столько камней, что все, кто приближался к стене, падали. На них выливали чаны с горящей смолой и жиром, сбрасывали горшки, наполненные камнями. С наступлением же ночи сражение становилось невозможным, и враги возвращались в лагерь. Был с Гундовальдом некий Хариульф, человек богатый и могущественный, чьих подвалов и складов много было в городе; из его запасов все главным образом и питались. Бладаст же, напротив, видя происходящее и боясь, что Леодегизил в случае победы погубит их, поджег епископский дом и в то время, когда осажденные сбегались тушить пожар, обратился в бегство и исчез.

Утром войско вновь взялось за оружие. Сделали было вязанки из прутьев, чтобы заполнить глубокий ров с восточной стороны, но никакого толку от этой затеи не было. Епископ же Сагитарий с оружием часто обходил стены и много раз собственноручно бросал со стены камни во врага.

Наконец, когда осаждающие увидели, что они ничего не могут сделать, они тайно отправили к Муммолу послов со словами: «Признай своего государя и оставь наконец свое вероломство. Что за безумие на тебя напало, что ты связался с неизвестным тебе человеком? Ведь жена твоя с детьми в плену, а сыновья твои уже убиты. Куда ты катишься, разве не ждет тебя гибель?» Муммол, получив это послание, сказал (послам): «Вижу я, власть наша уже приходит к концу и могущество рушится. Одно остается: если бы я был

уверен, что жизнь моя будет вне опасности, то я мог бы освободить вас от большого труда».

После ухода послов епископ Сагиттарий вместе с Муммоллом, Хариульфом и Ваддоном устремился в церковь, и там они взаимно поклялись, что если им пообещают сохранить жизнь, то они нарушат дружбу с Гундовальдом и выдадут его врагам. Снова пришли послы и обещали им сохранить жизнь. Муммолл же сказал: «Только пусть будет так: я его передам в ваши руки, а сам, признав своего господина королем, поспешу к нему». Тогда послы обещали, что если он это сделает, то они примут его с любовью, и если даже не смогут вымолить у короля ему прощения, то укроют его в церкви, чтобы спасти ему жизнь. Подтвердив обещание клятвой, послы удалились.

А Муммолл с епископом Сагиттарием и Ваддоном пришел к Гундовальду и сказал: «Ты знаешь, мы клялись тебе в верности. Так вот, послушай наш спасительный совет. Выйди из этого города и предстань перед своим братом, как ты сам этого часто желал. Ведь мы уже говорили с этими людьми, и они сказали, что король не хочет лишаться твоей поддержки, так как мало осталось людей из вашего рода». Гундовальд, поняв их хитрость, залился слезами и сказал: «По вашему зову занесло меня в эту Галлию. И часть моего богатства, состоящего из большого количества золота, серебра и разных драгоценностей, находится в Авиньоне, а другую часть унес Гунтрамн Бозон. Я же с божьей помощью во всем положился на вас, доверил вам свой замысел, править желал всегда с вашей помощью. Теперь же, если вы мне в чем-либо солгали, будь вашему поступку судьбою господь. Ибо сам он и «рассудит дело мое»». Как только он произнес эти слова, Муммолл сказал: «Ни в чем мы тебя не обманываем. Вот смотри: у ворот стоят храбрейшие мужи в ожидании твоего прихода. Теперь же сними мой золотой пояс, которым ты опоясан, чтобы не казалось, что ты идешь в гордыне своей, и «препояшь себя мечом твоим, а мой верни»». И тот отвечал: «Ясны мне твои слова: ты хочешь отнять у меня твой подарок, который носил я до сих пор в знак твоей дружбы». Но Муммолл клятвенно уверял, что с ним ничего дурного не случится.

И вот, когда они вышли за ворота, его приняли Оллон.

граф Буржа, и Бозон. А Муммол вернулся со своими спутниками в город и накрепко закрыл ворота. Когда Гундовальд увидел, что его предали, он сказал, воздев руки горе и очи: «О вечный судия и истинный мститель за невинных, боже, от коего исходит всякая правда, кому неужгодна ложь, «в ком нет» никакого «лукавства» и никакой злой хитрости, тебе вручаю судьбу мою, молю тебя, да не замедлишь отмщением тем, кто меня, неповинного, «предал в руки врагов»». После этих слов, осенив себя крестом господним, он пустился в путь с вышереченными людьми. Когда они были уже далеко от ворот, Оллон толкнул его, и, поскольку городской вал здесь спускался круто, Гундовальд упал, а Оллон воскликнул: «Вот вам ваш Балломер, звавший себя сыном и братом короля!» Метнув копье, он хотел пронзить его, но копье отскочило от выпуклого панциря, не причинив ему вреда. Гундовальд встал и пытался взойти на холм, но тут Бозон, пустив в него камень, разбил ему голову, и Гундовальд упал замертво. И подошел весь народ; и, воткнув в него копье и связав ему ноги веревкою, проташили его по всему лагерю; у него вырвали волосы и бороду; и оставили его непогребенным на том самом месте, где он был убит. На следующую ночь те, что были в войске поважней, тайно унесли все сокровища, какие могли найти в городе, вместе с церковной утварью. Утром же, когда открыли ворота и впустили войско, они предали мечу весь город, убивая даже пресвитеров и их причетников прямо около церковных алтарей. Когда они всех перебили, так что не осталось из них никого, «мочащегося к стене», они сожгли весь город вместе с церквями и остальными зданиями, не оставив ничего, кроме голой земли.

И вот когда Леодегизил вернулся в лагерь вместе с Муммоллом, Сагиттарием, Хариульфом и Ваддоном, он тайно послал к королю послов, чтобы узнать, как он думает поступить с этими людьми. А король приказал казнить их. Тогда Ваддон и Хариульф, оставив заложниками своих сыновей, ушли от них. Когда распространилась весть о том, что они должны умереть, и когда Муммол узнал об этом, он, вооружившись, устремился к жилищу Леодегизила. А тот, увидев его, сказал: «Почему ты в таком виде, как будто собираешься бежать?» Муммол ему в ответ: «Как я вижу, ничего не

соблюдается из того, что обещано, ведь я понимаю, что нахожусь в смертельной опасности». Тот ему говорит: «Я выйду наружу и все улажу». Как только он вышел, тотчас по его приказу окружили дом, чтобы убить Муммола. Но и Муммолу, после того как он очень долго отбивал атаки нападающих, удалось пробиться к двери. Но, когда он выходил, двое пронзили его с обоих боков копьями. Тогда он упал и умер. Когда епископ увидел это, его охватил страх и ужас. Затем кто-то из присутствующих сказал ему: «Смотри, епископ, своими собственными глазами, что происходит. Покрой голову, чтобы тебя не узнали, и иди в лес, укройся там на некоторое время, а когда гнев утихнет, ты сможешь выйти». И тот, вняв совету, покрыл голову и попытался убежать, но кто-то, вытащив меч из ножен, отрубил ему голову вместе с покрывалом. После этого они возвратились домой и по дороге немало грабили и убивали.

В эти дни Фредегонда направила Хуппу в область Тулузы, для того чтобы он любым способом вызволил оттуда ее дочь. Многие же говорили, что она послала его, дав ему всяческие обещания, для того, чтобы он привел к ней Гундовальда, если он найдет его живым. Но так как он не смог этого исполнить, то, взяв Ригунту, он привел ее оттуда с собой, не без великого унижения и поругания.

И вот герцог Леодегизил прибыл к королю со всеми сокровищами, о которых я упоминал выше; впоследствии король раздал их бедным и церквам. Когда же схватили жену Муммола, король начал ее расспрашивать о судьбе богатства, которое они скопили. Зная о том, что ее муж убит и все их благополучие рухнуло, она все открыла и сказала, что много золота и серебра, о котором не знал король, все еще находится в городе Авиньоне. Король тотчас послал людей, которые взяли бы его, и вместе со своими людьми он отправил одного слугу, который был в большом доверии у Муммола и которому он (Муммол) поручил эти сокровища. Придя в Авиньон, они взяли все, что было оставлено в городе. Говорят, что там было двести пятьдесят талантов серебра, а золота более тридцати талантов. Все это, рассказывают, Муммол взял из найденного старинного клада. Король, разделив это со своим племянником, королем Хильдебертом, свою долю по большей части раздал бедным; а же-

не Муммола он оставил только то, что ей досталось от родителей.

И тогда же к королю привели из слуг Муммола человека огромного роста. Он был таким высоким, что считался выше самых высоких людей на два или три фута. Он был плотником. Спустя некоторое время он умер.

После этого королевскими судьями было дано распоряжение, чтобы те, кто пренебрег этим походом, были казнены. Буржский граф послал своих детей взыскать штраф с людей, живущих на церковных землях обители блаженного Мартина, расположенной в этой области. Но управляющий церковным владением святого Мартина оказал им смелое сопротивление, говоря при этом: «Это люди святого Мартина. Не причиняйте им никакого вреда, так как в подобных случаях они обычно не выступали в поход». А один ему в ответ: «Нам нет дела до твоего Мартина, которого ты всегда суешь к месту и не к месту. Но и ты, и эти люди заплатите за то, что пренебрегли приказом короля». И с этими словами он вошел в прихожую дома. Но он тотчас упал, сраженный болью, и начал от этого корчиться. Обратившись к управляющему, он сказал слабым голосом: «Прошу тебя, осени меня крестом господним и призови имя блаженного Мартина. «Ныне узнал я», что «велика крепость его». Потому что, когда я входил в прихожую дома, мне явился старец с деревом в руке, которое мгновенно заполнило всю прихожую выросшими ветвями. Одна из веток задела меня, и от ее удара я упал, пораженный». И, дав знак своим, он попросил вывести его из прихожей. Выйдя оттуда, он начал усердно произносить имя блаженного Мартина. От этого он почувствовал себя лучше и поправился.

Перевод В. Савукова

МИХАИЛ ПСЁЛЛ

1018 — ок. 1078 гг.

Жизнь

Михаил Псёлл родился в 1018 г. в семье чиновника средней руки, константинопольца Псёлла. Он был третьим ребенком в семье. С пяти лет его отправили в школу, где он получил начальное образование. Родня считала, что к восьми годам обучение должно закончиться, но мать Псёлла, Феодота, настояла на продолжении обучения, ссылаясь на веший сон, в котором знаменитый ритор Иоанн Златоуст обещал быть наставником сыну.

Во второй период учебы интерес Псёлла к наукам все возрастал, а главным предметом занятий стала риторика.

В 16 лет будущий писатель, сопровождая какого-то чиновника, впервые покидает Константинополь.

Вернувшись, он продолжает обучение в школе известного ритора и поэта Иоанна Мавропода.

Школу Мавропода Псёлл покинул в 1037 — 1038 гг.

Какое-то время он служит писцом в императорской канцелярии, в эти же годы он успел побывать судьей в двух фемах (фемный судья в XI веке — фактический правитель области).

В 1041 г. Псёлл в Константинополе в должности одного из императорских секретарей.

Константину IX рекомендовали молодого чиновника как необычайно красноречивого человека, и он приблизил к себе ученого-ритора.

Крутой взлет карьеры Псёлла относится к 1042 — 1055 гг. Псёлл пишет, что «ворота дворца ему открыла его ученость». Он в это время — первый оратор на всех торжественных дворцовых церемониях.

Красноречие приносит не только славу, но и доход, многочисленные царские пожалования делают Псёлла состоятельным человеком.

После того как положение Псёлла пошатнулось, он в 1055 г. вынужден отправиться в монастырь на горе Олимп.

В 1057 г. император Михаил VI отправляет Псёлла послом к начальникам взбунтовавшегося ромейского войска.

После смерти Михаила VI новый император Исаак Козинип доверяет ему еще больше прежних и назначает на высокую должность проэдра синклита.

При императоре Константине X Дуке (1059 — 1067 гг.) историк активной политической роли не играет, но назначается воспитателем наследника престола Михаила.

В 1068 г. престол переходит к Роману IV, который ему не доверяет и даже берет его с собой в военную экспедицию, дабы не оставлять в столице столь опасного человека.

В 1071 г. Роман был смещен, и трон переходит к ученику Псёлла Михаилу VII.

Историк достиг предела своих мечтаний: царь предпочитает его всем мудрецам.

В последние годы жизни Псёлл отдалился от дворца и провел в монастыре.

Умер Михаил Псёлл около 1078 г.

Иоанн Златоуст

Мозаика. Храм Св. Луки. Греция

Судьба

XI век в истории Византии обычно именуют «переходной эпохой». Отдельные императоры пытались прочно утвердиться на престоле, сплотить вокруг себя преданных людей и основать «династию». Эти обстоятельства были отнюдь не «внешними» для Михаила Псёлла, проведшего жизнь при дворе, в самой гуще событий, в большинстве которых он сам участвовал. Уже в первые годы царствования Константина IX вокруг «первого царского министра» Константина Лихуда формируется кружок интеллектуалов.

В него, помимо Псёлла, входят Иоанн Мавропод и буду-

Константин IX Мономах

*Мозаика южной галереи собора
Св. Софии в Константинополе.
Вторая четверть XI в.*

ший константинопольский патриарх Иоанн Ксифилин. Кружок этот играл значительную роль, и все нападки на одного из членов кружка воспринимались как личная обида.

В 1050 г. положение Константина Лихуда пошатнулось, и его друзья, зная переменчивый нрав монарха, один за другим отдалялись от двора и покидали Константинополь.

Псёлл вновь мечтает о политической деятельности и вновь вызывает на себя нападки. Новые хулители из придворных кругов выражали недовольство тем, что за государственные дела хочет приняться монах и философ.

На роль первого ученого и ритора империи Псёлл претендует с полным правом и основанием. Псёлл — ученый и философ средневекового типа, который считает себя вправе вторгаться в самые различные области человеческого и «божественного» знания.

Но если роль Псёлла — ученого и философа — вызывает разноречивые оценки современных исследователей, то его политическая карьера подвергается обычно безусловному и строгому осуждению. Под понятием «дурной политик» обычно имеется в виду политик аморальный, не брезгающий для достижения своих подчас корыстных целей никакими средствами.

Примеров, подтверждающих нелестные оценки Псёлла, сколько угодно. В 1071 г. потерпевший поражение от сельджуков император Роман IV Диоген был свергнут с трона, а потом вероломно схвачен и ослеплен. Одним из инициа-

Михаил VI

Константин X Дука

торов этой зверской экзекуции был Михаил Псёлл, стремившийся обеспечить престол Михаилу Дуке. Через несколько недель после расправы Псёлл направил Роману «утешительное» послание, которое русский ученый П. Безобразов с полным основанием назвал «нахальным издевательством над умирающим императором».

Политика в Византии вообще никогда не делалась «чистыми руками». Достаточно прочитать «Хронографию», чтобы убедиться, какую цепь интриг, предательств, убийств представляет собой дворцовая история псёлловского времени.

В этом смысле наш писатель не хуже любого другого деятеля Византии XI века. Псёллу удавалось в течение более тридцати лет непрерывно находиться при дворе и, несмотря на короткие периоды опалы, пользоваться милостями восьми сменявшихся на престоле императоров.

В значительной части «Хронография» Псёлла имеет значение первоисточника, а его сообщения — свидетельства «из первых рук».

Неудивительно, что сочинение Псёлла постоянно и систематически используется современными историками.

Гоман и Евдокия

Слоновая кость. Ок. 950 г. Париж

Творчество

Литературное наследство писателя огромно. До наших дней дошло около восьмидесяти речей писателя. Сколько их было произнесено и написано — неизвестно, можно думать, что во много раз больше.

Речи Псёлла различны по объему. Самая маленькая не занимает и двух страниц, а самая большая располагается на восьмидесяти трех страницах современного издания.

Своим историческим трудам Псёлл не придавал большого значения. Много раз писатель высказывался о себе как о риторе и философе, гордился своей государственной и преподавательской деятельностью. Обязанности историка Псёлл принял на себя после настоятельных уговоров и считал их побочным занятием. Только однажды, и то по случайному поводу, вспоминает он в письмах о своей «Хронографии».

Тем не менее именно «Хронография» обессмертила его имя.

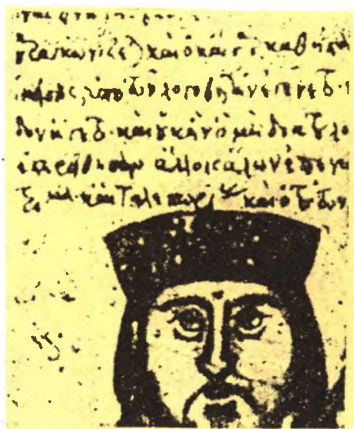
Псёлл — автор двух исторических произведений.

Одно из них пока вовсе не известно ученому миру и находится в составе рукописи синайского монастыря Св. Екатерины.

Другое историческое сочинение Псёлла — «Хронография». «Хронография» повествует о событиях столетнего периода истории Византии (976 — 1075 гг.), при этом история царствования Василия II и Константина VIII излагается по неизвестным нам письменным источникам, а все остальное — на основании свидетельств очевидцев и по собственным воспоминаниям автора.

Без ссылок на «Хронографию» сейчас не обходится ни одно исследование о Византии XI века.

Образы «Хронографии» дают современному исследовате-

Михаил VII

Император Василий II

лю беспрецедентную возможность проникнуть во внутренний мир, понять скрытые пружины действий исторических деятелей Византии XI века.

Итак, самодержцем становится зять покойного Роман, Аргиропул по названию рода. Новый император считал свое правление только началом цепи и, поскольку царская семья потомков Василия Македонянина со смертью тестя Константина прекратила существование, думал о продолжении рода. Он рассчитывал не только править сам, но и передать власть наследникам; в действительности же, прожив очень недолгое время, да и то в болезнях, он скоро испустил дух, о чем я расскажу подробно дальше. Отныне мое историческое повествование станет более детальным. Ведь император Василий умер, когда я был младенцем, Константин — когда я только изучал начатки наук, рядом с ними я не находился, их не слышал и не знаю даже, видел ли, — в детской памяти такого случая не сохранилось. Романа же я сам видел, а однажды и разговаривал с ним. Поэтому о первых двух императорах я рассказывал с чужих слов, этого же опишу сам, ни у кого никаких сведений не заимствую.

Этот муж был воспитан на эллинских науках и приобщен к знаниям, которые доставляются наукой латинской, отличался изяшной речью, внушительным голосом, ростом героя и истинно царской внешностью. Однако о знаниях своих мнил много больше, чем они заслуживали; мечтая к тому же уподобить свое царствование правлению знаменитых древних Антонинов, мудрейшему философу Марку и Августу, он посвятил себя двум занятиям: наукам и военному делу, но в последнем был совершенно невежествен, науки же знал поверхностно и неглубоко. Самомнение и напряжение сверх

Константин VIII

меры сил души ввели его в заблуждение в вещах весьма значительных. Тем не менее он раздувал любую тлевшую под золой искру мудрости и собрал все ученое племя — я имею в виду философов, риторов и всех тех, кто занимался или по крайней мере считал, что занимается науками.

То время произвело на свет немногих ученых, да и те дошли лишь до преддверия Аристотелевой науки, а из Платона толковали только о символах, не знали ничего сокровенного и того, о чем рассуждают люди, знакомые с диалектикой и наукой доказательств. Не имея четких понятий, царь ложно судил об этих философах. Хотя предпосылки проблем были заложены еще в наших священных речениях, большая часть трудных вопросов так и осталась без решения, они же искали, как совместить целомудрие и зачатие, деву и плод, и исследовали предметы сверхъестественные. И вот его царствование приняло тогда философское обличье, но было это маской и притворством, а не исканием и познанием истины.

Едва успевал Роман произнести несколько слов, как вновь обращался к шитам, заводил речь о поножах и панцирях; ведь намерением его было разгромить всех варваров, восточных и западных, и хотел он их не словом покорить, а оружием одолеть. Если бы эти две страсти были не баловством и хвастовством, а истинным стремлением, он принес бы немало пользы государству, но дальше намерений он не пошел; более того, возбудив радужные надежды, сам же их, можно сказать, и разрушил своими делами. Однако мой рассказ, не миновав еще и введения, уже поспешно стремится к концу — вернемся же к истокам правления Романа.

Предпочтенный другим и удостоенный диадемы, он поверил пророчествам и вообразил, будто сможет находиться на престоле долгие годы и даст начало роду, из которого выйдет много царей; при этом он, казалось, и не понимал, что дочь Константина, с которой он соединился после прихода к власти, уже вышла из возраста, когда можно забеременеть, и чрево ее сухо для деторождения (ей было уже пятьдесят, когда она вышла замуж за Романа). Но собственные желания были для Романа выше неспособности тела, поэтому он, пренебрегая главным условием, без которого невозможно зачатие, обратился за помощью к тем, кто хвастал,

будто они умеют одолевать и вновь возбуждать природу, и велел умащать и притирать свое тело, предписав то же самое и жене. А она старалась и того больше, совершала множество магических обрядов, подвешивала к телу какие-то камешки, прикрепляла амулеты, обвязывалась веревками и носила всякую чепуху на теле. Однако, поскольку надежды не оправдались, император от всего этого отказался и стал уделять жене все меньше внимания. А был Роман, говоря правду, характером вялый и телом расслабленный — ведь он десятью годами был старше царицы.

Роман начал щедро раздавать государственные должности, был великодушней большинства самодержцев в царских пожалованиях, дарах и милостях, но потом с ним произошла странная и неожиданная метаморфоза: вихрь раздач быстро улегся, сразу задув, он вскоре и выдохся, царь стал непохож на самого себя и обстоятельствам более не соответствовал; при этом он не спускался вниз постепенно и расчетливо, а стремительно скатился вниз с высочайшей вершины. Что же до царицы, то ее волновали две вещи: недостаток мужниной любви и невозможность тратить деньги без счета, ибо император закрыл для нее дверь казны, опечатав сокровишницу, и жила она на отмеренные ей суммы. Поэтому она возненавидела царя и советчиков, которых он слушался, а те, конечно, знали об этом и тем более ее остерегались, особенно же сестра самодержца Пульхерия, женщина большого ума и для него небесполезная. Сам же царь к этим подозрениям относился беспечно, будто вступил в договор о царстве с некоей высшей силой и от нее получил залог неколебимого величия.

Задумав добыть славу боевыми трофеями, он приготовился воевать с восточными и западными варварами, однако потом решил, что победа на западе, если он даже

Роман III

легко ее завоюет, не принесет ему серьезной пользы, а вот если он двинется на страну, где встает солнце, то прибавит себе величия и будет с гордым видом вершить царскими делами. Вот почему за отсутствием истинной причины он выдумал мнимый предлог для войны с сарацинами, живущими в Келесирии (их столица на местном языке называется Халеб), собрал против них войско, умножил его ряды, изобрел новые боевые порядки, сколотил союзные отряды и набрал пополнение, чтобы одним ударом покончить с врагом. При этом он считал, что стоит ему сверх обычного предела увеличить войско, создать огромную армию и двинуть на врага эти полчища ромеев и союзников, как никто уже не сможет выдержать его натиска. И хотя высшие военачальники высказывали опасения и отговаривали его от похода, он велел уже готовить роскошные венки, которые должны были увенчать его, когда он станет провозглашать победу.

Сочтя подготовку к походу законченной, он выступил из Византии и направился в Сирию. По прибытии в Антиохию Роман совершил торжественный въезд в город, и процессия его выглядела царственно, но скорее театрально, чем по-боевому, и не могла поразить воображение неприятелей. Варвары же, посоветовавшись меж собой и разумно рассудив, прежде всего отправили к самодержцу послов с сообщением, что воевать они не желают, предлога для войны не давали, мирные соглашения соблюдают, прежних клятв не преступают и договоров не нарушают, но раз уж над их головами занесен меч, то и они, если император останется непреклонным, приготовятся (только сейчас) к войне и будут уповать на удачу в бою. На этом стояли послы; что же до императора, то он, будто рожденный лишь для того, чтобы располагать и строить в боевые ряды войско, устраивать засады и набеги, копать рвы, отводить реки, разорять крепости и делать все, чем, как известно, занимались знаменитые Траян, Адриан, еще раньше цезарь Август, а до них Александр, сын Филиппа, отправил назад посольство (ведь оно было мирным!) и с еще большим усердием продолжал готовиться к битве, при этом не отбирал для своих целей лучших людей, а отдавал предпочтение простым воинам, на которых главным образом и надеялся.

Когда он выступил из Антиохии, на холмах неожиданно показался отряд варварских воинов, засевших в засаде по обе стороны дороги. Вооруженные как попало, без доспехов, эти смельчаки боевыми криками и внезапным появлением навели ужас, оглушили наших воинов конным топотом и произвели впечатление огромных полчищ, ибо не двигались сомкнутым строем, а беспорядочно скакали отдельными группами. Они внушили такой страх, внесли такую сумятицу в ряды этого огромного войска и так сломили волю людей, что все, в каком были виде, так и помчались, ни о ком и ни о чем больше не помышляя. Верховые повернули и пустили вскачь коней, остальные, не теряя времени, чтобы оседлать лошадей, отдавали их первому попавшемуся, а сами, кто как мог, искали спасения в беспорядочном бегстве или скитаниях. Случившееся тогда превзошло все ожидания: те, которые благодаря своей воинской выучке и боевым порядкам покорили всю землю и, казалось, были неуязвимы для любых варварских полчищ, не выдержали одного вида врагов, были как громом оглушены и до глубины души напуганы их криками и пустились в бегство, будто понесли сокрушительное поражение. Первыми поддались панике телохранители императора, которые бросили самодержца и понеслись без оглядки. И если бы какой-то человек не посадил его на коня, не подал узду и не велел удирать, может быть, и попал в руки врагов тот, кто надеялся потрясти всю земную твердь. Более того, если бы в тот день бог не сдержал натиска варваров и не внушил им благоразумия в удаче, ничто не спасло бы от гибели ромейское воинство, и прежде всего самого самодержца.

И вот наши в панике удирали, а враги, оказавшись простыми свидетелями своей нежданной победы, стояли в изумлении от такого беспричинного отступления и бегства. Затем, взяв в плен нескольких воинов (да и тех, в ком только узнали людей знатных), с остальными возиться не стали и бросились за добычей. Прежде всего они сняли царский шатер, который мог бы поспорить с иными из нынешних дворцов, столько в нем было ожерелий, браслетов, венцов, жемчугов и других богатств, всего самого великолепного! Числа этих драгоценностей было не измерить, а красотой не налюбоваться, столько и такой роскоши хранилось в цар-

ской палатке. Сначала они сняли шатер, затем собрали и другую добычу и, груженные ею, вернулись к своим товарищам. Это о варварах. А между тем царь, оторвавшись от варварского отряда, поскакал туда, куда помчались его пыл и ноги его коня, а потом остановился на холме, откуда был хорошо заметен для бегущих и убегающих (его можно было узнать по цвету сандалий); он собрал вокруг себя многих беглецов и встал, окруженный ими. Вскоре слух о нем распространился, подошли и другие воины, затем появилась перед ним и икона Божьей матери, которую ромейские цари обычно везут с собой в походах как предводительницу и хранительницу всего войска, — одна только она и не попала в руки врагов.

Увидев сладостный лик — царь всегда ревностно почитал эту святыню, — он тотчас воспрянул духом, обнял, не сказать как, горячо прижал ее к сердцу, оросил слезами, доверительно заговорил с нею, напомнил о благодеяниях и поборничестве, когда она не раз вызволяла и спасала Ромейскую державу в опасности. Обретя ее милостью мужество, он, сам только что беглец, принялся упрекать бегущих, ободрять их криками и останавливать; воины по голосу и виду узнавали царя, собралась большая толпа, и он прежде всего вместе с ними отправился к наскоро разбитой палатке. Расположившись там на ночлег, он наутро после недолгого отдыха позвал начальников войска и предложил им обсудить, что делать дальше. Все стали советовать вернуться в Византий и уже там обдумать случившееся, и царь, согласившись с их мнением, выбрал для себя самое разумное и отправился в Константинополь.

Потом царь очень раскаивался в своих действиях, терзался душой от пережитых огорчений, резко переменился и обратился к образу жизни, для него непривычному. Надеясь попечением о казне восстановить в прежних размерах все утраченное, он походил больше на сборщика налогов, нежели на императора, ворошил и исследовал дела еще Евклидовых времен и строго взыскивал с детей долги их давно забытых отцов, споры тяжущихся сторон не разбирая, в защиту ни одной из них не высказывался и приговоры выносил не иначе, как в свою пользу. В результате народ весь разделился на две части: более достойные изображали себя

людьми простодушными и далекими от государственных дел — их император и в грош не ставил, те же, кто был готов на все и искал корысти в чужой беде, своей испорченностью только подбрасывали хворост в костер, разожженный самодержцем. И все кругом наполнилось смятением и беспорядком; самое же страшное, что, хотя множество людей обиралось догола, казна от этих поборов ничего не получала, поток же денег устремился в другом направлении. Расскажу подробнее, куда именно.

Этот царь старался казаться благочестивым. Он и в действительности пекся о божественном, но притворство было в нем сильнее истины, и казаться значило для него больше, чем быть. Поэтому он весьма усердно занимался божественными вопросами, исследовал причины и смысл, познать которые наукой невозможно, если не обратиться к Уму и непосредственно от него не получить объяснение сокровенного. Он же не слишком много философствовал о здешнем мире, не обсудил этих вопросов с философами (если, конечно, им можно незаконно присвоить это наименование за знакомство с начатками аристотелевского учения), а брался размышлять о вещах глубокомысленных и, как сказал один из наших мудрецов, постижимых для одного лишь Ума.

Таков был первый вид его благочестия. Кроме того, завидуя знаменитому Соломону, строителю прославленного храма, и ревнуя к славе самодержца Юстиниана, соорудившего великую церковь, носящую имя несказанной божественной мудрости, он и сам принялся воздвигать храм Божьей матери, но при этом сделал много плохого, и благочестивая цель стала поводом для дурных дел и многих вопиющих несправедливостей. Расходы непрерывно росли, и денег каждодневно собиралось еще больше, чем нужно было для строительства. Царь считал своим злейшим врагом всякого, пытавшегося соблюсти меру, и немедленно причислял к ближайшим друзьям тех, кто изобретал всевозможные излишества. Раскапывались целые горы, горнорудное дело ценилось выше самой философии, одни камни обкалывались, другие полировались, третьи покрывались резьбой, а мастера этого дела почитались не меньше Фидия, Полигнота и Зевксида, а ему все было мало для сооружения храма! Двери царской сокровищницы распахнулись настезь, золо-

то потекло рекой, но источники истошались, а строительство так и не прекращалось, ибо постройки разбирались одна за другой и, исчезнув, возрождались вновь, то размерами побольше, то с украшениями поизысканнее. Как впадающие в море реки еще до впадения теряют по пути большую часть воды, так и стекавшие туда деньги до срока растрчивались и исчезали.

Человек вроде бы весьма благочестивый, царь с самого начала поступал дурно, пуская на ветер для сооружения храма деньги, собранные налогами. Прекрасно, как говорит песнопевец, любить благолепие дома господня и обитель славы его, и лучше много раз подвергнуться в нем презрению, нежели вкусить счастья из иного источника. Ибо прекрасно это, и кто из возревновавших господ и горящих его огнем скажет что вопреки? Но пусть не оскверняется это благочестивое намерение, не свершается множество несправедливостей, не приходит в смятение общее дело и не губится тело государства. Ведь тот, кто отверг цену блудницы и, как от пса, презрел жертву преступника, не вошел бы в роскошный и великолепный дом, ради которого было содеяно много зла. Чем могут споспешествовать божественному благочестию соразмерность стен, окружность колонн, развешенные ткани, роскошные приношения и прочее великолепие, если для этого достаточно ума в божественных одеяниях, души, окропленной духовным пурпуром, соразмерности дел, благочиния мысли и, того более, простоты духа, из коих внутри нас сооружается иной храм, любезный и приятный господу? Роман же умел мудрствовать на словах, знал силлогизмы, сориты и утиды, но на деле вел себя не как мудрец. Если уж нельзя было не злоупотреблять внешними украшениями, то следовало позаботиться о дворце, украшать акрополь, восстановить разрушенное, пополнить казну и деньги предназначить на военные нужды, а он этим пренебрег и ради того, чтобы его храм превзошел красотой прочие, погубил все остальное. Если позволено так сказать, он бредил храмом и готов был им любоваться, не отрывая глаз. Поэтому он и придал ему вид царского дворца, установил троны, украсил скипетрами, развесил пурпурные ткани и сам проводил там большую часть го-

да, гордясь и восхищаясь красотой здания. Желая почтить Богородицу самым красивым именем, он, сам того не заметив, дал церкви наименование, скорее подходящее смертной женщине, ибо слово «перивлепт» означает «восхитительная».

Потом к зданию добавили еще одну пристройку, превратили храм в прибежище для монахов, и это стало источником новых несправедливостей и излишеств, хуже прежних. Роман не почерпнул столь много из арифметики или геометрии, чтобы ограничить чем-либо величину или число, подобно геометрам, которые ограничивают множество, но, словно рассматривая здание как бесконечную величину, до бесконечности увеличивал и число монахов. Отсюда и другая пропорция: толпы монахов относились к величине монастыря так, как поступающие припасы к толпам монахов. Поэтому искали новую вселенную, разведывали море за Геракловыми столбами: первая должна была доставить спелые плоды, второе — огромных, размером с китов, рыб. Полагая, видимо, ложным утверждение Анаксагора о беспредельности миров, он отсек большую часть нашего материка и отдал его храму. И вот величина следовала за величиной, толпа за толпой, всякое новое излишество превосходило предыдущее, и не было ничего, что бы остановило или положило предел этой расточительности. Роман, видимо, так и не перестал бы громоздить одно на другое, если бы жизни его не был положен конец.

Рассказывают и о причине, по которой оборвалась его жизнь. Перед тем как сообщить о ней, скажу следующее. Ко всему прочему, этот царь оказался неспособен к общению с женой. То ли он с самого начала стремился к целомудренной жизни, то ли, как утверждают многие, предался любовным утехам с другими женщинами, во всяком случае, Роман пренебрегал царицей, от соитий с нею воздерживался и питал отвращение ко всякому общению с Зоей. А она возненавидела Романа из-за оскорбления, нанесенного в ее лице царскому роду, и особенно из-за страсти к соитию, которую — вопреки возрасту — поддерживала в ней изнеженная жизнь во дворце.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВО ДВОРЕЦ МИХАИЛА ЕГО БРАТОМ

Это только вступление к рассказу — события же развивались следующим образом. У Романа еще до восшествия на престол среди прочих находился в услужении некий евнух, происхождения простого и низкого, но характера весьма деятельного. Он был еще приближенным самодержца Василия, который доверял ему тайны и, хотя не возводил ни на какие высшие должности, питал к нему искреннее расположение. У него был брат, до начала царствования Романа еще мальчик, затем юноша во цвете лет с пробивающейся бородой. Был он и телом прекрасно сложен, и с лицом совершенной красоты, сверкающими глазами и воистину розоволастый. Этого юношу брат представил императору — такова была царская воля, — в то время как тот восседал вместе с императрицей. Когда оба они вошли, император взглянул на юношу, задал несколько коротких вопросов и велел выйти, но остаться во дворце. Что же до его супруги, то пламя, столь же яркое, как и красота юноши, ослепило ее глаза, и покоренная царица сразу же впитала в себя от этого сокровенного соития семя любви к нему. Однако до поры до времени ее любовь оставалась для всех тайной.

Не в силах ни отнестись к своей страсти по-философски, ни обуздать ее, она часто заговаривала с евнухом, которым раньше пренебрегала, и, начиная издали, как бы мимоходом заводила речь о его брате, внушала тому надежды и велела посещать ее, когда он только пожелает. Юноша же, еще не догадываясь о ее сокровенных желаниях, счел это признаком благоволения и, повинувшись приказу, стал приходить к ней со смиренным и робким видом. Однако стыдливость озаряла его еще большей красотой, красила в пурпур и окружала багряным сиянием. Императрица старалась освободить юношу от страха, улыбалась, распрямляла на лбу грозные складки и, как бы намекая на любовь, побуждала к решительности. Когда же она дала возлюбленному явные доказательства любви, то и он стал отвечать ей тем же, сначала не очень смело, а затем все более откровенно и повел себя как настоящий влюбленный: внезапно обнимал и целовал царицу, гладил ее руки и шею, действуя так, как его вышколил брат. Царица все сильнее льнула к юноше и от-

Императрица Зоя

*Мозаика южной галереи собора Св. Софии в Константинополе.
Вторая четверть XI в.*

вечала на его любовные ласки, а он не испытывал к престарелой царице никакого влечения и только зарился на царское достоинство, ради которого был готов на что угодно.

До поры до времени обитатели дворца строили одни только предположения и не шли дальше подозрений, но позднее, когда любовь их бесстыдно себя обнаружила, о ней узнали все, и происходящее уже ни от кого не оставалось в тайне; начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставляли их покоящимися на одном ложе. Он при этом смущался, краснел и пугался, а она даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех обнимала и целовала

юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним наслаждения.

Я не удивляюсь, что она украшала и, как статую, покрывала его золотом, окружала сиянием перстней и шитых золотом одеяний. И чего только не сделает для своего возлюбленного влюбленная императрица! Втайне от всех она время от времени сажала юношу на царский трон, вкладывала в руку скипетр, а раз даже увенчала короной, при этом она снова и снова обнимала его, называла статуей, радостью глаз, цветом красоты и отрадой души. Такое она проделывала нередко и не сумела уберечься от глаз одного соглядатая. Это был евнух, человек весьма высокопоставленный при дворе, уважаемый за свой образ жизни и чин, отцовский слуга императрицы. Увидев столь необычное зрелище, он так был поражен, что чуть не лишился дара речи, однако Зоя привела его в чувство, вывела из смятения и велела преданно служить юноше, как тому, кто и ныне царь, а в будущем станет истинным самодержцем.

Очевидное для всех оставалось тайной от императора — такой туман застилал ему очи. Хотя его зрачки озаряло сверкание молний, а уши оглушало грохотание грома и он видел молнию и слышал гром, тем не менее сам как бы добровольно закрывал глаза и затыкал уши. Вот пример: Роман, часто почивавший с царицей, еще не успев улечься на обтянутое пурпуром ложе, посылал за этим юношей (только за ним!) и приказывал ему растирать и массировать ноги, использовал его как спальничего и для того же самого отдавал в его распоряжение жену. Когда сестра Пульхерия и некоторые из служащих опочивальни раскрыли и обнаружили готовящееся на царскую жизнь покушение и посоветовали принять меры предосторожности, он, вместо того чтобы выдумывать для осуществления своего замысла какой-нибудь предлог, убрать тайного прелюбодея и расстроить все действие, ничего не стал предпринимать и не прибег ни к какой уловке, а только призвал к себе влюбленного, а вернее — любимого, и стал выспрашивать о его любви. И когда тот изобразил, будто ни о чем понятия не имеет, дал заверения, поклялся на святынях и принес лживые клятвы, император счел предостережения других людей наветами, слушал уже только юношу и называл его не иначе, как своим верным слугой.

Было еще и нечто другое, что помогало тому избежать подозрений императора. С детства юноша страдал тяжелым недугом, время от времени его мозг постигало расстройство, при этом он ни с того ни с сего неожиданно возбуждался, вращал глазами, падал на землю, бился головой и долгое время сотрясался в конвульсиях, затем снова приходил в себя и постепенно возвращался в обычное состояние. Видя, что он подвержен такой болезни, император жалел припадочного юношу, верил в его безумие и не верил в эту любовную связь и утечи. Многим, однако, его болезнь представлялась лишь предлогом и прикрытием для коварных замыслов, и это подозрение было бы справедливо, если бы позже, уже императором, он не страдал от того же недуга. Однако отложим это до рассказа о его царствовании — пока что беда шла ему на пользу, и неподдельное страдание служило ему прикрытием в осуществлении его намерения.

Уговорить самодержца в том, что любящие вовсе и не любят, было делом нетрудным — он легко дал себя убедить. Как я слышал от одного из прежних дворцовых служащих, который знал об этой любовной истории императрицы и снабдил меня сведениями для моего сочинения, Роман сам как бы хотел верить в то, что царица не состоит в любовной связи с Михаилом, но в то же время, зная, что она весьма любвеобильна и переполнена страстью, и не желая, чтобы эта страсть излилась сразу на многих людей, не возражал против ее связи с одним любовником, делал вид, будто ничего не замечает, и потворствовал царицыной страсти.

Рассказывали мне и иное. Сам император-де спокойно относился к любовным чаяниям или, лучше сказать, отчаянной любви своей супруги, а возмущались ею его сестра Пульхерия и все поверенные в ее тайны. И вот против них началась настоящая война, полки шли в открытую, но о трофеях только строились догадки: царская сестра вскоре умерла, та же судьба неожиданно постигла и одного из ее сообщников, по воле царя покинул дворец другой, а остальные или смирились с происходящим, или попридержали языки, и любовь уже не творилась втайне, а совершалась как бы законно.

Болезнь царя

Что же дальше? Тяжелая и необычная болезнь постигла самодержца. Все тело его вдруг подверглось гниению и почре, аппетит исчез, сон быстро отлетел, и все дурное на него наваливалось: жесткость нрава, неуживчивость характера, приступы гнева, ненависти и раздражения, ранее ему неизвестные. Человек, с ранней юности общительный, он стал тогда недоступным и замкнутым. Улыбка покинула его вместе с обаянием души и приятностью нрава, он никому не верил и сам не внушал доверия, подозревал и вызывал подозрение. Широтой натуры он уже больше не отличался, стал скуп на денежные раздачи, раздражался от каждой просьбы и приходил в гнев от всякого слова жалобы. В то же время, несмотря на тяжкие телесные страдания, он не забывал об обязанностях и не пренебрегал царскими процессиями — напротив, облачался в шитые золотом одежды, надевал на себя другие украшения, словно взваливал груз на немощное тело, но во дворец после этого возвращался с трудом и чувствовал себя потом еще хуже.

Я (в то время мне не было и шестнадцати) нередко видел его в таком виде во время процессий — царь мало чем отличался от мертвого: все лицо его было распухшим, цветом не лучше, чем у пролежавшего три дня покойника, он часто дышал и останавливался, не пройдя и нескольких шагов, волосы свисали с его головы, как у трупа, редкая прядь в беспорядке спускалась на лоб, колеблясь, видимо, от его дыхания. В то время как другие уже потеряли надежду, сам он не отчаивался, вверял себя искусству врачей и у них искал спасения.

Смерть царя

Я не могу сказать, причинила ли какое-либо зло императору сама любовная пара и их сообщники, так как не склонен обвинять, если не располагаю точными сведениями; остальные, однако, согласны в том, что они сначала одурманили императора снадобьями, а потом подмешивали ему в пишу и черемицу. Ничего больше сейчас не бу-

ду говорить по этому поводу, кроме того, что именно они стали причиной его смерти. Так обстояли дела, и император совершал приготовления к нашему общему воскресению и собирался на следующий день выйти на народное празднество. Еще до рассвета он отправился в одну из бань, расположенных неподалеку от царских покоев, при этом его никто не вел за руку, и ничто не предвешало близкой смерти — он бодро шел, чтобы уместить, омыть и специальными средствами очистить свое тело. Войдя в купальню, он прежде всего вымыл голову, потом смочил водой тело, и, поскольку дышалось ему легко, вступил в вырытый посередине бассейн. Сначала он с удовольствием окунулся и легко поплыл, с наслаждением выдыхая воздух и освежаясь, затем в воду зашли и некоторые из сопровождающих, чтобы поддержать и дать отдохнуть императору — таково было его распоряжение. Совершили ли они какое-нибудь насилие над ним, точно сказать не могу, но те, кто связывает это со всем случившимся, утверждают, что, когда самодержец по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго держали его в таком положении, а потом отпустили и ушли. Оставшийся внутри воздух, придав легкость членам, как пробку, вытолкнул из воды почти бездыханное тело, и оно, бесчувственное, вынырнуло на поверхность. Немного придя в себя, царь понял, в какой беде очутился, и протянул руку, ища поддержки и помощи. Кто-то пожалел его в несчастье, обхватил руками, вытащил из воды и в этом жалком виде водрузил на ложе. На поднявшийся тут крик сбежались люди, среди них императрица без свиты, с выражением глубокой печали на лице. Едва взглянув на мужа, она тотчас ушла, удостоверившись по его виду в близкой кончине. А он, глубоко и горестно вздохнув, посмотрел по сторонам и, не в силах вымолвить ни слова, видом своим и движением головы постарался выразить волю души. Но никто ничего не мог понять, и он, закрыв глаза, задыхал все чаще. Затем рот его неожиданно широко раскрылся, и оттуда вылилась темная, вязкая жидкость, после этого он еще раз или два вздохнул и расстался с жизнью.

Ненависть и зависть императора к августу

Царь был вне себя, слыша, как в совместных славословиях ее имя упоминают на первом месте. Сначала он отталкивал и отдалял от себя царицу, перестал делиться с нею своими планами, не позволял ей брать даже малой толики из царских сокровищ, всячески унижал и, можно сказать, выставлял ее на посмешище. Михаил держал ее в осаде, как врага, окружил позорной стражей, расположил к себе ее служанок, выведывал обо всем, что делается на женской половине, и не считался с договором, который с ней заключил. Но и этого ему показалось мало, и он обрек ее на худшее из зол: решил изгнать из дворца, причем воспользовавшись не каким-нибудь благопристойным поводом, а под позорным и выдуманным предлогом, будто лишь для одного зверя дворец. Задумав такое, он пренебрег прочими царскими делами и весь свой ум и изворотливость направил на осуществление этого бесстыдного намерения.

Сначала он посвятил в замысел только самых отважных из близких, но на этом не остановился, стал спрашивать мнения и других людей, известных ему умом и рассудительностью. Одни из них его поддерживали и советовали осуществить план, другие решительно отговаривали, третьи убеждали подвергнуть дело тщательному рассмотрению, иным же казалось нужным узнать предсказания астрологов и выяснить, насколько благоприятен момент для действий и не препятствует ли его начинанию расположение светил. Он всех внимательно выслушал, но, готовый добиться своей цели любыми средствами, и не подумал последовать полезным советам и, махнув рукой на всех прочих, осведомился о будущем у астрологов.

В то время было немало людей, посвященных в сию науку. Эти мужи — я был знаком с ними — не очень-то ломали голову над расположением и движением светил на небосводе; ведь они не умели заранее на основании законов геометрии указывать и предвидеть их местоположение, но попросту устанавливали центры, выясняли нисхождение и восхождение зодиака и все, что с ними связано, я имею в виду планеты — хозяева домов, а также места и границы фигур и какие из них благоприятны, какие неблагоприятны.

Позднее я беседовал с некоторыми из тех, кто отвозил ее, и они рассказывали мне, что, когда корабль вышел в море, Зоя подняла глаза к царским покоям и, обратившись ко дворцу, произнесла скорбную речь. В ней она помянула отца и предков (уже пять поколений владел ее род царской властью), а заговорив о дяде своем и императоре (я имею в виду знаменитого Василия, затмившего сиянием всех прочих самодержцев, драгоценное благо Ромейской державы), вдруг залилась слезами и сказала: «О, мой дядя и царь, это ты завернул меня, только что родившуюся, в царские пеленки, любил и отличал меня среди сестер, потому что я походила на тебя лицом — об этом потом мне часто рассказывали очевидцы. Это ты говорил, целуя и обнимая меня: «Спасения тебе, дитя, жить тебе долгие годы, рода нашего побег и царской власти прекрасный образ». Это ты напитал и воспитал меня и во мне видел надежду для государства. Но ошибся ты в своих ожиданиях: я опозорена сама и опозорила весь род, постыдно осуждена и изгнана из дворца, и не знаю даже, в какую землю везут меня для наказания, и боюсь, как бы не отдали меня на съедение хищным зверям и не бросили в морские волны. Но взгляни с небес на меня, сделай все, что в силах твоих, и спаси свою племянницу». Прибыв, однако, на остров, определенный ей местом ссылки, она немного отвлеклась от дурных предчувствий, возблагодарила бога, сохранившего ей жизнь, принесла жертву и вознесла молитвы своему спасителю.

Царица и не помышляла ни о чем, да и что она могла бы сделать, оказавшись в изгнании с одной-единственной служанкой. Тем не менее этот страшный человек строил все новые козни и подвергал царицу одному испытанию за другим, и в конце концов отправил людей, чтобы постричь, а вернее сказать — убить ее и отдать на закланье, уж не знаю, господу ли или гневу пославшего их государя. Осуществив и это намерение, он оставил ее в покое, будто с ней все было кончено, но разыграл комедию, устроил спектакль и объявил синклиту о мнимом заговоре против него императрицы — он-де давно подозревал ее, более того, много раз заставлял ее на месте преступления, но скрывал этот позор из стыда перед синклитиками. Сочинив такие небывилицы, он заполучил (вопреки сути дела) голоса синклити-

ков, а оправдавшись перед ними, принялся обрабатывать простолюдинов и некоторых сделал послушным орудием своих желаний. Царь выступал перед ними, выслушал и их речи, а когда понял, что они одобряют его поступок, распустил и это собрание и, как после великих подвигов, стал отдыхать от тяжких трудов, предавался веселым развлечениям и разве что не пустился в пляс и не прыгал от радости. Но не в дальнем будущем, а уже совсем близко ждало его наказание за эту чудовишную спесь.

Что же касается дальнейшего, то речь моя бессильна поведать о событиях, а ум — постичь меру провидения. Я говорю сейчас о себе, но это относится и ко всем другим. Достойно рассказать о событиях того времени не смог бы ни поэт с боговдохновенной душой и с речью, небом внушенной, ни оратор, отмеченный благородством души и красноречием, искусством слова украсивший природное дарование, ни философ, постигший смысл провидения, пусть даже в своей необыкновенной мудрости он и познал то, что выше нас; неостанет им силы для этого, пусть даже первый, как на сцене, разукрасит рассказ и придаст ему многообразия, другой подберет в соответствии с величием событий самые торжественные слова и гармонично их сочетает, а третий увидит в случившемся не самопроизвольное движение, но действие разумных причин, по которым произошло великое и всенародное (так лучше его назвать) таинство. Поэтому я и обошел бы молчанием это великое потрясение и ураган, если бы не понимал, что таким образом опушу из своей «Хронографии» самое существенное, и я дерзаю на углу челне пуститься в плавание по открытому морю и, как могу, поведаю о том, как неожиданно распорядилась божественная справедливость обстоятельствами и событиями после изгнания императрицы.

Император предавался удовольствиям и был полон высокомерия, а весь город — я имею в виду людей всякого рода, состояния и возраста, — будто распалась гармония его тела, уже приходил по частям в брожение, волновался, и не осталось в нем никого, кто бы не выражал недовольство сначала сквозь зубы, но, тая в душе замыслы куда более опасные, не дал бы в конце концов волю языку. Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы,

город явил собой зрелище всеобщей скорби; как в дни великих и всеобщих потрясений все пребывают в печали и, не в силах прийти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселилось во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык — ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора. Проникся великой отвагой мастеровой люд, и даже союзники и иностранцы — я имею в виду тавроскифов и некоторых других, которых цари обычно держат при себе, — не могли тогда обуздать своего гнева; все готовы были пожертвовать жизнью за царицу.

Что же до рыночного народа, то и он распоясался и пришел в возбуждение, готовый отплатить насильнику насилем. А женское племя... но как я расскажу о нем тем, кто не наблюдал всего этого собственными глазами? Я сам видел, как многие из тех, кто до того никогда не покидал женских покоев, бежали по улицам, кричали, били себя в грудь и горестно оплакивали страдания царицы или носились, как менады, и, составив против преступного царя изрядное войско, кричали: «Где ты, наша единственная, душой благородная и лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего племени госпожа, царства законная наследница, у которой и отец — царь, и дед, и деда родитель? Как мог безродный поднять руку на благородную и против нее замышлить такое, чего ни одна душа и представить себе не может?» Так они говорили и ринулись ко дворцу, чтобы спалить его, и ничто уже не могло их остановить, ибо весь народ поднялся против тирана. Сначала они по группам и потрядно построились к битве, а потом вместе со всем городом целым войском двинулись на царя.

Вооружены были все. Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжелыми железными топорами, третьи несли луки и копья, простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках. В тот день я стоял перед входом во дворец (издавна служа царским секретарем, я незадолго до того посвящен был в таинство царского приема). Итак, я находился в тот момент в наружной галерее и диктовал секретные документы. Вдруг до нас донесся гул, будто от конского топота, вселивший страх во

многие души, а затем явился человек с известием, что весь народ взбунтовался против царя и, как по мановению чьей-то руки, объединился в одном желании. Все происходящее казалось тогда многим чем-то неожиданным и невероятным, но благодаря виденному и слышанному мною ранее я понял, что искра разгорелась костром, гасить который нужно целыми реками и потоками воды, и, сразу оседлав коня, поскакал через город и своими глазами увидел то, во что теперь и сам верю с трудом.

Людей словно обуяла какая-то высшая сила, никто не остался в прежнем состоянии: все носились как бешеные, их руки налились силой, глаза метали молнии и светились неистовством, мышцы тела окрепли, ни один человек не желал, да и не мог настроить себя на благочинный лад и отказаться от своих намерений.

Решено было прежде всего двинуться к царским родичам и разрушить их красивые и роскошные дома. Немедля приступив к делу, толпа разом бросилась на приступ, и дома рухнули, частью открывшись, а частью и закрывшись. Закрыты были упавшие вниз кровли, а открылись торчащие из-под земли фундаменты; казалось, будто сама земля, не вынеся их бремени, выкинула из себя основания домов. Разрушили же большинство зданий не руки цветущих и зрелых мужчин, а девицы и всякая детвора оboего пола, утварь же получал тот, кто первый схватит. Разрушитель спокойно взваливал на себя то, что разрушил или сломал, выставлял этот скарб на рынке и не торговался в цене.

Такое творилось в городе, так быстро переменялся его обычный облик. Царь в то время находился во дворце и сначала не проявлял никакого беспокойства по поводу происходящего: подавить восстание горожан он намеревался без пролития крови. Но когда начался открытый бунт, народ построился по отрядам и составил значительное войско, он пришел в страшное волнение и, оказавшись как бы в засаде, не знал, что и делать: выйти опасался, но осады боялся еще больше, союзных отрядов во дворце у него не было, послать за ними тоже было нельзя; что же касается вскормленных во дворце наемников, то часть их колебалась и уже беспрекословно не слушалась его приказов, а часть взбунтовалась, покинула его и присоединилась к толпе.

В это время к уже отчаявшемуся было царю явился на помощь новелисим. Когда начался бунт, его во дворце не было; узнав о случившемся и опасаясь беды, он сначала заперся в своем доме и не показывался из него, боясь, что у входа толпа не отпустит его живым, если он выйдет, но потом новелисим вооружил всех слуг и домочадцев (сам при этом не надел и панциря), и они, незаметно покинув убежище, с быстротой молнии помчались по городу с кинжалами в руках, готовые уложить на месте каждого, кто встанет на их пути. Пробежав таким образом через город, они забарабанили в дворцовые ворота и явились, чтобы помочь императору. Тот принял их с радостью и только что не расцеловал дядю, решившегося умереть вместе с ним. И вот они решают немедленно вернуть из ссылки царицу, из-за которой взбунтовалась толпа и разразилась битва, а самим спешно превратить дворцовых людей в копейщиков и прашников и выстроить их против тех, кто бесстыдно рвался на приступ. Устроившись в укрытиях, те принялись метать сверху камни и копья, многих убили и разорвали плотный строй нападающих, но восставшие, разобравшись, в чем дело, снова обрели силу духа и встали теснее прежнего.

Между тем во дворец доставили императрицу; она, однако, не столько радовалась тому, как с ней распорядился всевышний, сколько ждала еще худших бед от мерзкого царя. Поэтому-то она и не воспользовалась удобным случаем, не попрекнула тирана за свои страдания, обличия не изменила, но посочувствовала ему и пролила слезы о его судьбе. Михаил же, вместо того чтобы переменить ей одежды и облечь ее в пурпурное платье, потребовал ручательств, что не станет она жить по-другому, когда уляжется буря, и смирится с уготованной ей участью. Царица все обещала, и перед лицом грозящей беды заключили они между собой союз. И тогда они вывели ее на самую высокую площадку Великого театра и показали взбунтовавшемуся народу, ибо думали, что смирят бурю его гнева, если вернут ему его госпожу. Но одни так и не успели увидеть ту, которую им показывали, а другие, хотя и узнали ее, еще больше возненавидели тирана, который и в гуще бед не освободил своего сердца от злонравия и свирепости.

После этого битва вспыхнула с новой силой, но затем

многие из бунтовщиков, опасаясь, как бы тиран вместе с царицей не обратил их в бегство, поддались на ее уговоры и приняли иное решение, единственное, способное сорвать козни тирана.

Чтобы мое повествование развивалось по порядку, хочу предварить его несколькими словами. Мне нужно вспомнить для этого о предшествующих событиях и с ними связать свой рассказ. Как я уже говорил, у Константина была не одна дочь, а три; старшая из них умерла, а младшая какое-то время жила вместе с воцарившейся и в каком-то смысле царствовала совместно с ней, и хотя в славословиях имя ее не упоминалось, ей воздавались великие почести, и сиятельностью уступала она во дворце только сестре. Однако родство и материнское чрево, из которого обе они вышли, не стали надежной защитой против ревности — царица возревновала Феодору (так звали сестру) даже к меньшим почестям; и поскольку какие-то горлопаны распространяли в это время о ней дурные слухи, она убедила самодержца удалить сестру из дворца, постричь ее и определить местом почетного заключения один из самых роскошных императорских домов. Так все сразу и было сделано, и ревность, разъединившая сестер, одной уготовила участь повыше, другой пониже, но в то же время и более святую.

Феодора смирилась с этим решением и не огорчалась ни переменою одежд, ни удалением от сестры. Что же до самодержца, то он не совсем лишил ее прежнего расположения, но оказывал ей кое-какие из царских милостей. Но он умер, а взявший в свои руки скипетр Михаил по прошествии недолгого времени — об этом уже говорилось — отвернулся от императрицы, а сестрой пренебрег и вовсе. Когда же и он, прожив отведенный ему срок, скончался, к власти пришел его племянник, который уже совсем не имел никакого понятия, кто такая Феодора и происходит ли она от царского корня, и ему было совершенно безразлично, существует она или нет, жива или не жива. Так обстояли дела с Феодорой, вернее — так обращались с ней императоры, и она ничего не сделала вопреки их воле и вела себя так скорее по доброму желанию, чем по принуждению. Вот предисловие к моему рассказу.

Как толпа переметнулась на сторону августы Феодоры

Между тем восставший, как уже говорилось, народ опасался дурного оборота событий и боялся, что тиран возьмет над ним верх и все дело кончится только шумом; в то же время заполучить себе первую царицу он не мог — узурпатор уже успел привлечь ее на свою сторону и привести в свою гавань — и потому обратился к ее сестре — второму побегу царского корня; толпа не двинулась к ней без порядка и строя, но избрала предводителем одного из ее отцовских слуг, родом незлиина, человека отменного нрава, по виду героя, из почтенного старинного и знатного рода, и полками во главе с полководцем отправилась к Феодоре.

Пораженная и не ожидавшая ничего подобного Феодора на первую попытку не поддалась, укрылась в храме и оставалась глухой ко всем уговорам. Однако войско горожан, отчаявшись убедить ее, прибегло к силе, и несколько человек с обнаженными кинжалами ринулись вперед, будто готовые ее убить; они дерзнули вытащить ее из церкви, вывели на улицу, облачили в царские одеяния, усадили на коня и, окружив со всех сторон, доставили в великий храм божьей мудрости. После этого уже не только простой народ, но и все лучшие люди встали на сторону Феодоры, и все тогда отвернулись от тирана и в славословиях стали провозглашать Феодору царицей.

Перевод Я. Н. Любарского

ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН

ок. 1150 — ок. 1230 гг.

Жизнь

Известный французский военачальник и историк Жоффруа де Виллардуэн родился около 1150 г. в семье Вилэна, первого сеньора замка Виллардуэн в Шампани. Фамилия его отца занимала довольно высокое положение в феодальной иерархии. Как владельцы замка Виллардуэн, семейство Вилэна было подвассально графам Бриенна, а как владельцы сеньории Вилли, что в трех лье к югу от г. Груа, — самим графам Шампани.

В 1172 г. Жоффруа, к тому времени уже женатый, удостоился звания рыцаря. Находясь на службе графа Шампани, Жоффруа постепенно поднимался по служебной лестнице и в 1185 г. занял должность маршала Шампани. В его обязанности входило следить за содержанием графских

коней, руководить крепостями, а во время боевых действий — командовать рыцарями авангарда.

В 1190 г. вместе со своим сюзереном графом Шампани Анри II Жоффруа де Виллардуэн отправляется в третий крестовый поход, в ходе которого участвует в осаде Акры. 24 ноября 1190 г., во время одного из торжеств, Жоффруа выехал вместе с другими рыцарями из лагеря и подвергся нападению отряда мусульман. Так он попал в плен, из которого освобожден лишь в 1194 г.

По возвращении на родину Жоффруа де Виллардуэн заседает в советах своей старой покровительницы графини Марии, матери Анри II, который в Палестине в это время правил Иерусалимским королевством. По долгу службы маршал Шампани в этот период принимает активное участие в различных административных делах, что способствует его знакомству со многими видными сеньорами Франции, Бургундии, Шампани и др.

28 ноября 1199 г. Жоффруа де Виллардуэн вместе со своим сюзереном Тибо III, сменившим умершего Анри II, принимает на рыцарском турнире в замке Экри крестоносный обет.

Дальнейшая карьера Жоффруа де Виллардуэна напрямую связана с его участием в подготовке и проведении нового крестового похода. Вместе с рыцарем и поэтом Кононом Бетюнским Жоффруа де Виллардуэн стал, по выражению биографов, душой и мозгом крестового похода. Именно маршал Шампани добился в 1201 г. согласия Венеции на союз с крестоносцами.

Во время крестового похода Жоффруа де Виллардуэн присутствовал на всех советах графов, участвуя в принятии решений. Он же принимал самое активное участие в переговорах с различными политическими силами Византии. По настоянию венецианского дожа Энрико Дандоло Виллардуэн поддержал предложение изменить направление похода и посадить на престол в Константинополе византийского царевича Алексея.

После завоевания Константинополя 13 — 15 апреля 1204 г., свержения их же ставленника Алексея IV и образования на месте Византии Латинской империи, когда захватчики предприняли походы во Фракию и Македонию,

Алексей I Комнин
Книжная миниатюра

Император Балдуин I

Жоффруа де Виллардуэна оставили охранять Константинополь.

При разделе территории бывшей Византии осенью 1204 г., во время выделения земель рыцарям, Жоффруа де Виллардуэн добился такого доверия в верхах, что его сделали одним из 24 человек, на которых возложили эту деликатную миссию. Сам Жоффруа получил значительные пожалования и титул маршала Романии. С этой поры он стал одним из главных сановников двора Латинской империи.

Весной 1205 г. Жоффруа де Виллардуэн принимал участие в подавлении восстания греков, поддержанных болгарским царем Калояном. 14 апреля 1205 г. в битве близ Никицы крестоносцы были наголову разбиты болгарским войском, причем сам император Балдуин попал в плен. Жоффруа де Виллардуэн сумел остановить панику и собрать бежавших с поля сражения, чем спас остатки войска от окончательного разгрома. В начале лета 1206 г. Жоффруа де Виллардуэн сопровождал Анри д'Эно в его победоносном походе против болгар. Крестоносцам удалось тогда отбросить болгар до их собственных границ.

Наряду с военными маршал Романии и Шампани выполнял и дипломатические поручения. О возвращении его на родину нет никаких сведений. Умер Жоффруа де Виллардуэн между 1212 и 1218 гг. или, как уточняют некоторые историки, в 1213 г.

Золотая печать царя Калояна

Судьба

Автор написанной уже в конце жизни книги «Завоевание Константинополя», историк Жоффруа де Виллардуэн неотделим от маршала Романии и Шампани — политика, военачальника и дипломата. Всю свою жизнь он посвятил крестовым походам и, видимо, верил в правильность выбранной цели. В то же время Жоффруа де Виллардуэн был человеком средневековья с присущей ему неразборчивостью в выборе средств для достижения целей.

Так, например, опасаясь раскола в войске, Виллардуэн и его единомышленники приняли предложение, продиктованное политическими и коммерческими интересами венецианского дожа Энрико Дандоло, поддержать притязания византийского царевича Алексея и его отца, ставленников германского императора. Виллардуэн посчитал неважным, что, меняя направление похода, Венеция добивалась лишь устранения с помощью крестоносцев императора Алексея III, который покровительствовал не Венеции, а ее торговому конкуренту — Генуе. Значительно более важным для Виллардуэна было то, что в Византии крестоносцы, по его мнению, могли получить прочную материальную базу для про-

должения своего похода. Как известно, захватив Константинополь с его богатствами, крестоносцы начисто забыли о целях своего предприятия.

Перед Виллардуэном-историком стояла задача оправдать действия крестоносцев в ходе четвертого крестового похода. По всей видимости, Жоффруа де Виллардуэн и в самом деле полагал, что изменение направления похода было вызвано обстоятельствами и, в общем, угодно Богу. Ведь не зря же крестоносцам так долго сопутствовала удача! Историк, таким образом, не склонен был винить себя и своих единомышленников, принявших решение идти на Константинополь. А все трудности, сделавшие невозможным достижение поставленной цели, он относит на счет внешних обстоятельств.

Творчество

В 1210 г. Жоффруа де Виллардуэн написал один из основных исторических трудов, повествующих о четвертом крестовом походе (другой труд на ту же тему и под тем же названием создал пикардийский рыцарь Робер де Клари).

Достоинства хроники Виллардуэна — в четкости и высокой степени точности описания событий. Хроника имеет внутреннюю логику, хронологически упорядочена. В этом смысле она резко контрастирует с сумбурным повествованием Робера де Клари.

Жоффруа де Виллардуэн находился в самой гуще событий, он хорошо знал не только общественные факты, но и различного рода интриги, определившие изменение направления крестового похода.

Видимо, Виллардуэн использовал не только собственные воспоминания и путевые заметки, но и официальные документы.

Кроме того, «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна интересно еще и тем, что оно написано представителем элиты крестоносного войска. Это обстоятельство дает возможность познакомиться с тем, как верхушка феодального общества средневековья воспринимала различные

явления в политике и обществе той эпохи. Как отмечает историк М. А. Заборов, «хроника маршала Шампанского — один из ранних примеров политической тенденциозности, искусно проводимой в чисто событийном, казалось бы, повествовании средневекового автора».

ПРОПОВЕДЬ КРЕСТОВОГО ПОХОДА

1198 — ноябрь 1199 г.

1

Знайте, что в год тысяча сто девяносто седьмой от воплощения Господа нашего Иисуса Христа, во время Иннокентия, апостолика Рима, и Филиппа, Короля Франции, и Ричарда, короля Англии, был некий святой человек во Франции по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово Божье во Франции и в других окрестных землях; и знайте, что наш Господь творил через него многие чудеса.

2

Знайте, что слава этого святого человека распространилась столь далеко, что дошла до Иннокентия, апостолика Рима; и апостолик направил своих людей во Францию и поручил этому благочестивому мужу, чтобы он проповедовал крест его, апостолика, волей. И после того он направил туда своего кардинала мэтра Пьера де Шаппа, принявшего крест; и поручил через него давать такое отпущение грехов крестоносцам, как я вам скажу: всем тем, кто возьмет крест и прослужит Богу в войске один год, будут прощены все грехи, которые они содеяли и в которых исповедались. Так как это отпущение было весьма великим, сердца людей

сильно растрогались, и многие приняли крест потому, что отпущение было столь великим.

ПРИНЯТИЕ ОБЕТА КРЕСТОВОГО ПОХОДА

от 28 ноября 1199 г. до первых месяцев 1200 г.

3

На следующий год после того, как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово Божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, называвшемся Экри; и милостью Божьей случилось так, что Тибо, граф Шампани и Бри, принял крест, равно как и Луи, граф Блуаский и Шартрский. И произошло это в канун адвента. Так вот знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет, а графу Луи было не более двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Франции и троюродными братьями, а также, с другой стороны, племянниками короля Англии.

4

Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма знатных барона Франции, Симон де Монфор и Рено де Монмирай. Великая слава прошла по всем землям, когда эти два знатных мужа взяли крест.

5

Во владениях графа Тибо Шампанского крест приняли Гарнье; епископ Труа, граф Готье де Бриенн, Жоффруа де Жуанвиль, который был сенешалем этой земли, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Гюи дю Плесси, его брат, Анри д'Арзильер, Ожье де Сен-Шерон, Виллэн де Нюлли, Жоффруа де Виллардуэн,

Иннокентий III

маршал Шампанский, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нюлли, Готье де Фюлиньи, Эврар де Монтины, Манассье де л'Иль, Макэр де Сент-Менеу, Милон ле Бребан, Гюи де Шапп, Кларембо, его племянник, Рено де Дампьер, Жан Фуанон и многие другие добрые люди, о которых книга нигде не упоминает.

6

С графом Луи крест взяли Эрве дю Шатель, Эрве, его сын, Жан де Вирсэн, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрей, Пэян Орлеанский, Пьер де Брасье, Гюг, его брат, Гийом де Сэн, Жан Фриэзский, Готье де Годонвилль, Гюг де Кермерэ, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фрувиль, Пьер, его брат, Орри де л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает.

7

Во Франции крест взяли Невелон, епископ Суассонский, Матье де Монморанси, Гюи, шателен де Куси, его племянник, Робер де Ронсуа, Ферри д'Иерр, Жан, его брат, Готье де Сен-Дени, Анри, его брат, Гийом д'Онуа, Робер Мовуазэн, Дрюэ де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де Бов, Робер, его брат, и многие другие добрые рыцари, о которых книга здесь умалчивает.

8

С наступлением следующего Великого поста, в день, когда посыпают на голову пепел, в Брюгге крест взяли Бодуэн, граф Фландрии и Эно, и графиня Мария, его супруга, которая приходилась сестрой графу Тибо Шампанскому. Затем крест взяли Анри, его брат, Тьерри, его племянник, который был сыном графа Филиппа Фландрского, Гийом Бетюнский, поверенный, Конон, его брат, Жан Нельский, шателен Брюгге, Ренье Тритский, Ренье, его сын, Матье де Ва-

линкур, Жак д'Авень, Бодуэн де Бовуар, Гюг де Бомэз, Жерар де Маншикур, Эд де Ам, Гийом де Гоменьи, Дрюэ де Борэн, Роже де Марк, Эсташ де Собрюик, Франсуа де Колеми, Готье де Бузи, Ренье де Монс, Готье де Томб, Бернар де Субренжъен и многие добрые рыцари, о которых книга не говорит.

9

Затем взял крест граф Гюг де Сен-Поль. С ним приняли крест Пьер Амьенский, его племянник, Эсташ де Кантелэ, Николя де Майи, Ансо де Кайо, Гюи де Удэн, Готье Нельский, Пьер, его брат, и многие другие люди, коих мы не знаем.

10

А уж потом взяли крест Жоффруа Першский, Этьен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де ла Жай, Эмери де Вильруа, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не ведаю.

11

Затем бароны держали совет в Суассоне, чтобы определить, когда они хотели бы двинуться в путь и куда хотели бы отправиться. Они не смогли в тот раз достигнуть согласия, потому что им казалось, что у них нет еще достаточного числа людей, принявших крест. Не прошло и двух месяцев в том же году, как они собрались на совет в Комптене. Там были все графы и бароны, которые приняли крест. Здесь сказаны, выслушаны и поданы были разные советы; но окончательное решение было таково, чтобы направить лучших послов, каких только могли бы сыскать, и предоставить им все полномочия предпринимать любые действия как сюзеренам.

**[ПЕРЕГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ
О ПЕРЕВОЗЕ «ЗА МОРЕ». СБОРЫ В ПОХОД**

1200 — май 1202 г.]

12

Из этих послов двух послал Тибо, граф Шампани и Бри; и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, двух; и Луи, граф Блуаский, двух. Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский, и Милон ле Бребан; а послами Бодуэна были Конон Бетюнский и Алар Макеро; и послами графа Луи — Жан Фриэзский и Готье де Годонвиль.

13

Этим шестерым они полностью поручили заботу о своем деле, выдав им добрые висячие грамоты, которые удостоверяли, что они твердо выполняют те условия, которые заключают эти шестеро в каких-либо морских портах, в любом месте, куда ни явятся.

14

Шесть послов отправились, как вы слышали, и держали совет между собой, и пришли к согласию друг с другом в том, что в Венеции они смогут найти гораздо большее количество судов, чем в каком-либо другом порту. И они пустились в дорогу и ехали от одного места до другого, пока в первую неделю Великого поста не прибыли.

15

Дожд Венеции, которого звали Энрико Дандоло и который был человеком весьма мудрым и доблестным, принял их с большим почетом — и сам он, и другие люди; и все встре-

тили их очень хорошо. И когда они предъявили грамоты своих сеньоров, венецианцам было очень любопытно узнать, для какого дела они прибыли в их землю. То были верительные грамоты, и графы писали, чтобы их послам верили бы, словно лично им самим, и что они, графы, примут все условия, что эти шестеро учинят.

16

И дож ответил им: «Господа, я ознакомился с вашими грамотами. Мы удостоверились в том, что сеньоры ваши являются самыми знатными лицами из тех, кто не носит короны. И они просят нас доверять вам во всем, что бы вы нам ни сказали, и считать прочным все, что вы учините. Говорите же, что вам угодно».

17

И послы ответили: «Государь, мы желаем, чтобы вы созвали свой совет, и перед вашим советом мы скажем вам, о чем просят вас наши сеньоры, завтра, коли вам угодно». И дож ответил им, что он просит у них отсрочки до четвертого дня, и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего хотят.

18

Они переждали до четвертого дня, который он им установил. Они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен, и нашли дожа и его совет собравшимися в особом покое и изложили данное им поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от знатных баронов Франции, которые приняли крест, чтобы отомстить за поругание, учиненное над Иисусом Христом, и отвоевать Иерусалим, если соблаговолит то Бог. И поелику они знают, что никакой другой народ не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, чтобы оказать им содействие,

то они просят вас, во имя Бога, чтобы вы сжалились над Заморской землей и отомстили за поругание над Иисусом Христом и чтобы вы решили, как они смогли бы получить у вас суда и корабли для перевоза».

19

«А на каких условиях?» — спросил дож. «На любых условиях, — сказали послы, — какие бы вы им ни предложили или ни присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». — «Разумеется, — сказал дож, — дело, которое они у нас просят, — великое дело, и кажется, что они замыслили важное предприятие. И мы дадим вам ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. А вы не удивляйтесь, если срок так долог, ибо надобно как следует обдумать столь великое дело».

20

В срок, который дож им назначил, они вернулись во дворец. Я не мог бы передать вам все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены. Однако конец говоренного был таков: «Сеньоры, — сказал дож, — мы сообщим вам решение, которое мы приняли, коль скоро сумеем склонить наш великий совет и весь народ земли нашей одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, сможете ли согласиться на то, чтобы принять наши условия».

21

Мы поставим юиссье, могущие перевезти 4500 коней и девять тысяч оруженосцев, и нефы для перевоза 4500 рыцарей и двадцати тысяч пеших ратников. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают прокорм и провиант на девять месяцев. Вот что мы сделаем по самой низкой цене, а именно на том условии, что нам

заплатят за каждого коня четыре марки и за каждого человека две марки.

22

И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить Богу и всему христианскому миру в каком бы то ни было месте. Общая сумма этого расхода, который только что назван, составляет 94 тыс. марок.

23

А сверх того мы сделаем вот что: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер из любви к Богу на условии, что до тех пор, пока наш союз будет сохраняться, от всех завоеваний, которые мы произведем на море или на суше, будь то земли или имущество, половину получим мы, а другую — вы. Теперь посоветуйтесь, сможете ли вы это выполнить и принять».

24

Послы вышли; и они сказали, что переговоят об этом между собой и ответят им завтра. Они совещались друг с другом и проговорили всю эту ночь и наконец пришли к согласию принять предлагаемые условия; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он переговорит об этом со своими людьми и, к чему придет, даст им о том знать.

25

На следующий, третий день дож, который был мужем мудрым и доблестным, созвал свой великий совет; а совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим ясным умом и здравым смыслом, который был у него весьма хорош, он склонил их одобрить и пожелать выполнить его предложение.

Сначала он склонил их, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласилось и не одобрили. Наконец, он созвал по крайней мере десять тысяч в церкви Св. Марка, красивейшей из всех, какие только есть на свете; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню Святого духа и молили бы Бога вразумить их насчет просьбы, с которой обратились к ним послы. И все весьма охотно это исполнили.

26

Когда обедня была проговорена, дож позвал послов, чтобы они смиренно просили весь народ согласиться на утверждение этого договора. Послы явились в храм. Их с любопытством разглядывало множество людей, которые их никогда не видели.

27

Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, с согласия и по воле других послов взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые знатные и самые могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклиняют вас о милости, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, который находится в порабощении у турок, и, Бога ради, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поругание Иисуса Христа. Выбрали же они вас, ибо знают, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваш народ. И они повелели припасть к вашим стопам и не подниматься, покуда вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем».

28

Тогда шестеро послов склонились на колени пред ними, проливая обильные слезы, и дож, и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздевая высоко руки, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и крик, что казалось, разверзается земля.

29

И когда этот великий шум улегся и улеглась эта великая жалость, столь сильная, что подобной никто никогда не видел, добрый дож Венеции, который был человеком весьма мудрым и доблестным, взшел на амвон и, обратившись к народу, сказал ему так: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей поддержки, чтобы совершить вместе с вами столь великое дело, как освобождение нашего Господа!».

30

Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не могу все их вам передать. Конец же дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и написаны. Когда они были изготовлены, то на совете было разъяснено, что поход будет направлен к Вавилону, потому что со стороны Вавилона турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А во всеуслышание было объявлено, что они отправятся за море. Тогда был Великий пост, и постановили, что через год со дня св. Иоанна — то будет 1202 год от воплощения Иисуса Христа — бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли для них — быть готовы.

31

Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дожу в большой дворец, где были Великий совет и Малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колени, обливаясь слезами, и поклялся на святом Евангелии честно соблюсти соглашения, которые были начертаны в грамотах, и весь его совет, который состоял из сорока шести особ, тоже. И послы со своей стороны поклялись блюсти соглашения, начертанные в грамотах, и по-честному выполнить клятвы своих сеньоров и собственные. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих вестников в Рим к апостолику Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно.

32

Тогда послы заняли пять тысяч марок серебра в городе и вручили их дожу, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они скакали от одного места к другому, пока не прибыли в Плезанс, что в Ломбардии. Там они разъехались: Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие поехали в Геную и Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской земле.

33

Когда Жоффруа, маршал Шампани, перевалил Монсенис, он встретил графа Готье де Бриенна; тот направлялся в Апулию отвоевывать земли своей супруги, на которой он женился после того, как принял крест, и которая была дочерью короля Танкреда. С ним направлялись Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Робер де Жуанвиль и большая часть добрых людей из Шампани, принявших крест.

34

И когда он поведал им насчет того, что они содеяли, те выразили весьма бурную радость и вполне одобрили этот успех и сказали ему: «Мы уже в дороге; и когда вы придете, вы найдете нас совершенно готовыми». Но события происходят так, как угодно Богу, и им не представилось больше никакой возможности присоединиться к войску. Это было большое несчастье, ибо они были весьма отважны и доблестны. И так-то вот они разъехались, и каждый поехал своей дорогой.

**ИЗБРАНИЕ БОНИФАЦИЯ МОНФЕРРАТСКОГО
ПРЕДВОДИТЕЛЕМ КРЕСТОВОГО ПОХОДА**

сентябрь 1201 г.

35

Маршал Жоффруа скакал от одного места к другому, пока не прибыл в Труа в Шампани и нашел своего сеньора графа Тибо больным и в печали. И тот был очень рад его прибытию. И когда он ему рассказал, что они содеяли, он выказал такую радость, что сказал, что оседлает коня, чего уже давно не делал, и он сел на коня. Увы! Какое великое горе! Ибо он уже никогда больше не мог сесть на коня, кроме как в этот раз.

36

Его болезнь нарастала и становилась все сильнее, так что он составил завешание и отдал свои распоряжения. И он разделил деньги, которые должен был взять с собой, между своими людьми и спутниками, среди которых имелось много добрых ратников: в те дни никто не имел стольких. И он распорядился, чтобы каждый, получив свои деньги, поклонился на святых мошах, что отправится с войском Вене-

ции, как он ей обещал. И нашлось много таких, которые плохо сдержали свою клятву и были за это сильно порицаемы. Остальную часть своих денег граф распорядился сохранить на нужды войска и израсходовать ее там, где, как это будет видно, пойдут на пользу дела деньги.

37

Так опочил граф, и это был один из тех на свете, кто кончил жизнь столь хорошо. И там находилось множество его сородичей и его вассалов; нет надобности рассказывать о трауре, который был устроен, ибо никогда не справлялся по ком-либо столь великий траур; да так оно и должно было быть, ибо никогда человек его возраста не был столь любим ни его вассалами, ни прочими людьми. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви монсеньора Св. Этьена в Труа.

Графиня, его супруга по имени Бланш, овдовела. Она была очень красива и добра и являлась дочерью короля Наваррского; она имела от мужа дочку и была тяжела сыном.

38

Когда графа похоронили, Матье де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффруа де Жуанвиль, который был сенешалем, и Жоффруа, маршал, отправились к герцогу Эду Бургундскому и сказали ему так: «Сеньор, ты видишь несчастье, которое постигло Заморскую землю. Богом заклинаем тебя взять крест и помочь Заморской земле, заступив место усопшего. И мы устроим так, чтобы тебе были вручены все его деньги, и мы поклянемся тебе на святых мошах, и мы заставим остальных тоже поклясться, что мы будем честно служить тебе так, как мы служили бы ему».

39

Воля его была такова, что он отказался. Знайте, что он мог бы поступить лучше. Тогда они поручили Жоффруа де Жуанвилю обратиться с таким же предложением к графу Тибо Бар-Ле-Дюку, кузену покойного графа. И он тоже отказался.

40

Большим горем для пилигримов и для всех тех, кто должен был отправиться на служение Господу, явилась смерть графа Тибо Шампанского. И в конце месяца они держали совет в Суассоне, чтобы выяснить, что же делать. Там были граф Бодуэн Фландрский и Эно и граф Луи Блуаский и Шартрский, граф Жоффруа Першский, граф Гюг де Сен-Поль и многие другие доблестные люди.

41

Жоффруа, маршал, молвил им слово и рассказал о предложении, которое они сделали герцогу Бургундскому и графу Бар-Ле-Дюку, и как те им отказали. «Сеньоры, — сказал он, — послушайте: я посоветую вам одну вещь, если вы позволите. Маркиз Бонифаций Монферратский — весьма доблестный муж и один из наиболее чтимых среди тех, кто ныне здравствует. Если вы его попросите приехать сюда, и взять крест, и заступить место графа Шампанского и если вы предоставите ему предводительство над войском, он примет его тотчас».

42

Много говорено было слов, судили и рядили так и сяк, но конец говоренного был таков, что все, великие и малые, согласились. И были написаны грамоты, и избраны послы; и их отправили просить его. И он прибыл в день, который

они ему назначили, через Шампань и Францию, где ему оказали великие почести, и даже король Франции, кузеном которому он приходился.

43

Так он прибыл на совет, который назначен был в Суассонне, и было там великое скопление графов, баронов и крестоносцев. Когда они узнали, что маркиз прибыл, то выехали ему навстречу и воздали ему великие почести. Наутро состоялся совет в винограднике аббатства госпожи Св. Марии Суассонской. Там они склоняли маркиза принять то, за чем его призвали, и умоляли его, Бога ради, взять крест, и согласиться предводительствовать войском, и заступить место Тибо Шампанского, и взять его деньги. И все они припали к его стопам, обливаясь слезами. И он также припал к их стопам и сказал, что сделает это весьма охотно.

44

Так маркиз склонился к их просьбе и получил предводительство войском. Тотчас епископ Суассонский и монсеньор Фульк, святой человек, и два белых аббата, которых он привез из своей земли, повели его в церковь Богоматери и прикрепили ему крест на плечо. Так закончился этот совет; и на следующий день маркиз покинул их, чтобы вернуться в свою землю и устроить свои дела; и он сказал, чтобы каждый уладил свои дела и что он снова встретится с ними в Венеции.

45

Оттуда маркиз отправился на капитул в Сито, который собирался в праздник Св. креста в сентябре. Там узрел он великое множество аббатов, баронов и других людей; отправился туда и монсеньор Фульк, чтобы проповедовать крест. Тут взяли крест шампанец Эд де Шанлитт и Гийом, его

брат, Ришар де Дампьер, Эд, его брат, Гюи де Пэм, Эм, его брат, Гюи де Конфлан и многие добрые люди из Бургундии, имена которых здесь не начертаны. Потом крест приняли епископ Отюнский, Гиг, граф де Форэ, Гюг де Берзэ, отец и сын, Гюг де Колиньи, далее в Провансе взяли крест Пьер Бромон и много других людей, чьи имена мы не ведаем.

46

Так бароны и пилигримы приготавливались во всех землях. Увы! Сколь великая беда приключилась с ними следующим Великим постом, накануне отъезда. Тогда граф Жоффруа Першский слег от хвори и составил свое завешание, распорядившись таким образом, чтобы Этьен, его брат, взял его деньги и предводительство над его людьми. Не случись этой перемены, пилигримы не претерпели бы столь сильно, коли этого захотел бы Бог. Так скончался и опочил граф, что было великой утратой; и в самом деле — ведь он был весьма знатным бароном и весьма почитаемым и добрым рыцарем. Великий траур был по всей его земле.

Перевод М. А. Заборова

РОБЕР ДЕ КЛАРИ

ок. 1182 — после 1217 гг.

Жизнь

Робер де Клари происходил из мелкопоместного феодального семейства, которое, по-видимому, лишь незадолго до описываемых в хронике событий приобрело благородный титул.

В 1195 г. появляется имя Жилья де Клари, отца хрониста, с уточнением социального статуса обладателя — рыцарь.

Из документов XII века видно, что Жиль де Клари был вассалом Пьера Амьенского, от которого, надо думать, Клари получили титул и феод.

Его размеры были скромными: по жалованным грамотам более позднего времени, владения семейства де Клари занимали площадь в 6 га 45 акров.

Имя Робера де Клари впервые встречается вместе с именем его отца в грамоте от мая 1202 г., «когда Пьер Амьенский собрался отправиться в Иерусалимское паломничество».

В то время оружие вручалось старшим сыновьям рыцарских семейств в возрасте от 16 до 20 лет, считавшемся возрастом зрелости.

Собственность де Клари не могла обеспечить ему сколько-нибудь значительных доходов.

Однако ремеслом, кормившим рыцарей вроде де Клари, являлось военное дело.

Робер де Клари вместе со своим сеньором Пьером Амьенским принимает участие в четвертом крестовом походе.

В 1203 г. на острове Корфу часть знатных крестоносцев отказалась плыть с венецианцами в Константинополь, но затем, после предотвращения распада войска, Клари вместе со своим сеньором отправляется туда и принимает участие в нападении на город в июне 1203 г.

В апреле 1204 г. он принимает участие во втором штурме Константинополя.

Через год после завоевания крестоносцами византийской столицы он, должно быть, участвовал в войне императора Балдуина I против болгарского царя Калояна, обернувшейся для рыцарства разгромом при Адрианополе 14 апреля 1205 г.

В 1205 г. Робер де Клари возвращается на родину; судя по всему, пикардийские рыцари уехали во Францию в числе тех 7 тыс. крестоносцев, о которых упоминает Жоффруа де Виллардуэн.

Сохранились два перечня реликвий, переданных де Клари в дар Корбийскому аббатству (от 1206 и от 1213 гг.).

Свою хронику де Клари заканчивает сообщением о смерти Анри д'Эно, второго государя Латинской империи, основанной западными завоевателями на месте уничтоженной ими Византии.

Дата его кончины, 20 августа 1216 г., говорит о том, что в это время де Клари еще здравствовал.

Дата смерти де Клари неизвестна.

Его брат, клирик Альом, каноник в Амьене, скончался в 1256 г.

Судьба

Записки Робера де Клари — это, пожалуй, первое в латинской хронографии повествование, созданное автором-рыцарем, не получившим солидных по тем временам теологических и литературных познаний.

Первоначально повествование Робера де Клари представляло собой живой рассказ или серию таких рассказов, показателем чего служат неожиданно меняющиеся «декорации» и действующие лица.

Должно быть, запись этих рассказов была произведена не по инициативе автора, а по настоянию слушателей.

Надо полагать, что Робер де Клари охотно откликнулся на такие советы и уговоры: так он мог снова окунуться в «героическую» атмосферу рыцарской авантюры и поведать об обидах, нанесенных крестоносной знатью рядовым рыцарям, излить душу.

Робер де Клари не собирается рисовать исчерпывающую картину крестового похода, он хочет поведать только то, что видел собственными глазами.

Робер де Клари благодаря своей субъективной честности сумел быть и критичным по отношению к сильным мира сего. В этом смысле концепция его хроники кардинально отличается от содержания всех остальных, созданных на Западе в XIII веке «историй» похода, авторы которых писали свои сочинения, чтобы обелить вождей крестоносного предприятия, окончившегося завоеванием христианской Византии, и старались представить папу Иннокентия непричастным к «уклонению» крестоносцев с пути и даже противником нападения на Константинополь.

Творчество

Робер де Клари спонтанно был «прародителем» концепции, которая обозначается в современной историографии как «теория случайностей». Все перипетии крестового похода — это не результат осуществления Промысла Божьего

и человеческих предначертаний, а в основном только игра случая.

Причинами исторических событий в их взаимосвязи выступают реальные факторы, порожденные запутанной и многообразной жизненной практикой.

Такое «заземленное» преподнесение событий составляет одну из важнейших черт хроник де Клари как памятника исторической мысли средневековья.

Через рассказ Робера де Клари красной нитью проходит еще одна важная идея, раскрывающая направленность «Завоевания Константинополя».

Пикардиец воспевает деяния простых рыцарей. Эта хроника — панегирик рядовому рыцарству.

В «человеческом» плане хроника Робера де Клари близка к исторической правде и не имеет себе равных в латинской хронографии XIII века.

Потом случилось так, что все французы и все венецианцы собрались, чтобы держать между собой совет насчет того, как им действовать, и что предпринять, и кого бы они могли поставить императором, если захватят город; наконец они порешили, что возьмут 10 французов из числа самых достойных в войске и 10 венецианцев, тоже из числа самых достойных, каких только знают; и что решат эти 20, то и будет сделано, причем если императором будет избран кто-либо из французов, то патриархом изберут кого-нибудь из венецианцев. И было решено, что тот, кто станет императором, получит в свое личное владение четвертую часть империи и четвертую часть города, а остальные три четверти поделят таким образом, что половину получают венецианцы, а другую — пилигримы и все будут держать свои земли от императора. Когда они все это решили, то заставили всех ратников войска поклясться на святых мошах, что всю добычу в золоте ли, в серебре ли или в новых тканях стоимостью в пять су и больше они снесут в лагерь для справедливого дележа, кроме утвари и продовольствия, и что не учинят насилия ни одной женщине и не будут срывать с нее платье, в которое она одета, а тот, кого застанут совершаю-

шим насилие, будет предан смерти. И их заставили также поклясться на святых мощах, что они не поднимут руку ни на монаха, ни на монашенку, ни на священника, разве только вынуждены будут в самозащите, и что они не разрушат ни церкви, ни монастыря.

Потом, когда все это было обговорено, а тогда уже прошло Рождество и дело близилось к Великому посту, и венецианцы и французы снова начали приготовляться и снаряжать свои корабли, причем венецианцы соорудили новые мостки на своих нефах, а французы сделали осадные орудия, которые называли «кошками», «повозками» и «свиньями», чтобы подкапывать и разрушать стены; и венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и, плотно их пригнав, покрыли настилом свои корабли, а потом взяли виноградные лозы и прикрыли ими доски, с тем чтобы камнеметы не могли повредить кораблям и разнести их в щепы. И греки сильно укрепили свой город изнутри, а деревянные башни, которые были над каменными башнями, они еще прикрыли снаружи добрыми кожами, и не было такой деревянной башни, которая была бы ниже, чем в семь, или в шесть, или по меньшей мере в пять ярусов.

А потом, дело было в пятницу, примерно за 10 дней до вербного воскресенья, когда пилигримы и венецианцы закончили снаряжать свои корабли и изготовлять свои осадные орудия и приготовились идти на приступ. И тогда они построили свои корабли борт к борту, и французы перегрузили свои боевые орудия на баржи и на галеры, и они двинулись по направлению к городу, и флот растянулся по фронту едва ли не на целое лье; и все пилигримы и венецианцы были превосходно вооружены. А в самом городе был холм, в той местности, со стороны которой должны были идти на приступ, так что с этого холма можно было отлично видеть поверх стен корабли, столь он был высок; Морчофль, предатель, император, и вместе с ним кое-кто из его людей пришли на этот холм; а потом он повелел раскинуть свою алую палатку и трубить в серебряные трубы и бить в барабаны и устроил оглушительный шум, причем пилигримы могли все это ясно видеть, а Морчофль мог хорошо видеть корабли пилигримов.

Когда корабли должны были вот-вот причалить, венеци-

Крестоносцы у стен Константинополя

анцы взяли тогда добрые канаты и подтянули свои корабли как можно ближе к стенам; а потом французы поставили свои орудия, свои «кошки», свои «повозки» и своих «черепах» для осады стен; и венецианцы взобрались на перекидные мостки своих кораблей и яростно пошли на приступ стен; в то же время двинулись на приступ и французы, пустив в ход свои орудия. Когда греки увидели, что французы идут на приступ, они принялись сбрасывать на осадные орудия французов такие огромные каменные глыбы, что и не скажешь; и они начали раздавливать, разносить в куски и превращать в щепы все эти орудия, так что никто не отваживался оставаться ни в них самих, ни под этими орудиями, а с другой стороны венецианцы не могли добраться ни до стен, ни до башен, настолько они были высокими; и в тот день венецианцы и французы ни в чем не смогли достичь успеха — ни завладеть стенами, ни городом. Когда они увидели, что не могут ничего здесь сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад; когда греки увидели, что те отступают, они принялись тогда вовсю орать и вопить, и они взобрались на стены и стали снимать с себя одежду и показывать им свои голые задницы. Когда Морчофль увидел, что пилигримы отступили, он начал трубить в свои трубы и бить в свои барабаны и производить оглушительный, сверх всякой меры, шум, и он созвал своих людей и стал говорить: «Ну вот, поглядите, сеньоры, разве я не достойный император? Никогда у вас не было такого достойного императора! Разве я не хорошо это содеял? Отныне нам нечего опасаться; я всех их повешу и предам позору!»

Когда пилигримы увидели это, они сильно обозлились и опечалились, а потом вернулись на другой берег гавани к своим жилищам. Когда бароны возвратились и сошли с кораблей, то собрались вместе и в сильном смятении сказали, что это за свои грехи они ничего не смогли ни предпринять против города, ни прорваться вперед; и тогда епископы и клирики войска обсудили положение и рассудили, что битва является законной и что они вправе произвести добрый приступ: ведь жители города издревле исповедовали веру, повинуюсь римскому закону, а ныне вышли из повиновения ему и даже говорили, что римская вера ничего не

стоит, и говорили, что все, кто ее исповедует, — псы; и епископы сказали, что они поэтому вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием.

И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье все явились на проповедь: венецианцы и все остальные, так они и сделали. И тогда стали проповедовать в лагере епископы — епископ Суассонский, епископ Труаский, епископ Ханетест, мэтр Жан Фасет и аббат Лооский, и они разъясняли пилигримам, что битва является законной, ибо греки — предатели и убийцы и им чужда верность, ведь они убили своего законного сеньора, и они хуже евреев. И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это враги Господа. И был отдан приказ разыскать и изгнать из лагеря женщин легкого поведения и всех их отослать подальше от лагеря; так и поступили: всех их посадили на корабль и увезли весьма далеко от лагеря.

Потом, когда епископы отговорили свои проповеди и разъяснили пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедались и получили причастие. Когда настало утро понедельника, все пилигримы хорошенько снарядились, надели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостики своих нефов, и свои юиссье, и свои галеры; потом они выстроили их борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ; и флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились, насколько могли, к стенам, то бросили якорь. А когда они встали на якорь, то начали яростно атаковать, стрелять из луков, метать камни и забрасывать на башни греческий огонь; но огонь не мог одолеть башни, потому что они были покрыты кожами. А те, кто находился в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды, по меньшей мере из 60 камнеметов, причем каждый удар попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были

столь велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли. Император же Морчофль был на своем холме, и он приказал трубить в свои серебряные трубы, и бить в свои барабаны, и устроить превеликий шум; и он ободрял своих людей и говорил: «Ступайте туда! Ступайте сюда!» — И он посылал их туда, где видел, что в этом была особенно большая надобность. И во всем флоте имелось не более четырех или пяти нефов, которые могли бы достичь высоты башен — столь были они высоки; и все ярусы деревянных башен, которые были надстроены над каменными, а таких ярусов там имелось пять, или шесть, или семь, были заполнены ратниками, которые защищали башни. И пилигримы атаквали так до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен; его отнесло прямо к ней чудом Божиим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно; а на мостике этого нефа были некий венецианец и два вооруженных рыцаря; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее ногами и руками и, изловчившись как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе, — англы, даны и греки, — увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски. Между тем волны опять отнесли неф, и он опять ударился об эту башню; и в то время, когда корабль снова и снова прибывало к башне, один из двух рыцарей — его имя было Андрэ де Дюрбуаз, поступает не иначе, как ухватывается ногами и руками за эту деревянную башню и ухитряется ползком пробраться в нее. Когда он оказался в ней, те, кто там был, набросились на него с секирами, мечами и стали яростно обрушивать на него удары, но, поелику благодарением божьим он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал Господь, который не хотел ни чтобы его избивали и дальше, ни чтобы он здесь умер. Напротив, он хотел, чтобы город был взят — в наказание за предательство греков и за убийство, которое совершил Морчофль, и за их вероломство, и чтобы все жители были опозорены; и потому рыцарь поднялся на ноги и, как только поднялся на ноги, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены таким страхом, что сбежали на другой ярус, пони-

же. Когда те, кто там находился, увидели, что воины, которые были над ними, пустились бежать вниз, они оставили этот ярус и не отважились долее оставаться там; и в башню взошел затем другой рыцарь, а потом и еще немало ратников. И когда они очутились в башне, они взяли крепкие веревки и прочно привязали неф к башне, и, когда они его привязывали, взошло множество воинов; а когда волны отбрасывали неф назад, эта башня качалась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот опрокинет ее или — во всяком случае, так им мерещилось от страха — что силой оторвет неф от нее. И когда те, кто помешался на других, более низких ярусах, увидели, что башня уже полна французов, то их обуял такой великий страх, что никто не осмелился долее оставаться там, и они все покинули башню. А Морчофль все это хорошо видел, и он подбадривал своих ратников и направлял их туда, где, как он видел, приступ ведется сильнее всего. А между тем, как только эта башня была взята столь чудесным образом, о другую башню ударился неф сеньора Пьера де Брешэля; и когда он ударился об нее снова, те, кто был на мостике нефа, храбро атаковали эту башню, да так успешно, что чудом Божиим и эта башня тоже была взята.

Когда эти две башни были взяты и захвачены нашими людьми, то они не отваживались двигаться дальше, ибо увидели на стене вокруг себя, и в других башнях, и внизу у стен множество ратников — и это было подлинное чудо, сколько их там было. Когда мессир Пьер Амьенский увидел, что те, кто был в башнях, не трогаются с места, и когда увидел, в каком положении находятся греки, он поступил не иначе, как сошел со своими воинами на сушу, заняв клочок твердой земли, что был между морем и стеной. Когда они сошли, то поглядели вперед и увидели замаскированный вход: створки прежних ворот были вырваны, а сам вход снова замурован; тогда Пьер Амьенский подступил туда, имея при себе всего с десяток рыцарей и всего около 60 оруженосцев. Там были также клирик по имени Альом де Клари, который выказывал великую отвагу всегда, когда в том являлась нужда; он был первым во всех стычках, где участвовал; а при взятии Галатской башни этот клирик, то и дело рискуя собственной жизнью, совершил подвигов

больше, чем кто-либо иной, кроме сеньора Пьера де Брешэля. А уж этот превзошел всех других — и знатных, и низкородных, и не было там никого, кто совершил бы столько ратных подвигов и выказал бы столько доблести, рискуя собственной жизнью, как это сделал Пьер де Брешэль. Когда они подступили к этому замаскированному входу, то стали наносить сильные удары копьями, а с высоты стен глыбы падали на них так часто и столько их бросали оттуда, что казалось, они вот-вот будут погребены под камнями; а те, кто находился наверху, имели щиты и таржи, которыми они прикрывали тех, кто пробивал замаскированный вход. И со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни, так что это было чудом Божиим, что всех их не раздавило; и мессир Пьер и его воины не щадили там своих сил, предпринимая эти ратные труды и старания, и они продолжали так крушить этот замаскированный вход секирами и добрыми мечами, дрекольем, железными ломami и копьями, что сделали там большой пролом. И когда вход был пробит, они заглянули и увидели столько людей — и знатных, и низкородных, — что казалось, там было полмира; и они не отваживались туда войти.

Когда Альом, клирик, увидел, что никто не осмеливается туда войти, он вышел вперед и сказал, что войдет туда. Ну а там был некий рыцарь, его брат по имени Робер де Кларри, который запретил ему это делать и который сказал, что он не сумеет туда войти, а клирик сказал, что сделает это; и вот он пополз туда, цепляясь ногами и руками; и когда его брат увидел это, то схватил его за ногу и начал тянуть к себе, но клирику все же удалось туда войти наперекор своему брату. Когда он уже был внутри, то греки, а их там было превеликое множество, ринулись к нему, а те, кто стоял на стенах, встречали его, сбрасывая огромные камни. Когда клирик увидел это, он выхватил свой нож, кинулся на них и заставил обратиться в бегство, гоня перед собой, как скот. И тогда он крикнул тем, кто был снаружи, — сеньору Пьеррону и его людям: «Сеньоры, идите смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве и бегут». Когда мессир Пьер и его люди, которые были снаружи, услышали это, они вступили в пролом, а их было не более де-

сятка рыцарей, но с ними было еще около 60 оруженосцев, и все были пешими. И когда они проникли внутрь и те, которые были на стене или вблизи этого места, увидели их, они были охвачены таким страхом, что не отважились оставаться в этом месте и покинули большую часть стены, а потом побежали кто куда. А император Морчофль, предатель, стоял очень близко оттуда, на расстоянии не более того, чем пролетел бы брошенный камень, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроил весьма сильный шум.

Когда он увидел монсеньора Пьеррона и его людей, увидел, что они, будучи пешими, уже проникли в город, то пришпорил своего коня и притворился, что мчится на них, но проскакал-то с полпути, устроив лишь видимость столь великого зрелища. Когда мессир Пьер увидел, что он приближается, то начал ободрять своих людей, говоря: «Ну, сеньоры, теперь вам настает время действовать храбро! Сейчас у нас будет бой; сюда приближается император. Смотрите, чтобы никто не посмел отступить, а помышляйте только о том, чтобы выказать отвагу!»

Когда Морчофль, предатель, увидел, что они совсем не собираются бежать, он остановился, а потом возвратился к своим палаткам. Когда мессир Пьер увидел, что император повернул назад, он выслал отряд своих оруженосцев к воротам, которые были поблизости, и приказал разнести их в куски и открыть. И они пошли, и вот они начали наносить удары по этим воротам секирами и мечами до тех пор, пока не разбили большие железные задвижки и засовы, которые были очень прочными, и не отперли ворота. И когда ворота были отперты, а те, кто находился по сю сторону, увидели это, они подогнали свои юиссье, вывели из них коней, а потом вскочили на них и через эти ворота с ходу въехали в город. И когда все французы уже были внутри, все на конях, и когда император Морчофль, предатель, увидел их, его охватил такой страх, что он оставил там свои палатки и свои сокровища и пустился наутек в город, который был очень велик и в длину и в ширину: там говорили, что обойти стены города — это все равно что пройти добрых девять лье; а длина стен, которые опоясывали город, столь велика, что внутри он имеет два французских лье в

длину и два — в ширину; и тогда сеньор Пьер де Брешэль завладел палатками Морчофля, и его сундуками, и его сокровищами, которые он там оставил. Когда те, кто защищал башни и стены, увидели, что французы вошли в город и что их император бежал, они не отважились остаться там, а побежали кто куда; вот таким-то образом город был взят. Когда город был таким образом взят и французы вошли в него, они вели там себя совершенно мирно и спокойно. Потом знатные бароны собрались и держали совет между собой, что им делать дальше; наконец по войску прокричали, чтобы никто не вздумал продвигаться в глубь города, потому что это опасно — как бы в них не стали бросать камни с дворцов, которые были очень велики и высоки, и как бы их не стали убивать на улицах, которые были столь узки, что они не смогли бы там как следует защищаться, или как бы их не отрезали огнем и не спалили бы. И из-за угрозы всех этих бед и опасностей они не отважились углубиться в город и разбрестись по нему, а преспокойно оставались прямо там, где были; и бароны договорились на этом совете о том, что, если греки, у которых было еще в сто раз больше людей, способных носить оружие, чем у французов, захотят сражаться на следующий день, тогда пусть поутру на следующий день крестоносцы вооружатся, выстроят свои боевые отряды и пусть ожидают греков на площади, которая была перед ними в городе; а если греки не захотят ни сражаться, ни сдать город, то надо будет узнать, с какой стороны дует ветер, и подкинуть огонь с наветренной стороны и поджечь греков; тогда-то уже они одолеют их силою. С этим советом согласились все бароны. Когда наступил вечер, пилигримы скинули кольчуги, и дали себе отдых, и подкрепились, и улеглись на ночь спать там, где были, напротив своих кораблей, с внутренней стороны стен.

Когда дело подошло к полуночи и император Морчофль, предатель, проведаль, что все французы в городе, его охватил весьма сильный страх, и он не рискнул там оставаться долее; и вот в полночь он бежал из города так, что никто ничего об этом не знал. Когда греки увидели, что их император убежал, они разыскали в городе некоего знатного мужа по имени Ласкер и прямо этой же ночью спешно поставили его императором. Когда он был поставлен императо-

Собор Св. Софии в Константинополе

ром, то не отважился там остаться, а еще до восхода сел на галеру, переплыл рукав Св. Георгия и уехал в Никею Великую, а это богатый город; там он остановился и потом стал в нем сеньором и императором.

Когда настало утро следующего дня, священники и клирики в полном облачении явились процессией в лагерь французов, и туда пришли также англы, даны и люди других наций и громкими голосами просили их о милосердии, рассказали им обо всем, что содеяли греки, а потом сказали им, что все греки бежали и в городе никого не осталось, кроме бедного люда. Когда французы все это услышали, они очень обрадовались; а потом по лагерю объявили, чтобы никто не брал себе жилища, прежде чем не установят, как их будут брать. И тогда собрались знатные люди, могущественные люди и держали совет между собою, так что ни меньшей люд, ни бедные рыцари вовсе ничего об этом не знали, и порешили, что они возьмут себе лучшие дома и города, и именно с тех пор они начали предавать меньшей люд, и выказывать свое вероломство, и быть дурными сотоварищами, за что и заплатили потом очень дорого, как мы вам расскажем дальше. И потом они послали захватить все самые лучшие и самые богатые дома в городе, так что они заняли все их, прежде чем бедные рыцари и меньшей люд успели узнать об этом. А когда бедные люди узнали об этом, то двинулись кто куда и взяли то, что смогли взять; и они нашли много жилищ и много заняли их, а много еще осталось, ибо город был очень велик и весьма многолюден. А маркиз велел взять себе дворец Львиную Пасть и монастырь Св. Софии, и дома патриарха; и другие знатные люди, такие, как графы, повелели взять себе самые богатые дворцы и самые богатые аббатства, какие только там можно было сыскать; и после того как город был взят, они не причинили зла ни беднякам, ни богачам. Напротив, те, кто хотел уйти из города, ушли, а кто хотел остаться, остались; а ушли из города самые богатые жители.

А потом приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство, которое было в городе. Туда и было снесено все добро, и они выбрали 10 знатных рыцарей из пилигримов и 10 венецианцев, которых считали честными, и поставили их охранять это добро. Когда добро

было туда принесено, а оно было очень богатым, и столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько золототканых материй, и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое туда было снесено; и никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету. И те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил. Таким-то вот образом начали они расхищать добро, так что ничто не было разделено к общему благу войска или ко благу бедных рыцарей или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро, кроме разве крупного серебра вроде серебряных тазов, которыми знатные горожанки пользовались в своих банях. Остальное же добро, которое оставалось для дележа, было расхищено таким вот худым путем, как я уже вам об этом сказал, но венецианцы так или иначе получили свою половину; а драгоценные камни и великие сокровища, которые оставались, чтобы их разделить, все это ушло бесчестными путями, как мы вам потом еще расскажем.

Перевод М. А. Заборова

ЛОРЕНЦО ВАЛЛА

1407 — 1457 гг.

Жизнь

Родился в Риме в 1407 г. Учился у Ауриспы и Риппучи греческому языку, у Бруги — латыни.

В 1430 г. уезжает по семейным делам в Венецию и Пьяченцу. С 1430 г. занимает кафедру риторики в Павии.

В 1433 г. переезжает в Милан и открывает частную школу.

В 1435 г. поступает на службу к королю Альфонсу Неаполитанскому.

В 1436 г. в качестве королевского секретаря ездил послом во Флоренцию, был в Сицилии и Апулии.

В свите короля присутствует в битве при Понци, вместе с королем был взят в плен и увезен в Милан. Получив свободу, живет в Неаполе.

С 1448 г. находится на службе у пап Николая V и Каликста III, живет в Риме.

Умер 1 августа 1457 г.

Творчество

В Павии в 1430 г. написал знаменитый диалог «О наслаждении как истинном благе», который переиздал в 1433 г. В этом диалоге он выступил в защиту эпикуреизма, отстаивал принципы гуманистической морали, призывал следовать велениям человеческой природы.

В 1440 г. в Неаполе он пишет полемическое исследование «О ложности дара Константина». В своем трактате, опираясь на исторические и философические доводы, он неопровержимо доказал подложность так называемого «Константинова дара». Согласно «Константинову дару» в IV веке римский император Константин I передал папе Сильвестру I верховную власть над западной частью Римской империи, в том числе над Италией.

На основании «Константинова дара» папство обосновало свои притязания на светскую власть. «Константинов дар» оказался подложной грамотой, составленной в папской курии в середине VIII века.

Объявив политическую власть пап тысячелетней узурпацией, обусловившей испорченность церкви, Валла призывал государей Европы лишить пап их территориальных владений.

Только покровительство Альфонса Арагонского спасло Лоренцо Валлу от расправы трибунала инквизиции.

«О ложности дара Константина» впервые опубликовано Ульрихом фон Гуттенем в Германии в 1517 г. после смерти автора. Валла не хотел публиковать его из боязни навлечь на себя гнев папы римского.

В 1442 г. Валла переводит 16 книг «Илиады» и пишет диалог «О монашеском звании», в котором отрицает институт монашества и идеологию аскетизма.

Там же, в Неаполе, он составляет классический трактат по латинской лексикографии и стилистике «Шесть книг о

Альфонс Арагонский — король Неаполя

красотах латинского языка» (1444 г.), выдержавший в XV веке 32 полных и 27 сокращенных изданий.

В 1444 г. Лоренцо Валла пишет для короля «Историю Фердинанда Арагонского», которая послужила яблоком раздора с Беккаделли и Рацио.

В 1448 г. папа Николай V назначил его аббревиатором. В это время он читал лекции у себя дома в Пьяченце и в Сапиенце. До нас дошли его курсы о Саллюстии и отчасти о Квинтилиане.

В Риме, по заказу папы, он издает первые латинские переводы Фукидида (1448 — 1452 гг.) и Геродота (1456 г.), не потерявшие значения до настоящего времени.

К более раннему периоду относятся его переводы басен Эзопа и первой части «Киропедии».

В 1449 г. при помощи кардинала Кузанского он составляет трактат «Примечание к Новому завету», в котором резко критикует множество ошибок в каноническом латинском

Апостол Павел

Вторая половина XV в.

переводе Библии и ставит апостола Павла по красноречию выше Демосфена. (В 1505 г. Эразм Роттердамский нашел этот труд в Париже и опубликовал его.)

В Риме Лоренцо Валла стал священником и получил от Каликста III каноникат в Лютеранской базилике и шесть других церковных пребенд (около 1455 г.). Он произнес несколько проповедей. В проповеди в день св. Фомы Аквинского, в его честь, Валла обрушивался на схоластическую диалектику и ставил богословам в пример апостола Павла и отцов церкви.

Лоренцо Валла — известный итальянский гуманист, филолог, переводчик и историк.

Наука все более удаляется от взгляда на него как на критика-разрушителя и все более положительно оценивает его заслуги в области филологии и теории познания, в литературе и истории.

МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО ДИ БЕРНАРДО

3 мая 1469 — 22 июня 1527 гг.

Жизнь

Никколо Макиавелли родился в обедневшей патрицианской семье в 1469 г. во Флоренции.

Доход семьи по кадастру 1498 г. оценивался в 110 флоринов, что свидетельствует о средней зажиточности.

Никколо родился в трехэтажном каменном доме по два окна на этаже, но по сравнению с дворцами богачей это было весьма скромное жилище. Отец Никколо занимался юридической практикой, мать была образованной женщиной, обладавшей поэтическим талантом.

Семья с трудом перебивалась, но Макиавелли было дано тщательное образование.

Семи лет, 6 мая 1476 г., Никколо поступил в школу магистра Маттео и стал обучаться грамматике.

**Макиавелли
Никколо ди
Бернардо**

В 1477 г. он был отдан в городскую школу, где изучали латинских классиков. С 1480 г. приступил к изучению счета у Пьера Марио. В двенадцать лет, с 1481 г. начал проходить курс латинской стилистики в школе Паголо Рончильоне.

Небольшой достаток семьи не позволил Никколо поступить в университет.

18 июня 1448 г. Макиавелли был утвержден на пост секретаря второй канцелярии Синьории, а 14 июля того же года ему была доверена канцелярия комиссии Десяти и положено жалованье 100 флоринов в год. Современники еще не могли предугадать в Макиавелли мыслителя и политика крупного масштаба, но были осведомлены о его успешном опыте решения некоторых юридических дел в высоких инстанциях, как это было при поездке в Рим за два года до его назначения секретарем Синьории.

Должность секретаря Синьории, а затем государственно-

**Лоренцо
Медичи
Великолепный**

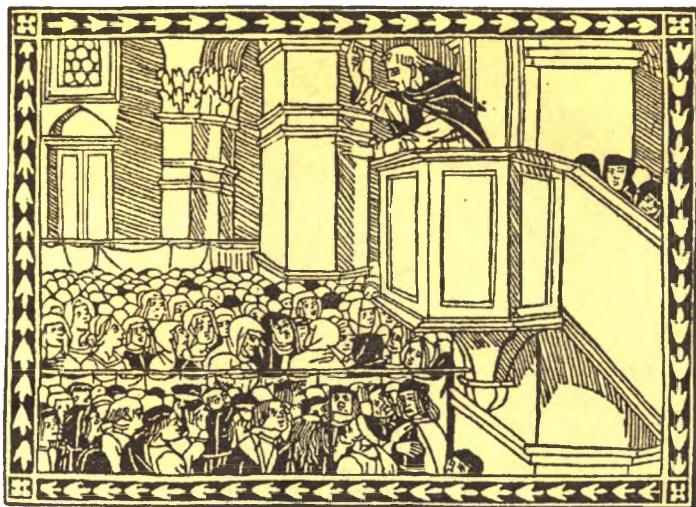

го секретаря республики Макиавелли занимал четырнадцать лет.

В течение этих лет он составил тысячи дипломатических писем, донесений, военных приказов и проектов государственных законов. Совершил тринадцать дипломатических поездок с весьма сложными поручениями к дворам императорскому, папскому и французскому, был организатором и участником военных кампаний, проявил много ловкости, проницательности и знания людей и обстоятельств.

В 1513 г., когда Медичи возвратились во Флоренцию, он был лишен должности, брошен в тюрьму и подвергнут пытке, а затем выслан из Флоренции в свое имение Сант-Андреа, близ Сан-Кашиано.

Эта ссылка была своего рода гражданской казнью для человека, который почти полтора десятилетия находился в центре политической жизни Флоренции. В то же время период ссылки с 1513 по 1520 г. был временем его творчес-

Проповедь Савонаролы

кого подъема, когда во всем блеске разворачиваются выдающиеся способности Макиавелли.

Наконец благодаря хлопотам друзей и интересу, возбужденному книгой «Государь», Макиавелли получает разрешение вернуться во Флоренцию. Но вскоре, вследствие заговора, в котором принимали участие некоторые друзья Никколо, он окончательно устраняется из политики и с тех пор больше не играет политической роли (1522 г.).

В 1525 г. Макиавелли прибыл в Рим и преподнес первые восемь книг «Истории Флоренции» папе Клименту VII, по заказу которого это произведение было написано.

58-летний Макиавелли хочет служить республике и предлагает свою кандидатуру на пост канцлера.

10 мая 1527 г. Большой Совет Флорентийской республики пятьюстами пятьюдесятью пятью голосами против двенадцати отклоняет его кандидатуру.

Вскоре после этого, 21 июня 1527 г., Никколо Макиавелли скончался и был похоронен в церкви Санта Кроче. Там же покоятся Микеланджело, Галилей и другие великие итальянцы.

Некоторые приписывали смерть Макиавелли отравлению.

Казнь Савонаролы во Флоренции

Судьба

Многие исследователи рассматривали отсутствие университетского образования у Макиавелли как фактор, освободивший его от формалистической схоластики университетской науки XV века, позволивший ему создать самобытный и оригинальный стиль.

Выполняя многочисленные и сложные обязанности, Макиавелли не превратился в замкнутого чиновника. Он обладал живым характером, любил хорошо одеться, особенно когда представлял республику перед чужеземными государями. Никколо был полон юмора и веселья и был душой вечеринок, которые иногда устраивали члены комиссии Десяти.

Макиавелли женился в 33 года, а в 34 стал отцом первого ребенка (у него было четыре сына и одна дочь). Он беспокоился о семье и заботился о ее достатке. Макиавелли рано познакомился с теневой стороной политики: он видел повешенных по указу Медичи заговорщиков, наблюдал изгнание Медичи из Флоренции, казнь Савонаролы. Трижды он был свидетелем того, как Флоренция находилась на краю гибели. Затем из наблюдателя он превратился в участника событий: его мысль и энергия была устремлена на сохранение и укрепление Флорентийского государства. Макиавелли приобретает неограниченное доверие гонфалоньера Флоренции Пьеро Содерини, становится его постоянным советником и правой рукой. Будущий автор «Государя» стал «государем» в своей республике и оставался им в течение десяти лет.

В изгнании, вдали от общественной жизни, он издает ряд произведений, обессмертивших его имя.

Выразительность и красота его слога доставили ему славу первого прозаика, Тацита новой Италии. Он первый положил начало науке о политике, которая является у него результатом богатого опыта и тщательного изучения классического мира. Вмешиваться в людские дела с целью действовать на них с помощью точного знания их вкусов, желаний и склонностей, господствовать над людьми благодаря умению отгадывать сокровенные движения человеческой души — вот

страсть, всецело поглощавшая его. Она отразилась и в его произведениях.

Для достижения намеченных целей правительство может смело прибегать ко лжи, обману, вероломству, жестокостям, измене. Религия рассматривается только как орудие. «Наша религия если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и передал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще».

Сикст V, Карл V, Екатерина Медичи и Генрих III не расставались с книгой Макиавелли. Мурад IV и Мустафа IV велели перевести ее на турецкий язык. Имя Макиавелли обратилось в нарицательное для беспринципного политика.

Макиавеллизмом называют политику, отличающуюся полным отсутствием честности и справедливости и преследующую исключительно успех.

Творчество

Наиболее значительные работы Макиавелли: «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия» (1513 г.), «Государь» (1513 г.), «О военном искусстве» (1520 г.), «История Флоренции» (1520 — 1525 гг.).

В своем наиболее известном трактате «Государь» Макиавелли выступил как ярый сторонник неограниченной монархической власти, вплоть до самой гнусной тирании, оправдывающий любые средства для ее укрепления.

В другом своем трактате, «Рассуждение по поводу первых десяти декад Тита Ливия», Макиавелли, напротив, выступает как убежденный республиканец.

В трактате «О военном искусстве» он доказывал необходимость регулярной армии для защиты от внешнего врага.

Наконец, в самой поздней и зрелой исторической работе — «История Флоренции» — Макиавелли продолжал отстаивать республиканский идеал в теории, на основании изучения истории Флоренции, и приходит к пессимистичес-

кому выводу о том, что Флорентийская республика не способна обеспечить единство Италии.

Макиавелли всю историю средневековой Италии рассматривает под углом зрения упущенных возможностей ее объединения.

Он показал закономерный, не зависящий от воли отдельных людей ход политической борьбы во Флоренции, характер ее развития.

Узкопартийный дух возобладал над общегосударственными и гражданскими интересами.

Трактовка политической борьбы как одной из главных движущих сил истории сообщает изложению Макиавелли глубоко реалистический характер.

В развитии исторической мысли Макиавелли сыграл весьма значительную роль.

Крупнейший историк своего времени, он впервые пытался осмыслить внутренние закономерности и выдвинул на первое место в их объяснении политическую, а по сути — социальную борьбу.

Никколо Макиавелли оказал большое и длительное положительное воздействие на развитие западноевропейской историографии более позднего времени.

Граф Франческо находился со своим войском в Тенне. Узнав о захвате Вероны, он сперва не поверил этому, когда же известие с несомненностью подтвердилось, решил быстрыми действиями исправить свое нерадение. И хотя все военачальники его войска советовали отступить к Виченце, чтобы не попасть под удар противника, оставаясь все время на одних и тех же позициях, он решил испытать судьбу и попытаться вновь овладеть Вероной. И в то время как обсуждение вопроса еще продолжалось, он повернулся к венецианским уполномоченным и к Бернардетто Медичи, состоявшему при нем флорентийскому комиссару, и с уверенностью пообещал им захват города, если хоть одна из крепостей будет держаться до его подхода. Подняв тотчас же свое войско, он с величайшей поспешностью двинулся к Вероне. Завидев его, Никколо сперва подумал, что граф от-

Флоренция XVI в.

ступает к Виченце, как ему советовали, но, когда вражеские части начали подходить к Вероне, держа направление на крепость Сан Феличе, он стал готовиться к обороне. Однако времени на это ему не хватило, ибо валов у крепости еще не насыпали, а солдаты, занятые грабежом и дележом добычи, рассеяны были по всему городу. Он не сумел собрать их настолько быстро, чтобы они успели помешать частям графа подойти к крепости, проникнуть через нее в город и благополучно завладеть им — к стыду Никколо и с большими потерями для его войска. Никколо и маркиз Мантуанский сперва нашли убежище в городской цитадели, а затем по равнине отошли к Мантуе. Оттуда, собрав все, что оставалось от их войска, они присоединились к войскам, осаждавшим Брешию. Так за четыре дня войска герцога сперва овладели Вероной, а затем снова потеряли ее. Когда граф одержал эту победу, зима уже вступила в свои права, наступили холода. Графу с большим трудом удалось снабдить Брешию припасами, и он расположился на зимовку в Вероне и распорядился построить за зимнее время в Торболи несколько галер, чтобы весной с новыми силами и со стороны озера и с суши можно было окончательно освободить Брешию.

Герцог, видя, что военные действия приходится на время прервать; что надежда завладеть Вероной и Брешией потеряна; что причиной всему этому — советы флорентийцев и их деньги; что ни обиды, нанесенные им венецианцами, не заставили их забыть старую дружбу, ни его, герцога, посулы не смогли их соблазнить, решил, что надо дать им отведать горьких плодов того, что они посеяли, а для этого напасть на Тоскану. В этом его всемерно поддержали флорентийские изгнанники и Никколо Пиччинино. Последнего побуждала надежда приобрести владения Браччо и изгнать графа из Марки, первые горели стремлением возвратиться на родину, и все вместе убеждали герцога доводами, вполне обоснованными, хотя и продиктованными их личными интересами. Никколо доказывал, что герцог имеет полную возможность послать его в Тоскану и в то же время продолжать осаду Брешии, поскольку озеро в его руках; что его прибрежные крепости достаточно сильны и хорошо снабжены; что у него остается достаточно солдат и воена-

чальников, чтобы оказывать сопротивление графу, если бы тот предпринял какие-либо новые действия, что было бы неразумно без предварительного освобождения Бреши, а освободить ее невозможно. Так что герцог имеет полную возможность начать действовать в Тоскане, не оставляя на произвол судьбы и Ломбардию. Он добавлял также, что едва он появится в Тоскане, как флорентийцы вынуждены будут либо снова призвать графа, либо погибнуть и что, какое бы решение они ни приняли, победа герцогу обеспечена.

Изгнанники, со своей стороны, убеждали его, что, если Никколо с войском станет приближаться к Флоренции, немислимо, чтобы народ флорентийский, изнывающий под бременем налогов и самоуправством знати, не восстал против них. Они говорили также, что подойти к Флоренции будет нетрудно, что он свободно пройдет через Казентино вследствие дружеских отношений между тамошним графом и мессером Ринальдо. Таким образом, герцог, сам уже задумавший этот план, получил поддержку всех, кто его окружал.

Между тем венецианцы, несмотря на крайнюю суровость зимы, продолжали настаивать на том, чтобы граф со всем своим войском двинулся на помощь Брешии. Граф возражал, что время года этому не благоприятствует, необходимо дожидаться весны, воспользоваться перерывом для того, чтобы усилить флот, а затем, действуя и с озера и с суши, снимать осаду с Бреши. Венецианцы не скрывали своей досады и медлили со снабжением войска, так что в нем стало не хватать людей.

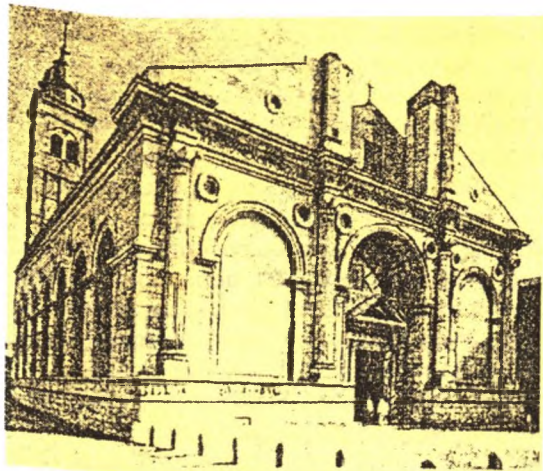
Когда флорентийцы убедились во всех этих трудностях, они испугались, видя, что военные действия угрожают непосредственно им, а в Ломбардии достигнуто весьма небольшое. Не меньшее смущение вызывали в них испытываемые подозрения насчет вооруженных сил Церковного государства, не потому чтобы против них был сам глава церкви, но вследствие того, что эти войска подчинялись не столько папе, сколько патриарху, яростному недругу Флоренции. Это был Джованни Вителлески да Корнето, сперва апостольский нотариус, затем епископ Риканати, затем патриарх Алессандрийский и, наконец, кардинал, или, как его на-

звали, кардинал Флорентийский. Был он человек смелый, с острым умом и настолько ловкий, что сумел завоевать полное расположение папы и получить назначение главы всех вооруженных сил Церковного государства, в какой-то должности он руководил всеми военными действиями, которые папа вел в Тоскане, в Романье, в королевстве Неаполитанском и в Риме. И над папой, и над своим войском он забрал такую власть, что папа уже опасался давать приказы, а войско не соглашалось подчиняться никому другому. Кардинал этот находился со своим войском в Риме, когда распространилось известие, что Никколо намеревается вступить в Тоскану. Страх флорентийцев еще усилился, ибо после изгнания мессера Ринальдо кардинал стал враждебно относиться к Флоренции: он был глубоко возмущен тем, что соглашение между флорентийскими партиями, выработанное при его посредничестве, не было соблюдено и даже обернулось к невыгоде мессера Ринальдо, ибо тот лишь из-за него сложил оружие и тем самым врагам легче оказалось подвергнуть его изгнанию. Главари флорентийского правительства со страху стали подумывать, не наступило ли время снять с мессера Ринальдо приговор к изгнанию, если им придется обороняться от Никколо Пиччинино у себя в Тоскане. Они тем более опасались патриарха, что уход Никколо из Ломбардии казался им в высшей степени несвоевременным: там его ожидала почти верная победа, здесь же все было еще гадательно. Следовательно, рассуждали они, он это делает лишь потому, что уже сговорился с кем-то во Флоренции или расставил какую-нибудь западню. Эти свои подозрения они довели до сведения папы, уже, впрочем, осознавшего, какая ошибка наделять кого-либо слишком большой властью.

Но в то время как флорентийцы пребывали в таком смущении, счастливый случай предоставил им возможность обеспечить себе безопасность со стороны патриарха. Республика имела всюду весьма бдительных соглядатаев, следивших за всеми, кто перевозил письма, чтобы выяснять, не затевается ли где что-нибудь против государства. Случилось, что в Монтепульчано перехватили письма патриарха Никколо Пиччинино, написанные без ведома папы. Магистрат, ведавший военными делами, тотчас же доставил их папе.

Хотя письма эти написаны были не обычными буквами, а содержание оказалось таким неясным, что из него нельзя было сделать определенных выводов насчет намерений патриарха, папу тем не менее напугали эти тайные сношения с неприятелем, и он решил принять соответствующие меры, а осуществление их поручил падуанцу Антонио Ридо, кастеллану римского замка. Получив распоряжение, Ридо стал дожидаться подходящего случая. Патриарх решил отправиться в Тоскану и накануне назначенного дня передал кастеллану, чтобы тот дожидался его утром на замковом мосту, так как им необходимо кое о чем переговорить. Антонио сообщил, что тут и предоставляется ожидаемый случай, дал своим людям необходимые указания и стал дожидаться патриарха на мосту, который примыкал к крепости и мог в случае нужды подниматься и опускаться. Когда патриарх прибыл, Ридо сперва задержал его немного под предлогом беседы, а затем подал знак, чтобы мост подняли: таким образом патриарх из главы папских войск превратился в пленника простого кастеллана. Находившиеся при нем сперва запротестовали, но, узнав о повелении папы, умолкли. Кастеллан пытался успокоить патриарха и обнадежить его, но тот ответил, что людей, облеченных большой властью, лишают свободы не для того, чтобы вернуть им ее, а кто по своей вине захвачен, тот не заслуживает освобождения. И действительно, через некоторое время он умер в заключении, а папа назначил главой своих войск Лодовико, патриарха Аквилейского. Хотя до того папа не хотел вмешиваться в войну между герцогом и Лигой, теперь он решил принять в ней участие и пообещал направить в Тоскану для ее защиты четыре тысячи всадников и две тысячи пехотинцев.

Избавившись от этих опасений, флорентийцы остались лицом к лицу со своим страхом перед Никколо и неясностью положения в Ломбардии, которая еще усугублялась неладом между графом и венецианцами. Для того чтобы получше разобраться в этих делах, они послали в Венецию Нери ди Джино Каппони и мессера Джульяно Даванцати, поручив им договориться обо всем, что нужно было для продолжения войны в будущем году. Нери же было особо поручено, как только он узнает точку зрения венецианцев, отправиться к графу, выяснить его мнение и склонить к действиям,

Храм Малатеста

*Леон Баттиста
Альберти. Римини*

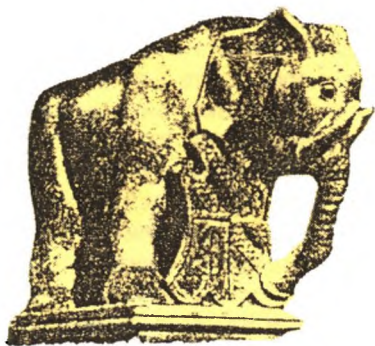
Созвездие Козерога

*Мраморный рельеф XV века.
Капелла Планет*

Ботаника

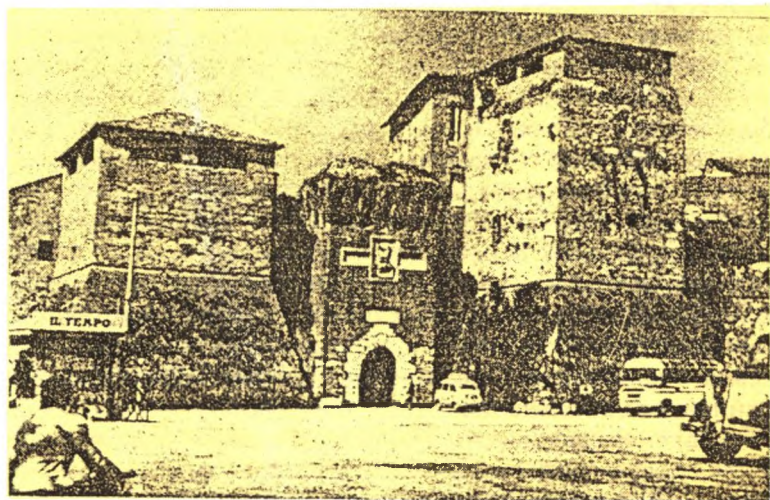
*Мраморный рельеф XV века.
Капелла Свободных искусств*

Деталь саркофага Изотты
дельи Атти

Капелла Детских игр

*Мраморный рельеф
XV века*

Замок Малатесты в Римини

наиболее соответствующим интересам Лиги. Еще не успев доехать до Феррары, посланцы эти узнали, что Никколо перешел По с шестью тысячами всадников. Эта новость заставила их поторопиться. Прибыв в Венецию, они выяснили, что правительство республики настаивает на оказании помощи Брешии еще до наступления весны, ибо город этот не в состоянии дожидаться благоприятного времени года и постройки новой армады. Если ему не помочь немедленно, он вынужден будет сдать неприятелю, а это означало бы полную победу герцога, а для них — потерю всех их владений на суше. Тогда Нери отправился в Верону послушать, что может сказать граф против этого плана. Тот вполне основательно заявил, что поход на Брешию в такое время года бесполезен, а для будущих военных действий просто вреден, ибо, принимая во внимание и это время, и местоположение города, у Брешии ничего добиться не удастся: его войско только зря устанет и придет в расстройство, так что с наступлением весны надо будет возвращаться в Верону за снабжением всем, что было потрачено зимой, и необходимым для летней кампании, и, таким образом, все подходящее для военных действий время пройдет в переходах туда и обратно.

В Вероне при графе Сфорца находились два венецианских представителя — мессер Орзатто Юстиньяни и мессер Джованни Пизани, которым поручено было договориться обо всех этих делах. После долгих препирательств с ними удалось прийти к соглашению, что Венеция в новом году выплатит графу восемьдесят тысяч дукатов, а другим войскам — по сорок дукатов за копье и что граф поторопится с началом военных действий против герцога, дабы для того создалась ошутимая угроза и он вынужден был отозвать Никколо из Ломбардии. Договорившись, оба представителя возвратились в Венецию, но, так как сумма выплаты была весьма значительной, венецианцы действовали во всем с крайней медлительностью.

Тем временем Никколо Пиччинино продолжал свое движение, достиг уже Романьи и сумел так улестить сыновей мессера Пандольфо Малатеста, что они порвали союз с Венецией и перешли на сторону герцога. Это вызвало крайнее неудовольствие в Венеции, но еще большее — во Фло-

ренции, ибо она рассчитывала сопротивляться герцогским войскам с помощью Малатесты. Видя, что Малатесты предали их, они трепетали при мысли, что Пьетро Джампаоло Орсини, командующий войсками и находившийся во владениях Малатесты, может подвергнуться с их стороны нападению и быть обезоружен. Известие это не в меньшей мере смутило графа, опасавшегося, как бы с появлением Никколо в Тоскане он не потерял своих владений в Марке. Решив защищать свое добро, он отправился в Венецию и, будучи принят дожем, стал доказывать ему, что его переход в Тоскану был бы сейчас для Лиги гораздо полезнее, ибо вести военные действия следует там, где находится вражеский капитан со своим войском, а не там, где у него крепости и гарнизоны: если войско разбито — войне конец, а если крепости даже взяты, но войско сохранилось, война только еще больше разгорается. Он заявил также, что, если Никколо не оказать решительного сопротивления, Марка и Тоскана будут утрачены, а это повлечет за собою и потерю Ломбардии, но при всех обстоятельствах, даже если бы в Ломбардии можно было сейчас действовать, он не собирается бросать на произвол судьбы своих подданных и своих друзей, и, наконец, он явился в Ломбардию владетельным князем и не намерен уходить оттуда простым кондотьером. На это дож возразил, что, если он уйдет из Ломбардии и переберется со своим войском на противоположный берег По, это будет означать полную потерю Венецией всех ее владений на суше. Венецианцы приняли решение не тратиться больше на их защиту, ибо пытаться защищать то, что, очевидно, нельзя будет сохранить, — чистейшее безумие: потерять одни лишь владения и не так постыдно и не так болезненно, как потерять и земли и деньги. Если же венецианцы свои владения потеряют, тогда и станет ясно, как важно было для безопасности Тосканы и Романии сохранение Венецией своего положения. Поэтому венецианцы совершенно несогласны с графом и полагают, что тот, кто оказался бы победителем в Ломбардии, одержал бы победу и во всех других местах. А это не так уж трудно, ибо уход Никколо с войском из Ломбардии настолько ослабляет герцога, что ему можно нанести сокрушительный удар до того, как он успеет вновь призвать Никколо или найти какие-

либо иные средства защиты. Если разумно судить обо всех этих делах, то очевидным окажется, что герцог послал Никколо в Тоскану только для того, чтобы граф отказался от военных действий в Ломбардии и перенес их в другое место. Так что если граф без крайней необходимости начнет сейчас искать встречи с Никколо, это будет означать исполнение всех желаний герцога и осуществление всех его планов; если же он останется в Ломбардии, а Тоскана будет защищаться как сумеет, герцог вскоре поймет, как неправильны были его расчеты, и слишком поздно убедится, что потерял Ломбардию, не одержав победы в Тоскане.

После того как мнение каждого и его возражения были выслушаны, пришли к решению выждать несколько дней и посмотреть, что получится из соглашения между Никколо и Малатестами, могут ли флорентийцы рассчитывать на Пьетро Джампаоло и сдержит ли папа свое обещание действовать в союзе с Лигой. Вскоре после того выяснилось, что Малатесты заключили соглашение с Никколо больше из страха, чем из подлинно враждебных побуждений, что Пьетро Джампаоло со своим войском направился в Тоскану и что папа более чем когда-либо полон готовности помогать Лиге. Эти известия придали графу мужества, он согласился остаться в Ломбардии и отпустить с Нери Каппони во Флоренцию тысячу своих всадников и еще пятьсот других. Если же дела Тосканы пойдут так, что присутствие графа окажется необходимым, ему об этом сообщат, и он сможет направиться туда без задержки. Таким образом, Нери со своим войском явился в апреле во Флоренцию, и в тот же день туда подошел Джампаоло.

Пока происходили все эти события Никколо Пиччинини, распорядившись по-своему в Романье, вознамерился спускаться в Тоскану. Наметив себе путь через высокие горы Сан-Бенедетто и долину Монтоне, он убедился, что эти места отлично охраняются Никколо да Пиза, и понял, что тут все его усилия окажутся тщетными. Так как флорентийцы были не подготовлены к такому внезапному нападению и им не доставало войска и военачальников, они отправили на защиту этих горных проходов значительное количество граждан с наспех набранным пехотным ополчением. Среди них был рыцарь мессер Бартоломео Орландини, коему и поручили

чили защиту замка Марради и проходов через горы. Никколо Пиччинино, рассудив, что ему не пройти через перевалы Сан-Бенедетто из-за доблести того, кто их оборонял, решил, что ему легче будет справиться с Марради благодаря трусости того, кто поставлен был там для защиты. Замок Марради находится у подножия гор, отделяющих Тоскану от Романьи, но на склоне, обращенном к последней, у самого входа в долину Валь ди Ламона. Хотя место это не окружено стенами, река, горы и сами жители делают его труднодоступным для неприятеля, ибо жители отличаются таким воинственным характером и верностью, а берега реки так обрывисты и извилисты, что подойти к крепости со стороны долины невозможно, если небольшой мост через реку защищен, а со стороны гор берега так круты, что крепость почти недоступна. Однако трусость мессера Бартоломео свела на нет и мужество жителей, и выгодное расположение замка. Ибо едва он слышал топот вражеского войска, как, бросив все на произвол судьбы, обратился со всеми своими людьми в бегство и остановился только в Борго-Сан-Лоренцо. Никколо вступил в эту оставленную крепость, немало дивясь тому, что ее не защищали, и радуясь легкой добыче, затем спустился в Муджелло, где занял несколько замков, и остановился в Монтепульчано, откуда делал набег на всю округу вплоть до Фьезоланских гор и в дерзости своей дошел до того, что перешел Арно, грабя и громя все, что встречал на своем пути, на расстоянии каких-нибудь трех миль от Флоренции.

Между тем флорентийцы отнюдь не теряли мужества. Прежде всего они позаботились об упрочении своего правительства, которое, впрочем, было достаточно сильным вследствие любви народа к Козимо, а также вследствие того, что все главные государственные должности заняты были могущественными людьми, чья непреклонность сдерживала всех недовольных или склонных к переменам. Благодаря заключенному в Ломбардии соглашению они знали, с какой подмогой возвращается Нери, и дожидались также папских войск. Надежды эти поддерживали их до прихода Нери, который, видя, что город находится все же в смятении и страхе, решил действовать в окружающей его местности, чтобы не давать Никколо беспрепятственно разо-

рять ее. Он набрал среди граждан пехотное ополчение, соединил его с имевшимися в его распоряжении конными отрядами, вышел из города и отбил Ремоле, занятый было неприятелем. Там он стал лагерем и не давал Никколо делать набег на округу, возбуждая тем самым в согражданах надежду на скорое избавление от врага. Никколо, видя, что флорентийцы, не имея достаточно войск, не начинают никаких решительных действий и в городе царит полнейшее спокойствие, почувствовал, что только даром теряет драгоценное время. Он решил предпринять другие действия, которые заставили бы флорентийцев выслать против него войска и дали бы ему возможность завязать сражение, победа в котором, как он рассчитывал, облегчит ему все остальное.

В войске Никколо находился Франческо, граф Поппи, который при появлении неприятеля в Муджелло отошел от Флоренции, хотя до этого был с нею в союзе. Флорентийцы с самого начала сомневались в его искренности, но в надежде удержать его всякими благами увеличили ему жалованье и вдобавок назначили его комиссаром республики во всех своих владениях, пограничных с его землями. Тем не менее партийные страсти до того властны над людьми, что никакие благодеяния и никакой страх не вытеснили из его сердца привязанности к мессеру Ринальдо и всем прежним правителям Флоренции. Поэтому, узнав о приближении Никколо, он присоединился к нему и всячески убеждал его уйти из-под стен Флоренции в Казентино, доказывая, какое это выгодное местоположение и как легко ему будет, находясь в полной безопасности, держать противника в страхе. Никколо послушался этого совета, перешел в Казентино, занял Ромену и Биббьену и расположился лагерем у Капель-Сан-Никколо.

Крепость эта находится у подножия гор, отделяющих Казентино от Валь д'Арно. Расположенная на возвышенности, она имела сильный гарнизон, и взять ее было поэтому нелегко, хотя Никколо непрерывно пускал против нее в ход катапульты и другие метательные машины. Осада продолжалась больше двадцати дней, и за это время флорентийцы успели собрать все свои войска. Они уже сосредоточили в Феггине под началом разных кондотьеров более трех тысяч всадников, и общее командование ими поручили Пьетро

Джампаоло как военачальнику и Нери Каппони и Бернардо Медичи в качестве комиссаров. К ним из Кастель-Сан-Никколо явились посланцы с просьбой о помощи. Комиссары, ознакомившись с местностью, увидели, что помощь эту можно оказать только с гор, окаймляющих Валь д'Арно, но, так как высоты могли быть заняты неприятелями раньше, чем флорентийцами, которым до них было дальше и которые не могли скрыть своего движения, дело это являлось крайне сомнительным и могло привести к гибели всего войска. Поэтому они ограничились тем, что похвалили верность осажденных и разрешили им сдать, когда дальнейшая оборона станет невозможной. Итак, Никколо взял этот замок после тридцати двух дней осады, но он потерял так много времени ради столь незначительного успеха, что это оказало немалое влияние на неудачу всего начатого им предприятия. Ибо если бы он оставался в окрестностях Флоренции, правители ее вынуждены были бы с большей осмотрительностью назначать новые налоги. Им было бы куда труднее собрать войска и упорядочить их снабжение, если бы неприятель находился поблизости, а не в отдалении. Да и многие граждане, возможно, набрались бы храбрости начать мирные переговоры с Никколо, видя, что война затягивается. Но стремление графа Поппи отомстить жителям Кастель-Сан-Никколо, долгое время враждовавших с ним, заставило его дать этот совет Никколо, который принял его из внимания к графу, что и оказалось гибельным как для того, так и для другого. Редко бывает, чтобы личные страсти не вредили общему делу.

Никколо, продолжая развивать достигнутый успех, завладел Рассиной и Кьюзи. Граф Поппи посоветовал ему в этих местах задержаться, ибо отсюда будет легко занять войсками любую территорию между Кьюзи, Капрезе и Пьеве и явиться полным хозяином в горах, то есть спускаться, когда ему угодно будет, в Казентино, в долины Арно, Кьяны и Тибра и быть всегда готовым к предупреждению любого вражеского маневра. Однако Никколо рассудил, что местность здесь очень уж неприятная, ответил, что лошади его камнями питаться не могут, и направился в Борго-Сан-Сеполькро, где и был дружелюбно принят. Оттуда он попытался заручиться расположением жителей Читта-ди-Кастел-

ло, каковые, будучи верными друзьями флорентийцев, не поддались на его улеживания. В надежде завоевать преданные чувства Перуджи, он отправился туда в сопровождении сорока всадников и, будучи родом из этого города, встретил от сограждан самый теплый прием. Но через несколько дней он стал вызывать подозрения, ибо завел с легатом и некоторыми гражданами интриги, которые, впрочем, ни к чему не привели, так что ему пришлось ограничиться получением от сограждан восьми тысяч дукатов и с тем возвратиться к войску. Затем он начал сговариваться кое с кем в Кортоне с целью оторвать этот город от Флоренции, но все это вскрылось раньше времени, и замыслы его не удались. Одним из виднейших граждан в Кортоне был Бартоломео ди Сензо; как-то вечером он отправился по приказу капитана охранять одни из городских ворот, но по поручению одного приятеля из округи ему передали, чтобы он туда не шел, если хочет остаться в живых. Бартоломео решил разведать, что за этим кроется, и обнаружил затевавшийся с Никколо сговор. Он тотчас же сообщил о нем капитану, тот арестовал главарей и, усилив охрану ворот, стал дожидаться, чтобы Никколо явился, как было условлено с заговорщиками. Тот действительно прибыл в назначенный ночной час, но, убедившись, что все раскрыто, удалился на свои квартиры.

Пока в Тоскане события развивались, таким образом, без существенной выгоды для герцогских войск, в Ломбардии тоже было беспокойно, причем герцог терпел неудачи. Как только установилась благоприятная погода, граф Франческо начал активные военные действия, а так как венецианский флот на озере был к тому времени восстановлен, он решил прежде всего стать хозяином положения на водах и изгнать оттуда герцогские силы, считая, что, если это удастся, все остальное будет уже не так трудно. Итак, он с венецианским флотом напал на корабли герцога, разгромил их, а сухопутные войска его заняли все крепости, где сидели герцогские гарнизоны. Тогда другие войска герцога, обложившие Брешию с суши, узнав об этом поражении, тоже отступили, и после трехлетней осады город этот наконец освободился. После этой победы граф бросился преследовать неприятеля, отступившего к Сончино, укрепленному

замку на реке Ольо, выбил его оттуда и заставил отойти к Кремоне, где герцог повернулся лицом к наступающим и оттуда стал защищать свои владения. Но граф теснил его с каждым днем все сильнее и сильнее, так что герцог начал уже опасаться, как бы ему не потерять если не все, то большую часть своих владений, и тут понял всю пагубность своего решения послать Никколо в Тоскану. Чтобы исправить эту ошибку, он написал Никколо, в каком положении очутился и как обернулись все его начинания, в заключение же предписывал ему оставить Тоскану и как можно скорее возвращаться в Ломбардию.

Между тем флорентийские войска под командованием своих комиссаров соединились с папскими и остановились в Ангиари, укрепленном замке у подножия гор, отделяющих долину Тибра от долины Кьяны, в четырех милях от Борго-Сан-Сеполькро, в местности ровной и весьма удобной для передвижения конных войск и вообще ведения военных операций. Флорентийцы уже знали о победах графа и об отозвании Никколо из Тосканы и поэтому решили, что им удастся выиграть войну, не вынудив шпаги из ножен и не сделав ни единого выстрела. В соответствии с этим они написали комиссарам, чтобы те не начинали никакого сражения: все равно Никколо не сможет долго оставаться в Тоскане. Последнему стало известно об этом приказе, и, видя необходимость ухода из Тосканы, он решился на последнюю попытку поправить дело и испытать военное счастье, тем более что он надеялся застигнуть неприятеля врасплох, совершенно не готовым к сражению. В этом его горячо поддерживали и мессер Ринальдо, и граф Поппи, и все флорентийские изгнанники, понимавшие, что уход Никколо означает для них полнейшее крушение всех надежд, но что в случае, если разыграется сражение, они еще могут одержать победу или хотя бы с честью потерпеть поражение. Приняв это решение, Никколо двинул свои войска с их квартир между Читта-ди-Кастелло и Борго и, дойдя до Борго так, что противник этого совершенно не заметил, на вербовал там еще две тысячи человек, которые, положившись на воинское искусство этого военачальника и его посулы, а также рассчитывая поживиться грабежом, последовали за ним.

Итак, Никколо двинулся на Ангиари в полном боевом по-

рядке и находился уже в двух милях от цели, когда Микелотто Атендоло, заметив вдалеке большое облако пыли, сообразил, что приближаются враги, и поднял тревогу. Во флорентийском лагере поднялся великий переполох, ибо такие войска на лагерной стоянке не соблюдают обычно никакой дисциплины, а тут еще прибавилось полное небрежение: ведь казалось, что неприятель далеко и готовится не к сражению, а к бегству, так что каждый был безоружным и находился не на своем месте, а там, где можно было укрыться от жары — кстати, весьма сильной — или вообще где ему вздумалось. Однако и капитан, и комиссары проявили такую расторопность, что еще до подхода неприятеля все уже были на конях, вполне готовые к отражению его удара. Микелотто, первым завидевший противника, первым и ринулся в атаку, двинувшись со своим отрядом к мосту, пересекающему дорогу недалеко от Ангиари.

Еще до появления врага Пьетро Джампаоло велел зарыть канавы, окаймляющие дорогу между мостом и Ангиари. Теперь Микелотто занял позицию перед мостом; Симончино, папский кондотьер и легат стали на правом фланге, а на левом — флорентийские комиссары и их командующий Пьетро Джампаоло. Пехоту расположили по обе стороны вдоль берега реки. Неприятельским войскам оставался только один путь для того, чтобы войти в соприкосновение с противником, — дорога на мост. Флорентийцы тоже должны были сражаться только в этом месте, а пехоте своей они приказали в случае, если вражеская пехота сойдет с дороги для обхода флангов флорентийской конницы, обстреливать ее из арбалетов, чтобы она не могла наносить боковых ударов по коням, переходящим мост. Микелотто доблестно выдержал натиск первых вражеских отрядов и даже потеснил их, но Асторре и Франческо Пиччинино, подойдя с отборными войсками, так яростно напали на Микелотто, что захватили мост, а его отбросили до самого подъема к городу Ангиари, после чего по ним крепко ударили с обоих флангов и опять оттеснили за мост. Схватка эта продолжалась два часа, и мост все время переходил из рук в руки. Хотя в этом месте силы все время оставались равными, повсюду в других местах Никколо терпел неудачи, ибо всякий раз, когда его войска переходили через мост, они

находили перед собой многочисленного неприятеля, которому нетрудно было маневрировать на ровном поле и быстро получать смену усталым частям. Когда же через мост переходили флорентийцы, Никколо было затруднительно оказывать поддержку своим войскам из-за канав и рытвин, не дававших пользоваться дорогой. Так и получилось, что каждый раз, когда солдаты Никколо переходили через мост, их тотчас же отбрасывали назад свежие силы противника. Наконец флорентийцы прочно захватили мост, и их войска смогли перейти на широкую дорогу. Быстрота их натиска и неудобство местности не дали Никколо времени поддержать своих свежей подмогой, так что те, кто был впереди, перемешались с идущими сзади, возникла сумятица, и все войско вынуждено было обратиться в бегство, и каждый, уже ни о чем, кроме спасения, не помышляя, устремился по направлению к Борго. Флорентийские солдаты набросились на добычу — пленных, оружия и лошадей им досталось огромное количество, ибо с Никколо удалось уйти лишь тысяче всадников. Жители Борго, последовавшие за Никколо ради добычи, из добытчиков сами превратились в добычу: все они попали в плен и подлежали выкупу. Знамена и повозки были взяты властями.

Победа эта оказалась более важной для Тосканы, чем пагубной для герцога, ибо в случае поражения Флоренции он стал бы властителем Тосканы, а теперь потерял только оружие и лошадей, что было легко восстановимо без чрезмерных затрат. Никогда еще никакая другая война на чужой территории не бывала для нападающих менее опасной: при столь полном разгроме, при том, что сражение продолжалось четыре часа, погиб всего один человек, и даже не от раны или какого-либо мощного удара, а от того, что свалился с коня и испустил дух под ногами сражающихся. Люди воевали тогда довольно безопасно: бились они верхом, одетые в прочные доспехи, предохранявшие от смертельного удара. Если они сдавались, то не для того, чтобы спасти свою жизнь — ведь их защищали латы, — а просто потому, что в данном случае сражаться было уже невозможно.

Всем, что происходило во время этого сражения и после него, оно являет пример неудачности такого рода военных столкновений. После разгрома противника и бегства Ник-

коло в Борго комиссары хотели преследовать его и осадить в этом городе, чтобы победа была полной, но ни кондотьеры, ни простые солдаты не захотели повиноваться, заявляя, что им надо позаботиться об охране добычи и о лечении раненых. Примечательнее же всего то, что на следующий день они, не испросив разрешения у комиссаров и у капитана, отправились в Ареццо, оставили там добычу и затем возвратились в Ангиари. Все это столь вопиющим образом противоречило всяким разумным правилам и воинской дисциплине, что любой остаток сколько-нибудь организованного войска вполне заслуженно мог бы отнять у них так незаслуженно одержанную победу. Вдобавок еще, несмотря на то что комиссары требовали, чтобы захваченные вражеские солдаты продолжали содержаться в плену и не могли вновь пополнить ряды неприятельских войск, их, несмотря на это требование, освобождали. Удивительно, что у так плохо организованного войска хватило доблести для победы и что враг оказался настолько трусливым, что дал себя одолеть таким своевольным солдатам.

Пока флорентийские солдаты шли в Ареццо и обратно, у Никколо достало времени отступить с остатками войска из Борго в Романью. Ему сопутствовали и флорентийские изгнанники: отчаявшись вернуться во Флоренцию, они теперь рассеялись по всей Италии и за ее пределами, кто куда мог и хотел. Мессер Ринальдо избрал местожительством Анкону. Потеряв родину на земле, он вознамерился заслужить ее на небесах и отправился ко гробу Господню. По возвращении он, справляя свадьбу одной из своих дочерей и сидя за праздничным столом, внезапно скончался. Тут судьба удружила ему, поразив его в наименее горестный час изгнания. Человек он был поистине достойный и в счастье, и в беде, но еще лучше показал бы себя, если бы по воле судьбы родился не в государстве, раздираемом партийными страстями, ибо многие свойства его натуры в городе, разделенном на враждующие партии, оказались для него пагубны, но они же прославили бы его в государстве, не знавшем внутренних раздоров.

После возвращения флорентийских солдат из Ареццо и ухода Никколо комиссары явились в Борго. Жители этого города хотели войти в состав флорентийского государства,

комиссары же отказались их принять. Пока велись переговоры, папский легат заподозрил, что комиссары желают завладеть городом, принадлежащим Церковному государству. Началась взаимная перебранка, и дошло бы до столкновения между папскими и флорентийскими войсками, если бы спор затянулся. Но все закончилось как желательно было легату, и стороны замирились.

Пока улаживались дела в Борго, пошли разные слухи о дальнейшем движении Никколо Пиччинино. Одни говорили, что он идет на Рим, другие — что на Марку. Легат и части графа Сфорца решили идти к Перудже, чтобы прикрыть Марку или Рим — куда бы ни подался Никколо. С ними отправили Бернардо Медичи, а Нери с флорентийскими войсками был послан на завоевание Казентино. После того как план этот одобрили, Нери осадил Рассину, взял ее и так же решительно овладел Биббьеной, Прато-Веккьо и Роменой, а затем осадил Поппи, окружив его с двух сторон: одна часть его сил расположилась на равнине Чертомондо, а другая — на холме, находящемся в направлении Фрондзоли.

Граф Поппи, видя, что Бог и люди его оставили, заперся в своей крепости — не потому, что рассчитывал на чью-либо помощь, а лишь в надежде на менее суровые условия сдачи. Нери все теснее сжимал кольцо осады и предложил сдаться, причем Поппи было обещано все, чего только он мог пожелать в своем нынешнем положении: свободу ему и его детям и право забрать с собой все свое движимое имущество, город же свой и власть над своими владениями он должен был передать Флоренции. Пока происходила капитуляция, он спустился на мост через Арно, у подножия города, там с глубокой скорбью и горечью сказал Нери: «Если бы я правильной мерой измерил свою долю и вашу силу, то сейчас как друг радовался вам и вашей победе, а не молил бы вас как враг сделать менее тягостным мое поражение. Насколько сейчас судьба к вам милостива и ласкова, настолько ко мне она жестока и сурова. Я имел коней, оружие, подданных, владения, сокровища. Удивительно ли, что мне тягостно с ними расставаться? Но раз вы хотите и можете повелевать всей Тосканой, нам, разумеется, неизбежно повиноваться вам. Если бы я не совершил этой ошибки,

моя удача никому не была бы известна и вам не пришлось бы проявить свое великодушие, ибо если вы не изгоните меня отсюда, то перед всем миром засвидетельствуете свое милосердие. Пусть же оно будет сильнее моей вины, оставьте хотя бы одно это жилище потомку тех, кто предкам вашим оказывал неисчислимы услуги».

На это Нери ответил, что, слишком понадеявшись на тех, кто мало что мог для него сделать, он жестоко провинился перед Флорентийской республикой и при теперешних обстоятельствах крайне необходимо, чтобы он отказался от всех своих владений и, как враг, отдал флорентийцам то, чем он не хотел владеть, как их друг. Поведение его было таким, что нельзя его оставлять в местах, где при любом новом повороте событий он может оказаться опасным для республики, ибо опасность эту он представляет не лично как человек, а как владетельный государь. Но если бы у него оказалась возможность приобрести владения, например, в Германии, это вполне устроило бы Флорентийскую республику, и она оказала бы ему всяческую поддержку в память его предков, на коих он только что сослался. Выслушав Нери, граф с негодованием ответил, что предпочел бы находиться еще дальше от флорентийцев. Так, презрев отныне всякие дружеские слова и не видя другого исхода, он отдал город и всю округу победителям и в сопровождении жены и детей удалился со своим имуществом, оплакивая потерю владений, принадлежавших его роду в течение девяти сот лет.

Когда весть об этих победах распространилась во Флоренции, правительство и народ приняли ее с выражением величайшей радости. Бернадетто Медичи, выяснив, что слухи о движении Никколо на Рим и на Марку ложны, возвратился со своими людьми и присоединился к войскам Нери. Вместе они возвратились во Флоренцию, где им оказаны были величайшие почести, какими может по закону удостоить республика своих победоносных граждан. Они были приняты как триумфаторы Синьорией, капитанами гвельфской партии и всем населением города.

Перевод И. Я. Рыковой

ТОМАС МОР

1478 — 1535 гг.

Жизнь

Томас Мор родился 6 февраля 1478 г. в Лондоне на Милкстрит в семье зажиточных потомственных юристов.

Отец Мора был королевским судьей и даже удостоился дворянского титула. Джон Мор был достаточно состоятельным человеком, чтобы иметь в этом квартале Лондона хороший дом.

Сэр Джон Мор придерживался строгих правил и считал, что сын должен пойти по стопам отца.

Юного Тома ожидала судьба члена корпорации юристов и доходная должность адвоката или судьи.

Начальное образование Томас получил в грамматической школе при госпитале Св. Антония.

По совету архиепископа Кентерберийского, Джона Мортон, высоко оценившего способности юного Томаса, отец

в 1492 г. определил сына в колледж Оксфордского университета.

В 1494 г. по настоянию отца Томас Мор возвращается в Лондон, где изучает юриспруденцию и наконец в 1502 г. становится «полным» адвокатом.

В 1504 г. 26-летний Мор избирается в парламент в качестве члена палаты общин. Там он смело и убедительно выступает перед депутатами против субсидий Генриха VII, а после роспуска парламента, опасаясь репрессий, надолго оставляет политику.

Вплоть до 1509 г. Мор вел жизнь обычного лондонского адвоката. Деловые качества юриста и оратора способствовали росту его популярности в деловых кругах Сити. В январе 1510 г. они избирают его своим депутатом в парламент.

В том же 1510 г. Мор был назначен на ответственную должность помощника шерифа Лондона и занимает ее до 1518 г.

В мае 1515 г. Мор как представитель Сити был включен в состав королевского посольства во Фландрию и блестяще справился со своей миссией в качестве посредника и дипломата.

1514—1518 гг. Т. Мор пишет свои знаменитые произведения: «История Ричарда III» и «Утопия».

Несмотря на свою скептическую точку зрения на попытки воздействовать на политику королей, Томас Мор поступает на королевскую службу и становится советником короля.

В 1518 г. он становится членом королевского совета и докладчиком прошений.

В мае 1521 г. Мор назначается на должность помощника казначея и получает звание рыцаря.

В 1523 г. с одобрения короля избирается спикером Палаты общин.

В 1525 г. Мор получает высокий пост канцлера герцогства Ланкастерского и одновременно продолжает выполнять дипломатические поручения.

В 1529 г. участвует в переговорах о мире между Англией, Францией и Испанией.

25 декабря 1529 г. Мору была вручена большая печать лорд-канцлера Англии.

Томас Мор

Генрих VII

11 мая 1532 г. Генрих VIII отверг власть папы, и после согласия конвокации духовенства на требование короля.

Томас Мор после 15 мая 1532 г. уходит в отставку.

Против Мора начинается процесс по обвинению в государственной измене.

Мор получает вызов после принятия нового «Акта о наследовании», для принесения присяги перед членами специальной комиссии.

На комиссии он отказался от принятия присяги и заявил, что не может принять предложенного текста, не обрекая свою душу на вечную погибель.

После вторичного отказа 17 апреля 1534 г. Мор был заключен в Тауэр, где провел 15 месяцев без суда.

После принятия парламентом «Акта об измене» в ноябре 1534 г. 1 июля 1535 г. состоялся суд над Томасом Мором.

После чтения обвинительного акта канцлер Одли предложил Мору прошение короля, если он «отречется и изменит свое упрямое и своевольное мнение».

Генрих VIII

Несмотря на отсутствие бесспорных улик, суд признал Мора виновным в государственной измене и вынес смертный приговор.

Казнь состоялась через четыре дня после суда.

В последнюю минуту, положив голову на плаху, Томас Мор сказал палачу: «Погоди немного, дай мне убрать бороду, ведь она никогда не совершала никакой измены».

Так 6 июля 1535 г. погиб великий сын Англии — Томас Мор, ставший жертвой тюдоровского абсолютизма.

Судьба

Жизнь Мора в течение первого десятилетия XVI века — это время напряженных духовных исканий и упорного труда. Он остро и болезненно ощущал жестокость и безнравственность мира социальной несправедливости и полное бессилие что-либо изменить: «Всюду скрежет ненависти, всюду бормотание злобы и зависти, всюду люди служат своему чреву — главенствует над мирской жизнью сам дьявол». Духовный кризис едва не привел Мора в монастырскую обитель картезианцев.

Важное значение для формирования мировоззрения Мора имела его встреча с Эразмом Роттердамским, вылившаяся затем в сердечную дружбу.

Стараниями друзей Эразма и Эгидия осенью 1516 г. была опубликована «Утопия» Томаса Мора. По словам Эразма, Мор был рожден для дружбы: «Кто ищет совершенный образец истинной дружбы, не найдет лучшего, чем Мор».

В 1521 г. Мор участвует в создании книги, изданной под именем Генриха VIII, против Лютера в защиту «Семи таинств».

Однако Мор не стал послушником ордена короля в парламенте: он делает все, чтобы противодействовать попыткам королевского произвола.

Канцлер и король желали отделаться от строптивного спикера, но король проявляет вначале неожиданную мягкость.

По словам зятя Мора Уильяма Ропера, король будто бы сказал: «Не в наших намерениях, Мор, делать вам неприят-

Эразм Роттердамский

ное: напротив, мы рады, если можем сделать для вас что-либо хорошее».

Сам Мор не обольщался надеждами на будущее, он понимал, что «оправдание» — лишь отсрочка и король лишь на время отложил свою месть.

О непримиримости Мора к деспотизму свидетельствует диалог между ним и герцогом Норфолкским, который со-

стоялся еще в то время, когда Мор только что сложил с себя полномочия канцлера.

«Опасно воевать с государями, — сказал герцог, — и я хотел бы, чтобы вы уступили желанию короля. Ведь, ей-богу, гнев короля равносителен смерти».

Мор возразил: «И это все, милорд? Но тогда между мною и вами лишь та разница, что я умру сегодня, а вы — завтра».

Помощник лондонского шерифа Эдуард Холл сообщает в своих хрониках: «Я не могу решить — называть ли мне его глупым мудрецом или мудрым глупцом, так как, несомненно, он, помимо своей учености, имел большой ум, но к его уму примешивалось столько издевки и насмешки, что тем, кто его хорошо знал, казалось — его совсем не заботит, что скажут о нем».

Даже подойдя к эшафоту, Мор был верен себе. Он попросил одного из тюремщиков: «Пожалуйста, помоги мне взойти, а сойти вниз я постараюсь как-нибудь и сам».

Трагическая судьба Мора похоронила гуманистические иллюзии и веру в просвещенного монарха, окруженного добрыми советниками.

В 1935 г. Томас Мор был канонизирован церковью как святой.

Творчество

Основными произведениями в творческом наследии Томаса Мора являются эпиграммы, «Утопия» и «История Ричарда III».

В поэзии Мора нашли отражение настроения предреформационной эпохи. Эпиграммы Мора по содержанию очень близки «Похвале глупости» Эразма и обнаруживают общность взглядов друзей на современное духовенство и задачи реформации церкви. В своих эпиграммах Мор бичевал роскошь и стяжательство высшего духовенства.

В «Утопии» Мор пытался нарисовать картину идеального, с его точки зрения, устройства общества и государства. Мор выразил в «Утопии» свое гуманистическое убеждение, что

человек рожден для счастья. Вся книга пронизана радостью любви к людям и ненавистью к угнетению человека.

Эразм в письме Гуттену от 23 июля 1519 г. писал, что свою книгу Мор создал «с намерением показать, по каким причинам приходят в упадок государства; но главным образом он имел в виду Британию, которую глубоко изучил и знал».

Неоконченная «История Ричарда III» — единственное историческое сочинение Мора. При его жизни она никогда не публиковалась, а после смерти, начиная с 1543 г. печаталась в составе английских хроник Хардинга, Холла; причем в первый раз вышла анонимно, поскольку печатать, упоминая имя Мора, осужденного за государственную измену, было небезопасно.

В «Истории Ричарда III» Мор не только осуждает тиранию, но и глубоко осмысливает политическую систему управления в условиях королевского деспотизма, где все средства хороши в борьбе за достижение, упрочение и сохранение единовластия.

Из текста неоконченной истории следует, что замысел автора был гораздо шире, чем удалось его реализовать. Сам же Мор сообщал о намерении продолжить свое повествование и «описать время покойного благородного государя славной памяти короля Генриха VII».

Так как герцог Глостер понимал, что лорды, окружавшие короля, вознамерятся привезти его на коронацию в сопровождении такого толпища своих приверженцев, что едва ли ему удастся достичь своей цели, не собравши множества народа и не начав открытую войну — а в такой войне победа, полагал он, будет сомнительной, да и все предприятие представится и прослывет простым мятежом, поскольку король будет на стороне противников, — то по этой причине он тайным образом постарался разными средствами убедить королеву и внушить ей, будто большая свита для короля вовсе не нужна и даже опасна. Поскольку отныне все лорды возлюбили друг друга и ни о чем не помышляют, кроме как о коронации и о служении королю, то, если сейчас лор-

ды ее рода соберут королевским именем много людей, это внушит лордам, еще недавно с ними враждовавшим, страх и подозрение, что народ этот собран не для охраны короля, которому ни один человек не угрожает, а единственно для того, чтобы их уничтожить, потому что лучше помнятся давние распри, чем недавнее соглашение. По этой причине и они со своей стороны тоже должны будут собирать людей для своей охраны, а королеве небезызвестно, что сил у них много больше. И таким образом все королевство окажется охвачено смутой; а за все то зло, и, должно быть, немалое, которое за этим воспоследует, величайший позор постигнет тех, кого позорить ей вовсе не хочется: все начнут обвинять и ее, и ее родственников, будто они вероломно и по-глупому нарушили дружбу и мир, которые король, ее супруг, так разумно положил, умирая, меж своей и ее роднею и которые противною стороною верно блюлись.

Королева, поддавшись на эти увещания, послала своему сыну и сопровождавшему его брату соответствующее послание; да и сам герцог Глостер и другие лорды его группы писали королю так тщательно, а друзьям королевы так дружелюбно, что те, не подозревая ничего низкого, торопливо, но нерадиво повезли короля в Лондон, сопровождаемого лишь малым отрядом.

И вот едва только в своем пути король отбыл из Нортгемптона, как тотчас туда прибыли герцоги Глостер и Бэкингем. Там еще оставался дядя короля лорд Риверс, намереваясь утром следовать за королем, чтобы догнать его через 11 миль в Стони Стафффорд, раньше чем тот направится далее. Вечером герцоги устроили долгий и дружеский пир с лордом Риверсом. Однако тотчас после того, как они открыто и весьма любезно распрощались и лорд Риверс отправился к себе, герцоги с немногими из наиболее доверенных друзей уединились на совет, который продлился до поздней ночи. А встав на заре, они тайно послали за своими слугами, расположившимися поблизости в гостиницах и на квартирах, с приказом быстро приготовиться, потому что господа уже готовы в путь. Благодаря этому приказу многие их люди оказались наготове, тогда как большинство слуг лорда Риверса еще не собрались. Затем герцоги поставили стражу к ключам от гостиницы, чтобы никто не мог оттуда

выйти без их дозволения; кроме того, на большой дороге к Стони Стаффорд, где остановился король, они расставили своих людей, которые должны были задерживать и возвращать всякого, кто направлялся из Нортгемптона в Стони Стаффорд, пока не последует нового распоряжения. Это делалось якобы потому, что герцоги намеревались показать свое усердие, первыми явившись в этот день к его величеству из Нортгемптона, — так объявили они людям.

Когда лорд Риверс узнал, что ворота заперты, все пути отрезаны и ни ему, ни его людям не позволено выходить, он сразу понял, что такое важное дело не началось бы по пустякам и без его ведома, а сравнив такое поведение герцогов со вчерашним пиром, он был поражен столь удивительной переменой за столь немногие часы. Как бы то ни было, поскольку выйти он не мог, а сидеть взаперти не хотел, дабы не показалось, будто он скрывается, чувствуя тайный страх за какой-либо свой проступок (а он ничего подобного за собой не знал), то он решил, полагаясь на чистую совесть, смело выйти к герцогам и спросить, что все это значит. Но те, едва его увидев, тотчас стали осыпать его попреками, утверждая, будто он собирается отдалить их от короля и потом погубить, но ему это будет не под силу. Когда же он начал пристойным образом оправдываться (а был он человеком, умевшим убедительно говорить), то они не дождалась конца его ответа, а тут же схватили его и заключили под стражу. Сделав так, герцоги тотчас вскочили на коней и направились к Стони Стаффорд.

Здесь они нашли короля и его свиту готовыми сесть на коней и двигаться дальше, а ночлег оставить для них, поскольку дом был мал для двух отрядов. И вот как только герцоги появились перед королем, они тотчас спешили со всею свитой; герцог Бэкингам сказал: «Идите вперед, джентльмены и йомены, займите ваши комнаты!» — а затем герцоги достойным образом подошли к королю и приветствовали его милость почтительнейшим коленопреклонением. Король их принял любезно и радостно, ничего еще не зная и не подозревая. А они тотчас затеяли ссору с лордом Ричардом Греем, одним из сводных братьев короля по матери, утверждая, будто он с лордом-маркизом, своим братом, и лордом Риверсом, своим дядей, замышляли подчи-

нить себе короля и королевство, перессорить дворянство, подавить и искоренить знатнейшие роды в стране. Именно ради этого, говорили они, лорд-маркиз ворвался в лондонский Тауэр и увез оттуда королевскую казну, а моряков выслал в море (между тем они хорошо знали, что все это было сделано на благо и по необходимости, как решил весь лондонский совет, кроме разве что их самих). На эти слова король ответил: «Что сделал мой брат-маркиз в Лондоне, я сказать не могу, но о дяде моем Риверсе и об этом моем брате, присутствующем здесь, я по чистой совести решаюсь утверждать, что они ни в чем подобном не виновны». — «Да, мой сеньор, — сказал герцог Бэкингем, — они отлично умели скрывать свое участие в таких делах от вашей милости!» И тотчас на глазах у короля они взяли под стражу лорда Ричарда и сэра Томаса Вогена, рыцаря, а короля со всеми спутниками доставили назад в Нортгемптон.

В Нортгемптоне они вновь стали совещаться. Они отослали от короля тех, кто был угоден ему, и приставили к нему новых слуг — таких, которые были милее им, чем ему. При виде этого король заплакал, выражая свое несогласие, но все оказалось бесполезным. Во время обеда герцог Глостер послал лорду Риверсу блюдо со своего стола, убеждая его не печалиться, потому что все обойдется благополучно, а тот поблагодарил герцога и просил слугу отнести это блюдо его племяннику лорду Ричарду, ободрив его теми же словами, — он полагал, что племяннику такая поддержка нужней, потому что такие превратности судьбы ему еще внове. Сам же лорд Риверс за свою жизнь к этому привык и переносил это легче. А герцог Глостер, хоть и выказал ему столь любезную учтивость, тем не менее выслал лорда Риверса и лорда Ричарда с сэром Томасом Вогеном на север страны, заточив их по разным местам, а затем доставил всех их в Помфрет, где они и были обезглавлены в тюрьме. Так герцог Глостер принял на себя охрану и распоряжение юным королем; оказывая ему великие почести и смиренное почтение, он сопровождал его дальше и дальше к городу Лондону.

Не прошло и суток, как вести о случившемся дошли до королевы, и вести эти были самые скорбные: король, ее сын, схвачен; брат ее, сын ее и другие друзья арестованы и

отправлены неизвестно куда, а что с ними будет, знает только Бог. Услышав такую весть, королева в великом страхе и горести стала оплакивать гибель сына, несчастье друзей и собственное свое злополучие, проклиная тот день, когда она согласилась распустить королевскую охрану. Как можно быстрее она перешла с младшим сыном и дочерьми из Вестминстерского дворца, где они жили, в святое убежище, расположившись со своею свитою в покоях аббата.

В ту же ночь, вскоре после полуночи, к канцлеру Англии архиепископу Йоркскому в его резиденцию близ Вестминстера пришел от лорд-чемберлена гонец. Он объявил слугам, что принес такое важное известие, что господин его велел не пожалеть даже архиепископского сна. Слуги, не колеблясь, разбудили архиепископа, а тот допустил гонца к своей постели. От него он услышал, что герцоги с его королевской милостью вернулись из Стони Стаффорда в Нортгемптон. «Тем не менее, сэръ, — сказал гонец, — мой господин дает слово вашей светлости, что бояться нечего: он заверяет вас, что все будет хорошо». — «Я же заверяю его, — ответил архиепископ, — что, как бы все хорошо ни стало, никогда оно не будет так хорошо, как было». И потому тотчас, как гонец ушел, архиепископ спешно поднял всех своих слуг и так, окруженный свитою, в полном вооружении, взяв с собою большую государственную печать, еше до рассвета явился к королеве.

Там все было полно страхом, шумом, беготней и суетой: королевское добро доставляли и перетаскивали в убежище. Сундуки, ящики, короба, узлы, тюки — все на спинах людей, ни одного человека без дела: кто грузит, кто носит, кто разгружает, кто возвращается за новой ношей, кто ломает стену, чтобы расчистить прямой путь, кто хлопочет, чтобы помочь на окольном пути; а сама королева одиноко сидит на соломе, покинутая и растерянная. Архиепископ ободрил ее как мог, сделав вид, что все не так уж плохо, как ей кажется, и что послание лорд-чемберлена обнадежило его и избавило от страха. «О, будь он проклят! — воскликнула на это королева. — Он и сам из тех, кто стремится погубить меня и мой род!» — «Государыня, — ответил ей собеседник, — не падайте духом: клянусь вам, если они коронуют кого-то другого вместо вашего сына, который

сейчас у них в руках, то мы завтра же коронуем его брата, который при вас. А вот и большая государственная печать: как мне ее вверил благородный государь, ваш супруг, так я теперь вручаю ее вам для блага и пользы вашего сына». С этими словами он отдал ей большую печать и отправился обратно домой.

Уже занимался день, и из окна архиепископской палаты видна была Темза, полная лодок со слугами герцога Глостера, сторожившими, чтобы ни одна душа не проникла в королевское убежище и чтобы даже мимо никто не смог проплыть бы незамеченным. Великое волнение и ропот были и здесь, и всюду, и особенно в городе: всякий по-своему гадал о событиях; иные лорды, дворяне и джентльмены из преданности королеве или из страха за себя собирались группами там и сям и ходили, сгрудившись, с оружием в руках; а многие поступали так потому, что думали, будто такие действия герцогов направлены не столько против других лордов, сколько против самого короля, чтобы помешать его коронации.

Между тем лорды съехались в Лондон. Накануне их собрания архиепископ Йоркский, страшась, что его обвинят в чрезмерном легкомыслии (как оно и случилось на самом деле) за то, что он без особого на то приказа короля вдруг отдал большую королевскую печать королеве, которой она никогда не доверялась, послал к королеве за печатью и стал опять держать ее, как обычно. А в собрании лордов лорд Гастингс, в чьей верности королю никто не сомневался и не мог сомневаться, сумел всех убедить, что герцог Глостер предан государю верно и твердо и что лорд Риверс и лорд Ричард с остальными рыцарями, выступившие против герцогов Глостера и Бэкингема, взяты под стражу только ради безопасности последних и без всякой угрозы королю; а под стражей они будут не долее, чем пока дело их не будет беспристрастно рассмотрено всеми лордами королевского совета, по усмотрению которого они будут осуждены либо оправданы. Однако же, предостерегал он, о таком деле не следует судить опрометчиво, не выяснив всю истину, не следует обращать личные обиды на общую беду, не следует смущать умы и разжигать злобу и тем самым препятствовать коронации, ради которой направляются сюда герцоги, так

как иначе они сумеют, вероятно, довести раздоры до такой степени, что уже ничего нельзя будет уладить. А если, как можно предвидеть, в такой борьбе дело дойдет и до оружия, то хоть силы сторон и равны, но перевес будет за теми, с кем король.

Подобные доводы лорда Гастингса (отчасти он в них сам верил, отчасти же думал совсем иначе) до некоторой степени успокоили брожение умов, тем более что герцоги Глостер и Бэкингем были уже близко, спеша доставить в Лондон короля, не иначе как с целью его коронования — ни на что другое они не указывали ни словом, ни видом. Зато они старательно раздували молву, что те лорды и рыцари, которые были схвачены, действительно замыслили погубить герцогов Глостера и Бэкингема и других знатнейших особ королевства с той целью, чтобы самим держать в руках короля и распоряжаться им по своему усмотрению. А чтобы это казалось правдоподобным, слуги герцога, сопровождавшие телеги с добром арестованных, по всем дорогам показывали его народу с такими словами: «Вот полные бочки оружия, которое эти изменники тайно везли в обозе, чтобы погубить благороднейших лордов!» (Между тем решительно ничего не было удивительного, что среди этого их добра имелось и оружие, вынесенное или выброшенное, когда громили их дворы.) Умных людей такая выдумка только укрепляла в их сомнениях, так как они хорошо понимали, что для такой цели заговорщики скорее будут носить оружие при себе, чем прятать в бочки; однако большей части простого люда этого было вполне достаточно, и даже слышались крики, чтоб их повесить.

Когда король приблизился к городу, мэр Эдмунд Шей, ювелир, вместе с Уильямом Уайтом и Джоном Мэтью, шерифами, со всеми остальными олдерменами, одетыми в алое, и в сопровождении 500 горожан, одетых в фиолетовое и верхом на конях, встретили его почтительно близ Горнси и оттуда сопровождали его в город, куда они и прибыли 4 мая в первый и последний год его правления. Герцог Глостер у всех на глазах держался по отношению к государю очень почтительно и с видом крайней скромности, так что тяжкое подозрение, лежавшее на нем совсем недавно, вдруг сменилось таким великим доверием, что на сове-

те, вскоре собравшемся, именно он был призван и избран, как наиболее пригодный человек, протектором короля и королевства. Вот как случилось, что по неразумию или по воле судьбы ягненок был отдан под охрану волка. На этом же совете великим упрекам подвергся архиепископ Йоркский, канцлер Англии, за то, что он выдал королеве большую печать; печать у него была отобрана и вручена доктору Расселу, епископу Линкольна, человеку мудрому, доброму, многоопытному и, несомненно, одному из самых ученых людей, которых имела тогда Англия. Различным лордам и рыцарям были назначены различные должности: лорд-чемберлен и некоторые другие сохранили за собой прежние свои посты.

Протектор страстно желал довершить то, что начал, и каждый день казался ему годом, пока это не было достигнуто; но он не отваживался на дальнейшие попытки, так как в руках у него была только половина добычи: он хорошо понимал, что если он низложит одного брата, то все королевство поддержит другого, останется ли он заточен в убежище или его сумеют благополучно вывести на вольную волю. Поэтому вскоре же он заявил в ближайшем собрании совета лордов, что королева поступает гнусно и оскорбительно для королевских советников, стараясь удержать королевского брата в своем убежище, хотя король более всего был бы рад и счастлив видеть брата рядом с собой; а сделала это она только затем, чтобы вызвать недовольство и ропот народа против всех лордов, — разве нельзя доверить королевского брата тем, кто по решению всего дворянства страны назначен охранять самого короля как ближайшие его друзья? «Благополучие же короля, — говорили они, — это не только охрана от врагов или от вредной пищи, это также и отдых, и скромные развлечения, которых ему в его нежном возрасте не может доставить общество пожилых людей, а может доставить лишь дружеское общение с теми, кто не слишком моложе его и не слишком старше, а по знатности достойны быть рядом с его величеством, — с кем же, короче говоря, как не с собственным своим братом? А если кто подумает, что все это мелочи (впрочем, я надеюсь, ни один человек, любящий короля, этого не подумает), то пусть он вспомнит, что порой без малых дел не

вершатся и великие. Поистине великий позор и для его королевского величества, и для всех нас, близких к его милости, слышать, как и в нашей земле, и в других краях (дурная весть далеко бежит!) из уст в уста разносится молва, что королевский брат должен изнывать в убежище! Слыша это, всякий подумает, что без причины такое не делается; и дурная мысль, поселяясь в сердцах людских, уж не скоро их покинет, а какая из этого может вырасти беда — и предугадать трудно. Поэтому, мне думается, для поправления дела неплохо бы послать к королеве человека почтенного и верного, который пользуется ее любовью и доверием, но печется и о благе короля, и о чести его совета.

По всем этим соображениям представляется мне, что нет для этого дела более подходящего человека, чем присутствующий здесь досточтимый наш отец кардинал, лорд-канцлер, который тут может больше всех принести добра, если только будет ему угодно принять на себя эту заботу. Я не сомневаюсь, что он не откажется как по доброте своей, так и ради короля, ради нас и ради блага юного герцога, высокочтимого королевского брата и моего племянника, который мне дороже всех после государя. Этим тотчас укротятся рассеваемые ныне клевета и злословие и устранятся все грозящие от них бедствия — мир и тишина воцарятся в королевстве. Если же, паче чаяния, королева будет упорствовать и непреклонно стоять на своем, так что ни его преданный и мудрый совет ее не поколеблет, ни чьи-либо иные человеческие доводы не убедят, тогда, по моему мнению, мы именем короля выведем герцога из заточения и доставим к государю, находясь при котором неотлучно, будет он окружен такой заботой и таким почетом, что, к нашей чести и ее позору, весь мир поймет, что только злоба, упрямство или глупость вынуждали ее держать его в убежище. Таково мое нынешнее мнение, если только кто-нибудь из ваших светлостей не полагает иначе; благодарение Богу, я не настолько привержен к собственному суждению, чтобы не изменить его по вашим разумнейшим советам».

На такие слова протектора весь совет подтвердил, что его предложение было и добрым, и почтительным перед королем и герцогом, королевским братом, и что если королева подобру на это склонится, то великому ропоту в королев-

стве наступит конец. И архиепископ Йоркский, которого все сочли удобным туда послать, взялся убедить ее и этим выполнить первейший свой долг.

Тем не менее и он, и другие присутствовавшие там священнослужители полагали, что если ничем не удастся убедить королеву освободить герцога по доброй воле, то никоим образом не следует пытаться захватить его ей наперекор, — ибо если будут попораны права святого места, то все люди на это возропшут, а Всевышний Господь прогневаётся. Права эти блюлись много лет. Пожалованы они были по милости королей и пап, подтверждены были многократно, а священным основанием их было то, что более чем за пятьсот лет до того сам святой апостол Петр, явившись ночью в образе духовном и сопутствуемый несметными ангельскими силами, освятил это место, предназначив его Всевышнему (в доказательство чего и доселе в обители св. Петра сохраняют и показывают плащ сего апостола). С тех самых пор и донныне не было еще ни одного столь безбожного короля, чтобы посмел осквернить Божье место, и не было столь святого епископа, чтобы осмелился его освятить. «И потому, — сказал архиепископ Йоркский, — никакому человеку ни для каких земных причин не дозволяет Господь посягать на неприкосновенность и свободу святого убежища, которое сохранило жизнь столь многим добрым людям. Я надеюсь, — продолжал он, — что по милости Божией нам это и не понадобится; но даже если понадобится, мы отнюдь не должны этого делать. Таково мое мнение; я уверен, что королева склонится к доводам разума, и все уладится по-доброму. Если же не случится мне достигнуть цели, то и тогда я сделаю все, что могу, чтобы всем было понятно: не моя нерадивость, но лишь женский страх и материнская тревога были тому причиной». — «Женский страх? Нет, женское упрямство! — возразил герцог Бэкингам. — Я смело и по совести говорю: она отлично знает, что ей нечего бояться ни за сына, ни за себя. Право же, здесь нет ни одного мужчины, который стал бы воевать с женщиной! И если бы Господу угодно было иных мужчин из ее рода сделать женщинами, тогда бы все успокоилось очень скоро. Да и то ведь ее родственников ненавидят не за то, что они ее родственники, а за то, что у них дурные умыслы. Но ес-

ли мы и не любим ни ее, ни ее родню, то из этого совсем не следует, что мы должны ненавидеть благородного брата короля, которому мы и сами все приходимся родственниками. Если она ищет ему чести так же сильно, как нашего бесчестия, если заботится о его благе не меньше, чем о собственной воле, то она так же не захочет отрывать его от короля, как не хочет этого каждый из нас. Если же есть в ней хоть немного рассудительности (а ведь дай ей Бог столько доброй воли, сколько у нее тонкого ума!), то она бы не считала себя умнее некоторых, здесь присутствующих. В верности нашей она не сомневается, зная и вполне понимая, что мы о его беде тревожимся не менее, чем она, но тем не менее отнимем его у нее, если она останется в убежище. Право же, все мы были бы рады оставить обоих при ней, если бы она вышла оттуда и поселилась в таком месте, где не позорно им жить. Если же она откажется освободить герцога и последовать совету тех, чья мудрость ей известна и верность испытана, то легко будет понять, что владеет ею упрямство, а не страх. Но пусть это будет даже страх (можно ли помешать ей бояться собственной тени?) — тогда чем больше она боится выпустить герцога, тем больше мы должны бояться оставить его при ней. Если сейчас она в праздных своих сомнениях боится, как бы его не обидели, то потом она будет бояться, как бы его и оттуда не похитили; ведь она подумает, что если люди решились на такое великое злодеяние (от какого избави нас Бог), то и священное убежище им не помеха. Думается мне, что добрые люди без греха на душе могут с таким страхом считаться меньше, чем они считаются. Ведь если она будет опасаться, что сына у нее отнимут, то разве с нее не станет отправлять его куда-нибудь прочь из королевства. Воистину я не вижу ничего другого; и я не сомневаюсь, что она сейчас так же упорно над этим думает, как мы думаем над тем, чтобы этому помешать. И если ей удастся достигнуть своего (а это ей нетрудно, если мы оставим ее одну), то весь мир о нас скажет: хороши, мол, мудрые королевские советники, что позволили из-под носа у себя увести королевского брата!

Поэтому я со всей решимостью заявляю вам, что наперекор королеве я охотнее бы отнял герцога, чем оставил при ней, пока ее упрямство или праздный страх не умчат его

прочь. И все же ради этого я не стану осквернять убежище. Священные права этого и других подобных мест блюдутся исстари, и я не стану нарушать их; но скажу по совести: если бы они утверждались сегодня, то я не стал бы утверждать их. Пожалуй, я не сказал был «нет», но разве лишь из жалости, потому что, конечно, те люди, которых море или тяжкие долги довели до разорения, должны иметь хоть какое-то место, где бы свободе их не грозила опасность от злобы заимодавцев. И когда идет борьба за корону (как это бывало) и каждая партия обвиняет другую в измене, то хотелось бы, чтобы обе располагали какими-то убежищами. А вот что касается воров, которыми кишат такие места и которые, предавшись своему ремеслу, уже от него не откажутся, то очень жаль, что убежище служит им защитой. И еще того прискорбнее, что спасаются там и убийцы, которых сам Бог повелел брать от алтаря и умершвлять, если убийство было совершено ими предумышленно. А когда убийство непредумышленно, то нет нужды и в убежище, которое Бог установил в Ветхом Завете: кого понудили к такому делу необходимость, самозащита или несчастье, тот получит прощение или в силу закона, или по милости короля. Но давайте посмотрим, как немного в этих убежищах людей, понужденных к тому уважительной необходимостью; и посмотрим, с другой стороны, как обычны там такие люди, которых довело до беды собственное и сознательное распутство. Что это за банды воров, убийц и коварных, мерзостных предателей! А больше всего их в двух местах: одно бок о бок с городом, другое в самых его недрах; и если бы взвесить то благо, которое эти убежища приносят, и то зло, которое от них происходит, то, смею думать, вы и сами сказали бы, что лучше не иметь ни одного убежища, чем иметь целых два. Я сказал бы то же самое, даже если бы они не были так обесчещены, как обесчещены сейчас, обесчещены давно и, боюсь, так и останутся обесчещены, пока люди не решатся собственными руками исправить такой порядок, — словно Бог и святой Петр покровительствуют людским порокам! Распутники бесчинствуют и разоряются, надеясь на убежище в этих местах; богачи бегут туда, захватив добро бедняков; здесь они строят жилье, тратятся на пиры, а заимодавцам предлагают посвистеть под стеной. Замужние же-

ны бегут сюда, прихватив столовое серебро своих супругов, и заявляют, что не хотят жить с мужьями, потому что те их бьют. Воры бегут с награбленным добром, здесь они привольно его проживают, здесь замышляют новые грабежи. отсюда выходят по ночам красть, грабить, обирать и убивать, словно эти места не только охраняют их от расплаты за старые преступления, но дают им право и на новые. А ведь многие из этих зол можно было бы исправить с Божьей помощью и без нарушения священных прав, если бы только умные люди приложили к этому руки.

Ну что ж! Если уж некогда какой-то папа и какой-то король, больше из сострадания, чем из благоразумия, установили права этих мест, а другие люди из-за некоего священного страха не осмеливались их нарушать, то будем терпеть их и мы, и пусть они с Богом остаются как есть, но только до тех пределов, пока это позволяет здравый смысл, и уж никак не настолько, чтобы помешать нам вызволить благородного человека, к его чести и благополучию, из такого убежища, которое ему никак не к лицу и не может быть к лицу. Ведь убежище служит человеку для защиты не просто от большой беды, но еще и от заслуженной беды. А для защиты от незаслуженных обид ни папа, ни король никакому месту не собирались давать никаких особых прав, ибо таких прав ни одно место не лишено. Неужели хоть где-нибудь позволяет закон человеку человека обижать безнаказанно? На противозаконную обиду и король, и закон, и сама природа кладут повсеместный запрет, и в этом всякому человеку всякое место служит убежищем. Только когда человека преследует закон, то приходится ему искать покровительства от особых прав; только на этом основании и по этой причине и возникли убежища. Но наш благородный принц от такой необходимости далек; о его любви к королю свидетельствуют природа и родство, о его невинности перед всем миром свидетельствует нежный его возраст. Стало быть, убежище ему не нужно, убежища для него и быть не может. Человек не приходит в убежище, словно на крещение, по воле крестных родителей, — он должен сам о нем молить, и тогда лишь он его получит. Но если из всех людей право на убежище имеет только тот, кто знает за собою вину, понуждающую его просить об этом, то какое же

право на убежище может иметь маленький мальчик? Даже если бы он был уже достаточно разумен, чтобы просить о нем в случае нужды, то сейчас, осмелюсь сказать, он мог бы только негодовать на тех, кто держит его в этом убежище. Поэтому я буду утверждать без всякого угрызения совести и без всякого нарушения священных прав, что даже с теми, кто по праву укрылся в убежище, обращаться надо попроще. В самом деле, если кто скрылся в убежище с чужим добром, то почему король не может, не посягая на его свободу, отобрать часть этого добра даже и из убежища. Ведь ни король, ни папа не могут дать никакому месту такой привилегии, которая освобождала бы человека, способного платить, от уплаты его долгов».

С такими его словами согласились многие присутствовавшие духовные лица, то ли стараясь угодить говорившему, то ли и вправду так думая: «Действительно, — говорили они, — что по закону Бога и святой церкви имущество человека, находящегося в убежище, должно быть отдано для уплаты его долгов, а ворованное добро возвращено их владельцу; самому же ему довольно и свободы поддерживать свою жизнь трудом собственных рук».

«В самом деле, — сказал герцог, — вы сказали, мне думается, истинную правду. А если замужняя жена захочет уйти в убежище, дабы избавиться от своего мужа, то и тут, я бы полагал, он мог бы законно и не оскорбляя святого Петра взять ее из Петровой церкви силою — в том случае, конечно, если она не сумеет привести никакой другой причины. Если же считать, что ни один человек, желающий остаться в убежище, не может быть оттуда взят, то, должно быть, и ребенок, которому страшно идти в школу, может укрыться в убежище, и учитель не посмеет его тронуть? А ведь наш случай так же прост, но еще менее оправдан: там хоть был детский страх, но все-таки страх, а здесь нет совершенно ничего. Честное слово, я часто слышал о мужчинах из убежища, но никогда не слышал о детях из убежища. Поэтому, заканчивая свою мысль, скажу: кто по проступку своему нуждается в убежище и думает найти в нем защиту, тот пусть укроется в нем; но не может укрываться в убежище человек, не столь разумный, чтобы этого желать, не столь преступный, чтобы это заслужить, и чьей жизни или

свободе не грозит никакое законное преследование. И тот, кто вызволит такого человека из убежища для его же собственного блага, истинно говорю, не нарушит ничем священных прав убежища».

Когда герцог закончил, то все светские лорды, а также многие из духовных лиц, полагая, что никто на свете не замышляет зла против малолетнего ребенка, постановили, что если его не отпустят добровольно, то он должен быть выведен насильно. Однако, во избежание всякого рода слухов, они почли за лучшее, чтобы лорд-кардинал попытался сначала вызволить его с согласия королевы. И поэтому весь совет явился в Звездную палату Вестминстера, и лорд-кардинал, оставив протектора со свитою в Звездной палате, вошел в убежище к королеве. При нем было несколько других лордов: либо из уважения к ее сану, либо для того, чтобы она по присутствию многих поняла, что он говорит не от единственного лица, либо потому, что протектор не считал здесь возможным довериться одному человеку, либо же, быть может, если бы она все-таки решила оставить сына при себе, то кое-кому из свиты было тайно поручено, не считаясь с нею, взять ее сына силой, не дав ей времени отослать его прочь, хотя она, вероятно, услышав, в чем дело, и попыталась бы просить для этого выгодной ей отсрочки.

Когда королева и лорды предстали друг другу, то лорд-кардинал сообщил ей, что, по мнению протектора и всего совета, укрывши королевского брата в таком месте, она этим самым вызывает не только сильнейший ропот и злословие в народе, но также и великую печаль и неудовольствие его королевского величества. Единственной утехой его милости было бы иметь родного брата при себе; а когда он томится здесь, в убежище, то это позор и для них обоих, и для нее самой; как будто брат брату грозит бедою и опасностью!

Далее он сообщил, что совет прислал его просить, чтобы она освободила сына и чтобы из этого места, которое они считают тюрьмой, принц был доставлен на волю к королю, где он будет жить, как подобает его сану. Такой ее поступок будет великим благом для королевства, услугою для совета, выгодой для нее самой, помощью для ее друзей в беде, а сверх того (что, конечно, для нее всего желаннее)

большим удовольствием и почетом не только королю, но также и юному герцогу: ведь для них обоих лучше всего быть вместе, хотя бы ради совместного их отдыха и забав, не говоря о многих более важных причинах. Это могло бы показаться пустяком, однако лорд-протектор и к этому относится серьезно, хорошо понимая, что отроческий их возраст нуждается в развлечениях и играх, а по возрасту и сану никто посторонний не подходит им в товарищи лучше, чем сами они друг для друга.

«Милорд, — ответила королева, — я не смею отрицать: благородному отроку, за которого вы просите, и впрямь было бы всего уместнее жить вместе с королем, его братом; и, сказать по совести, им обоим покамест было бы очень на пользу находиться под материнским присмотром, так как даже старший из них еще в нежном возрасте, а младший и тем более, он дитя, ему нужен хороший уход, недавно он очень ослабел от тяжелой болезни и до сих пор еще не столько выздоровел, сколько чуть-чуть поправился, так что я никому на свете не могу его доверить, а должна ухаживать за ним сама, тем более что и врачи говорят, и мы сами знаем, что повторение болезни вдвойне опасно, так как природа человека, истомленная, потрясенная и ослабленная от первого приступа, уже почти не в силах вынести второй. И хотя, быть может, найдутся и другие, которые сделают для него все, что могут, однако никто не умеет лечить его так, как я, выхаживавшая его так долго, и никто не будет лелеять его нежнее, чем собственная мать, носившая его во чреве».

«Государыня, — сказал кардинал, — ни единый человек не станет отрицать, что ваша милость вашим детям нужней, чем кто бы то ни было; и весь совет будет не только согласен, но даже рад, если вы изъявите желание поселиться в месте, соответствующем их сану. Но если вы решили оставаться здесь, тогда совет полагает, что было бы пристойнее, чтобы герцог Йорк находился вместе с королем на свободе и в почете, к обоюдному их удовольствию, а не ютился, как изгнанник, в убежище, к обоюдному их бесчестью и стыду. Не всегда ведь столь неизбежно для ребенка быть при матери, иногда случается и так, что ему удобнее жить в другом месте. Это хорошо видно из того, что когда ваш

любезный сын, тогда еще принц, а ныне король, для чести и блага страны должен был держать свой двор вдали от вас, в Уэльсе, то ваша милость сами это одобрили».

«Не так уж я это одобрила, — отвечала королева, — да и случай был совсем не такой, так как тот был тогда здоров, этот же сейчас болен. Оттого я так и удивляюсь, почему милорд-протектор так жаждет принять его под свою опеку? Ведь болезнь, постигшая дитя по немилости природы, может навлечь на него самого клевету и подозрение в обмане! И напрасно лорды уверяют, будто для чести моего сына и для них самих такой позор, что он находится здесь, в этом месте; наоборот, дело чести для них именно в том, чтобы он оставался там, где за ним, без сомнения, будет лучший уход. А такой уход за ним будет только здесь, пока я здесь, я же отсюда уходить не собираюсь, чтобы не попасть в беду вслед за другими моими друзьями, — право, лучше бы, с Божьей помощью, им быть в безопасности здесь, при мне, чем мне быть в опасности там, при них».

«Государыня, — заметил другой лорд, — почему вы предполагаете, будто ваши друзья в опасности?»

«Не предполагаю, а знаю, — ответила она, — и не только в опасности, а уже и в тюрьме. Поэтому я и не удивилась бы, если бы те, кто решился бросить их в тюрьму без повода, столь же легко решились бы и казнить их без вины».

Кардинал сделал знак упомянутому лорду, чтобы он больше не задевал этой струны. А королеве он сказал, что с этими лордами из ее почтенной родни, которые пока еще под стражею, несомненно, по рассмотрении дела будет поступлено с полной справедливостью; что же касается ее собственной благородной особы, то ей ни малейшая опасность не угрожает и не может угрожать.

«С какой стати могу я в это поверить? — отвечала королева. — Не с того ли, что я невиновна? Как будто они были виновны! Не с того ли, что их враги ко мне мягче? Да они как раз из-за меня их и ненавидят! Не с того ли, что я близкая родня королю? А разве далеки от него они? Если бы это помогало, это бы их спасло; однако дай Бог, чтобы это их не погубило. Вот почему сама я не намерена уходить отсюда, и сыну моему, благородному отроку, лучше

быть при мне, пока я не увижу, что будет дальше. Поверьте мне: чем больше я смотрю, как некоторые лица, без всяких на то причин, рвутся заполучить его в свои руки, тем больше и больше мне приходится бояться его освобождения».

«Подумайте, государыня, — последовал ответ, — ведь чем больше вы боитесь его освободить, тем больше остальные боятся вам его оставить, чтобы вы в беспричинном вашем страхе не решились отправить его отсюда куда-нибудь еще дальше. А много есть и таких, кто считает, что это место не дает ему никакой защиты, ибо у принца не было ни намерения просить ее, ни вины, чтобы заслужить ее; и поэтому они думают, что могут взять его отсюда, не нарушив священных прав. Если вы решительно откажетесь освободить его сами, я уверен, они его и возьмут — так боится в своей нежной любви к принцу мой господин, а его дядя, чтобы ваша милость при случае не отправила его отсюда прочь».

«Вот как, сэр! — воскликнула королева. — Стало быть, протектор оттого лишь так пылко любит принца, что его тревожит, как бы тот не ускользнул от него! Уж мне ли отправлять отсюда принца прочь, если у меня к тому и возможности нет? И где же мне считать его в безопасности, если он не в безопасности даже здесь, в этом убежище, чьих прав ни разу не нарушал доселе ни один тиран, даже обьянный самим дьяволом? Впрочем, я уповаю, что Господь как прежде, так и ныне властен охранять свое убежище от недругов. Но, оказывается, мой сын не имеет права на убежище и поэтому не должен пользоваться им! Да, недурное придумано толкование; стало быть, святое место может защитить грабителя, а невинного ребенка не может! Говорят, мой сын вне опасности, а значит, убежище ему не нужно. Дай Бог, чтобы стало так! Но неужели же протектор (Господи, покажи нам, что это за протектор!) думает, будто я не понимаю, к чему ведут все его хитрости, шитые белыми нитками? Недостойно-де, чтобы герцог находился здесь: было бы удобнее обоим, чтобы он находился вместе с братом, потому что у короля нет хорошего товарища для игр. Дай Бог им обоим лучшего товарища для игр, чем тот, кто для дальних своих замыслов приискивает такой пустяковый предлог! Будто бы некого найти, чтобы играть с королем,

если только его брат, которому в его болезни и вовсе не до игры, не выйдет для этого из-под защиты своего убежища! Как будто правители в пору детства могут играть лишь с равными! Как будто дети умеют играть лишь с родственниками! Да с родственниками-то они обычно куда больше ссорятся, чем с чужими.

Кто сказал, что ребенок не может требовать убежища? Пусть он послушает, и он сам услышит его мольбу! Но все это смешные пустяки: пусть мальчик не может, пусть мальчик не хочет просить убежища, пусть он даже просится уйти отсюда, — но если я сказала, что он отсюда не выйдет, и если я сама испросила для себя убежище, то всякий, кто против моей воли уведет отсюда моего сына, нарушит этим священные права этих мест. Разве убежище охраняет только меня, а не все мое добро? Или вы не вправе увести у меня лошадь, не вправе увести у меня ребенка? Нет, он также находится под моей охраной: мой ученый совет заверил меня, что, пока он по малолетству не принят на рыцарскую службу, закон велит матери быть над ним опекуном. Поэтому, я полагаю, ни один человек не может взять у меня отсюда моего подопечного, не нарушив этим прав убежища. Но даже если мое право убежища не может охранять сына, а сам он для себя убежища не просит, то все равно: так как закон поручает мне охранять его, то я вправе сама для него потребовать убежища. Разве закон дает опекуна ребенку только для охраны его земли и движимости, а не для заботы и попечения о нем самом, кому должны служить и земли и движимость? Если же нужны примеры, чтобы получить для мальчика право убежища, то мне незачем искать их далеко. Вот в этом самом месте, где мы сейчас стоим и о котором спорим, может ли мой ребенок пользоваться его правом убежища, — в этом самом месте родился когда-то мой другой сын, нынешний король, здесь он лежал в колыбели, здесь он был сохранен для лучшей своей доли, дай Бог, чтоб на долгие годы! Вы ведь знаете, что я не впервые в этом убежище: было время, когда супруг мой был разбит и изгнан из королевства, а я на сносях бежала сюда и здесь родила принца. Это отсюда я вышла приветствовать супруга, вернувшегося с победой, это отсюда я вынесла младенца-сына, чтобы отец впервые принял его в объятия.

И сейчас, когда царствует он, дай Бог ему столько безопасности в его дворце, сколько было в этом убежище в те дни, когда царствовал враг!

Вот почему я намерена держать его здесь. Людской закон предписывает опекуну охранять несовершеннолетнего; закон природы велит матери беречь свое дитя; Божий закон дает священные права убежищу, а оно — моему сыну. Я боюсь отдать его в руки протектора, который уже завладел его братом: ведь если оба погибнут, то он сам станет наследником короны. Откуда этот страх, пусть никто не допытывается; во всяком случае, я боюсь не больше, чем на это дает основание закон, который ведь недаром (как сказали мне ученые люди) запрещает человеку принимать опеку над теми, чья смерть сделает его наследником даже малого клочка земли, не говоря уж о королевстве. Больше я ничего не могу сделать; но кто бы ни был осквернитель этого святого убежища, я молю Бога, чтобы он и сам вскорости почувствовал нужду в убежище, но не смог бы его достичь. А достичь его и быть силой выведенным оттуда — этого я не пожелаю даже моему смертельному врагу».

Лорд-кардинал увидел, что королева чем дальше, тем больше раздражается, что она уже пылает и неистовствует и даже начинает говорить резкие слова против самого протектора; а так как этим обвинениям он не верил и не хотел их слушать, то он сказал ей наконец, что долгие об этом спорить он не намерен: если она согласна доверить герцога ему и другим лордам, здесь присутствующим, то он готов отдать и тело, и душу в залог его безопасности и сана; если же она решительно им откажет, то он тотчас уйдет отсюда со всеми спутниками, и пусть тогда, кто хочет, занимается этим делом. У него нет и не было никакого желания вовлекать ее в такое дело, в котором, как, видимо, ей кажется, всем, кроме нее самой, не хватает то ли ума, то ли честности; ума, если они по своей тупости не понимают намерений протектора, и честности, если они понимают его к принцу зложелательство, а все-таки хотят выдать мальчика в его руки.

Королева после этих слов стояла некоторое время в глубокой задумчивости. Ей показалось, что кардинал вот-вот уйдет, а остальные останутся и что сам протектор ждет

вблизи и наготове; поэтому она и вправду подумала, что не сможет удержать сына при себе и он немедленно будет взят отсюда; а чтобы отослать его еще куда-нибудь, не было уже ни времени, ни условленного места, ни приготовленных помощников — ибо посольство застало ее врасплох, ничто не было заранее устроено, не искали даже, кто вывел бы принца из убежища, которое, полагала она, уже окружено со всех сторон, так что принцу не миновать быть схваченным по пути. Еще она подумала, что страхи ее могут оказаться и напрасными, а действия — бесполезными и ненужными; поэтому если уж суждено ей лишиться его, то лучше будет, решила она, отпустить его самой. А в верности кардинала и других присутствовавших лордов она не сомневалась, полагая, что хоть обмануть их и можно, но подкупить нельзя. Затем она подумала, что они будут бережнее наблюдать за ним и зорче следить за его безопасностью, если она доверит его им собственными руками. И тогда она взяла юного герцога за руку и сказала лордам:

«Милорд-кардинал и вы все, милорды, я не настолько глупа, чтобы не доверять вашему уму, и не настолько подозрительна, чтобы сомневаться в вашей преданности. И я хочу представить вам доказательство моего доверия: ведь если того или другого достоинства в вас не окажется, то мне это будет тяжким горем, королевству — большой бедой, а вам — великим позором. Вот перед вами этот благородный отрок, которого, несомненно, что бы там ни говорили, я могла бы здесь держать в безопасности. Несомненно и то, что там, за этими стенами, есть люди, которым так ненавистна моя кровь, что, окажись ее частица в их собственных жилах, они выпустили бы ее своею рукой. А опыт учит нас, что жажда королевской власти не считается ни с каким родством: брат губит брата, и могут ли племянники полагаться на дядю? Каждый из этих детей — защита другому, пока они находятся порознь, и жизнь одного — залог жизни другого. Уберегите одного, и спасены будут оба; а вместе им быть опаснее всего. Какой разумный купец доверит все свои товары одному кораблю? И вот, несмотря на все это, я сейчас передаю в ваших руки и его, и в его лице — его брата, и я буду просить вас за них перед Богом и людьми. Верность вашу я знаю и мудрость вашу тоже; сил и средств

для его защиты у вас при желании довольно, в поддержке у вас также не будет недостатка. Если вам трудно защищать его в другом месте, то оставьте его здесь; об одном только заклинаю вас, во имя доверия, которое всегда питал к вам его отец, и во имя доверия, которое теперь питаю к вам я сама: вы говорили, что страх мой слишком силен; постарайтесь же, чтобы ваш страх не оказался слишком слаб!» После таких слов она обратилась к сыну: «Прошай, мое милое дитя, и дай Бог тебе заботливый присмотр! Дай мне поцеловать тебя перед уходом, потому что Бог знает, когда придется нам поцеловаться вновь». С этими словами она поцеловала его, осенила его крестом, повернулась к нему спиной, заплакала и пошла прочь, оставив ребенка плачущим так же горько.

Когда лорд-кардинал и сопутствовавшие ему лорды получили таким образом юного герцога, они доставили его в Звездную палату, где протектор взял ребенка на руки, поцеловал его и промолвил так: «Рад приветствовать моего господина всем своим сердцем!» И он выразил этим то, что думал. Тотчас затем они доставили его к королю, его брату, в епископский дворец у собора Св. Павла, а оттуда через весь город с почетом препроводили детей в Тауэр, откуда с этого дня они никогда уже не вышли.

Перевод М. Л. Гаспарова, Е. В. Кузнецова

ВАЗАРИ ДЖОРДЖО

1511 — 1574 гг.

Жизнь

Вазари родился в Ареццо 30 июля 1511 г.

Уже в 12 лет (1523 г.) Вазари начал работать с французским художником Гильомом де Марсилем, который стал первым его учителем и с которым он совместно расписывал стекла церквей в родном городе Ареццо. Там Вазари был замечен кардиналом Картоне, который отвез его во Флоренцию, где Вазари продолжил свое обучение у известных итальянских мастеров — Андреа дель Сарто и Микеланджело. Кардинал Картоне также помог Вазари найти покровителей в лице Александра и Ипполита Медичи, которые вскоре вынуждены были покинуть Флоренцию в результате политического поражения. Лишившись покровителей, Вазари возвращается в Ареццо, где работает на заказ и пишет картины. В это же время Вазари, которому еще не исполнилось 17 лет, вынужден после смерти отца взять на себя обязанности главы семьи: у него было три сестры и два брата.

В 1530 г. Вазари переезжает в Рим, где уже давно жил его покровитель Ипполит Медичи, благодаря которому он получает немало хороших заказов. К этому времени относится и его картина «Венера и Грации».

В 1531 г. Вазари возвращается во Флоренцию, в которой была восстановлена власть герцога Алессандро Медичи. В этот период Вазари помимо живописи делает и первые попытки в области архитектуры.

В 1537 г. погибает Алессандро Медичи, однако на этот раз Вазари не покидает Флоренцию. Он уже приобрел своими картинами широкую популярность, что позволило ему остаться в этом прекрасном городе до конца своей жизни.

В конце 40-х гг. XVI века Вазари приступает к написанию биографий итальянских художников, и в 1550 г. выходит первое издание его «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Однако Вазари про-

Портрет Великолепного

Джорджо Вазари. Уффици

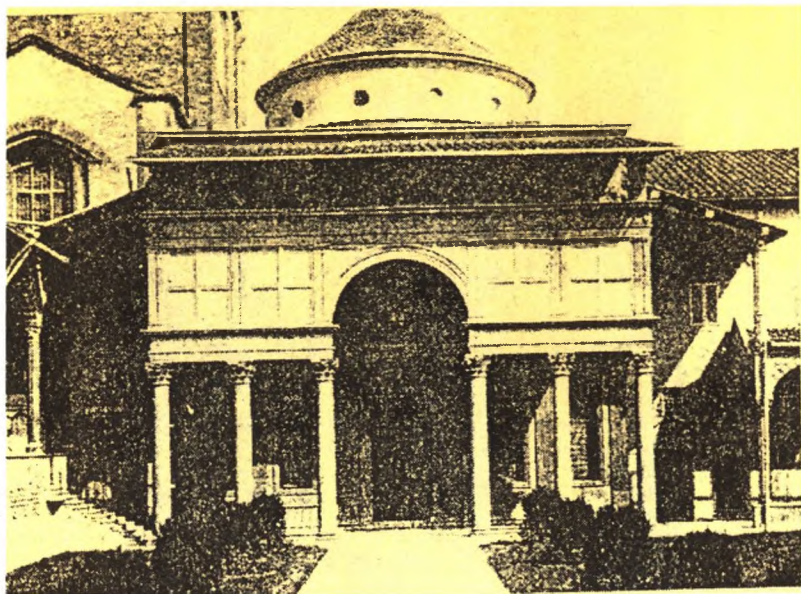
должил собирать материалы о художниках, что позволило ему в 1568 г. опубликовать новое издание своей работы, более расширенное и с привлечением новых имен.

В последующие годы Вазари занимается в основном архитектурой. Венцом его деятельности стал ансамбль Уффици во Флоренции, законченный уже после его смерти.

Умер Вазари во Флоренции 27 июля 1574 г.

Судьба

Идея написания «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» возникла у Джорджо Вазари, как гласит легенда, в 1546 г. на одной из многочисленных ве-

Капелла Пауци

Брунеллески. Санта Кроче

черинков, на которые собирались флорентийские художники и писатели. Она состоялась у покровителя искусств кардинала Алессандро Фарнезе. Разговор об искусстве неожиданно зашел на тему о том, что художники в Италии, по сути, национальные герои, которые своим творчеством объединяют итальянцев, живущих в разных городах-государствах в единый народ и прославляют свою раздробленную родину по всей Европе. Поэтому каждый итальянский художник дорог и близок каждому итальянцу, его одинаково любят и почитают и в родном городе, и в двух соседних городах, находящихся в непримиримой вражде, а творения великих мастеров вызывают чувство национальной гордости. Художник стал одним из любимых героев всей итальянской новеллистики эпохи Возрождения: от грубоватых шутников и балагуров в новеллах Саккетти и Боккаччо до величавой фигуры «божественного» Микеланджело в новеллах XVI в.

Однако итальянские историки обращали свое внимание лишь на служителей церкви и политических деятелей Ита-

**Аллегория
Скульптуры.**

*Деталь
надгробия
Микеланджело.
Валерио Чоли.
Санта Кроче*

**Санта Кроче. Интерьер.
Справа — надгробие
Микеланджело**

лии. Поэтому на этой легендарной вечеринке Паоло Джо-вио, автор жизнеописаний знаменитых людей и собиратель галереи исторических портретов, предложил Вазари составить биографии знаменитых художников. К тому же Вазари, как художник, мог бы справиться с этой задачей лучше и удачнее, чем любой писатель и историк.

И действительно, созданная Вазари работа пережила его на полтысячелетия и продолжает пользоваться широким интересом в наши дни.

Творчество

Для всякого любителя и исследователя итальянского искусства эпохи Возрождения «Жизнеописание» Вазари представляются важным историческим сочинением, которое является не только богатейшей сокровищницей фактического материала, но и полноценным художественным произведением, воссоздающим яркие портреты итальянских художников и живую картину творческой жизни Италии на протяжении двух столетий.

Вазари первым применил стилистический анализ как метод художественной критики и научного исследования. Он попытался проследить на творчестве художников развитие итальянского искусства, отказавшись от простого перечисления дат и достижений художников. Он исследовал стили и «манеры» эпох, школ, мастеров, с тем чтобы вскрыть внутреннюю эволюцию итальянского искусства.

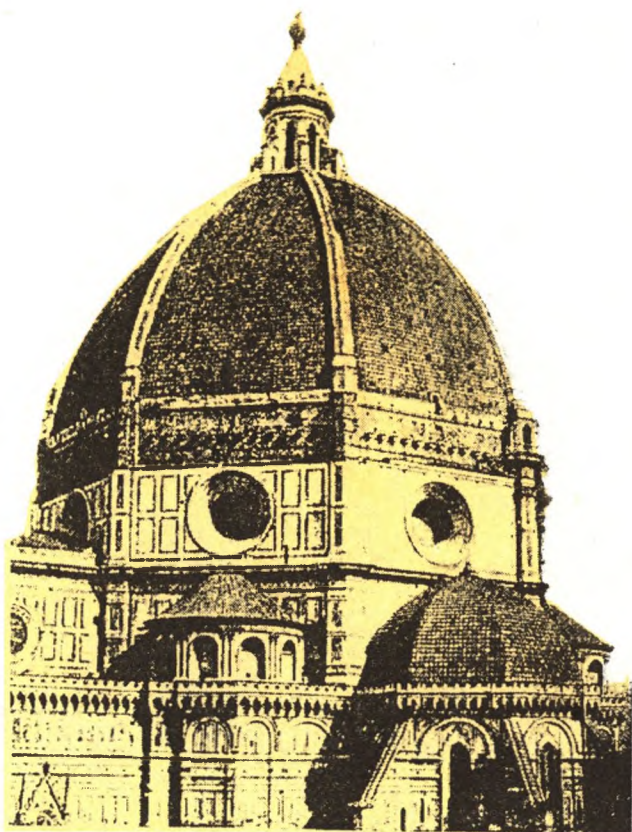
Это позволило Вазари, разобравшись в огромном искусствоведческом материале, создать свою историческую концепцию, имевшую для того времени революционное значение. Он пришел к выводу о том, что история имеет свое определенное развитие, которое заключается в циклической смене эпох: младенчества, расцвета и старости. Первым таким расцветом была античность. Вторым — Возрождение. Термин «возрождение» стал впервые использовать Вазари, чтобы подчеркнуть преемственность итальянского искусства XIV — XVI вв. у античности и возвысить творения итальянских художников этого периода над работами, сделанными ранее для церкви.

Микеланджело

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТОММАЗО, ПРОЗВАННОГО ДЖОТТИНО

Когда между искусствами, ведущими свое начало от рисунка, возникает соревнование и художники состязаются друг с другом, нет сомнения, что настоящие таланты, работающие с

Купол Флорентийского собора

Филиппо Брунеллески

великим усердием, постоянно открывают новые вещи, удовлетворяющие разнообразным человеческим вкусам. Если же говорить теперь о живописи, то иные, предпочитая изображать темные и необычные предметы и на них показывая преодолеваемые ими трудности, именно в тенях и обнаруживают свет своего таланта. Другие, выбирая предметы мягкие и нежные и считая, что они, как более рельефные, должны быть более приятными для зрителя, легко привлекают к себе души

Франциск Ассизский, обретающий стигматы.

Джотто. Париж, Лувр

большинства людей. Наконец, третьи пишут равномерно и, приглушая краски, распределяют по надлежащим местам и свет и тени фигур, заслуживая этим величайшую похвалу и обнаруживая подвижность ума в ходе своих размышлений, как это в нежной своей манере всегда и показывал в своих

работах Томмазо ди Стефано, прозванный Джоттино, который родился в 1324 году.

Научившись у своего отца первоосновам живописи, он решил, будучи еще юношей, усердными занятиями подражать, насколько возможно, манере Джотто в большей степени, чем манере отца своего Стефано; и это ему удалось настолько, что, помимо манеры, гораздо более прекрасной, чем манера его учителя, он приобрел также и прозвище Джоттино, которое так навсегда за ним и осталось; некоторые предполагали даже, свершая, конечно, величайшую ошибку, что он, судя по манере и по имени, был сыном Джотто; но в действительности этого не было, ибо наверняка или, лучше говоря, вероятнее (в таких вещах никто уверенным быть не может), был он сыном Стефано, флорентинского живописца.

Итак, он был в живописи столь усерден и так к ней привязан, что, хотя обнаружены лишь немногие его работы, все же те, которые найдены, отличаются красотой и прекрасной манерой, ибо одежды, волосы, бороды и все остальное, им написанное, выполнено и объединено с такой мягкостью и тщательностью, что видно, какое единство он, несомненно, внес в это искусство, доведя его до значительно большего совершенства, чем это сделали Джотто, его учитель, и Стефано, его отец.

В юности своей Джоттино расписал во Флоренции в Сан Стефано, что у Понте Веккио, капеллу возле боковых дверей, которая хотя ныне сыростью и сильно попорчена, но и в том немногом, что осталось, обнаруживает сноровку и талант художника. Затем на Канто алла Мачине, у братьев-отшельников он написал святых Козьму и Дамиана, которые ныне потемнели от времени и видны плохо. Расписал он также фреской капеллу в старой церкви Санто Спирито, в том же городе, погибшую позднее при пожаре этого храма, а над главными дверями церкви, также фреской, написана история сошествия Святого Духа, и на площади при той же церкви, если идти к Канто алла Кукулиа на углу монастыря, он расписал табернакль, который видим и теперь, с Богородицею и окружающими ее другими святыми, головы и другие части которых сильно приближаются к современной манере, ибо он стремился разнообразить и менять оттенки цвета тела и соблюдать в каждой фигуре изящное и осмыс-

ленное разнообразие колорита и одежды. Работал он также в Санта Кроче, в капелле св. Сильвестра, над историей Константина с великой тщательностью, проявив прекраснейшую наблюдательность в движениях фигур. А затем позади мраморных украшений, сделанных для гробницы мессере Беттино де Барди, человека, обладавшего в те времена почетными воинскими званиями, изобразил самого мессере Беттино с натуры в полном вооружении, выбирающегося на коленях из гробницы при звуке труб, которыми призывают его на судилище два ангела, летящие по воздуху вслед за Христом, весьма хорошо изображенным в облаках. Он же выполнил в Сан Панкратио, при входе в двери по правой руке, Христа, несущего крест, около него несколько святых в явной манере Джотто. А в Сан Галло, в монастыре, находившемся за воротами того же имени и разрушенном во время осады, во дворе было написанное фреской Положение во гроб, копия с которого сохранилась в уже названном Сан Панкратио на столбе возле главной капеллы. Он выполнил фреской в Санта Мариа Новелла в капелле рода Джуоки, посвященной св. Лаврентию, при входе в церковь через правые двери на передней стене — св. Козьму и св. Дамиана, а в Оньисанти — св. Кристофора и св. Георгия, испорченных зловредностью времени и переписанных другими живописцами вследствие невежества настоятеля, мало в этом деле понимавшего. В названной церкви работы Томмазо осталась только арка, что над дверями сакристии, где фреска Богоматери с младенцем на руках — вещь хорошая, ибо выполнена была им тщательно.

Этими работами Джоттино, подражая в рисунках и замыслах, как уже сказано, своему учителю, приобрел столь хорошее имя, что, как говорили, в нем, что касается яркости колорита и уверенности рисунка, обитал дух самого Джотто. В 1343 году, 2 июля, в день, когда народом был изгнан герцог Афинский, после того как он под присягой отрекся и возвратил флорентинцам Синьорию и свободу, по настояниям Двенадцати реформаторов государства и в особенности по просьбе мессера Аньоло Аччайуоли, который тогда был значительнейшим гражданином и от которого многое зависело, он был вынужден написать в насмешку в башне дворца подесты названного герцога с его приближенными, к которым

относились мессер Черитьери Висдомини, мессер Маладиасе, его консерватор, и мессер Раньери из Сан Джиминьяно, всех на позор с «митрами справедливости» на голове. Вокруг головы герцога были изображены многочисленные хищные и другие звери, олицетворявшие его природу и качества, один же из названных его советников, державший в руке дворец городских приоров, подносил его герцогу — предателю и изменнику родины. И под каждым из них были гербы и отличия их семейств и какие-то подписи, которые трудно теперь прочесть, ибо они повреждены временем. В работе этой, за ее рисунок и большую тщательность выполнения, манера художника понравилась всем и каждому.

После этого он написал в Кампоре, местопребывании черных монахов, за городскими воротами Сан Пьетро Гаттолини св. Козьму и св. Дамиана, испорченных при побелке церкви. А на Понте Ромити в Вальдарно он в прекрасной манере собственноручно расписал фреской табернакль, воздвигнутый посередине моста. Многие, писавшие об этом, упоминают, что Томмазо занимался скульптурой и выполнил мраморную фигуру в четыре локтя на кампаниле Санта Мариа дель Фьоре во Флоренции, с той стороны, где теперь сиротский дом.

Равным образом он в Риме благополучно завершил в Сан Джованни Латерано историю, на которой изобразил в разных его санах папу и которая теперь испорчена и изъедена временем. А в доме Орсини он расписал зал, полный знаменитых людей, а на одном из столбов в Арачели — св. Людовика, весьма красивого, возле главного алтаря по правую руку.

Также и в Ассизи, в нижней церкви Сан Франческо, так как другого нерасписанного места не оставалось, он написал над кафедрой для проповедника в арке Венчание Богоматери в окружении многих ангелов, столь изяшных и со столь прекрасным выражением лиц и настолько нежных и милых, что при обычной равномерности колорита, свойственной этому живописцу, он здесь может выдержать сравнение со всеми, работавшими до того времени; вокруг же этой арки он выполнил несколько историй из жития св. Николая. Равным образом в монастыре Санта Кьяра в том же городе он в середине церкви написал фреской историю, на

которой св. Клару поддерживают в воздухе два ангела, которые кажутся настоящими, она же воскрешает мертвого мальчика, тогда как кругом стоят полные изумления многочисленные женщины с прекрасными лицами и весьма изящные, в прическах и одеждах того времени. В том же городе Ассизи он выполнил над городскими воротами, что ведут к собору, а именно в арке с внутренней стороны, Богоматерь с младенцем на руках с такой тщательностью, что она кажется живой, а также прекрасного св. Франциска и еще одного святого; хотя история св. Клары и не закончена, ибо Томмазо, заболев, вернулся во Флоренцию, обе эти работы совершенны и весьма достойны всяческой похвалы.

Говорят, что Томмазо был человеком мрачным и весьма нелюдимым, но к искусству весьма привязанным и прилежным, что явно видно во Флоренции в церкви Сан Ромео по доске, расписанной им темперой с такой тщательностью и любовью, что мы не видели ничего лучшего, выполненного им на дереве. На доске этой, находящейся в трансепте названной церкви по правой руке, изображен усопший Христос в окружении Марии и Никодима, а также и других фигур, кои с горечью и с жестами весьма нежными и выразительными оплакивают его смерть, по-разному заламывая руки и сокрушаясь так, что по выражению лиц весьма ясно видна суровая скорбь о великой расплате за грехи наши. И дивно не то, что он проник своим талантом в столь высокий замысел, а то, как он мог столь прекрасно выразить его кистью. Потому-то творение это в высшей степени достойно восхваления, и не столько за сюжет и замысел, сколько за то, что художник в некоторых плачущих лицах сумел, несмотря на то, что линии бровей, глаз, носа и губ у плачущих искривляются, обнаружить некую красоту, ненарушенную и неиспорченную, обычно же сильно искажаемую при изображении плача всяким, кто не умеет как следует пользоваться хорошими приемами в искусстве. Однако то, что Джоттино закончил эту доску с такой проникновенностью, неудивительно, ибо в своих трудах он всегда стремился скорее к известности и славе, чем к другой награде, и не отличался корыстолюбием, из-за которого становятся небрежными и портятся мастера нашего времени. А так как он не стремился приобрести большие богатства, то особенно и не гнался за

жизненными благами, но, живя бедно, больше старался угодить другим, чем самому себе; вот почему мало обращал на себя внимания и испытывал лишения. Умер он от чахотки в возрасте тридцати двух лет и был погребен своими родственниками за Санта Мариа Новелла у Порта дель Мартелло рядом с гробницей Буонтуры.

Учениками Джоттино, оставившего после себя больше славы, чем имущества, были Джованни Тоссикани из Ареццо, Микелино, Джованни даль Понте и Липпо, кои были весьма дельными мастерами этого искусства, в особенности же Джованни Тоссикани, который выполнил после Томмазо в той же его манере много работ по всей Тоскане, и главным образом в приходской церкви в Ареццо капеллу св. Марии Магдалины дель Туччерелли, а в приходской церкви Каstell д'Эмпольи на одном из столбов — св. Иакова. В Пизанском соборе он также расписал несколько досок, которые впоследствии были убраны и заменены новыми. Последней его работой, выполненной им в капелле аретинского епископства для графини Джованны, супруги Тарлати, из Пьетрамалы, было прекраснейшее Благовещение со святыми Иаковом и Филиппом. Работа эта, написанная на обращенной к северу задней стороне стены, была почти что совершенно испорчена сыростью, когда Благовещение переписал мастер Аньоло ди Лоренцо из Ареццо, святых же Иакова и Филиппа немного позднее — Джорджо Вазари, будучи еще молодым, с большой для себя пользой, ибо, не имея других учителей, он многому тогда научился, присматриваясь к приемам Джованни, теням и краскам этой работы, несмотря на то, что она так была испорчена. В этой капелле в память графини, приказавшей ее построить и расписать, можно еще прочитать на мраморной эпитафии следующие слова: *Anno Domini MCCCXXXV de mense Augusti hano capell am construi fecit nobilis domina comitissa Joanna de Sancta Flora uxor nobilis militis domini Tarlati de Petramala ad honorem Beatæ Mariæ Virginis.*

О работе других учеников Джоттино не упоминается, ибо были они вещами обыкновенными и мало сходными с работами их учителя и их товарища Джованни Тоссикани.

ЖАН БОДЕН

1530 — 1596 гг.

Жизнь

Жан Боден родился в 1530 г. Получил юридическое образование в Тулузе.

В 1561 г. переселился в Париж.

В Париже он поступил в сословие адвокатов при парижском парламенте.

Практикует в качестве адвоката недолго и переходит к теоретическим занятиям государствоведением.

Принимает видное участие в партии политиков, которая решительно выступала против преследования гугенотов и отстаивала начало веротерпимости как залог нормального развития государства.

С 1571 г. состоял советником при главе партии герцоге Алансонском.

В Варфоломеевскую ночь за свою приверженность веротерпимости едва не поплатился жизнью.

В 1576 г. участвовал в собрании генеральных штатов в Блуа в качестве депутата третьего сословия.

На собрании он выступает решительным противником произвольного распоряжения казенными землями. Бодену удается склонить на свою сторону собрание и отстаивать принцип неотчуждаемости коронного домена.

На протяжении нескольких лет написал ряд исторических и политических работ.

Жан Боден — крупный правовед, мыслитель и политический деятель — умер в 1596 г.

Творчество

Жану Бодену принадлежат работы: «Метод легкого изучения истории» (1566 г.), «Ответ г. Мальтруа» (1568 г.), «Шесть книг о государстве» (1576 г.), «Семичастный разговор» (ходило в рукописи) и «Демономания» (1580 г.).

Основные работы Бодена — «Метод легкого изучения истории» и «Шесть книг о государстве».

В этих работах Боден выступал против одностороннего сосредоточения юристов на римском праве и доказывал необходимость сравнительного метода в юриспруденции и политике.

Своим учением о суверенитете он создал стройную публично-правовую конструкцию нового европейского государства.

Боден указал, что специфическим признаком государства является его суверенитет или верховенство. Суверенитет Боден считал признаком всякой государственной власти, независимо от формы государственного устройства. Он различал три образа правления: монархию, аристократию и демократию, и во всех трех усматривал наличие суверенитета.

Нерушимым пределом власти Боден признавал неприкосновенность частной собственности подданных.

Подобно Макиавелли, Боден отстаивает мысль о наличии в истории внутренних объективных закономерностей.

В качестве одной из важнейших закономерностей разви-

тия человеческого общества Боден выдвигает воздействие естественных условий ландшафта, климата на психологический склад разных народов, который, в свою очередь, воздействует на их исторические судьбы. Не менее плодотворной является выраженная у Бодена идея прогресса в истории.

В отличие от большинства историков-гуманистов (Макиавелли, Гвиччардини), Боден подчеркивает превосходство современной эпохи не только над эпохой варварства, но и над античностью.

Он видит превосходство в развитии научного знания, развитии литературы и искусства и, что особенно интересно, в успехах в области промышленности, торговли, военного дела.

В то же время Боден в поисках объективных исторических законов обращается к псевдонаукам, которые в ту эпоху пользовались популярностью даже у образованных людей («Демономания») и доказывает существование ведьм, магических чисел, каббалистики, магии и даже демонического начала. Эти слабости концепции Бодена являются данью эпохе, времени неразвитости естественных наук.

Выдвигая новую и плодотворную идею (воздействие естественных условий), Боден выступает как родоначальник теории решающего влияния географической среды на историю, которая затем, в XVIII веке, была развита дальше Монтескье.

Жан Боден, значительно опережая свою эпоху, ставит вопрос о том, что история есть наука, обладающая определенными методами познания.

ФРЭНСИС БЭКОН, барон Веруламский, виконт Сент-Альбан

22 января 1561 — 9 апреля 1626 гг.

Жизнь

Родился 22 января 1561 г. Он был вторым сыном Николаса Бэкона (лорда — хранителя печати при Елизавете I).

Сестра матери Бэкона была замужем за Уильямом Сесилом, первым министром при Елизавете.

Фрэнсис Бэкон учился в Кембриджском университете, а затем три года пробыл во Франции в составе английского посольства.

Он получил звание барристера и преподавателя права. Несмотря на родственные связи, его карьера при Елизавете шла медленно; никаких платных должностей он не занимал.

Причиной этому, вероятно, была парламентская деятельность, во время которой ему пришлось быть в оппозиции ко двору.

Фрэнсис Бэкон

В 1593 г. он тщетно искал должность генерального атторнея, а в следующем году — генерального солистера. Даже заступничество любимца Елизаветы не помогло ему в этом случае.

С воцарением Якова I началось возвышение Бэкона. В 1607 г. он был назначен генеральным солистером. В 1616 г. — членом тайного совета.

В 1618 г. Бэкон получает титул барона и назначается хранителем печати. В 1621 г. он получает титул виконта. 9 февраля 1621 г. собирается новый парламент, исполненный негодования на злоупотребления правительства. 15 марта было доложено парламенту, что открыты большие злоупотребления, но и обвиняется в них сам лорд-канцлер, «человек, столь щедро одаренный всеми дарами природы, что о нем невозможно сказать ничего более, так как нет сил сказать достаточно».

Бэкон обвинялся во взяточничестве — принятии подарков при исполнении обязанности судьи. Число обвинений, постоянно возрастая, дошло до двадцати. Бэкон хотел защищаться, но затем признал себя виновным и просил только о милосердии.

Палата лордов приговорила его к штрафу в 40 000 фунтов, заключению в Тауэр на срок по усмотрению короля, потере должности и места в парламенте и запрещению являться ко двору.

Через два дня Бэкон был освобожден и последние годы своей жизни посвятил всецело научной деятельности. Вынужденный досуг послужил ему на пользу как писателю: большая часть его сочинений, вышедших в свет при его жизни, относится к периоду после 1621 г.

Фрэнсис Бэкон умер 9 апреля 1626 г.

Судьба

Передают, что дядя Бэкона, лорд-канцлер Бурлей (Бэрли), не желал предоставить ему должность при дворе, так как считал его мечтателем и таким изобразил его перед королевой Елизаветой.

Бэкон действительно был мечтателем, утопистом, так как хотел невозможного, поэтому трезвая и расчетливая в политике Елизавета держала его вдали от двора.

Когда на престол вступил Яков I, плохо понимавший окружавшую его действительность, мечтавший о возврате к феодализму, богослов, любивший отвлеченные рассуждения, Бэкон нашел в нем слушателя и почитателя.

Король был не прочь использовать обещанные блага — золото и долголетие — от переворота в науке, обещанного Бэконом; тем более что это давало возможность обойтись без ненавистного парламента. Но политика Бэкона окончилась катастрофой как раз в тот же год, когда он, казалось, был на шаг от цели, то есть когда он опубликовал свое главное произведение «Новый Органон».

В этом произведении он резко критиковал схоластику и разработал индуктивный метод познания человека и природы. Задачу научного познания Бэкон видит в изобретении, в техническом вооружении человечества, с помощью которого оно победит природу и увеличит свою власть, свое могущество.

Мнения биографов о суде над Бэконом и степени его виновности разделяются. Маколей признает ее безусловно. Диксон указывает в оправдание Бэкона, что обычай принимать подарок был распространенным, обвинения в нарушении правосудия за взятки против Бэкона предъявлено не было, обвинений против Бэкона выдвинуто лишь 20, тогда как дел, им решенных, было более 7000.

Высказывается мнение, что правительство избрало его как бы козлом отпущения за свои грехи, в надежде, что разразившаяся над Бэконом кара смягчит гнев народа против действительных виновников общественных дел.

Полагают, что так было поступлено по уговору с самим Бэконом, чем объясняется быстрая отмена наказания королем (два дня), восстановление в звании члена верхней палаты (куда он, однако, не являлся) и назначение Бэкону значительной пенсии.

В своих литературных работах («Опыты и наставления нравственные и политические», 1597 г.) Бэкон отметил упадок в Англии феодального дворянства и возвышение буржуазии и нового дворянства. Он оправдывал обогащение и пропагандировал его пути, характерные для эпохи первоначального накопления. Бэкон утверждал, что простой народ — источник смут, а экономическое процветание Англии — верное средство уничтожить материальные причины мятежей: голод и нищету.

Елизавета, королева Английская, в большом королевском наряде
Гравюра Криспина де Пасса, по картине Исаака Оливье

Яков I, король Английский

По гравюре Криспина де Пасса

Большой интерес представляет написанная Бэконом в конце жизни «Новая Атлантида», оставшаяся неоконченной.

Заслуга Бэкона — в энергичной защите прав опытной науки, как области самостоятельной и отдельной от богословия и метафизики. Положительными результатами его философии была классификация отраслей человековедения (которую впоследствии воспользовались французские энциклопедисты).

Правильная оценка значения Бэкона должна занимать середину между безусловным восхвалением Маколея и уничтожающим суждением Юстуса Либиха. Влиянию Бэкона на дальнейшее развитие философии, несомненно, подвергся Гоббс.

Блестящий талант, глубокий мыслитель и изящный писатель, мечтающий о счастье человечества, и в то же время суетный, жадный к деньгам и власти вельможа. В этой выдающейся личности — все противоречия эпохи Англии XVII века, эпохи катастрофической смены феодальных отношений буржуазными.

Фрэнсис Бэкон умер от простуды, схваченной им во время опыта о действии снега на сохранение мяса от гниения.

Творчество

Основными произведениями Фрэнсиса Бэкона являются: философская работа «Новый Органон» (1620 г.), «Новая Атлантида» (1617—1626 гг.), «История Генриха VII» (1621 г.).

В «Новом Органоне» Бэкон предлагает новый метод, новую логику для открытия законов природы.

«Новая Атлантида» занимает особое место среди утопий. Программу развития экономической мощи страны и важную роль науки Бэкон сумел облечь в привлекательную форму общечеловеческих интересов.

От истории Бэкон требует строгой объективности и глубокого, проникающего в дух времени изучения источников. Он пытается дать образец исторического исследования в своей «Истории царствования Генриха VII». В этой работе он возвеличил трех королей периода абсолютизма — Генриха VII в Англии, Фердинанда в Испании и Людовика XI во Франции; следуя своему методу познания, широко использовал в работе различные исторические документы и другие источники.

Блестящий памфлет в защиту политики, которую проводил Бэкон в качестве лорд-канцлера, «История царствования Генриха VII», оказал большое влияние на современников.

У римлян лучшие мысли и усилия философов были отданы моральной философии, которая была для язычников как бы теологией. Даже величайшие умы посвящали себя в те

времена чаще всего гражданским делам, вследствие величины Римской Империи, которая нуждалась в работе очень многих людей. Время же, в течение которого естественная философия более всего процветала у греков, было наименее продолжительно. Ибо и в более древние времена все те семеро, что назывались мудрецами, за исключением Фалеса, посвятили себя моральной философии и политике; и в последующие времена, когда Сократ низвел философию с неба на землю, моральная философия приобрела еще большую силу и отвращала разум людей от естественной.

Даже тот самый период времени, когда шли оживленно исследования природы, испортил и сделал бесполезными противоречия и домогательства новых учений. Следовательно, поскольку в эти три периода естественная философия была по большей части в пренебрежении и в затруднении, неудивительно, что люди мало успели в этом деле, ибо занимались совсем другим.

Сюда присоединяется, что даже в числе тех, кто занимался естественной философией, она едва ли имела хотя бы одного вполне свободного и полностью отдавшегося ей человека (особенно в недавние времена); разве только нам укажут на пример какого-нибудь монаха, размышляющего в своей келье, или родовитого человека в своем поместье; естественная философия сделалась как бы переходом и мостом к чему-либо другому.

Итак, эта великая мать наук недостойным образом была низведена до обязанностей служанки. Она помогает в работе медицине и математике, она же оmyвает незрелый разум юношей и как бы напитывает их первой краской для того, чтобы потом они уже легче и удобнее воспринимали другие. Но пусть никто не ждет от наук большого движения вперед, особенно в их практической части, если естественная философия не будет доведена до отдельных наук или же если отдельные науки не будут возвращены к естественной философии. Оттого и получается, что у астрономии, оптики, музыки, у многих видов механики и у самой медицины и даже — что более всего достойно удивления — у моральной и гражданской философии и науки логики почти нет никакой глубины, что они только скользят по поверхности и разнообразию вещей. Ибо после того как эти отдельные науки были построены и разграничены, их уже более не питает естественная философия, которая могла бы их наделить новыми силами для роста из ее источников и истинного созерцания движений, лу-

Фердинанд V Католик

Людовик XI, король Франции

чей, звуков, строения и формы тел, чувств и умственных восприятий. Итак, неудивительно, что науки не растут, ибо они отделены от своих корней.

Очевидна, далее, и еще одна великая и могущественная причина того, что науки мало подвинулись вперед. Состоит она в следующем. Не может правильно совершаться ристание, если сама мета положена и утверждена неправильно. Подлинная же и надлежащая мета наук не может быть другой, чем наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами. Но подавляющее большинство людей науки ничего в этом не смыслят. Это большинство — только профессионалы и доктринеры, и лишь иногда случится, что мастер с более острым умом и желая славы устре-

мится к какому-либо новому открытию. Это он совершает почти с убытком для своего достояния. Но большинство не только не ставит себе целью увеличение всего содержания наук и искусств, но даже из имеющегося содержания ищет и берет не больше, чем может обратить для целей поучения или наживы, или для того, чтобы прославить свое имя, или для другой прибыли этого рода. А если найдется кто-либо из множества ученых, кто стремится к науке с благородной склонностью и ради нее одной, то и он скорее обратится к разнообразию существующих учений, чем к строгому и непреклонному разысканию истины. Если же кто-либо другой и окажется, возможно, более строгим искателем истины, то и он поставит себе целью истину такого назначения, которая удовлетворит ум и разумение указанием причин вещей, известных уже ранее, а не ту, которая ведет к новым достижениям в практике и к новому свету аксиом. Поэтому если никто до сих пор не определил хорошо конечную цель наук, то неудивительно, что во всем подчиненном этой конечной цели последовало блуждание.

Подобно тому как люди плохо определили конечную цель и мету наук, так же выбрали они дорогу совершенно ошибочную и непроходимую, когда цель даже была определена правильно. И если кто поразмыслит, он будет глубоко поражен, что ни у кого из смертных не было заботы и попечения о том, чтобы открыть и проложить дорогу человеческому разуму при помощи самого чувства и приведенных в порядок и хорошо построенных опытов, но все было предоставлено или мраку преданий, или круговращению силлогизмов, или случайности и произволу смутного, неупорядоченного опыта. Пусть кто-нибудь усердно и трезво подумает над тем, какова дорога, которой люди привыкли держаться в исследовании и открытии какой-либо вещи, — он прежде всего заметит, без сомнения, простой и безыскусный метод открытия, наиболее свойственный людям. Этот метод состоит ни в чем другом, как в том, что человек, готовясь и приступая к какому-либо исследованию, прежде всего отыскивает и изучает сказанное об этом другими, затем он прибавляет свои соображения и посредством усиленной работы разума возбуждает свой дух и как бы призывает его открыть свои прорицания. Тут все лишено основания и сводится только ко мнениям.

Иной призывает для открытия логику, которая имеет отношение только к названиям того, что рассматривается. Ибо открытие посредством логики не есть открытие начал и особых аксиом, из которых слагаются науки, но только того, что по видимости сообразно с ними. А более пытливых и настойчивых, более ревностных в своем деле, призывающих логику доказать или открыть начала или первые аксиомы, логика известным ответом отталкивает к вере и клятве на верность каждой науке.

Остается чистое испытание, которое зовется случаем, если является само, и опытом, если его отыскивают. Но этот род испытания есть не что другое, как, по пословице, развязанная метла, или хождение ощупью, как ходят ночью, трогая все, что попадается навстречу, чтобы выбраться на верную дорогу, тогда как гораздо полезнее и обдуманнее было бы для них подождать дня или зажечь свет и затем уже вступить на дорогу. Истинный же порядок опыта сначала зажигает свет, потом указывает светом дорогу, он начинает с упорядоченного и надлежаше расположенного испытания, отнюдь не превратного и отклоняющегося в сторону, и выводит из него аксиомы, а из построенных аксиом — новые опыты; ведь и божественное слово не действовало на массу вещей без распорядка!

И поэтому пусть люди перестанут удивляться тому, что путь наук еще не пройден, ибо они вовсе сбились с дороги, решительно оставив и покинув опыт или путаясь и блуждая в нем, как в лабиринте. Правильно же построенный порядок неизменной стезей ведет через леса Опыта к открытию аксиом.

Указанное зло достигло устрашающих размеров, выросши из некоего укоренившегося исстари надменного и вредоносного мнения или суждения. Оно состоит в том, что достоинство человеческого разума будет умалено, если он долго и много будет обращаться к опыту и частным вещам, подлежащим чувству и определенным в материи, тем более что вещи этого рода требуют прилежного искания и они слишком низменны для того, чтобы о них размышлять, слишком грубы, чтобы о них говорить, слишком неизящны для того, чтобы ими пользоваться, бесконечны количеством и недостаточны совершенством. И вот, дело дошло до того, что истинная дорога не только покинута, но даже закрыта и заг-

раждена, а опыт — в совершенном пренебрежении, не говоря уже о том, что он оставлен или дурно выполнен.

Помимо того, людей удерживало от движения вперед и как бы радовало благоговение перед древностью, влияние людей, которые считались великими в философии, и обусловленное этим единогласие и согласие. О единогласии уже сказано выше.

Что же касается древности, то мнение, которого люди о ней придерживаются, вовсе не обдуманно и едва ли согласуется с самым словом. Ибо древностью следует почитать престарелость и великий возраст мира, а это должно отнести к нашим временам, а не к более молодому возрасту мира, который был у древних. Этот возраст по отношению к нам древен и более велик, а по отношению к самому миру — нов и менее велик. И подобно тому, как мы ожидаем от старого человека большего знания и более зрелого суждения о человеческих вещах, чем от молодого, по причине опыта и разнообразия и обилия вещей, которые он видел, о которых он слышал и размышлял, так и от нашего времени, если только оно познает свои силы и пожелает испытать и напрячь их, следует большего ожидать, чем от былых времен, ибо это есть старшее время мира, собравшее в себе бесконечное количество опытов и наблюдений.

Не должно считать малозначашим и то, что дальние плаванья и странствования (кои в наши века участились) открыли и показали в природе много такого, что может подать новый свет философии. Поэтому было бы постыдным для людей, если бы границы умственного мира оставались в тесных пределах того, что было открыто древними, в то время как в наши времена неизмеримо расширились и приведены в известность пределы материального мира — то есть земель, морей, звезд. А что до авторов, то высшее малодушие состоит в том, чтобы воздавать бесконечно много авторам, а у Времени — у этого автора авторов и источника всякого авторитета — отнимать его права. Ибо правильно называют Истину дочерью Времени, а не авторитета. Поэтому неудивительно, что чары древности, писателей и единогласия столь связали мужество людей, что они, словно заколдованные, не смогли привыкнуть к самим вещам.

Не только восхищение перед древностью, авторитетом и единогласием побудило деятельность людей успокоиться в том, что уже открыто, но также и восхищение перед самими творениями, изобилие которых уже давно создано человеческим родом. Ибо если кто-либо обратит взор на разнообразие вещей и прекраснейшее оборудование, которое механические искусства собрали и ввели для удобства людей, то он склонится скорее к тому, чтобы восхищаться богатством человечества, чем почувствовать его нужду, — не замечая, что первичные наблюдения человека и те дела природы, кои суть как бы душа и первое движение всего этого разнообразия, немногочисленны и неглубоко почерпнуты, что остальное относится только к терпеливости людей и к тонкому и правильному движению руки или орудий. Например, часы есть несомненно тонкая, тщательно изготовленная вещь, которая подражает небесному кругу своим вращением и биению сердца животных — последовательным и размеренным движением. И все же эта вещь зависит от одной или двух аксиом природы.

А если кто-либо будет рассматривать тонкость свободных искусств или также изощренность в обработке естественных тел посредством механических искусств и рассмотрит вещи такого рода, как открытие небесных движений в астрономии, гармонии и музыке, алфавита (которым до сих пор не пользуются в царстве Китайцев) в грамматике или, возвращаясь к механическим искусствам, дела Вакха и Цереры, то есть приготовление вина и пива, хлеба или даже изысканных яств, искусство перегонки жидкостей и тому подобное, то пусть он хорошенько подумает, сколько же миновало времени, для того чтобы привести эти вещи к тому совершенству, какое они теперь имеют (ведь все это — открытия древние, за исключением перегонки жидкостей), в сколь малой степени они получены из наблюдений и аксиом природы (как об этом уже сказано по поводу часов) — и как легко и как бы случайными совпадениями и удачными созерцаниями все это могло быть открыто; обдумав это, он легко освободится от всякого восхищения и скорее пожалеет о человеческом жребии — о том, что так незначительны, бедны были во все века вещи и открытия. А затем упомянутые сейчас открытия более древни, чем философия и науки. Так что, если гово-

речь правду, то вместе с началом догматических наук этого рода прекратилось открытие полезных дел.

Если кто-либо обратится от мастерских к библиотекам и придет в восхищение от безграничного разнообразия книг, которое мы видим, то, исследовав и прилежнее рассмотрев содержание и предмет самих книг, он, конечно, поразится противоположному. После того как он заметит бесконечные повторения и то, как люди говорят и толкуют об одном и том же, он перейдет от восхищения перед разнообразием к удивлению перед малочисленностью тех вещей, которые до сих пор владели умами людей.

Если же кто-либо направит внимание на рассмотрение того, что более любопытно, чем здраво, и глубже рассмотрит работы Алхимиков и Магов, то он, пожалуй, придет в сомнение, чего эти работы более достойны — смеха или слез. Алхимик вечно питает надежду, и когда дело не удастся, он это относит к своим собственным ошибкам. Он обвиняет себя, что недостаточно понял слова науки или писателей, и поэтому обращается к преданиям и нашептываниям. Или он думает, что ошибся в каких-то мелких подробностях своей работы, и поэтому до бесконечности повторяет опыт. Когда же в течение своих опытов он случайно приходит к чему-либо новому по внешности или заслуживающему внимания по своей пользе, он питает душу доказательствами этого рода и всячески превозносит и прославляет их, а в остальном хранит надежду. Не следует все же отрицать, что алхимики изобрели немало и одарили людей полезными открытиями. Однако к ним неплохо подходит известная сказка о старике, который завещал сыновьям золото, зарытое в винограднике, но притворился, будто не знает точного места, где оно зарыто. Поэтому его сыновья прилежно взялись за раскапывание виноградника, и хотя они и не нашли никакого золота, но урожай от этой работы стал более обильным.

Те же, кто занимался естественной магией, те, кто все приводил к Симпатии и Антипатии в силу праздных и беспочвенных догадок, приписывали вещам замечательные способности и действия. Даже если они совершили что-нибудь, то эти дела более поразили своей новизной, чем принесли пользу своими плодами.

В суеверной же магии (если о ней следует говорить) надо обратить внимание на то, что существуют предметы опреде-

ленного рода, в которых у всех народов, во все века, науки, основанные на любопытстве и суеверии, и даже религия могли создать какие-то иллюзии. Поэтому мы это опускаем. Отсюда неудивительно, если мнение о богатстве этих наук явилось причиной их бедности.

Восхищение людей перед учениями и науками, само по себе уже достаточно наивное и почти детское, приумножено еще хитростью и уловками тех, кто занимался науками и преподавал их. Ибо они представляют их с таким тщеславием и напыщенностью и приводят их к взору человека столь преображенными и как бы замаскированными, как если бы они были совершенны и доведены до полной законченности. Если посмотреть на их метод и разделы, то может показаться, что они объемлют и заключают в себе все, что может быть отнесено к их предмету. И хотя их части плохо заполнены и подобны пустым ящикам, все же для обычного разумения они представляются как формы и сущность целостной науки.

Первые же и древнейшие искатели истины, более добросовестные и более счастливые, обычно укладывали те знания, которые хотели почерпнуть из созерцания и сделать пригодными для пользования, в афоризмы, то есть в короткие изречения, разрозненные и не связанные методом; они не притворялись, что владеют всеобщей наукой, и не обещали этого. А при нынешнем положении неудивительно, если люди ничего не ищут за пределами того, что им было передано уже как давно вполне законченное по совершенству и правильности.

Даже древнее стало пользоваться большим почитанием и доверием вследствие суетности и легкомыслия тех, кто предложил новое; в особенности в действенной и практической части естественной философии. Ведь немало было хвастливых и сумасбродных людей, которые отчасти из легкомыслия, отчасти для обмана осыпали человеческий род такими обещаниями, как: продление жизни, задержание старости, облегчение страданий, исправление природных недостатков, обман чувств, связывание и возбуждение душевных движений, озарение и возвышение способностей разума, превращение вещества, усиление и умножение движений по желанию, изменение погоды и климата, управление небесными влияниями, предсказания будущего, изображение отдаленного, раскры-

тие тайного, и обещали и сулили еще многое другое. Немногим ошибется тот, кто скажет, что в учениях философии существует такое же различие между суетностями этих щедрых дарителей и истинными науками, какое в рассказах истории существует между делами Юлия Цезаря или Александра Македонского и Амадиса Галльского или Артура Британского. Ведь эти славнейшие полководцы свершили много больше, чем выдуманно совершенного теми призрачными героями, но они свершили это способом и путем действий отнюдь не сказочным и волшебным. Не следует отказывать в вере истинному известию по той причине, что доверие было уже обмануто сказками. При всем том совсем не удивительно, если есть большое предубеждение против новых предложений (особенно когда поминают и об их применении к практике) из-за тех обманщиков, которые пытались делать нечто подобное. Ибо полнейшая суетность и вызываемое ею отвращение разрушили ныне всякое величие попыток такого рода.

Но еще больше нанесла наукам вреда мелочность и ничтожность тех задач, которые ставит перед собой человеческая деятельность. И притом, что хуже всего, эта мелочность предстает не без тщеславия и надменности.

Прежде всего, во всех науках мы встречаем ту уже ставшую обычной уловку, что создатели любой науки обращают бессилие своей науки в клевету против природы. И то, что недостижимо для их науки, то они на основании той же науки объявляют невозможным и в самой природе. Конечно, никакая наука не может быть осуждена, раз она сама же и судит. Так и философия, которой теперь располагают, содержит в своих недрах некие положения, касающиеся того (если рассмотреть более тщательно), чтобы совершенно убедить людей в невозможности ожидать от науки или от труда человека ничего высокого, такого, что могло бы повелевать природой и подчинить ее, как это уже было выше сказано о разнородности тепла светил и огня и о смешении. Все это, если рассмотреть более тщательно, составляет несправедливую оценку человеческих сил и ведет к надуманному и искусственному отчаянию, которое не только опрокидывает обнадеживающие предзнаменования, но и подрезывает все побуждения и стремления к деятельности и уничтожает всякую возможность

успеха самого опыта. Ведь, стремясь к тщетной и суетнейшей славе, они заботятся только о том, чтобы их наука расценивалась как совершенная и чтобы все оставшееся до сих пор неоткрытым или непознанным считалось вообще недоступным открытию и познанию в будущем. Если же кто и посвящает себя этому делу и пытается открыть что-либо новое, то он ставит перед собой цель отыскать и исследовать какое-либо одно открытие, и не больше. Он будет исследовать или природу магнита, или прилив и отлив моря, систему неба и тому подобное, что кажется заключающим в себе некую тайну и до сих пор рассматривалось без успеха. А между тем величайшее неразумие представляет собой исследование природы какой-либо вещи в ней самой. Ибо та же самая природа, которая в одних вещах кажется скрытой и тайной, в других вещах — очевидна и почти ощутима, в этих вещах она возбуждает восхищение, а в тех даже не привлекает внимания. Так обстоит дело с природой плотности, которую в дереве или камне не замечают, довольствуясь названием твердости и не задаваясь вопросом о сопротивлении разделению и разрыву непрерывности; но то же самое явление кажется замечательным и замысловатым в пленке водяных пузырей, которые любопытнейшим образом принимают форму полушария, так что на мгновение задерживается разрыв непрерывности.

Так то, что в одних вещах считается скрытым, в других имеет явную и обычную природу; и она никогда не позволит рассмотреть себя, если опыты и созерцания людей будут вращаться только в пределах первого. Вообще же обыкновенно в механических работах новыми открытиями считаются, если кто-либо тоньше обработал уже сделанное открытие, или красивее убрал его, или соединил и сложил с чем-либо, или удобнее сочетал с пользованием, или представил работу в большем или меньшем размере, чем она была прежде, и тому подобное.

Поэтому совсем не удивительно, что значительные и достойные человеческого рода открытия не извлечены на свет, если люди удовлетворяются и восхищаются такими малыми и детскими задачами и притом еще считают, что в них они добиваются или достигают чего-то великого.

МИЛЬТОН ДЖОН

9 декабря 1608 — 8 декабря 1674 гг., Лондон

Жизнь

Мильтон родился в богатой английской семье нотариуса. Начальное образование получил в школе Св. Павла. Затем учился в Кембриджском университете. В 1632 г. получил степень магистра.

С 1632 по 1637 г. жил у родителей, в маленьком городке Гортон (близ Лондона). Там он всецело погрузился в самообразование и самосовершенствование.

В 1638—1639 гг. совершил путешествие по Франции и Италии, где близко познакомился с Галилеем и Гуго Гроцием.

В 1639 г., вернувшись в Англию, Мильтон поселился в Лондоне, где вступил в ряды партии индипендентов, став их идеологом и пламенным оратором. Мильтон посвятил целую серию политических памфлетов и трактатов разным

Галилей Галилео

проблемам социальной жизни Англии, в которой разгоралась буржуазная революция.

В первую очередь Мильтон ратовал за свободу «устного и печатного слова».

С отстранением от прямой власти Карла I и установлением конституционной монархии в 1649 г. Мильтон входит в правительство, где занял место секретаря по латинской (дипломатической) переписке.

Одновременно он продолжал оставаться активным защитником политической программы и деятельности индипенден-

тов. В вышедших после казни Карла I памфлетах «Иконоборец» (1649 г.) и «Защита английского народа» (1651 г.) Мильтон в ответ на обвинение английских роялистов и церкви в беззаконии защищал право английского народа на казнь короля-тирана.

В 1652 г. Мильтон ослеп, и это тяжело отразилось на его материальных возможностях, но он продолжал заниматься литературой.

Реставрация власти Стюартов в 1660 г. и преследования сторонников республики коснулись и Мильтона. Он был арестован, а сочинения его — публично сожжены.

После освобождения из тюрьмы Мильтон оказался в большой нужде. Однако, слепой и фактически нищий, Мильтон в этот тяжелый период своей жизни дал английской литературе блестящие трагические поэмы: «Потерянный рай» (1667 г.), «Возвращенный рай» (1671 г.) и трагедию «Самсон-борец» (1671 г.), в которых он создает образ Сатаны — носителя духовной свободы и независимости, тираноборца. Они были гимном восстанию против тирана.

В это же время Мильтон написал и свои исторические работы: «История Британии» и «Краткая история Московии».

В 1674 г. Мильтон умирает.

Судьба

В противоположность большинству великих людей, Мильтон провел первую половину своей жизни в беззаботной атмосфере, полной душевной гармонии. Светлomu настроению молодого Мильтона соответствовали и его ранние поэтические произведения, наполненные радостным и сладостно-лирическим настроением.

В 1643 г. Мильтон неудачно женился на Мэри Поуэл, и эта женитьба превратила его до того безмятежное существование в целый ряд домашних бедствий и материальных невзгод. Жена Мильтона уехала от него в первый год жизни и своим отказом вернуться довела его до отчаяния.

Свой собственный неудачный опыт семейной жизни Миль-

Джон Мильтон

тон попытался осмыслить теоретически и написал трактат «Правило и руководство».

В дальнейшем судьба приносила все больше и больше испытаний: слепоту, преследование роялистов, нищету и т. д.

В старости он очутился один в окружении семьи второй жены, совершенно чуждой его интересам, и двух своих дочерей. Последних он заставлял читать ему вслух на непонятных им иностранных языках, что вызывало у них неприязнь.

Дав английской культуре прекраснейшие произведения, Мильтон умер в полном одиночестве и непонимании.

Творчество

В своем сочинении «История Британии», которую сегодня иногда называют Англией, Мильтон излагает историю Англии с древнейших времен и доводит изложение до норманнского завоевания.

Работа содержит очень краткий очерк почти исключительно политической истории. При этом Мильтон не отличает исторических фактов от вымысла, без критики повторяет различные легенды, в частности миф о происхождении Британии от Брута и т. п.

Заслуживает внимания концепция исторического развития, которую Мильтон излагает в ряде своих сочинений. Он исходит из идеи естественного свободного состояния человечества, в котором оно якобы находилось до появления общества и к которому человечество должно вернуться. «Все люди, — писал Мильтон, — будучи образом и подобием Бога, были рождены свободными».

Орудием борьбы против монархии за демократическую республику, помимо идеи изначального свободного состояния человечества, Мильтон сделал и теорию общественного договора, заключенного народом и королем в начальный период истории. «Власть королей и правительства, — подчеркивал Мильтон, — лишь производная. Она получена ими от народа в качестве поручения, чтобы они пользовались ею в интересах народа и к его общему благу».

Таким образом, Мильтон при написании «Истории Британии» исходил из признания идеи народного суверенитета. Однако он был против участия в политическом управлении государством «низов». «Власть должна принадлежать лучшим людям», — писал Мильтон, понимая под ними образованную и состоятельную часть английского общества.

Перу Мильтона принадлежит и «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая», изданная уже после смерти автора, в 1682 г. В основном эта работа была составлена из других исторических исследований по истории России и восточных стран, в которой полностью отсутствовала научная критика и проверка исторических фактов. Поэтому сегодня «Краткая история Московии» выглядит фантастическим сочинением, по которому можно увидеть, как представляли англичане в середине XVII в. Россию и ее историю.

Открытие России со стороны Северного океана было впервые сделано изю всех известных нам народов англичанами и могло бы казаться подвигом почти геройским, если бы предприятие это было внушено более высоким побуждением, чем чрезмерная любовь корысти и торговли. Тем не менее, так как дурные причины часто сопровождаются хорошими последствиями и так как благодаря этому открытию сделались известны многие предметы, небесполезные для познания природы, и другие замечания, то не будет напрасным трудом вкратце рассказать начало и весь ход этого отважного путешествия, которое впоследствии сделалось обыкновенным морским переездом.

Когда наши купцы заметили, что требование на английские товары стало уменьшаться в других государствах и что иностранные товары стали быть более уважаемы и дороже, чем прежде, они начали думать о средствах, как этому помочь. Видя, что испанцы и португальцы увеличили свое богатство открытием новых торговых путей и неизвестных стран, они решились также испытать новых и неизвестных плаваний.

Случилось, что в это самое время был в Лондоне Севастьян Кабота, человек весьма известный тогда по своему знанию морского дела. Купцы прежде всего совещались с ним и, по его совету, положили снарядить три корабля для поисков и открытий в северных странах. Слышав, что в Северном океане водится червь, который часто протачивает самый крепкий дуб, они выдумали обить некоторые килевые части этих кораблей тонкими листами свинца; снабдили их съестными припасами на восемнадцать месяцев, определив поровну на плавание в один конец, на стоянку и на обратный путь. Они достали также оружие и боевые припасы, назначив капитанов и правителей для столь великого предприятия, над которым просил иметь начальство, в числе многих иных и совсем неопытных, предлагавших свои услуги, сэр Гег Уилоби, храбрый дворянин; они предпочли его всем прочим и выбрали его в адмиралы, как за его красивую наружность, так и за необыкновенное искусство в военной службе, а Ричарда Ченслера, человека очень уважаемого за его искусство, назначили главным кормчим. Сей последний был рекомендован Г. Генрихом Сиднеем, бывшим впоследствии товарищем Наместника Ирландии (*Deputy of Ireland*), который, придя в собрание учредителей предприятия, несмотря на свою молодость, рекомендовал им Ченслера в умной и красивой речи.

После этого они сделали все возможные поиски, чтобы найти кого-нибудь, кто бы мог доставить им сведения о северо-восточных странах, куда отправлялось путешествие; тогда они призвали двух татар, служивших на Королевской конюшне, но татары не могли дать никаких сведений. После многих прений решено было, что 20 мая корабли отправляются в путь. Как только они приблизились к Гриничу, где тогда находился Двор, придворные выбежали, члены Совета к окнам, а остальные — на башни и укрепления. Матросы, все одетые в платья лазурного или небесного цвета, выпалили из пушек; отголосок от воды и от холмов

Себастьян Кабот

Со старинной гравюры

Король Карл I Английский

Гравюра де Иода Младшего по картине Ван-Дика

громко повторил эти выстрелы и клики народа, но добрый король Эдуард [Эдуард VI (1547—1553)] не видал этого зрелища и вскоре потом умер.

Из Гринича корабли отплыли в Гарич, где долго оставались и потеряли много времени. Наконец, проехав мимо Шотландии, они издали распознали Эгеланд — бесчисленное множество островов, называемых Ростовыми (Rostislands), под 66 градусом; оттуда поплыли к Лофутовым (Lofoot), под 68, и к Сейнаму (Seinam), под 70 градусом; все эти острова принадлежат Датской Державе. При отъезде оттуда сэр Гег Уилоби выкинул свой

Мария I Кровавая

флаг, чтобы созвать на совет начальников прочих кораблей: они решили, что, в случае если бы они были разлучены бурей, сборным местом для их встречи будет Вардегуус, известная пристань в Финляндии (Finmark). В тот же самый день после полудня поднялась буря, так что корабли были разбросаны по разным направлениям и находились в большой опасности. Адмирал громким голосом кричал Ченслеру не отставать от него, но напрасно, потому что так как адмиральский корабль был гораздо быстрее Ченслерова на ходу, и идя на всех парусах, то в скором времени исчез из виду; еще прежде, однако же, корабельный катер, ударившись об адмиральский корабль, был потоплен в виду «Бонавентуры», на котором Ченслер был капитаном: третий корабль также пропал во время этой бури. Но сэр Гег Уилоби, успев спастись и странствуя по тамошним пустынным морям до 18 сентября, вошел в пристань, в которой погода была такая, какая бывает в самую глубокую зиму. Решившись остаться там до весны, он послал трех человек на юго-запад искать жителей; они ходили три дня и никого не нашли; трое других ходили четыре дня на восток, и, наконец, трое три дня на юго-восток; но так как все они возвратились, не выдав ни жителей, ни каких-либо следов жилищ, то сэр Гег с людьми своих двух кораблей оставался там до января месяца, как видно по завещанию, найденному на одном из кораблей; но в январе все погибли от холода. Эта пристань, или река, была Арзина (Arzina) в Лапонии, близ Кегора (Kegor), где в следующем году они были найдены несколькими русскими рыбаками. Получив о том известие, английский агент в Москве отправил для получения обратно кораблей с мертвыми телами и большею частью товаров и отослал их в Англию. Но корабли, будучи, как полагают, повреждены от двухгодовой зимовки в Лапонии, дорогою потонули и со своими мертвецами, и с теми, которые вели их.

Что касается до Ченслера, то он, оставшись один со своим кораблем и его экипажем, направил свой путь на Вардегуус, место, условленное для ожидания остальных. Оставшись там семь дней без сведений о прочих, наконец решился продолжать свое плавание, и плыл, пока не достиг тако-

го места, где не было ночи, но был беспрестанный день, и в течение нескольких дней солнце светло сияло над этим огромным и пространым морем. Наконец они вошли в большой залив, названный, как они потом узнали, по имени Святого Николая, и, усмотрев там рыбацью лодку, пустились за ней, чтобы узнать, какой там народ. Рыбаки, изумленные величиною корабля, никогда прежде ими не виданного, старались уплыть, но, догнанные, упали наземь и хотели целовать ноги Ченслера, но он, подняв их, старался знаками и телодвижениями ласки снискать их приязнь. Как только они были отпущены, они распространили весть о прибытии иностранцев, отзываясь с похвалою об их ласковости; тогда народ, сбегаясь, принял англичан также с изъявлениями дружелюбия, щедро предлагая им съестные припасы и изъявляя готовность свою производить с ними. мену, если бы постановление подданства не требовало на то иметь сперва позволение от их Государя. После взаимных расспросов о том, какого они народа, оказалось, что англичане прибыли в Россию, где в то время Царем был Иван Васильевич, которому тамошний правитель тайно послал известие о прибытии иностранных гостей, задерживая сих последних какими мог способами. Царь, очень довольный столь неожиданным известием, пригласил их к своему Двору, предлагая им почтовых лошадей на свой счет; если же путь им покажется слишком длинен, то позволял им свободно торговать там, где они были. Но гонец сбился с дороги, и прежде еще, чем он возвратился, москвитяне, сами уstraшенные, чтобы англичане не уехали, как они подавали вид, дали им провожатых и снарядили их в путь для препровождения их в присутствие Царя. Ченслер проехал уже более половины пути, когда гонец (sledman, саншик), посланный ко Двору, встретил его и вручил ему грамоту Царя. Узнав об ее содержании, русские с такою охотою ей повиновались, что они ссорились и спорили о том, кому достанется запрячь лошадей в Ченслеровы сани.

После долгого и трудного пути в 1500 миль Ченслер приехал в Москву. Дней через двенадцать после его приезда к нему был прислан вестник, чтобы отвести его в царский дом. Войдя в дворцовые ворота и введенный в прихожую комнату, он увидел там почтенное собрание

человек около ста, сидевших в одеждах золотой парчи, которые спускались до их пяток. Потом его проводили в приемный покой, где сидел Царь на высоком, великолепном (очень Царском) престоле; на голове у Царя был золотой венец, платье на нем было ювелирной работы, в руке держал хрустальный скипетр, весь осыпанный драгоценными камнями; наружность его была не менее величественна. Возле стоял его думный дьяк (главный секретарь), на другой стороне — великий повелитель молчания (?), оба в платьях из золотой парчи; кругом на высоких седалищах, богато одетые, сидели сто пятьдесят членов его совета. Ченслер, нимало не смущенный, сделал Царю поклон по английскому обычаю. Царь, приняв и прочтя грамоты, сделал несколько вопросов о здоровье короля Эдуарда и, пригласив англичан к обеду, отпустил их; но прежде их отпуска дьяк (секретарь) подал их подарок, обнажив голову, тогда как до этого времени все были в шапках, и англичанам было сказано не говорить иначе, как если Царь что-либо у них спросит.

Просидев два часа в покое дьяка, англичане были наконец позваны к обеду. Царь сидел за столом, одетый в серебряное платье и с другим венцом на голове. Покой этот назывался «золотой палатой» (*golden palace*), хотя без основания, потому что англичане видели много других красивейших. Кругом комнаты, в отдалении (от Царского стола) стояли другие длинные столы; посередине был поставец с огромными тяжелыми кубками и другими золотыми и серебряными сосудами; между прочим в числе их были четыре большие фляги, вышиною более двух аршин (около двух ярдов), с крышками, сделанными наподобие башен и драконовых голов. Гости всходили к своим столам по трем ступеням; они все были одеты в полотняные платья (*in linen*), подбитые богатыми мехами. Кушанья подавались без порядка, но все на золотых блюдах, как Царю, так и обедавшим, которых было двести человек; на каждом столе было также расставлено бесчисленное множество золотых кубков. Слуги, числом сто сорок человек, также были одеты в золото и служили с шапками на головах. Те, кто в большой милости у Царя, сидят с ним на одной лавке, но в некотором отдалении. Прежде

Царь Иоанн IV Грозный (1533—1584)

чем подали кушанье, по обычаю Русских Государей, и Царь послал каждому гостю по ломтю хлеба. При этом чиновник, называя каждого по имени, говорил: «Иван Васильевич, Царь Руси и проч., жалует тебя хлебом», и при этих словах все встают. Потом были поданы разрезанные куски лебедя, каждый кусок на отдельном блюде: Великий Князь рассыпал их так же, как и хлеб; то же было и с питьем. В продолжение обеда он два раза переменял свой венец, и прислужники три раза переодевались. Им также Царь из своих рук раздавал хлеб и питье. Говорят, что это делается с тем, чтобы он мог хорошо ознакомиться со своими приближенными. Действительно, по

окончании обеда он подзывал к себе своих бояр, называя каждого из них по имени. Между тем уже стемнело и поданы были свечи; англичане от обеда отправились в свой дом до наступления ночи.

В 1555 году Ченслер совершил другое путешествие в Россию с письмами от Королевы Марии: ему отведен дом в Москве и назначено кормовое содержание. Вскоре (по приезде) он был принят Царем в большой комнате, усталой коврами; при его входе, когда он поклонился, все встали, исключая Царя, который остался сидящим, но также встал при произношении имени Королевы. За столом Царь сидел с обнаженной головой, а его венец и богатая шапка стояли возле него на особом столбе. При возврате Ченслера в Англию на его корабле поехал Посланником от Русского Царя Осип Непея (Osep Nerep), Наместник (Governor) Вологодский, но, потерпев кораблекрушение в Петтислегском заливе (Pettislegobay), в Шотландии, заботясь более о спасении Посланника, чем о себе, потонул; корабль его был разграблен, и большая часть его груза сделалась добычей окрестных жителей.

В 1557 году Осип Непея возвратился в свою страну с Антоном Дженкинсоном, который имел под своим начальством четыре больших корабля. Дженкинсон рассказывает, что есть пучина между Kost islando и Lofoot, которая называется Malestrand и с половины отлива до половины прилива делает такой страшный шум, что кольца в дверях на этих островах трясутся на расстоянии десяти миль; киты, занесенные течением в эту пучину, испускают жалобные крики; деревья, которые в нее попадают, извергаются из нее с концами и сучьями до того измочаленными, что они походят на стебли истолченной пеньки. Около Zeinama они видели у самых кораблей много очень чудовишных китов: некоторые казались длиною футов в шестьдесят: так как это было время, когда они рожали, то они отвратительно ревели. В Вардегуусе, по словам Дженкинсона, скотину кормят рыбой. По приезде в Москву он был принят Царем, сидевшим на высоком престоле, в богатом венце, с золотым жезлом в руке, украшенным дорогими камнями. На некото-

ром расстоянии от Царя сидел его брат и юноша, сын Царя Казанского, которого покорил Русский Царь. Там же обедали разные Посланники, христианские и языческие, в разных одеждах. За одним столом с Царем сидели его брат и некоторые из главнейших вельмож; всех гостей было шестьсот. Во время обеда вошли шесть музыкантов, которые, став посередине [комнаты], три раза пели, но пение их не понравилось англичанам. В то же время в других комнатах обедало две тысячи татар, которые приехали с тем, чтобы служить Царю в его войнах. Англичане сидели прямо напротив Царя, за особым небольшим столом; он им посылал чаши вина и меда и многие кушанья из собственных своих рук. Кушанье было плохо, но вина и разные меды отличны. Всякий раз, как они обедали у Царя, он посылал за ними утром и сам из своих уст приглашал их. Будучи приглашены в день Рождества Христова, они ели такие же кушанья, как прежде, но количество золотых и серебряных блюд было чрезмерно: между прочими были двенадцать серебряных бочонков с золотыми обручами, каждый около 4 1/2 ведер (12 галенков).

В 1560 году англичане в первый раз торговали в Нарве, в Ливонии, где до тех пор жители Гданска и Любека владели всею торговлею, скрывая ее от других.

1561 г. Тот же Антон Дженкинсон опять ездил в Москву и приехал в то время, как Царь праздновал свадьбу свою с Черкешенкою. В продолжение этой свадьбы городские ворота три дня были заперты и всем вообще жителям было строго приказано оставаться в своих домах; изъяты только некоторые придворные. Причина этого неизвестна.

1566 г. Дженкинсон совершил опять то же путешествие, которое в то время, при хорошем ветре, делали от Лондона до Св. Николая, 750 миль, в один месяц.

1568 г. Дворянин Фома Рандольф поехал в Московию Посланником от Королевы Елизаветы. В переезд свой морем он не встретил ничего замечательного, исключая множество китов, и так как это было время их зарождения, то жир их плавал по воде. В Холмогорах Рандольф был встречен дворянином, присланным от Царя, на счет коего он был привезен в Москву, но там его не встречал никто, даже из

англичан. Для жилья ему был отведен красивый дом, назначенный для Послов; по причине каких-то подозрений Царя его держали в этом доме, никуда не выпуская: наконец, после семнадцатидневного промедления, он был позван, принужден для проезда взять чужую лошадь, а людей своих вести пешком. В комнате, перед приемной палатой, сидело до трехсот человек в богатых платьях, взятых на этот день из Царского хранилища платьев: они сидели на трех рядах скамеек, скорее для показа, чем по причине знатности их особ, потому что это были купцы и другие простолюдины. Посланник поклонился им, но, не получая от них поклона, прошел мимо, не снимая шапки. При дверях приемной его приняли двое бывших его Приставов (Guardians), которые привели его на середину комнаты, где ему велено было стоя проговорить поручение Королевы. При имени Королевы Царь встал и спросил об ее здоровье; потом, дав Послу поцеловать свою руку, начал делать ему разные вопросы. По вручении подарка (Елизаветы), состоявшего из искусно гравированной серебряной чаши, Царь сказал ему, что он в этот день не обедает торжественно, по причине важных дел, «но (сказал он), я пришлю тебе мой обед и увеличу твое содержание». Таким образом, отпустив его, Царь вскоре потом прислал к нему на дом богато одетого Князя (Duke) с пятьюдесятью людьми, из которых каждый нес кушанье в закрытых серебряных блюдах: Князь сам передал их в собственные руки Посла, пробуя сначала каждого блюда и каждого питья. Исполнив это, он сел с сопровождавшими его, отобедал с Посланником, и ушел от него без награды.

С этим Посланником Царь отправил своего Посланника, по имени Андрей Савин (Andrew Savin).

1571 г. Дженкинсон совершил третье путешествие. По причине морового поветрия в России он долго был задержан в Холмогорах; наконец был принят Царем близ Переяславля (Pereslave), где тогда находился Двор и куда Царь возвратился после неудачной войны Шведской. В том же году Москва была выжжена Крымским Ханом: в ней сгорела Английская контора, разные Англичане задохлись в погребах, толпы жителей погибли, все молодые уведены в плен и награблена чрезвычайная добыча.

1583 г. Так как в предшествовавшем году Иван Васильевич посылал по торговым делам Посланника Федора Андреевича Писемского (Pheodor Andrewich), то Королева избрала одного из своих придворных сэра Еремея Бауса (Sir Ierom Bowes) для отправления в Россию. Он прибыл к Св. Николаю в сопровождении более сорока человек и вместе с возвращавшимся Русским (Посланником). В это время нидерландцы стали вступаться в торговлю с Московией, на которую задолго перед тем была дана исключительная повольность англичанам; и подкупили на свою сторону думного дьяка Шелкалова (Shalcan the chansellor) и других сановников, которые так устроили, что навстречу сэру Еремею в Холмогоры был выслан один из их приверженцев, причинивший ему разные неприятности. Но в Вологде Баус был принят другим [чиновником], присланным от Царя, а в Ярославле (Heraslave) Князем (a duke), с большой свитой, который подарил ему повозку и десять мерин. В двух милях от Москвы Баус был встречен четырьмя дворянами с двумястами всадников, которые, после краткого здравствования, передали ему, что имели сказать от Царя. При этом они требовали, чтобы Посланник сошел с лошади, что он отказался исполнить, пока они не сойдут с лошадей. О сем происходили между ними продолжительные прения; когда они наконец согласились, возник большой спор о том, чья нога первая коснется земли. Передав свое поручение и потом обнявшись с Посланником, проводили его в Москву, в дом, нарочно для него построенный.

Когда он отправлялся ко Двору, сам и вся его свита на хороших лошадях и хорошо одетые, по всему его пути были расставлены по обеим сторонам до шести тысяч стрельцов. У дворцовых ворот его встретили четверо Бояр в платьях из золотой парчи и в богатых меховых шапках, вышитых жемчугом и камнями; потом он был встречен четырьмя другими высшего сана в переходе, где, вдоль по стенам, стояли и сидели на лавках семьсот или восемьсот человек в разноцветных шелковых и золотых платьях. У приемной двери его встретил главный глашатай (chief herald?) вместе

со всеми главными придворными сановниками, которые ввели его в палату, где сидел Царь. При нем находились три венца: Московский, Казанский и Астраханский. По каждой стороне стояло по двое молодых вельмож в богатых белых одеждах, имея по широкой секире на плече. Кругом на лавках сидело более ста вельмож. Дав Посланнику свою руку для поцелования и спросив о здоровье Королевы, Царь приказал ему идти сесть на приготовленное для него место, шагах в десяти [от престола] и оттуда прислать ему грамоту и подарок Королевы. Не находя это приличным, Посланник выступил вперед. Думный дьяк, подошед к нему навстречу, хотел взять его грамоту, но Посланник сказал ему, что Королева не писала к нему никаких грамот; и таким образом, пройдя мимо его, вручил их в собственные руки Царя. Удалившись потом в Думную палату (council-chamber), где имел совещание с некоторыми членами Совета, он немного времени спустя был позван к обеду. Около середины обеда Царь встал, выпил большой кубок за здоровье Королевы и послал Посланнику большую чашу Рейнского отвечать на эту заздравную.

Потом Баус был несколько раз призван, чтобы переговорить о делах; но так как он не уступал против своего наказа, а Царь не привык к противоречию, то сей последний, особенно однажды, пришел в страшный гнев и с угрожающим видом сказал ему, что не считает Королеву себе равней, «потому, прибавил он, что есть и лучше ея». Посланник, полагая, что, как ни опасны могут быть последствия, он не должен слушать укоров величию своей Государыни, столь мужественно и с таким же выражением возразил ему, что Королева равна в Христианстве всякому, как бы кто себя великим ни считал, и имеет способы покарать кого бы ни было из своих врагов. «А что скажешь ты, спросил Царь, о Королях Французском и Испанском?» — «Я считаю ее, сказал Посланник, равной каждому из них». — «А Императору Немецкому?» — «Отец ея, возразил Баус, держал Императора на своем жалованье». Великий Князь так рассердился за этот ответ, что сказал ему, что, не будь он Послом, он бы его выкинул за дверь. «Вы можете, отвечал Посланник, делать, что хотите, потому что я теперь в вашей

стране, но Королевна, я не сомневаюсь, будет знать, как отомстить за обиду своему Посланнику». Тогда Царь приказал ему немедленно идти домой, и он, не оказав более уважения, как сколько подобное обращение заслуживало, поклонился Царю и ушел домой.

Несмотря на это, Царь, как только гнев его прошел, с похвалой отзывался стоявшим при нем о Посланнике, говоря, что желал бы иметь такого слугу, и немедленно послал Дьяка сказать ему, что, несмотря на бывший разговор, он, из великого уважения к Королевне, вскоре отпустит его с честью и всяким удовлетворением. В то же время он увеличил его содержание. Царь изъявил также желание, чтобы ему были написаны догматы Англиканской Веры и [отозвавшись о них] с большою похвалой, приказал прочесть их своим боярам. И, так как за год перед тем он сватался за леди Марию Гестингс и сватовство это не удалось, потому что она и ее друзья отговорились от него, то Царь вновь предложил жениться на одной из родственниц Королевны, или отправив за нею посольство, или поехав сам со своею казною в Англию.

Тогда счастлив был тот боярин, кому сэр Еремей Баус оказывал расположение при других, несчастливы же те, которые противились ему; потому что по этой причине Царь жестоко избил думного дьяка Шелкалова и угрожал, что не оставит в живых никого из его рода. Но вскоре Царь умер от пресыщения (*of a surfeit*), и Шелкалов, которому было поручено почти все правление, велел, в продолжение девяти недель, держать Посланника в его доме под строжайшим караулом. Наконец за ним прислали, чтобы дать отпуск, и довольно обидно ввели их в Думную палату, где Шелкалов объявил ему, что новый Царь не снизойдет ни на какие другие договоры, как на те, которые существовали между его отцом и Королевной до его, Посланникова, приезда. Потом, отняв оружие у Бауса и его свиты, Шелкалов повел их к Царю, делая им дорогой разные обиды, которые они принуждены были вытерпеть. Царь, повторив только то, что уже было сказано думным дьяком, предложил Баусу грамоту к Королевне. Посланник, зная, что в этой грамоте

Царь Федор Иоаннович (1584—1598)

не содержится ничего, относящегося до цели его посольства, отказался [ее принять], пока не увидал, что опасность становилась слишком великой: ему не позволили ни возражать, ни иметь переводчика. Шелкалов прислал ему сказать, что Английский Царь умер, и торопил его отъезд, но при этом делал ему такие оскорбления, что Баус опасался какой-нибудь враждебной попытки на пути своем к морю, так как ему дали для сопровождения его только ничтожного дворянина. Баус, именем Королевы, приказал Английским купцам ехать с ним, но опасность была так велика, что они не осмелились это сделать. И так, вооружившись сам и вооружив свою прислугу, как мог лучше, на случай нападения,

Боярин Борис Годунов (1598—1605)

он наконец достиг берега у Св. Николая. Там он решил поведением своим отплатить некоторые из обид, им полученных. Для этого, будучи уже готов сесть на корабль, он приказал трем, или четверем, из самых отважных и расторопных своих людей взять письмо Царя и его неприличный подарок и отдать его или оставить на квартире его Пристава. Они это исполнили, несмотря на то, что их преследовали и с шумом хотели принудить взять обратно письмо и подарок.

1584. Во время венчания Царя Феодора Еремей Горсей был агентом в России и был призван ко Двору с одним нидерландским купцом, испанским подданным, Иваном Де Ва-

лем. Некоторые бояре хотели дать этому Фламандцу преимущество перед Англичанином, но Английский агент ни за что не соглашался, говоря, что он скорее даст себе отрезать ноги по колени, чем поднесет свой подарок после испанского подданного. Царь и боярин Борис Феодорович Годунов (Князь Борис), заметив этот спор, приказали допустить Горсея первого и, отпустив его с большими обещаниями, прислали ему семьдесят кушаний и три телеги различных медов.

1588. Доктор Эгидий (Джилль) Флетчер поехал Послом от Королевы к Царю Феодору. Так как его повествование справедливо и точно, то лучше его прочесть все вполне в подлиннике.

Этот Царь, услышав о великой учености математика Ивана Ди (Дее), приглашал его в Москву, предлагая ему от себя 2 тыс. фунтов стерл., а от боярина Бориса — тысячу рублей (марок); содержание свое он должен был получать с Царского стола; ему обещано было, что его примут с честью, что он будет считаться одним из сановников Государства. Ди не принял всех этих предложений.

1604 г. Сэр Фома Смис (Smith) был отправлен Посланником от Короля Якова к Царю Борису. Он ожидал несколько дней в пяти милях от Москвы, пока его не приняли с почетом в городе; встречали его несколько тысяч дворян верхами, расставленные по обеим сторонам. Посланник из своей кареты пересел на лошадь и поехал, предшествуемый своими трубачами, которые играли на трубах. Дворянин с Царской конюшни привел ему жеребца, великолепно убранного попоной с золотом, жемчугом и камнями и в особенности с цепью, украшенной бляхами золота на шее; для сопровождавших его были приведены богато убранные лошади. Потом пришли три великие Боярина с переводчиком: они хотели произнести речь, но Посланник, считая это пустым обрядом, нашел средство отделаться от нее, сказав краткое приветствие. Таким образом, все сошли с лошадей, обнялись с Посланником и пожали ему руку. После скучного троекратного повторения Царского титула все трое Бояр проговорили каждый приветствие, в котором пришлось

по три слова на человека, а именно: первый спросил: каково здоровье Короля? второй: каково здоровье Посланника? третий сказал, что ему приготовлен хороший дом. Потом они поехали по сторонам Посланника, а за ними около шести тысяч молодцов (gallants). В городе, у самых ворот его дома, Посланнику была сделана встреча еще большим числом далеко знатнейших сановников. Для содержания караула у его дома и для сопровождения его при выездах ему даны были пятьдесят стрельцов. Приставы (the prestares), т.е. дворяне, назначенные для доставления ему содержания, усиленно просили его дать им письменное изложение его речи и предмета его посольства, под предлогом, чтобы переводчик лучше мог их перевести, но Посланник убедил их в нелепости их требования.

В день его приема Посланнику и его прислуге были присланы другие жеребцы для их проезда и две белые парадные лошади, чтобы везти богатую повозку, составлявшую один из его подарков: остальные были несены его прислугой между двумя рядами Царских стражей: во время шествия гонцы беспрестанно ездил взад и вперед, пока Посланник, проехав по Кремлю (великому замку), не доехал до самых внутренних дворцовых ворот. Там его встретил знатный Боярин (a great duke) и повел его со свитой по лестнице, через каменный переход, где на каждой стороне стояло много людей в красивых платьях из персидских тканей, из бархата и из штофа. Будучи введен двумя другими членами Думы (советниками) в приемную палату, Посланник, сделав поклон, должен был остановиться и прослушать прежний длинный титул; потом исчислил подарки и сообщил о предмете своего посольства, сколько было нужно при этом случае. После сего Царь, приподнявшись со своего престола, спросил о здоровье Короля; то же сделал и молодой Царевич. Потом Посланник вручил свою грамоту в собственные руки Царя, хотя Думный Дьяк и хотел было их взять. Царь имел все величие могущественного Государя. Его венец и скипетр были из чистого золота; на шее он имел жемчужное ожерелье; его платье из малинового бархата было вышито драгоценными камнями и золотом. Направо от него, на пирамиде, стояла красивая держава из

кованого золота, с крестом наверху; прежде чем говорить, он, обернувшись к ней, перекрестился. На другом престоле, немногим уступавшем первому в великолепии, сидел Царевич. Около Царя стояли два Боярина в серебряной одежде, в высоких шапках черного меха, с золотыми цепями, висевшими до ног: они держали на плече две золотые секиры; две другие, серебряные, стояли около самого Царя. Пол был весь устлан обоями. Будучи отпущены и потом приведены опять к обеду, Англичане увидали Царя и его сына, пышно одетых и ожидающих обеда; у обоих были жемчужные скуфьи на головах и другие уже одежды (чем утром). Посреди этой залы казалось (?) стоял столб (поставец), уставленный кругом на большую высоту тяжеловесною посуду, разукрашенною изображениями зверей, рыб и птиц. За Царским столом прислуживали двести дворян в золотых одеждах; за столом Царевича молодые Царевичи: Казанский, Астраханский, Сибирский, Татарский и Черкесский. Царь со своего стола послал Посланнику тридцать мясных кушаний, и при каждом ломоть очень хорошего хлеба. Потом поданы были множество странных и редких кушаний, взгроможденных по полудюжине, с варевыми, жаркими и печеньями, большею частью облитыми отваром чеснока и лука. В половине обеда, подозвав Посланника, Царь пил здоровье Короля, и передал из своих рук свою чашу из чудесного хрусталя. Приняв ее, Посланник возвратился на свое место, и из нее пил здоровье сам, со всей своей свитой. После обеда Англичане были призваны, чтобы пить отличный крепкий мед, который Царь передавал из своих рук: многие только отхлебывали, но он никого не принуждал, говоря, что ему приятнее то, что лучше для здоровья их.

Несмотря на то, в тот же день он прислал великого и знатного Князя (a great and glorious duke), одного из державших золотые секиры, со свитой и разными сортами медов, чтобы весело попить с Посланником. Некоторые из Англичан пировали, покуда Князь со своей свитой не ушел навеселе, хорошо награжденный (подарком) в тридцать аршин (ярдов) золотой парчи и двумя кубками на ножках.

Во второй раз Посланник был принят так же, как и в первый. После отпуска, так как был Великий Пост, к нему на дом прислан был обед в триста различных кушаний, из рыб, таких странных, огромных и вкусных, что если описать их, то трудно бы поверить.

При отъезде своем Посланник был провожаем за город на расстояние мили с одинаковыми почестями, как при встрече. Потом, выйдя из Царских саней, он сел в свою карету, привязанную на полозья; другие сели в свои сани, и совершили легкий и приятный переезд.

Перевод Ю. В. Толстого

КЛАРЕНДОН ЭДУАРД ХАЙД

18 февраля 1609 — 09 декабря 1674 гг.

Жизнь

Закончил Оксфорд. Занимался юридической практикой.

В 1640 г. стал членом «Долгого парламента», в котором являлся одним из лидеров роялистской партии.

В 1642 г., с началом гражданской войны в Англии, примкнул к королю Карлу I. Участвовал в битвах. Был назначен членом Оксфордского королевского совета.

В 1643 г. получил пост канцлера казначейства.

В 1646 г. Кларендон, убедившись в скором разгроме роялистов, вместе с принцем Уэльским (будущим Карлом II) эмигрировал из Англии.

В эмиграции Кларендон убеждал правительства Франции и Испании организовать интервенцию против революционной Англии.

После реставрации в 1660 г. Стюартов, которую он рассматривал как триумф своей политики, Кларендон стал первым министром (лорд-канцлером) Карла II.

В 1661 г. он получил титул графа.

В 1667 г. Кларендон ушел в отставку, в которую Карл II вынужден был его отправить под давлением широкого недовольства населения политикой правительства (законы против диссентеров, расправа с деятелями революции) и военными неудачами Англии в войне с Голландией. Также сказалось и его несогласие с прокатолической политикой Карла II. Вслед за отставкой парламент возбудил против Кларендона обвинение в государственной измене. Граф вынужден был, по приказанию короля, покинуть Англию.

В эмиграции Кларендон закончил свой труд — «История мятежа и гражданской войны в Англии», — начатый еще в период первой эмиграции. Умер во Франции.

Судьба

До начала революции в Англии Кларендон примыкал к антироялистской оппозиции. Он считал, что конституция должна быть всегда неизменной частью общества и государства, ее нельзя изменять в угоду политической ситуации в стране. И важный итог существования конституции есть парламент, который вместе с королем и церковью является основным институтом государства и главным гарантом свободы и порядка в обществе.

Поэтому Кларендон смотрел на управление Карла I без парламента и на неограниченную власть его фаворита Страффорда как на нарушение конституционного равновесия в обществе.

Однако казнь Страффорда, признание королем широких полномочий парламента и стремление законодательного органа к расширению своей власти в стране заставили Кларендона перейти к роялистам. Теперь «равновесие» для него было нарушено в ущерб королю. И в конце жизни Кларендон превратился в ярого сторонника короля. Таким он и вошел в историю.

Э.Х. Кларендон

Творчество

Основное сочинение Кларендона — «История мятежа и гражданских войн в Англии» — вышло уже после смерти автора, в 1688 г. Его историческая концепция довольно несложна. Кларендон в самых идиллических красках изображает положение Англии накануне революции. В стране, по его мнению, царил довольство и материальное благополучие, порядок и свобода, которые поддерживались мудрым управлением просвещенного монарха.

Политика Карла I хотя и не лишена была некоторых ошибок, но в общем, по мнению Кларендона, не дала поводов для серьезного недовольства. Причины революции, или, по терминологии Кларендона, «мятежа» против законной власти, автор отказывается понять. Скорее всего, полагает он, дело объясняется тем,

Оливер Кромвель

что кучка злостных интриганов возмутила умы, посеяла неповиновение и смуту, заставив таким образом подданных короля изменить своему священному долгу и присяге. Гражданская война в изображении Кларендона — страшное время. В этот период все законы попирались, порядок исчез, свобода и собственность оказались под угрозой, умами овладели злобные и опасные доктрины, в частности безбожие. Кромвель — это злодей, убийца и тиран. Все окончилось по воле провидения благополучно, как дурной сон: с реставрацией

Карл II, король Великобритании

короля все вернулось на прежнее место, вновь воцарились мир и спокойствие.

Несмотря на упрощенное представление Кларендона об Английской революции, его «История» имела огромное значение в исторической науке, как одно из первых сочинений о важнейшем событии мировой истории, с которого начинается отсчет Нового времени. К тому же представление Кларендона об Английской революции как о «случайном» явлении в истории Англии, которое не имело корней в прошлом и невозможно в будущем, имеет до сих пор крепкие позиции в английской историографии.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРОДОТ.....	7
ФУКИДИД.....	42
КСЕНОФОНТ.....	80
ПОЛИБИЙ.....	104
ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.....	143
ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП.....	182
СТРАБОН.....	201
ТИТ ЛИВИЙ.....	226
ПЛИНИЙ СТАРШИЙ (ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД).....	254
ИОСИФ ФЛАВИЙ.....	277
ПЛУТАРХ.....	316
ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ.....	364
ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛ.....	384
АММИАН МАРЦЕЛЛИН.....	406
КАССИОДОР.....	435
ИОРДАН.....	440
ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ.....	446
ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ.....	474
МИХАИЛ ПСЁЛЛ.....	499
ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН.....	531
РОБЕР ДЕ КЛАРИ.....	554
ЛОРЕНЦО ВАЛЛА.....	570
МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО ДИ БЕРНАРДО.....	575
ТОМАС МОР.....	603

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЗАРИ ДЖОРДЖО	633
ЖАН БОДЕН	647
ФРЭНСИС БЭКОН, БАРОН ВЕРУЛАМСКИЙ, ВИКОНТ СЕНТАЛЬБАН	650
МИЛЬТОН ДЖОН	668
КЛАРЕНДОН ЭДУАРД ХАЙД	694

Авторы проекта Е.Б.Черняк, Б.А.Тормасов

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ

Оформление С. Морозов

Научные консультанты Ф.Мамай, М.Стеланов

Художественный редактор А.Томчинская

Технический редактор М.Столярова

Корректор Л.Гордеева

Компьютерная верстка А.Сливко-Кольчик

Издательская лицензия 070512 от 09.06.97

Подписано в печать 29.08.97. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать офсет. Усл.п.л. 44. Тираж 5000. Заказ 2077

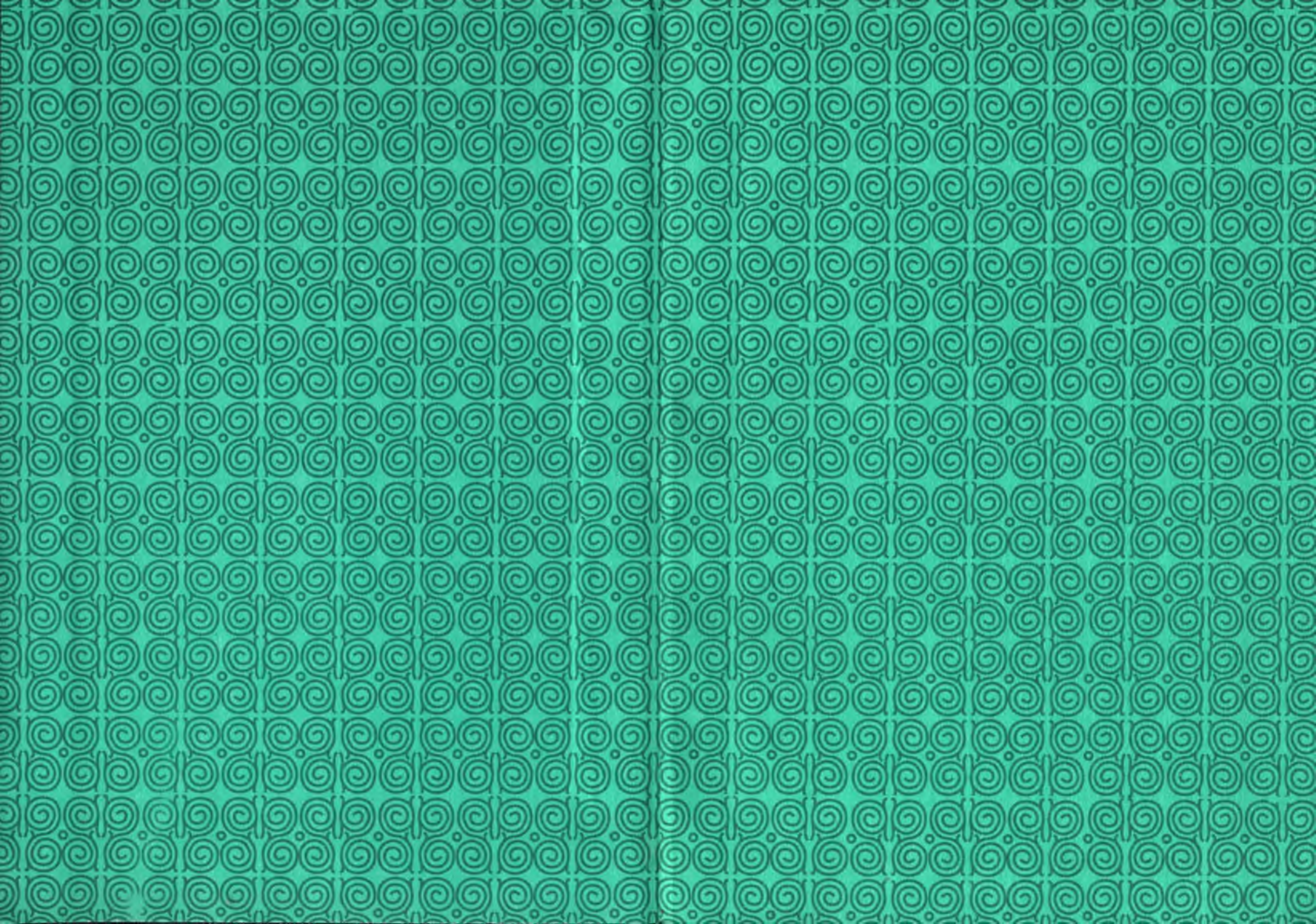
Издательство «Остожье». 107005, Москва. Бауманская ул. д.50/12

При участии ГП ИПФ «Ставрополье»

Государственное предприятие издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополье».

355012. Ставрополь, ул. Спартак. 8

OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

С 8 48

40 И

* 2 6 3 1 *

79,00

И
0,